W
12
.3-6
2

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 3.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAY 5 1904

СОДЕРЖАНІЕ.

О сассанидскихъ блюдахъ. Я. И. Смирнова. . . . . 195—202.
Поѣздка въ село Квасниковку. Ф. В. Духовникова. . . . 203—208.
Киргизскій батырь Джанходжа Нурмухаммедовъ. И. В. Аничкова. . . . . 209—237.
Хроника. Татары Тамбовской губ. по даннымъ 1893 года. 238—239.
Матеріалы. Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ. И. В. Аничкова . . . . . 240—255.
Библіографія. Матеріалы для археологіи В. Россіи, А. А. Спицына. 1893. И. Н. Смирнова 256—262.
Приложенія I. Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. Рѣчи Н. А. Ѳирсова, В. Н. Витевскаго и Н. Н. Ѳирсова . . . . . 1—50.
II. Отчетъ и составъ Общества за 1893 годъ. . . . . 51—63.
III. Черемисско-русскій словарь В. Ц. Троицкаго. . . . . 85—87.

KAZAN. UNIV. OB-VO ARKHEO — ISTORII I ETNOGRAFII, IZVESTIIA

КАЗАНЬ.
Типо-литографіи Императорскаго Университета.
1894.

Вышелъ 1 ноября.

5[illegible]
1893-2

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

О сассанидскихъ блюдахъ. Я. И. Смирнова. . . . . 195—202.

Поѣздка въ село Квасниковку. Ф. В. Духовникова. . . . 203—208.

Киргизскій батырь Джанходжа Нурмухаммедовъ. И. В. Аничкова. . . . . 209—237.

Хроника. Татары Тамбовской губ. по даннымъ 1893 года. 238—239.

Матеріалы. Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ. И. В. Аничкова. . . . . 240—255.

Библіографія. Матеріалы для археологіи В. Россіи, А. А. Спицына. 1893. И. Н. Смирнова 256—262

Приложенія I. Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. Рѣчи Н. А. Оирсова, В. П. Витевскаго и П. П. Ѳирсова. . . . . 1—50.

II. Отчетъ и составъ Общества за 1893 годъ. . . . . 51—63.

III. Черемисско-русскій словарь В. П. Троицкаго. . . . . 85—87.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

О сассанидскихъ блюдахъ. Я. И. Смирнова. . . . . 195—202.
Поѣздка въ село Квасниковку. Ф. В. Духовникова. . . . 203—208.
Киргизскій батырь Джанходжа Нурмухаммедовъ. И. В. Аничкова. . . . . 209—237.
Хроника. Татары Тамбовской губ. по даннымъ 1893 года. 238 -239.
Матеріалы. Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ. И. В. Аничкова. . . . . 240—255.
Библіографія. Матеріалы для археологіи В. Россіи, А. А. Спицына. 1893. И. Н. Смирнова256—262
Приложенія I. Двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. Рѣчи Н. А. Оирсова, В. П. Витевскаго и П. П. Ѳирсова . . . . . 1—50.
II. Отчетъ и составъ Общества за 1893 годъ. . . . . 51—63.
III. Черемисско-русскій словарь В. П. Троицкаго. . . . . 85—87.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

О САССАНИДСКИХЪ БЛЮДАХЪ.

Прошлый 1893 годъ былъ особенно богатъ поступленіями въ Императорскую Археологическую Коммиссію древнихъ серебряныхъ сосудовъ, постоянно находимыхъ въ Сѣверовосточной Россіи.

Мѣстная администрація доставила вещи двухъ случайныхъ находокъ: изъ нихъ главная сдѣлана была въ концѣ Іюля Ник. Вахр. Бузмаковымъ, крестьяниномъ починки при р. Томызъ, Афанасьевской волости, Глазовскаго уѣзда: кладъ состоялъ изъ 5 блюдъ, четырехъ чашъ, поломанной чашки и 6 шейныхъ обручей и вѣсилъ болѣе 16 фунтовъ [1]). Другой кладъ, блюдо и сосудъ продолговатой формы, найденъ былъ въ половинѣ Августа близь дер. Кулагышъ, Асовской волости, Кунгурскаго уѣзда крестьянкой М. Ст. Гордѣевой.

Кромѣ того два блюда пожертвованы въ Императорскій Эрмитажъ Соликамскимъ купцомъ Григ. Макс. Касаткинымъ и сыномъ его Ник. Григ.; одно изъ нихъ найдено было въ Маѣ 1893 же года въ дер. Керчевой, Шакшерской волости, Чердынскаго уѣзда, а другое нѣсколько лѣтъ тому назадъ близь села Половодова, Соликамскаго уѣзда.

Такимъ образомъ прошлый годъ увеличилъ и безъ того богатѣйшее собраніе произведеній Сассанидской торевтики Импе-

[1]) См. о немъ замѣтку А. Спицына въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1893.

раторскаго Эрмитажа еще семью блюдами и шестью сосудами иныхъ формъ.

Изъ всего числа этого лишь одно блюдо—западной работы, всѣ же остальныя вещи происходятъ съ Востока, изъ Сассанидской Персіи, и такимъ образомъ явно обнаруживаютъ ту главенствующую роль Востока въ древней торговлѣ сѣверовосточной Россіи, которая обнаруживается и прочими находками въ этихъ областяхъ какъ вещей, такъ особенно монетъ.

Массивное блюдо греческой работы изъ Томызскаго клада отличается отъ персидскихъ уже одною своей формой: вогнутость его гораздо менѣе, чѣмъ персидскихъ—при діаметрѣ въ 0,26 лишь въ 0,025. Вся орнаментація ограничивается небольшимъ кружкомъ въ центрѣ (ок. 0,05 въ діаметрѣ), образуемымъ простымъ плетеніемъ, причемъ частямъ фона между лентами плетенія при помощи нарубокъ по краямъ приданъ характеръ листьевъ. Судя по сходству орнамента этого съ нѣкоторыми орнаментами византійскихъ рукописей [1]) и по аналогіи съ другими серебряными блюдами греческой работы, найденными по обѣ стороны сѣвернаго Урала, можно полагать, что и Томызское греческое блюдо принадлежитъ вѣку V—VI по Р. Х. Находящіяся на нижней сторонѣ блюда четыре греческихъ клейма по неясности ихъ пока не прочтены, но общій характеръ ихъ тотъ-же, что̀ и клеймъ на иныхъ ранѣе найденныхъ блюдахъ греческой работы [2]).

Блюда восточной работы отчасти обнаруживаютъ близкое сходство съ нѣкоторыми изъ найденныхъ ранѣе, но отчасти представляютъ то въ композиціи, то въ содержаніи изображеній новыя и потому особенно интересныя черты.

Одно блюдо Томызскаго клада (діам. 0,25) ближайшимъ образомъ сходно съ найденнымъ еще въ прошломъ вѣкѣ блюдомъ Строгановскаго собранія въ Петербургѣ [3]): центръ обоихъ

[1]) Именно извѣстной Вѣнской рукописи Діоскорида ок. 500 г. по Р. Х.

[2]) См. Отчеты Имп. Археологич. Комм. за 1867 годъ, стр. 52 и 211; за 1878 стр. 148, 157 и 158.

[3]) См. Köhler's Gesammelte Schriften, т. VI, табл. 6.

блюдъ запятъ изображеніемъ лежащаго горнаго козла, столь любимаго въ искусствѣ передней Азіи: сходны и позы животныхъ, сходны и характерныя для Сассанидской орнаментики широкіе листья или луковицы, выростающіе изъ бордюра и заполняющіе фонъ. Разница лишь въ томъ, что горный козелъ Строгановскаго блюда изображенъ лежащимъ на скалѣ, на Томызскомъ-же скалу замѣняютъ растительные разводы; а кромѣ того на шеѣ—козла ошейникъ съ откинутыми назадъ лентами: повязка эта и отсутствіе скалъ указываютъ, повидимому, что этотъ горный козелъ—не дикій, быть можетъ, даже ручной или, по крайней мѣрѣ, принадлежащій царскому охотничьему парку („парадизу", „звѣринцу").

По величинѣ (діам. 0,27), стилю плоскаго рельефа и отчасти по содержанію къ Томызскому блюду подходитъ найденное у села Половодова: центръ этого блюда занимаетъ изображеніе льва, стоящаго на повергнутомъ молодомъ оленѣ и намѣревающагося перегрызть ему горло, задравъ правою переднею лапой голову его вверхъ. Рисунокъ животныхъ, изображенныхъ сбоку (только морда льва повернута въ три четверти), хотя и не свободенъ отъ многихъ условностей и представляетъ борьбу не съ достаточной живостью, но прекрасно передаетъ характерныя черты обоихъ животныхъ, какъ и прочіе памятники персидскаго искусства эпохи Ахеменидовъ и Сассанидовъ. Фонъ между фигурами и каймою круга заполненъ побѣгами обычныхъ въ Сассанидскомъ орнаментѣ широколиственныхъ растеній.

Блюдо, слегка поломанное, найденное у дер Керчевой (діам. 0,28) содержаніемъ изображенія, занимающаго всю вогнутую поверхность, входитъ въ самую обширную группу Сассанидскихъ блюдъ съ изображеніями царскихъ охотъ. Но это пожертвованное Гр. М. Касаткинымъ и долженствующее украсить Эрмитажное собраніе блюдо отличается оригинальностью композиціи отъ большинства блюдъ съ изображеніями того же содержанія, въ которыхъ цари являются въ довольно однообразныхъ и торжественныхъ позахъ.

На этомъ же блюдѣ царь изображенъ не спокойнымъ истребителемъ выгнанныхъ на него загонщиками дикихъ львовъ и кабановъ или робкихъ антилопъ и оленей, а въ опасный моментъ, когда ему пришлось выказать всю свою силу и ловкость.

Поэтому и композиція этого изображенія живѣй и смѣлѣй, чѣмъ на прочихъ блюдахъ. Изъ тростниковъ выскакиваютъ два громадныхъ кабана; одинъ бросается со своими страшными клыками подъ брюхо царскаго коня, который поднимается на дыбы; царь, чтобы не скатиться съ него, охватилъ лѣвой рукою его шею, поджалъ правую ногу, уберегая ее отъ кабаньихъ клыковъ, и правой рукой успѣваетъ выхватить мечъ и поражаетъ имъ кабана въ лѣвую лопатку, очевидно, направляя ударъ прямо въ сердце. Въ этой композиціи особенно оригинальны конь, вставшій на дыбы, и поворотъ головы царя въ профиль. Оригинальный головной уборъ царя въ видѣ круглой шапки съ двумя золотыми бараньими рогами по сторонамъ напоминаетъ ту золотую баранью осыпанную камнями голову, которую носилъ вмѣсто шлема царь Сапоръ [1]).

Но при всей оригинальности композиціи этого блюда изображенія кабановъ на немъ гораздо ниже изображеній тѣхъ же животныхъ на иныхъ блюдахъ; техника довольно высокаго мѣстами рельефа ничего новаго не представляетъ. На нижней сторонѣ блюда вырѣзана пехлевійская не разобранная еще надпись, начинающаяся тамгою.

Болѣе оригинальны и интересны по содержанію изображеній два другія блюда. Всю вогнутость одного блюда Томызскаго клада (діам. 0,22) занимаетъ изображеніе въ весьма плоскомъ рельефѣ женщины въ длинной одеждѣ, играющей на какой то трубѣ или флейтѣ, сидя на крылатомъ чудовищѣ. Стиль всего изображенія, орнаментація бордюра [2]) и типъ женщины не оставляютъ сомнѣнія въ Сассанидскомъ происхожденіи

[1]) Въ 359 году. См. Амміана Марцеллина. XIX, 1, 3.

[2]) См. такую же въ Отчетѣ Арх. Комм. за 1878 годъ, стр. 155.

и этого блюда, хотя подобнаго изображенія на другихъ Сассанидскихъ памятникахъ указать мы не можемъ. Лишь довольно отдаленныя аналогіи можно замѣтить между этимъ изображеніемъ флейтщицы на крылатомъ чудовищѣ и крылатымъ геніемъ-гитаристомъ на львѣ одного Эрмитажнаго ковша [1]) и между рогатымъ и крылатымъ чудовищемъ этого блюда и звѣремъ, на котораго опирается нагая богиня блюда Парижской Національной Библіотеки [2]) съ другой стороны. Еще болѣе близкое по содержанію изображеніе женщины, играющей на гитарѣ, сидя на безкрыломъ правда чудовищномъ звѣрѣ, находимъ мы среди древнѣйшихъ памятниковъ Пенджаба [3]). Наколотая на обратной сторонѣ блюда пехлевійская надпись, пока неразобранная, объясненію изображенія не поможетъ, такъ какъ она заключаетъ, вѣроятно, имя владѣльца, а потому истолкованіе этого изображенія принадлежитъ знатокамъ персидской миѳологіи.

Персидскимъ эпосомъ объяснится, быть можетъ, изображенная на вогнутой поверхности блюда, (діам. 0,22) найденнаго у дер. Кулагышъ, схватка двухъ усатыхъ бойцовъ въ панцырныхъ чешуйчатыхъ кафтанахъ и въ оригинальныхъ головныхъ уборахъ, защищающихъ голову, шею и плечи, съ тремя узкими ушами, находящими себѣ лишь отдаленное подобіе въ головномъ уборѣ одного Сассанида [4]), якобы Бахрама V (417—438).

Это исполненное обыкновеннымъ плоскимъ рельефомъ изображеніе едва ли представляетъ сцену изъ какой либо битвы Персовъ съ непріятелями, такъ какъ одѣяніе, столь оригинальное, обоихъ противниковъ совершенно одинаково. Думать объ изображеніи усобицы нельзя, такъ что остается выбирать между борьбою потѣшныхъ бойцовъ или богатырей. Крайняя ожесточен-

[1]) См. Отчетъ Арх. Комм. за 1881 годъ, табл. II, рис. 10.

[2]) См. Русскія Древности, изд. гр. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. III, рис. 85.

[3]) См. Albert Grünwedel. Buddhistische Kunst in Indien, рис. 32.

[4]) См. Kiash. Ancient Persian Sculptures, pl. XLVI.

ность схватки напоминаетъ описанія богатырскихъ схватокъ въ нашихъ былинахъ: между бойцами на землѣ валяются брошенные небольшіе круглые щиты, притупленные топоры и сломанные пополамъ мечи и палицы. Борьба продолжается уже не ровнымъ оружіемъ: одинъ (лѣвый) боецъ пускаетъ изъ лука стрѣлу въ грудь противника, куда онъ уже вонзилъ ранѣе двѣ стрѣлы, но самъ проткнутъ насквозь его копьемъ. Является недоумѣніе, почему онъ не воспользовался своимъ лукомъ своевременно, издали, а пустилъ его въ дѣло на такомъ близкомъ разстояніи, что его могло досягнуть вражеское копье.

Два остальныхъ блюда лишены фигурныхъ изображеній: одно блюдо Томызскаго клада (діам. 0,21) имѣетъ только въ центрѣ золоченую розетку о восьми лепесткахъ, выбитую съ обратной стороны; богаче орнаментировано другое маленькое блюдо (діам. 0,16) того же клада. Растительные, повидимому виноградные, разводы на стѣнкахъ блюда назначены собственно для разсматриванія снаружи (т. е. съ нижней стороны блюда), но при тонкости стѣнокъ украшаютъ одновременно, хотя и обратнымъ, вогнутымъ рисункомъ и внутренность блюда. Въ тѣхъ же, вѣроятно, видахъ обычное заполненіе фона орнаментовъ рядами кружковъ замѣнено здѣсь выбитыми углубленными точками, которыя ясно проступаютъ и на фонѣ орнаментовъ внутренней стороны.

Къ блюдамъ по назначенію близокъ сосудъ изъ дер. Кулагыша оригинальной формы (вѣсомъ 30 зол.) какъ-бы раскрытой и растянутой въ одномъ направленіи цвѣточной чашечки. Давно извѣстенъ уже сосудъ такой же формы Строгановскаго собранія [1]), который богатствомъ фигурныхъ украшеній лишаетъ вновь найденный сосудъ почти всякаго значенія: единственное украшеніе его—рельефное изображеніе рыбы, припаянное нѣкогда внутри на днѣ, отломано и утеряно, равно какъ и ножка; только по формѣ припайки угадывается эта фигурка, указывающая, быть можетъ, на назначеніе блюдъ такой формы.

[1]) См. Köhler's Gesammelte Schriften, т. VI, табл. 7.

Остальные сосуды всѣ одинаковаго назначенія, но по формамъ представляютъ три типа, которые всѣ можно называть чарками или чашками: это сосуды для питья, очевидно, вина, на ножкѣ съ одною ручкой, которая у всѣхъ одинаковаго устройства: съ однимъ круглымъ отверстіемъ для продѣванія указательнаго пальца, съ выступами, препятствующими вращенію ручки около него, и съ горизонтальною треугольной плоскостью сверху для большого пальца. Тождество работы всѣхъ этихъ чашъ указываетъ на принадлежность всѣхъ ихъ одному періоду, а рельефное изображеніе на ручкѣ одной изъ нихъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мѣстомъ изготовленія ихъ была Персія временъ Сассанидовъ.

Наибольшая чара (выс. 0,9, верхній діам. 0,12) украшена по верхней разложистой части, вродѣ широкаго горлышка, весьма удобнаго для питья, повторяющимися восемь разъ характерными завитками, а по широкому выпуклому брюшку разводами растительнаго орнамента, выходящаго изъ четырехъ стеблей и сросшагося въ неразрывную сѣть повторяющихся разводовъ, фонъ между которыми заполненъ обычными въ произведеніяхъ Сассанидской торевтики рядями кружковъ, набитыхъ однимъ пунсономъ. На плоской части ручки находится рельефное изображеніе бородатаго Перса въ серьгахъ, пьющаго, закинувъ назадъ голову, изъ плоскаго блюда, подобнаго вышеописаннымъ, и держащаго на лѣвомъ плечѣ, повидимому, винный мѣхъ. Типъ лица и стиль изображенія явно указываютъ на время Сассанидовъ, но отсутствіе всякаго головнаго убора на пышно завитыхъ длинныхъ волосахъ, а также значительное опьяненіе, не позволяютъ считать головы этой за царскую.

Меньшая чарка Томызскаго клада формою (выс. 0,06, діам. 0,08) сходна съ чаркою средневѣковаго отдѣленія Эрмитажа [1]), но стѣнки украшены лишь въ верхней половинѣ узкимъ поясомъ съ изображеніемъ характернаго широколиственнаго растенія, длинные побѣги котораго щиплютъ съ обѣихъ сторонъ павлины.

[1]) См. Отчетъ Археологич. Коммиссіи за 1890 годъ, рис. № 69.

Два остальные сосуда того-же клада составляютъ пару и по величинѣ (выс. 0,06 и 0,05, діам. 0,1) и по оригинальной формѣ: верхній край чашекъ не круглый, а изогнутый, какъ края розетки о шести лепесткахъ, вслѣдствіе чего и стѣнки чашекъ имѣютъ выпуклые съуживающіеся книзу выступы въ верхнемъ поясѣ и подобные же, но повернутые острымъ концемъ шесть выступовъ нижняго пояса. Каждый изъ этихъ выступовъ занятъ у одной чашки однообразными растительными разводами; а у другой на ряду съ орнаментами, и отчасти вмѣстѣ съ ними, изображеніями порхающихъ по большей части птичекъ. Въ одномъ большомъ (верхнемъ) полѣ этой чашки представлена птица, грозно выступающая противъ змѣи, подбирающейся къ ея гнѣзду съ двумя птенцами, а въ одномъ маломъ—нижняго ряда—птица-побѣдительница летитъ, держа змѣю въ клювѣ. Каждое поле обведено особымъ бордюромъ, фонъ заполненъ, какъ на прочихъ чаркахъ, рядами кружковъ; орнаменты и птицы второй чашки позолочены.

Такимъ образомъ, орнаментація этой чашки ближайшее сходство имѣетъ съ однимъ плоскимъ блюдомъ эрмитажнаго собранія, имѣющимъ въ центрѣ богиню съ оленемъ [1]), а кругомъ и по бордюру подобные же растительные разводы съ различными звѣрями и птицами въ нихъ.

Всѣ перечисленныя вещи, разумѣется, по времени и мѣсту изготовленія могутъ принадлежать разнымъ мѣстамъ и разному времени, кромѣ развѣ двухъ послѣднихъ, очевидно, парныхъ чашекъ; по времени всѣ вышеописанныя вещи можно относить въ предѣлы V—VII вѣковъ по Р. Х., такъ какъ никакихъ основаній возводить ихъ ко временамъ болѣе древнимъ (III—IV вв.) не имѣется; совершенно никакихъ основаній не представляется также пока для попытокъ указать мѣсто или время изготовленія этихъ и прочихъ серебряныхъ издѣлій, зашедшихъ въ Пріуралье изъ обширныхъ предѣловъ царства Сассанидовъ, простиравшагося отъ Евфрата до Туркестана.

Я. Смирновъ.

[1]) См. Русскія Древности, изд. гр. Толстымъ и Кондаковымъ, вып. III, рис. 86.

ПОѢЗДКА ВЪ СЕЛО КВАСНИКОВКУ.

Новоузенскій уѣздъ Самар. губ. изобилуетъ древностями. По разсказамъ, въ одной рощѣ, около какого-то села, очень часто находятъ бронзовыя стрѣлы [1]). Въ новоузенскомъ уѣздѣ есть и пещеры, вѣроятно, татарскаго происхожденія.

Но въ особенности много въ этомъ уѣздѣ кургановъ. Ихъ встрѣчаютъ по берегамъ рѣчекъ и рѣкъ, впадающихъ въ Волгу и въ частности въ рѣку Еруслань. Хотя они разсѣяны по всему уѣзду, но все-таки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно замѣтить, что они идутъ непрерывною цѣпью, какъ бы вдоль дороги. На однихъ курганахъ были постройки изъ кирпича и камня, на другихъ каменныя бабы, третьи представляли и представляютъ изъ себя однѣ только насыпи. Старожилы помнятъ, что во многихъ селеніяхъ на дворахъ и улицахъ у домовъ можно было встрѣтить каменныя бабы, привезенныя съ кургановъ, какъ напр. въ Покровской слободѣ, что противъ Саратова и Екатериштатѣ. Въ курганахъ находили золотыя, мѣдныя и желѣзныя вещи, а также деньги. Одна очень богатая старушка [2]) имѣетъ у себя много какихъ-то золотыхъ древнихъ монетъ. По описанію одного лица студента-естествовѣда, видѣвшаго у старушки монеты, онѣ квадратныя; на одной сторонѣ монетъ выпусклыя точки, на другой—у однѣхъ монетъ изображенія или змѣи, или же оленя. У одного торговца въ г. Новоузенскѣ въ 1891 неурожайномъ году находилось въ залогѣ много золотыхъ древнихъ вещей.

---

[1]) Мѣстность эту обѣщались мнѣ указать.

[2]) Фамиліи и мѣстожительства этого лица не помнятъ.

Жителямъ Квасниковки очень знакомы многія части Новоузенскаго уѣзда, даже отдаленныя. Когда они прекратили возку соли, то всѣ силы свои устремили на занятіе земледѣліемъ. Дѣйственныя степи Н. уѣзда, дававшія баснословные урожаи, заставляли квасниковцевъ снимать земли для посѣва хлѣбовъ верстъ за сто, за двѣсти отъ Квасниковки; тамъ они въ курганахъ или другихъ мѣстахъ находили случайно при паханіи золотыя и мѣдныя (вѣроятно, бронзовыя) вещи, и выгодно ихъ сбывали.

Около села Квасниковки тоже есть древности, почти уничтоженныя какъ временемъ, такъ въ особенности человѣкомъ. Если ѣхать изъ Квасниковки къ сѣверу по направленію къ Покровской слободѣ, то замѣтимъ, что мѣстность очень повышается. На этой-то плоской возвышенности, въ саженяхъ двухстахъ отъ Квасниковки и въ саженяхъ восьмидесяти отъ обрывистаго берега Волги, видны съ дороги выпуклости. Первая выпуклость, имѣющая форму четвероугольную, не имѣетъ на своей поверхности ни обломковъ кирпичей, ни мусора; во многихъ мѣстахъ видны свѣжія ямки, образовавшіяся отъ копанія; въ нихъ тоже не видно кирпичей. Пробовалъ я рыть землю, но тоже не дорылся до кирпичей. По словамъ извощика, жителя Квасниковки, тутъ была когда-то каменная постройка, давно разобранная жителями. Въ нѣсколькихъ саженяхъ къ сѣверу замѣтна другая четвероугольная выпуклость, имѣющая на своей поверхности въ нѣсколькихъ мѣстахъ обломки кирпичей и мусора. Въ длину выпуклость 38 шаговъ, въ ширину 28, а въ вышину не болѣе двухъ аршинъ. Это было каменное зданіе, которое давно было разобрано какъ для добычи изъ него кирпича, такъ съ цѣлію отыскать кладъ. Старожилы помнятъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ жители, желая отыскать золотого коня, который по преданію тутъ зарытъ, снова разрывали эту выпуклость, но ничего тамъ не нашли. Въ послѣдніе годы даже обломки кирпичей выкапываются старухами для своихъ нуждъ. Со стороны Волги выпуклость эта имѣетъ продольную выемку, на мѣстѣ которой, по словамъ извощика,

былъ выходъ (входъ), разобранный недавно. Хотя я не могъ найти и разрыть ни одного цѣльнаго кирпича, но, по описанію жителей, зданіе было построено изъ квадратнаго тонкаго кирпича, очень твердаго и хорошо обожженнаго. Находили тамъ синяго и голубаго цвѣта кафели. Одинъ квасниковскій житель увѣрялъ меня, что не все зданіе разрыто, а только часть его, почему думаетъ, что раскопка этой выпуклости будетъ не безполезна.

Въ саженяхъ трехъ, четырехъ отъ этой выпуклости къ востоку на совершенно ровномъ мѣстѣ виднѣются выкопанныя недавно ямки, въ которыхъ тоже находились обломки старинныхъ татарскихъ кирпичей. Очевидно, и тутъ было когда-то зданіе. На мой вопросъ объ этихъ ямкахъ молчаливый хохолъ ничего не отвѣтилъ, но словоохотливый сынъ его объяснилъ причину появленія ямокъ: по повѣрію, существующему въ народѣ, жители Квасниковки, особенно молодые парни во время пасхальной заутрени смотрятъ съ церковной колокольни, не свѣтится ли гдѣ-нибудь въ степи огонекъ, и если увидятъ его, то, стало быть, тамъ будетъ кладъ. Въ нынѣшнюю пасхальную заутреню видѣли нѣсколько мѣстъ, гдѣ свѣтились огоньки, и одно изъ такихъ мѣстъ было только что описанное, почему оно оказалось изрытымъ, но клада тамъ не нашли. Въ этой мѣстности находили прежде много татарскихъ старинныхъ денегъ, за что эту мѣстность называютъ Грошовое, но теперь изрѣдка находятъ тамъ деньги мѣдныя и серебряныя, татарскія деньги находили и находятъ также въ улицѣ села Квасниковки, прилегающей къ обрывистому берегу Волги: вѣтры, раздувая песчаный верхній слой, обнажаютъ деньги. Я хотѣлъ было пріобрѣсть здѣсь монеты и вещи, но ни у кого не оказалось, кромѣ четырехъ монетъ: двухъ серебряныхъ и двухъ мѣдныхъ. [3]) Татарскія мѣдныя деньги, которыя попадаются чаще серебряныхъ, отдаютъ старичку слесарю, который

[3]) Которыя при семъ прилагаются.

изъ нихъ дѣлаетъ, какъ говорили мнѣ, г в о з д и к и, служащіе для починки котловъ. Вообще татарскимъ деньгамъ тутъ не придаютъ никакой цѣны.

Проходя по этой крайней улицѣ, я замѣтилъ на ней въ землѣ обломки и старинныхъ татарскихъ кирпичей, но занесены ли они сюда изъ „Грошоваго"; или представляютъ изъ себя жалкіе остатки бывшихъ когда то на этомъ мѣстѣ каменныхъ построекъ,—на это никто мнѣ не могъ дать отвѣта.

Такимъ образомъ улица, идущая вдоль обрывистаго берега Волги, и Грошовое должны оставить на себѣ вниманіе археолога. Изъ этихъ двухъ мѣстностей только о Грошовомъ положительно можно сказать, что тамъ были каменныя зданія на томъ мѣстѣ, гдѣ замѣтны теперь двѣ выпуклости, пересѣкаемыя овражками, но были ли постройки на ровномъ мѣстѣ, которое находится рядомъ съ выпуклостію и гдѣ теперь при копаніи обнаруживаются кирпичи,—трудно рѣшить.

Я намѣренъ былъ ограничиться осмотромъ Г р о ш о в а г о, но совершенно случайно изъ разговора съ крестьянами узналъ, что у собственнаго названія Г р о ш о в о е есть нарицательное м о г и л а, которымъ называются какъ остатки зданій, такъ и курганы, и тогда оказалось, что, кромѣ Грошоваго, есть и другія древности въ окрестностяхъ Квасниковки.

Въ дачахъ села Квасниковки, Аниськина хутора и слободы Покровской, что противъ Саратова, находится нѣсколько кургановъ, или, по мѣстному выраженію, м о г и л ъ, всѣ они давно уже разрыты мѣстными жителями. Самый большой изъ нихъ, по словамъ однихъ, не превышаетъ сажени, а, по увѣренію другихъ, въ дачахъ Аниськина хутора есть курганы вышиною около двухъ саженъ. Я могъ осмотрѣть только одинъ курганъ, находящійся къ сѣверовостоку отъ Квасниковки, въ саженяхъ 300 отъ нея. Въ діаметрѣ онъ тридцать семь шаговъ; поверхность его почти плоская оттого, что его не разъ разрывали. Надъ окружающею мѣстностью онъ возвышается не болѣе аршина полтора или два. Этотъ курганъ, подобно другимъ курганамъ, окруженъ рвомъ.

Кромѣ кургановъ, въ дачахъ Квасниковки, въ верстахъ двухъ, трехъ отъ нея къ востоку, тамъ, гдѣ была старая Квасниковка, находится городище, котораго я не осмотрѣлъ, такъ какъ осмотра древностей въ Новоузенскомъ уѣздѣ мнѣ не было поручено. Городище это представляетъ изъ себя, по словамъ Квасниковскихъ жителей, груду кирпичей; это остатокъ бывшей здѣсь когда-то мечети, о существованіи которой на этомъ мѣстѣ напоминаютъ только названія рѣчки М е ч е т к и да Сухаго барака (буерака) Мечетки. Въ городищѣ находили татарскія монеты, кувшины и деньги. У того городища когда-то была расположена цѣлая деревня—Старая Квасниковка, жители которой были переселены въ село Квасниковку.

Наконецъ въ Квасниковскомъ займищѣ есть интересное въ археологическомъ отношеніи небольшое озеро К л а д о в о е, названное такъ потому, что, по повѣрію жителей, въ немъ зарыто нѣсколько кладовъ. Говорятъ, въ немъ находили не только русскія деньги (пятаки), но и татарскія. Желая воспользоваться кладами, Квасниковцы хотѣли было спустить изъ озера воду, для чего прорыли изъ него канаву, но озеро оказалось очень глубокимъ, такъ что эта попытка потерпѣла неудачу.

Отъ Квасниковскихъ жителей я узналъ еще о слѣдующихъ городищахъ, находящихся на лѣвомъ берегу Волги:

1) Къ сѣверу отъ Квасниковки, у хутора Аниськина, гдѣ проходитъ полотно Рязанско-Уральской желѣзной дороги. Въ прошломъ году въ этомъ мѣстѣ желѣзнодорожные рабочіе, какъ мнѣ извѣстно, выкопали два татарскіе кувшина, купленные однимъ жителемъ Аниськина хутора.

2) Другое, тоже къ сѣверу, за Аниськинымъ хуторомъ, въ верстахъ восьми отъ Квасниковки.

3) Третье—къ югу отъ Квасниковки, въ верстахъ 12 отъ нея, у села Узморья. На этомъ городищѣ находили монеты и вещи; одну вещь мнѣ хотѣли доставить.

Можетъ быть, есть и еще гдѣ-нибудь на берегу Волги въ окрестностяхъ Квасниковки городища, но крестьяне или

умалчиваютъ объ археологическихъ мѣстностяхъ, или не считаютъ многія мѣстности заслуживающими вниманія въ археологическомъ отношеніи.

Ф. Духовниковъ.

КИРГИЗСКІЙ ГЕРОЙ (БАТЫРЬ)

ДЖАНХОДЖА НУРМУХАММЕДОВЪ.

Очеркъ изъ первыхъ шаговъ русскихъ на Сыръ-Дарьѣ (посвящается Ольгѣ Николаевнѣ Бутаковой, женѣ покойнаго начальника Аральской флотиліи А. И. Бутакова, перваго изслѣдователя Аральскаго моря и р. Сыръ-Дарьи)

I.

Хотя Абуль-Хаиръ, ханъ Малой Орды, еще въ 1730 г. принялъ подданство Россіи, но ко времени утвержденія русскаго владычества на Аральскомъ морѣ и р. Сыръ-Дарьѣ, т. е. когда въ 1847 г. было построено Аральское укрѣпленіе, часть Малой орды, кочевавшая по нижнему теченію Сыра, пескамъ Кара-Кумъ и Малымъ Барсукомъ, считаясь номинально подвластною Россіи, не вошла вполнѣ въ сферу русскаго вліянія, подвергаясь постояннымъ нападеніямъ и завоевательнымъ попыткамъ или со стороны хивинцевъ или кокандцевъ; какъ тѣ, такъ и другія имѣли притязаніе утвердить свое вліяніе надъ кочевавшими по Сыру киргизскими родами, а потому постоянно нападали на нихъ, требуя уплаты со скота-зякета, съ хлѣба-усура, насилуя женщинъ и отбирая дѣвицъ, для своихъ гаремовъ; даже передвиженіе въ 1845—1846 гг. Оренбургской линіи южнѣе и основаніе на р. Иргизѣ-Уральскаго, а на р. Тургаѣ-Оренбургскаго укрѣпленій, не устрашило начальниковъ хивинскихъ и кокандскихъ шаекъ, продолжать

свои насилія надъ киргизами, считавшимися подъ покровительствомъ Россіи. Между тѣмъ караванные пути изъ Ташкента, Бухары и частью изъ Хивы, проходили черезъ Сыръ и Кара-Кумы и оттуда уже выходили на Оренбургъ или Троицкъ, такъ что подобнаго рода безпорядки въ степи, на главномъ торговомъ пути между средне-азіятскими ханствами и Россіей, отражались крайне невыгодно на нашей степной и азіятской торговляхъ: караваны постоянно задерживались на Сырѣ или Куванѣ, подъ предлогомъ уплаты зякета и вовсе не были гарантированы отъ насилій и грабежей со стороны киргизъ, подвластныхъ Хивѣ или Коканду, или же подчиненныхъ мятежному султану средней орды, Кенисарѣ Касимову, присвоившему себѣ около 1840 г. званіе хана всей Алаши, т. е. трехъ ордъ. На самомъ дѣлѣ, если мы посмотримъ на карту того времени и проведемъ линію отъ Уральскаго (г. Иргиза) до Оренбургскаго (г. Тургая) укрѣпленій, то увидимъ, что пространство за этою чертою, ограниченное Аральскимъ моремъ, Сыръ-Дарьею ниже соединенія двухъ его рукавовъ Кара-Узека и Джаманъ-Дарьи, рѣками Тургаемъ и Сары-Су, до конца сороковыхъ годовъ, было фактически свободно отъ какого либо вліянія и находилось среди трехъ владѣній: русскаго, хивинскаго и кокандскаго, а съ востока было открыто для набѣговъ Кенисары Касимова. Русскія укрѣпленія придвинулись уже почти къ пескамъ Кара-Кумъ и Барсукамъ, кокандскія протянулись до соединенія двухъ рукавовъ Сыра, при сліяніи которыхъ находилось укрѣпленіе Косъ-Курганъ, на островѣ Кара-Узякъ, хивинскія укрѣпленія Джанъ-Кала, Ходжа-Ніязъ и другія начали вытягиваться по Кувану и лѣвому берегу Сыра; такимъ образомъ заключенная между ними площадь, занятая кочевьями киргизъ Малой Орды, поколѣніемъ Алимъ съ его родовыми подраздѣленіями: Кара-Гисекъ, Чикты, Тюръ-Кара и Кара-Сакалъ и поколѣніемъ Чумекей, считавшимися въ сферѣ русскаго вліянія, фактически не была еще никѣмъ занята и представляла по этому полный просторъ, для притязаній владѣльцевъ Хивы и Коканда или степныхъ султановъ,

вродѣ Кенисары, стремившихся утвердить свое господство на Сырѣ, чтобы держать въ рукахъ караванные пути, изъ Средней Азіи въ Россію и т. д. Очевидно, что Оренбургское начальство, въ рукахъ котораго сосредоточивалась средне-азіятская политика, вынуждено было обратить вниманіе на такого рода положеніе вещей, въ этой части степей, тѣмъ болѣе, что отъ него прямо страдала наша торговля съ Средней Азіей: кокандцы подвигались все дальше и дальше внизъ по Сыру, имѣя операціоннымъ базисомъ крѣпость Акъ-Мечеть, хивинцы не стѣсняясь собирали зякетъ и усуръ съ киргизъ на Сырѣ, и тѣ и другіе позволяли себѣ даже дѣлать набѣги отдѣльными шайками на киргизъ, въ Кара-Кумахъ и Барсукахъ, и Кенисары Касимовъ, объявивъ себя ханомъ всей Алаши, дѣлалъ поборы въ свою пользу, грабилъ караваны и аулы, непризнававшихъ его власти киргизъ.

Естественное желаніе сдѣлать безопасными торговые пути, обезпечить благосостояніе такъ называемыхъ мирныхъ киргизъ, имѣвшихъ честь считаться подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя, дать почувствовать кокандцамъ и хивинцамъ, поднявшимъ голову послѣ несчастнаго хивинскаго похода графа Перовскаго 1839—1840 гг., что русскіе не потерпятъ пренебреженія къ добрымъ сосѣдскимъ отношеніямъ и хищничества, допускаемаго по азіятскимъ, а не по европейскимъ, международнымъ понятіямъ, наконецъ рыбная ловля на Аральскомъ морѣ, давно уже привлекавшая взоры нашихъ рыбопромышленниковъ,—все это вмѣстѣ взятое вынудило тогдашняго Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса генерала отъ инфантеріи Обручева просить разрѣшенія въ Петербургѣ положить конецъ такому состоянію дѣлъ занятіемъ позиціи на Сырѣ и Аральскомъ морѣ; разрѣшеніе, несмотря на противодѣйствіе государственнаго канцлера графа Нессельроде, было Императоромъ Николаемъ I-мъ дано, при этомъ русскимъ отрядамъ строго было воспрещено переходить на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, считавшійся хивинскимъ, чтобы не навлекать неудовольствія ихъ и не давать повода предпо-

лагать въ занятіи Раима какихъ либо завоевательныхъ попытокъ со стороны Россіи, запрещеніе это впослѣдствіи постоянно подтверждалось, но не всегда могло быть исполняемо, ввиду враждебнаго настроенія хивинцевъ, имѣвшихъ на Куванъ-Дарьѣ крѣпостцу Ходжа-Ніязъ, откуда они постоянно волновали мирныхъ киргизъ по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи; наконецъ 30 іюня 1847 года русскій отрядъ, подъ начальствомъ самого Оренбургскаго военнаго губернатора генералъ отъ инфантеріи Обручева, занялъ на Сыръ-Дарьѣ, въ 60 верстахъ отъ Аральскаго моря, возвышенность, на которой былъ построенъ фортъ Раимъ, впослѣдствіи переименованный въ Аральское укрѣпленіе; Раимъ былъ избранъ вслѣдствіе рекогнисцировочной экспедиціи капитана Шульца въ 1846 г. ввиду своего возвышеннаго положенія и большаго числа, до 6 т. кибитокъ, кочевавшихъ здѣсь киргизъ, а также для защиты караванныхъ путей, изъ Бухары, черезъ Майлибашъ и изъ Хивы, черезъ Аманаткуль и Тасбугутъ, проходившихъ по старой татарской дорогѣ (ногай-джолъ) вдоль берега Аральскаго моря, въ Оренбургскую степь. Занятіе Раима произошло вполнѣ мирнымъ путемъ, всѣ „ордынцы“, кочевавшіе по пути слѣдованія отряда и на Сырѣ, выказывали вполнѣ мирное настроеніе и даже батырь „кешкенечиклинцевъ Джанходжа,“ по словамъ генерала Обручева „несмотря на свою дикость, прибылъ, чтобы „меня привѣтствовать“. Самъ генералъ отъ инфантеріи Обручевъ вскорѣ вернулся въ Оренбургъ, а комендантомъ былъ назначенъ полковникъ Ерофѣевъ, равѣе обратившій вниманіе начальства своею распорядительностью, опытностью и знаніемъ службы въ степныхъ укрѣпленіяхъ и уже отличавшійся въ разныхъ экспедиціяхъ, противъ мятежнаго султана Кенисары Касимова на рѣкѣ Тургаѣ.

Съ этого момента Россія стала твердою ногою на Аральскомъ морѣ и Сырѣ и, придвинувшись ближе къ средне-азіятскимъ владѣніямъ, могла уже имѣть на нихъ большее вліяніе, а впослѣдствіи даже рѣшать ихъ судьбу, часть же малой орды, кочевавшая въ раіонѣ форта, окончательно вошла въ

сферу русскаго вліянія. Заслуга этого важнаго шага вполнѣ принадлежитъ генералу Обручеву, понявшему, что безъ такого рѣшительнаго поступка правители Хивы и Коканда всегда будутъ имѣть возможность нарушать международныя права и волновать киргизъ Оренбургскаго Вѣдомства. Послѣдствія этого движенія русскаго отряда и постройки Раима извѣстны: основаніе Косъ-Аральскаго форта, образованіе въ 1848 г. экспедиціи лейтенанта Бутакова, для обозрѣнія и изслѣдованія Аральскаго моря, на двухъ шкунахъ „Николай и Константинъ", въ которой принималъ между прочимъ участіе въ качествѣ нижняго чина—поэтъ Шевченко, занятіе въ 1850 г. урочища Казалы, для наблюденія за двумя главными переправами черезъ Сыръ-Дарью Кара-Тюбе и Джанъ-Кала, взятіе Косъ-Кургана, штурмъ 28 іюня 1853 года графомъ Перовскимъ Акъ-Мечети, образованіе фортовъ № 1, 2, Перовскаго и Сыръ-Дарьинской линіи, сформированіе Аральской флотиліи и походъ Бутакова и Черняева на судахъ Аральской флотиліи въ Кунградъ, къ устью Аму-Дарьи, организація управленія туземнымъ населеніемъ въ лицѣ особаго русскаго чиновника, поселеніе на Сыръ-Дарьѣ 30 семей Оренбургскихъ казаковъ, какъ первый опытъ русской колонизаціи и другія мѣропріятія,—свидѣтельствовавшія, что русскіе, по словамъ одного стараго мѣстнаго батыря Изетлеу, очевидца и современника всѣхъ этихъ событій, не поступаютъ, какъ киргизы, т. е. возьмутъ, разграбятъ и уйдутъ, а взявъ, не разграбятъ, но и не уйдутъ, дальнѣйшее поступательное движеніе русскихъ войскъ, имѣвшее цѣлью соединеніе Сыръ-Дарьинской и Сибирской линій, завершившееся взятіемъ въ 1864 г. генераломъ Веревкинымъ Туркестана и наконецъ въ 1865 году, въ ночь съ 14 на 15 іюля, генераломъ Черняевымъ Ташкента,—общеизвѣстно и непосредственно отношенія къ предмету настоящаго изслѣдованія не имѣетъ, а потому мы опять обратимся къ 1847 году, т. е. къ моменту занятія русскими Раима.

Утвержденіе русскаго господства на Сырѣ не обошлось однако безъ враждебныхъ дѣйствій, Хива не могла примириться

съ мыслью, что русскіе стали твердою ногою на Раимѣ, а потому ханъ отправилъ скопище около 6 т. подъ начальствомъ султановъ Джангазы Ширгазіева, Илекѣя Касимова и Кушбеги Ходжаніяза, для наказанія подчинившихся окончательно Россіи киргизъ, кочевавшихъ по правому берегу Сыра; комендантъ Раима полковникъ Ерофѣевъ, узнавъ объ этомъ, вынужденъ былъ выйти изъ форта, взять и разрушить 21 августа 1847 года хивинскую крѣпость Джанъ-Калу, на лѣвомъ берегу Сыръ-Дарьи, и разсѣять хивинскія скопища; къ русскому отряду присоединились и киргизы со своимъ батыремъ Джапходжею Нурмухаммедовымъ, который, пока русскій отрядъ стрѣлялъ по Джанъ-Калѣ изъ орудій съ лѣваго берега Сыръ-Дарьи, переплылъ со своимъ киргизскимъ отрядомъ вплавь черезъ рѣку, ворвался въ крѣпость, произвелъ въ ней пожаръ, прогналъ хивинскій отрядъ, преслѣдовалъ со своими джигитами разбитыхъ хивинцевъ и отбилъ захваченный хивинцами у нашихъ киргизъ скотъ, въ количествѣ 3 т. верблюдовъ, 500 лошадей, 2 т. рогатаго скота и 52 т. барановъ; помимо того въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ того же года были разсѣяны хивинскія скопища уже въ количествѣ 8 т. человѣкъ, совершившія набѣгъ, за Сыръ-Дарью, въ Кара-Кумы и дошедшія даже до горы Калмасъ; но своевременно принятыми мѣрами эти скопища, бывшія подъ начальствомъ тѣхъ же султановъ и хивинскихъ бековъ, не были допущены полковникомъ Ерофѣевымъ до р.р. Иргиза и Тургая, куда онѣ имѣли намѣреніе проникнуть, вѣроятно, чтобы отрѣзать немногочисленный Раимскій гарнизонъ отъ фортовъ Оренбургской линіи. Больше со стороны Хивы открытыхъ попытокъ помѣшать утвержденію русскаго господства на Сыръ-Дарьѣ не было сдѣлано. Въ дѣлѣ подъ Джанъ-Калой русскіе встрѣтили въ батырѣ Джапходжѣ вѣрнаго союзника, который послѣ дѣла пожертвовалъ даже на продовольствіе Раимскаго гарнизона изъ своей добычи 100 барановъ. За содѣйствіе въ разбитіи и преслѣдованіи хивинцевъ, батырь получилъ по Высочайшему повелѣнію чинъ есаула, при весьма лестномъ письмѣ отъ военнаго губернатора, въ которомъ онъ

названъ почетнѣйшимъ біемъ, батыремъ и пр., другіе киргизы изъ его приближенныхъ и сородичей за дѣло 21 августа были тоже награждены медалями, халатами и денежными подарками. Очевидно, что въ это время русскимъ удалось привлечь на свою сторону батыря, враждовавшаго съ хивинцами, послѣ убіенія послѣдними его старшаго брата Акмурзы, такъ что хивинскій ханъ писалъ даже въ 1844 году извѣстному Исету Кутебарову письмо, прося доставить ему живымъ или мертвымъ Джанходжу, разграбившаго хивинское укрѣпленіе на Куванъ-Дарьѣ, обѣщая облагодѣтельствовать за это весь Тлеукабакскій родъ, къ которому принадлежалъ Кутебаровъ, содѣйствіе батыря и сочувствіе его русскимъ, можетъ быть, и не было искренно и безкорыстно, но во всякомъ случаѣ въ то время гарнизонъ, весьма немногочисленный, заброшенный въ такую даль и, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами и степями, могъ спокойно выполнить свою миссію, сразу вставъ въ хорошія отношенія съ мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ, въ первые увидѣвшимъ у себя чужеземцевъ, пришедшихъ не съ цѣлью грабежа, а съ наилучшими намѣреніями—водворить, по волѣ своего могущественнаго государя, миръ и спокойствіе въ низовьяхъ древняго Яксарта; батырь, который на Сырѣ и въ Кара-Кумахъ былъ несомнѣнно очень вліятеленъ, принявъ сторону русскихъ, показалъ своимъ сородичамъ и соплеменникамъ примѣръ того, какъ нужно было отнестись къ русскому господству; это то мирное занятіе Сыра и расположеніе къ намъ батыря въ первое время было мнѣ, кажется, очень важно для нашихъ начальныхъ шаговъ въ новомъ краю: гарнизонъ и первые русскіе піонеры могли не опасаться противодѣйствія или враждебныхъ дѣйствій со стороны туземцевъ и сейчасъ же запяться изученіемъ края и всецѣло отдаться своей ближайшей задачѣ—наблюденію за дѣйствіями хивинцевъ и кокандцевъ и охраненію торговыхъ караваповъ отъ разныхъ хищниковъ. Эти добрыя отношенія для начала нашего поступательнаго движенія въ Ср. Азію очень знаменательны и служатъ лучшимъ доказательствомъ умѣнію русскихъ ладить съ

туземцами и заслуживать ихъ уваженіе и симпатіи. Чтобы воспользоваться добрымъ расположеніемъ къ намъ батыря и укрѣпить его дружбу, показавъ всѣмъ туземцамъ, что мы цѣнимъ ихъ преданность, онъ былъ назначенъ начальникомъ, т. е. управляющимъ всѣми киргизами, кочующими по правую сторону Сыръ-Дарьи, въ Кара-Кумахъ и Барсукахъ, какъ это видно изъ слѣдующей выписки изъ письма начальника Аральскаго укрѣпленія (фортъ на Раимѣ) подполковника Матвѣева командиру отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса 1848 года 9-го апрѣля: „я осмѣливаюсь полагать, что возведеніе бія Джанходжи въ званіе правителя здѣшней части орды и вслѣдствіе того назначеніе къ нему двухсотеннаго отряда были бы мѣрами благодѣтельными. Не назначая ему, какъ прочимъ управителямъ, постояннаго мѣста пребыванія, можно бы настаивать черезъ начальника Раимскаго укрѣпленія, на пользу имѣть такое пребываніе при устьѣ рѣчки Казалы (рѣчка Казала вытекаетъ изъ Сыра и впадаетъ въ эту же рѣку, составляя бассеинъ озеръ Табанкуль, Анетей, Тальбугутъ, Раимъ, Джаналакъ до Аманаткуля), что отсюда верстахъ пятидесяти, противъ урочища Кара-Тюбе, выше Джанъ-Калы, верстъ 14, дабы такимъ образомъ наблюдать разомъ двѣ обычныя переправы хивинцевъ на Кара-Тюбе и у Джанъ-Кала, такъ какъ переправясь при послѣдней необходимо переѣзжать черезъ Казалу, именно близъ устья, не далѣе трехъ верстъ оттуда, а между тѣмъ этимъ обезпечить для укрѣпленія болѣе удобныя сѣнокосомъ мѣста, какъ это можно судить, по произведенной съемкѣ“, подписалъ подполковникъ Матвѣевъ. На это послѣдовало предписаніе Оренбургскаго военнаго губернатора отъ 4 мая 1848 года за № 610: „вслѣдствіе тѣхъ свѣдѣній, какія сообщены мнѣ вашимъ высокоблагородіемъ отъ 9-го минувшаго апрѣля о батырѣ Кешкене-Чиклинскаго рода Есаулѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ я предложилъ вмѣстѣ съ симъ Оренбургской пограничной коммисіи назначить его управляющимъ всѣми киргизами, кочующими по правую сторону рѣки Сыръ-Дарьи, въ Каракумѣ и пескахъ Барсукахъ, и вообще въ окрестно-

стяхъ укрѣпленія на Раимѣ, подобно тому и на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ управляетъ сотникъ султанъ Миргайдаръ Темировъ. Джагалбайлинскимъ родомъ и вмѣстѣ съ симъ опредѣлить батырю Джанходжѣ ежегодное содержаніе по двѣсти рублей серебромъ изъ штатныхъ суммъ коммиссіи. Извѣщая о семъ ваше высокоблагородіе, я предписываю выдачу этихъ денегъ, начавъ съ 1-го текущаго мая, производить батырю Джанходжѣ черезъ каждые полгода, изъ суммъ укрѣпленія, съ подлежащими росписками, взамѣнъ того пограничною коммиссіей будетъ высылаемо ко мнѣ тоже количество денегъ, для пріобщенія къ суммѣ, ассигнуемой на содержаніе укрѣпленія". Подлинное подписалъ генералъ отъ инфантеріи Обручевъ. Это было весьма тактично, со стороны военнаго губернатора, такъ какъ такимъ образомъ достигались двѣ цѣли: расположеніе батыря было закрѣплено за русскими и населеніе, привыкшее видѣть въ его лицѣ своего авторитетнаго и вліятельнаго родовича, получало его отъ русскихъ какъ начальника; конечно предполагалось черезъ его вліяніе руководить ордынцами въ желательномъ направленіи. Однимъ словомъ батырь ничего не потерялъ съ приходомъ русскихъ и въ первое время между нимъ и киргизскими родами, кочевавшими здѣсь, съ одной стороны и русскими на Раимѣ съ другой стороны, установились наилучшія отношенія.

II.

Въ дѣлѣ подъ Джанъ-Калой въ 1847 году мы первый разъ встрѣчались съ батыремъ Джанходжею, являющимся съ самаго начала въ роли союзника нашего противъ общаго врага Хивы, мы объ этомъ эпизодѣ потому и упомянули въ самомъ началѣ, чтобы показать, при какихъ обстоятельствахъ пришлось русскимъ познакомиться съ интересующею насъ личностью. Но прежде чѣмъ перейти къ передачѣ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя удалось собрать объ этомъ вліятельномъ киргизѣ, я долженъ объяснить, откуда я ихъ почерпнулъ. Удалось мнѣ

собрать ихъ изъ двухъ источниковъ: первый, это архивъ комендантскаго управленія форта № 1-го, что теперь городъ Казалинскъ, въ которомъ оказались свѣдѣнія, имѣющія отношенія до разныхъ событій, въ которыхъ игралъ роль батырь, хотя отрывочныя, но проливающія нѣкоторый свѣтъ на дѣятельность батыря и его отношенія къ начальству; ими я обязанъ любезности Казалинскаго военнаго начальника подполковника И. М. Иванова, съ полною готовностью разрѣшившаго мнѣ воспользоваться архивомъ, за что я считаю своею пріятною обязанностью принести ему мою глубокую искреннюю признательность; второй источникъ — это устные разсказы, пересказы и воспоминанія изъ жизни батыря, которыя хотя и носятъ подчасъ фантастическій характеръ, но довольно интересно очерчиваютъ личность батыря; почерпнуть мнѣ ихъ удалось отъ стараго батыря Изетлеу Байджанова, сподвижника Джанходжи, ходившаго съ нимъ подъ Сузакъ, принимавшаго участіе въ дѣлѣ 21 августа 1847 года подъ Джанъ-Калой и бывшаго въ числѣ киргизъ, въ составѣ русскаго отряда при взятіи въ 1850 г. кокандскаго укрѣпленія Косъ-Курганъ (нынѣ фортъ № 2) и затѣмъ раненнаго подъ Арыкъ-Балыкомъ въ 1857 году при усмиреніи бунта Джанходжи, въ которомъ онъ принималъ участіе, теперь мирно проживающаго въ своемъ аулѣ на Джанъ-Арыкѣ пика, всегда воткнутая въ землю у его кибитки, служитъ послѣднимъ воспоминаніемъ о былой удалой жизни"; затѣмъ отъ одной изъ женъ Джанходжи, находящейся еще въ—живыхъ и проживающей у Джумабая, сына Бека, близкаго родственника батыря, наконецъ отъ его ближайшихъ родныхъ и сородичей, среди которыхъ сохранилось о немъ много разсказовъ и воспоминаній,—соединенію всѣхъ ихъ въ одно содѣйствовалъ мнѣ джирау [1]) Муса-бай, подъ—отдѣленія Майданъ, сородичъ батыря; немогу еще не упомянуть объ одномъ лицѣ, знавшемъ и видѣвшемъ батыря, это Казалин-

[1]) جراو—пѣвецъ на двухструнномъ инструментѣ въ родѣ балалайки (домбра).

скій купецъ И. И. Ивановъ, мѣстный старожилъ, степнякъ, прекрасно владѣющій киргизскимъ языкомъ, захваченный во время бунта Джанходжи въ плѣнъ, но своевременно освобожденный; отъ него мнѣ тоже удалось кое что почерпнуть. Неудивительно, что мнѣ пришлось наткнуться на интересующую насъ личность батыря,—она до сихъ поръ еще пользуется среди киргизъ на Сырѣ такою извѣстностью, что разсказы о ней приходится слышать постоянно и, едва ли найдется кибитка, въ которой не знаютъ имени этого мѣстнаго героя, умершаго уже около 50 лѣтъ тому назадъ.

Необходимо прежде всего познакомиться нѣсколько съ родословною батыря.

Киргизы, кочующіе на Сырѣ и Куванѣ, а также въ Кара-Кумахъ, принадлежатъ главнымъ образомъ къ двумъ поколѣніямъ малой орды: Алимъ и Чумекей, существуютъ обрывки и другихъ поколѣній, но главная масса принадлежитъ къ вышеназваннымъ двумъ. Батырь былъ изъ поколѣнія Алимъ, отъ котораго пошли роды: кара-гисекъ, чикты, тюртъ-кара и кара-сакалъ; батырь былъ изъ рода чикты (чиклинцы), родословная его слѣдующая: чикты

1. Орусъ, 2. Джапкаимъ 3. Джанглышъ
   Исенали
   Кешкенэ

---

1. Джіенэ, 2. Джульчара, 3. Курманай, 4. Куттукъ, 5. Уйсюнъ, 6. Ассанъ
   Майданъ
   Куль джаманъ
   Кіикбай
   1, Нурумбетъ, 2, Утегень
   Бикбаули
   Кулбараракъ

---

1. Акмурза, 2. Джанхожда, 3. Джаугачаръ 4. Бекъ
   Итчемисъ

Недалеко отъ города Казалинска, верстахъ 15—20, среди озера Кара-Куль находится песчаный бугоръ, на которомъ стоятъ мазарки, по имени Утегень и Нурумбетъ, гдѣ находятся могилы ближайшихъ сородичей батыря, нѣтъ только могилъ: его, такъ какъ она находится въ Кизилъ-Кумахъ, по дорогѣ въ Даукару, недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ убитъ, вблизи Аральскаго моря, Джаугачара, убитаго во время какой то баранты, Акмурзы, брошеннаго хивинцами въ Дарью и Бикбаули, по имени котораго названа вторая станція отъ города, по Орско-Казалинскому почтовому тракту, отравленнаго въ Хивѣ, по приказанію хана [1]); отецъ Нурумбета и Утегеня-Кіикбай, погребенъ въ другомъ мѣстѣ и по его имени зовется довольно большая мѣстность, верстахъ 10—15 отъ города, по дорогѣ въ Кара-Кумы. Всѣ чиклинцы назывались въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени Кешкенэ-Чикты, въ отличіе отъ другихъ чиклинцевъ Джаканмы и Джанглышъ. Сынъ батыря, еще находящійся въ—живыхъ, тоже называемый батыремъ, Итчемисъ, 80-ти лѣтній старикъ, кочуетъ на мѣстности Акгирекъ и въ Кара-Кумахъ, не имѣетъ большаго состоянія, но пользуется большимъ почетомъ среди всѣхъ киргизъ, у него есть потомство отъ нѣсколькихъ женъ; въ память своего отца заплетаетъ въ косичку свою сѣдую бороду. Покончимъ съ родословною и потомствомъ батыря и перейдемъ теперь къ тому, что намъ удалось о немъ узнать.

III.

О томъ, что Джапходжа былъ въ то время, когда былъ занятъ Раимъ самымъ вліятельнымъ лицомъ на Сырѣ и какимъ образомъ русское начальство воспользовалось этимъ, было сказано раньше. Интересно при этомъ отмѣтить, на сколько начальство старалось быть съ нимъ осторожнымъ, такъ напр.

---

[1]) Впрочемъ и его прахъ недавно, кажется, перевезенъ изъ Хивы, къ мазаркамъ его отца и дяди.

когда онъ получилъ чинъ Есаула, то долженъ былъ быть по закону приведенъ къ присягѣ, но изъ возникшей по этому поводу переписки видно, что комендантъ не рѣшался привести въ исполненіе эту церемонію, для чего надо было бы вызывать батыря въ фортъ, боясь этимъ раздражить и задѣть религіозное чувство его, такъ онъ и не былъ приведенъ къ присягѣ и присяжный листъ, не подписанный до сихъ поръ, сохранился въ дѣлахъ бывшаго Раимскаго укрѣпленія. Страннымъ является однако поведеніе батыря, хотя бы въ томъ отношеніи, что онъ не показывался въ фортъ за полученіемъ жалованья, и изъ переписки, возникшей по этому поводу, видно, что разъ только комендантъ выдалъ его сыну Итчемису 100 р., дальнѣйшая же выдача была запрещена изъ Оренбурга, если батырь самъ не пріѣдетъ за деньгами; послѣдній однако въ одномъ своемъ рапортѣ коменданту проситъ его оставить деньги у себя, такъ какъ онъ, благодаря многочисленнымъ жалобамъ и распрямъ между киргизами не имѣетъ времени пріѣхать въ фортъ за деньгами, „пускай же онѣ хранятся пока въ вашихъ рукахъ“; изъ дальнѣйшей переписки видно, что жалованья скопилось около 600 рублей и комендантъ запрашивалъ, какъ ему быть съ деньгами ввиду того, что батырь не пріѣзжаетъ за ними. Какая на это послѣдовала резолюція высшаго начальства, въ Оренбургѣ не удалось найти. Изъ всей переписки по управленію киргизами въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ видно, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ сотникъ Бекмурза Альдѣевъ, родственникъ батыря, управлявшій отъ его имени. Не можетъ быть, чтобы коменданту форта не было объ этомъ извѣстно; объяснить это можно очевидно тѣмъ, что батырь былъ настолько вліятельною личностью, что трогать его и безпокоить не считали удобнымъ, а смотрѣли сквозь пальцы на его странное поведеніе; подтвержденіемъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ: какъ то въ Оренбургѣ стало извѣстно, уже при графѣ Перовскомъ, что хивинскій ханъ посылаетъ на Сыръ, къ кочевымъ біямъ и вліятельнымъ лицамъ, между прочимъ и къ батырю, тайно письма; въ одномъ, обращенномъ къ батырю,

опъ напоминаетъ, что они всѣ—мусульмане, братья, что старыя обиды надо забыть, что мусульмане должны помогать другъ другу противъ невѣрныхъ, что онъ по этому надѣется на батыря, что онъ своимъ вліяніемъ поможетъ ему, хану, выгнать русскихъ изъ Раима и съ Сыра и т. д. Письмо было послано съ какимъ-то киргизомъ Изетлеу и по свѣдѣніямъ дошло до батыря; ввиду этого Оренбургскій генералъ-губернаторъ графъ Перовскій, предписывая коменданту познакомиться съ содержаніемъ письма черезъ лазутчиковъ и о томъ впечатлѣніи, какое оно произвело на настроеніе духа батыря, строго рекомендуетъ при этомъ сдѣлать это тайно, чтобы не навлечь подозрѣнія со стороны батыря, будто русское начальство сомнѣвается въ его преданности; вотъ подлинныя слова графа Перовскаго: „пока слѣдуетъ ласкать и не раздражать батыря, онъ намъ еще нуженъ".

Затѣмъ оффиціальный матеріалъ не даетъ болѣе никакихъ интересныхъ свѣдѣній, проливающихъ свѣтъ на отношенія батыря къ русскому начальству; есть нѣкоторыя указанія, относящіяся къ 1850—1851 гг., что набѣгъ, совершенный кокандцами на урочище Казалу, гдѣ кочевали кешкене-чиклинцы, подъ начальствомъ батыря Бухарбая, при чемъ угнано было 555 верблюдовъ, 934 лошади, 139 коровъ, 20800 барановъ, а увезено имущества всего на сумму 40352 руб., вызвавшій движеніе русскаго отряда, для преслѣдованія хищниковъ, къ Косъ-Кургану въ 1850 г. разгромъ этой крѣпостцы, взятіе въ плѣнъ начальника ея Мурза Раима и нѣсколькихъ кокандцевъ, былъ совершенъ Бухарбаемъ, въ отмщеніе, за убійство, во время набѣга, нашихъ такъ называемыхъ мирныхъ киргизъ, подъ начальствомъ Итчемиса и Джаугачара,—одного родственника названнаго выше Бухарбая батыря Байкадама; къ этому заключенію можно прійти, если сопоставить устные разсказы, повѣствующіе, что Байкадамъ былъ дѣйствительно убитъ батыремъ или его сородичами, съ однимъ очень интереснымъ письмомъ бывшаго начальника крѣпости Акъ-Мечеть впослѣдствіи эмира кашгарскаго, извѣстнаго Якубъ-Бека, къ коменданту Раимскаго

укрѣпленія, по поводу этого набѣга, которое удалось намъ найти въ архивѣ; вотъ переводъ его: письмо кокандскаго бека крѣпости Акъ-Мечеть, препровожденнаго при рапортѣ завѣдывающаго Раимскимъ (Аральскимъ) укрѣпленіемъ Оренбургскому военному губернатору и командиру Отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, отъ 9-го апрѣля 1851 г. за № 979 „начальнику Раимскаго укрѣпленія. Отвѣчаю вамъ на письмо ваше, которое отправили къ правителю города Ташкента и которое вмѣстѣ съ посломъ попалось въ мои руки. Въ письмѣ этомъ вы говорите, что къ батырю Бухарбаю присоединились 10 человѣкъ Акъ-Мечетьскихъ кокандцевъ, съ 400 киргизовъ ограбили киргизовъ чиклинскаго рода, угнавъ при этомъ столько-то скота и увезя столько-то имущества. Сами же вы не постигаете, какъ противозаконны ваши поступки; ибо сперва грѣхъ произошелъ отъ вашихъ же чиклинскихъ киргизъ, которые, пришедъ во владѣніе ваше, разграбили мирныхъ нашихъ киргизъ, угнали скотъ и увезли имущество, убивъ при этомъ батыря Байкадака, извѣстнаго четыремъ владѣніямъ: Русскому, Бухарскому, Кокандскому и Хивинскому, человѣка благопамѣреннаго. Не вытерпя такихъ непріязненныхъ поступковъ, батырь Бухарбай, изъ среды семейства батыря Байкадама, вооружась, отправился къ чиклинцамъ, взялъ ихъ скотъ и имущество и жестоко наказалъ самихъ; вы же, вмѣшавшись во вражду двухъ хищниковъ-киргизовъ, нарушили дружбу кокандскаго хана съ русскимъ господствомъ, заняли крѣпость нашу Косъ-Курганъ, убили нашихъ людей и взяли самого начальника ея Мурзу Раима Алимова въ плѣнъ. Развѣ это несамовольство? но я, не смотря, на не добрые ваши поступки и дѣйствія, не довелъ еще объ этомъ до свѣдѣнія нашего хана и равно вашего государя, опасаясь, чтобы между ними не случилась какая-нибудь вражда, которая еще до сего времени не происходила. Что же касается до этихъ двухъ враждующихъ хищниковъ, которые, убивъ другъ друга, ведутъ между собою грабительства, то мы совершенно къ нимъ не прикосновенны. Не нарушайте правъ двухъ владѣтелей, обдумайте о поступкахъ своихъ,

освободите начальника нашего Мурзу Раима Алимова, напишите съ посломъ обязательное письмо, что вы не будете дѣлать намъ непріятности; въ противномъ случаѣ также не оставьте дать знать о враждѣ своей съ коканцами, о которой я обязанъ довести до свѣдѣнія своего хана и просить отвѣта. Какая же будетъ послѣ того в о л я Всевышняго Бога, увидимъ". 1268 года отъ Гиджры 6-го дня Реби-эль-Ахаръ[1]) начальникъ крѣпости Акъ-Мечеть Якубъ бекъ Мухаммедъ Ляшиновъ, печать приложилъ. Перевелъ переводчикъ Хорунжій Шариповъ, башкирскаго войска. Настоящее письмо доставлено въ фортъ Раимъ киргизомъ Тюртъ каринскаго рода Докэ Кузеровымъ, захваченнымъ въ 40 верстахъ отъ Акъ-Мечети съ письмомъ Раимскаго комендапта къ правителю г. Ташкента и представленнымъ Якубъ-Беку. Письмо получено на Раимѣ 4-го апрѣля 1852 года. Затѣмъ около того же времени, т. е. начала 50-хъ годовъ, есть указаніе на то, что батырь или біи, управлявшіе отъ его имени, притѣсняли киргизъ отдѣленія Джаканмъ, біи которыхъ жаловались на отнятіе у нихъ арыковъ, около озера Камышъ-Лабашъ; чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно, но тянулось оно до 1853 года. Затѣмъ какъ вообще управлялъ батырь ввѣреннымъ ему населеніемъ, какъ и чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства—выяснить не удалось, но въ концѣ концовъ изъ оффиціальныхъ свѣдѣній мы узнаемъ, что въ 1853 году батырь былъ лишенъ званія есаула за неповиновеніе и очевидно не былъ уже начальникомъ киргизъ, которые перешли въ завѣдываніе сначала офицера башкирскаго войска, а за тѣмъ особаго чиновника Оренбургской пограничной коммиссіи. Вѣроятно вліяніемъ и положеніемъ батыря, уже тогда бывшаго въ преклонномъ возрастѣ, злоупотребляли его приближенные и этимъ ставили его въ неловкое положеніе передъ русскимъ начальствомъ, вслѣдствіе чего возникали недоразумѣнія и непріятности, возбудившія въ батырѣ чувства неудовольствія, а можетъ быть и сожалѣнія

[1]) Соотвѣтствуетъ 30 янв. 1852 г. по нов. ст. (Н. Катановъ).

о томъ, что онъ покорился русскимъ и что болѣе не господинъ на Сырѣ. При этомъ надо полагать, что агенты хивинскаго хана, разсылаемые въ киргизскія кочевья по рр. Сыру, Эмбѣ, Илеку, Уралу, Иргизу и Тургаю не дремали и при всякомъ удобномъ случаѣ старались разжечь религіозный фанатизмъ киргизъ, ихъ біевъ и другихъ вліятельныхъ лицъ, чему примѣромъ можетъ служить письмо хана къ батырю, котораго общій смыслъ былъ приведенъ выше. Можетъ быть этимъ отчасти можно объяснить бунтъ батыря въ 1857 году, къ которому мы и перейдемъ, такъ какъ болѣе никакихъ оффиціальныхъ свѣдѣній о батырѣ за періодъ времени отъ 1853 до 1857 не удалось найти. Надо думать, что, впавъ въ немилость начальства, батырь никакой дѣятельной роли не игралъ, тѣмъ болѣе, что за это время была взята Акъ-Мечеть, очищены хивинцами ихъ укрѣпленія на Куванъ-Дарьѣ, образована Сыръ-Дарьинская линія, перенесенъ фортъ изъ Раима, на урочище Казалу,—словомъ русская власть установилась настолько прочно, что болѣе не нуждалась въ такихъ лицахъ, какъ батырь, который при новомъ порядкѣ вещей терялъ вѣроятно почву подъ ногами и не могъ уже быть полезенъ начальству. О такъ называемомъ Джанходжинскомъ бунтѣ мы узнаемъ слѣдующія подробности: между прочимъ въ свѣдѣніяхъ, данныхъ о фортѣ № 1 комендантомъ его предсѣдателю особой коммисіи для обозрѣнія киргизской степи Гирсу въ 1866 году есть краткая записка объ этомъ событіи. Въ то время Аральское укрѣпленіе было уже упразднено и фортъ переведенъ въ 1853 году по распоряженію графа Перовскаго выше по Сыру на урочище Казалу, гдѣ рѣчкою-протокомъ (бугутъ) Казалкою Сыръ соединяется съ нѣсколькими озерами Таманкуль и др. Здѣсь представлялось болѣе удобныхъ мѣстъ для сѣнокошенія и земледѣлія поселеннымъ при фортѣ казакамъ Оренбургскаго войска и гарнизонъ вслѣдствіе этого былъ болѣе обезпеченъ кормами и продовольствіемъ; при устьѣ Казалки еще въ 1850 г. былъ устроенъ казачій форпостъ, для наблю-

денія за главною переправою бухарскихъ и хивинскихъ караванов,—Кара-Тюбе.

О бунтѣ записка говоритъ слѣдующее „въ 1856 году между кочующими туземцами было возмущеніе, въ которомъ былъ участникомъ и возмутителемъ есаулъ Джанходжа Нурмухаммедовъ, который, собравъ довольно значительное скопище приверженцевъ, сначала дѣйствовалъ на своихъ однородцевъ, которые не желали участвовать съ нимъ, дѣлая между ними грабежи и мѣрами этими много присоединилъ къ своему скопищу; потомъ 18 декабря того же года, его приверженцами были захвачены три вооруженныхъ казака Обертышевы, ѣздившіе за сѣномъ. Этимъ случаемъ воспользовались приверженцы Джанходжи, захватили ихъ со всѣмъ скотомъ, увезли и по распоряженію батыря всѣхъ трехъ убили, какъ впослѣдствіи обнаружилось. 24 декабря того же года вскорѣ послѣ захвата поселянъ сдѣлана батыремъ Джанходжею еще попытка нападенія около форта; на команду рабочихъ батырь, посланныхъ за сѣномъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и когда завязалась съ нимъ перестрѣлка, то въ тоже время высланною изъ форта командою мятежники были разбиты; затѣмъ внизъ по Сыру, отъ форта сожжено, какъ казенное, такъ и поселенныхъ казаковъ и частныхъ лицъ сѣна. О всѣхъ этихъ случаяхъ и принятыхъ мѣрахъ было доведено до свѣдѣнія командующаго Сыръ-Дарьинской линіей генералъ-маіора барона Фитингофа, который 3 января 1857 года прибылъ съ отрядомъ изъ форта Перовскій въ фортъ № 1, но, не доходя еще до форта, встрѣтилъ приближавшееся къ форту съ Оренбургскаго тракта значительное скопище батыря Джанходжи, которое шедшимъ отрядомъ подъ командою маіора Булатова и начальника Аральской флотиліи капитана 1-го ранга Бутакова къ форту недопущено; ночью того же числа приверженцы батыря по неудавшейся имъ попыткѣ сдѣлать нападеніе сожгли принадлежащее форту казенное сѣно, заготовленное вверхъ по Сыру, оставшееся еще непривезеннымъ и, наконецъ, 10 января генералъ-маіоръ баронъ Фитингофъ съ отрядомъ, встрѣтивъ скопище

батыря при урочищѣ Арыкъ-Балыкъ, совершенно разбилъ его;— Джанходжа бѣжалъ съ приверженцами, а послѣ этого баронъ Фитингофъ, участвовавшихъ въ скопищѣ мятежнаго есаула наказалъ и съ того времени въ раіонѣ форта № 1-го между киргизами никакихъ возмущеній не было".

Изъ дальнѣйшихъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что бунтъ батыря былъ задуманъ совмѣстно или по крайней мѣрѣ съ вѣдома Хивы и извѣстнаго батыря Оренбургской степи Исета Кутебарова, такъ—послѣ разсѣянія генералъ маіоромъ барономъ Фитингофомъ скопищъ Джанходжи, у бывшей хивинской крѣпости Ходжа-Ніязъ, на Куванъ-Дарьѣ появился отрядъ хивинцевъ въ 250 человѣкъ, удалившійся однако тотчасъ по требованію русскихъ властей, а съ другой стороны ожидалось движеніе Исета Кутебарова въ Барсуки для возмущенія кочевавшихъ тамъ киргизъ. Подъ Арыкъ-Балыкомъ 9—10 января 1857 года скопище батыря состояло изъ 3 т. человѣкъ и бѣлый значекъ во время дѣла онъ держалъ самъ; потери русскихъ были незначительны; отрядъ барона Фитингофа состоялъ изъ 300 человѣкъ казаковъ, 320 человѣкъ пѣхоты, 3 орудій и 3 ракетныхъ станковъ; отрядъ преслѣдовалъ батыря въ Кизилъ-Кумы, почти до колодцевъ „Каска", но онъ успѣлъ бѣжать спачала въ глубь Кизилъ-Кумовъ, къ Букапскимъ горамъ, а оттуда на Даукару, въ хивинскія владѣнія, откуда посылалъ своего сына Итчемиса на свиданіе съ Исетомъ Кутебаровымъ и обращался къ хивинскому хану съ просьбою дать ему хивинскихъ киргизъ, каракалпаковъ и туркменъ, чтобы взять Казалу, но ханъ отказалъ, такъ какъ былъ въ то время занятъ войною съ туркменами и самъ просилъ помощи у батыря Исета Кутебарова, который и далъ ему 900 своихъ киргизъ. Такъ какъ въ дѣлахъ архива кромѣ этихъ свѣдѣній о бунтѣ ничего не удалось найти, то оффиціальнаго объясненія причинъ бунта къ сожалѣнію нельзя имѣть, а потому прійдется искать разъясненія въ циркулирующихъ по этому поводу разсказахъ среди киргизъ и мѣстныхъ старожиловъ.

Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ ба-

тыря удалось встрѣтить только переписку, возникшую по поводу запроса коменданту форта № 1-го, сдѣланнаго въ 1860 году командующимъ Сыръ-Дарьинской линіей генералъ-лейтенантомъ Деау, о пребываніи семьи и одноаульцевъ убитаго батыря, послѣ нападенія на его аулъ отряда полковника султана Илекѣя Касимова; на этомъ запросѣ послѣдовалъ отвѣтъ, что всѣ эти лица кочуютъ на урочищѣ Бекъ-Тау, около Аральскаго моря. Объ обстоятельствахъ смерти батыря оффиціальныхъ данныхъ не оказалось, въ архивѣ. Удалось только узнать, что въ 1859 году, когда фортъ № 1 былъ посѣщенъ тогдашнимъ Оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантомъ Катенинымъ, по случаю пріѣзда котораго была устроена большая байга (скачки), всѣ участники такъ называемаго Джанходжинскаго бунта получили прощеніе; въ томъ же году былъ прощенъ и Исетъ Кутебаровъ, явившійся лично съ покорностью къ генералъ-адъютанту Катенину, на р. Эмбѣ.

IV.

На этомъ всѣ оффиціальные источники о личности батыря, какія удалось собрать, прекращаются, и теперь обратимся къ устнымъ разсказамъ, въ которыхъ надо, конечно, отдѣлить истину отъ обыкновенныхъ и присущихъ имъ прикрасъ и прибавленій. Батырь Джанходжа, одинъ изъ послѣднихъ степныхъ героевъ, пользовавшійся между киргизами малой орды огромнымъ авторитетомъ, ласкаемый и уважаемый русскимъ начальствомъ, бывшій вслѣдствіе этого предметомъ ухаживаній со стороны хивинскаго хана, затѣмъ имѣвшій смѣлость поднять знамя бунта противъ несокрушимыхъ войскъ Бѣлаго Царя, естественно пользуется между своими сородичами и соплеменниками славою слишкомъ, конечно, преувеличенною, а потому нѣкоторые разсказы о немъ носятъ почти фантастическій характеръ; тѣмъ не менѣе изъ нихъ можно вынести извѣстное впечатлѣніе о личности батыря, особенно при сопоставленіи ихъ съ русскими оффиціальными данными.

Джанходжа, сынъ батыря Нурумбета (Нурмухаммедъ), кочевавшаго по Сыру, Кара-Кумамъ, Иргизу и Илеку, родившагося отъ Кіикбая и жены его Тажэ, рода Тама, сестры Исета батыря; имѣлъ матерью женщину изъ племени кара-калпакъ, жившихъ прежде на Яны-Дарьѣ; разсказываютъ, будто еще ребенкомъ въ люлькѣ, онъ обладалъ большою силою, а когда ему минуло 15 лѣтъ, мы узнаемъ, что онъ выказываетъ силу, храбрость и рѣшительность, не свойственную его возрасту. Онъ жестоко наказываетъ правившаго тогда киргизами на Сырѣ батыря Клышбая за то, что братъ его отобралъ у его близкаго родственника Исенбека верблюда и лошадь; Джанходжа вступался за родственника и ударяетъ Клышбая айбалтой (боевой топорикъ на длинной рукояткѣ), такъ что тотъ падаетъ безъ памяти; отецъ Джанходжи, узнавъ объ этомъ, разсердился на него за то, что онъ осмѣлился поднять руку на старшаго, и хотѣлъ его наказать, но самъ батырь Клышбай удержалъ его и приказалъ не трогать Джанходжу, такъ какъ чувствовалъ себя дѣйствительно виновнымъ; съ этого то времени Джанходжа былъ прозванъ батыремъ и всѣ киргизы, признавъ его своимъ главою, должны были ему подчиниться. Этотъ эпизодъ служитъ какъ бы вступленіемъ батыря въ жизнь степнаго героя. Послѣ этого мы узнаемъ, что Джанходжа уже 18-ти лѣтъ вступаетъ въ борьбу, съ жившими въ то время на Яны-Дарьѣ кара-калпаками, нападаетъ на нихъ, убиваетъ ихъ главнаго батыря Тойбэ и разбиваетъ нѣсколько ихъ „калъ“ (городковъ) Джамапбійскій, Урунбійскій и др., мстя за набѣги каракалпаковъ на киргизъ; послѣдствіемъ нападенія Джанходжи на этихъ кара-калпаковъ было будто бы удаленіе ихъ съ Яны-Дарьи въ хивинскія предѣлы, на Даукару. Далѣе мы встрѣчаемъ батыря вмѣстѣ съ султаномъ Кенисарою Касимовымъ, ханомъ киргизъ Средней орды, подъ Сузакомъ; по всей вѣроятности этотъ эпизодъ можно пріурочить къ набѣгу Кенисары на Сузакъ, въ концѣ 30-хъ годовъ, въ отмщеніе за убіеніе отца его Касима хана и братьевъ Сарыджана и Исенгельды; послѣ этого похода Кенисары, устроивъ „асъ“ (по-

минки по отцу), пригласилъ многихъ почетныхъ и родовитыхъ киргизъ Большой, Средней и Малой ордъ, т. е. всей Алаши, и былъ ими „поднятъ ханомъ". Во время этого похода на Сузакъ, батырь ѣздилъ въ г. Туркестанъ, помолиться у могилы Султана Хезрета Ясави, весьма чтимаго киргизами святого [1]), и принималъ „селямъ" отъ кочевавшихъ около Туркестана киргизъ. Джанходжа отправился со многими своими батырями и джигитами въ Сузакъ по просьбѣ Кенисары, который желая наказать Кокандцевъ, прислалъ ему письмо, прося собрать изъ Малой орды помощь; батырь, взявъ изъ алимцевъ и чумекейцевъ 100 батырей и джигитовъ, сколько могъ собрать, пошелъ съ ними къ Сузаку; послѣ его взятія Джанходжа со своими батырями взялъ крѣпость Сауранъ и затѣмъ поѣхалъ въ Хазретъ Туркестанъ, по дорогѣ оттуда онъ принялъ селямъ отъ бія киргизъ рода „Тама"—Курманби; этотъ бій просилъ батыря помочь ему отмстить кокандцамъ за убіеніе его единственнаго сына, такъ какъ у него для этого не хватало силы, батырь помогъ ему, напалъ на кокандцевъ и отмстилъ за смерть бія; послѣ этого онъ простился съ Кенисарой, прося его на прощаніе не обижать простыхъ киргизъ и ихъ не безпокоить, за тѣмъ уѣхалъ назадъ къ себѣ, на Сыръ.—Вѣроятно въ этомъ разсказѣ народная молва желаетъ видѣть борьбу батыря съ кокандцами, грабившими киргизъ, кочевавшихъ по нижнему теченію Сыра.

Но не всегда батырь жилъ въ согласіи и дружбѣ съ киргизами Средней орды; по разсказамъ еще до этого похода при жизни его отца Нурмухаммеда, онъ принялъ участіе въ набѣгѣ на киргизъ родовъ Аргынъ и Кипчакъ; эти два сильные рода Средней орды обижали кочевавшихъ около Джармуллы (г. Иргизъ) киргизъ Малой орды; въ этомъ набѣгѣ Джанходжа по вызову батыря противной стороны вышелъ изъ рядовъ „Алаши", сразился и убилъ нѣсколькихъ соперниковъ,

[1]) Умеръ въ Ясы 1162 года. [П. Катановъ].

противники обратились въ бѣгство, а побѣдители, вернувъ себѣ ограбленный у нихъ скотъ, возвратились въ свои аулы псъ добычей, которую батырь роздалъ старикамъ и бѣднымъ, принявъ за это „пату“ (благословеніе).

Но самымъ смертельнымъ врагомъ батыря стали хивинцы; подчинивъ себѣ киргизъ по лѣвую сторону Сыра, собирали съ нихъ въ пользу хана зякетъ и усуръ, притѣсняли ихъ, насиловали женщинъ и кромѣ того требовали съ каждой кибитки барана-иноходца, назначали сердарей и біевъ и построили нѣсколько крѣпостей. Въ это время самъ батырь лѣтовалъ въ Кара-Кумахъ, зимовалъ на Илекѣ, а на Сырѣ оставался его старшій братъ Акмурза, аулъ котораго кочевалъ на мѣстности Алайгиръ. Киргизы на причиняемыя имъ притѣсненія стали жаловаться батырю. Бывшій въ то время отъ Хивы бекомъ Уваисбай, узнавъ объ этомъ и боясь батыря, просилъ хана Алла-Кули прислать ему помощь, послѣдній прислалъ туркменскаго батыря Аймухаммеда съ другими батырями и войскомъ; какъ только Аймухаммедъ пріѣхалъ, Уваисбай, чтобы устрашить киргизъ и наказать Акмурзу, подговорившаго своихъ сородичей, не платить хану подати и просить помощи у Джанходжи, велѣлъ Акмурзу схватить, умертвить и бросить въ Дарью. Вслѣдъ за этимъ Уваисбай уѣхалъ въ Хиву, а вмѣсто него былъ присланъ бекомъ Бабаджанъ, приказавшій Аймухаммеду строго наказать киргизъ за ослушаніе ханской волѣ, сдѣлать на нихъ набѣгъ, а батыря Джанходжу схватить и убить. Аймухаммедъ со своими батырями и джигитами поѣхалъ разыскивать Джанходжу, они встрѣтились на рѣкѣ Иргизѣ. Джигиты киргизскаго батыря сначала было оробѣли, но онъ, чтобы показать имъ примѣръ, первый бросился на Аймухаммеда, свалилъ его пикой съ лошади и сразилъ, послѣ чего хивинцы бѣжали; батырь ихъ преслѣдовалъ, пріѣхалъ на Сыръ, подпялъ всѣхъ киргизъ и, напавъ на городъ Бабаджана, разгромилъ его, а самого Бабаджана съ сыномъ Карабекомъ убилъ въ отмщеніе за убіеніе Акмурзы. Несмотря однако на все это, хивинцы вернулись на лѣвый берегъ Сыра,

а ханомъ надъ киргизами былъ поставленъ султанъ Джангазы, который, поселившись въ Джанъ-Калѣ, собиралъ съ киргизъ зякетъ, пока не пришли русскіе и вмѣстѣ съ батыремъ не прогнали хивинцевъ на этотъ разъ уже навсегда съ Сыра.

За тѣмъ всѣ разсказы о батырѣ заключаютъ въ себѣ примѣры его безкорыстія и не расположенія къ русскимъ, отъ которыхъ онъ не хотѣлъ даже принимать обычныхъ для почетныхъ киргизъ подарковъ. Народная молва говоритъ, что, хотя батырь и помогъ русскимъ взять Джанъ-Калу, но онъ все-таки не полюбилъ ихъ, не хотѣлъ брать отъ нихъ наградъ и не могъ даже видѣть русскаго. Самымъ характернымъ разсказомъ для этого можетъ служить слѣдующій случай: батырь всегда ѣздилъ въ сопровожденіи одного извѣстнаго въ то время на Сырѣ пира (святоша) Саюкена, ненавидѣвшаго кяфировъ, они гдѣ то наѣхали на слѣдъ отъ колесъ, кромѣ русскихъ на колесахъ въ то время въ степи никто не ѣздилъ; батырь съ пиромъ остановились и пиръ, обратившись къ окружающимъ, сказалъ: кейнъ кейтыпдыръ, орусинъ джолынъ аттамайминъ [1]) (прочь убирайтесь, черезъ русскую дорогу я не поѣду) и только тогда рѣшились съ батыремъ переѣхать черезъ этотъ слѣдъ, когда увидѣли, что колеснаго пути имъ никакъ необъѣхать, и то пиръ велѣлъ завязать себѣ глаза. Что же касается возмущенія, поднятаго батыремъ, то молва говоритъ объ этомъ такъ. Хивинскій ханъ не переставалъ даже послѣ взятія Акъ-Мечети, подстрекать киргизъ противъ русскихъ, для чего присылалъ разнымъ вліятельнымъ на Сырѣ біямъ подарки: ножи, халаты, аргамаковъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону и повліять на ихъ чувство—мусульманъ. Наконецъ ему удалось этого достичь, будто отчасти отъ того, что башкирскіе офицеры, завѣдывавшіе киргизскимъ населеніемъ, вымогали несправедливо съ киргизъ подати, больше чѣмъ слѣдовало, и позволяли себѣ часто соблазнять киргизскихъ дѣвушекъ; къ тому же,

[1]) كين كيتونكدار اوروس جولين آنتامايمن [Н. Катановъ].

какъ то при постройкахъ въ фортѣ № 1, солдаты шутя спихнули трехъ киргизъ въ печь, гдѣ обжигался кирпичъ, киргизы погибли; когда объ этомъ узналъ батырь, не стерпѣло его сердце и онъ сказалъ киргизамъ, что, такъ какъ они всѣ просятъ его подняться противъ русскихъ и прогнать ихъ съ Сыра, то онъ на старости лѣтъ готовъ послужить мусульманамъ и согласенъ поднять знамя противъ невѣрныхъ. По разсказамъ вышло однако, что поднялись не всѣ киргизы, на которыхъ разсчитывали и батыри поплатились за свое безуміе, сражаться съ русскими. Какъ извѣстно батырь былъ разбитъ, подъ нимъ была убита лошадь, но русскія пули немогли пробить его кольчуги и батырь не трогался съ мѣста, пока самъ едва не попался въ руки русскихъ, если бы его приближенные не вывезли изъ боя. Послѣ того батырь бѣжалъ голова его была оцѣнена и онъ долженъ былъ скрываться около береговъ Аральскаго моря въ Кызылахъ, однако здѣсь его убѣжище было открыто и онъ застигнутъ киргизами рода Табынъ, желавшими отмстить ему за убіеніе ихъ батыря Байкадама, при содѣйствіи отряда полковника султана Илекѣя Касимова, управлявшаго чумекейскимъ родомъ и желавшаго очевидно выказать свое усердіе передъ русскимъ начальствомъ. Разсказываютъ, что батырь, услыхавъ уранъ (родовой кличъ) табынцевъ „Тустаганъ", понялъ въ чемъ дѣло и, сказавъ, что теперь пришелъ его конецъ, вышелъ изъ кибитки, совершилъ намазъ и сѣлъ на ближайшій, высокій бугоръ, откуда его хорошо было видно; враги окружили его, но не посмѣли напасть съ оружіемъ въ рукахъ, а стали въ него стрѣлять; пули отскакивали отъ кольчуги, которую онъ всегда носилъ на себѣ, но одна изъ нихъ попала въ горло, оставшееся незащищеннымъ, и батырь упалъ мертвымъ отъ киргизской руки; его аулъ былъ разбитъ, разграбленъ и разсѣялся. Убійцей его считаютъ батыря Табынцевъ Сенла, сына Бухарбая, который еще находится въ—живыхъ, по слухамъ у него до сихъ поръ будто бы хранится кольчуга Джанходжи.

V.

Вотъ все, что удалось узнать и собрать на мѣстѣ о послѣднемъ батырѣ, который, конечно, не въ силахъ былъ ужиться съ новыми порядками, хотя въ началѣ дѣло шло повидимому хорошо и между нимъ и русскимъ начальствомъ установились добрыя отношенія, но въ концѣ концовъ сердце стараго степнаго волка, привыкшаго вволю барантовать и господствовать среди своихъ родичей и считавшаго себя призваннымъ защитить ихъ, не стерпѣло, и онъ на склонѣ лѣтъ рѣшился сразиться со своими прежними соперниками, но поплатился за свою безумную попытку не только положеніемъ, но и головою, очевидно, что Сеилъ со своими табынцами и султаномъ Илекѣемъ только отъ того и могли поднять руку на бывшаго есаула русской службы, что онъ былъ объявленъ мятежникомъ и голова его была оцѣнена, къ сожалѣнію онъ навлекъ на своихъ сородичей суровую кару, они были обложены въ наказаніе значительной контрибуціей и уральскіе казаки, которымъ была поручена экспедиція, отбили и отобрали у нихъ много скота, жестоко наказавъ самихъ. Такого результата едва ли ожидалъ или желалъ батырь!

Мы можемъ смѣло причислить Джанходжу къ другимъ извѣстнымъ киргизскимъ батырямъ и степнымъ героямъ, въ родѣ Кенисары, Исета Кутебарова, Садыка и др., послѣднимъ борцамъ за свободу и самостоятельность тюркскихъ племенъ въ Средней Азіи, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей въ степи и, не смотря на явную несостоятельность своихъ замысловъ, старались при всякой возможности противодѣйствовать русскому владычеству; при этомъ невольно бросается въ глаза, что почти всѣ эти послѣдніе герои среднеазіятскихъ войнъ и возмущеній или киргизы, какъ Кенисары, Джанходжа, Исетъ, Садыкъ, или кипчаки, какъ Мулла Алимкулъ, храбрый защитникъ Ташкента, убитый во главѣ своей конницы, которую повелъ въ аттаку 9-го мая 1865 года въ дѣлѣ при Шоръ-Тюбе, или Абдуррахманъ Автобачи, энергич-

ный противникъ русскихъ въ Ферганской войнѣ 1876 года, а не сарты или таджики; объяснить это мнѣ, кажется, можно съ нѣкоторою вѣроятностью большимъ развитіемъ чувства національнаго у киргизъ, чѣмъ у другихъ народностей Средней Азіи, у которыхъ оно вытравлено мусульманствомъ. При всемъ этомъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что Джанходжа не былъ бѣлой кости (акъ-суюкъ), онъ былъ простой киргизъ, выдѣлившійся своими личными подвигами и всю жизнь положившій на защиту своихъ сородичей и на борьбу съ ихъ врагами: то онъ гонитъ кара-калпаковъ съ Яны-Дарьи, то нападаетъ на аулы киргизъ родовъ Кипчакъ и Аргынъ, то воюетъ съ кокандцами и мститъ жестоко хивинцамъ за насилія, то вступаетъ въ неравную борьбу съ русскими и платится своею жизнью. Насколько онъ пользовался уваженіемъ среди киргизъ, можетъ служить лучшимъ примѣромъ слѣдующій случай, который съ точки зрѣнія киргизскаго „адата" наиболѣе рельефно характеризуетъ его престижъ: какъ то батырь Джанходжа встрѣтился съ султаномъ-правителемъ одной части Малой орды полковникомъ русской службы Джанъ-Арыстаномъ, не взирая на то, что послѣдній былъ султанскаго рода, бѣлой кости (акъ-суюкъ) и имѣлъ такой замѣтный чинъ, онъ, увидя батыря, слѣзъ съ лошади и сдѣлалъ ему „селямъ„ первый. Что касается наружности батыра, то по разсказамъ видѣвшихъ его и знавшихъ, онъ не былъ какъ Исетъ Кутебаровъ большаго роста и внушительной наружности, напротивъ имѣлъ небольшой ростъ, и не отличался видною наружностью; никогда не разставался со своимъ оружіемъ: кинжаломъ, шашкой и айбалтой, которые всегда лежали около него, даже когда сидѣлъ или лежалъ въ кибиткѣ; онъ, говорятъ, всегда строгалъ какую нибудь палочку, какъ будто также строгаетъ своихъ враговъ; былъ онъ молчаливъ и неразговорчивъ.

Побудило насъ заинтересоваться личностью батыря—то обояніе, которымъ до сихъ поръ еще пользуется его имя на Сырѣ, гдѣ приходится часто слышать разсказы или пѣсни про его жизнь и подвиги.

Не хотѣлось бы поэтому, чтобы этотъ эпизодъ, кажется, малоизвѣстный изъ нашихъ первыхъ шаговъ въ Средней Азіи, остался незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что типы такого рода батырей вѣроятно исчезли навсегда и сдѣлались уже достояніемъ исторіи, а намъ кажется, что обязанность всякаго образованнаго человѣка, попадающаго, хотя бы въ такую неприглядную сторону, какъ мѣсто по нижнему теченію Сыръ-Дарьи и по берегамъ Аральскаго моря, не обходить своимъ вниманіемъ даже небольшіе или незначительные историческіе факты, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на наше поступательное движеніе въ Туркестанѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться случаемъ, чтобы повѣдать объ имени мѣстнаго героя, съ вліяніемъ котораго находили нужнымъ считаться такіе представители русскаго государства въ Средней Азіи, какъ Обручевъ и графъ Перовскій, съ которымъ заигрывалъ хивинскій ханъ и который сложилъ свою голову въ борьбѣ за свободу своихъ соплеменниковъ, чѣмъ и заслужилъ, конечно, чтобы его имя не было забыто, а заняло бы свое мѣсто въ исторіи киргизскаго народа, наиболѣе воспріимчиваго изъ всѣхъ мусульманскихъ народовъ къ цивилизаціи и ея плодамъ, а потому достойнаго вниманія всякаго, кто интересуется судьбой народовъ Азіатской Россіи.

Вотъ полная *родословная* киргизскаго героя Джанходжи Нурмухаммедова: отъ Джаильхана произошелъ Калпакъ, отъ Калпака Тюмень, отъ Тюменя Казакъ, отъ Казака трое: Джанарсъ (предокъ киргизъ Малой Орды), Бегарсъ (предокъ киргизъ Средней Орды) и Агарсъ (предокъ киргизъ Большой Орды), отъ Джанарса Урдашъ, отъ Урдаша Монгу, отъ Монгу Сарымурза, отъ Сарымурзы Альчимъ, отъ Альчима Алау, отъ Алау Кудуаръ-Тентикъ, отъ Кудуара-Тентика Тайходжа, отъ Тайходжи Кара-Гисекъ, отъ Кара-Гисека трое: Алимъ, Чумекей и Кеттэ, отъ Алима четверо: Кара-Гисекъ, Джаманакъ-

Чикты, Тюртъ-Кара и Кара-Сакалъ, отъ Джаманакъ-Чикты трое: Орусъ, Джаканмъ и Джанглышъ, отъ Оруса Исенали, отъ Исенали Кешкенэ, отъ Кешкенэ шестеро: Джіенэ, Джульчара, Курманай, Куттукъ, Уйсюпъ и Асанъ, отъ Куттука Майданъ, отъ Майдана Кульджаманъ, отъ Кульджамана Кійкбай, отъ Кійкбая двое: Нурумбетъ и Утегень, отъ Утегеня Бикбаулы и отъ Бикбаулы Кулбаракъ, а отъ Нурумбета произошли четверо: Акмурза, *Джанходжа*, Джаугачаръ и Бекъ и, наконецъ, отъ Джанходжи произошелъ Итчемисъ.

Подробный перечень родовъ и колѣнъ всѣхъ 3 ордъ киргизскаго народа помѣщенъ между прочимъ на стран. 286 сочиненія „Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen, von *Hermann Vámbéry*. Leipzig, 1885“. Что-же касается вышеприведенной родословной нашего батыря, то она составлена исключительно на основаніи устныхъ разсказовъ, записанныхъ нами въ Сыръ-Дарьинской области.

И. Аничковъ.

18 февраля 1894 года.
г. Казалинскъ,
Сыръ-Дарьинской области.

Хроника.

Татары Тамбовской губерніи по даннымъ 1893 года

Въ прекрасной по внѣшности и богатой по содержанію книгѣ профессора Казанской Духовной Академіи Е. А. Малова «Миссіонерство среди мухаммеданъ и крещеныхъ татаръ. Казань, 1892» на стр. 457 и 458 о татарахъ Тамбовской губерніи говорится,—«что къ 17 мая 1866 года крещеныхъ татаръ, по справкамъ Тамбовской Духовной Консисторіи, было 3 человѣка; что по мѣсяцеслову 1863 года татаръ-мухаммеданъ въ той-же губерніи было 11647 человѣкъ; что по исповѣднымъ росписямъ приходской церкви села Ушакова Елатомскаго уѣзда за 1875 годъ въ мухаммеданскомъ селеніи Бастановѣ того-же уѣзда находится 21 человѣкъ крещеныхъ татаръ, и что Тамбовская Духовная Консисторія еще въ 1866 году обѣщалась сообщить Правленію Казанской Духовной Академіи какъ о количествѣ всѣхъ крещеныхъ татаръ Тамбовской губерніи, такъ и о мѣстѣ жительства ихъ», но къ сожалѣнію этихъ сообщеній въ Академію до сихъ поръ не поступало.

Преосвященный Александръ, епископъ Тамбовскій и Шацкій, въ письмѣ отъ 28 сентября сего года на имя секретаря Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи Н. Ѳ. Катанова между прочимъ сообщаетъ о количествѣ татаръ-христіанъ (православныхъ) и татаръ-мухаммеданъ въ Тамбовской губерніи по свѣдѣніямъ къ 1 января 1894 года,—и этимъ самымъ значительно обогащаетъ наши скудныя свѣдѣнія о численности тюрковъ Россійской Имперіи, за что Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи и приноситъ Преосвященному Александру свою искреннюю благодарность.

По выпискѣ, сдѣланной Тамбовской Духовной Консисторіей изъ опубликованныхъ свѣдѣній Тамбовскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1893 годъ, въ Тамбовской губерніи всѣхъ татаръ оказалось 24000 души, изъ которыхъ:

21000 — мухаммеданъ
3000 — христіанъ.

Изъ всего этого числа (24000) приходится на 12 уѣздовъ Тамбовской губерніи:

1) Темниковскій уѣздъ:

муж. пола	3400	6744
жен. —	3344	

2) Елатомскій уѣздъ:

муж. пола	3220	6423
жен. —	3203	

3) Спасскій уѣздъ:

муж. пола	1282	2581
жен. —	1299	

4) Тамбовскій уѣздъ:

муж. пола	575	1115
жен. —	540	

5) Борисоглѣбскій уѣздъ:

муж. пола	215	429
жен. —	214	

6) Остальные 7 уѣздовъ: обоего пола 6708 душъ.

Надо думать, что въ числѣ 3000 татаръ-христіанъ нѣкоторая доля приходится и на татаръ, отпавшихъ отъ православія и снова принявшихъ мухаммеданство.

По календарю на 1894 годъ въ Тамбовской губерніи, заключающей въ себѣ пространства 58511 квадратныхъ верстъ, жителей считается 2609000 человѣкъ обоего пола; слѣдовательно, татары, исповѣдующіе исламъ, въ Тамбовской губерніи составляютъ 0,8% всего населенія.

Редакція.

Матеріалы.

ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ. *)

Батыръ Джанходжа сынъ Нурмухаммеда, батыръ Нурмухаммедъ сынъ ясаула Кійкбая; ясаулъ Кійкбай женился на родной сестрѣ киргиза рода «Тама» Исетъ—батыра, которой имя Тиджи; отъ нея-то и родился Нурмухаммедъ—батыръ, Нурмухаммедъ—батыръ женился на родной сестрѣ Каракалпака Иръ Нуртая, живущаго на Джанга—Дарьѣ, отъ нея родился Батыръ Джанходжа; у Нурмухаммеда были вмѣстѣ съ батыромъ Джанходжей 5 сыновей,—отъ первой жены: Джанходжа, Акмурза, Джаукачаръ и Бекъ, а отъ второй жены: Шуджэ, всего было у Джанходжи пять братьевъ.

Когда Джанходжа—батыръ былъ мальчикомъ, онъ ни съ кѣмъ по-

---

*) Печатаемыя здѣсь 2 интересныя статьи (переводъ и текстъ) о подвигахъ киргизскаго героя Джанходжи (جان خوجه)получены отъ И. В. Аничкова изъ г. Казалинска Сыръ-дарьин. обл. при письмѣ отъ 7 апр. 1894 года. Статья на киргизско-татарскомъ языкѣ записана лицемъ, знавшимъ, какъ можно судить по записи текстовъ, письменный татарскій языкъ; записана она въ Казалинскѣ (قازالى) со словъ неграмотнаго киргизскаго пѣвца Мусабая (جراو موسى باى). Заимствованныя араб. и персид. слова текста измѣнены пѣвцомъ на киргизскій ладъ и въ печати оставлены безъ исправленія. Джанходжа—современникъ султана киргизовъ Большой и Средней Орды Кене—сары (كينه صارى) Касимова, восвавшаго въ 1838—1847 годахъ противъ русскихъ (См. о Кене—сары «Вѣстн. Европы» 1870. №№ 8 и 9, также книгу „Султаны Кенисара и Садыкъ“ біографическіе очерки Е. Т. Смирнова. Ташкентъ 1889). О Джанходжѣ въ печати до сихъ поръ не было ничего; статья, печатаемая объ немъ теперь впервые, записана на мѣстѣ, гдѣ подвизался этотъ герой и гдѣ память объ немъ, какъ о человѣкѣ, стоявшемъ всегда за правду до сихъ поръ сохраняется. Н. Катановъ.

пусту не разговаривалъ и никуда не отлучался изъ своего аула; такимъ образомъ ему исполнилось 15 лѣтъ; въ то время былъ главнымъ начальникомъ надъ киргизами, живущими около Сыръ-Дарьи, Кылышбай—батыръ, у этого батыра была привычка собирать дань: онъ получалъ зекетъ съ купцовъ, пріѣзжавшихъ изъ Бухары, каждый годъ; въ теченіе нѣкотораго времени этотъ Кылышбай собралъ много войска и производилъ нападенія. Однажды батыръ Джанходжа вмѣстѣ съ войсками нанялся вести караванъ. Кылышбай—батыръ наложилъ пошлину на караванъ и собралъ много денегъ со скота и имущества. У Кылышбай—батыра былъ младшій братъ, по имени Куяубай, а въ колѣнѣ Кара—кисекъ былъ человѣкъ, по имени Исенъ—бекъ. Однажды братъ Кылышбая Куяубай отобралъ у близкаго родственника батыря Джанходжи Исенъ-бека верблюда и лошадь и т. д.; этотъ Исенъ-бекъ жаловался 15 лѣтнему батыру Джанходжѣ. Батыръ Джанходжа подошелъ къ батыру Кылышбаю и ударилъ его айбалтой, послѣ удара тотъ упалъ на землю и лежалъ нѣсколько времени безъ памяти; потомъ объ этомъ услыхалъ его отецъ. Нурмухамедъ очень разсердился насвоего сына, приказалъ его поймать и бить, потому что онъ убилъ своего начальника; тогда батыръ Кылышбай, придя въ себя, приказалъ: пусть никто не трогаетъ Джанходжу, потому что я самъ виноватъ!—и такъ было приказано: теперь всѣ киргизы должны подчиняться Джанходжѣ.

Во 2-хъ о Джанходжа—батырѣ надо сказать: въ то время на Джанга-Дарьѣ жили каракалпаки, они тамъ занимались хлѣбопашествомъ, вслѣдствіе чего были они всѣ богаты; устроили тамъ въ разныхъ мѣстахъ города, такъ какъ послѣ этого имъ скучно было, часто пріѣзжали сюда и грабили нашихъ киргизъ, иногда убивали людей безъ причины. Въ это время 18 лѣтній Джанходжа отправился къ каракалпакамъ на Джанга-Дарьѣ и, пріѣхавъ на мѣсто, разбилъ и убилъ главнаго батыря Тайпи, а также осадилъ, взялъ и разрушилъ ихъ Тайпинъ городъ, Джаманбіевъ городъ, Урумбаевъ городъ и взялъ еще нѣсколько городковъ, послѣ чего всѣ каракалпаки, кончивъ свои худыя дѣла, убѣжали (около 150 чел.) къ своему хану въ городъ Ургенчъ.

Въ 3-хъ о Джанходжа—батырѣ разскажемъ слѣдующее: въ то время между нашими киргизами были баранта и грабежъ, изъ Средней Орды пріѣзжали въ количествѣ около 2000 человѣкъ войска Аргинцы и Кипчакцы, и грабили нашихъ киргизъ; однажды ограбленные киргизы пришли къ батыру Нурмухаммеду и разсказали ему, тогда Нурмухаммедъ батыръ увидѣлъ, что киргизы всѣ плачутъ. Нурмухаммедъ батыръ, собравъ всѣхъ своихъ подданныхъ киргизъ, съ своими четырьмя сыновьями отправился ко врагамъ, т. е. Аргинцамъ и Кипчакцамъ, Аргинцы и Кипчакцы, услыхавъ объ этомъ, что идетъ Нурмухаммедъ—батыръ съ своими киргизами, послали свои семейства дальше съ скотомъ, а на мѣстѣ остались только не большой аулъ и немного скота,—и такъ Нурмухаммедъ—батыръ пріѣхалъ съ своими немногочисленными джигитами къ Аргинцамъ и Кипчакцамъ; но онъ боялся нападать на нихъ потому,

что Кипчакскихъ и Аргинскихъ джигитовъ было больше; тогда одинъ изъ Аргинцевъ или Кипчаковъ джигитъ, выступивъ на средину поля битвы, закричалъ: «выходи изъ Алчинцевъ одинъ джигитъ со мною одинъ на одинъ драться», но съ другой стороны къ нему никто не вышелъ; тогда Нурмухаммедъ—батыръ закричалъ: гдѣ мои четыре «спорщика?», во второй разъ закричалъ: „гдѣ мои четыре «батыра?» и въ третій разъ закричалъ: „гдѣ мои четыре «труса?». Тогда Джанходжа, ударивъ свою лошадь нѣсколько разъ, ударилъ пикой этого человѣка, а пика его попала въ горло этого человѣка и на счастіе его этотъ былъ убитъ, послѣ чего Нурмухаммедъ—батыръ закричалъ «жау қашты», т. е. враги убѣжали,—затѣмъ Джанходжа убилъ еще нѣсколько батыровъ; потомъ онъ взялъ обратно ограбленные ими прежній скотъ и другія вещи враговъ, вмѣстѣ со своимъ скотомъ пріѣхалъ домой и роздалъ старикамъ и бѣднымъ, и за это получилъ благодарность.

Въ 4-хъ о Джанходжа—батырѣ скажемъ слѣдующее: въ то время выше насъ жили по берегу Сыръ-Дарьи Коқанцы, у которыхъ были въ разныхъ мѣстахъ города, они грабили иногда киргизъ, призывали нѣкоторыхъ нашихъ киргизъ къ себѣ и убивали ихъ; тогда ханъ Кенесары управлялъ киргизами Большой орды и Средней орды. Ханъ Кенесары самъ не могъ съ Коқанцами воевать, просилъ отъ нашего батыра Джанходжи помощи письмомъ, письмо его было вотъ какое: „прошу Васъ, батыръ Джанходжа, Коқанцы не даютъ нашимъ киргизамъ покоя: грабятъ и убиваютъ; Коқанскіе начальники убили еще Вашего старшаго брата Сарманбія,—поэтому прошу отъ Васъ, если Вы согласны, разрѣшенія и я соберу изъ Большей орды и изъ Средней орды джигитовъ и пріѣду въ городъ Сузақъ, а Вы тоже соберете изъ Малой орды джигитовъ и пріѣзжайте воевать съ Коқанцами въ г. Сузақъ!“ Тогда батыръ Джанходжа собралъ изъ малой орды джигитовъ: т. е. изъ Алимцевъ и изъ Чуменцевъ самыхъ хорошихъ батыровъ 100,—а такихъ безсильныхъ не взяли и оставили въ аулѣ; такъ какъ батыръ Джанходжа взялъ съ собою 6-ти мѣсячное продовольствіе, то они отправились къ городу Суваку съ извѣстными батырами, а именно 1) Туганаемъ, 2) Кыстаубаемъ, 3) Дабылъ—батыромъ, 4) Сатыбалды—батыромъ: 5) Кобджасаромъ, 6) Куки батыромъ, 7) Иракомъ, 8) Джолдасбаемъ, 9) Джоркумбаемъ 10) Дангаемъ, 11) Баджакомъ и 12) Бурамбаемъ, еще много батыровъ (но остальныхъ не помню), Джанходжа батыръ пріѣхалъ въ 1 мѣсяцъ въ Сузақъ, а также Кенесары ханъ пріѣхалъ оттуда со своими джигитами—и напали немедленно на городъ Сузақъ, убили многихъ Коқанскихъ людей и взялъ городъ Сузақъ. Коқанцы убѣжали за Туркестанъ, а остальные были осаждены въ городѣ Сузақѣ и защищались ружейными выстрѣлами и зарываніемъ воротъ; послѣ чего батыръ Джанходжа оставилъ хана Кенесары въ Сузақѣ—и самъ со своими сто батырами уѣхалъ дальше и взялъ еще одинъ городъ, находящійся по ту сторону Сузака и по сю сторону Туркестана и называемый Сауранъ; потомъ поѣхалъ дальше еще къ Хазрети—Султану и тамъ помолился; поѣхалъ еще дальше и тамъ по дорогѣ встрѣтился съ многочисленными войсками Сузакскаго бека и ихъ разбилъ, послѣ того какъ ба-

тыръ Джанходжа вернулся назадъ, то еще на обратномъ пути встрѣтилъ многочисленныхъ киргизъ,—которые съ уваженіемъ дали нашему батыру «саламъ», нашъ батыръ принялъ ихъ «саламъ». Нѣкоторые киргизы сначала нашему батыру разсказали, что они изъ Малой орды, рода «Тама», который съ давнишнихъ временъ живетъ около Туркестана, что ихъ начальникъ Курбанъ—бій, послѣдній пріѣхалъ со своими нѣсколькими (тысячью) киргизами къ батыру Джанходжѣ «закатъ» дѣлить и съ просьбой о томъ, что два Сузакскіе бека, т. е. начальники, убили его хорошаго сына безъ всякой вины, поэтому дескать „прошу отъ васъ на глазахъ со слезами помощи, отомстить за сына у меня не хватаетъ силъ, такъ какъ нѣтъ помощи у меня"; тогда батыръ Джанходжа послушался и поѣхалъ мимо Хазретской горы и пріѣхалъ къ г. Сузаку, черезъ нѣсколько времени оказалось, что Кенесары до сихъ поръ не можетъ взять г. Сузака; тогда батыръ Джанходжа воевалъ съ Коканцами два дня, но никакъ не могъ взять Сузакъ. Однажды онъ съ вышеназванными 12 батырами вечеромъ напалъ на нихъ, тогда Коканцы стрѣляли изъ ружья, но пули и разу не попали въ нихъ, но всетаки были нѣкоторые потомъ ранены, но продолжать войну было темно, они поѣхали обратно къ «косу», до завтра войну отложили, тогда Сузакскіе два бека совѣтовали съ своими нѣсколькими Коканцами убѣжать къ Коканду, „вотъ завтра Джанходжа пріѣдетъ и убьетъ насъ всѣхъ!»; такъ, что они думали было, сдѣлано,—на другой день Джанходжа отправился къ городу, пріѣхалъ въ городъ, но тамъ никого нѣтъ, всѣ они убѣжали; потомъ Джанходжа, гоняясь за ними, убилъ многихъ Коканцевъ и послалъ двухъ бековъ Отунчи и Сучи и, представивши къ Таминскому бію Курману, велѣлъ убить ихъ и отомстить за единственнаго сына, который былъ убитъ. Батыръ Джанходжа взялъ послѣ Сузака еще другіе города и поѣхалъ обратно, но только предъ отъѣздомъ сказалъ Хану Кенесары: „вернитесь теперь, не вмѣшиваясь въ домашнія и общественныя дѣла этого простого народа и въ дѣла хорошихъ людей, оказывающихъ добро всѣмъ находящимся въ войскѣ киргизамъ!; а потому—то мы и убивали дурныхъ начальниковъ, что они чинили насилія, и простой народъ тутъ не при чемъ!» Когда онъ произнесъ это, всѣ сказали: «конечно, такъ» и разъѣхались по домамъ; о мужествѣ—же, благодѣяніяхъ и справедливости его стали толковать и разсказывать между всѣми киргизами и въ странѣ Коканцевъ.

Въ 5-хъ о батырѣ Джанходжѣ разскажемъ слѣдующее: послѣ того Хивинскій ханъ управлялъ здѣсь киргизами, жившими по берегу Сыръ—дарьи; онъ далъ киргизамъ начальниковъ, настроилъ имъ городовъ; но начальники, ежегодно назначавшіеся, тоже не давали нашимъ киргизамъ покоя: собирали со скота зекетъ, а съ хлѣба «усуръ», т. е. съ 10 пудовъ 1 пудъ, кромѣ того изъ каждой кибитки требовалъ одного барана съ иноходцемъ; иногда насиловали дѣвокъ киргизскихъ и молодыхъ женщинъ;—назначили надъ каждымъ родомъ начальника и построили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города,—однимъ словомъ, киргизъ сарты очень обижали. Въ то время Джанходжа—батыръ лѣтомъ кочевалъ по Каракумамъ, а зимовалъ за Иргизомъ, но только его старшій

братъ Акмурза жилъ на Сыръ—дарьѣ. Всѣ киргизы, не терпя такой непріятности отъ сартовъ, поѣхали жаловаться на нихъ батыру Джанходжѣ.

Надъ адѣшними киргизами былъ ханомъ Уваисбай. Уваисбай слыхалъ, что всѣ киргизы жаловались на него батыру Джанходжѣ; онъ испугался и написалъ письмо хивинскому хану Алла—кулу; написалъ письмо, въ которомъ говорилъ: „Прошу васъ послать хорошихъ батыровъ, а не то Джанходжа батыръ послѣ убьетъ всѣхъ и сдѣлаетъ потомъ большія непріятности, потому что передъ нимъ всѣ киргизы трепещутъ, такъ какъ онъ очень храбрый». Надобить его и его подданныхъ киргизъ. Тогда Джанходжа взялъ съ собой нѣсколько джигитовъ и поѣхалъ на встрѣчу Аймухаммедъ—батыру; они встрѣтились около Иргиза; Джанходжинскіе джигиты увидали Аймухаммедъ-батырада хивинскій ханъ Алла—кулъ получилъ письмо начальника Уваисбая, вслѣдствіе этого немедленно было приказано главному туркменскому батыру Аймухаммеду совмѣстно съ другими батырами и еще многими войсками отправиться, но Аймухаммедъ черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ съ товарищами благополучно въ городъ Уваисбая; но послѣ пріѣзда Аймухаммеда Уваисбай послалъ Аймухаммедъ—батыра съ многими батырами за Акмурзой, въ то время Акмурза жилъ около Сыра на мѣстности Алайгыръ,—и тогда приказаніе Уваисбая было исполнено; когда Акмурзу представили къ Уваисбаю, послѣдній велѣлъ убить Акмурзу и бросить сына его въ Сыръ-Дарью, вслѣдствіе чего онъ убилъ его. Послѣ это Уваисбай самъ уѣхалъ въ Хиву, а на мѣсто его былъ назначенъ Бабаджанъ, надъ здѣшними киргизами; по пріѣздѣ онъ приказалъ Аймухаммеду батыру немедленно разыскать батыря Джанходжу съ его подданными киргизами,—перебить ихъ, отобрать у всѣхъ имущество и убить батыра Джанходжу; послѣ приказанія Бабаджана Аймухаммедъ—батыръ съ многочисленными батырами поѣхалъ искать батыра Джанходжу, и черезъ нѣсколько дней Аймухаммедъ пріѣхалъ въ Иргизъ. Джанходжа батыръ узналъ по слухамъ, что хивинцы ѣдутъ на него. Но киргизы, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ батыромъ Джанходжею, увидѣвши туркменъ и узнавши ихъ, испугались и убѣжали, тогда батыръ Джанходжа остался одинъ на мѣстѣ. Вдругъ Аймухаммедъ, туркменскій батыръ, закричалъ: «идите одинъ на одинъ»! Тогда Джанходжа поскакалъ и ударилъ разъ пикой; на счастіе нашего батыра потомъ его пика вонзилась въ горло Аймухаммедъ—батыра; тутъ батыръ Аймухаммедъ умеръ; остальные джигиты Аймухаммеда послѣ этого всѣ убѣжали,—но всетаки было убито въ тотъ день 9 человѣкъ туркменъ. Джанходжа батыръ послѣ это набралъ хорошихъ джигитовъ и поѣхалъ туда на Сыръ—дарью воевать съ хивинцами; черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ на Сыръ—дарью въ городъ Бабаджана, осадилъ его, взялъ, истребилъ многочисленное войско Бабаджана, убилъ самого Бабаджана и взялъ въ плѣнъ сына Бабаджана Май Карабека.

باطرجان خوجه نور محمد باطر اوغلی ننك

قصه سی

باطر جان خوجه نورمحمد باطر اوغلی نورمحمد باطر کیك بای یساؤل ننك اوغلی ایکان کیك بای یساؤل ننك آلغان خاتونی طامه روغی ایسد باطرننك برکا توغان قریندداشی ناجی دیکان عیال ایکان آندان توغان نورمحمد باطر ایکان نور محمد باطرننك آلغانی جنکا دریا بویوندااوتکان قرا قالفاق ایرنورطای دیکان باطرننك قریندداشی ایکان آندان توغان جان خوجه باطر ایکان امّا جان خوجه باطر نور محمد باطردان توغان بر آنادان تورت آغایونلی ایکان جان خوجه آقمرزا جاؤ قجاربیك دیکان ینه برخاتوندان شوجه دیکان جمعی بش آغایونلی ایکان *

امّا جان خوجه باطرتوغان یاش ؤاقتداغی زماننده هیچ آدام برله بیموده جون‌سز سویلاشمابدور ینه‌ده غیری بوتان آؤبللارغه اؤیکه قیدوروب بارمابدور اوشبو فعل ایلان اون بش یاشینه یتوبدر اول ؤاقتداغی زمانده اوشبو سیردریاسیننك بویونده قزاق ولایتی ننك ایشنده‌کی ضور باشلیق حاکمی قیلچ بای باطر دیکان بار ایدی اوشبو قزاق نی خلق‌لارون اول صوراب حکوم یوروتار ایدی اول قیلچ بای باطرننك عادات ایشی بول جردان کرا یعنی سوداکر بخاردان کیلوب اوتسه آندان هر یلده زکات آلوب قالور ایدی کوب لشکر ایلان اوستینه باروب اول قیلچ بای برنچه ؤاقت‌لار حکوم یوروتوب یورکان ؤاقتنده برکونلارده آننك لشکری ایلان باطر جان خوجه کراکه برکه باروب

قیلچ بای باطر کیرانی باجلاب کوب مال دنیانی زکانلاب آلوب قایتوب
کیلا جانقانونده قیلچ بای باطرننك انیسی کویاؤ بای دیکان آزروغ قرا
کیساك طاقفه‌سنده ایسان بیك ایسملی بر آدام بار ایدی قایو کویاؤ بای
آننك قولوندان مال تویاسون طارتوب آلدی اول ایسان بیك نورمحمد
باطرننك قزدان توغان جیانلاری ایدی جیلاب اون بش یشار جان
خوجه باطرغه کیلوب آننك حکایت‌لارون آیتا باشلادی آنی ایشتوب
باطر جان خوجه قاشینه باروب قیلچ بای باطرنی بالطا ایلان اوروب
چقدی امّا بول حکایت‌لارنی آ کاسی نورمحمد باطر ایشتوب ایندی جان
خوجه اولوغ آدام نی اوروب بی اداب بولوب‌دور توتوب اولتورونکز
نی دیب بویروبدور اوشبو خبر سوزنی ایسین جیناب بولغاچ قیلچ بای
باطر ایشتوب آیتوبدور هیچ کیم جان خوجه‌غه تیماسون منوم فعلیم یمان
بولدی‌اوروب چقدی‌ایندی قزاق خلقی جان خوجه‌غه قراسه کراك دیوب
جواب ایلادی جان خوجه باطرننك اوّلکی علامتی شول بولوب دور *
جان خوجه باطرننك ۲ نچی علامتی بولدور اول زمانده جنکا
دریا بویونده قرا قالماق روغی کوب ایکان آلارننك آنده صالغان
قالاسی هریرده کوب ایکن شول قرا قالماق خلقی قزاق ایلان
جاؤ بولوب آطلانوب کیلوب قزاق ننك ایاون چابوب یعنی
برفاره بعضی آدام‌لارون اولتوروب ماالون آلوب کتابروبدورلار امّا
قرا قالماق‌لار جنکا دریادان ایکون نی ایکوب کوب آلوب بارچه سی
بردای بای بولوب اول سببلی ماس بولوب ایسروك لیك ایلان بی‌کناه

قزاق

قزاق خلقون هلاك ایتوب‌دور شول سببندان باطر جان خوجه اون سکز
یاشینده قرا قالفاق‌غه آطلانوب باروب قالاسین قاماب اوروسوب
قالاسین بوزوب آلوب قرا قالفاق تیفی باطرنی اولتوروب تیفی‌ننك
قالاسین اورونبای هم ینه جمان بی‌ننك قالاسین آلوب آندان باسقه‌ده
قالالارون آلوب قرا قالفاق‌لار اوزی‌ننك یمان فعلی ایلان خیوا خانی‌ننك
قراماقینه اورکنج یورتینه کیتوبدور *

۳ نچی علامتی‌نی جان خوجه باطرننك بیان ایتامز اول زمانده قزاق
خلقی بی باش بولوب بر براؤی ایلان جاؤ بولوب برنچه ؤاقت‌لار
یوروب‌دور امّا اوشبو ایل‌کا اورته یوز قزاغی آرغون قبچاق ایکی‌مینك
شمالی لشکر ایلان آطلانوب کیلوب کوب ایلنی چابوب مالون آلوب
آدامون اولتوروب کوب هلاك ایتوب قاینغانونده نور محمد باطرغه
چابولغان ایل‌ننك آدام‌لاری جیلاب کیلوب آیطوبدور بزلارنی اوشانداق
طلان طراج قیلدی دیب اول ؤاقت‌ده نور محمد باطر آنی کوروب آلارننك
جیلاغان کوزی‌ننك یاشینه قراب ایندی اول جاؤغه بارماقومز دوروس
دیب خداغه توکل قیلوب بعضی ایل‌ننك آدام‌لارینه خبر آیطوب تورت
بالاسین قاشینه آلوب طو بایلاب اول جاؤننك ایزندان قؤوب آزراق
کشی‌لار برلان جنکان ؤاقتونده اول جاؤننك آدام‌لاری بولارننك کیلا
جانقانون کوروب بولونوب آزراغی آلغان مالون آیداب کیتا بروب
کوبراکی طوروب اوروشرغه قالوبدور اول ؤاقت‌ده ایکی طراف لشکر
ایکاؤی‌ده بردای ایکی جرده صف طارتوب اوروشماقغه اویلاب طوروبلار

امّا نورمحمد باطرننك آدامی آز بولوب کوب قورقوب قایغولانوب تورغانونده اول جاؤ آرغون قبچاقدان بربهادور اورتاغه اوروش میدانینه چیغوب مبارزلیق تیلاب آی الچین‌لار جیك باجیك دیب قبچقروب طورغان‌ده بول طرافدان هیچ آدام آنکا قارشو بارمابدور اول ژاقتونده نورمحمد باطر قبچقروبدور بزننك تورت داؤ قایدا ۲ نچی قبچقروب‌دور بزننك تورت باطر قایدا ۳ نچی قبچقروب‌دور بزننك تورت نامرد قایدا دیکان ژاقت‌ده جان باطر آطون قمچیلاب اول میداناغی باطرغه قراب یوروب باروب آنونك نیزه سین نیزه سی برلان قاغوب جباروب اوزون طماغوندان چانچوب آطدان توشورکان ژاقت‌ده آکاسی نورمحمد باطر جاؤ قاچدی دایؤ صدا آیلاب چابغانونده ینه باطر جان خوجه ایلکاری باروب برنچه باطرلارون چانچوب توشوروب کوب آدام‌لارون اولتوروب الحاصل جاؤنی قبچروب جاؤننك آلغان مال دنیا زاتلاری برله جسر بنده‌لارنی بارچه سین تمام آیروب آلوب قایطوب کیلوب چابولغان آدام‌لارغه طابشروب دعای خیردن آلدیلار *

جان خوجه باطرننك ۴۰ نچی حکایت قصه سین بیان اینامز اول ژاقت‌ده قوقان یورطی سیر دریاسیننك بوقارغی طرافینه هربرکه قالا صالوب قزاق خلقون ظلوم‌لیق برله چابوب مالون آلوب ینه‌ده بعضی برفاره یخشی آدام‌لارون آلداب قالاسینه چاقروب آلوب خورلیق بروب اولتوروبدور اول زمانده اولوغ یوز برله اورته یوز قزاق‌ننك ایشنده کینه صاری خان دیکان بار ایکان اول کینه صاری خان جان خوجه باطرغه خبر

یباروبدور

یبارووبدر یبارکان خبر بیامنداغی سوزی قوقان بورطی‌ننك حاکم‌لاری
کُل قزاق برله جاؤ بولوب کوب ایلنی بولدوروب چابوب ؤایران
قیلدی شول سببلی باطرسزکه بیلدیرامن هم ینه من‌اولی یوز هم‌اورته
یوزننك لشکرین جیناب قوقان‌ننك سوزاق دیکان قالاسینه آطلانوب
برامن‌سز هم معقول کورسانکز کشی یوز دیکان ایلینکزدان لشکرجیناب
براسز امّا سزننك‌ده قوقان حاکمی دؤران بی برله اوتونچی سوچی
اوچاؤی آلداب چاقروب آلوب صارمان بی دیکان‌آغانکزنی اولتوروب
ایدی غوی دیب سوزون تمام آیلادی اول سببدان باطر جان خوجه
الیم چومان دیکان ایلدان برنچه باطرلارنی جیوب آلتی آی‌لیق‌آزوق
آلوب قوقان خلقوندان قصاصون آلمافقه آطلانوب یوروش قیلدیلار
تیك بولغانی کشی یوزدان سیر بویندا‌غی الیم چومان‌ننك بیلکولی
معلوم حقیقت بهادورلارون آلدی‌لار بی غیرت یمان کوب آدام‌لارننك
فایداسی بولمایدور دیب امّا باطر جان خوجه‌ننك قاشینده‌آلوب کیتکان
باطرلاری اول سفرده طوغانای توقوم یتقان قیسطاؤبای هم ینه دابل
باطر صانوب‌آلدی محرم کوب جسار کوکی ایراق جولداسبای جرقونبای
دانکای بجاق بورانبای اوشبو اون ایکی باطر ایکان بولاردان باشقه‌ده
باطر کوب ایکان الحاصل یولغه توشوب باطرجان خوجه برآیده سوزاق
قالاسینه باردیلار برطرافدان کینه صاری خان لشکری ایلان کیلدی‌لار
باعدونده سوزاق قالاسون قاماب اوروشدیلار قوقان‌ننك کوب آدامی
اوروشدان اولوب بعضی‌لاری قاچوب تورکستاندان آری کیتوب

قالغانی سوزاق‌ننك قالاسینه قامالوب دربازیسنی کوموب میلتیق آطوب
توروبلار امّا باطر جان خوجه اول سوزاق قالاسون کینه صاری خان‌غه
ناشلاب اوزلشکر ایلان سوزاق‌دان آرغی تورکستاندان بری‌صاؤران‌لیق
دیکان قالاسینه باروب اوروشوب آلوب آندان اوتوب حضرتی‌سلطانغه
باروب زیارت ایلاب آندان اوتوب بارا جاتقانونده آلدینان قارشی
کیلاجاتقان کوب لشکرکا جولوغوب‌اوروشوب‌اول لشکرنی قیروب‌لشکرون
قاچوروب بباردیلار اول لشکرننك باشلیقی‌اوتونچی سوچی دیکان‌سوزاق
قالاسننك بیکی ایکن اول یردان قایتوب کیلا جاتقانونده ینه برکوب
لشکرکا دوچار بولوب اول لشکرننك آدامینه سویلاشوب قراسه‌لار
آیتدی‌لار بزلار اوشبو تورکستان ولایتنده قچاندان بروبار ایدوك‌کشی
یوزمزسزلارکه یاقون آغایون جوکی طامه دیکان روغ خلق‌مز بزلارننك
اولکان باشلقمزنی قورمان بی دیب آط ایسم برادور بزلار کشی یوزجان
خوجه باطر کیلدی دیب ایشتوب قورمان بی مینك کشی اشکر برله
ایزلاب کیلادور دیب آیتدیده اول آداملار قورمان بی‌کا خبر بروب
قورمان بی اشیتوب برنچه عنایتلی یخشی آداملاری برله یوروب کیلوب
عزت اکرام برله باطر جان خوجه‌غه کوروشوب باعدونده جیلاب عرض
حالون آینا باشلادی آینغان عرضی آی باطر آغا اوتونچی‌سوچی‌دیکان
ایکی بیك روغی قرغز سوزاق قالاسننك حاکمی‌دور اول ایکاؤی منوم
برعنایت ایاسی یخشی بالامنی بی‌کناه اولتوردی دیب کوب جیلاب
آندان حارومنی آلماقغه کوچوم یتمای یور ایدی دیب بیان ایلاب

آیتدی

آیندی اول اوتونچی سوچی ایکی بیك سزننك برله اوّل سوزاق
اوستونده اوروشوب قاچوب ینه‌ده آرغی قالالرغه باروب لشکر آلوب
کیلا جاتوب ایکی رات ینه اوروشوب قاچوب حضرت‌ننك طاؤی‌ننك
برجاق طرافی برله سوزاق قالاسینه باروب کرماکده کیندی دیب جان
خوجه باطرنی آلوب جوردی برنچه کون یول یوروب سوزاق قالاسینه
کیلسه‌لار قایؤا کینه صاری خان سوزاق قالاسین آلالمای جانقان ایکان
جان خوجه باطر کیلوب برایکی کوندان صونك قاشینداغی یوقاریده
بیان ایدولمش اون ایکی بهادور جکت‌لاری برلان کیچ ؤاقت‌ده سوزاق
قالاسیننك داربازاسیننك آلدینه جاقون باروب داربازانی بالطا ایلان
اوروب کوب اوروش بولوب سوزاق‌ننك برنچه بهادورلاری اولوب
امّا سوزاق قالاسیننك اوستونده تورغان کوب مرکان‌لار میلتیق ایلان
جان خوجه بهادورننك اوزون هم ینه آدام‌لارون آطا باشلابدی‌لار
میلتیق‌اوق مثال جانکر قردای بوراب چاؤبدی‌لار الحاصل ضوراوروش
صوغوش بولوبدور کوب ؤاقت‌غچه ایکی لشکرننك آدام‌لاری میلتیق
توتونوندان جان خوجه باطرنی جکت‌لاری برله اوزون کورآلمابدور
الحاصل قرانکغو تون بولغانچه اوروشوب قاسنداغی اون ایکی باطر
جکت‌لارینه بارچه‌سینه بردای اوق یتوبدور اوق یتسه‌ده خدای تعالی
سلامت ساقلاب تورغانده طامه‌روغی قورمان بی کیلوب جان خوجه باطر
ایلان جکت‌لارینه آیطوبدور اوروش ؤاقتی‌اوتدی تون بولدی‌قایتونکز
ایرتانك اوروشرسز دیب قایتاردی تونده کیلوب قوسی‌ننك جانینه

اوت جاقدوروب کیز جایوب کیوملاری برله صاؤیت‌لارون چچسه‌لار
باطر جان خوجه‌دان کوب اوق کیز اوستنه توشوبدور آنده کیلوب
قراب تورغان اوچ یوز قزاق‌ننك عنایتلی آدام‌لاری کوروب تحسین
آفرین بول جان خوجه باطر بزبك قزاق یورتنده زمانمزننك اوروستمی
هم خاصیت‌لی ایکان موندایون ایربهادور بلکی دنیاده هم یوقدور دایؤا
مدحی ایلامیش‌لار دیب حکایت ایتالار ایندی سوزنی سوزاق قالاسننك
حاکمی اوتونچی سوچی‌دان سورانك باطر جان خوجه جکت‌لاری برلان
قایطوب کینکاندان صونك آلارننك تونده اویقوسی کیلمای مصلحت
قیلوب آیتدی ایرنانك ینسه جان خوجه کیلسه قالانی آلوب بزلارنی
اولتورار دیب قورقوب آفرین آندای ایردنیاده بولماس دیب تونده
الاردان چیقوب برنچه لشکرلاری برلان قاچدی قوقان طرافینه قراب
أمّا جان خوجه باطر سوزاق قالاسننك توکاراکینه قراؤیل قویغان ایکان
اؤل قراؤیل‌لار کیلوب خبر بردی آطلانوب باطر جان خوجه ایزیندان
قؤوب جتوب برنچه آدام‌لارون اولتوروب اوتونچی سوچی ایکی بیك‌نی
اوسطاب آلوب کیلوب طامه روغی قورمان بی‌کا بردی اول بالاسیننك
قصاصی اوچون اولتوردی باعدونده جان خوجه باطر آیتدی کینه صاری
خان ایله اول لشکرداکی کل قزاق‌ننك عنایت ایاسی یخشی آدام‌لارینه
ایندی بول ایل‌ننك فقراسی‌ننك مالینه باشینه هیچ برده داخیل قیلمای
قایتونکز آنونك اوچون ظلوم‌لیق قیلغان یمان حاکمون اولتوردوك
قایده بولسه فقرا بی کناه دیب جواب قیلغانونده بارچه‌سی بلی دیب قایتدیلار

آنده ایرلیکی

آندا ایرلیکی یخشی فعل عادل لیکی کل قزاق قوقان ولایت‌لارینه معلوم اولمش حکایت ایلامیش‌لار *

ل نجی باطر جان خوجه‌ننك حکایت قصه‌سین بیان ایتوب یازامز بولاردان صونك بـول سیر دریاسیننك بویوندا غی قزاق خلقون خیواننك خانی صوراب مونده قزاق اوستینه حاکم قویوب قالا صالوب هر یلده قویغان حاکمی ایلدان هرتورلی مالدان زکات آلوب ینه‌ده هر ایل‌ننك ایککان آروغی باشینه کشی قویوب هرتورلی ایکونوندان عشر آلوب جوروب باعدونده آننك آدام‌لاری‌ده ظلوم‌لیق قیلوب زکاندان باسقه آرتوق قورا صابون بر آق اورالی کیزینه برقوینی‌جورغه توعدی دیب آلوب‌دور آصدوقدان تیزلیك دیؤان قولی دیب آلوب ینه‌ده اول عشر دیکان آصدوغون قزاق‌لار آلوب بارسه‌اولجا کان اولجاؤ سمانه‌سون سوغه صالوب کونون جبتوب حیله قیلوب قزاق‌ننك آصدوغون کم چیغاروب بی‌چاره‌لارنی کویدورا برو بدور بول حکایت‌نی اولوغ حاکمینه قزاق‌لار عرض برسه اصلان تنکدامابدور ینه‌ده آلارننك هر ایل‌که قویغان آدام‌لاری قزاق‌ننك یخشی خانون قزینه اختیار برماسکه اوخشاب ظلوم بولوب ایل خراب بولورغه قریب بولوب نی‌قیلارین بیلمای بعضی آدام‌لار باطرجان‌خوجه‌غه باروب جیلاب صاریطدان کورکان ضورلیق خصومت‌لارون بربربیان ایتوبدور آننك اوچون باطر جان خوجه مدام ابرغزدان آری قیش جاز بردای قیرده بورار ایکان اصلان سیر دریاسینك بویونه کیلماس ایکان بر آق آغاسی آقمرزا نورمحمد اوغلی سیرنی قیسطاب یورور

ایکان امّاسوزنی خیواننك خانی‌ننك قزاق‌اوستینه قویغان‌حاکم‌لاروندان
حکایت اینامز هربرقزاق‌لارنی جان خوجه‌غه بارغانون‌ایشتوب‌جان‌خوجه‌نی
ایندی جاؤ بولور دیب کمان ایتوب اویـلاب برنچه آدام‌لار ایلان
کینکاشوب قزاق اوستوندا کی حاکمی ؤایس بای دیکان اول‌ؤاقتوندا غی
خیوا ننك خانی الله قل خانغه عرض یازوب عرضیسونده آیطوبدور باطر
جان خوجه نورمحمد اوغلی جاؤ بولدی مونده لشکر یباراسز اکرده لشکر
یبارسانکز اوزقول‌آستینکزداغی ایلونکزدان ضور اولکان غیرتلی بهادور
آدام‌لاردان صایلاب یباراسز بولماسه جان خوجه دیکانکه اوروش معرکه
میدانینده هیچ کیم برابر کیلمایدور دیب ایشتامز دیکان نامه‌سی الله
قل خان‌ننك حضورینه باروب اوقوتوب‌ایشتوب الله قل خان امر ایتوب
بویروب‌دور کل توروکمان جورتوندا غی بهادورننك اولوغی ایـکان
آی محمد بهادور دیکان آننك قاشینه برنچه بهادورلارنی قوشوب کوبه
لشکر ایلان یباروبدور برنچه کون یول یوروب ؤایس بای‌ننك قالاسینه
کیلوبدور امّا ؤایس بای آی محمدنی بویروب سیرده آلاایغیر دیکان
جرده اوتورغان آقمرزا نور محمد اوغلون حضورینه آلدوروب سیر
دریاسینه سوغه آطدوروب اولتوروبدور آندان‌صونك اوزی خیواغه
قایتوب ؤایس بای‌ننك‌اورنینه باباجان دیکان قزاق‌اوستینه حاکم‌بولوب
کیلوبدور امّا باباجان کیلکان باعدونده قالاسنده تعین جانقان لشکر
توروکمان آی محمد باطرنی باش قیلوب ینه‌ده قزاقدان‌ده کوب آدام‌لارنی
برکا قوشوب بویروب یباروبدور جان‌خوجه‌نی قاشینداغی برکااوتورغان

ایلی برله

ایلی برله چابوب اوزون اولتوروب مالون آلوب کیلاسز دایؤا
یبارکانونده الار برنچه کون یول یوروب ایرغز بویونه جاقون بارغان
ژاقتونده جان خوجه باطر خبر طابوب ایشتوب آلدونان ایرغز بویونده
بر آزغینه کشی ایلان قارشو چیغوب بربراؤی‌ننك قراسون کوروب
ایکاؤیده بردای‌ایکی‌جرده صف‌طارتوب جاؤ قاعدالارون‌قیلوب توروبدیلار
امّا جان خوجه باطرننك قاشینه ایروب برکا کیلکان قزاق‌لار توروکمان‌نی
کوروب طانوب قورقوب باسقه توردی دیب ایشندا کی آدام‌لار حکایت
ایلامیش‌لار باطر جان خوجه اول جرده جالغز طوردی آنی کوروب‌کونکلی
اوسوب شادلانوب توروکمان باطر آی محمد جك باجك دیب میدانغه
چیقغانونده باطر جان خوجه اول هم آسته یوروب کیلوب بر برینه
نیزه سیلتاب قاژو قیلغانونده آی محمدننك نیزه سین نیزه‌سی برلان قاقوب
جباروب طماق آستوندان نیزه برلان چانچوب آطدان چغوب اولتورکان
زمان قاشینداغی آلامانی کوروب بارچه‌سی قاچوب آرتوندان قؤالاب
جتوب ینه‌ده توقوز توروکمان‌نی صول کونی اولتوروب قالوب‌دور
آندان‌صونك باطر جان خوجه آرقه‌داغی ایلدان کشی آلوب آطلانوب
سیر دریاسننك بویونداغی باباجان‌ننك قالاسینه کیلوب قاماتوب
قالانی بوزوب آلوب باباجان بیك‌ننك کوب لشکرین
قیروب اوزون‌اولتوروب بالاسی مای‌قرا بیك‌نی
بنده ایلاب‌دور دیب آیتمیش‌لار *

И. Аничковъ.

Библіографія.

Матеріалы для археологіи В. Россіи. Древности Вятской губерніи. А. А. Спицына. М. 1893.

Трудъ извѣстнаго изслѣдователя Вятскихъ древностей принадлежитъ къ числу тѣхъ сводовъ, которые должны лежать въ основаніи детальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій и представляютъ пока рѣдкое явленіе въ русской археологической литературѣ. Дополняя и провѣряя своими личными изслѣдованіями существующій въ литературѣ матеріалъ, авторъ дастъ картину доисторическаго и протоисторическаго развитія края. При оцѣнкѣ подобныхъ трудовъ на первомъ планѣ долженъ стоять вопросъ о системѣ, въ которой расположенъ матеріалъ: за той или другой группировкой его скрываются общія идеи автора, его представленія о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ одинъ къ другимъ отдѣльныя группы древностей.

Само собою разумѣется, что установившіяся въ археологической наукѣ представленія о послѣдовательности матеріаловъ, которые человѣкъ употреблялъ для изготовленія своихъ орудій (камень, бронза, желѣзо), прежде всего опредѣляли систему. Книга начинается съ обзора каменныхъ орудій, найденныхъ въ Вятской губерніи. Авторъ констатируетъ, что огромныя пространства Вятской губерніи совершенно лишены каменныхъ находокъ, значительныя скопленія стрѣлъ обнаружены были въ пунктахъ весьма удаленныхъ одно отъ другаго (на Тоймѣ у Ананьина, на Моломѣ, на Юмѣ). Представивши на стр. 13—23 обстоятельный сводъ всѣхъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи каменныхъ орудій, онъ не находитъ возможнымъ признать, чтобы въ Вятской губерніи существовалъ каменный вѣкъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ археологи. «Кремневыя стрѣлы и ножи, за недостаткомъ металловъ, могли быть употребляемы мѣстными инородцами до позднѣйшей поры, а каменныя шлифованныя орудія встрѣчены на такихъ городищахъ, которыя невозможно отнести къ слишкомъ отдаленной порѣ». Въ заключительныхъ выводахъ авторъ отмѣчаетъ важное обстоятельство, что Ю. и В. губерніи входитъ въ полосу приволжскихъ шлифованныхъ орудій, а З. представляетъ полосу мелкихъ кремневыхъ орудій. Выдвинутаго Аспелиномъ положенія о родствѣ сѣверно-

русскихъ и въ частности прикамскихъ каменныхъ орудій съ орудіями сѣверо-Германскими (чрезъ посредство Польши) авторъ не касается.

Слѣдующій отдѣлъ книги, согласно принятому порядку, посвященъ бронзовымъ находкамъ. «Какими столѣтіями можно обозначать существованіе въ Камской области такъ называемаго бронзоваго вѣка, въ какомъ отношеніи онъ находится къ соотвѣтственной средне-азіатской и западно-европейской культурѣ, была-ли здѣсь въ какихъ-либо размѣрахъ самостоятельная обработка бронзовыхъ орудій или они получались въ готовомъ видѣ,—на всѣ эти вопросы мы не можемъ отвѣтить»—говоритъ авторъ въ началѣ этого отдѣла. Претендовать на него за уклоненіе отъ этихъ капитальной важности вопросовъ мы не въ правѣ: тому или другому рѣшенію перваго изъ нихъ должно предшествовать изданіе атласа бронзовыхъ находокъ Камскаго и прибавимъ отчасти Волжскаго края; такого атласа пока нѣтъ; только въ прошломъ году наше Общество нашло возможность издать древности Ананьинскаго могильника; находки изъ другихъ мѣстностей Камскаго района – изъ губерній Казанской, Уфимской, Вятской и отчасти Пермской разсѣяны въ различныхъ музеяхъ и ждутъ новаго Аспелина, который принялъ-бы на себя трудъ ознакомиться со всѣми ими и свести въ извѣстную систему, (кажется, впрочемъ, за такое предпріятіе взялся г. Гейкель по порученію финно-угорскаго Общества); для рѣшенія втораго вопроса матеріалы находятся только въ рукахъ П. А. Пономарева. Г. Спицынъ ограничивается по отношенію къ памятникамъ бронзоваго вѣка описательной задачей. Къ числу этихъ памятниковъ онъ относитъ не совсѣмъ точно и знаменитый Ананьинскій могильникъ. Существованіе желѣзныхъ предметовъ и составныхъ—частію бронзовыхъ, частію желѣзныхъ—показываетъ, что могильникъ относится къ переходной эпохѣ, когда въ рукахъ мѣстнаго населенія находилось рядомъ съ бронзой и желѣзо.

При перечисленіи бронзовыхъ находокъ г. Спицынъ упоминаетъ рядомъ съ ними и мѣдныя (орулія), но не высказываетъ своего взгляда на отношеніе мѣдныхъ орудій къ бронзовымъ: считаетъ-ли онъ ихъ современными или предшествующими бронзовымъ или, какъ смотрятъ на мѣдныя орудія нѣкоторые изъ европейскихъ археологовъ — позднѣйшими имитаціями ввознымъ бронзовымъ орудіямъ, которыя начинали выдѣлывать туземцы изъ подручнаго матеріала.

За памятниками бронзоваго вѣка по установившемуся порядку нужно было-бы перейти къ желѣзному вѣку. Но тутъ выступаютъ мѣстныя особенности въ развитіи доисторической культуры: кромѣ камня, мѣди, бронзы и желѣза въ Вятскомъ краѣ на оружіе, орудія и украшенія употреблялась въ широкихъ размѣрахъ кость. Г. Пономаревъ, а за нимъ и г. Спицынъ констатировали нѣсколько пунктовъ (городищъ), гдѣ костяныя издѣлія представляли преобладающую массу находокъ. Эти городища получили названіе «костеносныхъ». Обработка костяныхъ предметовъ приводитъ изслѣдователей къ убѣжденію, что она производилась металлическими орудіями. Къ какому періоду слѣдуетъ пріурочить эти памятники—къ тому-ли переходному времени отъ бронзы къ желѣзу, къ которому относится Ананьинскій могильникъ, или

къ одному изъ позднѣйшихъ періодовъ желѣзнаго вѣка? Матеріалъ не даетъ на этотъ вопросъ положительнаго отвѣта. Г. Спицынъ считаетъ возможнымъ рѣшить его на основаніи соотношенія формъ: «Изслѣдователь обязанъ быть смѣлѣе: онъ долженъ заключать не по матеріалу, а по формамъ; въ отношеніи же формъ ананьинскій могильникъ и костеносныя городища имѣютъ такъ много сходнаго, что это сходство невольно заставляетъ задуматься (37). Высказавши это общее положеніе, авторъ обращаетъ вниманіе на сходство бронзовыхъ кельтовъ, стрѣлъ, шильевъ, иглъ, ножей, пронизокъ, съ обоихъ мѣстонахожденій, на видимое въ нѣкоторыхъ случаяхъ приготовленіе костяныхъ орудій по образцу бронзовыхъ. Относительно степени этого сходства намъ приходится вѣрить почтенному автору на слово: пояснительныхъ рисунковъ, весьма желательныхъ здѣсь, въ книгѣ не имѣется. Кромѣ области формъ авторъ черпаетъ доказательства въ пользу своего предположенія въ области орнамента и отмѣчаетъ общее ананьинскому могильнику, бронзовымъ издѣліямъ и костянымъ костеносныхъ городищъ преобладаніе звѣринаго орнамента—фигуръ цѣлыхъ животныхъ или ихъ головокъ. Особенное вниманіе авторъ обращаетъ на встрѣчающіяся на костяныхъ издѣліяхъ изваянія дракона; этотъ мотивъ могъ проникнуть на костеносныя городища, по его мнѣнію, только подъ вліяніемъ бронзовой культуры. Послѣднимъ доказательствомъ близости костеносныхъ городищъ къ ананьинскому могильнику и исходу бронзоваго вѣка вообще служатъ, по мнѣнію автора, находки на городищахъ тиглей и формъ. Подводя итогъ своей аргументаціи, г. Спицынъ находитъ возможностъ констатировать близость культуръ Ананьинскаго могильника и костеносныхъ городищъ и мы обязаны принять его обстоятельно мотивированный выводъ—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ указанъ другой центръ, къ которому тяготѣетъ культура костеносныхъ городищъ. Новѣйшія открытія только подтверждаетъ его выводъ. Въ открытомъ г. Нефедовымъ въ теченіе прошлаго лѣта близъ с. Дмитріевскаго Елабужскаго уѣзда могильникѣ ананьинскаго типа оказались въ значительномъ количествѣ костяныя орудія.

Начиная съ костеносныхъ городищъ, г. Спицыну подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій пришлось уже разъ навсегда уклониться отъ принятаго въ европейской археологіи дѣленія желѣзнаго вѣка на періоды ранній и поздній. Хронологически за древностями костеносныхъ городищъ г. Спицынъ ставитъ чудскія и болгарскія. Предметной связи между тѣми и другими онъ не видитъ (стр. 46). И въ этомъ отдѣлѣ своего труда авторъ воздерживается отъ рѣшительныхъ заключеній по существеннымъ вопросамъ предмета: «при недостаткѣ надежныхъ письменныхъ источниковъ, при отсутствіи систематическихъ раскопокъ мы вполнѣ безсильны рѣшить вопросъ объ основныхъ элементахъ чудской и болгарской культуръ, о времени ихъ появленія и процвѣтанія въ области Камы, о національности того и другого народа...» Но вопросы эти оказались такими занимательными, что г. Спицынъ не удержался по отношенію къ нимъ на чисто описательной почвѣ и разрѣшилъ себѣ построить для отвѣта на нихъ гипотезу. Мы имѣли уже случай высказаться на счетъ ея ранѣе, когда она была изложена въ брошюрѣ «Вещественные па-

мятники Вятскаго края». Подобно Аспелину, хотя и независимо отъ него какъ это очевидно изъ деталей гипотезы, г. Спицынъ считаетъ Востокъ и именно Персію родиной Пермской культуры. «Изъ Сибири ее заносятъ въ Европу, на Каму. Здѣсь персидскіе купцы основываютъ факторію, которая становится центромъ для всѣхъ восточныхъ купцевъ, преимуществами для арабовъ. Факторія стянула изъ отдаленныхъ мѣстностей къ одному центру туземныя чудскія племена и познакомила ихъ съ земледѣліемъ». Однимъ изъ выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта въ странѣ Сѣверной Чуди оказались мѣдныя шумящія подвѣски, з а и м с т в о в а н н ы я восточными купцами вѣроятно отъ Сибирскихъ племенъ и быстро вошедшія въ употребленіе. Факторія современемъ обратилась въ колонію и колонія эта съ теченіемъ времени неизбѣжно должна была перемѣнить свой главный центръ, спустившись съ верховьевъ Камы на ея низовье по великому волжскому пути. Здѣсь возникла сперва временная ярмарка, а потомъ постоянное поселеніе (знаменитыя Болгары), вскорѣ затмившее славу Чердынской факторіи... Болгары сплотили вокругъ себя оригинальный хотя и слабый с о ю з ъ сосѣднихъ инородцевъ, подчинивъ ихъ особому торгово-аристократическому устройству, давъ имъ общее управленіе и судъ».

Мы прекрасно понимаемъ, почему, разъ такая гипотеза возникла у автора, онъ счелъ возможнымъ отвести ей мѣсто въ своемъ трудѣ: гипотеза отвѣчаетъ на темный вопросъ объ отношеніи чудской культуры къ болгарской, намѣчаетъ ихъ общій историкъ и хронологическое соотношеніе. Приявши ее, довольно легко разобраться въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя испытываютъ изслѣдователи пермской цивилизаціи: Сассанидскихъ блюдъ не находили на Волгѣ—онѣ пришли на Каму чрезъ Сибирь, при посредствѣ персидскихъ купцовъ, относятся къ первому періоду сношеній С. В. Россіи съ Востокомъ и намѣчаютъ періодъ изолированнаго развитія Пермской Чуди (приблизительно до половины VII в., когда Сассанидская Персія переходитъ подъ власть Арабовъ); въ районѣ Болгаръ нѣтъ такого обилія идоловъ, какое даютъ мѣстности, принадлежавшія Пермской Чуди—эти идолы пришли такъ-же съ Востока по одному пути съ Сассанидскими блюдами; нѣтъ въ Пермско-Вятскомъ краѣ характерныхъ булгарскихъ веркалъ—они представляютъ собой предметъ, явившійся въ Болгарскомъ краѣ уже послѣ того, какъ живая связь, соединявшая Сѣверъ съ Югомъ, уже прекратилась. Наоборотъ наличность однородныхъ явленій оказывается легко объяснимой при этой гипотезѣ. Не взирая однако, на всѣ выгоды предлагаемой г. Спицынымъ гипотезы, мы не думаемъ, чтобы она въ цѣльномъ видѣ могла упрочиться въ наукѣ. Прежде всего является сомнительной роль, которую авторъ приписываетъ персидскимъ купцамъ. Персы Сассанидской эпохи были не большіе любители торговли вообще: съ религіозной точки врѣнія торговля представлялась имъ самымъ низкимъ видомъ дѣятельности; ее игнорировали и великіе государственные дѣятели эпохи—какъ Хозрой Нушинванъ; въ частности торговля съ нашимъ Сѣверомъ не представляла для нихъ ничего привлекательнаго: путь туда лежалъ чрезъ полунезависимыя области нашей Средней Азіи и чрезъ земли Тюрковъ (Туранъ, Трансоксана), съ которыми Персы находи-

лись далеко не въ мирныхъ отношеніяхъ; преодолѣвши всѣ эти трудности, купцы не могли найдти на Сѣверѣ ничего, кромѣ мѣховъ, которые у Персовъ не имѣли, кажется, цѣны; изъ арабскихъ разсказовъ о добычѣ, которую воины Османа нашли въ Персіи, не видно, чтобы между предметами роскоши были и мѣха; арабы говорятъ о парчѣ, золотѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, но ни словомъ не упоминаютъ о мѣхахъ. Гипотеза г. Спицына въ разсматриваемой части станетъ гораздо правдоподобнѣе, если на мѣсто персидскихъ купцовъ поставить произведенія персидской промышленности и купцевъ Турана. Ближайшія къ Оксусу области Турана и между ними цвѣтущая Бухара получали произведенія персидской промышленности въ видѣ добычи; въ тылу, на пространствѣ безпредѣльныхъ степей, они имѣли родственныя кочевыя племена и безпрепятственно могли достигать до территорій, занятыхъ пріуральскими финнами. Бухара въ историческое время уже при русскихъ держала въ своихъ рукахъ торговлю съ Сибирью. Можно думать, что и арабскія произведенія проходили на Каму чрезъ тѣ-же руки.

Въ составъ земель, на которыя арабы простерли свои завоеванія, Трансоксана входитъ только съ началомъ VIII в.: въ 709 г. переходитъ во власть Валида Бухара, въ 712 Самаркандъ, въ 713 Фергана. Но власть арабовъ здѣсь упрочилась не сразу. Омаръ II думалъ добровольно отказаться отъ Трансоксаны; при Езидѣ II между 725 и 738 гг. всѣ эти земли вернулись къ своей самостоятельности. Гишамъ въ 738 г. возвратилъ ихъ подъ власть халифата, но опять не на долго. Паденіе династіи Омейадовъ было вмѣстѣ съ тѣмъ и концемъ арабскаго владычества въ Трансоксанѣ. Только Абассидамъ съ половины VIII в. удалось укрѣпить здѣсь арабскую власть. Это событіе совпало съ тѣмъ временемъ оживленія торговой дѣятельности на арабскомъ востокѣ, которое настало послѣ прекращенія внутреннихъ раздоровъ и установленія мирныхъ отношеній съ сосѣдями. Абассиды въ лицѣ Аль-Мансура—высоко подняли ее своими заботами о путяхъ сообщенія и тѣмъ спросомъ, который на произведенія всего халифата явился въ Багдадѣ. Къ этому времени можетъ относиться и появленіе арабской промышленности—но произведеній опять такихъ, а не купцевъ—въ бассейнѣ Волги-Камы. Сомнительно, чтобы Арабы непосредственно проникали на нашъ С.В. и въ состояніи были основывать тамъ государства (такимъ была, несомнѣнно, Булгарія). VIII вѣкъ былъ періодомъ высшаго могущества Хазаръ. Арабы послѣ ряда неудачныхъ попытокъ распространить свою власть на Сѣверъ отъ Дербента отказались отъ этихъ замысловъ и нижняя Волга осталась безраздѣльно въ хазарскихъ рукахъ. Трудно думать, чтобы торговый народъ уступилъ далекимъ арабамъ выгодные сѣверные рынки. Волга открывается для Арабовъ только съ 868 г., когда Хазары, угнетаемые турками, приняли магометанство, чтобы получить помощь отъ Арабовъ. Арабы являются въ составѣ хазарскихъ войскъ; подъ ихъ прикрытіемъ, конечно, пробираются на Волгу и купцы. Почти полстолѣтія спустя Исламъ водворяется и въ Булгаріи. Но Ибнъ-Фадланъ, прибывшій сюда по этому поводу, нашелъ уже здѣсь Арабовъ при дворѣ и мечети.

Предположить, что Арабы въ эпоху послѣднихъ Омейадовъ или Аббассидовъ добрались чрезъ Трансоксану до Чердыни и укрѣпились въ ней,

спустились отсюда къ устью Камы, основали здѣсь городъ Болгары и сдѣлали его центромъ своеобразнаго государства м ы не можемъ вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ: трудно . умать, 1) чтобы арабскіе писатели эпохи Аббассидовъ проглядѣли этотъ фактъ и не сообщили объ основаніи государства съ арабской культурой, 2) чтобы халифы не сдѣлали попытокъ ввести это государство въ кругъ своихъ владѣній—черезъ Хаварезмъ или Трансоксану, 3) чтобы превращеніе купеческой стоянки въ государство совершилось въ теченіе столѣтія съ небольшимъ (въ концѣ IX в. Булгарія имѣла тѣже предѣлы, что и при Ибн-Фадланѣ), 4) чтобы, образованный арабъ Ибн-Фадланъ не зналъ ближайшаго прошлаго молодаго государства и описывалъ его, какъ нѣчто новое, и даже называлъ славянскимъ.

Гипотеза г. Спицына можетъ, намъ кажется, удержаться, если мы упростимъ ее и будемъ говорить только о предметахъ торговли, торговыхъ путяхъ и посредникахъ. Въ сношеніяхъ С.В. Россіи съ Востокомъ можно, сообразно съ этимъ различать періоды Персидскій и Арабскій; путемъ, чрезъ который проникали восточныя произведенія на Волгу и Каму, можно считать до IX в. Трансоксану, а потомъ и Волгу, посредниками Туранскихъ купцевъ.

Время, къ которому относятся верхне-камскія, чепецкія и чудскія городища, г. Спицынъ опредѣляетъ на основаніи монетъ и предметовъ несомнѣнно болгарскаго происхожденія: это VII—X в. Относительно народности, которая основала данныя городища, г. Спицынъ предполагаетъ, что это были или Болгары-купцы или оболгаренная Чудь. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ предположеніемъ мы не можемъ согласиться. Если всѣ городища были заняты Болгарами-купцами, то страна, привлекшая такую массу купцовъ, должна была имѣть чрезвычайно густое населеніе? Гдѣ-же жило о н о и гдѣ слѣды его поселенія? Если-же городища были заняты о б о л г а р е н н о й Чудью, то гдѣ въ бытѣ современныхъ потомковъ этого населенія слѣды болгаризма. Въ районѣ Чепцы и верхней Камы живутъ Татары (Бійгеръ по вотяцки), Бесермяне (какое-то о в о т я ч и в ш е е с я тюркское племя), Вотяки и Пермяки; никакихъ слѣдовъ оболгарившагося племени здѣсь нѣтъ. Вѣроятнѣе третье предположеніе, брошенное авторомъ мимоходомъ, что городища остатки былыхъ булгарскихъ острожковъ. Относительно состава Чудскихъ древностей Вятской губерніи слѣдуетъ отмѣтить важное указаніе: «вещи совершенно одинаковаго типа попадаются безразлично и въ болгарскихъ городахъ и на чудскихъ городищахъ. Вся разница между находками заключается въ томъ, что въ первыхъ попадается болѣе издѣлій восточнаго типа, а во вторыхъ мѣдныхъ подвѣсокъ и идоловъ». На констатируемый г. Спицынымъ фактъ слѣдуетъ обратить вниманіе въ виду того, что гипотеза о самобытной Чудско-Біармійской культурѣ все еще имѣетъ защитниковъ. Чудскія городища Вятской губерніи являются звѣномъ, соединяющимъ булгарскія древности съ чудскими древностями Пермской губерніи.

Къ чисто булгарскимъ памятникамъ г. Спицынъ относитъ Елабужское городище въ его позднѣйшемъ видѣ. Относительно извѣстныхъ руинъ этого городища онъ высказываетъ нѣсколько предположеній, но ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ, чтобы это была цитадель. Послѣднее подтверждается но-

вѣйшими болгарскими раскопками. Въ настоящее время, послѣ разсчистки въ Болгарахъ такъ называемаго четырехугольника, раскрывается близкое родство обоихъ памятниковъ. Ихъ планы отличаются только въ деталяхъ. Тамъ и здѣсь одни и тѣже многогранныя башни по четыремъ угламъ, тѣже выступы у стѣнъ—въ Болгарахъ по два, въ Елабугѣ по одному.

Начиная съ V гл. книги г. Спицына читатель начинаетъ чувствовать, что авторъ входитъ въ область фактовъ, которые трудно поддаются систематизаціи. Глава эта заключаетъ въ себѣ переходъ къ древностямъ современныхъ насельниковъ Вятской губерніи—Вотяковъ и Черемисъ. Описаніе древностей ведется уже не по періодамъ, а по территоріямъ. Камскія Сарапульскія городища авторъ считаетъ древневотскими. Отсутствіе на этихъ городищахъ предметовъ Болгарской и Чудской культуры приводитъ его къ весьма правдоподобному предположенію, что они относятся ко времени упадка Волжской Булгаріи. Послѣ этихъ относительно позднихъ памятниковъ Вятской старины мы читаемъ соображенія относительно Пьяноборскаго и Муновскаго могильниковъ. Г. Спицынъ не считаетъ возможнымъ отнести эти памятники къ бронзовому вѣку въ виду того, что здѣсь не было найдено мѣднаго оружія и склоненъ относить ихъ ко времени предполагаемой имъ на Камѣ восточной колоніи. Свѣдѣнія, собранныя нами въ нынѣшнемъ году, показываютъ, что показанія крестьянъ относительно находокъ отличались недостаточной полнотой: и на пьяноборскомъ и на муновскомъ могильникахъ были находимы въ разное время «мѣдныя копьеца» (такъ называютъ крестьяне стрѣлы). Для сужденія объ эпохѣ, къ которой относятся могильники, характерно то, что на нихъ не было находимо желѣзныхъ вещей. Чудскіе топоры, ральники и другія желѣзныя издѣлія встрѣчаются напр. на городищахъ, расположенныхъ по р. Муновкѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ могильникомъ, и отсутствуютъ на территоріи могильника. Между отдѣлами, трактующими о родственныхъ между собою Камскихъ, Сарапульскихъ и древневотскихъ городищахъ, авторъ говоритъ о Чудскихъ пижемскихъ городищахъ. Относительно этихъ городищъ авторъ высказываетъ мало вѣроятное предположеніе, что это были «своего рода фабрики Чудскихъ мастеровъ». Весьма сомнительно, чтобы Чудь имѣла такой уровень экономическаго развитія, при которомъ возможны спеціализація труда и возникновеніе исключительно промышленныхъ поселковъ и фабричныхъ округовъ. За описаніемъ пижемскихъ городищъ и такъ называемыхъ «Одо-лемовъ» авторъ даетъ описаніе на ряду съ описаніемъ черемисскихъ могильниковъ древняго малмыжскаго могильника «Атамановы кости», который по составу своихъ находокъ приближается къ пьяноборскимъ. Заканчивая нашъ отчетъ о трудѣ г. Спицына, мы должны обратить вниманіе читателей на приложенный къ нему прекрасный атласъ древностей костеносныхъ городищъ. Нельзя не пожалѣть, что рядомъ съ таблицами, изображающими эти древности, нѣтъ таблицъ съ древностями бронзоваго вѣка, пьяноборской и чудско-болгарской эпохъ.

М. Смирновъ.

Приложеніе I.

Двухсотлѣтней

ПАМЯТИ И. И. НЕПЛЮЕВА.

Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ Собраніи Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ въ день 7 ноября 1893 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОБЩЕСТВА Н. А. ӨИРСОВА.

(О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго).

„Что въ Россіи не взгляни, все его (Петра В.) началомъ имѣетъ, и что бы впредь не дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ". Такъ охарактеризовалъ дѣятельность Петра В. въ своихъ любопытныхъ запискахъ И. И. Неплюевъ, памяти котораго посвящено настоящее собраніе нашего общества. Ясно, что онъ и свою правительственную дѣятельность вводитъ въ связь съ государственной программой Величайшаго изъ дѣятелей русской земли.

Государственная программа нашего преобразователя первой четверти XVIII столѣтія, сложившаяся, надо замѣтить, постепенно по мѣрѣ указаній опыта,—весьма обширна: нѣтъ стороны жизни русскаго народа, который бы она не коснулась.

Въ своей великой преобразовательной дѣятельности Петръ Великій, какъ истинно русскій дѣятель, не могъ обойти вопроса о русскомъ движеніи на востокъ, и въ тотъ между прочимъ край, правительственная дѣятельность Неплюева въ которомъ и сдѣлала его имя славнымъ въ нашей исторіи.

Это русское движеніе на востокъ не при Петрѣ В. началось: оно началось почти вслѣдъ за образованіемъ русскаго государства и, прерванное на время господство татарскихъ хановъ и князей надъ русскою землею, послѣ уничтоженія та-

кового, пробудились съ новою, небывалою силою: въ результатѣ такого движенія получилось то, что къ концу XVII столѣтія Великій Русскій Государь сдѣлался обитателемъ необозримаго пространства земель, въ Азіи вплоть до Великаго океана и въ Европейской Россіи до Урала.

Но это русское движеніе на востокъ ведено было большею частію простонародьемъ чисто примитивными средствами и способами: русскіе люди идутъ все далѣе въ невѣдомыя страны по обычаю русскому артелями, съ топоромъ, звѣроловными и рыбными снарядами и потомъ съ пищалею, имѣя одну цѣль—собирать на имя В. Государя ясакъ съ обитателей новыхъ землицъ и самимъ при этомъ поживиться на ихъ счетъ и удовлетворить потребности проявить свою удаль и отвагу,—потребности, которая съиздавна была присуща русскимъ людямъ.

Петръ В., не отвергая этого стариннаго характера движенія русскаго на востокъ, желалъ ему придать и иной характеръ: поставивъ главною задачею своей многосторонней дѣятельности обогащеніе Россіи посредствомъ развитія промышленныхъ силъ страны, онъ, что касается до Закамскаго края, гдѣ губернаторствовалъ потомъ Неплюевъ, рѣшилъ сдѣлать его русскимъ не по имени только, какимъ онъ былъ до него, а на самомъ дѣлѣ и для этого колонизировалъ его въ русскомъ смыслѣ и воспользовался, при помощи знанія, этимъ краемъ, богатымъ металлами, минералами и другими дарами природы для обогащенія казны. Кромѣ того, когда экспедиціи Бухгольца и кн. Черкасскаго, предпринятыя съ цѣлію проложить русскимъ торговые пути въ Среднюю Азію, найти новый источникъ обогащенія казны въ предполагавшихся около тамошнихъ рѣкъ золотыхъ россыпяхъ, кончались неудачно, Петръ В. обратилъ вниманіе на Закамскій край, какъ на такой пунктъ, чрезъ который, по его расчету, должны были завязаться торговыя сношенія русскихъ съ средне-азіатскими народами, и, если будетъ возможно, съ Индіей.

Но Петръ В. очень хорошо зналъ, что всѣ эти его виды и намѣренія могутъ быть исполнимы лишь тогда, когда корен-

ные насельники края, главнымъ образомъ Башкирцы и переселившіеся къ нимъ въ значительномъ числѣ прежніе полданные Казанскихъ и Сибирскихъ хановъ, татарскіе мурзы и муллы, будутъ приведены къ совершенной покорности русской власти. „Въ виду этого,—пишетъ историкъ Оренбургскаго края Рычковъ,—неоднократно Петръ В. изволилъ имѣть разсужденіе, какимъ бы образомъ отъ сихъ непостоянныхъ народовъ единожды такую безопасность учредить, которая бы не только на вѣчныя времена прочна могла быть, но и къ дальнѣйшимъ Его В—ва намѣреніямъ чрезъ то бы основаніе положить". При этомъ съ обычною своею проницательностію онъ указалъ тотъ пунктъ, гдѣ уже была яхта и гдѣ дѣйствительно потомъ Неплюевымъ проведена была линія военныхъ поселеній, которыя, охватывая со всѣхъ сторонъ Башкирцевъ и перерѣзывая ихъ край, вмѣстѣ съ тѣмъ долженствовали разъединить ихъ отъ другихъ инородцевъ.

Но едва Петръ В. приступилъ къ выполненію этого предпріятія, какъ скончался. Однако планъ чрезъ Закамскій край проложить для Россіи путь къ торговому и политическому вліянію на Среднюю Азію, основать на башкирскихъ земляхъ русскія торговыя и промышленныя поселенія и для безопасности ихъ отъ нападенія туземцевъ и ихъ сосѣдей устроить въ этомъ краѣ военныя поселенія,—этотъ планъ не былъ забытъ послѣ кончины величайшаго изъ русскихъ колонизаторовъ. Напротивъ изъ всѣхъ стремленій Петра В., которыя онъ не успѣлъ осуществить при своей жизни, изъ всѣхъ начинаній его ни одно, можно сказать, не оцѣнено послѣ него такимъ достойнымъ образомъ, не поддержано такъ ревностно, какъ это его намѣреніе, которое, по словамъ Рычкова, извѣстно было многимъ знатнымъ особамъ. Это много, конечно, зависѣло отъ того, что, по стеченію обстоятельствъ, приводить этотъ замыселъ Преобразователя выпало на долю Кириллова, Татищева и Урусова, людей воспитанныхъ въ его школѣ, бывшихъ его сотрудниками, глубоко проникнутыхъ его идеями и стремленіями, пріученныхъ къ труду и способныхъ начатое

дѣло не покидать на полдорогѣ, а вести его, не смотря ни на какія препятствія, до конца, тогда какъ многія другія великія задачи, заданныя эпохой реформы, послѣ смерти ея представителя попадали въ руки лицъ, не имѣвшихъ ни политическаго образованія, ни служебной опытности, ни честности, ни заслугъ государства, а выдвинувшихся путемъ придворныхъ интригъ, и которыя потому или вовсе не выполнялись, или, если выполнялись, то въ направленіи, далеко уклонявшемся отъ видовъ великаго императора. Они, эти немногіе люди, были болѣе, чѣмъ кто либо изъ ихъ современниковъ, наслѣдниками духа и стремленій ихъ великаго учителя, и русское движеніе на востокъ чрезъ Закамскій край ими направляется съ той безустанностью, которую представляетъ эпоха преобразователя.

Безъ сомнѣнія, эти люди подготовили почву для совершенія великихъ дѣлъ за Ураломъ и въ Закавказьи русскими же, на нашихъ глазахъ, по указаніямъ Великаго преобразователя Россіи текущаго столѣтія, Императора Александра II и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Александровича.

Что на этомъ пути сдѣлалъ Н. И. Неплюевъ? Что онъ исполнилъ въ государственной программѣ Петра В., касавшейся вопроса о движеніи русскомъ на востокъ чрезъ Закамскій край? Примѣнилъ ли онъ къ дѣлу идеи о безкорыстномъ и просвѣщенномъ служеніи отечеству, о нравственномъ долгѣ, справедливости и гражданской честности, которыя тотъ лично преподалъ ему еще во время его молодости?

Въ настоящемъ нашемъ собраніи Вы, Мм. Гг., получите отвѣты на эти вопросы въ сообщеніяхъ, которыя теперь будутъ предложены Вашему вниманію.

Н. Оирсовъ.

И. И. НЕПЛЮЕВЪ.

Мм. Гг.! Обычай прославлять подвиги своихъ соотечественниковъ, особенно подвиги необыкновенные, составляетъ благороднѣйшую черту характера культурныхъ народовъ. Россія также не забываетъ своихъ честныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ на нивѣ ея прогрессивнаго развитія; но въ Россіи, какъ государствѣ монархическомъ, общенародность доступна болѣе великимъ военнымъ талантамъ и первокласснымъ писателямъ.

Не такъ счастливы въ этомъ отношеніи люди ученые, выдающіеся администраторы и государственные дѣятели. Иногда проходятъ цѣлыя столѣтія, пока не всплыветъ на поверхность исторической науки изъ глубины архивовъ какая-либо высокоталантливая и гуманнѣйшая личность забытаго государственнаго дѣятеля или кабинетнаго ученаго. Къ числу такихъ малоизвѣстныхъ обществу лицъ принадлежитъ и организаторъ обширнаго Оренбургскаго края, И. И. Неплюевъ, съ жизнію и дѣятельностью котораго знакомы очень немногіе.

Ровно 20 л. тому назадъ (11 ноября 1873 г.) Оренбургскій край молился объ упокоеніи много трудившейся души своего устроителя, по случаю столѣтія со дня его кончины, и тогда же было положено построить въ Оренбургѣ новый каоед-

ральный соборъ на Караванъ-Сарайской площади, который теперь и воздвигается, обѣщая быть лучшимъ украшеніемъ основаннаго и застроеннаго Неплюевымъ г. Оренбурга. Нынѣ 5 ноября, въ 89-ю годовщину Казан. Университета исполнилось 200 л. со дня рожденія Неплюева и 150 л. существованія г. Оренбурга. Оренбургская Городская Дума въ общемъ собраніи 14 октября, между прочимъ, постановила ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи повсемѣстной подписки на сооруженіе памятника И. И. Неплюеву, какъ основателю Оренбурга и организатору обширнаго Оренбургскаго края, простиравшагося при Неплюевѣ отъ средней Волги до Аральскаго моря—въ одну сторону и отъ Екатеринбурга до Каспійскаго моря—въ другую. Памятникъ предполагается бронзовый на каменномъ пьедесталѣ; мѣстомъ для его постановки избрана Караванъ-Сарайская площадь, гдѣ находится Неплюевскій кадетскій корпусъ, основанный 2 января 1825 г., по иниціативѣ князя Г. С. Волконскаго, одного изъ преемниковъ Неплюева по управленію Оренбургскимъ краемъ.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Импер. Каз. Университетѣ, высоко цѣня политическую, административную, колонизаціонную и финансовую многоплодную дѣятельность Неплюева въ Закамскомъ краѣ, пожелало сегодня почтить добрую память усопшаго труженика и выдающагося государственнаго дѣятеля. Помолившись въ храмѣ Божіемъ, за упокой души И. И. Неплюева, мы, Гг. сочлены, собрались сюда, чтобы воздать достойному должное.

Я не буду утруждать вашего благосклоннаго вниманія подробностями о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева: желающіе ознакомиться съ ними могутъ найти ихъ въ моей монографіи о Неплюевѣ, первые три выпуска которой уже вышли въ свѣтъ и находятся въ книжныхъ магазинахъ Казани и др. городовъ. Въ настоящее время я сообщу вашему вниманію только краткія біографическія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности И. И. Неплюева.

Родъ Неплюевыхъ происходитъ отъ одного родопачальника съ царствующимъ на Руси домомъ Романовыхъ, именно отъ боярина Андрея Ивановича Кобылы, о которомъ упоминается въ лѣтописи подъ 1347 годомъ.

И. И. Неплюевъ родился 5 ноября 1693 г. въ воскресенье, въ 7 ч. пополуночи, въ усадьбѣ Наволокъ Новгородской области. Когда ему почти исполнилось семь лѣтъ, отецъ, оставивъ его съ матерью, отправился подъ Нарву, въ составъ расположеннаго тамъ войска. Въ сраженіи подъ Нарвой, взятой Карломъ XII, И. Н. Неплюевъ былъ раненъ и больной, въ глубокую осень, вернулся въ свою усадьбу. Съ этого времени онъ почти постоянно былъ боленъ и не покидалъ своей семьи до самой кончины. Болѣзненный видъ израненнаго и потому раздражительнаго отца, кроткій и любящій взоръ матери, не имѣвшей другихъ дѣтей, сообщили ихъ сыну какую-то тихую грусть и ту безропотную покорность Промыслу Божію, которая впослѣдствіи охраняла Неплюева въ счастіи отъ упоенія и гордости, а въ трудныя минуты и тяжелые дни жизни отъ ропота и отчаянія.

На 16 г. Неплюевъ лишился своего отца: Иванъ Никитичъ, страдавшій отъ ранъ, скончался 10 Іюля 1709 г. на 38 г. своей жизни. Не прошло и двухъ съ половиною лѣтъ послѣ его смерти, какъ И. И., по волѣ матери, женился на внучкѣ новгородскаго намѣстника Ивана Юрьевича Татищева Ѳедосьѣ Ѳедоровнѣ Татищевой; бракъ былъ совершенъ 11 сентября 1711 г. Такимъ образомъ, не имѣя еще и 18 л., Неплюевъ сдѣлался женатымъ помѣщикомъ, у котораго было 30 душъ родовыхъ и 20 душъ, полученныхъ имъ за женой. Молодые поселились въ Поддубьѣ Новгородскаго уѣзда (нынѣ въ Лужскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи). Здѣсь 19 августа 1712 г. у Неплюевыхъ родился сынъ Адріанъ, а въ ноябрѣ 1713 г., т. е. черезъ два года послѣ свадьбы, Неплюевъ оставляетъ жену и сына при матери, въ Поддубьѣ, а самъ удаляется „по обѣщанію“ на богомолье въ какой-то монастырь. Въ мартѣ 1715 г. Неплюевъ возвратился въ Поддубье, гдѣ оста-

валась его семья; это путешествіе Неплюева въ монастырь, при добровольной разлукѣ съ молодой женой въ теченіе 14 мѣс., можетъ служить однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ религіознаго направленія въ Неплюевѣ, развитаго въ немъ любящей и умной матерью. Исполняя свой благочестивый обѣтъ, онъ какъ-бы приготовлялся духовно къ той многотрудной и многополезной дѣятельности, которая ожидала его впереди.

Вскорѣ по возвращеніи Неплюева изъ монастыря, въ Новгородъ прибылъ князь Меньшиковъ и потребовалъ къ себѣ всѣхъ неслужащихъ дворянъ. 24 Марта имъ произведенъ былъ смотръ; одни были опредѣлены на службу, другіе записаны въ школы; Неплюевъ оказался въ числѣ послѣднихъ. Меньшиковъ записалъ его въ новгородскую математическую школу, не смотря на то, что у Неплюева была на рукахъ семья: мать, жена и двое дѣтей. Съ этого времени для Неплюева начинается совершенно иная, новая жизнь. Мать Неплюева, потрясенная столь неожиданнымъ обстоятельствомъ, заболѣла и 4 мая того же года скончалась на 42 г. жизни. Похоронивъ свою мать, Неплюевъ отправился въ новгородскую школу и усердно принялся за ученье; въ іюнѣ того же года онъ, въ числѣ другихъ 84 учениковъ, былъ переведенъ въ нарвскую навигаціонную школу, а черезъ три мѣсяца былъ принятъ въ С.-Петербургскую Морскую академію, открытую 1 октября 1715 г. и помѣщавшуюся первоначально въ домѣ Кикина на берегу Невы, гдѣ находится теперь Императорскій Зимній дворецъ. Находясь въ академіи, Неплюевъ имѣлъ неоднократные случаи видѣть и слышать Петра Великаго и съ этого времени сталъ питать къ нему то глубокое уваженіе, которое сохранилъ во всю жизнь.

Непосредственное вліяніе Петра на учениковъ академіи имѣло весьма важное значеніе; благодаря этому вліянію, не смотря на плохой строй самой академіи, изъ стѣнъ ея выходили такіе замѣчательные дѣятели и люди, какъ В. Н. Татищевъ, И. И. Неплюевъ, Семенъ Ив. Мордвиновъ и др. Царь любилъ и часто посѣщалъ Морскую академію, бесѣдовалъ съ

учителями и учениками и слѣдилъ за успѣхами послѣднихъ. Здѣсь на листкахъ простой бумаги онъ набрасывалъ свои замѣтки и указанія, поражающія глубиною ума и разносторонностью знаній. Впослѣдствіи изъ этихъ царскихъ листковъ составилась цѣлая книжка, которая доселѣ хранится въ Адмиралтействѣ, какъ святыня.

Заботясь о насажденіи въ русскихъ школахъ практическихъ знаній, вызываемыхъ потребностями государства, Петръ Великій старался отправлять за границу болѣе даровитыхъ изъ молодыхъ дворянъ, гдѣ одни должны были учиться архитектурному искусству, другіе—инженерному, третьи—горнозаводскому дѣлу и т. п. Широкой, вполнѣ русской, натурѣ Петра было тѣсно на многоводныхъ тогда русскихъ рѣкахъ; ему мало было Бѣлаго моря и Каспія и потому онъ простиралъ могучія свои руки къ Балтійскому и Черному морямъ. По волѣ Петра началось новое въ Россіи дѣло: строеніе кораблей, галеръ и другихъ судовъ, для чего потребовались не только технически-образованные люди, карабельные мастера, но и опытные моряки, которые бы могли управлять галерами и другими судами. Съ этою цѣлію Петръ учредилъ званіе гардемарина, опредѣливъ его съ свойственною ему лаконичностью такъ: „в ъ б о ю к а к ъ с о л д а т ъ, в ъ х о д у к а к ъ м а т р о с ъ“. Гардемарины на кораблях исполняли всѣ матросскія обязанности, носили матросскій костюмъ и получали помѣсячно паекъ на продовольствіе. И. И. Неплюевъ также записанъ былъ въ гардемарины въ Ревельскій флотъ. Въ 1716 г. Неплюевъ, въ числѣ другихъ 30 чел., отправился по волѣ Государя, въ Венецію, куда онъ прибылъ въ февралѣ 1717 года. Съ іюня 1717 г. по декабрь 1718 г. Венеціанская республика вела войну съ Турціей, и нашимъ гардемаринамъ, участвовавшимъ съ этой войнѣ, удалось оказать „существенный куражъ въ въ карабельной баталіи“ венеціанскаго флота съ турецкимъ, бывшей 19 Іюля 1717 г. въ портѣ Паганія, въ заливѣ Елеусъ, а также при взятіи фортовъ Привезы и Вонницы и при осадѣ венеціанцами города Дульцина. Неплюевъ особенно отличился

при этомъ и „показалъ себя въ наукѣ галернаго мореплаванія способнымъ и искуснымъ“. Въ началѣ 1719 г. прекратилась война венеціанцевъ съ турками, а въ апрѣлѣ того же года гардемарины, по волѣ Государя, должны были отправиться въ Испанію, чтобы продолжать тамъ свою службу на галерахъ. По прибытіи въ Кадиксъ они поступили въ Королевскую академію, основанную по проэкту кардинала Альберони, а не во флотъ, находившійся въ то время въ Сициліи. Безплодна и тяжела была жизнь нашихъ гардемариновъ въ Кадиксѣ. Въ Венеціи они были заняты дѣйствительной и, притомъ, боевой службой и, кромѣ того, тамъ они слышали людей, говорившихъ на славянскомъ нарѣчіи, а здѣсь люди боевого дѣла должны были тратить силы и время на фехтованье, на разные прыжки и „па“ въ танцахъ. Отсутствіе благородныхъ развлеченій для молодыхъ людей, незнаніе ими испанскаго языка, на которомъ велось преподаваніе математики и артиллеріи, запрещеніе сходиться вмѣстѣ внѣ академіи, недостатокъ средствъ,—все это сильно подавляло духовную дѣятельность гардемариновъ, такъ что одинъ изъ нихъ, Иванъ Арбузовъ, сошелъ съ ума, а 24 августа скончался князь Алексѣй Бѣлосельскій. У постели умирающаго товарища наши гардемарины написали горькую, слезную просьбу о дозволеніи возвратиться имъ въ Россію, „понеже (писали они) танцованіе и шпажное ученіе къ интересу Его Величества не въ пользу“. Не трудно представить себѣ радость гардемариновъ, когда они узнали, что имъ позволено было возвратиться въ отечество, котораго они не видали уже 5 лѣтъ. Въ мартѣ 1720 г. гардемарины были въ Амстердамѣ, а 22 мая того же года прибыли въ Петербургъ. Заграничное пятилѣтнее путешествіе стоило Неплюеву 1000 р.: „во весь войяжъ“,—замѣчаетъ онъ въ Запискахъ,—„издержалъ я собственныхъ 400 р., да государевыхъ 600 р.“.

По возвращеніи въ Россію, Неплюевъ встрѣтилъ у всѣхъ самый радушный пріемъ: генералъ-адмиралъ, графъ Апраксинъ принялъ его, какъ отецъ сына послѣ долгой разлуки; но особенную ласковость, вниманіе и радушіе оказалъ Неплюеву

графъ Григор. Петр. Чернышевъ, знавшій его еще по Морской академіи. 30 іюня гардемаринамъ было объявлено, чтобы они явились на слѣдующій день въ Адмиралтейскую Коллегію на экзаменъ. Не было еще и 8 часовъ, когда Неплюевъ пришелъ въ Коллегію; въ 8 ч. прибылъ на экзаменъ и самъ Государь. Начался экзаменъ. Когда очередь дошла до Неплюева, Государь спросилъ его: „всему-ли ты научился, для чего былъ посланъ?“ — „Всемилостивѣйшій Государь!“ отвѣтилъ Неплюевъ: „прилежалъ я по всей моей возможности, но не могу похвалиться, что всему научился, а болѣе почитаю себя предъ Вами рабомъ недостойнымъ, и того ради прошу, какъ предъ Богомъ, Вашея ко мнѣ щедроты“. Неплюевъ упалъ при этомъ на колѣни; Петръ позволилъ ему поцѣловать свою руку и сказалъ слѣдующія глубоко-знаменательныя слова: „видишь, братецъ, я и Царь, да у меня—на рукахъ мозоли, а все оттого, чтобы показать вамъ примѣръ и, хотя-бъ подъ старость, видѣть мнѣ достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Неплюевъ, преисполненный чувства глубокаго уваженія къ вѣнценосному работнику, схватилъ его мозолистыя царскія руки и осыпалъ ихъ горячими поцѣлуями. „Встань, братецъ!“ сказалъ ему Государь: „и дай отвѣтъ, о чемъ тебя спросятъ, но не робѣй! буде что знаешь, сказывай, а чего не знаешь, такъ и скажи“. Ободренный самимъ Царемъ, Неплюевъ отвѣчалъ бойко и дѣльно. Тогда Государь, обратившись къ флагшаку Змаевичу, производившему экзаменъ, сказалъ: „распрашивай его о высшихъ знаніяхъ!“—Змаевичъ предложилъ Неплюеву нѣсколько вопросовъ изъ математики. „Милостивое одобреніе“,—говоритъ Неплюевъ въ своихъ Запискахъ,—„сдѣлало меня не робкимъ, и я рѣшилъ предлагаемыя мнѣ задачи довольно удачно“. Государь остался доволенъ отвѣтами Неплюева и тутъ же пожаловалъ его чиномъ лейтенанта морскаго галернаго флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ Неплюеву состоять при своей особѣ и назначилъ его главнымъ смотрителемъ и командиромъ надъ всѣми морскими судами, строющимися въ Петербургѣ,—должность въ то время весьма видная и отвѣтствен-

ная. Петръ отечески полюбилъ умнаго, въ высшей степени трудолюбиваго и симпатичнаго Неплюева и говорилъ о немъ: „въ этомъ маломъ путь будетъ“!

Дѣствительно, Неплюевъ краснорѣчиво доказалъ всей своей жизнью необыкновенную способность Петра угадывать людей. Въ своихъ „Запискахъ“ Неплюевъ приводитъ слово въ слово нѣсколько разговоровъ съ Петромъ. Какая простота въ каждомъ словѣ Императора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое теплое чувство любви къ родинѣ, какая отеческая заботливость даже о самыхъ незначительныхъ интересахъ послѣдняго изъ его подданныхъ!—Зная, что Петръ не любилъ лжи, Неплюевъ всегда старался говорить правду, чѣмъ еще больше расположилъ къ себѣ Государя. Вотъ, между прочимъ, что онъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Однажды я пришелъ на работу, а Государь уже прежде пріѣхалъ. Я испугался и хотѣлъ бѣжать домой,—больнымъ сказаться; но потомъ вспомнилъ, что Государь не любилъ неправды, пошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ находился.—Государь сказалъ мнѣ: „я уже, мой другъ, здѣсь!“—„Виноватъ, Государь, вчера былъ въ гостяхъ и долго засидѣлся, и оттого опоздалъ!“ отвѣчалъ сконфуженный Неплюевъ. Петръ взялъ его за плечо такъ крѣпко, что Неплюевъ вздрогнулъ, зная отеческія мѣры Петра; но Петръ весело и ободряюще сказалъ: „спасибо, малый, что говоришь правду,—Богъ проститъ! Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ?—Вчера ты былъ въ гостяхъ, а теперь поѣдемъ со мной на родины“!—Неплюевъ почтительно поклонился и, ставъ, по приказанію Государя, на задокъ его одноколки, чрезъ нѣсколько минутъ былъ уже въ домѣ одного изъ плотниковъ своей команды. Войдя въ домъ, Государь поцѣловалъ роженицу и далъ ей 5 гривенъ. Неплюевъ, остановившійся у двери, получилъ приглашеніе сдѣлать то же. Цѣлуя мать новорожденнаго, Неплюевъ далъ ей на зубокъ гривну. „Что далъ поручикъ?“ спросилъ Государь роженицу; она показала полученную ею гривну. „Э, братъ, я вижу, ты даришь по заморски“, сказалъ съ улыбкой Государь.—„Нечѣмъ мнѣ, Царь-Государь, дарить много“,—

отвѣчалъ Неплюевъ: „дворянинъ я бѣдный, имѣю жену и дѣтей, и когда-бы не Ваше Царское жалованье, то-бы, здѣсь живучи, и ѣсть было нечего!“—Въ это время входитъ хозяинъ съ деревянной тарелкой въ рукахъ, на которой была рюмка водки, и подноситъ государю. Петръ выпилъ за здоровье роженицы и закусилъ пирогомъ съ морковью, лежавшимъ на столѣ. Затѣмъ радушный хозяинъ поднесъ и своему командиру; Неплюевъ, по его выраженію: „отъ роду не пившій горячаго вина“, отказался. Петръ, видя это, ласково сказалъ: „откушай, братецъ, сколько можешь, не обижай хозяина!“—Неплюевъ выпилъ, а Государь, отломивъ и подавая ему кусокъ пирога съ морковью, промолвилъ: „заѣшь! это родимая, а не итальянская пища“.

Такъ отечески-просты были отношенія Государя къ его любимцу. Не прошло и году, по возвращеніи Неплюева изъза границы, какъ ему опять надолго пришлось оставить Россію. Императоръ искалъ человѣка, который могъ-бы занять постъ резидента при Константинопольскомъ дворѣ, и выборъ его, къ удивленію всѣхъ богатыхъ и знатныхъ, палъ на бѣдняка Неплюева, не смотря на то, что ему въ это время было всего 27 лѣтъ отъ роду. Когда Неплюевъ упалъ въ ноги Государю и началъ выражать волновавшія его чувства, называя Петра своимъ отцемъ, Государь сказалъ: „не кланяйся, братецъ, я вашъ отъ Бога приставникъ, и должность моя—смотрѣть того, чтобы недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь, не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худо, такъ я истецъ: ибо Богъ отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобы злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать. Служи вѣрой и правдой. Впачалѣ Богъ, а при Немъ и я долженъ буду не оставить“. Неплюеву было назначено 3000 р. въ годъ жалованья и велѣно выдать 1000 р. подъемныхъ. 25 февраля 1721 г. онъ получилъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ о назначеніи его на постъ резидента въ Константинополь, а на слѣдующій день ему вручена инструкція и дана прощальная аудіенція у Государя.

Петръ принялъ своего любимца весьма ласково, сдѣлалъ ему нужныя наставленія и, благословляя въ далекій путь, поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ: „Прости, братецъ, кому Богъ велитъ видѣться!“—Неплюевъ сильно былъ растроганъ этой разлукой, какъ будто кто ему подсказалъ, что онъ болѣе уже не увидитъ Петра. 9 марта Неплюевъ покинулъ Петербургъ и отправился въ Поддубье, гдѣ пробылъ только два дня. Оставивъ здѣсь жену съ малолѣтними дѣтьми, онъ съ старшимъ сыномъ Адріаномъ, которому было около 9 лѣтъ, чрезъ Москву отправился въ Константинополь, куда прибылъ 8 сентября того же года, а 17 сентября былъ принятъ султаномъ Ахметомъ III.

Я не буду останавливаться на дипломатической дѣятельности Неплюева въ Константинополѣ, а только замѣчу, что дружба Россіи съ Турціей въ теченіе 14 л., пока Неплюевъ былъ Константинопольскимъ резидентомъ, не прерывалась. Настойчивость, съ какой всегда дѣйствовалъ Неплюевъ, отстаивая русскіе интересы, казалась иногда просто упрямствомъ для турокъ, пытавшихся даже отравить его. Но ловкій и находчивый дипломатъ, не щадя ни силъ, ни здоровья, зналъ все, что нужно было знать въ его положеніи. Трудолюбіе его было изумительно; весь служебный персоналъ его состоялъ только изъ секретаря и переводчика. Шифрованныя депеши Неплюева цифрами представляютъ, такъ сказать, цѣлую фотографію жизни Неплюева въ Константинополѣ, не исключая и ея мелочей. Не смотря на интриги французскаго посла, Неплюевъ успѣлъ расположить къ себѣ и султана Ахмета, который не могъ нахвалиться имъ, и верховнаго визиря Ибрагима-пашу, подарившаго Неплюеву соболью шубу и лошадь съ уборомъ. Благодаря дипломатической дѣятельности Неплюева и его энергіи, 27 іюня 1724 г. былъ заключенъ мирный договоръ съ Турціей, по которому Россія получила право на владѣніе мѣстами, лежащими на западномъ берегу Каспійскаго моря со всѣми дистриктами и окрестностями Дербента, Баку, Гиляни, Мазандерана, и Астрабада до р. Оссы. Въ воздаяніе заслугъ Неплюева, Петръ Великій наградилъ его чиномъ морскаго капитана 1 ран-

га и 400 душъ крестьянъ въ Устюжско-Желѣзопольскомъ уѣздѣ; женѣ и дѣтямъ Неплюева приказано производить выдачу полнаго жалованья, по его чину, изъ Адмиралтейской Коллегіи, а старшему сыну Адріану, находившемуся въ Голландіи, повелѣно выдавать по 300 р. въ годъ съ обязательствомъ, чтобы онъ обучался математикѣ и другимъ наукамъ, для чего Неплюевъ собственно и отправилъ его съ дядькой еще раньше въ Амстердамъ.

Такимъ образомъ, какъ оказалось, дальновидный Императоръ не ошибся, назначивъ Неплюева резидентомъ въ Константинополь: Неплюевъ не только хорошо понималъ планы Преобразователя, но и умѣлъ энергично выполнять ихъ. Идея вѣрнаго и полезнаго служенія отечеству, которую выражалъ Петръ, нашли въ Неплюевѣ благотворную почву. Петръ былъ для Неплюева идеаломъ государственнаго служенія и любви къ отечеству; онъ питалъ къ Государю и личную привязанность. Послѣ этого легко себѣ представить, какъ сильно должна была поразить Неплюева неожиданная вѣсть о кончинѣ Петра. Вотъ что говоритъ объ этомъ Неплюевъ въ своихъ Запискахъ: „1725 г. въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что Отецъ Отечества, Императоръ Петръ I, отъиде сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу слезами, какъ по должности о моемъ Государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ и, ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей Монархъ Отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди,—однимъ словомъ, на что въ Россіи не взгляни, все его началомъ имѣетъ, и что-бы впредъ не дѣлалось, отъ сего источника чернать будутъ, а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ Государь и отецъ милосердый. Да вчинитъ Господь душу его, многотрудившагося о пользѣ общей, съ праведными!“—Неплюевъ и послѣ, во всю жизнь, не могъ говорить о Петрѣ Великомъ безъ слезъ. Голиковъ передаетъ, что, когда онъ просилъ Неплюева разсказать что-либо о Петрѣ, то Неплюевъ обыкновенно

замѣчалъ при этомъ: „Эвося, братецъ, ты опять хочешь, чтобы я плакалъ"!

Преемники Петра Великаго также цѣнили Неплюева и оказывали ему свое вниманіе. Такъ, когда въ 1727 г. Неплюевъ попросилъ Императрицу Екатерину I отпустить его жену въ Константинополь, то Государыня, охотно согласившись на прюсьбу Неплюева, подарила его женѣ 500 р. на дорогу, дала въ провожатые лейтенанта флота В. И. Татищева и прапорщика Наковальнина и приказала отправить ее до Кіева на казенный счетъ. Когда Ѳедосья Ѳеодоровна, жена Неплюева, находилась еще въ пути, въ Великомъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся указъ о пожалованіи Неплюеву новаго имѣнья Поръ въ Устюжскомъ уѣздѣ, согласно волѣ Императора Петра II. Въ 1728 г. Неплюевъ получилъ чинъ капитанъ-командира галернаго флота; а 2 декабря 1730 г.—чинъ шаубенахта или контръ-адмирала флота „за долговременное при дворѣ Турскомъ пребываніе,—какъ сказано въ указѣ"; „и прилежную и усердную тамъ въ интересахъ нашихъ службу". Всегда недомогающій Неплюевъ, начиная съ 1725 г., не разъ просилъ объ отозваніи его изъ Константинополя, но его цѣнили и потому не отзывали. Наконецъ здоровье Неплюева разстроилось до того, что медики отказались лѣчить его. „По сей причинѣ", говоритъ Неплюевъ,—„принужденъ я былъ отъ правленія дѣлъ отказаться, и на свое мѣсто именемъ Ея Величества окредитовать надворнаго совѣтника Алексѣя Вешнякова, что учинено мною 30 декабря 1734 г., почему и присланъ указъ: быть на моемъ мѣстѣ помянутому Вешнякову, а мнѣ ѣхать въ Россію". Упомянутый Вешняковъ раньше былъ консуломъ въ Испаніи, откуда и переѣхалъ въ Константинополь около 1732 г., причемъ ему было предписано учиться у Неплюева, какъ дѣйствовать и какъ писать. Неплюевъ проводилъ впередъ свое семейство съ чрезвычайнымъ посланникомъ при Константинопольскомъ дворѣ, княземъ А. И. Щербатовымъ, а затѣмъ, спустя уже два года, и самъ оставилъ Константинополь это, по его мѣткому выраженію „осиное гнѣздо", и отправился въ Россію.

Не доѣзжая столицы, онъ, по распоряженію правительства, долженъ былъ прожить нѣкоторое время въ Кіевѣ для тайныхъ сношеній съ нашими конфидентами: валахами и южными славянами, и только въ исходѣ 1735 г. прибылъ въ Петербургъ, а 30 января 1736 года состоялся Высочайшій указъ о пожалованіи Неплюева въ тайные совѣтники; 25 марта того же года Неплюевъ былъ зачисленъ въ составъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, съ окладомъ жалованья въ 2264 р. 84½ коп. въ годъ.

Вскорѣ началась война Россіи съ Турціей изъ-за кандидата на польскій престолъ: Франція желала видѣть на польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, тестя Людовика XV, а Россія была за саксонскаго курфирста Августа III, союзника Австріи. Выигравъ дѣло, Россія должна была начать войну съ Турціей. Не смотря на успѣхи русскаго оружія, война эта была весьма невыгодной для Россіи по своимъ послѣдствіямъ. Начались переговоры въ Немировѣ, и Неплюевъ назначенъ былъ полномочнымъ министромъ на Немировскій конгрессъ, въ сообществѣ барона Шафирова и оберъ-егермейстера А. П. Волынскаго; но въ Немировѣ не состоялось мира и конгрессъ кончился ничѣмъ. Шафирову и Волынскому было предписано возвратиться въ Петербургъ, а Неплюеву велѣло поселиться въ Кіевѣ и смотрѣть за дѣлами по заграничной корреспонденціи.

Между тѣмъ Волынскій, занявшій съ 3 апрѣля 1738 г. постъ кабинетъ-министра, стараясь угодить Бирону, направилъ дѣло такъ, что всѣ переговоры съ Турціей кончились постыднымъ для Россіи Бѣлградскимъ миромъ, заключеннымъ Австріей 18 сентября 1739 г., а Волынскій за попраніе интересовъ Россіи, въ угоду Бирону, получилъ 20000 р. въ награду. 3 Марта 1740 г. Неплюевъ былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ и коммиссаромъ по разграниченію земель между Россіей и Турціей по рр. Бугу и Днѣпру. Лѣтомъ того же года Неплюеву, по волѣ Остермана, пришлось быть слѣдователемъ по дѣлу кабинетъ-министра А. П. Волынскаго, о чемъ

Неплюевъ совершенно умалчиваетъ въ своихъ Запискахъ: вѣроятно непріятно и тяжело было для него воспоминаніе объ этомъ кровавомъ дѣлѣ, въ которомъ, къ величайшему сожалѣнію, и онъ былъ вынужденъ принять участіе. Я не буду входить въ подробности этого процесса, а рекомендую желающимъ ознакомиться съ ними прочитать IV гл. моей монографіи о Неплюевѣ; въ настоящее время замѣчу только, что покойный Е. И. Карловичъ въ своемъ сочиненіи „Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи“ совершенно несправедливо упрекаетъ Неплюева въ присвоеніи имъ конфискованныхъ у Волынскаго имѣній: ихъ раздѣлили по себѣ другіе; доказательства этого желающіе найдутъ въ моей книгѣ.

По окончаніи суда надъ Волынскимъ, Неплюевъ долженъ былъ отправиться на Днѣпръ для окончанія порученнаго ему дѣла о разграниченіи земель между Россіей и Турціей по рр. Бугу и Днѣпру, и съ успѣхомъ выполнилъ это дѣло. 4 декабря 1740 г. скончалась жена Неплюева Өедосья Осдоровна на 46 г. отъ роду и была погребена въ Кіевѣ, подъ Өеодосіевыми пещерами внутри церкви, у земляного вала. И. И. Неплюевъ имѣлъ отъ нея 6 человѣкъ дѣтей, а не двоихъ, какъ говоритъ кн. Долгоруковъ, а именно три сына (Адріана, Ивана и Николая) и три дочери (Марію, Марѳу и Анну); изъ нихъ сынъ Иванъ умеръ 7 л. въ Поддубьѣ и дочь Марѳа тамъ же, вскорѣ послѣ рожденія.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Неплюевъ былъ вызванъ въ Петербургъ, для переговоровъ съ турецкомъ посломъ, и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и 2000 крестьянскихъ душъ въ Малороссіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ главнымъ командиромъ надъ всей Малороссіей и долженъ былъ снова оставить Петербургъ. Въ это время при Русскомъ дворѣ блистали своей красотой, умомъ и рѣдкимъ по тому времени образованіемъ фрейлины Александра Ивановна и Анна Ивановна Панины, родныя сестры графовъ П. и Н. И. Паниныхъ. Обѣ сестры были украшеніемъ Двора, а братья играли весьма видную роль въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Але-

ксандра Ивановна Панина вышла за князя А. Б. Куракина, бывшаго сначала посланникомъ въ Парижѣ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ Двора, а Анна Ивановна 7 окт. 1741 г. повѣнчалась съ И. И. Неплюевымъ и отправилась съ нимъ въ Малороссію. Неплюеву въ это время было 47 л., а его молодой женѣ 23 года.

Не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ, И. И. Неплюевъ легко могъ разсчитывать на расположеніе къ себѣ красавицы фрейлины: высокій, стройный блондинъ, съ прекрасными голубыми глазами и чрезвычайно тонкими чертами лица, Неплюевъ особенно располагалъ къ себѣ спокойнымъ и добрымъ выраженіемъ своего въ высшей степени умнаго и симпатичнаго лица; кромѣ того, молодой фрейлинѣ могло льстить высокое положеніе Неплюева и его заслуги отечеству.

И. И. Неплюевъ прибылъ въ Глуховъ 30 октября и поселился съ своей молодой женой въ гетманскомъ дворцѣ. Дѣти Неплюева только здѣсь познакомились съ своей мачихой, которая на 3 года была моложе старшей дочери своего мужа. Въ началѣ ноября Неплюевъ принималъ различныхъ начальниковъ и представителей Малороссійскаго казачьяго войска. Пріемы служащихъ и знакомыхъ, поздравленія, семейные обѣды и вечера весело смѣняли другъ друга; счастливые супруги и не подозрѣвали того испытанія, которое ожидало ихъ впереди. Съ 24 на 25 ноября 1741 г. въ Петербургѣ произошелъ дворцовый переворотъ: младенецъ императоръ Іоаннъ Антоновичъ былъ низверженъ и корона, при помощи гвардіи, досталась дочери Петра, Елизаветѣ Петровнѣ; Остерманъ и др. лица, нежелавшія видѣть на русскомъ тронѣ Елизавету Петровну, были арестованы и преданы суду, а 3 декабря, рано утромъ, прискакалъ въ Глуховъ генералъ-пригсъ-коммиссаръ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и объявилъ Неплюеву, что онъ, по Высочайшему приказанію, отрѣшается отъ всѣхъ должностей и подъ арестомъ долженъ отправиться въ Петербургъ.

Въ Москвѣ Неплюевъ узналъ, что причиною немилости къ нему новой Императрицы послужила дружба его съ Остер-

маномъ, который намѣревался заключить Елизавету Петровну въ монастырь и былъ уже приговоренъ къ смертной казни. По прибытіи Неплюева въ Петербургъ, его лишили ордена Св. Александра Невскаго и малороссійскихъ деревень и до окончанія слѣдствія надъ Остерманомъ приказали содержать подъ арестомъ. Эта совершенно неожиданная опала не столько потрясла самого Неплюева, сколько его молодую жену; по слѣдствію Неплюевъ былъ признанъ невиннымъ въ замыслахъ Остермана. Въ началѣ 1742 г. ему было приказано явиться въ Дворецъ. Императрица обошлась съ нимъ привѣтливо и возвратила ему орденъ Св. Александра Невскаго, возложивъ его на невинно-осужденнаго собственноручно, когда она проходила въ домовую церковь, предъ которой Неплюевъ долженъ былъ ожидать ее, стоя на колѣняхъ; но малороссійскія деревни не были возвращены Неплюеву, а остались въ казнѣ и послѣ были подарены графу К. Г. Разумовскому.

Не смотря на это, Неплюевъ съ удивительнымъ терпѣніемъ и незлобіемъ отнесся къ своему положенію: „увидавъ дщерь Государя“,—говоритъ онъ въ Запискахъ,—„много обожаемаго къ славѣ, ей принадлежащей, и въ лицѣ ея черты моего отца и Государя Петра Перваго, я такъ обрадовался, что забылъ и все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ почивающаго родителя“.

Вскорѣ Неплюевъ былъ приглашенъ въ Сенатъ, гдѣ ему вручили указъ о назначеніи его командиромъ Оренбургской Коммиссіи, переименованной при Неплюевѣ въ Оренбургскую губернію. Въ силу этого указа Неплюевъ долженъ былъ привести въ надлежащее устройство башкирскій край: обезопасить границы, простиравшіяся болѣе чѣмъ на 1000 в.; обуздать грабежи киргизъ-кайсаковъ и другихъ степныхъ хищниковъ, и распространить торговлю съ Средней Азіей. Для Неплюева, занимавшаго предъ тѣмъ важныя государственныя должности, это назначеніе было замаскированною ссылкою; такъ взглянулъ на свое новое положеніе и самъ Неплюевъ, того же мнѣнія

были друзья и родственники Неплюева, проводившіе его съ горькими слезами. Но Неплюевъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и слишкомъ возвышенной души, чтобы унывать, и отправился въ Оренбургъ, по его выраженію: „съ спокойнымъ по невинности духомъ". Не такъ должно было подѣйствовать это назначеніе на его молодую жену, привыкшую къ блеску и пышности Двора и къ разнообразнымъ развлеченіямъ столичной жизни, имѣющимъ особенную цѣну и прелесть для молодой, красивой женщины. Анна Ивановна просто была въ отчаяніи. Неплюевъ замѣчаетъ относительно этого слѣдующее: „въ несчастіе такое приведенная жена моя съ самаго сего дня поверглась въ такое уныніе, что отъ того никакимъ совѣтомъ ее извлечь я не могъ, отчего и почувствовала она тяжкіе болѣзненные припадки".

Опредѣливъ сына Николая въ кадетскій корпусъ, Неплюевъ, въ сообществѣ жены и 9 л. дочери Анны Ивановны, отправился весной 1742 г. къ новому мѣсту служенія и 24 апрѣля прибылъ въ Самару, гдѣ тогда жили главные командиры Оренбургскаго края. Много труда, разныхъ заботъ и хлопотъ ожидало здѣсь Неплюева. Въ составъ Оренбургскаго края тогда входили, кромѣ нынѣшней Оренбургской губерніи, еще губерніи: Уфимская, частію Симбирская, Самарская, часть Астраханской, Казанской, Пермской и Вятской, земля Уральскаго казачьяго войска и киргизъ-кайсацкія степи, такъ что окружность всего края равнялась 5½ т. верстъ. На обширномъ пространствѣ этого края издавна сходились, враждовали, мирились и перемѣшивались разныя инородческія племена, уступая постепенно господство надъ краемъ русскимъ. Но дорогой цѣной купила себѣ Оренбургскій край коренная Россія,—цѣною крови многихъ тысячъ людей, забутившихъ своими костями землю этого края и поливщихъ ее кровью; много, очень много было пролито здѣсь русской и башкирской крови, прежде чѣмъ русскіе окончательно завладѣли этимъ краемъ.

Болѣе 200 л., съ незначительными перерывами, продолжалось здѣсь борьба русскихъ съ башкирцами, которыхъ счи-

таютъ древнѣйшими обитателями Оренбургскаго края. Многіе храбрые башкирцы, какъ Сеитъ, Кусюмъ, Кильмякъ-Абызъ, Юсупъ, Карабашъ и др. легли головами за свою независимость въ борьбѣ съ русскими; многіе были преданы смертной казни.— Начиная съ 1735 г. по 1740 г., когда Оренбургскимъ краемъ управляли одинъ за другимъ И. К. Кирилловъ, В. Н. Татищевъ и князь В. А. Урусовъ,—въ эти 6 лѣтъ казнено и убито въ сраженіяхъ болѣе 9 т. чел., однихъ башкиръ болѣе 3 т. ч. сослано въ каторгу; роздано свыше 6 т. башкирскихъ женъ и дѣтей помѣщикамъ; сожжено около 400 башкирскихъ деревень, и взято въ штрафъ лошадей и рогатаго скота болѣе 17 тысячъ головъ. Озлобленные башкиры и помогавшіе имъ въ борьбѣ съ русскими киргизы, короламгани и др. инородцы, въ свою очередь, безпощадно мстили русскимъ: они перерѣзали въ Верхнеяицкой крѣпости всю команду; пожгли всѣ деревни около Билярска, Заинска, Старошишминска, Мензелинска и только 30 в. не дошли до Казани; селенія по рѣкамъ Самарѣ, Бѣлой и Камѣ были разграблены; церкви, дома помѣщиковъ и хлѣбъ были сожжены; крестьянъ убивали, уводили въ плѣнъ и продавали въ Хиву, Бухару и Крымъ; стариковъ и подростковъ-дѣтей сажали живыми на колья, а иныхъ давили въ заборахъ; случалось, что остервенившіеся башкирцы не давали покоя и мертвымъ: разрывали могилы русскихъ и разбрасывали тѣла и кости умершихъ по кладбищу и дорогамъ. Вотъ въ какой край былъ назначенъ И. И. Неплюевъ, было ему надъ чѣмъ подумать, не безъ причины заливалась слезами и его молодая жена! Но, къ счастью Неплюева, сильная буря уже пронеслась надъ Оренбургскимъ краемъ ко времени его пріѣзда въ Самару, а извѣстно, что и въ природѣ послѣ бури бываетъ затишье: смолкли ружейные выстрѣлы, разсѣялся пороховой дымъ и снова проглянуло красное солнышко, любовно лаская широкія степи и обогрѣвая обитателей, оставшихся въ живыхъ. Воспользовавшись трудами своихъ предшественниковъ, Неплюевъ занялся устройствомъ Оренбургскаго края на его раз-

валпахъ, пепелищѣ и свѣжихъ могилахъ павшихъ въ ожесточенномъ бою людей, русскихъ и чужеродцевъ.

Дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ, которымъ онъ управлялъ 16 л., была такъ разностороння и обширна, что могла-бы послужить предметомъ цѣлаго университетскаго спеціальнаго курса, а потому я въ настоящее время ограничусь лишь простымъ указаніемъ на разные отдѣлы этой дѣятельности. Благодаря неусыпнымъ трудамъ и энергіи Неплюева, въ Оренбургскомъ краѣ, раньше малонаселенномъ и дикомъ, заводятся новыя слободы; обработываются нетронутыя плугомъ земледѣльца новины; строятся во многихъ мѣстахъ православные храмы; прокладываются дороги; наводятся мосты чрезъ рѣки, овраги и гати; устраивается почтовый трактъ отъ Оренбурга и Троицка до Москвы и другихъ городовъ центральной Россіи даются льготы содержателямъ разгонныхъ и почтовыхъ лошадей; изыскиваются мѣры къ безопасности торговаго караваннаго пути въ Ташкентъ, въ Хиву, Бухару и др. мѣста Средней Азіи чрезъ киргизскія степи; освобождаются тысячи плѣнныхъ изъ киргизской неволи; совершается торжественная конфирмація въ Оренбургѣ Нурали-Салтана въ киргизскіе ханы. При Неплюевѣ воздвигаются крѣпости и редуты по рѣкамъ: Сакмарѣ, Яику (Уралу), Ую, Міясу и Тоболу, съ цѣлію обороны и безопасности отъ башкирцевъ, калмыковъ, зюнгорцевъ и киргизъ; онъ же отстаиваетъ поселеніе Яицкихъ казаковъ на р. Яикѣ, вопреки мнѣнію Татищева, и вводитъ болѣе прочныя основы административнаго и военнаго устройства среди Яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ, башкиръ, ставропольскихъ крещеныхъ калмыковъ, нагайбаковъ и др. поселенцевъ Оренбургскаго края, пришлыхъ и туземцевъ; Неплюевъ организуетъ и Оренбургское казачье войско, составивъ для него опредѣленный штатъ. Стараясь оградить безопасность каждаго закономъ, Неплюевъ преслѣдуетъ пьянство, взяточничество и отдаетъ подъ судъ за взятки уфимскаго губернатора бригадира П. Д. Ашакова, устранивъ его отъ должности. Сознавая пользу образованія, Неплюевъ заботится объ открытіи и устрой-

ствѣ школъ для инородческаго и русскаго населенія во ввѣренномъ ему краѣ, а для крещеныхъ калмыкъ, по его почину, переводятся главнѣйшія молитвы и 10 заповѣдей на калмыцкій языкъ; по его же совѣту, Ставропольскій протоіерей о. Андрей Чубовскій обратился къ крещенымъ калмыкамъ съ проповѣдью на ихъ родномъ языкѣ. Для престарѣлыхъ и больныхъ солдатъ Неплюевъ устраиваетъ богадѣльни; осиротѣлыхъ башкирскихъ и калмыцкихъ дѣтей старается просвѣтить св. крещеніемъ, обучить грамотѣ и опредѣлить къ мѣсту. Будучи врагомъ лѣнтяевъ и дармоѣдовъ, онъ преслѣдуетъ нищихъ по ремеслу и заставляетъ ихъ работать. Въ 1743 г. Неплюевъ устраиваетъ нынѣшній Оренбургъ, укрѣпляетъ его стѣной и обводитъ рвомъ; онъ же заселяетъ и укрѣпляетъ Яицкую линію, простиравшуюся болѣе чѣмъ на 1000 верстъ. Чтобы улучшить экономическій бытъ жителей Оренбургскаго края, Неплюевъ указываетъ на новые источники средствъ и доходовъ для экономическаго развитія и управленія края, при чемъ обращаетъ особенное вниманіе на развитіе промышленности и торговли въ Оренбургскомъ краѣ. При немъ завязываются торговыя сношенія русскихъ съ средне-азіатскими странами и народами, дающія возможность посредствомъ сбора пошлинъ, покрывать всѣ расходы по содержанію администраціи и др. правительственныхъ функцій въ краѣ, на что прежде отпускалось до 50000 р. изъ казны. До Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ не было ни одного завода, а при немъ устраивается 13 желѣзодѣлательныхъ и 15 мѣдеплавильныхъ заводовъ, благодаря предпріимчивости и энергіи симбирскаго купца И. Б. Твердышева, братьямъ Мосоловымъ, Мясникову и др. лицамъ, которыхъ всегда старался воодушевить, поощрить и поддержать въ ихъ предпріятіяхъ Неплюевъ. Наконецъ И. И. Неплюевъ силою своего необыкновеннаго ума разстроилъ и грандіозный планъ мещерякскаго муллы Батырши Алѣева, который задумалъ поднять противъ русскихъ весь магометанскій міръ Поволжья и Прикамья, угрожая поголовной рѣзней и грабежемъ всѣмъ православнымъ: Батырша былъ пойманъ и заключенъ въ Шлиссель-

бургскую крѣпость, гдѣ онъ и умеръ, а бунтъ башкиръ прекратился безъ пролитія русской крови.

Утомленный трудами и заботами по управленію Оренбургскимъ краемъ, Неплюевъ просилъ уволить его отъ должности. 7 января 1858 г. въ конференціи Ея Величества состоялось предложеніе Сенату о назначеніи, вмѣсто Неплюева, другаго, а вслѣдъ за тѣмъ Неплюевъ получилъ указъ объ его увольненіи по назначеніи на его мѣсто тайнаго совѣтника Давидова. Не смотря на громадныя заслуги Неплюева, онъ въ первое время, по прибытіи въ Петербургъ, какъ-бы былъ забытъ съ его старостью, истощенными силами и даже нуждой. Въ Сенатскомъ архивѣ, въ С-Петербургѣ, доселѣ хранится прошеніе Неплюева на имя Императрицы Елизаветы Петровны, изъ коего видно, что Неплюевъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, не получалъ даже положеннаго ему по чину дѣйствительнаго т. с. жалованья въ теченіе почти полугода, начиная съ 1 мая, что и заставило его обратиться съ прошеніемъ на Высочайшее имя. Въ этомъ прошеніи, между прочимъ, говорится: „Не получая жалованья, яко не богатый человѣкъ, къ содержанію по чину моему крайній недостатокъ имѣю“.—Государыня приказала немедленно удовлетворить законную просьбу Неплюева. Приверженцы легкой и скорой наживы, злостные банкроты, безсердечные кулаки, хищники башкирскихъ земель, взяточники, лихоимцы и вообще поклонники золотаго тельца, по меньшей мѣрѣ, назвали-бы Неплюева Чудакомъ, который не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами и своимъ положеніемъ для обезпеченія себя не только „къ приличному содержанію по чину“, а и къ удовлетворенію всѣхъ прихотей чрезмѣрной роскоши и блестящей обстановки въ жизни. Но Неплюевъ, считавшій службу Отечеству службой Богу, трудился, по выраженію Петра Великаго, „не изъ мзды, а изъ утѣшенія совѣсти и нравственнаго служенія долгу“. Заботясь объ увеличеніи доходовъ казны и торговопромышленнаго класса, а также объ экономическомъ благосостояніи крестьянъ, онъ лично довольствовался самымъ необходимымъ въ его поло-

женіи,—черта въ высшей степени благородная и симпатичная въ Неплюевѣ!

По прибытіи въ Петербургъ, Неплюевъ болѣе года оставался безъ должности, нуждаясь въ спокойствіи и отдыхѣ послѣ неимовѣрныхъ трудовъ по организаціи Оренбургскаго края. Оправившись отъ болѣзни и отдохнувъ, Неплюевъ въ 1760 г., не смотря на свои преклонные года, снова поступилъ на службу въ званіи сенатора и конференцъ-министра. Предполагая, можетъ быть, навсегда поселиться въ Петербургѣ, онъ купилъ себѣ домъ, на Сѣнной близъ церкви Христа Спасителя, и сдѣлалъ къ нему значительный пристрой, но этотъ домъ скоро сгорѣлъ. Въ октябрѣ 1761 г. Неплюевъ купилъ другой домъ на Милліонной улицѣ и дачу у княгини Н. Ѳ. Долгоруковой, находившуюся въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, повыше р. Тосны, близъ пороговъ по р. Невѣ. Въ кратковременное царствованіе Петра III дѣятельность Неплюева ничѣмъ особеннымъ не проявилась: „бывалъ я (говоритъ онъ въ Запискахъ) у моея должности ежедневно, но нѣмымъ: ибо никто уже и мнѣнія моего не требовалъ“. Екатерина Великая, вступивши на престолъ, сразу оцѣнила Неплюева и приблизила его къ себѣ. Полагаясь на его опытность и необыкновенный умъ, она поручала Неплюеву, во время своихъ отлучекъ изъ Петербурга всѣ столичныя войска въ полное его распоряженіе, вела съ нимъ частную переписку и даже вѣряла его заботамъ и попеченію своего сына, Цесаревича Павла Петровича. Сознавая труды и заслуги Неплюева, Екатерина II наградила его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, назначила президентомъ Сенатской Конторы и положила ему сверхъ жалованья по 500 р. въ мѣсяцъ на столъ. Но не долго пришлось служить Неплюеву при Екатеринѣ Великой: силы его слабѣли, ослабѣло и зрѣніе, а потомъ онъ и совершенно ослѣпъ. Чувствуя, что онъ болѣе не можетъ служить, Неплюевъ рѣшился просить у Государыни чистую отставку. Однажды, въ Воскресенье, онъ лично явился къ Императрицѣ съ просьбой объ увольненіи его отъ службы. Когда слѣпаго старца подвели къ Государынѣ, она усадила его подлѣ

себя и, предъугадывая его намѣреніе, сказала: „Я разумѣю тебя, Иванъ Иваповичъ! ты, конечно, хочешь проситься въ отставку, но воля твоя—я прежде тебя не отставлю, пока ты не отрекомендуешь мнѣ на свое мѣсто человѣка съ такими же достоинствами, съ какими ты".—Неплюевъ, разстроганный до слезъ, взволнованнымъ голосомъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, Государыня, мы—ученики Петра Великаго; проведены имъ сквозь огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя, а нынѣ инако воспитываются, инако мыслятъ и инако ведутъ себя. Итакъ я могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться".—Передавая объ этомъ въ своихъ Запискахъ, Неплюевъ замѣчаетъ: „тутъ всѣ были, но мнѣ что за нужда! Я сказалъ, что чувствовалъ".

Императрица, не смотря на свое желаніе удержать Неплюева на службѣ, приняла отъ него прошеніе, и онъ вскорѣ былъ уволенъ отъ всѣхъ должностей, гражданскихъ и военныхъ, получивъ въ награду за вѣрную, честную, многополезную и продолжительную службу отечеству 20000 р. деньгами и нѣсколько деревень въ Малороссіи, какъ-бы въ замѣнъ отнятыхъ у него раньше, 2000 д. по дѣлу Остермана.

Послѣ этого Неплюевъ нѣсколько времени жилъ въ Петербургѣ частнымъ человѣкомъ. Каждый день утромъ онъ бывалъ за обѣдней въ своей домовой церкви; затѣмъ принималъ друзей и знакомыхъ; особенно часто навѣщали его графы Чернышевы и Панины, князь А. А. Вяземскій, Нарышкинъ, Мещерскіе и др.; не забывала старика и сама Государыня, которая иногда обѣдала у него, какъ говорится, за-просто, посемейному. Въ 1765 г. Неплюевъ, въ сопровожденіи сына Н. И., отправился въ Поддубье поклониться праху своихъ родителей и помолиться объ упокоеніи ихъ душъ; затѣмъ, проживъ въ Поддубьѣ 11 дней, онъ чрезъ Москву выѣхалъ въ Малороссію, а Н. И. возвратился въ С.-Петербургъ. Въ началѣ февраля того же года, Неплюевъ прибылъ въ Янполь, гдѣ вскорѣ заболѣлъ и написалъ о томъ сыну. Н. И. навѣстилъ больного отца и, видя его слабость, уговорилъ переѣхать въ Петербургъ,

чтобы жить съ нимъ вмѣстѣ. Въ январѣ 1766 г. Неплюевъ переѣхалъ въ Петербургъ и поселился было здѣсь на дачѣ; но ему скоро надоѣла бездѣятельная дачная жизнь, и онъ отправился въ свое родное село Поддубье, гдѣ заложилъ храмъ и, при помощи другихъ, занялся хлѣбосѣвомъ, а въ свободное время слушалъ чтеніе книгъ, для чего держалъ при себѣ особыхъ двоихъ чтецовъ. Впрочемъ новости и газеты его уже не интересовали; онъ самъ говоритъ: „о нихъ я уже не желалъ слышать, потому что считаю себя уже отшедшаго отъ міра". Но И. И. и въ это время не жилъ затворникомъ: домъ его всегда былъ самымъ хлѣбосольнымъ пріютомъ для посторонихъ лицъ. Сосѣднее дворянство особенно любило посѣщать старика Неплюева, спрашивало его опытныхъ совѣтовъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни и находило большое удовольствіе слушать его разсказы о быломъ, а извѣстно, что старики гораздо лучше вспоминаютъ то, что случилось давнымъ-давно, чѣмъ то, что было недавно: И. И. разсказывалъ о былыхъ временахъ съ такимъ оживленіемъ и съ такими подробностями, какъ будто бы это было вчера. 24 іюня 1772 г. былъ освященъ построенный Неплюевымъ въ Поддубьѣ каменный храмъ, въ которомъ онъ указалъ себѣ и мѣсто для могилы. Въ слѣдующемъ году сынъ Неплюева, Н. И. получилъ чинъ д. ст. сов. и былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената, а внукъ его И. Н., получившій блестящее образованіе за границей, произведенъ въ секундъ-маіоры гвардіи. Неплюевъ, узнавъ о томъ и о бракосочетаніи Наслѣдника престола Павла Петровича, отправился, поддерживаемый подъ руки другими, въ новопостроенный храмъ, въ сопровожденіи бывшихъ у него гостей, и здѣсь попросилъ священника отслужить съ колѣнопреклоненіемъ благодарственный Господу Богу молебенъ о ниспосланіи благословенія Божія на новобрачныхъ, чтобы Господь, милуя Россію, „утвердилъ корень ихъ во вѣкъ вѣковъ".— „Сколь ни усилились мои болѣзненные припадки, и сколько я уже былъ ни безпадеженъ о моей жизни",—замѣчаетъ по этому случаю Неплюевъ,—„однако таковыя извѣстія наполняли меня

радостію, что судилъ мнѣ Господь Богъ дождаться сего въ старости моей".

Въ октябрѣ того же 1773 г. Неплюевъ, чувствуя необыкновенный упадокъ силъ, сталъ приготовляться къ смерти: „Се уже приближается вѣкъ мой", писалъ онъ сыну: „слабость тѣла и памяти предвѣщаетъ разрушеніе всего тѣла, въ чемъ я предаюсь судьбамъ Вышняго; ожидаю смерти съ должнымъ повиновеніемъ и, на сколько возможно человѣку, спокойнымъ духомъ". Недѣли за двѣ до своей кончины, Неплюевъ въ послѣдній разъ продиктовалъ слѣдующее письмо своему сыну:

„Николай Ивановичъ! Сохраняй св. вѣру, вразумляй о той дѣтей своихъ; исполняй, по возможности, заповѣди Господа. Онъ Всевышній есть Источникъ всѣхъ благъ, небесныхъ и земныхъ, и вѣруяй въ Него никогда не постыдится. Сохраняй въ совершенствѣ вѣрность твою къ Ея Величеству и къ учреждаемымъ отъ Нея и чрезъ Нее наслѣдникамъ; соблюдай правду во всѣхъ твоихъ дѣлахъ и поступкахъ, хотя бы иногда и непріятное что тебѣ за то понести случилось; вѣдай, что Богъ и ея Величество правды твоея будутъ покровители,— если не въ это время, то послѣ тебѣ черезъ нихъ откроется. Люби свое отечество и, въ защищеніе того пользы, не щади не только благосостоянія, но и жизни. Подчиненнымъ твоимъ и, паче, крестьянамъ будь больше отецъ, нежели господинъ, имѣя присно въ памяти слово Божіе! „милости хощу, а не жертвы", и что они такіе же люди, какъ и ты, кромѣ чиновъ и власти, данной тебѣ гражданскими законами. Наконецъ скажу: умѣряй свою вспыльчивость; она не токмо твоему здоровью вредна, но и познанію каждаго дѣла въ точномъ его видѣ препятствуетъ". Въ концѣ своего письма, Неплюевъ, обращаясь съ молитвою къ Богу, говоритъ: „Къ Тебѣ, Отецъ щедротъ и милосердія, обращаю молитву мою: сохрани его, дѣтей его и весь родъ мой, и вразуми ихъ совершить теченіе сея жизни Тебѣ угодное, въ вѣрности къ Нашей Государынѣ и въ пользу Отечества". Письмо заканчивается словами: „Еще

прости, мой любезный сынъ Н. И.; мысленно тебя обнимаю, цѣлую,—да будетъ благодать Господня надъ тобою!"

Больной и ослабѣвшій старецъ цѣлые три дня диктовалъ это письмо, а писали его жившіе при немъ племянники кн. Андрей Ивановичъ Мышецкій и Василій Васильевичъ Татищевъ; самъ И. И. Неплюевъ, при помощи Мышецкаго, только подписался.—Письмо было послано съ нарочнымъ въ Петербургъ 29 октября, а въ ночь на 30 октября сдѣлался съ Неплюевымъ жаръ и только на разсвѣтѣ онъ какъ-бы немного забылся; когда же очнулся, прежде всего спросилъ: „уѣхалъ-ли человѣкъ съ письмомъ въ Петербургъ?"—Спустя дня три послѣ этого, И. И., чувствуя нѣкоторое облегченіе, громко спросилъ: „Кто тамъ стучитъ? Не пріѣхалъ-ли Н. И.?—Но зачѣмъ ему ко мнѣ ѣхать?!" продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою: „я съ нимъ уже простился и все, что имѣлъ, сказалъ и что бы теперь сказать ему могъ?—Уже ничего не осталось".—Помолчавъ немного, старецъ снова заговорилъ, глубоко вздохнувши: „еслибы онъ и пріѣхалъ, то, кромѣ огорченія себѣ, ничего не найдетъ,—я знаю его нѣжное чувство: онъ, увидя меня въ такой уже слабости, можетъ повредить своему здоровью, а меня своимъ присутствіемъ—отвлечь отъ моего дома".

Говоря эти слова, И. И. обливался горькими слезами и съ глубокой вѣрой въ Бога воскликнулъ: „Ты Боже, ниспошли ему свою милость!"

Въ тотъ же день И. И., какъ истинный, убѣжденно и глубоко вѣрующій христіанинъ, попросилъ священника отслужить обѣдню и, раскаявшись чистосердечно въ своихъ человѣческихъ слабостяхъ, съ вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе, пріобщился св. Таинъ. Послѣ этого, больной въ теченіе цѣлой недѣли почти не поднималъ уже своей головы,—и только утромъ 11 ноября спросилъ: „будетъ-ли сегодня обѣдня?"—Когда ему сказали, что обѣдня будетъ отслужена, онъ съ глубокимъ смиреніемъ и тихою грустью проговорилъ: „п о м о л и т е с ь о б о м н ѣ г р ѣ ш н о м ъ"! и вслѣдъ затѣмъ тихо и спокойно опочилъ вѣчнымъ сномъ. Не смотря на то,

что И. И. умеръ на 81 г. своей жизни, лицо его даже въ гробу сохранило слѣды нѣкогда дивной красоты, какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ присутствовавшихъ при его погребеніи; его положили въ гробъ въ мантіи и цѣпи кавалеровъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Неплюевъ еще при жизни самъ сдѣлалъ подробныя наставленія относительно церемоніи погребенія и даже самъ продиктовалъ надгробную надпись. Погребеніе было совершено въ 9 день послѣ его кончины; гробъ былъ поставленъ въ указанномъ имъ еще при жизни мѣстѣ, внутри Поддубскаго храма, сдѣлавшагося съ тѣхъ поръ фамильнымъ склепомъ рода Неплюевыхъ. Въ глубинѣ этого храма противъ алтаря, на лѣвой сторонѣ, доселѣ возвышается гробъ изъ липоватаго камня, покрытый черною чугунною плитою, съ выпуклыми изображеніями человѣческихъ костей и черепа и съ слѣдующею надписью: „Зрите! Вся та тщетная слава, могущество и богатство изчезаютъ, и все то покрываетъ камень, тѣло же истлѣваетъ и въ прахъ обращается. Здѣсь лежитъ тѣло дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалера Ивана Неплюева. Умеръ въ селѣ Поддубьѣ 80 лѣтъ и 6 дней, ноября 11 дня 1773 г.“.

Такъ закончилъ свою трудовую жизнь этотъ замѣчательный государственный человѣкъ! И. И. Неплюевъ былъ не только мудрый дипломатъ, энергичный и умный колонизаторъ, талантливый администраторъ, храбрый и опытный морякъ, искусный инженеръ, но и прекрасный отецъ семейства, искренно и убѣжденно вѣрующій христіанинъ,—это былъ человѣкъ не подкупный честности, который никогда ни отъ кого ничего не взялъ, и никто не смѣлъ никогда къ нему явиться съ какими-либо подарками; но доступъ до него былъ открытъ каждому, и всякаго онъ выслушивалъ со вниманіемъ и удивительнымъ терпѣніемъ. Интересы отечества онъ предпочиталъ своей жизни и благосостоянію, держась неуклонно правила служить Россіи до послѣдняго изнеможенія силъ, а потому и не сносны были ему всѣ, особенно въ молодыхъ лѣтахъ оставляющіе службу. Умирая, онъ просилъ „помолиться о немъ“,—и по-

томство помнитъ этотъ завѣтъ: жители городовъ и селъ Оренбургскаго края не разъ молились объ упокоеніи его души. Не забудемъ еще одного желанія И. И. Неплюева. Онъ завѣщалъ своему сыну быть „въ отношеніи къ подчиненнымъ своимъ, особенно же къ крестьянамъ болѣе отцемъ, чѣмъ господиномъ, не забывая, что они такіе же люди, какъ и онъ, кромѣ чиновъ и власти, данной ему гражданскими законами“, Неплюевъ какъ-бы предвидѣлъ необходимость помощи крестьянину со стороны интеллигентнаго человѣка. Внутреннія реформы минувшаго и настоящаго славнаго царствованія призвали къ совмѣстной дѣятельности на пользу народа всѣ классы общества. Духовенство, дворянство, земство, интеллигентный классъ,—всѣ дружно работаютъ на родной нивѣ, заботясь объ экономическомъ, умственномъ и религіозномъ развитіи простого народа, силу и значеніе котораго такъ вѣрно и мѣтко опредѣлилъ геній нашего баснописца: „съ новою весной листъ новый народится, а если корень изсушится,—не станетъ дерева, ни васъ“ (Листы и Корни), да и пословица говоритъ: „не будетъ пахатника,—не будетъ и бархатника“.—Не забудемъ совѣта И. И. Неплюева „помогать“ нашему ратаю полей и пожелаемъ, чтобы Русь не оскудѣвала такими умными, сердечными и религіозными тружениками, какимъ былъ вѣчнопамятный И. И. Неплюевъ!—Отъ лица всѣхъ, собравшихся здѣсь моихъ сочленовъ, обращаюсь къ тебѣ, великій государственный мужъ нашего Отечества! Миръ праху твоему, вѣрный и честный слуга Русскихъ Царей и Отечества, и царство небесное многотрудившейся душѣ твоей, глубоковѣрующій христіанинъ и вѣрный членъ Св. Православной Церкви! Съ любовью и благодарностію шлемъ привѣтъ тебѣ съ земли на небо, будучи увѣрены въ твоей искренней и пламенной любви къ Россіи и въ загробной жизни, но „за могилой рѣчь безмолвна“!....

В. Н. Витевскій.

4 ноября 1893 г.
г. Казань.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОЛОНИЗАЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

„Мы Петра Великаго ученики"...

Въ день двухсотлѣтняго юбилея памяти Ивана Ивановича Неплюева, мнѣ хотѣлось бы подвести итоги его колонизаторской дѣятельности. Эта дѣятельность обстоятельно разработана въ спеціальной исторической литературѣ [1]) и мнѣ нѣтъ нужды на юбилейномъ засѣданіи нашего общества утомлять Ваше вниманіе подробностями этихъ итоговъ. Я могу обѣщать только самую общую характеристику тѣхъ средствъ, какія были употреблены И. И. Неплюевымъ для успѣха русской колонизаціи въ Закамскомъ краѣ, и тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели эти средства; но, чтобы по справедливости оцѣнить то и другое, средства и результаты, необходимо знать, съ чѣмъ и съ кѣмъ Ивану Ивановичу Неплюеву пришлось имѣть дѣло.

---

[1]) Ешевскій: «Русская колонизація Сѣверо-Восточнаго края» и его же: «Очеркъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны», Н. А. Өирсовъ: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства»; Витевскій. «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край».

Прежде всего,—что это за край, управлять которымъ послало Неплюева Елизаветинское правительство?

Это—обширная страна между Камой, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Уральскимъ горнымъ хребтомъ. Только сѣверная часть этой страны изобиловала лѣсомъ, приблизительно до Самары, а остальное пространство представляетъ степь, примыкающую на юго-востокѣ къ пескамъ Средней Азіи.

Русская колонизація этой окраины началась вскорѣ послѣ подчиненія восточныхъ татарскихъ царствъ,—Казанскаго и Астраханскаго,—Московскому государству; но въ началѣ движеніе русскаго населенія въ Яицкія степи не только не встрѣчало одобренія со стороны московскаго правительства, но даже прямо шло въ разрѣзъ съ его видами. Колонизація огромныхъ пространствъ за Волгой и Камой была вовсе не въ интересахъ Московскаго государства въ XVI и XVII стол., страдавшаго не избыткомъ населенія, а его недостаткомъ и, притомъ, почти полнымъ отсутствіемъ широкой промышленной предпріимчивости.

Но такъ какъ, кромѣ того, Московское государство болѣло и другими общественными болѣзнями, то колонизація, по необходимости, сдѣлалась „вольной". Новыя мѣста начали заселять люди, убѣжавшіе изъ государства и назвавшіе себя „вольными людьми". Съ тихаго Дона избытокъ такихъ бѣглецовъ перекочевалъ на широкую Волгу, а съ Волги—на укромный Яикъ. Казацкія общины, созданныя этими любителями степного простора, заняли на окраинахъ весьма двусмысленное положеніе. Онѣ называли себя подданными „великаго государя московскаго",—особенно, если имъ удавалось какое-либо предпріятіе противъ сосѣднихъ государствъ или враждебныхъ Россіи инородцевъ: тогда казаки настойчиво заявляли о своемъ подданствѣ, разсчитывая получить жалованье отъ великаго государя за службу; но зато въ другое время казаки считали себя вполнѣ независимыми отъ Москвы и въ такіе моменты въ глазахъ московскаго правительства являлись „ворами" или „воровскими казаками", противъ которыхъ посылались царскіе

воеводы для наказанія ихъ за разбои. Независимѣе другихъ казацкихъ общинъ вела себя та, которая осѣла на Яикѣ, потому-что эта община наиболѣе была отдалена отъ надзора московской администраціи, очень слабой въ тѣ времена на окраинахъ. Вплоть до разинскаго мятежа яицкіе казаки de facto совершенно не признавали надъ собой московской власти. Община, припявъ въ свой составъ довольно значительный инородческій элементъ, управлялась обычнымъ правомъ казацкихъ круговъ, съ ихъ выборными излюбленными начальными людьми, правомъ, приноровленнымъ къ условіямъ общественнаго казацкаго хозяйства. Все богатство яицкихъ казаковъ заключалось въ рѣкѣ, изобиловавшей рыбой, и вотъ кормилецъ—Яикъ явился центромъ, къ которому тянулись всѣ нити правовыхъ нормъ, стремившихся къ возможно безпристрастному дѣлежу общиннаго богатства. Московское правительство, косо смотрѣвшее на фактическую независимость яицкихъ казаковъ, рѣшило подкопаться подъ ихъ экономическое благосостояніе. Въ половинѣ XVII ст., по приказанію государя, на устьѣ Яика былъ построенъ служилыми людьми Гурьевъ городокъ, и сдѣланъ учугъ въ рѣкѣ: городокъ началъ заграждать яицкимъ казакамъ путь къ ихъ грабительскимъ операціямъ на Каспійскомъ морѣ, а „учугъ“ или „перебой“ началъ заграждать путь рыбѣ, идущей изъ моря вверхъ по рѣкѣ. Казаки почувствовали, что родная почва заколебалась подъ ними. Они инстинктивно понимали, что на нихъ надвигается сила, по своей сущности враждебная ихъ волѣ и обычному праву, сила государственности противъ своеволія.

Но, не смотря на то, что при Петрѣ Великомъ яицкое войско было втиснуто въ категорію служилыхъ людей, пользы отъ нихъ государству было немного, потому что Императоръ Петръ не кончилъ устройства казацкаго войска на новыхъ началахъ, а послѣ него представителямъ верховной власти было не до казацкихъ дѣлъ, когда ихъ собственныя—были болѣе, чѣмъ сомнительны. Между тѣмъ, устройство яицкой общины и окончательное обращеніе казаковъ въ слугъ прави-

тельства было тѣмъ болѣе своевременно, что они могли бы помочь русской мѣстной администраціи въ другомъ, еще болѣе важномъ, государственномъ дѣлѣ, — въ дѣлѣ умиротворенія инородцевъ въ Оренбургскомъ краѣ, которые доставляли правительству множество величайшихъ хлопотъ.

Такъ называемый Закамскій край съ давнихъ временъ былъ населенъ татарами, башкирами, киргизами и др. инородцами. Всѣ эти инородцы платили ясакъ правительству, и это обстоятельство сдѣлалось причиной появленія въ ихъ средѣ сначала только однихъ служилыхъ людей для сбора „даней", а затѣмъ и русскихъ промышленниковъ. Тѣ и другіе очень нерѣдко вызывали возстанія инородцевъ противъ русской власти; изъ всѣхъ инородцевъ, наиболѣе неукротимыми и всегда готовыми составить заговоръ противъ русскихъ, были башкиры. „Оный Башкирскій народъ,—пишетъ хорошо его узнавшій И. И. Неплюевъ,—съ начала подданства царю Ивану Васильевичу, по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей, въ разныя времена бунтовалъ 6 разъ". Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что русское населеніе въ Оренбургскомъ краѣ было незначительно, крѣпостей, особенно по яицкой линіи, было тоже немного, да и тѣ въ неисправности, то мы составимъ себѣ приблизительное понятіе о полной неустойчивости русскаго вліянія на юго-восточной окраинѣ до Неплюева, несмотря на усердную здѣсь дѣятельность его предшественниковъ—Кириллова и Татищева.

Итакъ, теперь мы можемъ болѣе или менѣе ясно представить себѣ эту обширную территорію, на которой совершенно затерялись русскія поселенія или убогія крѣпостцы съ заборами „изъ плетня" и земляными валами; по этой территоріи кочуютъ полудикіе народцы, всегда, при первомъ удобномъ случаѣ, готовые перерѣзать ничтожные гарнизоны еще болѣе ничтожныхъ крѣпостей и перейти за „Камень", навсегда, такимъ образомъ, разставшись съ Россійской Имперіей; только въ одной части этой территоріи замѣтны слѣды энергичной жизни, несмущающейся сосѣдствомъ кочевниковъ: это—Яицкій городокъ

и прилегающія къ нему казація станицы; но тамъ слышатся постоянныя угрозы по старому адресу,—къ „Москвѣ“,—слышатся призывы: оставить родину и переселиться въ киргизскія степи для независимаго существованія. Словомъ, намъ необходимо представить картину края, почти непропутаго земледѣльческой и промышленной культурой, съ колеблющимися и враждебными русскому правительству элементами.

Такимъ образомъ, состояніе Оренбургскаго края ставило передъ Неплюевымъ трудную и сложную задачу: 1) колонизировать и культивировать край и 2) приручить найденное имъ здѣсь населеніе къ русской власти и навсегда закрѣпить его за территоріей. Трудность этого дѣла будетъ для насъ еще болѣе понятна, если мы примемъ въ соображеніе, что первая часть означенной задачи стояла на первыхъ порахъ въ радикальномъ противорѣчіи со второй. Нужно помнить, что казацкое и инородческое населеніе и отнеслось къ русской власти особенно враждебно съ тѣхъ поръ, какъ увидѣло, что правительство намѣрено, какъ можно тѣснѣе, сплотить юго-восточную окраину съ ядромъ государства административными и культурными способами. По правительственному плану, распространеніе русской культуры въ этихъ дикихъ степяхъ должно было содѣйствовать возвышенію въ нихъ административнаго режима, и будущее вполнѣ оправдало этотъ естественный планъ устройства Оренбургскаго края; но на первыхъ порахъ культурная колонизація вызвала рѣзкій степной протестъ, такъ какъ она неизбѣжно потребовала отчужденія инородческихъ земель въ пользу русскихъ промышленныхъ людей. Кромѣ того, вопросъ колонизаціи осложнялся еще тѣмъ, что административный режимъ, къ которому колонизація стремилась, одинаково былъ ненавистенъ и „вольному“ казачеству, и инородцамъ. Съ этой точки зрѣнія интересы обоихъ элементовъ степи были солидарны.

Неплюевъ понялъ, что для успѣха административной и культурной дѣятельности въ краѣ необходимо прежде всего разъединить интересы казаковъ и инородцевъ: пріохотить пер-

выхъ къ государственной службѣ и при ихъ помощи дѣйствовать на вторыхъ. Неплюевъ видѣлъ, что казаки гораздо болѣе могутъ помочь ему въ дѣлѣ военной колонизаціи края, чѣмъ переселенныя сюда малочисленныя и не привыкшія къ мѣстнымъ условіямъ регулярныя войска. Но, чтобы пріохотить казаковъ дѣйствовать за одно съ намѣреніями русской власти, необходимо было показать имъ, что правительство заботится объ ихъ благосостояніи, необходимо было привлечь казаковъ къ обще-русской работѣ въ странѣ не репрессаліями, а экономическими льготами. Это убѣжденіе и было положено Неплюевымъ въ основу его заботъ объ яицкомъ войскѣ. Неплюевъ хорошо зналъ, въ чемъ заключается больное мѣсто общественнаго хозяйства яицкихъ казаковъ,—именно въ существованіи казенныхъ учуговъ на устьѣ Яика. Это-то больное мѣсто Неплюевъ рѣшился залѣчить съ условіемъ, чтобы казаки заплатили за это доброхотной службой государству. Онъ обѣщалъ за казацкую службу отпереть гурьевскіе учуги на восемь саженъ отъ каждаго берега. Эти учуги на столько подрывали яицкое хозяйство, что довольно было такого скромнаго, одобреннаго правительствомъ, предложенія Неплюева, чтобы казаки съ готовностью согласились не только защищать такъ называемую Ниже-Яицкую линію, но и соорудить на свой счетъ двѣ крѣпости съ постоянными казацкими гарнизонами по 500 человѣкъ. Дѣло пошло на ладъ: узелъ военной колонизаціи началъ завязываться весьма успѣшно. Чтобы еще болѣе связать интересы казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ выхлопоталъ у него для нихъ ежегодную субсидію въ 2,000 руб., которую они начали получать въ добавленіе къ опредѣленному имъ жалованью. Вѣрный своему убѣжденію, Неплюевъ пошелъ въ своихъ заботахъ объ яицкомъ войскѣ даже дальше правительства, не согласившагося съ его предложеніемъ отдать гурьевскіе учуги яицкому войску въ вѣчное владѣніе и, притомъ, безъ платежа оброка и пошлинъ; но зато Неплюеву удалось провести другую мѣру своей дальновидной политики, именно: названные учуги, вмѣстѣ съ рыбными ловлями, съ

таможенными и питейными сборами, были отданы въ содержаніе яицкому войску съ платой въ казну за то и другое по 5,446 р. 79 к. въ годъ, что было очень выгодно и казацкой общинѣ и правительству. Эта политика Неплюева была столько же гуманна, сколько и практична. Она положила рѣзкую грань между казаками и инородцами въ ихъ отношеніяхъ къ русской администраціи. Казаки, ясно увидавъ, на чьей сторонѣ лежатъ ихъ интересы, начали усердно охранять русскія поселенія отъ инородцевъ и даже быстро подчинились тому устройству ихъ общины, которое было введено Неплюевымъ и которое во многомъ рѣшительно расходилось со старинными казацкими обычаями; довольно указать на то, что войсковой атаманъ яицкихъ казаковъ былъ поставленъ подъ „команду“ оренбургскаго губернатора.

Такимъ образомъ, одинъ изъ вопросовъ программы, зародившейся еще въ умѣ Петра Великаго, если и не былъ рѣшенъ окончательно, то во всякомъ случаѣ, для его успѣшнаго разрѣшенія были выдвинуты наиболѣе удачныя средства. Благодаря этимъ средствамъ, Неплюевъ могъ твердо повести дѣло военной колонизаціи. Прежнее топографическое направленіе этой колонизаціи, намѣченное Кирилловымъ, Неплюевъ нашелъ весьма удовлетворительнымъ, но онъ значительно увеличилъ число крѣпостей, благодаря полученной имъ самимъ возможности располагать мѣстными казацкими силами.

Одобривъ общее направленіе укрѣпленій, Неплюевъ не нашелъ, однако, удобнымъ главный пунктъ ихъ, основанный Кириловымъ подъ именемъ „Оренбурга“ на верховьяхъ Яика,— пунктъ, дѣйствительно, весьма непрактично выбранный, главнымъ образомъ вслѣдствіе его отдаленности отъ той опорной силы, которую Неплюевъ положилъ въ основу колонизаціи, отъ Яицкаго казачества. Вслѣдствіе этого и другихъ недостатковъ Кириловскаго Оренбурга („недовольство“ лѣса, вредныя испаренія и т. д.), Неплюевъ разжаловалъ этотъ пунктъ изъ Оренбурга въ Орскую крѣпость, а Оренбургъ перенесъ на 200 верстъ ниже по Яику, къ рѣчкѣ Сакмаркѣ. Стратегиче-

ское достоинство Неплюевскаго Оренбурга несомнѣнно: онъ находился почти въ центрѣ тѣхъ укрѣпленныхъ линій, которыми киргизы были отдѣлены отъ башкирцевъ, запертыхъ крѣпостями, какъ въ западнѣ, между Камой, Волгой и Яикомъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя было ожидать отъ привыкшаго къ мятежамъ, энергичнаго башкирскаго народа, чтобы онъ безъ борьбы подчинился своему положенію.

Теперь къ прежнимъ причинамъ волненія башкирцевъ,—причинамъ, сводившимся къ давленію со стороны представителей русской администраціи, присоединились новыя, которыя заключались въ сильномъ развитіи здѣсь промышленной колонизаціи. Мысль объ отысканіи руды въ башкирскомъ краѣ принадлежитъ Петровскому времени; ее старался примѣнить къ дѣлу Кирилловъ, но дѣло шло плохо до Неплюева, который имѣлъ полное право впослѣдствіи говорить: „Во многихъ мѣстахъ лежащіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минераллы стараніемъ моимъ были открыты, а посему явились желающіе заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ всѣмъ уже извѣстна".

Впрочемъ, прежде чѣмъ случилось это, Неплюеву пришлось выдержать борьбу съ Бергъ—коллегіей, управлявшей горно-заводской промышленностью и доказывавшей центральному правительству, что разработка праздно лежащихъ „подземныхъ богатствъ" должна находиться въ рукахъ казны. Неплюевъ, напротивъ, доказывалъ, что въ интересахъ послѣдней слѣдуетъ отдать это дѣло въ руки частныхъ лицъ; споръ былъ рѣшенъ сенатомъ въ пользу Неплюевскаго мнѣнія, и вотъ въ Оренбургскомъ краѣ, съ легкой руки симбирскаго купца Твердышева, получившаго за успѣшную эксплоатацію „нѣдръ земныхъ" дворянское званіе, и настоящіе дворяне обратились къ выгодному промыслу, доставившему Твердышеву, кромѣ дворянства, и весьма большое богатство; на башкирскихъ земляхъ появились заводы графовъ Шуваловыхъ, Сиверса, Строганова, генералъ-прокурора Глѣбова, дворянъ Демидовыхъ и др., съ огромнымъ количествомъ приписанныхъ къ этимъ

привиллегированнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ. Вообще, со времени зарожденія въ юго-восточной окраинѣ культурно-экономической дѣятельности, правительство начало не только вызывать и насильно переселять сюда колонистовъ, но и очень снисходительно смотрѣть на бѣглыхъ, разъ они пріютились на мѣдныхъ или желѣзныхъ заводахъ.

Правительство отлично стало понимать, какую значительную выгоду доставитъ край государственному и народному хозяйству, когда природные дары Башкиріи будутъ широко разработаны.

Однако сама Башкирія всѣми этими колонизаторскими стремленіями русскихъ была настроена далеко не мирно. Явились русскіе,—исконные ея враги,—уже не для того только, чтобы получить ясакъ и затѣмъ уйти въ свои острожки, не захватывавшіе много земли; нѣтъ,—эти люди пришли основательно поселиться въ Башкиріи, отнять у свободнаго народа его лѣса и степи, взрыть ихъ родныя земли по всѣмъ направленіямъ и создать совершенно иной складъ жизни, совсѣмъ не похожій на обычаи кочевника. Наблюдатель и хорошій знатокъ Башкирскаго края въ тѣ времена, капитанъ Рычковъ, свидѣтельствуетъ, что башкирскій народъ „ничто столь много не уважаетъ и не бережетъ, какъ старинныя свои вотчинныя земли и отхожія, т. е. лѣсныя угодья“. Отсюда можно заключить, что ненависть, которую башкирцы сначала затаили въ своихъ сердцахъ, а потомъ свирѣпо выразили въ открытомъ мятежѣ противъ русскихъ, вытекала, главнымъ образомъ, изъ экономическихъ причинъ, изъ условій промышленной русской колонизаціи и соединеннаго съ ней перехода башкирскихъ земель въ руки людей, причинявшихъ имъ вдобавокъ всевозможныя вымогательства. Это очень хорошо понимало въ то время само правительство, запрещавшее заводчикамъ пріобрѣтать у башкирцевъ лишнія земли, которыя доставались русскимъ чуть-ли не даромъ,—особенно лицамъ, власть имѣющимъ. Что вопросъ о башкирскихъ земляхъ былъ очень щекотливый вопросъ и въ тѣ времена, ясно показываютъ слова

того-же капитана Рычкова. „Безпристрастно можно сказать,— пишетъ онъ,—что при первомъ заведеніи горныхъ заводовъ, къ коимъ на всякія строенія, такожъ на дрова и уголья, множество лѣсовъ необходимо требуется", нужна „великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умѣренность съ башкирцами, дабы по ихъ дикости и легкомыслію, отъ новости на земляхъ ихъ такихъ заводовъ затрудненій не было и вновь бы безпокойство не отрыгнуло".

Предвидя, что „безпокойство", дѣйствительно, можетъ „отрыгнуться", Неплюевъ всю свою политику по отношенію къ инородцамъ построилъ на принципѣ разъединенія ихъ интересовъ. Подобно тому какъ экономическими льготами онъ связалъ интересы яицкихъ казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ соціальными и финансовыми мѣрами стремился разорвать связь, которая соединяла башкирцевъ и другихъ многочисленныхъ инородцевъ, называвшихся на оффиціальномъ языкѣ (по ихъ соціальному положенію, а не этнографическимъ особенностямъ) „тептерями" и „бобылями". По свидѣтельству Рычкова, тептери и бобыли, живя на земляхъ богатыхъ башкирцевъ и платя за это имъ оброкъ, находились въ такомъ положеніи, что башкирцы „ихъ почти за своихъ крестьянъ почитали". Неплюевъ выхлопоталъ у правительства освобожденіе для тептерей и бобылей отъ башкирской крѣпостной зависимости, но за то обложилъ ихъ 80-ти гривенной подушной податью, которая не была съ нихъ снята и тогда, когда правительство, по представленію Неплюева, замѣнило прямой налогъ на инородцевъ косвеннымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Неплюевъ руководствовался какъ финансовымъ разсчетомъ, такъ и политикой разъединенія инородцевъ посредствомъ установленія различныхъ съ нихъ финансовыхъ требованій. Предлагая правительству, вмѣсто сбора ясака съ мещеряковъ и башкирцевъ, ввести обязательную для нихъ продажу казенной соли, Неплюевъ доказывалъ, что ясакъ съ мещеряковъ и башкирцевъ, платившихъ лишь 4392 р. 65 к. ежегодно съ 123. 122 чел., не такъ выгоденъ для казны, какъ введеніе обязатель-

ной продажи казенной соли; но за-то прямой налогъ на тептерей и бобылей, при восьмигривенномъ окладѣ, по показанію Неплюева, давалъ казнѣ 23,105 р., каковыхъ нельзя было получить съ нихъ отъ продажи имъ казенной соли; кромѣ того, снимать ясакъ съ бобылей и тептерей Неплюевъ считалъ невыгоднымъ и потому, чтобы не возникло между ними и башкирцами солидарности.

Такая соціальная и финансовая политика Неплюева по отношенію къ инородцамъ до извѣстной степени достигла цѣли, я говорю—до извѣстной степени, потому что въ этомъ случаѣ не было такого успѣха, какимъ сопровождалась покровительственная система, предпринятая нашимъ колонизаторомъ по отношенію къ яицкому войску. Не смотря на соціальный и финансовый тактъ Неплюева, все же инородцы объединялись общимъ имъ всѣмъ недовольствомъ русскою властью, выражавшеюся для нихъ въ сборѣ ясака съ древнихъ временъ, въ военной и особенно промышленной колонизаціи новаго времени. Введеніе обязательной продажи казенной соли усиливало еще болѣе общеинородческое недовольство, такъ какъ этотъ налогъ былъ одинаково тяжелъ для всѣхъ; можно даже сказать, что онъ явился послѣднимъ толчкомъ къ башкирскому мятежу 1755 года. Хотя руководитель этого мятежа Батырша и призывалъ башкирцевъ къ возстанію во имя ислама, но они, понимавшіе свои реальные интересы гораздо лучше, чѣмъ религію Магомета, хорошо знали, за что они главнымъ образомъ мстили русскимъ. Батырша впослѣдствіи показывалъ, что встрѣчепная имъ толпа башкирцевъ, жалуясь ему, кричала: „Злой воръ, заводскій командиръ, имѣніе наше покралъ и разграбилъ, земли и воды наши отнялъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудилъ“... Не даромъ ненависть башкирцевъ обрушилась на заводы, причемъ ими былъ сожженъ заводъ гр. А. И. Шувалова. Разсказывать о мятежѣ Батырши не входило въ мои намѣренія; не имѣя также возможности, по недостатку времени, подробно останавливаться на средствахъ, которыя были употреблены Неплюевымъ для усмиренія мятежа, я, однако,

считаю своею обязанностью замѣтить, что Неплюеву, кромѣ устроенныхъ имъ укрѣпленныхъ линій и вызванныхъ имъ же воинскихъ командъ съ донскими казаками, много помогло и его замѣчательное умѣніе пользоваться самими инородцами противъ ихъ же собратій. Такъ, ему удалось возбудить противъ башкирцевъ — тептерей, мещеряковъ и особенно киргизовъ; послѣднихъ Неплюевъ сдѣлалъ непримиримыми врагами башкирцевъ, на которыхъ онъ направилъ алчность киргизовъ въ то время, когда башкирцы надѣялись на ихъ помощь. Съ другой стороны, послѣ отнятія киргизами у башкирцевъ имѣній, женъ и дочерей, Неплюевъ „подъ рукой“ далъ понять башкирцамъ, что, если они захотятъ отмстить своимъ оскорбителямъ, то русская администрація не станетъ привлекать ихъ къ отвѣту. Башкирцы бросились на киргизовъ, и началась новая рѣзня... Такимъ образомъ, кочевники сами обезсиливали другъ друга, заплативъ за протестъ противъ русской колонизаціи въ ихъ край безпощадной враждой другъ къ другу. Неплюевъ хорошо сознавалъ значеніе этихъ блестящихъ, но кровавыхъ результатовъ своей политики для утвержденія русскаго господства на юго-восточной окраинѣ Европы; онъ занесъ въ свои записки мнѣніе, что инородческая усобица „положила“ между ними такую вражду, „что Россія отъ ихъ согласія навсегда можетъ быть безопасна“.

Имѣя въ виду пользу отечества, отождествлявшагося въ его сознаніи съ государствомъ, И. И. Неплюевъ и на народное хозяйство смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія. Всѣ его заботы о развитіи горно-заводской промышленности въ краѣ воодушевлялись его стремленіемъ доставить наибольшую прибыль казнѣ. Его заботы о торговлѣ говорятъ о томъ же самомъ. Неплюевъ съ гордостью заноситъ въ свои записки, что при немъ начался „знатный торгъ“ въ Оренбургѣ (въ 1745 г.). Раньше приходилось содержать оренбургскую экспедицію на казенную субсидію въ 30.000 рублей; теперь Неплюевъ могъ обходиться при помощи одного пошлиннаго сбора съ товаровъ, поднявшагося до 50.000 рублей. „Прежде

меня,—замѣчаетъ съ гордостью Неплюевъ,—отъ бывшей комерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило". „Казна" для Неплюева, дѣйствительно, была гордостью, потому что въ его глазахъ она являлась олицетвореніемъ государства, его богатства и политическаго могущества. Это былъ своего рода культъ „казны", которымъ въ XVIII ст. прикрывалось много своекорыстныхъ дѣятелей,—но не къ ихъ числу принадлежалъ Неплюевъ, беззавѣтно преданный памяти своего великаго учителя, приказывавшаго „деньги, какъ можно, сбирать, ибо они суть артерія войны".

И Неплюевъ „сбиралъ деньги" очень успѣшно. Сборы въ только что основанномъ и получившемъ значительныя автономныя права Оренбургѣ при Неплюевѣ все время быстро возвышались и, наконецъ, достигли очень крупной цифры. Изъ вѣдомости, заимствованной мной изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, видно, что разнаго рода сборы и подушныя деньги за 10 лѣтъ Неплюевскаго управленія достигли, беря круглыя цифры, съ 5000 р. до 100,000 р.

Приводимъ эту вѣдомость цѣликомъ, такъ какъ она даже въ своихъ абсолютныхъ числахъ очень наглядно представляетъ быстрое прогрессированье казенныхъ доходовъ съ Оренбурга:

Въ	1738 г.	1,375 р. [1])
„	1739 „.	2,543 р.
„	1740 „.	4,313 р.
„	1741 „.	4,524 р.
„	1742 „.	4,799 р.
„	1743 „.	6,411 р.
„	1744 „.	6,835 р.
„	1745 „.	10,712 р.
„	1746 „.	13,645 р.
„	1747 „.	21,458 р.
„	1748 „.	33,000 р.

[1]) Копѣйки отбрасываю,

Въ 1749 г.	. . . . .	60,267 р.
„ 1750 „.	. . . . .	72,404 р.
„ 1751 „.	. . . . .	106,569 р.
„ 1752 „.	. . . . .	90,832 р.

Эти цифры, краснорѣчиво свидѣтельствуя о финансовой старательности Неплюева, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, насколько политическіе успѣхи колонизаціонной дѣятельности Неплюева увеличили доходность отъ Оренбургскаго края для казны.

Будучи истиннымъ послѣдователемъ Петра Великаго, И. И. Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ честныхъ людей, для которыхъ общее благо, такъ или иначе понимаемое ими, остается навсегда основнымъ лозунгомъ жизни. И. И. Неплюевъ, сообразно съ идейной стороной своего времени, подъ общимъ благомъ разумѣлъ политическое могущество Россіи и хорошее состояніе ея финансовъ, и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свою колонизаціонную дѣятельность.

Это былъ великій провинціальный собиратель еще хорошенько не скрѣпленныхъ русскимъ авторитетомъ земель и денегъ для государственнаго казначейства.

И. И. Неплюевъ, посвятившій всю свою жизнь по завѣту Петра Великаго, неустанной дѣятельности, „не покладая рукъ“, —могъ смѣло бросить упрекъ слѣдующему времени, когда онъ, уже лишившись зрѣнія, многое видѣлъ гораздо лучше зрячихъ, не побоялся отказаться отъ предложенія Екатерины II-й снова поступить на службу и высказалъ самой Императрицѣ то, что „чувствовалъ“:

—Нѣтъ, государыня,—сказалъ заслуженный старикъ-колонизаторъ,—мы, Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду: инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются и инако ведутъ себя и инако мыслятъ; итакъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“...

Н. Н. Оирсовъ.

ТЕЛЕГРАММА,

полученная председателемъ Общества въ отвѣтъ на привѣтствіе, посланное потомку И. И. Неплюева Н. И. Неплюеву.

Прошу Васъ принять и передать членамъ Общества мою сердечную благодарность за привѣтствіе, коимъ благоволили меня почтить по поводу юбилея нашего предка. Чествуемъ память Ивана Ивановича молитвеннымъ собраніемъ, на которомъ члены Крестовоздвиженскаго трудоваго братства, воспитанники и воспитанницы нашихъ школъ, молясь о немъ, будутъ молиться и о тѣхъ, кто въ Казани и Оренбургѣ съ любовію чествуютъ его память.

Николай Неплюевъ.

Приложеніе II.

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

за 1893 годъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

КЪ 15 АПРѢЛЯ 1894 Г.

ОТЧЕТЪ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1893 годъ.

Составъ Общества. Общество имѣло къ 1 января 1894 года 15 почетныхъ членовъ, 4 члена-соревнователя, 94 дѣйствительныхъ члена и 75 членовъ-сотрудниковъ. За время съ 1 января 1893 г. по 1 января 1894 г. вновь избраны: 2 дѣйствительныхъ члена: 1) Никаноръ, епископъ Чебоксарскій (нынѣ Архангельскій). 2) Леонъ Сикеръ, преподаватель казанской гимназіи, и 2 члена-сотрудника: 1) Евгеній Ѳедоровичъ Будде, приватъ-доцентъ Императорскаго Казанскаго Университета, и 2) Гайнитдинъ Ахмаровъ, учитель Пороховскаго татарскаго училища.

За отчетный періодъ общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ члена Совѣта А. И. Соколова, члена-учредителя Ѳ. Ѳ. Чекалина, дѣйствительного члена Д. Д. Смышляева и члена-сотрудника Н. А. Казаринова. Выбылъ изъ состава Общества по личному желанію Д. М. Львовъ.

Составъ Совѣта. Совѣтъ Общества въ отчетный періодъ составляли: предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, товарищъ предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта П. А. Пономаревъ, А. И. Александровъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, а по смерти его Ѳ. Г. Мищенко, и А. А. Штукенбергъ. секретарь Н. З. Тиховъ. Вслѣдствіе отъѣзда Н. З. Тихова для ученыхъ занятій въ Варшаву, обязанности секретаря были поручены члену Совѣта И. Н. Смирнову. Обязанности казначея исполнялъ А. Т. Соловьевъ. Ревизіонную комиссію составляли: А. К. Кулагинъ, Н. Н. Ѳирсовъ и Н. С. Кукурановъ. Членами редакціонной комиссіи были: И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, а по смерти его Ѳ. Г. Мищенко. Музеемъ Общества завѣдывалъ А. А. Штукенбергъ, библіотекой И. Н. Смирновъ, отдѣломъ рукописей А. И. Соколовъ.

Дѣятельность Общества. За отчетный годъ общество имѣло 9 засѣданій Совѣта, 7 общихъ собраній и одно чрезвычайное, посвященное памяти И. И. Неплюева по случаю исполнившагося 200-лѣтія со дня его рожденія. На общихъ собраніяхъ были доложены слѣдующія научныя сообщенія:

1) И. Н. Смирнова: «Очерки исторіи Мордвы».

2) В. Н. Поливанова: «Мураиковскій могильникъ».

3) А. Обрѣзкова: «Еще о слѣдахъ древняго поселенія въ Спасскомъ уѣздѣ».

4) П. Ѳ. Акасмова: «Очеркъ исторіи города Курмыша».

5) А. А. Штукенберга: «О находкѣ въ Болгарахъ коническаго сосуда съ ртутью и въ Осинскомъ уѣздѣ Пермской губерніи Чудскихъ древностей».

6) В. А. Мошкова: «Этнографическія данныя о бытѣ Ногайскихъ и Оренбургскихъ татаръ».

7) П. П. Оирсова: «Значеніе колонизаторской дѣятельности И. И. Неплюева».

8) В. Н. Витевскаго: «И. И. Неплюевъ (біографическія данныя)».

9) Н. А. Ѳирсова: «Нѣсколько словъ объ И. И. Неплюевѣ въ связи съ эпохой Петра Великаго».

10) И. Н. Смирнова: «Семейный и общественный бытъ Мордвы».

11) И. д. Секретаря: «Отчетъ о раскопкахъ въ с. Болгарахъ Успенскомъ, произведенныхъ лѣтомъ 1893 г.».

Помимо научно-литературной дѣятельности членовъ Общества за отчетные періоды слѣдуетъ отмѣтить раскопки «Городка» въ с. Болгарахъ-Успенскомъ Спасскаго уѣзда Казанской губ., производившіяся на средства Императорской Археологической Комиссіи по опредѣленію Совѣта Н. А. Ѳирсовымъ, А. И. Александровымъ, И. П. Смирновымъ и П. Л. Пономаревымъ.

Музей Общества обогатился въ теченія 1893 г. предметами Булгарской культуры, добытыми при раскопкахъ 1892 г. и любезно предоставленными въ распоряженіе Общества Императорской Археологической Комиссіей, коллекціей фотографій съ мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій Минусинскаго музея, пожертвованной Обществу П. М. Мартьяновымъ. Обширныя археологическія коллекціи Общества были въ отчетномъ году внимательно изучены извѣстнымъ финскимъ археологомъ А. К. Гейкелемъ, который сдѣлалъ съ нихъ до 50 таблицъ снимковъ.

Библіотека Общества значительно увеличилась, благодаря обмѣну изданіями съ русскими и иностранными учеными учрежденіями и изданіями. Общество обмѣнивалось въ отчетномъ году съ университетами: Варшавскимъ, Казанскимъ, Кіевскимъ, Харьковскимъ, Новороссійскимъ и Юрьевскимъ, съ обществами Императорскимъ Русскимъ Географическимъ и его отдѣлами Оренбургскимъ, Кавказскимъ, Западно-Сибирскимъ и Восточно-Сибирскимъ, съ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ, съ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ, съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ обществомъ естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, съ Уральскимъ—Любителей естествознанія, съ Историческимъ—при Императорскомъ Петербургскомъ Университетѣ, Историческимъ-Нестора-Лѣтописца въ Кіевѣ, Одесскимъ—Исторіи и Древностей, Финляндскимъ Археологическимъ,

Финно-Угорскимъ, Историко-филологическимъ — при Харьковскомъ Университетѣ, Физико-экономическимъ—въ Кенигсбергѣ, Антропологическимъ Берлинскимъ, Музеемъ Королевства Чешскаго, съ Императорской Академіей Наукъ, съ Императорской Археологической Коммиссіей, съ Археологическимъ Институтомъ, съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи съ Кіевской Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, съ музеями Ростовскимъ, Минусинскимъ и Тобольскимъ, съ Вятскимъ земскимъ статистическимъ Бюро, съ статистическими комитетами Курляндскимъ, Костромскимъ, Пермскимъ, Пензенскимъ и Воронежскимъ, съ Архивными Коммисіями Костромской, Нижегородской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской и Ярославской, съ Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго Края, съ редакціями губернскихъ вѣдомостей Нижегородскихъ, Пензенскихъ, Уфимскихъ, Саратовскихъ, Оренбургскихъ, Пермскихъ, Вятскихъ, Томскихъ, Якутскихъ областныхъ, Тургайскихъ областныхъ,—Епархіальныхъ Вѣдомостей Нижегородскихъ, Казанскихъ, Самарскихъ, Астраханскихъ, Тобольскихъ, Томскихъ, Тамбовскихъ,—газетъ и журналовъ: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русское Обозрѣніе», «Живая Старина», «Кіевская Старина», «Чтенія въ обществѣ любителей Духовнаго Просвѣщенія», «Этнографическое Обозрѣніе», «Wisła», «Česky lid», «Православный Собесѣдникъ», «Дальній Востокъ», «Сибирскій Вѣстникъ», «Сибирскій Листокъ», «Восточное Обозрѣніе», «Енисейскій Листокъ», «Оренбургскій Край», «Оренбургскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ», и «Волгарь».

По опредѣленію Совѣта издано 6 выпусковъ XI-го тома «Извѣстій общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ», занимающихъ около 15 печатныхъ листовъ.

Денежныя средства общества представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Къ 1 января 1893 г. въ кассѣ состояло	657	р.	75 к.
Въ томъ числѣ неприкосновеннаго капитала	600	«	— «
И текущихъ суммъ	57	«	75 «

Въ 1893 г. поступило на приходъ:

Членскихъ взносовъ за 1893 г.	175	«	— «
Отъ продажи изданій Общества	292	«	55 «
Изъ государственнаго казначейства на охрану Болгарскихъ Развалинъ	300	«	— «
Отъ Императорской Археологической Коммисіи на раскопку «Городка» въ с. Болгарахъ	300	«	— «
Отъ операціи съ процентными бумагами.	9	«	— «
Итого	1076	р.	55 к.
Съ остаткомъ отъ прошлаго года	1734	«	30 «

Въ теченіе 1893 г. израсходовано.

Въ уплату типографіи за печатаніе «Извѣстій» и въ погашеніе мелкихъ долговъ.	463	р.	33 к.

На раскопки «Городка» въ с. Болгарахъ съ возвратомъ остатка въ Императорскую Археологическую Коммиссію. . . .	300 р.	— к.
За охрану и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ	175 «	— «
Въ неприкосновенный капиталъ въ возмѣщеніе займа, сдѣланнаго на ремонтъ болгарскихъ развалинъ.	105 «	67 «
На вознагражденіе сторожу и письмоводителю	38 «	— «
На канцелярскіе почтовые расходы и телеграммы . . .	23 «	70 «
На праздничное вознагражденіе наборщиковъ и типографскихъ служащихъ	18 «	— «
И т о г о	1123 р.	70 к.

Къ 1 января 1894 г. въ кассѣ состояло	610 «	60 «
А съ возмѣщеннымъ долгомъ.	716 «	27 «
Изъ коихъ въ неприкосновенномъ капиталѣ	700 «	— «
А на текущемъ счету	16 «	27 «

Предсѣдатель Н. Өирсовъ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ

къ 15 апрѣля 1894 года

съ указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста жительства.

I. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1 Аспелинъ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*

Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, академикъ, (4 нояб. 1888 г.). *Москва.*

Бычковъ, Аѳонасій Ѳедоровичъ, академикъ, директоръ Импер. Публичн. библіотеки (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Бюлеръ, Ѳ. А. почетн. членъ Импер. Академіи Наукъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ (14 февр. 1888 г.) *Москва.*

5 Васильевъ, Василій Павловичъ, академикъ, заслуж. ордин. проф. Импер. С.-Петер. унив. (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Вирховъ, проф. универс. (30 окт. 1881 г.). *Берлинъ.*

Доннеръ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*

Забѣлинъ. Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ универ. (16 мая 1884 г.). *Москва.*

Мещериновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Казан. Воен. Округа (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

10 Островскій, Андрей Николаевичъ, кандидатъ естеств. наукъ (16 мая 1884 г.). *Казань.*

Полтарацкій, Петръ Алексѣевичъ, Казанскій губернаторъ (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

Леонъ де Рони, Сенаторъ франц. республики, предсѣдатель Париж. Этнографическаго Общества (30 окт. 1881 г.). *Парижъ.*

Саввантовъ, П. И., Членъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Тизенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, баронъ членъ Императ. Археологической Коммиссіи (11 апр. 1891 г.). *С.-Петербургъ.*

15 Штида, Людвигъ Христіановичъ, проф. универс. (27 апрѣля 1890 г.). *Кенигсбергъ.*

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

1 Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, Членъ Окружн. Суда (16 апр. 1879 г.). *Казань.*

Кекина, Анна Авксентьевна, Потомст. поч. гражд. (27 янв. 1882 г.). *Казань.*

Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, Потомств. поч. гражд. (16 мая 1881 г.). *Казань.*

4 Шимановскій, Митроф. Васильевичъ, Членъ суд. Пал. (28 сент. 1879 г.). *Одесса.*

III. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе:

1 Аѳиналовъ, Дмитрій Власьевичъ, прив. доц. унив. (11 апр. 1891 г.).

Александровъ Александръ Иван., проф. унив. (20 апр. 1889 г.).

Архангельскій, Александръ Семен., проф. унив. (3 нояб. 1885 г.).

Ахмеровъ, Шахбасъ-Гирей Измаиловичъ, инспекторъ татарской учительской школы (23 нояб. 1889 г.).

5*Бекетовъ, Андрей Николаев., д. с. с. (5 сент. 1878 г.).

Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоров., проф. унив. (16 мая 1884 г.).

Васильевъ, Александръ Васильев., проф. унив. (3 мая 1886 г.).

Витевскій, Владиміръ Никол., препод. гимназ. (11 апр. 1879 г.).

Воронцовъ, Константинъ Иванов., препод. гимн. (27 февр. 1892 г.).

10 Ворченко, И. И., (съ 12 февр. 1894 г.).

Гавенвинкель, Константинъ Борисов, товар. прокурора Судебн. Палаты (19 дек. 1891 г.).

Галкинъ-Врасскій, Николай Никол., членъ Суд. пал. (членъ-основатель).

Горталовъ, Николай Констан., преп. гимн. (27 февр. 1892 г.).

Готвальдъ, Осипъ Ѳедоров., библіот. унив. (членъ-основ.).

15 Дормидонтовъ, Григорій Ѳедоров., проф. унив. (29 дек. 1885 г.).

Загоскинъ, Николай Павл., проф. унив. (членъ-основатель).

Заусайловъ, Василій Иванов., пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.).

Износковъ, Иліодоръ Александ., директ. реальн. уч. (членъ-основ.).

Корсаковъ, Дмитрій Александр., проф. унив. (членъ-основ.).

20 Корсакова, Варвара Дмитріевна (4 нояб. 1888 г.).

Кириловъ, Никол. Яковл., надзир. 1-й гимн. (11 апр. 1891 г.).

Кротовъ, Петръ Иванов., проф. унив. (10 нояб. 1891 г.).
Кукурановъ, Никол. Сергѣев., препод. реал. уч. (23 нояб. 1889 г.).
Кулагинъ, Александръ Корнилов., преп. гимн. (12 дек. 1891 г.).
Латышевъ, Василій Васильев., пом. поп. округа (8 марта 1891 г.).
Машановъ, Михаилъ Александровичъ, проф. Казанской Духовной Академіи (29 января 1894 г.).
Михайловъ, Митрофанъ Дмитр., гражданскій инженеръ (12 дек. 1891 года).
Мищенко, Ѳедоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.).
Молоствовъ, Владиміръ Вадимовичъ, (10 нояб. 1891 года)
Нагуевскій, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.).
Насыровъ, Абдулъ-Каюмъ Насыровичъ, казан. купец. (3 нояб. 1885 г.).
Образцовъ, Дмитрій Иларіевичъ (14 февр. 1888 г.).
Осокинъ, Николай Алексѣев., проф. унив. (членъ-основ.).
Пельцамъ, Эммануилъ Даниловичъ (30 нояб. 1878 года).
Пинегинъ, Михаилъ Николаевичъ, надзир. татарск. школы (19 дек. 1891 года).
Пономаревъ, Петръ Алексѣев., преп. Родіон. инст. (членъ-основ.).
Розенъ, баронъ Фридрихъ Фридриховичъ, проф. ун. (членъ-основ.).
Сиклеръ, Левъ Осиповичъ, (15 дек. 1893 г.).
Сластниковъ, Семенъ Иванов., канд. мат. наукъ (17 дек. 1886 г.).
Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ. проф. унив. (3 мая 1886 г.).
Смирновъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казн. унив. (16 мая 1884 г.).
Сорокинъ, Николай Васильев., проф. унив. (членъ-основ.).
Тиле, З. З. (съ 12 февр. 1894 г.).
Тиховъ, Николай Захаровичъ, канд. истор.-филол. наукъ (17 дек. 1890 года).
Толмачевъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.).
Траубенбергъ, Петръ Викторовичъ, преподав. татарской школы (27 февр. 1887 г.).
Хрщановичъ, Левъ Казимировичъ, губерн. инж. (29 дек. 1885 г.).
Шершеневичъ, Гавріилъ Феликсов. проф. унив. (11 апр. 1891 г.).
Штеръ, Георгій Карловичъ, проф. унив. (12 дек. 1891 г.).
Штукенбергъ, Александръ Антоновъ., проф. унив. (членъ-основ.).
Щеголевъ, Николай Иванов., казан. землевл. (23 дек. 1885 г.).
*Юшковъ, Николай Ѳирсовичъ (членъ-основ.).
*Ярыгинъ, Иванъ Александров., чиновн. отд. госуд. банка (19 марта 1881 года).
Ѳирсовъ, Николай Алексѣевичъ, заслуж. орд. проф. университета (членъ-основатель).
Ѳирсовъ, Николай Николаевичъ, прив.-доцентъ универ. (8 марта 1891 года).

б) иногородніе:

Буличъ, Николай Никитичъ, т. с. (членъ-основ.). *Спасскъ* Каз. губ.
Вахрамѣевъ, И. А., (14 февр. 1888 г.). *Ярославль.*

Владиміровъ, Петръ Владиміров. проф. Кіевск. универс. (членъ-основатель). *Кіевъ.*

Зайцевъ, Алексѣй Михайловичъ, проф. Томск. универс. (3 ноября 1885 года). *Томскъ.*

Ивмайловъ, Александръ Силовичъ, магистръ ветер. наукъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ.*

Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. Нѣж. института (17 декаб. 1886 г.). *Нѣжинъ* Черниг. губ.

Кедровъ, С. И.

Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, проф. Новорос. университета (3 мая 1886 г.). *Одесса.*

Кремлевъ, Николай Александровичъ, заслуж. орд. проф. (17 дек. 1886 г.). *С.-Петербургъ.*

Кривошапкинъ, Михаилъ Ѳомичъ (членъ-основатель).

Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, библіотекарь университета (25 окт. 1884 года). *Томскъ.*

Кузнецовъ, Е. В.

Лихачевъ, Иванъ Ѳедоровичъ, в.-адмир. (25 нояб. 1884 г.). *Москва.*

Магницкій, Василій Константин., инспекторъ нар. учил. (3 нояб. 1885 года). *Елабуга* Вятск. губ.

Мавунинъ, Николай Михайловичъ, землемѣръ (29 сент. 1889 года). *Глазовъ* Вятск. губ.

Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощн. директора Императ. Публичн. библіот., д. с. с. (27 января 1879 г.). *С.-Петербургъ.*

Можаровскій, Александръ Ѳедоровичъ, инспекторъ нар. училищ. (4 сент. 1878 года).

Можаровскій, Аполлонъ Ѳедоров., преподават. семинаріи (4 сент. 1878 года). *Нижній-Новгородъ.*

Мошковъ, В. А.

Никаноръ, Епископъ Архангельскій и Холмогорскій.

Овсянико-Куликовскій, Дмитрій Николаев., проф. универс. (14 февр. 1888 года). *Харьковъ.*

Пантусовъ, Николай Николаевичъ, правит. канцеляріи Семирѣч. воен. губерн. (3 мая 1886 года). *Вѣрный.*

Петровъ, Александръ Александровичъ, преподават. промышленнаго училища (22 дек. 1889 года). *Красноуфимскъ* Пермск. губ.

Подтягинъ, Григорій Иванов., инженеръ (10 апр. 1880 г.). *Петро Александровскъ,* Тургайск. обл.

*Поливановъ, Владиміръ Николаев., камеръ-юнкеръ двора Е. И. В. (членъ-основ.). *Симбирскъ.*

Путиловъ, Александръ Аристархов., землевл. Самар. губ. (27 янв. 1879 года). *Самара.*

Радловъ, Василій Васильевичъ, академикъ (членъ-основатель). *С.Петербургъ.*

Рамбо, Альфредъ, докторъ рус. истор., проф. слов. факультета въ Парижѣ (членъ-основ.). *Парижъ.*

Сверчковъ Николай Дмитріевичъ, уѣздн. предв. дворян. (27 янв. 1879 года). *Тетюши*. Казанск. губ.

Спасскій, Николай Александров., секрет. губ. стат. комит. (22 дек. 1889 года). *Вятка*.

*Тимаевъ, Евгеній Матвѣевичъ, драгоманъ азіатскаго Департ. Мин. Иностран. дѣлъ (членъ-основ.). *С.-Петербургъ*.

Титовъ, Андрей Александровичъ, потом. почетн. гражд. (27 февр. 1887 года). *Ростовъ* Ярослав. губ.

Толстой, Александръ Васильевичъ, землевл. Саратов. губ. (27 апр. 1890 года). *Сызрань* Симбирск. губ.

Трубниковъ, Юрій Владиміровичъ, землевл. казан. губ. (25 окт. 1885 года). *Спасскъ* Казанск. губ.

Трутовскій, Владиміръ Констант., членъ Москов. Арх. Общ, (17 дек. 1886 года). *Москва*.

Хорошавинъ, Сергѣй Александровичъ, (членъ-основ.).

Шишкинъ, Осдоръ Ростиславов., (29 дек. 1885 г.). *Тетюши* Каз. г.

Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ, директоръ Демидовск. лицея (членъ-основ.). *Ярославль*.

Якоби, П. И.

IV. ЧЛЕНЫ СОТРУДНИКИ ОБЩЕСТВА.

а) городскіе:

Ахмаровъ, Гайнитдинъ.

Буддэ, Евгеній Ѳедоровичъ, прив.-доц. Казан. университета.

Вагинъ, Петръ Константинов., учитель (15 дек. 1879 г.).

Геркенъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).

Ивановъ, Александръ Павловичъ, преподав. Ксенінской гимназіи (25 дек. 1878 г.).

Канонниковъ, Иннокентій Иванов., проф. унив. (28 апр. 1881 г.).

Кобаевъ, Макаръ Евсевьевичъ, учитель (3 апр. 1889 г.).

Кунгурцевъ, Ипполитъ Семеновичъ, преподават. реальн. училища (31 янв. 1890 г.).

Лихачевъ, Николай Петровичъ, прив.-доц. унив. (22 апр. 1881 г.).

Люстрицкій, Викторъ Ѳедоровичъ, инспекторъ народн. училищъ (16 окт. 1882 года).

Маловъ, Ефимій Александровичъ, прот., професс. Академіи (2 апр. 1884 года).

Нелидова, Раиса Александровна (16 мар. 1890 года).

Никитскій,

Пашковскій, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, преподав. реальн. училища (22 нояб. 1880 года).

Семеновъ, Тимофѣй Семеновичъ, о. діаконъ (3 апр. 1889 г.).

Смирновъ, Сергѣй Михайлов., хранит. бот. каб. (2 мая 1890 г.).

Софоновъ, Константинъ Трифоновичъ (2 мая 1890 г.). Адмир. сл.

Стефановичъ Я. А.

Суринъ, Ѳедоръ Осиповичъ, подполк. артиллер. (18 дек. 1880 г.).

Щербаковъ, Арсеній Яковл., проф. унив. (28 апр. 1882 г.).

Эрахтинъ, Алексѣй Петровичъ (29 дек. 1885 года).

Юртовъ, Авксентій Филиппов., препод. учит. семин. (1 февр. 84 г.).

б) иногородніе:

Аптіевъ, Гавріилъ Андреевичъ, учитель дер. *Варяшъ*, Бирск. уѣзда (19 нояб. 1889 года).

Аристовъ, Михаилъ Николаевичъ, Мировой судья (22 мар. 1879 г.) *Чистополь* Казанск. губ.

Архангельскій, Иванъ Васильевичъ, штатн. смотрит. Тетюшскаго уѣзди. учил. *Тетюши*.

Балабановъ, Иванъ Петров., редакторъ «Саратов. губерн. Вѣдом.» (4 окт. 1880 г.). *Саратовъ*.

Батьковскій, Василій Ефимов., священ. (1 янв. 1880 г.) с. *Воронежское*, Казан. губ.

Вакуловскій, Николай Никол., (27 янв. 1882 г.). *С.-Петербургъ*.

Васильевъ, Егоръ Васильев., учитель Бичуринск. учил. Казанской губерніи (10 мая 1887 года).

Веселицкій, Владиміръ, священ. села *Городского* Казанск. уѣзда (8 сент. 1889 года).

Вихманъ, Георгъ, магистръ Гельсингфорск. унив. (15 окт. 1891 г.). *Гельсингфорсъ*.

Владимірскій, Василій Ѳедоровичъ, священ. (29 дек. 1885 года) село *Богаево*, Свіяжск. уѣзда.

Гейкель, магистръ философіи Гельсингфорс. университета (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ*.

Гуляевъ, Константинъ Ивановичъ (28 мая 1881 года).

Дмитріевъ, Александръ Алексѣевичъ, инспект. народн. училищъ (3 нояб. 1885 года). *Пермь*.

Дмитріевскій, Николай Ивановичъ, сельскій учитель (22 ноября 1881 года) с. *Билярскъ*.

Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. *Тамбовъ*.

Дьяконовъ, Павелъ Иванов., священ. (22 сент. 1879 г.) с. *Можарово* Тетюшскаго уѣзда.

Ефимовъ, Николай Ефимовичъ, учитель народнаго училища (16 мая 1889 года).

Жилинъ, Алексѣй Дмитріев., священ. (22 мар. 1879 г.) село *Верхъ-Ушнуръ*, Вятской губерніи.

Живневскій, А. К., предсѣдатель архивн. коммиссіи. *Тверь*.

Заитовъ, Мухаметзянъ Биккининъ, указный мулла (8 мар. 1880 г.). *Кувырчино*, Лаишевскаго уѣзда.

Зайцевъ, Иванъ Яковлевичъ, сельскій учитель (30 сент. 1884 года). *Тетюшск.* уѣзда.

Извощиковъ, Михаилъ Иванов., полицейск. урядн. (8 нояб. 1879 г.) с. *Новодѣвичье* Сенг. у., Симб. г.

45 Ильченко, Дмитрій Васильевичъ, директоръ народн. учил. (28 апр. 1882 г.). *Тамбовъ.*

Каратаевъ, Бахитъ-Джанъ Джинеевичъ (30 сент. 1885 г.). *Оренбургъ.*

Катановъ, Николай Ѳедоров. (8 дек. 1884 г.) *С.-Петербургъ.*

Логачевъ, учитель с. *Йогва*, Соликамскаго уѣзда (1 нояб. 1890 г.).

Любимовъ, Николай Александр., священ. (8 мар. 1880 г.). *Арскъ.*

50 Маліевъ, Николай Михайлов., проф. унив. (8 нояб. 1879 г.). *Томскъ.*

Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, проф. унив. (27 окт. 1888 года). *Дерптъ.*

Мелетій, Епископъ Селенгинскій (20 іюля 1878 года).

Наливкинъ, Владиміръ Петров., преподав. учит. семин. (5 февр. 1888 года). *Ташкентъ.*

Нохратскій, Василій Михайлов., сельскій учитель (22 нояб. 1880 г.) *Чистоп.* уѣзда.

55 Остроумовъ, Николай Петров., директоръ гимназіи (8 мар. 1880 г) *Ташкентъ.*

Пасынковъ, Павелъ Петров., помощ. испр. (28 сент. 1889 г.). *Вятка.*

Пироговъ, П. Г., правитель дѣлъ архив. коммиссіи. *Рязань.*

Потанинъ, Григорій Николаев. (17 дек. 1880 г.). *Иркутскъ.*

Радаковъ, Александръ Николаев., (28 сент. 1879 г.). *Вятка.*

60 Рейнгольмъ, художникъ (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ.*

Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, инспект. городск. училища (16 окт. 1882 года). *Козмодемьянскъ.*

Сабуровъ, Василій Васильев., землевл. Пензенск. губерн. (22 марта 1879 года). *Пенза.*

Сапожниковъ, Василій Васильев., (28 сент. 1879 г.). *Рынъ-Пески.*

Сливановъ, Л. В., правитель дѣлъ архив. коммиссіи. *Рязань.*

65 Семеновъ, Александръ Ѳедоров., препод. реал. училища (3 февр. 1883 года). *Владикавказъ.*

Скопинъ, Василій Никитичъ, (16 апр. 1879 года). *Чемкентъ.* Сыръ-Дарьинской области.

Спицынъ, Александръ Андреевичъ членъ Импер. Археол. Комиссіи (4 ноября 1881 года). *С.-Петербургъ.*

Троицкая, учительница въ *Царевококш.* уѣздѣ (1 нояб. 1890 г.).

Фанагорскій, Петръ Иванов., священ. (27 янв. 1878 г.) село *Бозяково* Спасск. у.

70 Фатьяновъ, Михаилъ Иванов., землевл. (15 дек. 1879 г.) *Сенгилеевск.* у. Симбир. губ.

Хорошевъ, учитель въ с. *Ошибп*, Соликамск. у. (1 нояб. 1890 г.).

Шкапскій, Евлампій Семеновичъ, учит. уѣздн. училища. *Ядринъ.*

Шляковъ, И. А. членъ музея въ *Ростовѣ.*

Яковлевъ, Трифонъ Степанов., сельскій учитель села *Астраханки.* Лаишевскаго уѣзда.

Шӹ р ч ӹ к (чув. шӹрчӹк) сверчокъ.

Шӹ р ч ӹ ш э̀ м замокаю, разбухаю.

Шӹ р ч е Вас. ясли.

Ш э г э Крок. см. шагэ.

Ш ю шея; у Вас. шю корэ̀м затылокъ; см. шой корэ̀м.

Ш ю холодный, черный уголь.

Ш ю гной.

Ш ю а м гнію, тлѣю.

Ш ю а л т а̀ ш Крок. полоскать.

Ш ю а̀ ш г.чер. воротникъ см. сога̀; шюа̀ш-вочик Земл. остебка на воротникѣ.

Ш ю б у р Земл. см. шӹвӹр.

Ш ю в я л я̀ м плюю; шюведа̀м наговариваю, заговариваю; шювюль вюд слюна.

Ш ю г о̀ р Вас. см. сога̀.

Ш ю г а̀ р т л а̀ кладбище.

Ш ю д о сто; шюдо-вич-ур тридцать копѣекъ; шюдо-нӹль-лур сорокъ копѣекъ; шюдо-пача̀ш коровій рубецъ, кишжка.

Ш ю д э̀ м (г.чер. келесём) приказываю.

Ш ю д у р т-шюдурт звуки при жеваніи лошадью.

Ш ю д у к ш вѣнокъ, обручъ.

Ш ю д ӱ р веретено, у Вас. также звѣзда, см. шӹдӹр; орава̀ шюдӱр ось телѣги; шюдӱрем пряду; шюдӱрнэ̀м волокусь; кӹшке шюдӱрнэ̀н кая—змѣя ползетъ.

Ш ю д ы ш Вас. см. шюдӱкш.

Ш ю й Вас. см. шю 2-е.

Ш ю и р у к т а̀ ш Земл. истереть въ порошокъ.

Ш ю к э̀ м толкаю; шюкяля̀м отодвигаю, отталкиваю; шюкя̀лтыш задвижка.

Ш ю к ь Вас. (тат. чупь) см. сюкь.

Ш ю к т э̀ м гною; шюкше гнилой, ветхій; шюкше черь гнилая болѣзнь.

Ш ю л е маховая сажень.

Ш ю л ю (чув. сьулю) овесъ; шюлюкаик овсянка (птица); куп-шюлю-каик сойка, ронжа.

Ш ю л э̀ м Вас. дышу.

Ш ю л л е м Вас. см. шӹмьлэ̀м.

Ш ю л и ш духъ (существо), воздухъ; ошим-шюлиш шмель; шюлештӹла̀м задыхаюсь; чӹж-чаж-шюлэ̀м хриплю; шюляльтэ̀м см. шюлэ̀м; Св. шюлиш Св. Духъ.

Ш ю м ь сердце, у Вас. также скорлупа, см. шюмь; шюмь коршта болитъ подъ ложечкой (при катаррѣ желудка); шюмя̀н сердечный, ласковый.

Ш ю л я л ь т а р э̀ н-колта̀ш, шюляльтӹктэ̀н-колташ Крок. задушить.

Ш ю м а̀ л а̀ Земл. тлѣнный; шюмеда̀ш гноиться.

Ш ю м е ш т а р а̀ щ Земл. угождать.

Ш ю н Земл. см. шӧн.

Ш ю н ь г а̀ Земл. птичій полетъ.

Ш ю н г а̀ Крок. стукъ; холмъ; шюнга̀ш стучать, перебирать, рыться, шарить.

Ш ю р Вас. см. лем.

Ш ю р г о̀ черполѣсье, ср. чодра.

Ш ю р г ю (лицо у человѣка), шюргю̀штыш полотенце, шюргю-тачка̀щека.

Ш ю р г е д а̀ ш Земл. тыкать, колоть.

Ш ю р э̀ Земл. картина.

Ш ю р э̀ т Смирн. см. шюрэ̀.

Ш ю р к а л а̀ ш Земл. подмазывать.

Ш ю р л а̀ Вас. мурлыкаетъ.

Ш ю р т о нитка.

Ш ю р т у ш Земл. см. шуртуш.

Ш ю р я к ш крупа.

Ш ю р э̀ вост. чер. неводъ.

Ш ю р э̀ м (чув. сьурь) мажу.

Ш ю р е м а̀ м Вас. угораю.

Ш ю р т н е м спотыкаюсь.

Ш ю ч сажа; шючангдэ̀м копчу; шючеда̀м счищаю копоть.

Ш ю ш к а̀ м пахтаю, набиваю, заряжаю (ружье шомполомъ); шюшма̀ торок прессованный творогъ.

Ш ю ш к ю л я̀ м закалываю скотину.

Шюшкюльта̀м зарѣзываюсь.

Шюшпюк см. шы̆шпы̆к.

Шюштӧ ремень; шюштӧ кова̀штэ сыромятная кожа.

Шюя̀ Смирн. шея.

Шшюр Крок. калъ, пометъ.

Шютэ̀м распутываю, развязываю, развиваю, шютнэ̀м разматываюсь и. т. п. у Вас. шютэ̀м вытягиваюсь; у Смирн. долблю; шютэ̀н-лекты̆н вылупился (птенчикъ изъ яйца); шютлѐм Крок. развязываюсь.

Ы̆.

Ы̆выртэ̀м (чув. хиберде) радуюсь; ывыртыктэ̀м радую.

Ы̆зя̀й см. изяй.

Ы̆й ледъ; долото.

Ы̆ип искра.

Ы̆л Земл. см. йы̀л.

Ы̆ла̀м см. ула̀м.

Ы̆ле было отъ ы̆ла̀м.

Ы̆лик полѣно для лучины.

Ы̆льчы̆к ость у мѣха.

Ы̆мне лошадь.

Ы̆ҥлэ̀м см. уҥлэ̀м.

Ы̆ҥы̆р (г.чер. йы̆ҥыль, чув. йыҥыл) колокольчикъ у дуги, ы̆ҥы̆р-пю коренной зубъ.

Ы̆ндэ̀ (чув. инде) вотъ уже теперь, послѣ этого.

Ы̆ндэ̀ҥше девять; ындэҥшлу девяносто.

Ы̆ндрэ̀м см. ундрэ̀м.

Ы̆ра̀ (чув. ыра) пазъ.

Ы̆ра̀к Вас. см. рагэ.

Ы̆рвѐзе см. рвезе.

Ы̆рдаҥдэ̀м, ы̆рдаҥдарэ̀м Земл. см. рюдаҥэ̀м.

Ы̆рдэ Земл. см. рюдо.

Ы̆реа̀ш Земл. см. ы̆ры̆ктэ̀м.

Ы̆рза̀ш Земл. см. рюзем, ы̆рзенкашта̀ш кадить.

Ы̆рлэ̀м см. лыргэ̀м.

Ы̆руа̀м Земл. см. рюдэ̀м.

Ы̆рыктэм грѣю, ы̆рэ̀м грѣюсь.

Ы̆чик см. ичик.

Ы̆фла̀ш Земл. дуть.

Ы̆ш отрицаніе не, ставится въ 3 лицѣ прошедшаго времени.

Ы̆шландарэ̀м нѣжу, балую.

Ы̆шты̆лтара̀ш Земл. освистывать, ошикивать.

Ы̆шты̆р (тат. ыштыр) Вас., см. шты̆р.

Ы̆я̀ (чув. ые) см. ія.

Ы̆ѐм см. іѐм.

Э.

Э да, такъ! ба!

Эбалда̀ Земл. дурной человѣкъ.

Эгѐрце Крок. чашка въ колѣнкѣ.

Эгѐрче Смирн. творожникъ, у Вас. лепешка.

Эгѐче (чув. игерч) сдобный хлѣбъ, также лепешки для моленія керемети.

Эгѐле (чув. йигель, тат. äкäлä) шишки хвойныхъ деревъ, кож-эгѐле; елевая шишка; кож эгѐле-каик иволга; тумэгѐле желудь.

Эгрѐмше (чув. эрешмен) паукъ; эгрѐмше-вот паутина.

Эдэ̀м (тат. äдäм) см. айдэ̀мо; эдэ̀млук человѣческое сѣмя, зародышъ младенца; эдэмемяльта̀ш вочеловѣчиться.

Эжиҥ, э̀жжиҥ Крок. колѣнце въ растеніяхъ, см. йы̆жы̆ҥ.

Эжиль Земл. стебель растеній.

Эжинь Земл. см. йы̆жы̆ҥ.

Э и г д а л а̀ м (г.чер. эльталэ̀м) обнимаю.

Э л ѐ к (тат. ӓлӓ̀к) см. алы̀к.

Э л е р т э̀ м соблазняю, прельщаю.

Э л ь ы̆ р т э̀ м см элертэ̀м.

Э л т а л э̀ м Вас. см. эйгдалам.

Э к ш ѐ л ь Смирн. жалоба; экпелѐм жалуюсь

Э к с ѐ к Земл. тощій, худой; эксекляпаш тощать; эксекляндара̀ш изнурять.

Э л а х а й Земл. см. йолага̀й.

Э л ѐ Смирн. йылѐ.

Э л ь т э̀ м г.чер. охабка, обхватъ.

Э м ь лѣкарство.

Э м р а т а̀ ш Земл. утѣшать.

Э н предсловіе-служитъ привнакомъ превосходной степени: эн первой—самый первый; эн турюшто въ самомъ началѣ.

Э н г а̀ й Вас. см. йы̆нга̀й.

Э н г ж а̀ Земл. крюкъ.

Э н г э̀ ж малина; энгэ̀ж-вондо малиновый кустъ; шеме-энгѐж ежевика.

Э н г р ѐ м ы ш Вас. см. эгрѐмше.

Э н г д э̀ м опаляю.

Э н г ѐ р ь (г.чер. анзыр) удочка; энгерэ̀м ужу; энгѐрь-вот лѣса; энгѐрь вазэ удилище (лукъ удочки).

Э н г ѐ р рѣчка.

Э н е р т а̀ ш Земл. надѣяться.

Э н э р ѐ м ш е Земл. см. эгрѐмше.

Э н е р ч а̀ к (тат. ыңгырчик, чув. йынерчек, г.чер. сель тэка̀) сѣделка.

Э н ѐ р ь (тат. эярь, чув. йынерь г. чер. ӧртнѐрь) сѣдло.

Э н е р э̀ ̆ мычитъ (корова).

Э н е р т э̀ м прислоняюсь, прикасаюсь.

Э н э̀ ̆ т Земл. см. анэ̀ ̆т.

Э п ѐ р е праздно, по пустому, напрасно.

Э п к а л а̀ ш Земл. (тат. упькалэйем), ӧпкалэ̀м.

Э р а̀ ш Земл. заставать.

Э р г э сынъ; эргэ-вель пасынокъ; эргалук Земл. усыновленіе.

Э р г ѐ м бодаю; эргы̆шэ бодливый.

Э р г ѐ м навиваю нитки на мотовило.

Э р д а̀ м Смирн. тучнѣю.

Э р д э бедро; у Смирн. тучный.

Э р д ы ж Земл. см. ӧрдыж.

Э р э̀ Земл. голубой, лазуровый.

Э р ѐ постоянно; чистый.

Э р и к (чув. ирик) воля, свобода; у Смирн. власть.

Э р и к т э̀ м очищаю, эрикталтам очищаюсь.

Э р к а̀ Земл. лѣнь.

Э р к е н тихо, неторопливо. чинно, осторожно.

Э р л е х а н г д а̀ ш Земл. покрывать корью; эрлехангеа̀ш покрываться корью.

Э р л э̀ ̆ завтра; эрлэ̀ ̆шы̆ на другой день, вост. ч. эрла̀.

Э р м а Земл. удивительный.

Э р н е л а̀ м Смирн. сѣдлаю; эрнѐрь сѣдло.

Э р т э̀ н мимо; эртарэ̀м обгоняю, пропускаю, у Вас. провожу (мимо).

Э р т полынья.

Э р ь, утро; эрьдэ̀нэ утромъ.

Э р э̀ ̆ н (тат. айрэ̀ ̆н) см. орѐн.

Э с к е р а̀ ш Земл. остерегаться.

Э с к е р е м Смирн. наблюдаю.

Э с т а̀ пойдемте; ср. айда.

Э с к ы р т э̀ м см элертэ̀м.

Э т а р п ѐ ч Земл. крыса.

Э ш а Земл. сухой лещъ.

Э ш ѐ Земл. еще.

В. Троицкій.

ОПЕЧАТКИ

въ „Рѣчи“ В. Н. Витевскаго: „И. И. Неплюевъ, организаторъ оренбургскаго края.“ Казань, 1894.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	9 сн.	30	80
5	5 —	съ этой	въ этой
7	12 —	флагшаку	флагману
11	14 св.	нашли	нашла
12	15 —	флота;	флота,
—	17 —	пребываніе,—	пребываніе“,—
—	—	въ указѣ“;	въ указѣ,—
—	2 сн.	Константинополь	Константинополь,—
—	1 —	выраженію	выраженію,
14	18 —	подъ	надъ
—	10 —	турецкомъ	турецкимъ
15	6 —	пригсъ-коммиссаръ	кригсъ-коммисаръ
16	16 —	къ славѣ	въ славѣ
—	17 —	много	мною
18	13 св.	короламгани	кара-калпаки
—	16 —	Старошишминска	Старошешминска
19	15 —	Россіи	Россіи;
—	2 сн.	Ашакова	Аксакова
21	8 св.	но	и о
22	15 —	по	на
—	22 —	Петербурга	Петербурга,
23	10 —	могу	не могу
—	20 —	раньше,	раньше
28	7 —	законами“,	законами.“—

ОПЕЧАТКИ

въ „Рѣчи“ Н. А. Өирсова: „О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго Казань, 1894.“

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
1	6 св.	не	ни
—	16 —	который	которой
—	2 сн.	господство	господства
2	1 св.	пробудились	пробудилось
—	3 —	обитателемъ	обладателемъ
—	10 —	пищалею	пищалію
—	22 —	дѣлѣ	дѣлѣ,
—	14 сн.	колонизировалъ	колонизировать
—	13 —	воспользовался	воспользоваться
—	7 —	кончались	кончились
3	12 св.	уже была яхта	должна была быть
—	13 —	которыя	которая
—	15 —	долженствовали	долженствовала
4	6 —	государства	государству

ОПЕЧАТКИ

въ „Рѣчи“ Н. А. Өирсова: „О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго Казань, 1894.“

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
1	6 св.	не	ни
—	16 —	который	которой
—	2 сн.	господство	господства
2	1 св.	пробудились	пробудилось
—	3 —	обитателемъ	обладателемъ
—	10 —	пищалею	пищалію
—	22 —	дѣлѣ	дѣлѣ,
—	14 сн.	колонизировалъ	колонизировать
—	13 —	воспользовался	воспользоваться
—	7 —	кончались	кончились
3	12 св.	уже была яхта	должна была быть
—	13 —	которыя	которая
—	15 —	долженствовали	долженствовала
4	6 —	государства	государству

Въ 1894 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1-й выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Казанскъ), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, пр.-доц. Е. Ѳ. Будде, К. В. Викландъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Гавеневинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. В. Евсевьевъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. К. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ) Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au curant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ (для отчетовъ о новостяхъ скандинавской литературы).

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» **М. Е. Евсевьева.**

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Курганскій могильникъ. И. Н. Смирнова . . . . . 263—272.

Мордва—историко-этнографическій очеркъ (окончаніе). И. Н. Смирнова . . . . . 273—373.

Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ. Н. И. Засѣдателева . . . . . 374—380.

Программа для собиранія чувашскихъ примѣтъ о погодѣ. А. В. Смоленскаго . . . . . 381—382.

Опечатки въ 3 вып. XII т. «Извѣстій» . . . . . 383—385.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY AUG 12 1964

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1895.

Вышелъ 31 января.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Курганскій могильникъ. И. П. Смирнова . . . . . 263—272.

Мордва -историко-этнографическій очеркъ (окончаніе). Н. Н. Смирнова . . . . . 273—373.

Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ. Н. И. Засѣдателева . . . . . 374—380.

Программа для собиранія чувашскихъ примѣтъ о погодѣ. А. В. Смоленскаго . . . . . 381—382.

Опечатки въ 3 вып. XII т. «Извѣстій» . . . . . 383—385.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

КАРАКУЛИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

1 сентября 1892 г. я получилъ телеграмму г. товарища предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи барона В. Г. Тизенгаузена, заключавшую въ себѣ предложеніе съѣздить въ Каракулино и изслѣдовать обнаружившееся тамъ мѣстонахожденіе бронзовыхъ орудій. На слѣдующій день вечеромъ я отправился въ путь и прибылъ въ Каракулино 5 сентября около 5 ч. по полудни. Пригласивъ къ себѣ г. Лучникова, который доставилъ вятскому губернатору найденныя здѣсь мѣдныя и бронзовыя вещи, я узналъ, что мѣсто находки отстоитъ отъ Каракулина на 5 — 6 верстъ, и за позднимъ временемъ не счелъ удобнымъ отправляться туда немедленно. Утромъ 6 сентября г. Лучниковъ проводилъ меня туда съ 6 рабочими и принялъ участіе въ предварительныхъ развѣдкахъ.

Каракулинскій могильникъ—такъ можно назвать памятникъ, съ послѣдними слѣдами котораго, повидимому, мнѣ пришлось познакомиться,—расположенъ на первой береговой терасѣ р. Камы въ направленіи Ю.З.—С.В., на половинѣ разстоянія между селами Каракулинымъ, точнѣе Пермяковымъ, и Вятскимъ, или Машкарой. Площадь его занимаетъ небольшую полосу распаханной земли, слегка приподнятой въ верхней части.

Изслѣдованіе могильника я началъ съ того, что попросилъ г. Лучникова указать мнѣ мѣсто находки и сообщить обстоятельства, при которыхъ она обнаружилась. Оказалось, что вещи залегали подъ узкой полоской (отъ 4 до 6 вершковъ ширины) дерна, окаймлявшей распаханное пространство со стороны рѣки. Въ 1891 г. собственникъ пашни забивалъ въ эту полосу колъ для установки загороди вокругъ скирда. Подъ дѣйствіемъ его ударовъ кусокъ рыхлаго дерна отвалился и крестьянинъ увидалъ, что на камскій галешникъ покатились человѣческія кости и мѣдныя вещи — судя по разсказамъ, кельтъ, копье и какія-то украшенія. Изъ этого разсказа я вывелъ заключеніе, что погребенія залегали въ непосредственной близости къ обрыву или осыпи террасы и съ этой стороны рѣшилъ начать изслѣдованіе. Спустившись съ дерновой полоски на рыхлую осыпь, я началъ медленно подвигаться по ней по направленію къ Машкарѣ и всматриваться въ содержаніе почвенныхъ слоевъ, изъ которыхъ сложена терраса. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста находки я замѣтилъ выступающія изъ верхняго чернаго почвеннаго слоя ножныя кости. Отмѣтивъ этотъ пунктъ, я двинулся далѣе и обнаружилъ еще три пункта, гдѣ выступали кости, и цѣлый рядъ такихъ, противъ которыхъ на осыпи оказывались черепки. Наличность могильника благодаря обнаруженнымъ человѣческимъ костямъ оказалась несомнѣнной, и я началъ изслѣдованіе съ намѣченныхъ пунктовъ, предполагая постепенно подвигаться ко второй террасѣ. Послѣ вскрытія всѣхъ четырехъ могилъ обнаружилось, что могильникъ заключалъ въ себѣ п о г р е б е н і я въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Подъ черпымъ слоемъ земли, имѣвшимъ въ толщину не болѣе $^1/_2$ аршина, на суглинкѣ лежали ногами перпендикулярно къ Камѣ, т. е. въ направленіи съ С.З. на Ю.В., на спинѣ, съ лицемъ, обращеннымъ вверхъ, костяки, нижнія конечности которыхъ успѣли уже обвалиться при осыпяхъ берега. Никакихъ слѣдовъ дѣйствія огня кости не обнаруживали. Вещи находились только при одномъ изъ четырехъ костяковъ и состояли изъ горшка,

находившагося между головой и лѣвымъ плечемъ, изъ мѣдной или бронзовой пряжки на лѣвомъ плечѣ, таковаго же наконечника копья, обращеннаго остріемъ по направленію къ головѣ костяка и лежавшаго рядомъ съ костью лѣвой руки и двухъ предметовъ неопредѣленнаго назначенія, найденныхъ съ правой стороны близь таза. Въ виду того, что никакихъ желѣзныхъ вещей при костякахъ не оказалось, я призналъ могильникъ относящимся къ бронзовой или мѣдной эпохѣ. Интересъ, который представлялъ этотъ первый,—если не считать Ананьинскаго, могильникъ бронзовой эпохи на Камѣ, увеличивался благодаря характеру погребальнаго обряда. Въ европейской археологической литературѣ до сихъ поръ крѣпко держится убѣжденіе, что характернымъ признакомъ бронзовой эпохи является трупосожженіе, которое смѣнило практиковавшійся въ неолитическій періодъ обрядъ п о г р е б е н і я въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Ананьинскій могильникъ, въ которомъ рядомъ съ трупосожженіемъ наблюдаемо было и погребеніе, показывалъ уже, что восточно-русскій бронзовый вѣкъ въ этомъ отношеніи уклонялся отъ западно-европейскаго; Каракулинскій предлагалъ новые факты сосуществованія п о г р е б е н і я и обстановки (предметовъ) бронзоваго вѣка. Понятно, что, найдя съ перваго шага 4 погребенія, я съ громадными надеждами приступилъ къ дальнѣйшему изслѣдованію площади предполагаемаго могильника, но послѣ двухдневныхъ раскопокъ долженъ былъ убѣдиться, что изслѣдованныя мною 4 могилы—все, что уцѣлѣло отъ могильника. Въ виду того, что направленіе, въ которомъ клались погребаемые, опредѣлялось, я изслѣдовалъ площадь могильника продольными траншеями. Первая траншея была проложена на протяженіи 13 саж. и 1 арш.; за ней на разстояніи 2 аршинъ была проложена 2-ая въ 20 саженъ, затѣмъ на разстояніи 8 саж. и 1 арш. 3-я длиною въ $5^1/_2$ саженъ и въ 4 саж. 2 арш. отъ нея 4-ая длиною въ 5 саженъ. Всѣ эти траншеи въ глубину шли до того слоя суглинка, на которомъ лежали костяки въ обнаруженныхъ могилахъ. Результаты работъ далеко не оправ-

дали моихъ ожиданій: всѣ находки состояли изъ массы разбитыхъ костей животныхъ, черепковъ, обломковъ глиняныхъ грузилъ и кое-гдѣ угля. За площадью могильника находилась, повидимому, стоянка той народности, которой онъ принадлежалъ. Наиболѣе цѣнный матеріалъ въ ряду этихъ находокъ представляютъ черепки. Сосуды, которыми пользовалось населеніе, оставившее намъ Каракулинскій могильникъ, изготовлялись изъ матеріала, который находился подъ руками—одни изъ желто-красной глины, другіе изъ черной, смѣшанной съ какой-то бѣлой, можетъ быть раковинной, примѣсью; послѣдніе обмазывались снаружи и изъ внутри тонкимъ слоемъ желтой глины. Судя по изгибу черепковъ, можно предположить, что они имѣли форму близкую къ ананьинскимъ и отличались незначительнымъ размѣромъ. Съуженное горло сосуда украшалось по краямъ довольно богатымъ вдавленнымъ орнаментомъ. Изъ узоровъ, которые широкой полосой идутъ по краю горла и спускаются на выступающія, выпуклыя стѣнки сосуда, можно отмѣтить 1) кружковый (кружки или ямки, выдавленныя круглой палкой или толстымъ перомъ), 2) веревочный или шнуровый, 3) пересѣченно-линейный (по терминологіи Ѳ. А. Теплоухова;) „такой узоръ, по словамъ г. Т., получается, вѣроятно, посредствомъ вдавливанія въ мягкія еще стѣнки сосудовъ куска дерева въ видѣ лопаточки, чекана, съ зубчатымъ, какъ у гребня, краемъ“). Отдѣльно взятые всѣ эти узоры встрѣчаются на всемъ камскомъ побережьи и по крупнымъ притокамъ Камы. Для Каракулинскаго становища характерно то, что здѣсь эти мотивы не встрѣчаются въ одиночку, а всегда въ болѣе или менѣе прихотливомъ сочетаніи. Эта особенность приближаетъ каракулинскіе черепки къ ананьинскимъ, на которыхъ также замѣчаются преимущественно комбинированные узоры. На каракулинскихъ черепкахъ это стремленіе мастеровъ комбинировать узоры только замѣтнѣе, чѣмъ на Ананьинскихъ: въ то время, какъ на послѣднихъ встрѣчается еще иногда одинъ кружковый орнаментъ, на Каракулинскихъ мы встрѣчаемъ его не иначе, какъ въ со-

четапіи съ другими. Тамъ и здѣсь въ орнаментѣ замѣчаются полукруглые фестоны, спускающіеся съ горла на стѣнки сосуда. Существенное отличіе керамики Ананьинскаго могильника отъ таковой же Каракулинскаго заключается въ томъ, что на ананьинскихъ сосудахъ встрѣчается животный (звѣриный) орнаментъ, отсутствующій на Каракулинскихъ.

Изложивши фактически данныя, добытыя изслѣдованіемъ Каракулинскаго могильника, я позволю себѣ въ заключеніе высказать нѣсколько соображеній относительно мѣста занимаемаго имъ въ ряду доисторическихъ памятниковъ восточной Россіи. По своему содержанію Каракулинскій могильникъ представляетъ новое звено въ цѣпи памятниковъ бронзовой (мѣдной) эпохи, которую можно намѣтить по правому берегу Камы, начиная съ открытаго нынѣ г. Нефедовымъ Дмитріевскаго могильника (ниже Елабуги близь с. Дмитріевскаго). Продолжаясь знаменитымъ Ананьинскимъ могильникомъ и болѣе или менѣе близкими къ нему могильниками Пьяноборскимъ и Муповскимъ, въ которыхъ также были находимы, какъ я узналъ въ нынѣшнемъ году, мѣдныя орудія—стрѣлы, эта цѣпь входитъ въ Сарапульскій уѣздъ. Мѣдныя „копьеца“ (стрѣлы) выпахиваютъ въ поляхъ близь починка Хлыстова Мазунинской волости, здѣсь-же у одного домохозяина до сихъ поръ, по словамъ вятскихъ земскихъ статистиковъ, хранится „старинный мѣдный клинокъ, пустой внутри, служившій повидимому наконечникомъ копья“. Желѣзная сабля съ мѣдной ручкой“—повидимому, нѣчто въ родѣ составныхъ орудій Ананьинскаго могильника и Минусинскаго края,—найдена была въ Юринской волости близь с. Ильдебахи. За предѣлами Сарапульскаго края мѣдныя и бронзовыя орудія встрѣчались и встрѣчаются до сихъ поръ по теченію Камы въ уѣздахъ Оханскомъ и Пермскомъ Пермской губерніи. Въ Оханскомъ уѣздѣ Ѳ. А. Теплоуховъ указываетъ дер. Першину ниже с. Таборскаго (здѣсь были найдены при обработкѣ огорода два кельта изъ красной мѣди и мѣдный листовидный наконечникъ копья), въ Пермскомъ уѣздѣ мѣдныя орудія были находимы близь дер.

Турбиной Хохловской волости (бронзовый ножъ, мѣдный кельтъ, топоръ, копье), Галкинскаго городища Краснослудской волости (кельтъ), д. Зародята на р. Туѣ (кельтъ) и у дер. Орловой Ильинской вол. (кельтъ).—Намѣченная мною цѣпь мѣстонахожденій бронзовыхъ и мѣдныхъ орудій представляетъ собою сѣверную границу обширной территоріи, на которой сложилась мѣдная (бронзовая) культура В. Россіи. На югъ чрезъ губерніи Уфимскую, Самарскую, Оренбургскую она простиралась почти до Каспійскаго моря; на З. она переходила за Волгу и оставила свои слѣды въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Саратовской и землѣ войска Донскаго; на В., переходя чрезъ Уралъ, она захватывала степи южной Сибири и простиралась въ одномъ направленіи до Алтая и Минусинскаго округа, въ другомъ до Семирѣчья. На очерченномъ мною пространствѣ извѣстенъ цѣлый рядъ мѣстонахожденій мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій. На Ю. отъ Камы въ предѣлахъ Уфимской губерніи—бронзовыя орудія (копья, серпы, кельты) были найдены въ Мензелинскомъ уѣздѣ близъ д. Дербедень, въ курганахъ близъ г. Бирска по р. Бѣлой (наконечники копья), въ дачѣ Базилевскаго близъ Уфы (бронзовый серпъ). Въ Самарской губерніи въ Бугурусланскомъ уѣздѣ близъ села Фролкина или Ерзовки въ урочищѣ „разбойническомъ“ найдены были мѣдные (бронзовые?) серпъ, топоръ, копье и нѣкоторыя другія вещи [1]). На З. отъ Волги мѣдныя и бронзовыя орудія были обнаружены: въ Казанской губ. въ Тетюшскомъ уѣздѣ, въ Симбирской въ Алатырскомъ уѣздѣ близъ села Сабанчеева, въ Сызранскомъ у. близъ с. Морквашей (на Самарской лукѣ) [2]), въ Саратовской губерніи указывается обширное поле, изобилующее мѣдными стрѣлами.

Наиболѣе интересными въ научномъ отношеніи оказываются мѣстонахожденія на востокѣ разсматриваемой территоріи—по склонамъ южнаго Урала, въ степяхъ Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей и въ Семирѣчьи.

[1]) Сам. Еп. Вѣд. 1885, № 22, стр. 515.

[2]) Н. Аристовъ. «Преданія о кладахъ».

Здѣсь рядомъ съ орудіями (въ курганахъ Міясскаго горнаго округа мѣдные наконечники копій и стрѣлъ, кельты, въ копяхъ Тургайской области кайлы, въ Барабинской степи мѣдные мечи и наконечники стрѣлъ, по берегамъ Иртыша въ окрестностяхъ Павлодара и Семипалатинска мѣдные ножи, такіе-же ножи на берегахъ Оми къ С. отъ Каинска, бронзовые скребокъ, долото, кирка, ножи, удила, серпы и т. п. въ Семирѣчьи) обнаружены были доисторическія мѣдныя копи— „ордынки" въ Тургайской области, „чудскія копи" въ южной части Екатеринбургскаго уѣзда и областяхъ Акмолинской и Семипалатинской [1]). Въ одной изъ тургайскихъ „ордынокъ" рабочіе нашли мѣдныя орудія, которыми доисторическіе работники добывали руду. Громадныя степныя пространства, занимающія южную Сибирь и составляющія продолженіе среднеазіатскихъ, являются, повидимому, родиной восточно-русской мѣдной (и бронзовой?) культуры: здѣсь она черпала свои матеріалы, здѣсь она является логическимъ результатомъ физическихъ условій страны. Г. Копыловъ, изслѣдовавшій чудскія копи Акмолинской и Семипалатинской областей, замѣчаетъ, что мѣдныя руды, которыя *исключительно* разрабатывала „чудь," залегаютъ въ *верхнихъ* горизонтахъ степи. На пространствѣ южно-сибирскихъ степей мѣдная культура примыкаетъ, какъ и въ Европѣ, непосредственно къ неолитической. Раскопки, произведенныя на городищахъ, которыя встрѣчаются на островахъ и по берегамъ южно-уральскихъ озеръ (Б. Напога, Кызылташъ, Иртяшъ, Силачъ, Акакуль) дали нѣсколько мѣстонахожденій мѣдныхъ вещей (орудій?) рядомъ съ *каменными* и костяными [2]).—Топографически Каракулинскій могильникъ связанъ такимъ образомъ съ южно-сибирскимъ очагомъ мѣдно-бронзовой культуры. Вопросъ о томъ, какой народности или какому племени могъ принадлежать онъ, съ извѣстной вѣроятностью можетъ быть рѣшенъ на основа-

[1]) »Къ исторіи южной части Екатеринб. уѣзда». М. Б — овъ. «Екат Нед.» 1893, № 1. Зап. Урал. Общ. Люб. Ест.

[2]) «Екат. Нед.» 1893, 1.

пін тѣхъ данныхъ, которыя представляютъ въ наше распоряженіе современное положеніе народностей въ Сарапульскомъ уѣздѣ, преданія мѣстнаго населенія и свидѣтельства исторіи.

Въ настоящее время районъ распространенія мѣдныхъ и бронзовыхъ орудій и характерныхъ мѣдныхъ украшеній „пьяноборскаго типа"—побережье Камы—занятъ пестрымъ по своему составу населеніемъ: Русскими, Черемисами, Чувашами, Вотяками и Башкирами. Самыми поздними являются, конечно, Русскіе. Въ большей части прибрежныхъ волостей они поселились на башкирскихъ земляхъ — въ однѣхъ ранѣе, въ другихъ позже. Что касается Башкиръ, то пребываніе ихъ здѣсь на основаніи историческихъ документовъ можно прослѣдить до времени Ивана Грознаго. Въ Исенбаевской волости въ дер. Кадыбашъ у Башкиръ сравнительно недавно еще хранились акты изъ этой эпохи. Черемисы и Чуваши явились въ этомъ районѣ, какъ и всюду въ предѣлахъ Башкиріи, послѣ покоренія Казани. Болѣе ранними насельниками могли быть Вотяки, которые составляютъ одинъ изъ древнѣйшихъ этнографическихъ элементовъ уѣзда; но тѣ данныя, которыми мы располагаемъ относительно вотской колонизаціи уѣзда, не позволяютъ предположить, чтобы Вотяки были давними обитателями Сарапульскаго Покамья. Благодаря трудамъ статистиковъ Вятскаго Губернскаго Земства въ настоящее время представляется возможность намѣтить районъ, гдѣ Вотяки оказываются старинными насельниками. Признаками, по которымъ можно выдѣлить этотъ районъ, оказываются 1) размѣръ вотскихъ селеній 2) значительное количество древнихъ кладбищъ. Волостями, въ которыхъ встрѣчаются рядомъ съ многочисленными старыми языческими кладбищами самыя обширныя и, стало быть, самыя старыя селенія, являются удаленныя отъ Камы въ глубь уѣзда Нылги-Жикьинская, Пургинская, Сосновская, Чутырская, Шарканская.

Мѣстныя названія не даютъ опредѣленныхъ указаній на древнее населеніе района. Крупныя рѣки носятъ пермяцкія названія (Сива, Ижъ), мелкія или происходятъ отъ личныхъ

тюркскихъ именъ (Кичбаиха, Тебердиха, Яжбахтинка, Карабай и т. д.) или не поддаются лингвистическому опредѣленію (Ильпешъ, Ямашъ, Калмашъ, Иллыкъ, Багряшъ). Больше указаній заключаютъ въ себѣ писанные историческіе источники. Русскіе акты времени Грознаго шестью столѣтіями отдѣлены отъ того времени, когда берега Камы и Волги были посѣщаемы и описываемы Арабами-путешественниками—Ибн-Дастомъ, Ибн-Фадланомъ и др. По извѣстіямъ этихъ путешественниковъ земли на СВ. отъ Болгаръ занималъ тюркскій народъ, который они называютъ различно: Баджгардъ, Банджардъ, Башкардъ, Башхартъ и Маджгаръ. Народъ этотъ занималъ сѣверъ обширной территоріи, которая принадлежала тогда тюркскимъ народностямъ. Къ югу отъ башкировъ или Маджаръ жили Половцы (Команы, Гузы), еще южнѣе Печенѣги. Ранѣе около V в. по Р. Х. на этихъ пространствахъ исторія знаетъ Болгаръ и Аваръ. — Наиболѣе глубоко уходящія въ прошедшее разсматриваемой страны свидѣтельства арабскихъ и европейскихъ источниковъ представляютъ ее такимъ образомъ достояніемъ тюркскихъ племенъ. Съ V или IV в. нашей эры до эпохи Геродота европейскіе (классическіе) писатели не даютъ объ этой странѣ какихъ нибудь опредѣленныхъ этнографическихъ указаній, если не считать пересказовъ того, что было сказано Геродотомъ (Страбонъ о Массагетахъ). Только у Геродота мы встрѣчаемъ относительно нея цѣнныя культурно-историческія указанія. Значительная часть огромной равнины, которая простирается на В. отъ Каспійскаго моря, принадлежала, по словамъ Геродота, Массагетамъ. Народъ этотъ для всѣхъ надобностей употреблялъ золото и мѣдь; изъ мѣди онъ изготовлялъ копья, стрѣлы и сѣкиры; для головныхъ уборовъ, поясовъ и перевязей употреблялъ золото. „Желѣза и серебра, прибавляетъ Геродотъ, они вовсе не употребляютъ, такъ какъ этихъ металловъ и нѣтъ въ ихъ странѣ, а золото и мѣдь имѣются въ изобиліи“ (I, 215). Сѣверная часть пространства, которое принадлежало по Р. Х. тюркскимъ племенамъ, заселена была Ѳиссагетами (Геродотъ помѣщаетъ ихъ

на С.В. отъ Будиновъ. которые жили надъ Сарматами, занимавшими земли между Дономъ и Волгой) и Йорками. Этнографическое отношеніе этихъ народностей къ тюркскому міру на основаніи Геродота опредѣлить нельзя, но тутъ на помощь исторіи являются сохранившіяся въ Авестѣ преданія древняго Ирана. Земли, которыя Геродотъ отводилъ Массагетамъ, Оиссагетамъ и Йоркамъ, носятъ у Персовъ названіе Турана и однимъ своимъ именемъ уже приводятся въ неразрывную связь съ тюркскимъ или турецкимъ, какъ слѣдовало бы говорить по русски, міромъ. — Не углубляясь болѣе въ прошедшее Турана, можно въ виду всего этого предположить, что орудія Каракулинскаго могильника представляютъ собою произведенія степной южно-сибирской тюркской металлургіи и могутъ относиться приблизительно къ эпохѣ Геродота. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что онѣ служили тюркскимъ колонистамъ праваго берега Камы: Тюрки, скрывающіеся подъ именемъ Оиссагетовъ, могли такъ-же легко укрѣпиться на Камскомъ правобережьи, какъ укрѣпились тамъ много вѣковъ позднѣе потомки древнихъ Маджгаровъ и Башкиръ [1]).

[1]) Пьяный Боръ и теперь еще у Черемисъ называется Манджаръ.

Мордва.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА V.

Религіозныя върованія и культъ.

(Продолженіе).

Погребальные и поминальные обычаи Мордвы побуждаютъ насъ ожидать, что ея представленія о дѣятеляхъ сверхъестественнаго міра должны отличаться яркой языческой окраской.

Перенесемся-же мысленно въ Самарскую губернію и присмотримся къ тому, что сообщаютъ о тамошней Мордвѣ ея мѣстные наблюдатели. „Мордва имѣетъ большое влеченіе къ грамотѣ и среди ея не трудно отыскать многихъ, знакомыхъ съ Свящ. Писаніемъ и святоотеческими твореніями. Но незнакомство съ толкователями какъ писанія, такъ и твореній святоотеческихъ влечетъ за собою возникновеніе среди Мордвы разныхъ сектъ по большей части мистическаго направленія“ [1]). „Вмѣстѣ съ пропикновеніемъ ученіемъ Христа у Мордвы стало появляться какое-то страстное желаніе подражать подвигамъ первыхъ мучениковъ. Условія, коими у насъ обставлено поступленіе въ монастыри, препятствовали Мордвѣ уединиться отъ міра и жить для спасенія своей души. Тогда она обратилась къ черничеству [2])“... За этими общими чертами религіоз-

[1]) Сам. Еп. Вѣд. 1887, 38.

[2]) Ibid. 571.

наго настроенія Самарской Мордвы мѣстный наблюдатель сообщаетъ детали. Около 1883 г. къ Мордвѣ села Ерзовки Бугурусланскаго у. явился крестьянинъ-чернецъ Артемій О—въ и объявилъ, что онъ Іисусъ Христосъ. Нашлось нѣсколько человѣкъ, которые повѣрили новому Мессіи и онъ наградилъ ихъ за это тѣмъ, что одного назначилъ апостоломъ Петромъ, другого Іоанномъ Богословомъ, третьяго Ѳомой и т. д. вплоть до Іуды. За апостолами явились: Марія-Дѣва и цѣлая группа „Богородицъ", которую О—въ навербовалъ изъ мордовокъ-черничекъ. Около этихъ носителей обновленнаго христіанства сгруппировались его прозелиты—„блаженные".—Такое названіе секта усвоила себѣ потому, что члены ея „не идутъ на совѣтъ нечестивыхъ" т. е. на собранія православныхъ и несутъ отъ нихъ гоненія во имя Христа. По ночамъ—для того, чтобы избѣгнуть надзора свѣтскихъ властей—собирались блаженные въ какую нибудь келью, распѣвали здѣсь духовные стихи своего сочиненія, читали Св. Писаніе (преимущественно Псалтирь и книги Соломоновы). Въ свободное отъ моленій время „блаженные" обращали на себя вниманіе своей манерой ходить съ опущенной головой, тихими разговорами, безпрестаннымъ произнесеніемъ имени Божія и отрицаніемъ брака.

На почвѣ грамотности и знакомства съ духовной литературой у Мордвы возникла рядомъ съ „блаженными" секта „собесѣдниковъ". Свое названіе она получила отъ того, что на всѣхъ членовъ секты возлагалась обязанность являться на „собесѣдованія", которыя заключались въ чтеніи Св. Писанія, пѣніи псалмовъ и духовныхъ стиховъ. Подобно „блаженнымъ", „собесѣдники" отрицали бракъ, но отличались отъ нихъ большимъ воздержаніемъ въ повседневной жизни, запрещеніемъ ходить къ святымъ мѣстамъ въ области культа [1]).

Среди Мордвы восточной части Бузулукскаго уѣзда нашла себѣ послѣдователей извѣстная секта „Божьихъ Людей", сущность ученія которыхъ заключается въ убѣжденіи, что искуп-

[1]) Сам. Еп. Вѣд. 1887, 40.

леніе отъ грѣховъ совершается цѣлымъ рядомъ избранниковъ Божіихъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по мѣрѣ накопленія грѣховъ [1]).

Возникающая предъ нами на фонѣ этихъ краткихъ извѣстій картина религіознаго состоянія Самарской Мордвы показываетъ, что степи, въ которыя она уносила съ собой отъ поступательнаго движенія русскаго племени свою вѣру и народность, не дали ей того, чего она отъ нихъ ожидала. Вмѣстѣ съ ней сюда стремились массы русскихъ людей, которыя охватывали исподволь мордовскія поселенія и, сильныя тѣмъ духомъ прозелитизма, который чуждъ „никоніанамъ", втягивали Мордву въ кругъ своихъ религіозныхъ интересовъ. Среди тревожныхъ поисковъ „правой вѣры", въ которыхъ жила русская масса, не устояла и мордовская вѣра въ былыхъ стихійныхъ боговъ.—Съ признаками того же религіознаго броженія мы встрѣтимся и въ степяхъ праваго берега Волги: холерные бунты 1891 г. раскрыли присутствіе обрусѣвшей раскольничьей Мордвы среди населенія г. Хвалынска. Мордву-раскольниковъ мы находимъ и въ сосѣднемъ Вольскомъ уѣздѣ. Изъ Саратовской губеніи расколъ проникъ на югъ Пензенской. Г. Евсевьевъ встрѣтилъ въ с. Селиксѣ Городищенскаго уѣзда до 150 душъ раскольниковъ по о ф ф и ц і а л ь н ы м ъ даннымъ.— „Всѣ Селиксенскіе раскольники—мужчины и женщины—перемѣнили свои мордовскіе наряды на русскіе: женщины ходятъ въ мѣщанскихъ платьяхъ, а мужчины въ красныхъ рубашкахъ. Не ѣдятъ мяса, лука, рыбы и картофеля, не пьютъ хмѣльныхъ напитковъ и чаю. Признаютъ семейную жизнь и вступаютъ въ браки, но отвергаютъ чадородіе и собственныхъ дѣтей у нихъ нѣтъ и никто не помнитъ, чтобы когда либо сектантка родила. Они берутъ на воспитаніе пріемышей отъ православной Мордвы. Стараются также и женъ себѣ брать отъ православной Мордвы, чтобы потомъ обратить ихъ въ свою секту. Въ домахъ ихъ хотя и есть иконы, но они имъ не молятся...

[1]) Сам. Еп. Вѣд. 1887, 41.

Для совершенія своего богослуженія раскольники собираются въ недѣлю разъ въ домѣ своего учителя около полуночи съ воскресенья на понедѣльникъ. Во время богослуженія у воротъ ставится караулъ... Что дѣлается на этихъ собраніяхъ, никто изъ православныхъ не знаетъ“ [1])...

Обратимся теперь отъ новыхъ мордовскихъ земель къ исконной родинѣ племени, туда, гдѣ язычество имѣло подъ собою вѣковую почву. Мы въ Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда и присматриваемся къ тому, что происходило въ ней почти столѣтіе тому назадъ. Сущность движенія, которое возникло здѣсь въ началѣ истекающаго столѣтія, изложена въ первой главѣ нашего очерка [2]). Здѣсь мы обратимъ вниманіе на одну его сторону. Пресловутый „Кузька-богъ“ явился вождемъ реакціи противъ христіанства во имя старой мордовской вѣры. Въ его проповѣди мы должны найдти формулу мордовскаго язычества—возстановленныя въ сознаніи народа фигуры старыхъ боговъ и дѣдовскіе пріемы служенія имъ. Дѣйствительность даже въ самой малой степени не оправдываетъ нашихъ ожиданій. Кузьма объявилъ, что христіанской вѣрѣ и формамъ христіанскаго культа пришелъ конецъ, но богами, которые должны были смѣнить Христа, онъ называетъ Божію Матерь, Николая Чудотворца и Михаила-Архангела. Водворителемъ мордовской вѣры должно было, по предсказаніямъ Кузьмы, явиться существо, чуждое мордовскому язычеству,—библейскій царь Давидъ. Кузьма ожидалъ, что для этой цѣли онъ долженъ спизойти со своимъ домомъ въ столпѣ огненномъ. Единственнымъ намекомъ на языческихъ боговъ являются Мельцедей—Громовъ сынъ и какой-то Перя, но и относительно этой пары трудно сказать, судя по ея именамъ, являются-ли они созданіями личнаго бреда Кузьмы или уцѣлѣли въ памяти народа отъ языческихъ временъ. Ни то, ни другое имя въ чистой формѣ не объясняется изъ живыхъ мордовскихъ на-

[1]) Отчетъ Перев. ком. Прав. Мисс. Общ. Каз. 1893, стр. 37—38.

[2]) См. стр. 634 и 635 тома X «Извѣстій» за 1892 годъ.

рѣчій. Только допуская искаженіе мордовскихъ словъ со стороны русскихъ властей, производившихъ дѣло о Кузьмѣ, можно поставить „Перю“ въ связь съ эпитетомъ Вере—вышній, который присоединяется иногда къ нарицательному имени божества— паз, а въ формѣ Мельцедей предположить сложное имя, одной изъ составныхъ частей котораго является м е н е л ь— небо. Но даже въ этомъ, лучшемъ случаѣ, мы получимъ утратившіе всякую ясность обломки бывшаго язычества.

Выступая борцомъ за національную вѣру, Кузьма разумѣлъ подъ вѣрой только формы культа: моленіе въ священныхъ рощахъ, сожиганіе на кострахъ частицъ тѣхъ животныхъ и птицъ, которыхъ поѣдали молящіеся.

Не на всемъ однако своемъ протяженіи коренная родина Мордвы представляетъ такое полное исчезновеніе старыхъ вѣрованій. Тамъ-же, гдѣ мы видѣли языческія формы культа предковъ, уцѣлѣли и старые боги. Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться на Ю. и В. отъ Нижегородскаго уѣзда, тѣмъ отчетливѣе будутъ вырисовываться эти вѣрованія подъ слабо еще усвоеннымъ христіанствомъ. Въ извѣстномъ очеркѣ Мельникова, который касается главнымъ образомъ Нижегородской Эрзи, выступаетъ съ болѣе или менѣе искаженными именами, въ сочиненныхъ по шаблону классической миѳологіи отношеніяхъ цѣлый рядъ боговъ, которые неоспоримо живутъ въ вѣрованіяхъ современной необрусѣвшей еще вполнѣ Мордвы.

Въ этотъ міръ сверхъестественныхъ силъ вводятъ насъ души усопшихъ. Они въ своихъ заботахъ объ оставшихся на землѣ родичахъ тѣсно сливаются съ рядомъ духовъ, покровительствующихъ дому Мордвина — во всемъ хозяйственномъ объемѣ этого слова. На первомъ планѣ въ этомъ ряду стоятъ духи, покровительствующіе непосредственно жилищу—кудѣ или юртѣ—к у д - а в а († куд-атя), ю р т - а в а († юрт-атя), ю р т ы н - г и р д и (хранитель дома), к у д о н ь - ш и - б а в а с ъ (у Мокши); кромѣ того въ качествѣ хранительницы домашняго огня—п е т н я д з ь - а з ы р ь - а в а. За ними слѣдуютъ — у Эрзи к а р д (а с,о) - с я р к о, хранитель цѣлаго двора, у Мок-

ши калдыз-ава († калдыз-атя)—хранительница хлѣвовъ; Перь-ава—мать гумна, авый-азыр-ава—хозяйка овина, бань-азыр-ава—хозяйка бани. Съ духами хранителями населеннаго мѣста и воздѣланной трудомъ человѣка земли Мордвинъ встрѣчается на каждомъ шагу и при выходѣ съ своего двора. Эрзя знаетъ бога улицы (ульце-паз) и деревенскаго бога—велень-паз. Мокша предполагаетъ на мельницѣ существованіе особой хозяйки—мельнич-азыр-авы и даже на кладбищѣ калм-азыр-авы. Мокша и Эрзя въ одинаковой степени убѣждены въ существованіи особыхъ хранителей воздѣланныхъ человѣкомъ полей (у Мокши—паксязыр-ава, у Эрзи поровъ-ава) и устроенныхъ имъ пчельниковъ (у Мокши—пешке-перь-азыр-ава, у Эрзи нишке-паз, пичельня-ава). Въ ряду духовъ, имѣющихъ отношеніи къ дому, надо поставить наконецъ у Эрзи Керень-шочконь паза (бога лубковъ и бревенъ), Сокап-кирьди—хранителя сохи и Сор(а)-аву богиню жита.

За духами, которые стоятъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ элементамъ человѣческаго быта, слѣдуютъ духи явленій окружающей его природы. Воды—рѣки, ручьи, колодцы, озера—являются жилищемъ Ведь-авы, колодча-авы [1]), ведь-эрав'овъ; въ лѣсу живетъ Вирь-ава, вѣтромъ управляетъ Варм-ава, огнемъ—Тол-ава [2]), громъ по воззрѣніямъ Эрзи дѣло Пургине-паза; заря и луна представляются божественными женщинами; во главѣ всего мірозданія стоитъ солнечный богъ—Чи-паз у Эрзи, Шибавасъ или Шкай у Мокши, имя котораго, какъ у Черемисъ имя небеснаго бога, стало нарицательнымъ для обозначенія божества (ср. Кудонь-ши-бавасъ рядомъ съ Куд-азыр-ава).

Разбираясь въ именахъ перечисленныхъ духовъ, мы можемъ сдѣлать рядъ любопытныхъ обобщеній. Прежде всего мы

[1]) У Эрзи лисьмань гирди, лисьмань-тейтерь.

[2]) Сливающаяся иногда у Мокши то съ Вармавой, то съ богиней печи.

замѣчаемъ, что ихъ родовые, нарицательные элементы отличаются значительнымъ разнообразіемъ: духи называются то просто а в а и а т я—отецъ, мать, то а з ы р - а в а, а з ы р - а т я = хозяинъ, хозяйка, то к и р ь д и (гирьди) = хранитель, то наконецъ п а с ъ, п а в а с (бавас) = богъ; преобладаніе того или другого нарицательнаго имени находится въ связи съ дѣленіемъ Мордвы на племена: у Мокши преобладаютъ а в а († атя) а з ы р - а в а, у Эрзи—п а с ъ.

Сопоставленіе фактовъ мордовской теологіи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно другихъ финновъ камско-волжскаго бассейна, приводитъ насъ къ заключенію, что въ этой пестрой номенклатурѣ отразилась цѣлая исторія мордовскихъ воззрѣній на божество. Въ очеркахъ „Черемисы“ и „Вотяки“ мы установили тѣ ступени развитія, чрезъ которыя прошли воззрѣнія этихъ народовъ на божество и его отношенія къ явленіямъ природы. „Боги явленій природы, писали мы тамъ, возникли изъ потребности объяснить эти послѣднія. На первоначальной ступени умственнаго развитія генезисъ явленій представляется аналогичнымъ съ генезисомъ живыхъ существъ. Явленія природы родились также, какъ и живыя существа. Понятно, что у нихъ явились матери... Съ возникновеніемъ первоначальной техники, собственности и общественной организаціи явились идеи творенія, собственности и владычества. Эти идеи перенесены были на міръ духовъ. Идея рожденія въ генезисѣ явленій природы замѣнилась послѣдовательной идеей творенія и владычества“ [1]).

Мордовская теологическая номенклатура показываетъ, что и Мордва прошла намѣченные нами у Черемисъ фазисы развитія религіозныхъ идей: было время, когда явленія представлялись связанными съ богами отношеніями генезиса, рожденія; этотъ моментъ отражается въ названіяхъ богинь матерями явленій; позднѣе у Мордвы, какъ и у Черемисъ, наступилъ моментъ, когда явленія стали связываться съ духами отношеніями

[1]) Черемисы. 180—181.

принадлежности: матери смѣнились хозяйками, владычицами. Отмѣчая общія черты въ эволюціи религіозныхъ идей у Мордвы и Черемисъ, мы считаемъ нужнымъ выдвинуть на видъ и отличія. Подобно Черемисамъ, Мордва вступила во второй изъ намѣченныхъ нами фазисовъ подъ чуждымъ вліяніемъ: Черемисы подъ вліяніемъ тюркскихъ (оза ‖ хозя, он ‖ кан, хан), Мордва, какъ это обнаружили изслѣдованія г. Паазонена, подъ вліяніемъ ирано-скиѳскихъ сосѣдей. Почтенный изслѣдователь мордовскаго языка и фольклора сближаетъ эрзя-мордовское а з о р о и мокшанское а з ы́ р съ зендскимъ a h u r a и персидскимъ a u r a владѣтель.

У Мордвы Эрзи матерей явленій вытѣснили, хотя и не вполнѣ, боги-повелители ихъ п а с'ы. Слово п а с и родственное ему мокш. п а в а с (бавас) г. Паазоненъ сопоставляетъ съ древне-индійскимъ bhagas владѣтель, богъ и древне-персидскимъ и зендскимъ baga—богъ [1]). Почему Эрзя, зная а з о р о, воспользовалась для обозначенія боговъ заимствованнымъ п а з, а наоборотъ Мокша, начавши прилагать къ имепамъ нѣкоторыхъ боговъ имя п а в а с (шка-бавас, ши-бавас, уйсуд-бавас, юрт-павас, куд-бавас), остановилась по отношенію къ массѣ прочихъ на терминѣ а з о р о, мы не беремся рѣшить. Можетъ быть Эрзя и Мокша находились подъ вліяніемъ двухъ различныхъ ирано-скиѳскихъ племепъ, изъ которыхъ одно, обладая прототипами обоихъ мордовскихъ терминовъ для обозначенія божества, давало религіозное содержаніе прототипу п а с, а другое прототипу а з ы́ р.

Одинаково съ Черемисами и Вотяками понимая отношеніе боговъ къ явленіямъ природы, Мордва не отличается отъ нихъ и въ своихъ представленіяхъ о природѣ боговъ. „Существа эти человѣкообразны, тѣлесны, смертны, плодятся и множатся, какъ люди, вступаютъ въ браки съ земными женщинами и отдаютъ за людей своихъ дочерей.—Сверхъестественными дѣлаютъ ихъ нѣкоторыя тайныя знанія, которыми

[1]) Вихманъ, Г. Письма изъ Гельсингфорса. «Изв. Об. А. И. Э.» XI, 199.

они обладаютъ. Прежде всего они обладаютъ способностью принимать разные виды: по желанію они являются великанами или обыкновенными людьми, животными, рыбами, птицами"... Такъ суммировали мы характеристическія черты вотскихъ боговъ въ очеркѣ „Вотяки" и эти слова безъ малѣйшей перемѣны можемъ повторить и теперь.

Антропоморфный характеръ Куд-авы и Куд-ати очевиденъ уже изъ того, что они оказываются въ ближайшемъ родствѣ съ предками. Мы имѣли случай уловить эту связь при распросахъ, которые производили въ с. Шадымѣ Инсарскаго у. Пензенской губерніи. Разговоръ происходилъ на русскомъ языкѣ. Мордвинъ-собесѣдникъ, разсказывая о борьбѣ, которая подчасъ происходитъ изъ-за обладанія домомъ между своимъ и пришлымъ домовымъ, постоянно употреблялъ для обозначенія своего домоваго характерное выраженіе „родитель-домовой".—Невидимо для живыхъ обитателей дома—подъ порогомъ, въ подпольѣ, подъ печкой или въ чуланѣ близь корчаги, въ которую у Мордвы складывается зола—ютится семья духовъ покровителей: куд-ава, куд-атя и ихъ дѣти. Вѣра въ существованіе такой семьи обнаруживается у Мордвы при семейныхъ раздѣлахъ. Отдѣляющійся на новое жительство беретъ огня и золы изъ печи покидаемаго дома и проситъ старика домоваго дать ему новаго хранителя. Домовые духи нераздѣльно связаны съ жильемъ и очагомъ. Сгораетъ и не отстраивается вновь домъ, уходитъ хозяинъ на сторону и покидаетъ свое жилье—домовые духи остаются безъ крова и кормильца и ищутъ себѣ пріюта въ чужихъ домахъ. Такъ выходитъ, что на одномъ дворѣ поселяется по нѣскольку домовыхъ и вступаютъ между собою въ борьбу за обладаніе имъ. Если одолѣваетъ чужой домовой, обитатели дома начинаютъ испытывать разныя непріятности: чужакъ давитъ по ночамъ людей, уродуетъ скотину. Приводимъ для иллюстраціи мордовскихъ представленій о домовомъ одинъ изъ разсказовъ о такихъ столкновеніяхъ домовыхъ изъ-за одного дома.

„Спалъ мужикъ съ женой подъ сараемъ. Три ноши подъ рядъ кошки не давали имъ своей дракой покоя. На третью ночь вдругъ они слышатъ плачъ съ огорода. Что такое? Оказалось, что чужой домовой избилъ ихняго кореннаго, поселился на его мѣсто и сталъ озорничать надъ лошадьми: одну положитъ въ колоду вверхъ ногами, другую засунетъ головой въ плетень. Бились-бились, должны были позвать ворожеца, чтобы онъ выгналъ озорника. Ворожецъ надѣлъ себѣ на шею хомутъ, взялъ въ руки лутошку, облупленную еще на корню, съ дыркой, просверленной въ корнѣ, поставилъ передъ собою борону и сталъ черезъ нее выглядывать. Когда кошки вновь подняли драку, онъ присмотрѣлся, которая одолѣваетъ, схватилъ лутошку и давай лупить ее, избилъ, выгналъ и далъ силу родному домовому".—Способъ, къ которому прибѣгли хозяева въ разсказанномъ случаѣ, практикуется съ извѣстными варьянтами во всемъ мордовскомъ краѣ. Мордва с. Кузоватова Симбирской губ. и уѣзда призываетъ для изгнанія чужого домоваго старуху-ворожейку, которая беретъ сырую лутошку, привязываетъ къ ней на веревкѣ старый лапоть и выгоняетъ этимъ импровизированнымъ орудіемъ непрошеннаго гостя. По окончаніи этой операціи домъ и дворъ окуриваютъ ладономъ и стараго домоваго приглашаютъ поселиться въ немъ. Домовые духи являются хранителями интересовъ дома. Куд-атя ходитъ около дома и оберегаетъ его отъ враговъ, куд-ава печется преимущественно о дѣтяхъ. Новорожденнымъ въ первые дни ихъ жизни грозятъ, по вѣрованіямъ Мордвы, смертельныя опасности: къ нимъ обращаются хищные взоры вампировъ-колдуновъ (идем-йевись) и какихъ-то злыхъ обитателей воды—ведьэрав'овъ. Чтобы охранить дитя отъ враждебныхъ козней, его кладутъ въ начевку и три раза опускаютъ въ подполье: ведьарав тогда не увидитъ ребенка, куд-ава будетъ его хранить. Куд-(азыр)-ава вмѣстѣ съ предками благословляетъ домохозяина, когда онъ задумываетъ ввести въ домъ молодую сноху [1]);

[1]) Арх. Макарій.—Майновъ. Очеркъ юр. быта Мор. 50.

ея благословеніе испрашивается, когда невѣстка впервые вступаетъ въ домъ [1]).

Кромѣ куд-авы Мокша предполагаетъ въ домѣ существованіе особаго женскаго существа, покровительствующаго печи—петнядз-азыр авы [2]). Богиня эта была, кажется, извѣстна и обрусѣвшимъ Терюханамъ. Мельниковъ, описывая ихъ свадебные обряды, приводитъ между прочимъ характерную формулу прощанія невѣсты съ печью: „пораздвиньтесь, разойдитесь, добрые люди, милые подруги, пойду я къ печкѣ-маткѣ“ [3])... Представленіе о печи, какъ живомъ существѣ сказывается въ обычаѣ подводить только что вступившую въ домъ молодушку къ печи для того, чтобы она постаралась войдти съ ней въ добрыя сношенія и упросила печь не марать ее, а любить и слушаться [4]). Намекъ на то, въ какомъ видѣ представляетъ себѣ Мордва мать-печь, служитъ обычай при закладкѣ новой печи класть въ фундаментъ женскій головной уборъ (волосникъ) „для того, чтобы печь не давала угару“. Жертвой новой печи является, можетъ быть, тотъ пѣтухъ, котораго Мокша запираетъ на печь въ только что сложенную печь. (См. прибав. 1).

Послѣднимъ существомъ, обитающимъ въ домѣ является Керень-шочконь паз̌ъ—богъ или богиня матеріаловъ, изъ которыхъ строятся и которыми крылся въ старину домъ. Связь его съ домомъ очевидна изъ того, что къ ней адресуется прощающаяся съ роднымъ домомъ невѣста, ея благословеніе призываетъ на свою дочь прощающійся съ ней отецъ [5]).

Дворъ Мордвина, какъ и домъ, находится въ завѣдываніи нѣсколькихъ духовъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ у Эрзи кардас-сярко, который называется иногда и хранителемъ дома юртонь-кирьди. Въ только что вышедшемъ

[1]) Мельниковъ.—Майновъ. l. c. 102.
[2]) У Эрзи «Уштуманъ-кирьди». Paas. Proben. I², 197.
[3]) Ibid. 68.
[4]) Ibid. 77.
[5]) Paasonen. Proben. II¹, 111.

XII т. Journal de la Société Finno-Ougrienne помѣщена молитва, которая произносится передъ принесеніемъ Кардас-сярк'у искупительной жертвы. „Хранительница двора, Кардас-сярко матушка. Можетъ быть онъ упалъ на твои нѣдра или на твоего ребенка, на твое исчадіе. Можетъ быть твои дѣти обижены; пусть не сердятся и они... Смотрите, на ваше имя убиваю я лучшую овцу. Смотрите еще, вотъ пудъ серебра, вотъ пудъ мѣди. Сдѣлайте только моего Андрея здоровымъ, поставьте его опять на обѣ ноги". (См. прибав. 2).

Кардас-сярко ближайшій другъ хозяина дома. Умираетъ хозяинъ—и онъ поднимаетъ по немъ плачъ. Его теплое отношеніе къ умершему рисуется въ слѣдующихъ строкахъ причитанья, записаннаго г. Фитингофовымъ въ с. Кузоватовѣ Симб. губ.

Кардасъ-сярко воетъ,
Юрт-авинесь плачетъ.
Кардас-сярко что воетъ?
Юрт-ава что плачетъ?
Какъ намъ не плакать;
Любимый человѣкъ выходитъ со двора [1]).

У Мокши Кардас-сярку по значенію имени соотвѣтствуетъ „Калдас-азыр-ава", „Калдас-гирьди".

На переходномъ положеніи между духами хранителями человѣческаго жилища и духами-повелителями стихій стоитъ божество, обитающее въ колодцахъ.

Съ характеромъ мордовскихъ представленій о немъ знакомятъ насъ слѣдующее причитаніе, напечатанное М. Е. Евсевьевымъ въ „Живой Старинѣ".

Владычица колодца, дѣвица!
Владычица колодца, красавица!
Не пугайся ты моего шума,
Не пугайся ты моего голоса ужаснаго...
Когда я приходила утромъ рано,
Когда приходила вечеромъ поздно,

[1]) Ркп.

Можетъ быть, угождала (оказывалась) ты спящей,
Можетъ быть угождала ты отдыхающей,
Можетъ, наступала я
На твое, какъ береза, тѣло бѣлое,
На твое, какъ ягода, красное личико,
На твою мягкую хорошую постель,
На высокое хорошее изголовье;
Можетъ, наступала я
На твою рубашку въ шесть полосъ вышитую,
На твою рутсю до колѣнъ украшенную,
На твои ноги, какъ трубки холста, круглыя
На твои носки лаптей посеребреные,
Не осуди-же ты меня [1]).

Мокша въ возрѣніяхъ на это божество остается вѣрна основному принципу своей теологіи—видѣть каждое явленіе во власти супружеской пары духовъ; она знаетъ колодца-ат'ю и колодца-аву.

За предѣлами двора на пчельникѣ живетъ въ самомъ большомъ ульѣ Пешке-пазъ у Эрзи, Пешке-берь-азыр-ава у Мокши. Г. Мошковъ записалъ слѣдующій разсказъ, рисующій мордовскія воззрѣнія на Пешке-паза.—„У одного человѣка въ ульѣ жилъ Пешке-пазъ—старичекъ такой. Онъ берегъ пчелъ и никто его не трогалъ. Одинъ молодой человѣкъ, который не вѣрилъ въ него, захотѣлъ изъ этого самаго улья взять меду. Только сталъ онъ вырѣзывать, какъ изъ него полилась кровь и всѣ пчелы разлетѣлись“ [2]).

На мельницахъ живетъ мельнич-азыр-ава. Она питается лишками, которые утаиваетъ въ свою пользу помольщикъ.

Поселенія мертвыхъ—кладбища—также имѣютъ пару духовъ-покровителей — Калмазыр'а и Калмазыр-аву. Калмазыр-ава рисуется Мордвѣ въ видѣ женщины одѣтой въ бѣлую мордовскую одежду.

Въ ближайшемъ отношеніи къ домовымъ и дворовымъ духамъ стоятъ духи земли. Первое мѣсто между ними зани-

[1]) Жив. Ст. 1892, II, 105.
[2]) Ркп.

маетъ Мастыр-пазъ, являющійся повелителемъ земли въ цѣломъ ея составѣ. Подобно домовымъ духамъ, онъ не одинъ управляетъ землей. Рядомъ съ нимъ мы встрѣчаемъ въ заклинаніяхъ антропоморфную Мастыр-кир'ди, хранительницу земли, которой придается еще эпитетъ Ульт'ава—мать улицы. У этой богини оказываются, какъ и у домовыхъ, дѣти: въ заклинаніи, помѣщенномъ въ 2-мъ выпускѣ сборника Паазонена подъ литерой *b*, предусматривается возможность того, что заболѣвшій упалъ на ея сына или на дочь [1]).

Можетъ быть, та же Масторын-кир'ди называется еще Модан-кир'ди хранительница почвы [2]). Съ этимъ названіемъ мы встрѣчаемся въ одномъ изъ записанныхъ Паазоненомъ заклинаній. Воздѣланная земля имѣетъ спеціальныхъ духовъ-покровителей—у Мокши Пакс'азыр-аву, у Эрзи Норовъ-паза и Норовъ-аву. Жилище этихъ духовъ указывается опредѣленно въ эрзянской пѣснѣ о пирѣ боговъ:

Всѣ боги собрались
. . . . . .
Только нѣтъ бога Норова,
Только нѣтъ богини Норовъ.
Гдѣ живетъ богиня Норовъ,
Гдѣ живетъ богиня урожая?
Норовъ живетъ на пшеничномъ загонѣ,
На пшеничномъ загонѣ, на правой межѣ [3]).

Богиня пашни или урожая, какъ еще иногда ее называютъ, принимаетъ близко къ сердцу интересы человѣка. Во время цвѣтенія ржи она въ полночь даетъ знать о предстоящемъ урожаѣ свистомъ, о неурожаѣ воплемъ. Разсердить ее въ это время очень опасно. Въ старину Мордва, подобно Черемисамъ, всячески старалась не производить шума въ это время—не выходила на дворъ и сидѣла по избамъ съ закрытыми окнами. Паксява сама строго блюла тишину и старалась охранить

[1]) Paason. Proben, I², 3.
[2]) Ibid. 1.
[3]) Образцы Морд. нар. слов. I, 67.

пивы, въ томъ случаѣ, когда начинался вѣтеръ, упрашивая Варм'аву поберечь хлѣбъ. Подобно домовымъ, богиня полей тѣсно связываетъ свои интересы съ интересами селенія, которому принадлежатъ поля: между ними, какъ и между домовыми, происходятъ драки, и пораженіе Пакс'-авы неизбѣжно влечетъ за собой для деревни неурожай.

Орловъ въ своей статьѣ „Памятники мордовской старины" называетъ еще одну пару духовъ, имѣющихъ отношеніе къ землѣ—Лугазыр'а и Лугазыр'аву [1]), но намъ не пришлось встрѣтить упоминанія о нихъ ни въ остальной литературѣ, ни въ разсказахъ Мордвы.

Лисьмань-гир'ди открываетъ собою рядъ водяныхъ духовъ, обитающихъ въ озерахъ, ручьяхъ и рѣкахъ. Въ извѣстномъ очеркѣ „Les restes de la mythologie mordvine" Майновъ, повторяя Мельникова, говоритъ о единой матери воды—дочери и въ тоже время супругѣ Чим-паза, которую онъ будто бы призвалъ къ жизни изъ яйца послѣ того, какъ создалъ уже землю. У Эрзи она носитъ будто-бы имя Анге-патяй.

Запасъ данныхъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, даетъ намъ право констатировать, что Мордва такъ же далека отъ подобныхъ представленій о стихійныхъ духахъ, какъ и другія финскія племена. Каждая рѣка, каждый ручей, каждое озеро имѣетъ свою пару духовъ-покровителей—водяную мать и водяного отца. Отецъ воды, какъ и другихъ стихій, пользуется ничтожнымъ значеніемъ сравнительно съ матерью, и мы встрѣчаемъ его имя только въ молитвенныхъ формулахъ. „Спасибо Ведь-атя серебряная борода (сіяпъ-сакалъ)", говаривали въ старину мордовки послѣ купанья. Въ сказкахъ и разсказахъ фигурируетъ исключительно водяная мать. Богини крупныхъ рѣкъ, какъ напр. Волги, называются именами этихъ послѣднихъ. Въ одной мордовской пѣснѣ, записанной г. Евсевьевымъ, фигурируетъ напр. Рав-ава = Волга-мать. Водяная мать представляется Мордвѣ въ видѣ женщины, которая, сообразно большей или

[1]) Жур. Мин. Вн. Дѣлъ 1850, ч. 33, стр. 402.

меньшей интензивности языческаго настроенія, рисуется или въ видѣ красавицы съ шелковистыми волосами, покрытыми платкомъ, подпоясанной серебрянымъ поясомъ [1])—или въ видѣ уродливой бабы съ желтымъ тѣломъ, черными длинными волосами и страшнымъ лицемъ [2]). Видѣть ее, по мнѣнію Шадымской Мордвы, всего удобнѣе въ полдень. Подобно вотяцкому Вуд-мурту, Ведь-ава обладаетъ способностью принимать различные виды, оборачиваться. Одни ее видали въ видѣ огромной рыбы, около которой группируется болѣе мелкая рыба—рыбъ этихъ она разсылаетъ по разнымъ рѣкамъ и озерамъ—другіе въ видѣ маленькой птички съ блестящими крыльями, летающей надъ поверхностью рѣки. Дѣти ея временами попадаютъ въ рыбацкіе невода. Тотъ рыбакъ, который сжалится надъ плачущимъ водянымъ и отпуститъ его, будетъ всегда имѣть хорошій уловъ рыбы.

Антропоморфная природа водяныхъ духовъ лучше всего сказывается въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ нами въ с. Рыбкинѣ Краснослободскаго уѣзда Пенз. губ.—„Въ старину къ дѣвкамъ на игрища повадились ходить дѣвки водяныя. Парни догадались, поймали ихъ и стали на нихъ надѣвать кресты. Дѣвки вырвались и убѣжали, на одну успѣли набросить крестъ. Дѣвка плачетъ. „Что я теперь буду дѣлать“?—„Выходи за меня замужъ“—говоритъ ей одинъ парень. Дѣвка вышла, прожила съ нимъ много лѣтъ, народила дѣтей. Однажды косили они сѣно около рѣки. Баба все ходитъ около рѣки и не работаетъ; „не хочу, говоритъ, работать“. Мужикъ говоритъ „Богъ съ тобой, не работай“. Баба все троститъ „не хочу работать“. Мужикъ разсердился и крикнулъ „ступай къ черту, не работай“. Баба только этого и ждала, сбросила съ себя крестъ и бултыхъ въ воду. Дѣти у мужика остались, выросли и теперь еще ихъ родъ живетъ и они прозываются Шайтановыми“.

Въ качествѣ хозяйки воды Ведь-ава ближайшимъ образомъ располагаетъ дождями. Къ ней, на родники и озера,

[1]) Мошковъ. Рки.
[2]) Ibid.

отправляются обыкновенно весной съ молитвами о ниспосланіи дождей и урожая.

Помимо своей спеціальной функціи—управленія водою—Ведь-ава является въ мордовскихъ вѣрованіяхъ покровительницей любви и дѣторожденія. Къ ней обращаются съ мольбами о поданіи дѣтей молодыя пары; ея гнѣву приписываютъ долговременное безплодіе женщины.

Въ столь-же тѣсной связи съ земледѣліемъ, какъ и Ведь-ава, стоятъ свѣтила и боги атмосферныхъ явленій. Источникъ свѣта и тепла—солнце является у Мордвы верховнымъ божествомъ. Эрзя называетъ его Чи-паз, Мокша Ши-бавасъ. Народная поэзія послѣдней даетъ основаніе предполагать, что оно-же, иногда по крайней мѣрѣ, называется и Шкаемъ. Солнце, какъ и другіе мордовскіе боги, рисуется народному воображенію въ видѣ человѣкообразнаго существа, живущаго въ человѣческой обстановкѣ. Снѣжницкій записалъ мокшанскій разсказъ, въ которомъ излагается путешествіе одной бабы на солнце. „Сѣяла баба росаду и очутилась неожиданно въ туманѣ. Съ неба спустилась колыбель, въ которую кто-то усадилъ ее и поднялъ къ самому солнышку. Тамъ Шкай-солнце приказалъ слугамъ угостить ее. Подали небольшой каравай, который постепенно сталъ увеличиваться и сдѣлался большимъ. Баба взяла отъ него крошку и она такъ увеличилась у ней во рту, что баба едва проглотила ее. Угостивши бабу, Шкай началъ жаловаться на поведеніе людей, которые, работая въ пятницу, запорошили ему землей глаза такъ, что онъ чуть не ослѣпъ“ [1]). Въ сказкѣ, записанной нами въ Шадымѣ, бурлакъ, разсердившись на то, что солнце скоро закатилось, пошелъ и сжегъ всѣ его постройки.

Обычными спутниками дождя являются громъ и молнія. Громъ—по эрзянски Пургине-паз, по мокшански Ат'ам—рисуется въ видѣ антропоморфнаго существа, обитающаго на небѣ; онъ вооруженъ лукомъ-радугой (ат'ам-йонкс мокш.) и

[1]) Пенз. Еп. Вѣд. 1871, № 21—23.

каменными стрѣлами (ат'ам-гивни мокш., пургине-кев эрз.), и неустанно воюетъ съ шайганами, которые его дразнятъ. Митропольскій приводитъ разсказъ, иллюстрирующій эту борьбу: „охотникъ бродилъ по лѣсу во время грозы и примѣтилъ, что кто-то передразниваетъ удары грома. Оглядѣвшись, онъ увидалъ, что это продѣлываетъ шайтанъ, который подъ видомъ змѣя забрался въ дупло дерева. Охотникъ улучилъ моментъ, когда змѣя высунула голову, и убилъ ее. Прошла гроза и охотникъ замѣтилъ, что его охота стала такъ удачна, какъ не была никогда въ жизни“ [1]). Удастся грому убить шайтана— кровь пораженнаго духа вспыхиваетъ, и предметъ, въ которомъ онъ скрывался, загорается [2]). Въ сказкѣ о красавцѣ Дамаѣ, помѣщенной во второмъ выпускѣ „Образцевъ Морд. Нар. Сл.“, рисуется довольно отчетливо образъ и обстановка, среди которой живетъ царь-Громъ (Пургине-ин'азоро-паз). Громъ живетъ въ богатомъ домѣ, его владѣнія занимаютъ обширное пространство, перерѣзанное рѣками, черезъ которыя перекинуты желѣзные мосты на каменныхъ сваяхъ. Изъ глазъ его коней огни блещутъ, изъ ноздрей дымъ валитъ, уши прядутъ веретенами, ноги играютъ пестами, хвостъ вѣетъ начевками: когда они бѣгутъ, земля дрожьмя дрожжитъ, небо звеня звенитъ; изъ подъ ногъ ихъ высѣкаясь огни молніей блещутъ. Когда они скачутъ, медвѣди и волки, испугавшись, по лѣсу прячутся, змѣи на своемъ пути, ошалѣвши, въ оцѣпененіе приходятъ, ястреба въ поднебесьи за облака прячутся“ [3]). Сказка въ яркихъ образахъ рисуетъ разрушительную силу Пургине-паза. „Царь-громъ опьянѣлъ. Лиса вышла на дворъ погулять со своимъ сватомъ, ходили, ходили они; остановившись противъ семи костровъ сыраго дуба, лиса сказала ему: сватъ царь-громъ, а сватъ царь-громъ, ты силенъ, силенъ, а не сможешь застрѣлить и сжечь эти семь костровъ изъ сыраго

[1]) Тамб. Еп. Вѣд. 1876, 360.
[2]) Ibid.
[3]) Обр. Морд. Нар. Слов. II, 129.

дуба". „Застрѣлю! Сожгу"! говоритъ онъ. Лиса и слова своего кончить не успѣла, какъ хлопъ! Хлопнетъ, земля зэрь-зэрь загромыхала. Это царь-громъ застрѣлилъ тѣ семь костровъ. Съ гуломъ земли поднялся густой черный дымъ: огонь молніи тѣ семь костровъ лизмя-лизать началъ.... Лиса говоритъ: „ты эти дрова сжечь-то сжегъ, а золу ихъ развѣять не сможешь". Какъ поднимется, какъ поднимется страшный вѣтеръ съ громомъ-молніей. Онъ эту золу, подпявши густымъ облакомъ, не знай куда разметалъ" [1]).

Въ бумагахъ арх. Макарія Мельниковъ приводитъ разсказъ, записанный священникомъ с. Сіухи, изъ котораго дѣлается очевиднымъ, что Пургине-пазъ вступалъ временами въ сношенія съ земными женщинами, похищая ихъ въ свой небесный теремъ. „Жила дѣвка, по имени Сыржа, которую всѣ женихи обѣгали: и красива была изъ себя, и работящая и ноги толстыя, какъ бревна, а почему то никто не хотѣлъ на ней жениться. Вдругъ сдѣлалась сильная гроза, всѣ люди попадали, какъ мертвые, и когда гроза миновалась, въ той деревнѣ, гдѣ жила Сыржа, появился пріѣзжій изъ какихъ-то дальнихъ, невѣдомыхъ странъ человѣкъ, изъ себя весь черный, съ глазами, горѣвшими, какъ огонь. Онъ присватался къ Сыржѣ, отецъ и мать съ радостью отдали ее за пріѣзжаго, хотя и не знали, откуда онъ.. Когда настало время везти молодую жену къ себѣ домой, онъ крикнулъ, какъ громъ, изъ глазъ его сверкнула молнія, изба загорѣлась, всѣ гости упали, какъ мертвые, а новобрачные изчезли. Это былъ Пургине-пазъ" [2]).

Въ сказкѣ, которую мы только что привели, молнія и вѣтеръ являются вмѣстѣ съ громомъ функціями царя-грома. Мы впали бы, однако, въ ошибку, если бы заключили изъ этого, что спеціальныхъ духовъ, связанныхъ съ этими явленіями, Мордва не знаетъ. Изъ пѣсни о Литовѣ, помѣщенной въ I-мъ выпускѣ „Образцовъ" оказывается, что молнія представляется

[1]) Обр. Морд. Нар. Слов. II, 133.

[2]) Очерки Мордвы.—Рус. Вѣстн. 1867, т. 71, стр. 227.

Мордвѣ и отдѣльнымъ отъ Пургине существомъ. Литава, какъ и Сыржа, вступила въ союзъ съ однимъ изъ небожителей. Однажды, когда она играла съ подругами на улицѣ,

Поднялась страшная буря,
Тронулась страшная туча,
Прогремѣлъ страшный громъ,
Сверкнула страшная молнія.
Не людямъ видѣть,
Не людямъ слышать,
Куда Литаву взяло,
Куда Литаву убрало,
Куда буря ушла,
Куда тучки ушли.
. . . . . .
Грѣшную Литаву
Взялъ сверху Вышній Богъ.
У Литавы свекровью сталъ страшный вѣтеръ,
Свекоромъ страшный громъ,
Мужемъ страшная молнія.

Отношенія Молніи къ своимъ родителямъ, Вѣтру и Грому, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ человѣческихъ семьямъ. Литовѣ захотѣлось навѣстить отца, и Молнія считаетъ нужнымъ испросить на это согласіе родителей:

«Погоди спрошу своего отца,
Погоди спрошу мать свою.
Ахъ, тятенька родименькій,
Ахъ, маменька, хранительница моя!
Литова вздумала было домой,
Не знай, отпустите ее...?—
«Страшная Молнія, сыночекъ!
Поди, сыночъ, впряги двойки, тройки,
Отпустимъ Литову въ гости.
Въ одномъ часу пусть будетъ тамъ,
Въ другомъ часу пусть будетъ здѣсь.
Смотритъ—облачко поднимается,
Смотритъ—страшная буря идетъ,
Смотритъ—страшная молнія сверкаетъ,
Тогда она пусть домой соберется.
. . . . .
Сѣла Литова тогда

Земля гремитъ подъ ея ногами,
Небо звенитъ надъ ея головой,
На семидневномъ разстояніи слышится [1]).

Представленія Мордвы относительно духовъ вѣтра Вармавы и Варм-ати отличаются той-же неопредѣленностью и неустойчивостью, которыя мы имѣли случай замѣтить и относительно другихъ духовъ. Разногласія возникаютъ по вопросу о количествѣ духовъ, ихъ мѣстожительствѣ и взаимныхъ отношеніяхъ. Въ заклинаніяхъ и молитвахъ, собранныхъ Паазоненомъ, мы видимъ супружескую пару—Вармаву и Варм-ат'ю, который почему то называется Вармальте. Г. Фитингофовъ, доставившій намъ рукопись объ Эрзѣ села Кузоватова, говоритъ по этому вопросу слѣдующее: „У Мордвы есть предположеніе, что земля четыреугольна; на каждомъ углу стоитъ большая бочка, въ каждой бочкѣ сидитъ Варма-ава. Эти бочки заткнуты, но временамъ которая нибудь бочка открывается, изъ нея вылетаетъ Варм-ава и дуетъ съ той стороны, изъ которой вылетѣла". По другимъ разсказамъ мать вѣтровъ Вармава живетъ за моремъ. При ней въ бочкахъ заперты ея 12 сыновей. Когда Варм-ава пожелаетъ выпустить котораго нибудь изъ нихъ, она только взглянетъ на бочку. Варм-атя ничего не знаетъ и сидитъ въ домѣ жены праздный.

У Мокши с. Шадыма Варм-ава также представляется матерью неопредѣленнаго количества дѣтей. О видѣ ихъ можно составить представленіе по слѣдующему разсказу. „Ѣздили разъ мужики за сѣномъ и нашли ледянаго человѣка. Положили его на возъ, хотѣли увезти,—вѣтеръ такъ и рветъ; такъ и не могли довезти". По зимамъ, когда начинается вьюга и сильный вѣтеръ, говорятъ, что Варм-ава прячетъ своихъ дѣтей. Когда дѣти Вармавы разыграются, начинается бурный вѣтеръ. О томъ, что она созываетъ своихъ дѣтей, узнаютъ по тихому вѣтру съ легкимъ свистомъ, который она производитъ. Къ Варм-авѣ обращаются съ мольбами садоводы. Во время

[1]) Обр. Морд. Нар. Слов. I, 179—185.

пожаровъ всякій старается задобрить ее, бросая въ огонь яйцо болтуна или первое яблоко, сорванное въ Преображенье, и просятъ при этомъ: „Варм-ава, матушка, побереги насъ, не пускай на насъ огонь". Если Варм-ава сжалится надъ просителями, вѣтеръ поворачиваетъ въ сторону отъ домовъ, и пожаръ прекращается.

Предвѣстница солнца—заря представляется Мордвѣ отдѣльнымъ отъ него женскимъ существомъ (Шабд-ава).

Въ видѣ особаго существа выступаетъ предъ нами результатъ дѣятельности солнца—ясная погода—м а н е й (меневъ у Видемана). Молитву къ этому существу мы нашли въ сборникѣ Паазонена [1]).

Антагонистомъ солнца и творцемъ холода является Морозатя, также почему-то носящій русское имя. Въ цитированной уже нами однажды сказкѣ о бурлакѣ онъ рисуется въ видѣ старика, котораго бурлакъ захватилъ въ расплохъ и избилъ.

Перечень духовъ, управляющихъ небомъ и атмосферой, мы заканчиваемъ богиней лупы од-гоу (ков)-ава.

Въ сторонѣ отъ духовъ дома, земли, атмосферы и свѣтилъ стоятъ въ настоящее время богини огня и лѣсовъ. Т о л ъ а в а въ настоящее время сливается въ домѣ съ богиней печи, а внѣ его съ Варм-авой (напр. при пожарахъ) или чаще съ Параскевой-Пятницей (Пракс-авой) [2]). Образъ, въ которомъ она рисуется Мордвѣ, выступаетъ предъ нами въ заклинаніяхъ, которыя употребляются во время пожаровъ.

„На печи сидитъ черная дѣвушка, съ чернымъ платкомъ на головѣ, въ черномъ платьѣ, подпоясанная чернымъ поясомъ, съ черной обувью и рукавицами въ рукахъ [3])...

Богиню лѣса Мордва представляетъ себѣ такъ-же различно, какъ и Ведь-аву. Чаще всего она представляется въ видѣ женщины громаднаго роста, сидящей на деревѣ съ растрепанными волосами и перекинутыми черезъ сучья грудями. Видали

[1]) Paas. Proben. II[2], 21.
[2]) Ibid. 6.
[3]) Ibid. 7.

ее и въ видѣ женщины съ ребенкомъ за спиной и перекинутыми черезъ плечи грудями. Мордва дер. Дубенокъ представляетъ Вирь-аву громадной красивой женщиной съ длинными вьющимися волосами и толстыми, какъ воротные столбы, ногами. Какъ Ведь-ава, какъ вотскій Нюлесъ-муртъ, она обладаетъ способностью оборачиваться и является одинъ разъ огнемъ, другой разъ вихремъ; въ деревню она приходитъ кошкой, собакой, волкомъ. Мордва с. Кенди Нижегородской губерніи говоритъ, что чаще всего она оборачивается конемъ. Живутъ Вирь-авы въ дуплахъ деревьевъ, въ шалашахъ и избушкахъ. Въ холодныя ночи они являются иногда у охотничьихъ костровъ, чтобы погрѣться. Г. Фитингофовъ приводитъ по этому поводу слѣдующій разсказъ Кузоватовской Мордвы. „Однажды мужики лѣсовали и развели огонь. Вдругъ къ нимъ подходитъ Вирь-ава—ростомъ съ дерево, съ длинными волосами, одѣтая въ бѣлую женскую рубашку. Она перекинула груди черезъ плечо и протянула къ костру длинныя руки, чтобы погрѣть ихъ. Одинъ изъ мужиковъ вскочилъ, срубилъ дубъ, раскололъ его стволъ и посовѣтовалъ Вирь-авѣ заложить въ щель свои руки—лучше-де нагрѣются“. Финалъ разсказа напоминаетъ построенные на темѣ Полифема вотяцкіе разсказы о Нюлесъ-муртѣ.

Любопытныя детали заключаетъ въ себѣ разсказъ, записанный со словъ Мордвина-прихожанина священникомъ С... Пензенской губерніи. „Заплутался въ лѣсу мой дѣдъ, разсказывалъ Мордвинъ, и сидѣлъ у огня. Въ полночь слышится шумъ, трескъ деревьевъ. Идетъ Вирь-ава. Деревья ей кланяются. Дѣдъ отъ огня задомъ—и ушелъ въ кусты. Вирь-ава разметала огонь, забросила въ сторону лукошко, но ему вреда не сдѣлала“ [1]).

Въ сказкѣ, записанной М. Е. Евсевьевымъ, портной, медвѣдь и „нечистый“ поселились въ лѣсу въ и з б у ш к ѣ Вирь-авы. При избушкѣ, какъ и при людскихъ домахъ, былъ по-

[1]) Пенз. Еп. Вѣд. 1871, № 21.

гребъ. Поставили тамъ жильцы свое пиво, но стали замѣчать, что кто-то, кромѣ ихъ, пользуется имъ: каждый разъ приходя они замѣчали, что гвоздь въ бочкѣ заткнутъ не такъ. Стали они караулить. Первый пошелъ медвѣдь и услѣдилъ Вирь-аву, но она его избила и медвѣдь ничего не сказалъ. Таже участь постигла „нечистаго“ и только портной нашелъ средство справиться съ ней. Онъ взялъ съ собой балалайку, черемуховую палку и сталъ поджидать. Около полуночи пришла лѣшая и начала пить пиво. Портной заигралъ на балалайкѣ, Вирь-ава пустилась въ плясъ. Плясала-плясала, устала; остановилась она и говоритъ портному; „ну теперь я тебя съѣмъ, портной“. Портной говоритъ лѣшей: „не ѣшь меня, лѣшаюшка: вотъ тутъ кряжъ есть, прежде его расколемъ, пойдемъ“. Пошли его колоть. Кряжъ этотъ прежде портной немного раскололъ топоромъ и принялся сквозь него клинъ колотить, а самъ лѣшей говоритъ: „лѣшаюшка, я клинъ заколачивать стану, а ты засунь руки свои и разжимай на обѣ стороны“. Лѣшая засунула руки и начала разжимать, а портной клинъ-то какъ ударитъ въ сторону. Клинъ выскочилъ и кряжомъ зажало руки лѣшей. Портной какъ примется черемуховой палкой лупить лѣшую. Лѣшая реветъ благимъ матомъ и говоритъ портному: „почтеннѣйшій портной, оставь только хоть д у ш е н ь к у мою... У меня малыя д ѣ т к и есть; безъ меня они перемрутъ съ голоду“ [1])...

Въ приведенной сейчасъ сказкѣ Вирь-ава также представлена имѣющей дѣтей. На счетъ того, какъ они у ней появляются, существуютъ различные разсказы. По однимъ разсказамъ Вирь-ава похищаетъ мужчинъ и съ ними приживаетъ дѣтей [2]), по другимъ она похищаетъ ихъ у людей. Въ Могиловкѣ Инсарскаго у. Пенз. губ. г. Кожевниковъ, собирая по нашей программѣ матеріалы для мордовской миѳологіи, записалъ слѣдующій разсказъ:

„Одинъ охотникъ ловилъ въ лѣсу зайцевъ тенетами и поймалъ однажды вмѣстѣ съ зайцами дѣтеныша Вирь-авы (Вирь-

[1]) Обр. Морд. Нар. Слов. II, 117.

[2]) Пенз. Еп. Вѣд. 1871, № 19—20.

ава лóвкс). Принесъ онъ его домой, показываетъ женѣ и говоритъ: вотъ я шайтана поймалъ. А дѣтенышъ Вирь-авы на это говоритъ бабѣ: „нѣтъ я не шайтанъ, а твоего мужа старшій братъ“. Испугался охотникъ: какой ты мнѣ братъ?—Меня, говоритъ Вирь-ава-лóвкс, украла Вирь-ава еще маленькимъ, когда мать водила въ лѣсъ за орѣхами. Она отняла меня у матери и сказала ей, что она родитъ еще сына, а меня кормила своимъ молокомъ да ягодами и держала въ дуплѣ дуба; оттого я и не выросъ и тебѣ въ сѣть попалъ, когда Вирь-ава выпустила меня поиграть на полянку. Охотникъ не повѣрилъ словамъ брата, пошелъ въ лѣсъ, связалъ названному брату лыками руки и ноги и бросилъ его тамъ. Вирь-ава высвободила его изъ завязокъ и снова взяла его къ себѣ, а охотника и жену его удушила, когда они пришли въ лѣсъ за грибами“.

Въ с. Шадымѣ мы записали разсказъ, въ которомъ Вирь-ава является вѣщимъ, прозрѣвающимъ будущее, существомъ. —„Пошли дѣвки въ лѣсъ за ягодами и разговорились тамъ, кто кого возьметъ въ повитухи, когда выйдетъ замужъ и придетъ пора родить. Одна дѣвка говоритъ: „я возьму Вирь-аву“. Тотчасъ появилась Вирь-ава и говоритъ дѣвкѣ: „хорошо, я приду къ тебѣ“. Вышла дѣвка замужъ; пришла ей пора родить, ребенку хода нѣтъ. Зовутъ бабушку (идем—баба)—толку не больше. Тогда роженица вспомнила и говоритъ: „ступайте въ лѣсъ и позовите Вирь-аву“. Мужъ пріѣхалъ въ лѣсъ и кричитъ: „Вирь-авушка, пойдемъ повивать“. „Ступай, говоритъ ему Вирь-ава, я прежде тебя буду“. Пріѣхалъ мужикъ домой, а Вирь-ава ужь тамъ. Ребенокъ родился. Вирь-ава окунула его въ воду и онъ тотчасъ умеръ. Черезъ годъ приходитъ пора родить бабѣ другого ребенка. Опять зовутъ Вирь-аву. Пришла Вирь-ава, приняла ребенка, велѣла затопить печь и бросила туда новорожденнаго.—Приходится бабѣ родить въ третій разъ. Зовутъ Вирь-аву. Приняла Вирь-ава ребенка, завернула его въ пеленки и передаетъ матери. „Зачѣмъ-же ты одного ребенка утопила, а другого бросила въ печь“? спраши-

ваетъ баба Вирь-аву. А затѣмъ, отвѣчаетъ ей повитуха, что первый бы выросши утонулъ, второй сгорѣлъ бы въ пожарѣ и тебѣ было бы жальчѣе, чѣмъ теперь".

Кромѣ Вирь-авы къ лѣсу и отдѣльнымъ деревьямъ имѣетъ у Эрзи отношеніе цѣлый рядъ духовъ.

1) Чувтонь-пазъ—богъ дупла, дерева. Съ его значеніемъ мы знакомимся нѣсколько изъ разсказа, записаннаго въ с. Сабанчеевѣ г. Лукинымъ. „Жилъ въ селѣ мордвинъ съ женой. Жили они не согласно... Жена пошла молиться Чувтонь-пазу. Подошла къ дереву, молится и проситъ Чувтонь-паза, чтобы мужъ ея ослѣпъ. Мужъ слѣдилъ за женой и подслушалъ, о чемъ молилась баба. На другой день онъ залѣзъ въ дупло. Жена опять пришла молиться. Мужъ изъ дупла говоритъ ей: „зарѣжь черную курицу, сжарь ее, напеки блиновъ и намасли ихъ больше и когда мужъ придетъ и спроситъ обѣдать, подай ему жареную курицу: поѣстъ они курицы—ослѣпнетъ, поѣстъ блиновъ—оглохнетъ, поѣстъ каши—у него языкъ отнимется. Пришла баба домой и сдѣлала такъ, какъ велѣлъ ей богъ.... Пришелъ къ бабѣ другъ. Она говоритъ съ нимъ громко, ничего не боится. Мужъ съ печи все видѣлъ. Взялъ онъ ружье и застрѣлилъ пріятеля своей жены" [1]). Какимъ образомъ и за что Чувтонь-пазъ могъ, по воззрѣніямъ разсказчика, поразить мужика слѣпотой, можно догадываться изъ заклинанья противъ ушиба о дерево, записаннаго г. Паазоненомъ у Эрзи: „Чувто-ава, матушка, я тебя не толкалъ, не толкай и ты меня. Прости Христа ради". Приведенное заклинаніе показываетъ, что дупляной богъ и дупляная мать въ случаѣ непріятности, нечаянно причиненной имъ человѣкомъ, могутъ наказать его той или другой болѣзнью, „напустить притку".

2) Духи отдѣльныхъ деревьевъ. Мельниковъ и Майновъ утверждаютъ, что каждая порода деревьевъ имѣетъ у Мордвы отдѣльнаго духа-покровителя: таковы Тума-бзаис=богъ дуба,

[1]) «Изв. О. А. И. и Э.» XI, 382.

Пскше-озанс = богъ липы, Пиче-озанс = богъ сосны, Колуозанс = богъ березы и т. д. Духи эти будто-бы созданы матерью боговъ Анге-Патяй въ подручные Вирь-авѣ. Арх. Макарій, у котораго Мельниковъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, даетъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ духовъ и другія, болѣе соотвѣтствующія мордовской терминологіи, названія напр.: К'олупаз—рядомъ съ К'олу-озаисомъ, Тумо-паз—рядомъ съ Тумоозаисомъ [1]). Майновъ въ своихъ „Restes de la myth." заявляетъ, что онъ присутствовалъ даже на молянѣ этимъ богамъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ, но мы не считаемъ возможнымъ положиться на него въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ: въ Краснослободскѣ, среди Мокши, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ слышать, чтобы боговъ называли по эрзянски: паз, озанс (если такое названіе у Эрзи когда-нибудь существовало). По аналогіи съ духами-покровителями жилища, воды, лѣса, которые являются связанными не съ жилищемъ, водою, лѣсомъ вообще, а съ даннымъ отдѣльнымъ жилищемъ, данной рѣчкой или озеромъ, даннымъ лѣсомъ, мы позволяемъ себѣ предположить, что и перечисленные духи деревьевъ связаны каждый съ отдѣльнымъ экземпляромъ дерева той или другой породы. Эти духи—живые свидѣтели того, что и Мордва, подобно Вотякамъ, перешла къ антропоморфнымъ представленіямъ о божествѣ съ той первичной ступени въ развитіи анимизма, когда въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ предполагался неразрывно связанный съ нимъ духъ, отъ фетишизма.

Ясные намеки на существованіе такихъ представленій мы находимъ въ мордовской поэзіи. Въ пѣснѣ о яблонѣ, помѣщенной въ I вып. „Образцевъ мордовской народной словесности", мы читаемъ слѣдующія строфы:

Яблоню увидавшій кто?
Яблоню усмотрѣвшій кто?
Ходящій, гуляющій песъ-баринъ,
Проходящій, пятящійся песъ-баринъ.

[1]) Рус. Вѣст. 1867, т. 71, стр. 225.

И срублю я яблоню,
И свалю я яблоню:
Сучечки я изсушу,
Цвѣточки я погублю.
«Не руби ты меня, песъ-баринъ, (отвѣчаетъ ему яблоня)
Не суши ты моихъ сучечковъ!
Поѣдешь ты отъ меня дорогой,
Доѣдешь ты на деревянный мостъ,
Кони твои падутъ передъ тобой [1]).

Въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ помѣщенъ разсказъ, въ которомъ охотникъ обращается къ дереву съ мольбой о спасеніи. „Одинъ мужикъ часто убивалъ дичь и хвалился своей ловкостью. Сосѣди попросили его привести живаго лося. Охотникъ согласился, нашелъ въ лѣсу лосиную тропу, засѣлъ на повисшей надъ ней вѣтвью дерева и сталъ дожидаться вечера. Когда лось прошелъ подъ деревомъ, онъ спрыгнулъ на него. Лось испугался и помчалъ. Охотникъ взмолился къ богу-клену: кленъ-дерево, крѣпкое дерево, помилуй добраго“ [2]).

Вирь-ава является по отношенію къ этимъ отдѣльнымъ духамъ въ роли повелительницы. Мы видѣли уже, что деревья склоняются при ея появленіи. Но не всѣ породы покорны ей въ одинаковой степени. У Шадымскихъ охотниковъ былого времени существовало правило не ложиться въ лѣсу спать безъ разбора подъ любымъ деревомъ. Вирь-ава не прочь полакомиться человѣческимъ мясомъ и это удается или не удается ей въ зависимости отъ того, подъ какимъ деревомъ спитъ человѣкъ. Дубъ ничего не предпринимаетъ для защиты спящаго, осина напротивъ не пускаетъ Вирь-аву къ человѣку и требуетъ напередъ, чтобы она сосчитала ея листья. Вирь-авѣ не удается никогда выполнить этого требованія: постоянно трясущіеся листья осины сбиваютъ ее со счета.

Зависимое положеніе духовъ, связанныхъ съ деревьями, отъ Вирь-авы, ихъ множество и незначительное вліяніе на судьбу человѣка вполнѣ объясняютъ то обстоятельство, что

[1]) Обр. Морд. Нар. Слов. I, 211.
[2]) 1876, № 12.

только духи тѣхъ деревьевъ, которыя находятся на мѣстѣ моляновъ предкамъ и стихійнымъ богамъ, пользуются почтеніемъ равнымъ съ другими богами.

Своимъ значеніемъ деревья въ этомъ случаѣ обязаны, повидимому, тому обстоятельству, что они служатъ временнымъ пріютомъ для боговъ, принимающихъ жертву. Смутные намеки на то, что именно такъ понимала когда-то Мордва роль деревьевъ на молельныхъ поляпкахъ, заключаются въ двухъ мордовскихъ пѣсняхъ, записанныхъ г. Евсевьевымъ.

Въ пребольшомъ полѣ, въ большемъ полѣ,
Въ большомъ полѣ большой бугорокъ.
На бугоркѣ-то дубокъ,
У дубка-то три сучка.
На одномъ-то сучкѣ Пишке-пазъ,
На другомъ-то сучкѣ Вере-пазъ,
На третьемъ-то Никола,
Никола дѣлитъ счастье,
Вышній богъ дѣлитъ счастье—
Богатому Мордвину—плошкою,
Скудному, бѣдному—чаркою,
Грѣшнику-русаку—кончикомъ ложки [1]).

Въ большомъ полѣ вершина бугра,
На вершинѣ бугра ложбина,
Въ ямѣ этой ложбинѣ-то яблоня,
Корни яблони дерева во всю ширину земли,
Вѣтки ея во все небо,
По концамъ листовъ свѣчи горятъ.
Питія сдѣлалъ Вышній Богъ,
Кушанья, пива, питья,
Бочку меда сдѣлалъ Вышній Богъ,
Созвалъ онъ всѣхъ боговъ,
Всѣхъ истинныхъ скликалъ.

Въ каждой изъ приведенныхъ пѣсней дерево является въ извѣстные моменты сѣдалищемъ боговъ: на немъ они пируютъ, на немъ дѣлятъ счастье между людьми. Перенесемъ дерево на молебную поляну, сдѣлаемъ устроителями пира людей и

---

[1]) Обр. Морд. Нар. Слов. I, 57.

мы внесемъ въ эти обрывки стертый временемъ смыслъ. Боги принимаютъ предположенный имъ пиръ и благодарные, награждаютъ ихъ счастьемъ, снисходятъ къ ихъ мольбамъ.

Какъ сѣдалище высшихъ боговъ, священное дерево и само дѣлается предметомъ культа и благоговѣйнаго уваженія. Г. Мошкову солдатъ-мордвинъ изъ села Сабанъ Пензенской губерніи Чембарскаго уѣзда сообщалъ, что лѣтъ 15 тому назадъ все село ходило верстъ за 8 молиться къ дубу, который стоялъ на горѣ въ чистомъ полѣ. Моленье это называлось бабань-каш'а. Здѣсь молились Тум-пазу и Мастыр-пазу; конечно, прибавимъ отъ себя, и другимъ богамъ, которымъ молятся обыкновенно во время бабань-каш'и. Священный дубъ стоялъ неприкосновеннымъ; Мордва была убѣждена, что неминуемая смерть грозитъ всякому, кто отважился бы ударить дерево топоромъ. При деревнѣ Кардафлеѣ Городищенскаго уѣзда сваленная бурей священная сосна лежитъ неприкосновенной въ теченіе 15 лѣтъ. Около ея ствола, попрежнему, собираются въ день моляна о лошадяхъ, и старики не могутъ допустить мысли о томъ, чтобы можно было продать дерево.

Къ длинному ряду духовъ, дѣйствія которыхъ могутъ быть при извѣстныхъ условіяхъ благодѣтельными для человѣка, слѣдуетъ прибавить явившіяся подъ вліяніемъ христіанства олицетворенія праздниковъ—Верм-авы (Вербнаго Воскресенья) и матушки Пасхи [1]). Логическій процессъ, путемъ котораго Мордва дошла до созданія такихъ существъ, можно представить въ слѣдующемъ видѣ: праздникъ—время веселья, обильной ѣды и питья—бывалъ у Мордвы во время моляновъ какимъ-либо божествамъ; Въ Вербное Воскресенье и Пасху христіане и съ особеннымъ торжествомъ молятся и особенно широко пируютъ; очевидно они дѣлаютъ моляны какимъ-то богамъ Вербѣ (Вермавѣ) и Пасхѣ.

Предъ нами прошла вереница духовъ, которыми Мордвинъ населилъ окружающій міръ.

---

[1]) Отч. пер. комм. 34. Снѣжницкій. Пенз. Еп. В. 1871, № 19.

Заканчивая обзоръ религіозныхъ вѣрованій Мордвы, мы могли бы дополнить его фигурами духовъ, производящихъ въ этомъ мірѣ различныя бѣдствія.

Но прежде, чѣмъ перейдти къ этой группѣ, намъ придется загляпуть въ новую область духовнаго творчества Мордвы—въ міръ ея космогоническихъ идей. Наравнѣ съ другими Финнами Волжско-Камскаго края Мордва вѣритъ, что рядомъ съ предвѣчнымъ Шкаемъ (небомъ) существовала и предвѣчная матерія—вода, покрытая ея массой земля и первые представители жизни—три рыбы, поддерживающія землю [1]). По этому безконечному морю плавалъ (въ лодкѣ, по одному варіанту [2]) Вярдя-Шкай. Изъ его плевка возникъ шайтанъ въ видѣ птицы (утки) и сдѣлался на первыхъ порахъ помощникомъ неба въ дѣлѣ мірозданія [3]). Шкай послалъ его на дно моря достать песку, изъ котораго можно было бы сотворить землю. Шайтанъ исполнилъ приказаніе Шкая, но роль простого орудія въ рукахъ бога показалась ему недостаточной; онъ также захотѣлъ сдѣлаться творцемъ и скрылъ у себя во рту часть песка. Шкай сталъ разбрасывать песокъ и изъ него стала вырастать ровная земля; въ тоже время стали расти и песчинки, оставшіяся во рту Шайтана. Голова Шайтана разрослась въ огромную гору; онъ зарѣвѣлъ отъ боли и сталъ выплевывать песокъ и изъ него образовались бугры и горы, а отъ ихъ тяжести явились углубленія на неокрѣпшей еще землѣ—долины, овраги [4]). Шкай увидалъ, что Шайтанъ не можетъ быть ему товарищемъ и проклялъ его. Съ тѣхъ поръ Шайтанъ возненавидѣлъ его и сталъ портить каждое дѣло его рукъ. Онъ набросалъ на чистое, голубое небо черныхъ тучъ, напустилъ вѣтры на тихую поверхность рѣкъ, но Шкай направляетъ къ благу созданія Шайтана: въ тучи онъ вложилъ дождь; чтобы пользоваться вѣтрами, онъ научилъ людей судоходству, въ го-

[1]) Рус. Вѣст. 1867, т. 71, стр. 228. Обр. Мор. Нар. Сл. I, 27, 39.
[2]) Дубасовъ. Очерки изъ ист. Тамб. кр. I, 123.
[3]) Мельн. op. cit. P. Вѣст. 71; 221.
[4]) Ibid. 220.

ры, созданныя Шайтаномъ, онъ набросалъ золота и серебра, изъ камней научилъ дѣлать жернова, мѣста, на которыхъ Шайтанъ поломалъ лѣсъ, онъ обратилъ въ луга и годныя для пашни поляны и научилъ человѣка обрабатывать ихъ [1]). Жертвой злобы Шайтана сдѣлался и человѣкъ. Онъ оплевалъ созданное изъ глины тѣло человѣка и вдунулъ въ него свое злое дыханіе. Шкай исправилъ человѣка, насколько это оказалось возможнымъ: онъ выворотилъ человѣка на изнанку и сдѣлалъ его снова чистымъ, вдунулъ въ него свое доброе дыханіе, но слюна Шайтана все-же осталась въ человѣкѣ и сдѣлалась источникомъ болѣзней, а изъ злого дыханія его у человѣка явились пороки [2]). Своимъ на половину испорченнымъ созданіемъ Шкай не могъ владѣть всецѣло. Онъ заключилъ съ Шайтаномъ условіе, по которому удерживалъ за собой человѣка только за время его жизни, а по смерти отдавалъ Шайтану. Шайтанъ спряталъ это условіе на днѣ моря въ камнѣ и сталъ всѣми мѣрами укорачивать жизнь людей, но Шкай и тутъ побѣдилъ его: одинъ изъ его слугъ притворно покорился злому духу и похитилъ у него условіе [3]). Соперничество Шкая и Шайтана отразилось и на послѣднемъ актѣ творенія— на созданіи духовъ, наполняющихъ міръ. Однажды Вярдя-Шкай ударялъ камнемъ о камень и отъ этихъ ударовъ изъ камней вылетали боги. Увидѣлъ эту работу Шайтанъ, сталъ дѣлать тоже самое и отъ его ударовъ изъ камней стали вылетать злые духи [4]). Шкай и эту работу Шайтана обратилъ на благо человѣка: изъ камней стали вылетать огненныя искры [5]), и человѣкъ научился такимъ образомъ добывать огонь. Созданные Шайтаномъ духи сдѣлались носителями разнообразныхъ болѣзней [6]).

---

[1]) Мельн. op. c. P. Вѣст. 1867, 71; 228.
[2]) Ibid. 229. Дуб. Ср. Качинскую легенду, стр. 186 тома XII «Изв.».
[3]) Дубасовъ. l. c. 123.
[4]) Ibid. 129.
[5]) Ibid.
[6]) Мельн. op. cit. P. Вѣст. 71; 229.

Рядомъ съ изложенной сейчасъ легендой о происхожденіи злыхъ духовъ, легендой, составляющей общее достояніе всѣхъ приволжскихъ инородцевъ, у Мордвы можно прослѣдить обрывки другой, повидимому оригинальной. По этой легендѣ, которая напоминаетъ классическій миѳъ объ ящикѣ Пандоры, злые духи явились изъ душъ проклятыхъ богомъ людей. Шкай заперъ ихъ въ особомъ шалашѣ, въ дремучемъ лѣсу, но одинъ человѣкъ печалью пріотворилъ шалашъ и изъ него вылетѣли 30 сестеръ „болѣзней". Подъ вліяніемъ христіанства эта легенда распространена и на стихійныхъ боговъ, между прочимъ на Вирь-аву [1]).

Эрзя называетъ созданныхъ Шайтаномъ носителей болѣзней А л г а н ж е я м и. Въ рукописномъ словарѣ г. Евсевьева слову алганжейть приписывается просто значеніе болѣзни. Г. Евсевьевъ перечисляетъ по поводу этого слова семь извѣстныхъ Мордвѣ дѣтскихъ болѣзней:

1) С и д я к а - а л г а н ж е й т ь — разслабленіе мышцъ, при которомъ ребенокъ оказывается не въ состояніи даже сидѣть,

2) Н ѣ м о й а л г а н ж е й т ь—состояніе, когда у ребенка отнимается языкъ, и онъ не въ состояніи плакать,

3) Я р ц ы - а л г а н ж е й т ь—состояніе ненасытнаго голода,

4) К о с т и - а л г а н ж е й т ь—сухота,

5) К у л в т ы - а л г а н ж е й т ь—ожирѣніе,

6) К о с о й а л г а н ж е й т ь—косоглазіе,

7) Т а п и - а л г а н ж е й т ь—состояніе, когда ребенокъ путаетъ руками и ногами.

У Мокши Алганжеевъ замѣняетъ Фатесь-атя, который рисуется въ видѣ старика, обросшаго волосами съ наполненной ядами коробкой въ рукахъ.

Изъ констатированныхъ нами на предыдущихъ страницахъ понятій о природѣ боговъ вытекаютъ формы языческаго

[1]) Снѣжницкій. Пенз. Еп. Вѣд. 1871, 631.

культа. Боги царятъ надъ всѣмъ міромъ; въ ихъ рукахъ свѣтъ, тепло, дождь, громъ, молнія, они могутъ дать и не дать урожай, приплодъ скота, дѣтей. Привлечь къ себѣ ихъ благоволеніе человѣкъ можетъ жертвами, о необходимости которыхъ невнимательнымъ боги даютъ знать сами.—Есть основаніе думать, что было время, когда Мордва не всякаго человѣка считала способнымъ угадывать волю боговъ, привлекать ихъ благоволеніе и отвлекать гнѣвъ, когда и у ней были избранники, подобные лопарскимъ нойдамъ. Въ настоящее время роль этихъ наслѣдниковъ былыхъ мордовскихъ шамановъ ограничивается почти исключительно леченіемъ отъ разныхъ болѣзней—притокъ.

Родство мордовскихъ знахарокъ и колдуній съ шаманами сказывается въ приписываемой имъ способности оборачиваться и вступать въ состояніи особаго рода возбужденія, въ общеніе съ богами, дѣлаться органами и орудіями ихъ воли.

Въ Пензенской губерніи по словамъ одного изъ приходскихъ священниковъ ворожея, прежде чѣмъ приступить къ гаданію, напивается водки, потомъ ѣстъ роспой или простой ладанъ, окуривается имъ и ложится въ передній уголъ; здѣсь начинаются съ ней конвульсіи, она бьется, выкликаетъ несвязныя слова—и эти слова ловятъ пришедшіе и приспособляютъ ихъ къ своимъ нуждамъ [1]). Мордовская йевпсь—баба продѣлываетъ, какъ мы видимъ изъ этого описанія, всю ту процедуру, которая необходима шаману для того, чтобы изречь волю боговъ. Только въ состояніи особаго возбужденія она дѣлается орудіемъ боговъ. Мысль, диктующая описанную процедуру, выступаетъ необыкновенно рельефно въ заклинаніяхъ, записанныхъ и изданныхъ въ самое послѣднее время г. Паазоненомъ.

„Не я парю тебя, говоритъ знахарка, которую пригласили помочь ребенку противъ дурного глаза, не я мою тебя; съ того берега великой рѣки (моря) пришла старая женщина

[1]) Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 10—12.

съ тремя зубами во рту съ желѣзнымъ цюкоромъ въ груди (животѣ?). Когда этотъ цюкоръ будетъ раскушенъ, тогда пусть овладѣетъ тобою болѣзнь отъ злого глаза, тогда пусть ты будешь околдованъ глазами. Когда эти прутья изъ вѣника вернутся на свои корни, тогда пусть овладѣетъ тобою болѣзнь отъ злого глаза".

Изъ другихъ заклинаній, записанныхъ Паазоненомъ, очевидно, что чрезъ посредство знахарки дѣйствуютъ или умершіе ранѣе знахари или духи предковъ.

„Смотри, я разбиваю рѣзь въ животѣ у человѣка, я разрѣзываю его рѣзь. Дѣдушка Сорокинъ, дѣдушка Видяша, Михайлина жена, бабушка, тетка Секла, жена Гавы, свояченица, 7 колдуновъ, смотри они дуютъ, велятъ мнѣ дуть. По ихъ милости я дую, плюю. Съ той стороны большаго моря пришелъ старикъ; онъ болѣзнь отогналъ".

„Большая вода, большая вода, съ той стороны большой воды пришла большая женщина ... Она послала болѣзнь въ большой лѣсъ. Въ большемъ лѣсу есть красная липа; она послала болѣзнь въ корни липы. По другую сторону липы есть бѣлая береза, она послала болѣзнь въ корни этой березы".

„Богъ смотритъ, Божія Матерь дѣлаетъ. Изъ Палагиной крови, мяса, изъ ея костей, изъ ея семидесяти семи суставовъ, изъ ея красной крови изгоняю я колдовство. Не я изцѣляю, не я прогоняю; съ той стороны великой воды пришли предки съ своими женами; они исцѣляютъ, они прогоняютъ колдовство. Отгоните болѣзнь отъ Палаги, изъ ея сердца, изъ ея уха, изъ ея живой, бьющейся жилы, исцѣлите, поставьте ее на ноги, сдѣлайте здоровой" [1]).

Нужна-ли была специфическая шаманская способность для выборныхъ жрецовъ въ позднѣйшую пору, когда чистое язычество стало уступать мѣсто компромиссу между язычествомъ и христіанствомъ, изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ не видно [2]). Не служатъ-ли остатками ша-

[1]) Paas. Proben. II[2], 13, 15, 16.

[2]) Одинъ Мельниковъ сообщаетъ преданіе, что въ былое время возяти на молянахъ пророчествовали. l. c. т. 71, 250.

манскихъ элементовъ въ обрядѣ жертвоприношенія музыка и пѣніе, которыя кое-гдѣ еще недавно сравнительно имѣли мѣсто при молянахъ?

Главнымъ содержаніемъ культа, существеннымъ средствомъ пріобрѣсти расположеніе боговъ является ихъ кормленіе. Богамъ предлагались изысканнѣйшія изъ кушаній, извѣстныхъ въ то или другое время мордвину. Жертвы—реальныя и символическія—являются такимъ образомъ у Мордвы, какъ и у Вотяковъ, показателями тѣхъ ступеней, черезъ которыя она прошла въ своемъ развитіи, точнѣе въ развитіи своего питанія. Подобно Вотякамъ, Мордва пережила время, когда человѣкъ былъ пищей для человѣка. Боги, созданные ею когда-то по своему образу и подобію представляются ей до сихъ поръ антропофагами.

Показателями ихъ людоѣдскихъ наклонностей служатъ главнымъ образомъ произведенія мордовскаго эпоса.

Въ с. Шадымѣ мы записали слѣдующій разсказъ. „Одинъ человѣкъ подошелъ къ роднику напиться. Только что онъ наклонилъ голову, какъ нечистый (=ведь-атя) ухватилъ его за бороду и не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока онъ не пообѣщалъ отдать ему то, чего онъ не знаетъ дома. Чрезъ нѣкоторое время у него родился сынъ. Вмѣсто того, чтобы радоваться, отецъ опечалился. Когда жена стала его распрашивать о причинѣ печали, мужъ сказалъ ей, что онъ, не зная, пообѣщалъ отдать ребенка нечистому. Прошло 10 лѣтъ. Нечистый приходитъ къ дому мужика и требуетъ, чтобы онъ привелъ мальчика къ плотинѣ: „иначе я тебя самого съѣмъ“. Мужикъ послушался, привелъ мальчика къ указанному мѣсту, къ плотинѣ, но снабдилъ его на всякій случай крестомъ. Когда „нечистый“ приблизился къ мальчику для того, чтобы его схватить, тотъ накинулъ на него крестъ. Водяной шарахнулся отъ мальчика, а тотъ побѣжалъ въ лѣсъ и угодилъ къ „куму водяного“. Вотъ, кого ждалъ, тотъ пришелъ—привѣтствовалъ его кумъ. „У меня на пчельникѣ 36 кольевъ съ головами, двухъ головъ нѣтъ; твоя

будетъ тамъ. Если ты въ одну ночь не срубишь 90 десятинъ лѣса и не сложишь ихъ въ сажени, я срублю твою голову и повѣшу на колъ". Задумался парень, а у вирь-ати была дочь. Она сжалилась надъ нимъ, заставила печистыхъ работать, а къ утру, когда все было готово, говоритъ: возьми щепку и кинь, чтобы показать, какъ ты старался. Лѣсовикъ похвалилъ работу мальчика и задалъ ему на слѣдующую ночь новую задачу—выжать и обмолотить 90 дес. пшеницы и испечь 3 калача. Дочь опять помогла. Послѣ этого дочь вирь-ати выдумала выйдти за парня замужъ. Заперли молодыхъ въ горницу. Молодая и говоритъ мужу: уйдемъ, мать зарѣжетъ насъ. Передъ зарей вирь-ава говоритъ мужу: ступай, разбуди молодыхъ, ихъ надо рѣзать. Старикъ приходитъ и говоритъ, что молодыхъ нѣтъ. Старуха полетѣла за ними въ погоню, догоняетъ. Дочь ея говоритъ мужу; ударь меня по щекѣ, ты сдѣлаешься пастухомъ, а я стадомъ овецъ. Старуха спрашиваетъ пастуха, не видалъ ли онъ парня съ дѣвкой. Нѣтъ, говоритъ пастухъ, я тридцать лѣтъ пасу здѣсь и никого не видалъ. Вернулась старуха домой—нѣтъ молодыхъ. Опять полетѣла въ погоню. Догоняетъ. Молодушка обернулась избой, а парня сдѣлала старикомъ. Старуха спрашиваетъ старика, не проходили-ли здѣсь парень съ дѣвкой. Нѣтъ, говоритъ старикъ, 30 лѣтъ живу я здѣсь, а никого не видалъ. Опять старуха вернулась домой, увидала, что никого нѣтъ и въ третій разъ пустилась въ погоню. Парень ударилъ дѣвку по щекѣ и она сдѣлалась озеромъ, а парень щукой. Ведь-ава подлетѣла, сдѣлала сѣтку и стала ловить щуку. Ловила—ловила, не поймала и говоритъ: ну, дѣвка, вотъ ты будешь жить въ этомъ озерѣ, а дочь ей въ отвѣтъ: а ты, мать, стой три дня на одномъ мѣстѣ и не двигайся. Мать стояла, стояла и стала просить у дочери прощенья. Такъ дѣвка и ушла отъ матери".

Въ приведенномъ разсказѣ фигурируютъ два духа-людоѣда—водяной и лѣсной. Каннибальская натура Ведь-авы раскрывается съ полной ясностью въ приносимыхъ ей жертвахъ.

При устройствѣ водяной мельницы до позднѣйшаго времени считалось необходимымъ принести Ведь-авѣ если не реальную, то по крайней мѣрѣ символическую человѣческую жертву. Въ с. Кузоватовѣ г. Фитингофову разсказывали слѣдующее преданіе. У Мордвы д. Еделева постоянно уходилъ прудъ. Чтобы умилостивить Ведь-аву, Мордва рѣшила принести ей человѣческую жертву.—Сманили у Тумкинскихъ мордвовъ красивую дѣвку будто въ замужество, привезли въ Еделево, уморили голодомъ и бросили въ воду. Прудъ послѣ того пересталъ уходить, но между жителями двухъ деревень долгое время была вражда.—Въ другихъ мѣстахъ разсказываютъ, что при постройкѣ мельницы мельники покупали незаконнорожденнаго ребенка у дѣвки и кидали его въ воду. Въ с. Шадымѣ намъ разсказывали, что мельникъ бросалъ въ прудъ чью нибудь краденую шапку и говорилъ: „вотъ тебѣ человѣческая голова“. (См. прибав. 3).

Символизированныя человѣческія жертвоприношенія устраиваются въ пользу Ведь-авы не одними мельниками. Мы знаемъ уже, что богиня воды является у Мордвы и богиней любви и дѣторожденія. Какъ покровительница любви и дѣторожденія, Ведь-ава также требовала человѣческихъ жертвъ. Въ честь ея около 29 іюня устраивается спеціальный молянъ—такъ называемая бабья каша (бабань-каш'а) и на этомъ молянѣ по мѣстамъ до сихъ поръ символизируется человѣческое жертвоприношеніе. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей Мордвы—г. Назоненъ—во второй части своихъ матеріаловъ сообщаетъ, что въ д. Хлыстовкѣ Вольскаго (?) уѣзда въ день этого праздника берутъ вдову, кладутъ ее поперекъ двухъ срубленныхъ деревьевъ, привязавши къ нимъ ея руки и ноги. Выборные, на которыхъ возлагается обязанность принести жертву, дѣлаютъ видъ, какъ будто перерѣзаютъ связанной женщинѣ горло. По окончаніи этой символической операціи неподвижную, какъ трупъ, женщину кладутъ на телѣгу, отвозятъ въ деревню и закалаютъ назначенное въ жертву животное. Отвезенная женщина не имѣетъ въ этотъ день права показываться болѣе на

моленьи [1]). Сходную процедуру описываетъ Зерновскій. По его словамъ въ день бабань-каши старухи уходятъ въ лѣсъ, на берегъ рѣчки. Одна изъ нихъ ложится здѣсь на землю; ей проводятъ нѣсколько разъ ножемъ по горлу, затѣмъ снимаютъ кафтанъ и развѣшиваютъ его на подобіе того, какъ это дѣлалось съ кожами жертвенныхъ животныхъ, на оглобляхъ телѣги [2]).—Въ Пензенской губерніи описанный обрядъ извратился, утратилъ смыслъ и пріобрѣлъ характеръ праздничной забавы [3]), но представленіе о томъ, что богинѣ нужны человѣческія жертвы, сохранилось въ молитвенной формулѣ: „дай намъ полны лавки ребятъ; на твое имя надо было бы колоть двухъ бабъ, а мы рѣжемъ двухъ овецъ“ [4]). (См. прибав. 4).

Символическую человѣческую жертву приносятъ по мѣстамъ Ведь-авѣ и въ томъ случаѣ, когда возникаетъ подозрѣніе, что человѣку „попритчилось“ отъ воды. Въ селѣ Кузоватовѣ, по словамъ г. Фитингофова, въ подобныхъ случаяхъ бросали въ воду сдѣланную изъ тѣста куклу—мужскую, если хворалъ мужчина, или женскую, если хворала женщина—и при этомъ говорили: „это тебѣ на пользу, вмѣсто здоровья получи, а ему (или ей) дай здоровья“. Подобный обычай могъ возникнуть, конечно, только на почвѣ убѣжденія, что водяная пожираетъ исподволь больнаго человѣка.

Въ дополненіе къ тому, что мы знаемъ уже изъ цитированной ранѣе сказки о каннибальскихъ наклонностяхъ Вирьавы, укажемъ на то, что въ сказкѣ о портномъ, медвѣдѣ и нечистомъ, помѣщенной въ „Образцахъ“, Вирь-ава прямо объявляетъ портному, что она его съѣстъ. Во второмъ выпускѣ сборника Паазонена также имѣется сказка, въ которой Вирьава выступаетъ людоѣдкой. Старикъ, по требованію второй жены, отводитъ свою родную дочь въ лѣсъ. Дѣвочка, найдя въ лѣсу избушку, начинаетъ кричать: „Вирь-атя, Вирь-ава,

[1]) Paas. Proben. I², 19—20.
[2]) Совр. Листокъ. 1869, № 75.
[3]) Paas. Proben. I², 20. Пенз. Еп. Вѣд. 1870, 655.
[4]) Ркп. Стр. 115.

идите со мной спать". Вирь-ава явилась, принесла въ подарокъ гостьѣ бусъ, тенекъ, велѣла ей нанизать ихъ на нитку и потомъ лечь съ ней на печку рядомъ спать. Дѣвушка спаслась только благодаря ласочкѣ, которая посовѣтывала ей не ложиться рядомъ съ Вирь-авой, а положить вмѣсто себя чурбанъ ольховый. Каннибальскія наклонности предполагаются далѣе у Мастйръ-паза [1]) и Мельнич-азыръ-авы. При сооруженіи вѣтряной мельницы приносятъ символическую человѣческую жертву. Хозяинъ три раза ударяетъ топоромъ и говоритъ: „вотъ тебѣ три человѣческихъ головы изъ одного племени". Мордва увѣряла, что мельничная хозяйка потомъ ужь возьметъ ихъ. Что боги-людоѣды у Мордвы, какъ и у Вотяковъ, были созданы людьми-людоѣдами, это очевидно изъ каннибальскихъ наклонностей, приписываемыхъ если не всѣмъ покойникамъ, то по крайней мѣрѣ колдунамъ (ндемевсъ, летунъ).

Изчезновеніе каннибальскихъ наклонностей у самой Мордвы не тотчасъ повлекло у нея, какъ и у другихъ финновъ, изчезновеніе человѣческихъ жертвоприношеній. Питаніе человѣческимъ мясомъ въ теченіе ряда вѣковъ продолжало быть привиллегіей боговъ, человѣческія жертвы—послѣднимъ средствомъ привлечь къ себѣ ихъ благоволеніе. Дальнѣйшая исторія жертвы шла у Мордвы тѣмъ-же путемъ, что и у Черемисъ и Вотяковъ. Жертва становилась съ теченіемъ времени мельче, а доля, которую изъ нея брали въ свою пользу жертвующіе, крупнѣе. Старики нашего времени слыхали отъ своихъ дѣдовъ, что было время, когда на молянахъ закалались и съѣдались лошади; въ настоящее время боги зачастую довольствуются барапомъ, гусемъ. Пора, съ которой начинается участіе жертвующихъ въ пирѣ боговъ, лежитъ за предѣлами народныхъ воспоминаній.

Въ качествѣ парода, съ незапамятныхъ временъ занимающагося земледѣліемъ, Мордва пріурочила кормленіе боговъ къ тѣмъ временамъ года, когда ихъ благоволеніе или неблагово-

[1]) Зарывающій кладъ ему обѣщаетъ то, чего не знаетъ, т. е. ребенка. Paas. Prob. I[2], 21.

леніе можетъ существенно повліять на результаты земледѣльческихъ работъ.

Моляны (ознома, озксъ) начинаются съ ранней весны, когда первые шаги земледѣльца становятся въ зависимость отъ ряда стихійныхъ вліяній—тепла, холода, дождя или засухи. Въ предыдущей главѣ мы уже имѣли случай видѣть, что весна является временемъ особенной заботливости о предкахъ и выяснили причину этого. Предки—первые хранители интересовъ своего потомства, ближайшіе дѣятели въ томъ мірѣ сверхестественныхъ существъ, который управляетъ жизнью природы. За ними стоятъ уже воплощенія стихійныхъ силъ—тепла, холода, влажности.

Торжество весенняго тепла надъ зимою и снѣжнымъ покровомъ земли привѣтствуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эрзянскаго края особымъ моляномъ, который справлялся послѣ Пасхи—Шушмонь лапгонь озксъ. Какъ справлялся этотъ молянъ, авторъ рукописи, присланной въ редакцію нашихъ „Извѣстій", не говоритъ.

Около этого-же времени—въ Великій Четвергъ—старались задобрить Мороз-атю, который возвращается иногда нежданый и побиваетъ посѣвы, въ особенности яровые. Въ каждой семьѣ для него варили кисель, часть этого кушанья на сковородкѣ или на ложкѣ клали на отворенное волоковое оконце и звали опаснаго старика поѣсть и не побивать только что посѣянныхъ хлѣбовъ.

Яровая пашня и выгонъ скота на покрывшіяся молодой зелепью поля связаны съ новыми, мірскими молянами. Первый изъ этихъ моляновъ устраивался въ честь Нору-авы или Пакс'-авы (Пакс'-азыр-авы мокш.). Лучшее описаніе его мы встрѣтили въ рукописи, доставленной много лѣтъ тому назадъ покойному А. И. Соколову и переданной имъ намъ. Въ с. Скафтымѣ—родинѣ автора этой рукописи—день выѣзда на пашню назначался заранѣе стариками. Въ каждомъ домѣ къ нему готовили брагу, варили куръ и свиней. Хозяйка крайняго дома деревни накрывала столъ, зажигала предъ иконами свѣчу и разстав-

ляла на столѣ стаканъ съ пивомъ, соль и лучшее кушанье. У конца стола ставила „престолъ"—особаго рода ящикъ на ножкахъ, въ которомъ находились брага и вино. Къ концу всѣхъ этихъ приготовленій въ избу являлись старики даннаго „порядка" и начинался молянъ. Старуха читала молитвы своего составленія, въ которыхъ испрашивала благополучнаго посѣва, хорошаго урожая. По окончаніи молитвы она садилась за столъ въ передній уголъ и приглашала занять мѣста около себя всѣхъ присутствующихъ. Она первая отпивала браги; послѣ нея стаканъ обходилъ всѣхъ остальныхъ гостей, въ полномъ молчаніи. Закусивши въ первомъ домѣ, старики переходили въ другой, гдѣ ихъ ожидала таже процедура. Въ каждомъ домѣ молитвы возносили женщины; мужчины въ этотъ день не имѣли права молиться. Если въ извѣстномъ домѣ не оказывалось женщины, умѣющей выполнить, какъ слѣдуетъ, эту высокую обязанность, приглашали опытную старушку изъ чужаго дома. На другое утро, какъ только показывалось солнце, сѣятели выходили на работу; все остальное населеніе деревни сидѣло по домамъ и не смѣло показаться на улицу.

Роль, которую выполняла въ этомъ молянѣ хозяйка дома, даетъ намъ ключъ къ объясненію того факта, что въ с. Кузоватовѣ Симбирской губерніи первый весенній молянъ назывался „бабань-каша", — именемъ которое пріурочивается въ большинствѣ случаевъ къ болѣе позднему празднику. Совершался этотъ молянъ здѣсь слѣдующимъ образомъ. На берегу глубокой рѣчки въ дремучемъ сосновомъ лѣсу мужики вырывали ямы-печи, старухи ставили въ нихъ корчаги съ кашей въ честь Ведь-авы, Авынъ-авы, Пакся-авы и прочихъ боговъ, въ память предковъ и основателей деревни. Когда каша поспѣвала, корчаги вынимали, ставили въ рядъ и старухи молились надъ ними, призывая милость боговъ. По окончаніи молитвы они накладывали нѣсколько небольшихъ горшковъ кашей и относили эти горшки по одному въ поле, въ овинъ, на рѣку. Бросая горшокъ съ кашей въ воду, говорили: „вотъ тебѣ Ведь-ава, матушка, каши, уроди намъ гречу, коровъ, утокъ и

куръ". Пѣнки съ каши снимали и клали въ развилину сосны Чувтонь-пазу. Остальную кашу выкладывали изъ корчагъ въ корыта, клали масла и кормили ребятъ; взрослымъ кашу раздавали на домъ [1]).

Варіантъ моленія „бабань-каша" даетъ г. Гребневъ. Въ описываемой авторомъ мѣстности молянъ происходилъ также весной предъ яровымъ посѣвомъ. Молящіеся собирались съ разсвѣтомъ къ пруду, закалали здѣсь быка и цѣликомъ клали его въ огромный котелъ; сюда-же пускали пшена, яицъ, масла и сала. Одна изъ бабъ обращалась къ народу съ наставленіемъ, какъ надо ѣхать на посѣвъ, затѣмъ становилась у столба и возносила за всѣхъ присутствующихъ молитву. По окончаніи молитвы садились вокругъ столба и принимались за пиршество. Часть жертвенной каши разбиралась присутствующими въ особыя посуды и ее ѣли дома передъ началомъ какого нибудь важнаго дѣла [2]).

У Мокши Инсарскаго у. (Шадымъ) на пашню выходили раннимъ утромъ послѣ домашняго моляна въ честь родителей и домоваго. Каждый хозяинъ выходилъ на поле тайкомъ отъ другихъ и старался, чтобы никто не перешелъ дорогу. На поле приносили чукоровъ, свинины, раскладывали все это на краю полосы и обращались съ молитвами къ Пакся ((Нору)авѣ. По окончаніи моленія садились ѣсть и, отдѣливши богинѣ въ особую чашечку хлѣба и пива, приглашали ее вмѣстѣ поѣсть и помогать въ работѣ; голову жертвеннаго гуся съ ногами и крыльями зарывали въ борозду.

Общественное полевое моленіе (Пакся-озксъ) устраивалось здѣсь около Троицы. Очередной распорядитель варилъ пиво изъ собранной муки и покупалъ на общественныя деньги быка. На помощь себѣ онъ приглашалъ четверыхъ рабочихъ, которые до окончанія моляна пили, ѣли и ночевали у него въ домѣ. Обреченное въ жертву животное пускали по полямъ, чтобы оно могло получше отъѣсться. Въ день моляна на опредѣ-

[1]) Ркп. Ср. Минхъ. «Моляны». Этн. Обозр. 1892, IV, 120.

[2]) Сам. Еп. Вѣд. 1875, 279; 1887, 5.

ленное мѣсто (старое селище) приводили быка, рѣзали, варили; попозже привозили пиво. По окончаніи приготовленій распорядитель созывалъ народъ и начиналось моленіе. Выборный жрецъ молилъ Паксязыр-аву ходить кругомъ поля и сберегать его, не пускать чужую Паксязыр-аву.

Къ пашнѣ-же, вѣроятно, былъ пріуроченъ молянъ, справлявшійся Болдовской Мордвой ранней весной, вскорѣ послѣ Пасхи. На открытой полянѣ близь родника приносили въ этотъ день въ жертву быка, купленнаго на общественныя деньги. На молянъ приглашался священникъ, который служилъ молебенъ и первый съѣдалъ частицу жертвеннаго мяса. Шкуру жертвеннаго животнаго продавали на мѣстѣ и вырученная сумма откладывалась на покупку слѣдующаго быка [1]).

Молянъ предъ выгономъ въ поле скота у Эрзи с. Кильдюшева называется Ливтеме-совавтома-озксъ. Состоитъ онъ въ томъ, что послѣ молебна изъ стада выбираютъ двухъ хорошихъ овецъ, колютъ и съѣдаютъ міромъ. Въ честь кого изъ божествъ устраивается этотъ молянъ, какія молитвы на немъ возносились, авторъ не сообщаетъ [2]). У Мокши с. Болдова молянъ этотъ въ былое время сопровождался довольно сложной процедурой. За Болдовымъ до сихъ поръ виденъ рядъ кургановъ, которые образовались въ связи съ выгономъ скота. Для того, чтобы обезпечить выгоняемый скотъ отъ болѣзней, сообщаетъ г. Шепелевичъ, Мордва вырывала нѣчто въ родѣ тоннеля, накрытаго сверху сводомъ (?), разводила надъ сводомъ живой огонь и прогоняла черезъ закутанный дымомъ тоннель скотину. Весьма вѣроятно, что и Мокша приносила при этомъ какія нибудь жертвы.

Циклъ весенних моляновъ замыкается моляномъ Авынавѣ и Перь-авѣ, который справлялся въ четвергъ пасхальной недѣли [3]) или въ Ѳомино Воскресенье. Въ овинъ въ этотъ день

[1]) Пенз. Губ. Вѣд. 1890, № 230.
[2]) Ркп.
[3]) Пенз. Еп. Вѣд. 1871,

носятъ браги, $^1/_4$ ведра вина, и „обѣдъ“. Старикъ-хозяинъ обращается къ Авын-авѣ съ просьбой уродить хлѣбъ и сохранить его отъ огня и лихого человѣка. Присутствующіе получаютъ по стакану водки, по ломтю свинины. Кажый выпивающій бросаетъ стаканъ и трижды кланяется до земли, выражая этимъ пожеланіе, чтобы сноны валились въ полѣ.

Обезпечивши себѣ болѣе или менѣе обильными жертвами посѣвы, Мордва переносила свои заботы на скотъ и домашнюю птицу. Моляны, вызванные заботами о нихъ, носятъ названія по роду жертвы и пріурочены въ настоящее время къ христіанскимъ праздникамъ.

Въ Вознесеніе Эрзя Городищенскаго уѣзда устраиваетъ Лашань-пуре (Пичилейка) или Алашань-озксъ (Кардафлей). Въ с. Пичелейкѣ намъ сообщали относительно этого моляна слѣдующее. На особой полянѣ собираются старики изъ каждаго дома и рѣжутъ надъ спеціально для этого вырытой ямкой свинью или двухъ овецъ, купленныхъ на мірскія деньги. Распорядителемъ моляна назначается ежегодно по порядку одинъ изъ стариковъ деревни. Когда жертвенныя животныя сварены, оповѣщаютъ деревенское населеніе и всѣ мужчины отправляются на поляну верхомъ. Старикъ читаетъ передъ деревомъ, на которомъ поставлена икона, импровизированную молитву, въ которой проситъ бога не допустить убыли въ лошадяхъ, послать дожди и уродить хлѣбъ.

Въ д. Кардафлеѣ, по описанію г. Евсевьева, въ этотъ день молились у корней священной сосны, которая служила, вѣроятно, сѣдалищемъ боговъ-покровителей лошадей. „За день до моленія сельскій староста на общественныя деньги покупаетъ пудъ или два меда для пуре, достаточное количество свинины и гуся и отдаетъ все это тѣмъ тремъ домохозяевамъ, чья очередь приготовлять моленіе. Очередные домохозяева наканунѣ моленья переселяются къ повaленной соснѣ съ дровами, котлами, чашками и тамъ приготовляютъ медовый квасъ и все прочее. Изъ каждаго дома на молянъ идетъ одинъ человѣкъ; каждый беретъ съ собою ситный хлѣбъ съ запечен-

нымъ въ него сверху яйцомъ, немного соли въ мѣшечкѣ и ложку. Всѣ принесенные хлѣбы ставятся въ рядъ на землѣ и передъ ними на воткнутый въ землю шестъ ставится икона Флора и Лавра съ зажженной свѣчей. Трое выбранныхъ стариковъ выступаютъ впередъ и начинаютъ молиться на востокъ, обращаясь въ молитвахъ къ умершимъ предкамъ. Затѣмъ старики три раза обходятъ вокругъ поставленныхъ хлѣбовъ: первые два раза они касаются обѣими руками каждаго хлѣба, какъ бы указывая ихъ покровителямъ лошадей; при обходѣ же хлѣбовъ въ 3-й разъ одинъ изъ стариковъ, который идетъ впереди, беретъ въ руки ножъ и чашку и изъ каждаго хлѣба вырѣзываетъ по маленькому кусочку и кладетъ въ эту чашку; остальные двое стариковъ идутъ за нимъ—одинъ съ чашкой супа, другой съ чашкой меда, также касаясь ими хлѣбовъ. Вырѣзанные изъ хлѣбовъ кусочки старики уносятъ въ сторону подъ кустикъ и тамъ зарываютъ въ землю для покойниковъ (для однихъ-ли?)“ [1]).

Женщины въ тотъ-же день въ с. Кильдюшевѣ Симбирской губерніи устраиваютъ сараз-озксъ—моленіе о курицахъ, подробности котораго, къ сожалѣнію, намъ остаются неизвѣстны. Въ жертву на этомъ молянѣ приносились одни куры.

Въ первое воскресенье послѣ Вознесенья въ Кардафлеѣ устраивался молянъ за коровъ „Скалонь-озксъ“. Въ Саратовской губерніи молянъ за рогатый скотъ совершался въ Петровъ день, а на третій день послѣ праздника молились судя по приносившимся въ жертву животнымъ за овецъ [2]). Въ Кардафлеѣ Петро-озксъ устраивался исключительно за овецъ и называется баранъ-озксъ [3]).

Къ Петрову дню или къ лѣтней Казанской (8 іюля) примыкаютъ первые моляны на пчельникахъ. На это время приходится роеніе пчелъ. Въ жертву Пишке-берь-азыр-авѣ Мокша

[1]) Отч. Перев. Комм. 36.
[2]) Мицхъ. «Моляны». l. c. 118.
[3]) Отч. Перев. Комм. 35.

приноситъ первый вылетѣвшій рой. Хозяинъ пчельника ссыпаетъ рой въ снятую съ себя рубаху, относитъ ее къ колодцу, находящемуся на пчельникѣ, и затаптываетъ рубашку съ пчелами въ болото, приговаривая: „вотъ тебѣ, нишке-перь-азыр-ава, первый рой, не пускай моихъ пчелъ“.

Послѣ такого дара не только рои не улетаютъ съ пчельника, но даже чужіе прилетаютъ на него. На Ильинъ день передъ началомъ высмки меда хозяинъ ставитъ около пеньковъ медовой сыты и приглашаетъ нешке-берь-азыр-аву попить. Во все время ломапія опъ утромъ и вечеромъ молится передъ пепькомъ нешке-берь-азыр-авы и угощаетъ ее.

Въ с. Скафтымѣ Саратов. губ. наканунѣ Ильина дня все населеніе толпами отправлялось въ лѣсъ на пчельники. Здѣсь ихъ ждали уже огромныя кадушки съ пуре. Предъ иконой зажигалась свѣчка и начиналось благодарственное моленіе за подачу меда. По окончаніи моленья большой деревянный ковшъ обходилъ всѣхъ молящихся. Съ одного пчельника отправлялись на другой. Такъ въ теченіе 2-хъ дней въ лѣсу происходило постоянное пурепитіе.

18 августа въ день Флора и Лавра устраивался обыкновенно второй молянъ за лошадей. Понятіе о томъ, какъ устраивался этотъ молянъ въ старину, можпо составить изъ извѣстій цитированной уже нами апонимной скафтымской рукописи. Неподалеку отъ села стояли утвержденныя однажды навсегда въ землю два бревна на такомъ разстояніи одно отъ другаго, чтобы между ними могла пройдти лошадь. Верхніе концы обоихъ бревенъ соединялись перекладиной, такъ что получалось грубое подобіе двери. Утромъ на Фроловъ день сюда привозили огромныя кадушки съ медомъ, тутъ-же варили въ большихъ котлахъ баранину, а по правую сторону двери ставили ушатъ воды съ кропильнымъ вѣничкомъ. Около полудня сюда со всѣхъ сторонъ сгоняли съ утра свободныхъ отъ работъ лошадей. Всѣ хозяева падали на колѣна, на колѣнахъ стоялъ и жрецъ, который молилъ дверь (?) о ниспосланіи лошадямъ здоровья. По окончаніи молитвы лошадей прогоняли въ дверь, а жрецъ кро-

пилъ ихъ. За лошадьми проходили и также окроплялись жрецомъ и люди.

Праздникъ въ честь Флора и Лавра составляетъ переходъ къ осеннимъ праздникамъ. Въ Пензенской губ. на немъ уже молятся о будущемъ урожаѣ. Спеціальное моленіе о будущемъ хлѣбѣ устраивается недѣли черезъ двѣ послѣ посѣва, когда озими взойдутъ—Озим-озксъ. Обыкновенно оно пріурочивается къ Семенову дню (1 сент.). Въ Ничилейкѣ оно устраивалось въ оврагѣ близь родника. Здѣсь съѣдали купленныхъ на мірскія деньги корову и двухъ овецъ. По поводу убраннаго урожая происходили затѣмъ нѣсколько моляновъ. Чтобы благополучно обмолотить собранный хлѣбъ, не сжечь его при сушкѣ въ овинѣ, считается необходимымъ задобрить Авынь аву. Около 22 октября (Казанской) хозяинъ дома съ женой отправлялся въ овинъ съ курицей и просилъ Авын-аву не жечь хлѣба. У Мокши Инсарскаго уѣзда (Шадымъ) въ овинъ носили пива и краснаго пѣтуха, мясо котораго съѣдали, а кости бросали подъ овинъ, и просили Авын-аву, чтобы она дала благополучно обмолотить хлѣбъ.

Осенью при наступленіи морозовъ является необходимость обезпечить вновь посѣянный хлѣбъ отъ морозовъ и устраиваются домашніе моляны въ честь Морозъ-ати. Хозяинъ дома предлагаетъ ему тоже угощеніе, что и весной и проситъ ходить по горамъ, по лѣсамъ, по оврагамъ, но не бить посѣвовъ.

По времени года, по обрывкамъ молитвы, которая произносилась на молянѣ, сюда же слѣдуетъ отнести и молянъ Салтану-Керемети, справлявшійся въ Саратовской губерніи около Покрова. Вотъ какъ описываетъ его Леонтьевъ. „На самый праздникъ Покрова или за нѣсколько дней передъ тѣмъ... сходятся они неподалеку отъ села къ дубу... съ съѣстными взятыми изъ дома припасами, готовятъ тамъ на пойло медъ во многомъ количествѣ, варятъ гуся; потомъ разстилаютъ по косогору полотняные полога и большіе столешники; на оные раскладываютъ принесенные съ собою припасы; притомъ трое или четверо стариковъ надѣваютъ на себя бѣлыя холстовыя

одѣянія и округъ всякого пріуготовленія обходятъ по три раза, касаясь руками каждой яствы и приговаривая слова по мордовски: „Бѣлы ноги Керемедь, по лѣсу ходя Керемедь, по полю ходя Керемедь“! Мы тебя чтимъ, и ты насъ сберегай. Стоящій-же позади народъ и множество изъ женщинъ... дѣлаютъ колѣнопреклоненія и затѣмъ... отрѣзываютъ горбушку хлѣба и положивши на оную кусочки отъ всѣхъ яденій, сперва отвѣдываютъ сами и передаютъ другимъ, а остатки зарываютъ въ землю... засимъ и въ большое дупло дуба тоже опускаютъ и на дерево кладутъ, особливо старухи, клапяясь передъ дубомъ и скобля гроши пожемъ; туда-же и деньги бросаютъ, а женщины и сходящіеся изъ прочихъ деревень въ какой либо печали и немощи прикладываютъ къ дубу принесенную съ собой холстину и унеся ее съ собой хранятъ ее на исцѣленіе... Отправивши такимъ образомъ молянъ, садится всякій при своемъ припасѣ... притомъ одѣянія отъ старшихъ передаются подъ сохраненіе другимъ, которые на будущій годъ будутъ пріуготовителями того-же празднества“. Сравнивая подробности, изъ которыхъ складывается молянъ, съ тѣмъ, что, намъ извѣстно относительно другихъ моляновъ предкамъ и богамъ, мы замѣтимъ, что какихъ-либо крупныхъ особенностей ритуалъ его не представляетъ: здѣсь, какъ и всюду, мы встрѣчаемъ обычные элементы моляна: обхожденіе яствъ, вырѣзываніе „священнаго куса“, возложеніе части жертвы на дерево, зарываніе въ землю, скобленіе монетъ, опусканіе ихъ въ дупло дерева. Опредѣляющимъ элементомъ является обрывокъ молитвы, которая въ болѣе полномъ видѣ записана нами въ Шадымѣ и адресутся къ морозу: „по лѣсу ходи, по горамъ ходи и т. д.“. Позволяетъ себѣ высказать предположеніе, что въ данномъ случаѣ самое имя Керемедь могло образоваться изъ мордовскаго Келмя-атя (отецъ мороза), которое могло быть у Мордвы въ употребленіи ранѣе руссифицированнаго „Морозъ-атя“.

Осень является временемъ, съ котораго начинается серія домовыхъ и дворовыхъ моляновъ. Въ честь Куд-(юрт)-авы въ Шадымѣ рѣзали черную овцу, варили ее цѣликомъ въ котлѣ

и спускали въ подполье. Здѣсь въ переднемъ углу предъ зажженной иконой просили ее хранить домъ отъ душмановъ. Мясо жертвеннаго животпаго, конечно, съѣдали сами молящіеся, но кости зарывали въ землю.

Зимніе моляны имѣютъ отношеніе исключительно къ скотоводству. Они устраиваются въ честь Калдас-авы. У Эрзи Симбирской губерніи такой моляпъ устраивался передъ новымъ годомъ. Кололи для богини корову, голову ея ставили въ хлѣвѣ и просили, чтобы Калдыс-ава дала больше скотины [1]).

У Мокши Наровчатскаго уѣзда моляны о скотѣ совершаются подъ Новый годъ и въ Крещенье. На Новый годъ молятся о хорошемъ приплодѣ свиней. У свиныхъ тушъ обрѣзываютъ ноги, уши, хвосты, головы, варятъ все это и носятъ въ калдазы. Въ Крещенье пекутъ круглый пирогъ, на немъ ставятъ сдѣланные изъ тѣста конюшню съ лошадьми и коровникъ.

Кромѣ жертвъ, припосившихся чрезъ опредѣленные промежутки времени, мордовскіе боги получали обильное угощеніе по спеціальнымъ причинамъ, въ случаѣ бѣдствія, которое приписывалось ихъ гнѣву—бездождія, болѣзни. Эти чрезвычайные моляны были также общественными или частными—въ зависимости отъ того, какой кругъ интересовъ затрогивало то или другое бѣдствіе. Въ случаяхъ бездождія и мора устраивались обыкновенно общественные моляны, въ случаѣ „притки“ частные. У Эрзи Симбирскаго уѣзда, по словамъ г. Фитингофова, въ случаѣ сильной засухи, посылала старика, а можетъ быть и нѣсколькихъ за дождемъ на озеро. Это озеро находится на ЮВ. отъ Кузоватова верстахъ въ 18, въ большомъ лѣсу, въ той сторонѣ, изъ которой въ Кузоватовѣ большею частію всегда приходитъ дождь. Посланные брали съ собой нѣсколько колотыхъ утокъ, три раза обходили озеро кругомъ по водѣ, потомъ варили утокъ, съѣдали ихъ и всегда, по увѣренію жителей, возвращались съ дождемъ“. Прогнѣванному духу озера, который задерживалъ дождь, приносили, какъ видно изъ выше-

[1]) С. Кильдюшево. Ркп.

приведеннаго отрывка, умилостивительную жертву изъ нѣсколькихъ птицъ.

Иногда умилостивить задерживающаго дождь духа было не такъ легко, какъ въ Кузоватовѣ: его еще нужно было найдти. Г. Лукинъ записалъ въ с. Сабанчеевѣ слѣдующее любопытное преданіе: „Три года не было дождя; была засуха, хлѣбъ не родился. Народъ умиралъ съ голода. Мордва молилась у родниковъ, на поляхъ, просила у бога дождя, но богъ не давалъ. Тогда одинъ старикъ Сабанъ зарѣзалъ быка, наварилъ мяса, наполнилъ этимъ мясомъ большой котелъ, взвалилъ его себѣ на плечи, взялъ еще кадушку меда и пошелъ молить водяного бога, чтобы онъ далъ дождь. Сабанъ ходилъ по всѣмъ родникамъ и у каждаго молился. Наконецъ онъ пришелъ къ одному роднику... и сталъ молиться; во время его молитвы пошелъ сильный дождь... съ этого времени Мордва стала ходить къ этому роднику молиться о дождѣ".

Въ с. Дубенкахъ Алатырскаго уѣзда во время засухи 1891 г. одна старуха пустила слухъ, что, еслибы на мѣстѣ старой керемети отрыть давно исчезнувшій родникъ, тогда бы пошли дожди. Мордва ухватилась за эту мысль и цѣлая толпа съ лопатами, мотыками, скребками отправилась верстъ за 5 отъ села и долго безплодно рыла землю, отыскивая старый родникъ. О подобныхъ-же молянахъ на югѣ Пензенской губерніи упоминаетъ г. Мошковъ. Даже вполнѣ обрусѣвшая и забывшая свой языкъ Мордва с. Ачки въ случаѣ засухи прибѣгаетъ къ экстреннымъ молянамъ. Въ Ачкѣ въ такихъ случаяхъ служатъ молебны два дня при родникѣ и на третій день на кладбищѣ [1]).

Экстренные моляны по случаю бездождія и мора обставляются обрядами, которые переносятъ насъ въ отдаленнѣйшую эпоху народной жизни. Чтобы умилостивить боговъ, изъ жертвоприношенія устраняютъ все, что можетъ показаться непріятнымъ для нихъ—и между прочимъ принятый въ настоящее

[1]) Ниж. Еп. Вѣд. 1893, 362.

время способъ добыванія огня. Для жертвоприношенія добывается живой огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева и отъ этого огня зажигаются потушенные предварительно во всѣхъ домахъ очаги—воспоминаніе о далекомъ времени, когда добываніе огня было трудной работой цѣлой группы людей и его старались сохранить на возможно долгое время въ очагахъ [1]). Для того, чтобы устранить вредное вліяніе духовъ, производящихъ болѣзни, поступаютъ противоположнымъ способомъ: пускаютъ въ ходъ то, что непріятно духамъ-консерваторамъ—прибѣгаютъ къ желѣзу, которое было неизвѣстно отдаленнымъ предкамъ и ихъ богамъ, и ограждаютъ селеніе „желѣзнымъ заборомъ", т. е. опахиваютъ его.

Моляны отъ притки, изъ которыхъ слагается вся мордовская медицина, могутъ служить по всей справедливости интереснѣйшими въ настоящее время проявленіями мордовскаго культа боговъ. Они сохраняютъ до сихъ поръ печать самыхъ раннихъ моментовъ въ развитіи народной мысли; молитвы, которыя на нихъ произносятся, проникнуты тѣмъ чистымъ анимистическимъ созерцаніемъ природы, при которомъ одаренными душей представляются всѣ предметы окружающей природы—растенія, металлы, даже орудія, вышедшія изъ рукъ человѣка [2]).

Моляны отъ притки устраивались по указанію знахарки въ глубокой тайнѣ отъ посторонннхъ. Чаще всего виновникомъ притки считается Ведь-ава, которая поражаетъ мужчинъ болѣзнями, а женщинъ безплодіемъ. Чтобы умилостивить ее, женщины въ Тамбовской губерніи выходили въ полночь на рѣку, взявши съ собою живаго пѣтуха, котораго окутывали шелкомъ съ навязанными бубенчиками. Послѣ извѣстнаго числа поклоновъ она бросала пѣтуха въ воду и просила, чтобы Ведь-ава дала чадородіе" [3]). Въ Пензенской губерніи въ подобномъ случаѣ женщина брала крупы, пшена, хмѣля, копѣйку, все это

[1]) Ср. у Вотяковъ. «Изв. О. А. И. Э.» IX, в. 3, прил. стр. 2.
[2]) Paas. Proben. I², 9.
[3]) Тамб. Еп. Вѣд. 1876, 362.

раскладывала по берегу рѣки и просила Ведь-аву простить ее и „найдти въ ней себѣ мѣсто“. Возвращаясь домой, женщина стукаетъ по двери и говоритъ: тебѣ чтобы высохнуть, а мнѣ пополнѣть. Въ случаѣ болѣзни, постигшей отъ „воды“, больной подъ предводительствомъ старухи знахарки шелъ на рѣку, раскладывалъ по берегу телятину, на ней копѣйку денегъ, шкаликъ водки, немного табаку, приговаривая: „вотъ, я принесъ тебѣ сто рублей денегъ, ¼ ведра водки, скатерть; прости меня“. Помолившись, больной входитъ въ воду, чтобы выкупаться. Если при этомъ вода забурлитъ или всколыхнется, знахарка пророчитъ, что больной выздоровѣетъ.

Молились отъ „притки“ и Авын-авѣ. Въ Дюркахъ больные ходили въ полночь въ овинъ и просили Авын-аву взять хворь; матери носили туда больныхъ дѣтей.

Если болѣзнь принесъ Фатесь-атя, пекутъ блины, цюкоры, рѣжутъ пѣтуха, варятъ брагу, кладутъ всего по немногу въ чашку и ставятъ надъ головой больнаго. Фатесь-атя сжалится тогда надъ нимъ. Одежду съ больного переносятъ въ поле, чтобы болѣзнь перешла на того, кто ее возьметъ. Въ случаѣ эпидеміи Фатесь-атю стараются умилостивить предварительно, чтобы онъ не заходилъ въ домъ. Наряжаютъ старика въ вывороченную шубу, ставятъ его у окна дома, въ которомъ нѣтъ больныхъ, подаютъ ему блиновъ и браги и говорятъ „Фатесь-атя, кормилецъ, иди мимо“.

Въ сборникѣ Паазонена приведенъ рядъ заклинаній—молитвъ, которыя обращаются знахаркой (шаманкой) къ Кудонь-(юртынь)-кирьди, Кардазынь-кирьди, Модань-кирьди, Масторыпь-кирьди, Мороз-ат'ѣ въ тѣхъ случаяхъ, если то или другое божество почитается виновникомъ болѣзни. Жертва умилостивляемому духу состоитъ изъ какого нибудь животнаго, хлѣба и соли, пылинокъ мѣди и серебра, которыя соскабливаютъ съ монеты и предлагаютъ подъ видомъ несравненно болѣе цѣнныхъ жертвъ: („смотри, вотъ тебѣ пудъ серебра, пудъ мѣди, сто рублей денегъ“) [1]).

[1]) Paas. Proben. I², 3.

Перечень чрезвычайныхъ моляновъ мы должны закончить указаніемъ на моляны Куд-(юрт)-авѣ при построеніи новаго дома и при переходѣ въ него на жительство, Кудъ-авѣ, Ведь-авѣ и предкамъ при заключеніи брака, Бань-азыр-авѣ, Ведь-авѣ и Куд-авѣ при рожденіи ребенка.

Постановка новаго дома сопровождается рядомъ жертвоприношеній. Первая жертва приносится передъ закладкой фундамента богинѣ земли—въ вырытую для этого ямку знахарка-жрица кладетъ часть жертвеннаго хлѣба. Вторая приносится тогда, когда срубъ уже настолько выведенъ, что можно класть потолочныя балки (матки). У Мокши Пензенской губерніи церемонія эта совершалась съ большимъ торжествомъ. На одну изъ выведенныхъ стѣнъ влѣзалъ старикъ, который обходилъ срубъ, постукивая въ углахъ топоромъ. Стоящій внизу съ рабочими хозяинъ спрашивалъ его при первомъ ударѣ топоромъ: „ки тоса (кто тамъ)“ и получалъ въ отвѣтъ „Вярдя Шкай“; когда старикъ ударялъ топоромъ по одному изъ угловъ, предлагался вопросъ „мез'а тоса“? (что тамъ) и старикъ отвѣчалъ „ц'ора“ (сынъ); ударяя по остальнымъ угламъ, старикъ отвѣчалъ на тотъ-же вопросъ „дочь“, „сынъ“, „дочь“. Дойдя до матки, онъ обрубалъ подвязанный къ ней пирогъ и внизу начиналась трапеза.

При устройствѣ въ новомъ домѣ печи, приносится, какъ мы уже знаемъ, жертва петнядзь-азыр-авѣ. Самый торжественный моментъ наступаетъ при переходѣ въ отстроенный домъ. Въ ночь наканунѣ новоселья, которое обыкновенно назначается на новолуніе, хозяинъ съ хлѣбомъ и солью ходитъ по старому дому и двору и приглашаетъ Юрт-аву и Юрт-атю не гнѣваться на то, что семья покидаетъ старый домъ, и перейдти вмѣстѣ съ ними на новоселье.

Серія моляновъ, сопровождающихъ бракъ, начинается моляномъ при рукобитьи. Подъ порогъ, гдѣ предполагается жилище дверного бога [1]) ставятъ хлѣба, соли и молятъ Куд-(юрт)-

[1]) Ср. у Лопарей Уксь-акка (богиня порога).

азыр-аву и предковъ благословить вступающихъ въ бракъ [1]). Однородные по обряду моляны происходятъ при пропоѣ невѣсты въ домѣ ея родителей [2]), при снаряженіи поѣзда за молодой въ домѣ жениха отца, при прощаніи невѣсты со своими домашними [3]), при ея вступленіи въ домъ мужа [4]) и на другой день послѣ этого при первомъ знакомствѣ съ мѣстной рѣчкой и баней, которымъ молодая бросаетъ монетку, съѣстнаго или какую нибудь принадлежность одежды [5]).

Молянъ при рожденіи ребенка совершается повитухой въ банѣ въ честь Бань-азыръ-авы и покровительницы дѣторожденія—Ведь-авы [6]).

Ознакомившись съ сущностью мордовскихъ воззрѣній на служеніе богамъ, мы можемъ перейдти къ детальному разсмотрѣнію религіознаго культа Мордвы, насколько это позволяютъ наличные факты. Въ каждомъ культѣ мы различаемъ четыре основныхъ элемента: объектъ поклоненія, посредничествующее лицо или группу лицъ, опредѣленное мѣсто служенія богамъ и опредѣленный-же ритуалъ.

Что объектомъ поклоненія были стихійные боги, духи явленій, это уже достаточно выяснилось. Остается вопросъ, требовалось ли для Мордвы, чтобы боги имѣли какой нибудь чувственный образъ, — другими словами, извѣстны ли были Мордвѣ идолы или она возносила свои молитвы и жертвы невидимымъ богамъ. Бо́льшая часть фактовъ, которую мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи, говоритъ въ пользу отрицательнаго рѣшенія этого вопроса: Мордва не давала своимъ представленіямъ о богахъ чувственнаго воплощенія; идолы при моляхъ не представляются необходимыми; молитвы возносились богамъ, невидимо присутствующимъ на мѣстѣ служенія имъ.

---

[1]) Майновъ. Очерки юрид. быта Мордвы. 50.
[2]) Ibid. 53.
[3]) Ibid. 81.
[4]) Ibid. 102.
[5]) Ibid. 85, 103.
[6]) Mainov. Les restes de la myth. Mord. 52.

Но есть факты, говорящіе какъ будто и въ пользу поклоненія идоламъ. Въ Саратовской губерніи держится преданіе, что князекъ-основатель дер. Вязовки поставилъ въ особомъ зданіи идола—Коляду; идоломъ этимъ была, повидимому, обыкновенная каменная баба [1]). И. И. Дубасовъ въ одномъ изъ рефератовъ, читанныхъ въ Тамбовской Архивной Коммиссіи, сообщаетъ краткое содержаніе доставленныхъ изъ Сената 54 межевыхъ дѣлъ съ выдержками изъ мѣстныхъ писцовыхъ книгъ XVII в. и между прочимъ отмѣчаетъ слѣдующій въ высшей степени интересный фактъ: „близь одной отъ этихъ вотчинъ (какой??) въ владѣніяхъ Османа Апчурина было урочище, особенно уважаемое Мордвой и теперь совершенно забытое. Тамъ, между старыми деревьями, было грубое каменное изваяніе медвѣдя, а называлось оно медвѣдь-камень. Въ былые годы мордовско-мещерскаго язычества камню-медвѣдю оказывались божескія почести. Близь него приносились жертвы и было великое языческо-инородческое пированіе“ [2]). Нельзя не пожалѣть, что это замѣчательное и единственное въ литературѣ свидѣтельство о кажущемся идолопоклонствѣ у былой Мордвы приведено въ пересказѣ, а не подлинными словами. Взявши его, какъ оно есть, мы должны признать, что оно вполнѣ гармонируетъ съ Саратовскимъ преданіемъ. Оба свидѣтельства говорятъ о поклоненіи каменнымъ изваяніямъ. Но были-ли эти изваянія м о р д о в с к і е идолы? Мы позволяемъ себѣ въ этомъ усомниться. Въ тѣхъ извѣстіяхъ, которыя мы имѣемъ о мордовскихъ молянахъ, объ идолахъ нѣтъ упоминанія. Если въ отдѣльныхъ случаяхъ она воздавала божескія почести камнямъ, получавшимъ ту или другую форму изъ рукъ человѣка, то эти случаи можно разсматривать, какъ проявленіе былого фетишизма, и поставить въ связь съ встрѣчающимся до сихъ поръ по мѣстамъ у Мордвы и Черемисъ поклоненіемъ дикимъ, необдѣланнымъ камнямъ.

---

[1]) Минхъ. Этногр. Обозр. 1892, IV, 127.

[2]) Изв. Тамб. Арх. Комм. XXVI, 58.

Въ д. Муравьевкѣ Инсарскаго уѣзда Кереметь-озксъ напр. совершается близь большаго камня, который лежитъ въ полѣ. Камень этотъ пользуется суевѣрнымъ уваженіемъ Мордвы, которая въ обычное время боится подойдти къ нему, чтобы не захворать. Въ Троицу около него устраивается моленіе. Въ честь священнаго камня рѣжутъ гуся и кладутъ около камня голову; тутъ-же пьютъ и священное пуре. Камень, имѣющій форму человѣка или медвѣдя и найденный, но не обработанный самой Мордвой, могъ сдѣлаться въ силу своей рѣдкости и какого нибудь совпаденія обстоятельствъ объектомъ поклоненія, хотя бы между нимъ и стихійными богами Мордвы и не чувствовалось никакой связи. Совершенно также Черемисы покланялись камнямъ (Астраханскій бѣлый камень, Чембулатъ).

Христіанство, введя въ культъ изображенія святыхъ, дало развитіе тѣмъ зачаткамъ фетишизма, которые выработались въ языческую пору. Мы увидимъ ниже, что, умилостивляя икону, Мордвинъ трактовалъ ее, какъ Самоѣды своихъ идоловъ, и какъ чистокровный фетишистъ, наказывалъ ее, когда его молитвы долгое время оставались безъ исполненія.

Вопросъ о посредствующихъ лицахъ мы затрогивали уже раньше. Есть полное основаніе думать, что Мордва, подобно другимъ Финнамъ, въ былое время пользовалась услугами шамановъ, точнѣе шаманокъ. Въ позднѣйшее время услуги ихъ оказывались нужными въ случаѣ притки, потери и т. д. Но отголоски ихъ былаго значенія еще долго слышатся въ томъ, что женщина, „умѣющая читать молитвы", выполняетъ жреческую роль на многихъ, если не на всѣхъ молянахъ. Мужчина выступилъ въ роли служителя боговъ повидимому позднѣй: о его роли мы узнаемъ изъ извѣстій о доживающемъ уже свои послѣдніе дни язычествѣ.

Мѣстами моленій богамъ у Мордвы такъ-же, какъ у Черемисъ и Вотяковъ, служили горы, лѣсныя поляны, овраги, въ которыхъ берутъ свое начало ручьи. Въ позднѣйшую пору, когда лѣса, покрывавшіе мордовскій край, стали расчи-

щаться подъ пашни, изъ остатковъ лѣса, обрамлявшаго молебныя поляны, возникли священныя рощи, „керемети“, какъ ихъ называютъ иногда писатели. Въ актахъ XVII в. встрѣчаются указанія на „боговы поляны“ [1]). Воспоминанія о полянахъ, посвященныхъ отдѣльнымъ богамъ, сохранились въ народной поэзіи Мордвы. Въ сборникѣ Паазонена мы читаемъ напр. слѣдующія строки:

Ласточка (?) воспитала кукушку,
Къ большому лѣсу унесла она кукушку,
На поляну Пургине унесла она кукушку [2]).

На религіозное назначеніе отдѣльныхъ полянъ и горъ указываютъ мордовскія названія урочищъ. Близь с. Селищъ имѣется напр. „Кожаная поляна“ [3]); при селѣ Кильдюшевѣ двѣ горы носятъ названіе „Кереметь-панда“. Овраги, берега озеръ и ручьевъ служатъ мѣстами моляновъ до сего дня и носятъ тѣ или другія названія, сообразно своему назначенію. При с. Селищахъ напр. былъ оврагъ, въ которомъ совершались моляны за овецъ и онъ до сихъ поръ носитъ названіе „Ревень-печкемэ-лей“ [4]). Съ внѣшнимъ видомъ молебной поляны принято знакомить по описанію, сдѣланному акад. Лепехинымъ. „Кереметь—ничто иное есть, какъ четвероугольная площадь, тыномъ или пряслами огороженная и имѣетъ трое воротъ съ востока, запада и сѣвера. Съ восточной стороны вводятъ они жертвенный свой скотъ, въ западныя ворота входятъ люди, а черезъ сѣверныя приносятъ воду..... Неподалеку отъ восточныхъ воротъ вкапываютъ три столба, изъ которыхъ къ одному привязываютъ жертвенную лошадь, къ другому быка или корову, а къ третьему овецъ и называютъ сіи столбы Тиржигать. При западныхъ воротахъ врываютъ еще три столба ю б а на ихъ языкѣ. По введеніи жертвеннаго скота привязываютъ

[1]) Изв. Тамб. Арх. Комм. XX, 65.
[2]) Proben. I[1], 69.
[3]) Нижг. Еп. Вѣд. 1890, 825.
[4]) Ibid.

они прежде къ восточнымъ столбамъ, потомъ закалаютъ при западныхъ. По заклатіи жертвы кожи животныхъ развѣшиваютъ на восточныхъ столбахъ, на которыхъ кожи мелкихъ животныхъ исчезаютъ. Въ сторону отъ западныхъ воротъ поставляютъ калду или повѣть, по срединѣ которой врываютъ два столбика съ поперешникомъ, дабы удобно можно было навѣшивать котлы для варенія закланныхъ животныхъ и сіе мѣсто называется у нихъ харай-жигать, т. е. кухня. У сѣверныхъ воротъ сдѣланъ полóкъ или широкая лавка, на которой они разрѣзаютъ свареное мясо на столько кусковъ, сколько богомольцевъ, и лавку сію называютъ х у м а“ [1]). Мельниковъ, не указывая источника, повторилъ описаніе Лепехина слово въ слово въ примѣненіи къ Нижегородской Мордвѣ. Со словъ Мельникова это описаніе повторилъ въ примѣненіи къ Пензенской Мордвѣ Н. Смирновъ [2]).

Страницы Лепехина такимъ образомъ сдѣлались классическими. Мы позволяемъ себѣ однако выразить сомнѣніе относительно того, чтобы описаніе знаменитаго путешественника заключало въ себѣ типическія особенности мордовскаго моляна. Насъ смущаетъ то обстоятельство, что ни одного изъ терминовъ, которые приводятся Лепехинымъ, мы не нашли въ мордовскомъ языкѣ и одинъ изъ нихъ—ю б а—оказался въ употребленіи у Чувашъ Самарской губерніи и служитъ для обозначенія обрубка дерева, столба, которому придается грубое подобіе человѣка и роль замѣстителя усопшаго въ семьѣ его близкихъ. Не описалъ-ли Лепехинъ чувашское мольбище, положившись на слова мѣстныхъ „свѣдущихъ людей“, которые увѣрили его, что религіозные обычаи Мордвы и Чувашъ одинаковы? Любопытно, что Палласъ именно такъ описываетъ мольбище Черемшанскихъ Чувашъ [3]).

---

[1]) Днев. Зап. I, 162—164.

[2]) Пенз. Еп. Вѣд. 1874.

[3]) Пут. по разн. пров. I, 139—140.

Провѣрить описаніе Лепехина и степень примѣнимости его къ мордовскому культу мы можемъ путемъ сравненія его съ тѣмъ, что даютъ намъ по этому вопросу оффиціальные документы XVIII и первой половины XIX ст. Н. Смирновъ въ своей статьѣ „Мордовское населеніе Пензенской губерніи“ приводитъ рядъ выдержекъ изъ донесеній сельскаго духовенства своему начальству, изъ которыхъ вытекаетъ, что у Мордвы были на мѣстахъ моленій зданія, въ которыхъ закалали мелкихъ жертвенныхъ животныхъ и птицъ, варили и съѣдали ихъ мясо. Около такихъ зданій всегда находились столбы съ перекладинами; на нихъ ставилась въ христіанскую пору икона. О подобныхъ храминахъ сохранились воспоминанія въ преданіяхъ Саратовской Мордвы и въ названіяхъ урочищъ.

Въ первой главѣ нашего очерка мы привели нѣсколько указаній на такія храмины или „лачуги“ изъ актовъ, относящихся къ Тамбовской губерніи. Одно изъ нихъ мы находимъ возможнымъ повторить здѣсь: „имѣлась у насъ въ мордовской вѣрѣ по тому старому обыкновенію лачуга, въ которой во время прежней вѣры, какъ маливались и имѣли по содержанію пойло“... Въ другихъ актахъ, цитированныхъ тамъ-же, констатируется, что въ этихъ лачугахъ не только хранили припасы, но и чинили мольбу. „Храмины“ и „лачуги“ нашихъ актовъ, „поварни“ мѣстныхъ названій и преданій напоминаютъ Лепехинскія хурай-жигать, но имѣютъ болѣе широкое значеніе. Они являются такими-же зародышами храмовъ, какъ и вотяцкія „бадзым-куа“: въ нихъ не только варили и ѣли жертвенное мясо, но временами и молились.

Въ статьѣ неизвѣстнаго автора о молянахъ, помѣщенной въ „матеріалахъ для археологическаго словаря (приложеніе къ X тому „Древностей“ Моск. Арх. Общ.) этой храминѣ на основаніи преданій Саратовской Мордвы приписывается еще два назначенія: она служила будто-бы жилищемъ жреца или самаго вышняго бога „Вере-пас'а“, который представлялся въ видѣ здороваго мужика. Въ храмину эту никто не смѣлъ будто-бы войдти; во время моляновъ передъ ней разставляли жерт-

венныя яства.—Храмины религіознаго назначенія („керемети“) были и у Казанской Мордвы [1]).

Возстановить древній ритуалъ мордовскаго жертвоприношенія во всей его полнотѣ въ настоящее время невозможно. Сама Мордва его забыла уже въ настоящее время. Литература и собранныя нами лично свѣдѣнія позволяютъ памѣтить только самые крупные элементы его. Обряды, которые соблюдались при опредѣленіи дня, когда долженъ происходить молянъ, и при сборѣ нужныхъ для изготовленія жертвенныхъ кушаній припасовъ, описаны только у Мельникова, но мы не настолько увѣрены въ точности его описанія, чтобы обобщить заключающіяся въ нихъ данныя [2]). Первая забота жрецовъ предъ началомъ жертвоприношенія заключается въ томъ, чтобы узнать, будетъ ли угодна богамъ приносимая жертва. Узнаютъ они волю боговъ тѣмъ же способомъ, что и Черемисы: на спину жертвы льется вода и если животное вздрагиваетъ, то жертва признается угодной. Признавши жертву благонадежной, жрецы старались сначала задобрить ее, а потомъ привлечь къ ней вниманіе чествуемыхъ боговъ.

Въ Самарской, Саратовской, Пензенской губерніяхъ у Мордвы былъ широко распространенъ, а по мѣстамъ сохранился и до позднѣйшаго времени обычай кланяться жертвенному животному, просить у него прощенія и возлагать на него обязанность доложить богамъ о нуждахъ молящихся. Майновъ ставитъ этотъ обычай въ связь съ былыми человѣческими жертвоприношеніями и, намъ кажется, съ нимъ нельзя не согласиться. Принося въ жертву человѣка и не чужака, а можетъ быть и соплеменника, естественно было и оправдываться предъ нимъ, ссылаясь на общіе интересы, и просить его передать

---

[1]) L. c. 210. Этн. опис. Каз. г. Ж. М. В. Д. 1841, ч. 39, стр. 380.

[2]) Рус. Вѣст. 1867 г. т. 71, стр. 244—247. Наше недовѣріе къ Мельниковскому описанію основано между прочимъ на томъ, что авторъ пріурочиваетъ процедуру моляна къ тому устройству мольбища, которое навязалъ Мордвѣ по недоразумѣнію Лепехинъ: мы видимъ здѣсь и столбы—юба и поварню хорай-жигать.

богамъ людскія мольбы. Какъ переживаніе, этотъ порядокъ перешелъ и въ другую эпоху, когда человѣка въ жертвоприношеніи замѣнило животное.—Испросивши у жертвы прощенія за причиняемое зло, жрецы подвергали ее варварскимъ истязаніямъ для того, чтобы она сильнѣе кричала. Мы уже имѣли случай упоминать, что въ с. Дюркахъ Симбирской губерніи съ жертвеннаго быка заживо сдирали кожу и сопровождали эту операцію мольбами, чтобы богъ услыхалъ бычій голосъ. Объ истязаніи жертвеннаго животнаго сохранились воспоминанія у Нижегородской Мордвы и положительно говоритъ Іосифъ Барбаро. Итальянскій путешественникъ XV в. сообщаетъ относительно современнаго ему мордовскаго жертвоприношенія слѣдующія подробности: лошадь, назначенную въ жертву, привязывали за шею и за ноги къ врытымъ въ землю столбамъ, разстрѣливали ее, снимали кожу и, съѣвши мясо, дѣлали изъ кожи чучело, которое поднимали на вершину украшеннаго лентами и другими приношеніями дерева и затѣмъ этому чучелу молились.

При закланіи жертвеннаго животнаго, будетъ-ли это на дворѣ или на мольбищѣ, его ставили надъ спеціально приготовленной ямкой, въ которую и стекала кровь; кожа жертвы до недавняго времени развѣшивалась на священномъ деревѣ. Приготовленіе кушанья происходило до половины текущаго столѣтія въ спеціальномъ зданіи—поварнѣ. Когда всѣ жертвенныя яства были готовы, наступалъ самый важный моментъ обряда— вознесеніе молитвы богамъ и освященіе молебной трапезы. Передъ священнымъ деревомъ или столбикомъ съ иконой становился главный жрецъ и произносилъ импровизированную молитву, въ которой указывалъ на приготовленныя чистыми руками и съ чистымъ сердцемъ жертвы, просилъ чествуемыхъ боговъ, перечисляя ихъ по именамъ, принять жертву и оказать милость молящимся: дать имъ урожай хлѣба, скота въ такомъ количествѣ, котораго хватило бы на продовольствіе семьи и ея родственниковъ, охранять ихъ отъ злыхъ колдуновъ и простить, если жрецы что нибудь нарушили въ уста-

новленномъ обрядѣ—сказали и сдѣлали раньше или позже, чѣмъ слѣдуетъ. Мы не приводимъ для образца подлиннаго текста такой полной молитвы, потому что ихъ нѣтъ въ литературѣ. Ни у Паасонена, ни у его предшественниковъ мы не видимъ ничего цѣльнаго; записаны только болѣе или менѣе значительные обрывки. На основаніи этихъ обрывковъ, разбросанныхъ у отдѣльныхъ авторовъ, мы и могли составить лишь приблизительный конспектъ мордовской молитвы. По окончаніи молитвы начинается освященіе яствъ—точнѣе дѣлежъ ихъ между богами и молящимися. Этотъ моментъ всего яснѣе выступаетъ въ извѣстныхъ намъ описаніяхъ моляновъ. Церемоніалъ начинается съ особаго стола, на которомъ расположены: икона, передъ ней голова жертвеннаго животнаго, непочатый хлѣбъ, солоница, чашка съ пивомъ или медомъ и три пустыхъ маленькихъ чашки для жрецовъ. Обойдя столъ три раза, старшій жрецъ отрѣзываетъ горбушку у перваго хлѣба, затѣмъ обходитъ всѣ хлѣбы и поднимаетъ каждый изъ нихъ съ молитвой вверхъ, слѣдующій за нимъ съ ножемъ въ рукахъ жрецъ вырѣзываетъ изъ каждаго хлѣба частицу и передаетъ ее въ чашечку третьяго жреца. Выбравши въ одну чашечку части изъ каждаго хлѣба, жрецы берутъ въ другія двѣ чашечки пуре и бульона, который получается отъ варенія жертвы и вновь три раза обходятъ всѣ хлѣба, касаясь ихъ каждый своей чашкой. По окончаніи обхода чашка съ частицами жертвенныхъ хлѣбовъ ставится около чашки съ головой быка и жрецы приступаютъ къ трапезѣ: сначала они по очередно съѣдаютъ по немногу мяса, яицъ, выпиваютъ меду, затѣмъ раздаютъ освященныя кушанья присутствующимъ домохозяевамъ. Божьи части вмѣстѣ съ головами и внутренностями жертвенныхъ животныхъ [1]) вѣшаются въ особомъ кузовкѣ на вѣтвяхъ священнаго дерева, зарываются въ землю, бросаются въ рѣку или сжигаются. По мѣстамъ надъ зарытыми костями жертвы насыпался небольшой

[1]) Символическая замѣна цѣлаго жертвеннаго животнаго. Ср. Чер. 194—195; Вот. 227—230.

курганъ. Въ день „бабань-каши", по сообщенію г. Мошкова, на вѣтви священнаго дерева навѣшивались, кромѣ частей приносившихся жертвъ, еще кольца. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ Самарской губерніи кромѣ колецъ тогда-же, вѣроятно, нанизывались на проволоку кресты, бусы, монетки. Двѣ такихъ проволоки были доставлены намъ оттуда покойнымъ въ настоящее время студентомъ Помряскинскимъ.—Какъ пользовались жертвой идолы фетиши, можно заключить изъ былаго обращенія Мордвы съ иконами. Авторъ статьи о Кузькѣ-мордовскомъ богѣ сообщаетъ, что у Нижегородской Мордвы еще въ половинѣ текущаго столѣтія былъ обычай намазывать саломъ, жеваными пряниками и другими снѣдями губы наиболѣе чтимыхъ иконъ [1]). Мы считаемъ возможнымъ положиться въ данномъ случаѣ на его свидѣтельство, хотя оно и не встрѣчаетъ себѣ подтвержденія въ остальной литературѣ, въ виду того, что другія его показанія относительно обращенія съ иконами подтверждаются авторомъ, писавшимъ много позднѣе о Тамбовской Мордвѣ; мы говоримъ объ обычаѣ наказывать икону (въ былое время идола-фетиша)—сѣчь ее вѣникомъ, ставить внизъ головой и т. д.—въ томъ случаѣ, если она не исполнила неоднократно обращенныхъ къ ней просьбъ или причинила человѣку какую-нибудь бѣду [2]).—Послѣ отдѣленія богамъ ихъ части, молянъ переходитъ въ общественный пиръ, на которомъ присутствующіе раздѣляются по родственнымъ группамъ (породамъ—„юромамъ") или по десяткамъ.

Удовлетворивши матеріальныя потребности того или другого изъ боговъ, Мордвинъ считалъ до послѣдняго времени, а можетъ быть кое-гдѣ и сейчасъ считаетъ, свои обязанности по отношенію къ нему исчерпанными. Христіанство не измѣнило старыхъ языческихъ воззрѣній. Мы уже видѣли, какъ обращались молящіеся въ Нижегородской и Тамбовской губерніи съ иконами; въ Пензенской губерніи даже для самаго Христа

[1]) От. Зап. 1866, авг. 656.
[2]) Тамб. Еп. Вѣд. 1876, № 14.

считается необходимымъ угощеніе. Въ В. Четвергъ, когда онъ, предполагается, сходитъ съ неба и чрезъ волоковое окно проникаетъ въ каждый домъ, на это окно ставятъ кисель, который вечеромъ съѣдаютъ; болѣе обильное угощеніе предлагается въ день Вознесенья, когда Христосъ по приготовленнымъ для него въ каждомъ домѣ лѣстницамъ изъ тѣста поднимается на небо [1]). Объ угощеніи Вербнаго Воскресенья (Вермавы) и Пасхи мы уже говорили. Переживаніе жертвеннаго обряда въ честь Богоматери (у с о п ш е й) представляетъ собою, несомнѣнно, обычай, практикующійся въ ночь на Успеніе въ с. Лобаскахъ: всѣ женщины селенія собираются въ одинъ домъ, приносятъ, каждая въ мѣру своего усердія, холста, сшиваютъ обрѣзки въ одну длинную ленту, въ глухую ночь обтягиваютъ этимъ холстомъ 2—3 раза церковь и потомъ жертвуютъ его на церковныя нужды [2]).

Православное духовенство, по разнымъ побужденіямъ, не прилагало особенныхъ стараній къ тому, чтобы измѣнить оставшіяся отъ языческой поры формы культа. Помирившись на компромиссѣ—на служеніи передъ молянами молебновъ—оно старалось истолковать согласно съ христіанскими преданіями самый фактъ молебныхъ трапезъ и приравнивало ихъ къ древнимъ „вечерямъ любви“ [3]).—О духовномъ служеніи божеству при такихъ условіяхъ до самаго послѣдняго времени не могло быть и рѣчи. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ священники Пензенской губерніи констатировали, что Мордвѣ чуждо было понятіе о грѣхѣ, какъ дѣяніи, противорѣчащемъ завѣтамъ божества. На исповѣдь Мордвинъ смотрѣлъ, какъ на секретный допросъ, и когда его спрашивали, не грѣшенъ-ли онъ въ томъ-то, онъ отвѣчалъ: „я не грѣшенъ, а вотъ такой-то грѣшенъ, дѣластъ“ [4]).

---

[1]) Отч. Перев. Комм. 34.
[2]) Ниж. Еп. Вѣд. 1887, 734.
[3]) Пенз. Еп. Вѣд. 1871, № 19—20.
[4]) Пенз. Еп. Вѣд. 1881, № 10, 11.

Сравнивая набросанную выше картину религіознаго состоянія Мордвы съ тѣми извѣстіями, которыя приведены въ началѣ настоящей главы, читатель вправѣ сказать, что въ этихъ картинахъ рисуется два отличныхъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого цѣлой бездною міра.... и однако черезъ эту бездну набрасывается уже мостъ—книга. Книга, грамотность увела Самарскую и Саратовскую Мордву въ область раскольничьихъ поисковъ за „правой вѣрой“ и таже книга исподволь вводитъ оффиціально православную, но еще язычествующую Мордву въ область высшихъ христіанскихъ идей. Моляны все быстрѣе и быстрѣе выходятъ изъ употребленія и этотъ религіозный переломъ созданъ исключительно молодой, неокрѣпшей еще народной школой. Школа освѣщаетъ тайники мордовской души и, отдавая схоронившіеся тамъ остатки язычества въ распоряженіе науки, подготовляетъ почву для новыхъ идей и новыхъ настроеній.

Библіографія.

ГЛАВА VI.

Обзоръ литературы.

Ibn—Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen.

Ибнъ—Фадланъ (921) упоминаетъ въ своемъ путешествіи объ Эрвѣ (Арза) и Каратаяхъ. Въ комментаріяхъ Френа къ его извѣстіямъ мы встрѣчаемъ нумизматическіе факты, которые выясняютъ до нѣкоторой степени положеніе мокшанскаго края подъ татарскимъ владычествомъ.

Плано Карпини (1246). Собраніе путешествій къ татарамъ и другихъ восточнымъ народамъ. Пер. Языкова. Спб. 1825.

Путешественникъ дастъ скудныя указанія на границы территоріи, занятой Мордвой. «Къ команской землѣ прилегаютъ съ сѣвера непосредственно послѣ Руссіи Мордвины, Билеры, т. е. Великая Булгарія, Бастарки, т. е. Великая Венгрія» (25). Принимая Бастарковъ за Башкиръ (Бастаркъ, Баскартъ, Башкыртъ), мы должны признать, что Карпини имѣлъ довольно точныя представленія объ относительномъ положеніи мордовской территоріи. Описывая походъ татаръ на Русь и Венгрію, Карпини еще разъ упоминаетъ о Мордвѣ: «возвращаясь оттуда, вошли они въ землю Мордвиновъ, которые суть язычники и покорили ихъ. Оттуда прошли они на Билеровъ, т. е. въ Булгарію, и совершенно опустошили ее всю» (157).

Voyage de Roubruquis en Tartarie. Bergeron. Recueil de voyages, faits en Asie etc.

Сѣверную, лѣсистую часть страны между Волгой и Дономъ Р. населяетъ двумя народами. «Одни называются Мохелъ, у которыхъ нѣтъ никакого закона и которые суть чистые язычники. У нихъ нѣтъ ни городовъ, ни деревень, а только хижины, разбросанныя тамъ и сямъ въ лѣсахъ. Большая часть этого народа истреблена съ своимъ княземъ въ Германіи. Туда ихъ

увели татары. Они сохранили уваженіе къ нѣмцамъ и ждутъ, что тѣ когда-нибудь освободятъ ихъ отъ татарскаго рабства. Когда къ нимъ заходитъ какой нибудь чужеземный торговецъ, тотъ, у котораго онъ остановился, долженъ снабжать его всѣмъ, въ чемъ онъ почувствуетъ надобность. Они не ревнивы и мало безпокоятся, если узнаютъ, что кто нибудь спалъ съ ихъ женами, даже не повѣрятъ, если не увидятъ сами. У нихъ много свиней, меда, воска, богатыхъ мѣховъ (fourrures) и соколовъ. Другіе народы близкіе къ нимъ называются Merdas или Merclas; Латины ихъ называютъ Morduani.

Tomašek. Kritik der ältesten Nachrichten über den scythischen Norden. Sitzungsberichte der Philos.—philol. Classe der Kais. Akad. d. Wiss. CXVII Bd. Wien.

Статья Томашка, кромѣ приведенныхъ уже выше извѣстій западныхъ путешественниковъ, заключаетъ въ себѣ небезынтересные отрывки изъ двухъ авторовъ, оставшихся незатронутыми въ русской литературѣ. Венгерскій проповѣдникъ Юліанъ, возвращаясь изъ Булгара, проѣхалъ и regnum Morduanorum и такъ описываетъ этотъ народъ: «они язычники и до того свирѣпы, что не цѣнятъ ни во что человѣка, который не убилъ многихъ. Если кто изъ нихъ совершаетъ путь, передъ нимъ несутъ головы людей имъ убитыхъ и чѣмъ больше головъ, тѣмъ лучше онъ считается. Изъ череповъ дѣлаютъ они чаши и пьютъ изъ нихъ съ большой охотой. Человѣку, который не убилъ никого, не дозволяется жениться.» Бенедиктъ Полонусъ, разсказывая о покореніи Мордвы татарами, замѣчаетъ о Мордвѣ: «они язычники и выбриваютъ сзади большую часть головы.» Ср. ниже Митропольскій.

Іосифъ Барбаро. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи.

Барбаро посѣтилъ Россію въ 1436 г. и даетъ на страничкѣ, посвященной Мокшѣ, древнѣйшее извѣстіе о жертвоприношеніяхъ Мордвы.

Vitsen. Noort—ooster Gedeelte van Asia en Europa. Amst. 1705—1785. p. 632—628.

Трудъ Витсена знакомитъ насъ съ состояніемъ Мордвы въ концѣ XVII в. Авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о внѣшнемъ бытѣ народа (костюмъ, устройство жилища, занятія), вѣрованіяхъ, («единый богъ, творецъ неба и земли»), жертвоприношеніяхъ (развѣшиваніе на деревьяхъ шкуръ убитыхъ животныхъ), погребеніи и первый сборникъ мордовскихъ, недостаточно правильно записанныхъ, словъ. (Богъ—Scabas, солнце Sibas, луна—Cobas, громъ Atumzara).

Strahlenberg. Das Nord—und öst. Theil von Europa und Asia. Stock. 1730.

Извѣстія Страленберга о Мордвѣ заключаютъ въ себѣ почти столько же ошибокъ, сколько строкъ. Авторъ называетъ никому неизвѣстнаго мор-

довскаго бога Iumishi-pas, утверждаетъ, что Мордва не вѣшаетъ кожъ жертвенныхъ животныхъ на деревья, не ѣстъ конскаго мяса, не знаетъ многоженства.

К. Миллеръ. Описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россійской Имперіи. Спб. 1776. Ч. I.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ жертвоприношеніямъ, авторъ утверждаетъ ошибочно, что «огню не предаютъ ничего». Сообщеніе о томъ, что кости жертвенныхъ животныхъ бросаются въ рѣки, встрѣчаетъ себѣ подтвержденіе у позднѣйшихъ авторовъ (Дубасова).

Лепехинъ. Дневныя записки etc. Ч. I. Спб. 1795.

Академикъ Лепехинъ описываетъ въ своихъ запискахъ бытъ Черемисской Мордвы и сообщаетъ свѣдѣнія, относящіяся главнымъ образомъ къ внѣшнему быту: объ изготовленіи одежды (156, 158), окрашиваніи тканей (122), способахъ мытья бѣлья (151), о земледѣльческихъ орудіяхъ Мордвы (сабанъ 126). Въ сферѣ общественныхъ отношеній онъ останавливаетъ свое вниманіе на помочахъ (129—130) и свадебныхъ обрядахъ, констатируя многоженство (173) и левиратъ. Вѣрованія и культъ въ очеркѣ Лепехина обрисованы и блѣдно, и не точно. Мы не встрѣчаемъ хотя бы краткаго перечня мордовскихъ боговъ, мольбища описаны такъ, что вызываютъ недоумѣніе, кому они принадлежатъ—Чуванамъ или Мордвѣ (См. гл. V нашего очерка, стр. 254); тексты молитвъ искажены до неузнаваемости сначала при записываніи, потомъ при наборѣ и снабжены фантастическими переводами. Какъ образчикъ, приводимъ молитву солнцу. Текстъ. Кебеди Валючи каубавасъ тряда вишла шибавасъ кубавас. Переводъ. Вышнее солнце свѣтитъ все царство: свѣти и намъ на весь міръ.

Разбираясь въ подлинникѣ молитвы, мы находимъ, 1) что авторъ перепуталъ и тѣ испорченные тексты, которые были въ его рукахъ и отнесъ къ солнцу молитву, адресованную къ лунѣ (каубавас), 2) что безъ перевода остались слова шибавас (солнце) и ку(д)бавас (домовой богъ, счастье по современнымъ понятіямъ Мокши).

Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. Ч. I. Спб. 1799.

Характеристика Мордвы сдѣлана по Лепехину, Палласу и Миллеру.

Палласъ. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи. Спб. 1809. Ч. I.

Палласъ даетъ въ своемъ путешествіи описаніе женскаго костюма Эрзи и Мокши, заключающее въ себѣ указаніе на части, которыя въ настоящее время уже вышли изъ употребленія и встрѣчаются только при раскопкахъ

старыхъ кладбищъ (пулукерь), знакомитъ со стариннымъ устройствомъ мокшанской избы (114). Въ характеристикѣ религіозныхъ вѣрованій заслуживаетъ вниманія извѣстіе, что Мокша называла небо Шкаемъ (111). Онъ констатируетъ бракъ малолѣтнихъ съ взрослыми.

Фуксъ. Поѣздка изъ Казани къ Мордвѣ Каз. Губ. «Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1839, № 10.

Статья Фукса посвящена Мордвѣ Чистопольскаго и Спасскаго уѣздовъ. Авторъ знакомитъ съ ревультатами сожительства русскихъ съ Мордвой, съ остатками язычества, въ видѣ молитвъ, записанныхъ съ бо́льшей точностью, чѣмъ у Лепехина, хотя съ такимъ-же произвольнымъ переводомъ. На стр. 106 напр. начальныя строки мордовскаго текста заключаютъ въ себѣ имена Мастыр-авы и Норов-авы, а въ переводѣ ихъ нѣтъ. Цитируемая молитва замѣчательна тѣмъ, что въ ней упоминается единственный разъ во всей литературѣ духъ-хранитель сохи—сокан-кирди (107). Описаніе свадебныхъ обрядовъ отличается бо́льшей подробностью, чѣмъ у Лепехина. Въ концѣ статьи помѣщены въ переводѣ пѣсни.

С. Архангельскій. Жилища и занятія Мордвы. Маякъ 1845, т. XX.

Коротенькая замѣтка о. Архангельскаго содержитъ въ себѣ нѣкоторыя подробности относительно устройства стараго мордовскаго жилья (двойная дверь).

Орловъ. Памятники мордовской старины. «Жур. Мин. Вн. Дѣлъ». 1851. Ч. 33.

Статья свящ. Орлова заслуживаетъ упоминанія лишь потому, что въ перечнѣ боговъ мы встрѣчаемъ въ ней единственный разъ Луг-азыр'а. Главное содержаніе статьи составляютъ толкованія изъ мордовскаго языка мѣстныхъ названій. О достоинствѣ этихъ толкованій даютъ понятіе слѣдующіе примѣры: Шинекша—«день былъ бѣлый», Толуваково—«подойди къ огню», Автодѣево—село «охотника дѣлать отрицанія», Арзима—«рѣчка размышленія,» Карма-лей—«рѣчка начинанія».

Калачевъ. Замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ. «Архивъ Ист.-юрид. свѣд.», II-ч.

Покойный Калачевъ касается лишь на 4-хъ страницахъ быта Инсарской Мордвы, но эти страницы заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей свадебнаго и поминальнаго обрядовъ: похищеніе, бесѣда съ погребеннымъ на его могилѣ, путешествіе въ деревню съ мѣста поминовенія предковъ одного выборнаго (?), который разсказываетъ оставшимся вѣсти о покойникахъ (43).

Милковичъ. Описаніе Симбирскаго намѣстничества «Симб. губ. Вѣд.» 1851, № 31—2.

«Описаніе» Милковича составлено въ XVIII в. Сравнительно съ извѣстіями о Мордвѣ путешественниковъ XVIII в. оно содержитъ въ себѣ значительное количество новыхъ фактовъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь описаніе обрядовъ, которые практиковались при рожденіи ребенка и въ особенности при погребеніи (обертываніе покойника берестой, погребеніе на высотахъ).

Мельниковъ. Нижегородская мордва. «Симб. Губ. Вѣд». 1851 г., № 25.

Коротенькая статья Мельникова касается мало обслѣдованныхъ Терюшевской Мордвы и Нижегородской Мокши и заключаетъ въ себѣ новыя детали брачнаго обряда: озоритые пироги, роль Инь-ати и Им-бабы въ дѣлѣ назначенія калыма и водворенія молодой въ домѣ мужа, характерныя съ точки врѣнія религіозныхъ вѣрованій причитанія невѣсты, прощанье съ печкой—маткой, костюмъ невѣсты (рядъ браслетовъ до локтя) составъ жениховаго поѣзда, бѣгство жениха послѣ брака, вступленіе молодой въ домъ мужа со своимъ штатоломъ.

К.—Кузька, Мордовскій богъ. «Отеч. Зап». 1866, Авг. Кн. 2. Сент. 1—2.

Статья г. К. открывается общей характеристикой религіознаго настроенія обрусѣвшихъ Терюханъ. Рядомъ съ фактами, извѣстными уже изъ предшествующихъ авторовъ, мы находимъ въ ней нѣсколько новыхъ и очень цѣнныхъ; таковы указанія на обычай истязать икону, которой нѣсколько разъ безполезно возносились молитвы, языческія представленія о потребностяхъ христіанскаго божества (намазываніе медомъ губъ у наиболѣе чтимыхъ иконъ, угощеніе ихъ жеваными пряниками, виномъ, пивомъ, обвѣшиваніе холстами) и истязаніе жертвеннаго быка. Къ сожалѣнію, продолженіе не соотвѣтствуетъ началу, и, переходя къ своему основному предмету, авторъ сбивается съ фактической научной почвы и пускается въ область беллетристическихъ упражненій на канвѣ изъ искаженныхъ обрывковъ народнаго преданія. К. даетъ намъ подробнѣйшее описаніе наружности мордовскаго пророка, знакомитъ съ такими его похожденіями, о которыхъ никто, кромѣ самаго Кузьки, и знать не могъ; передаетъ намъ въ подробностяхъ его рѣчи—на сборищахъ Мордвы и въ кельяхъ дѣвушекъ-послушницъ. Беллетристическій элементъ плохого разбора заполняетъ всю статью и, какъ сорная трава, душитъ тѣ крупинки преданія, истины, которыя могутъ въ ней заключаться—мы говоримъ объ отношеніяхъ Кузьмы къ расколу и вліяніи раскольничьей обстановки на созданный имъ ритуалъ, объ его освободительно-національныхъ стремленіяхъ.

Прозинъ. Картины мордовскаго быта. «Пенз. Губ. Вѣд.» 1864. №№ 89—90.

Статейка Прозина заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности о жертвоприношеніи (барана) на могилѣ умершаго при его погребеніи, поминкахъ на кладбищѣ въ 9-й день, сопровождающихся обрядомъ «возношенія души». Въ описаніи домашняго моленія слѣдуетъ отмѣтить деталь, касающуюся формы поклоновъ, которые дѣлаетъ Мордва при молитвѣ.

Орловъ. Матеріалы для исторіи и статистики Симб. Губерніи. Симб. Вып. II. 1866.

Въ описаніи свадебнаго обряда заслуживаютъ вниманія сообщенія относительно обычая приглашать наканунѣ брака дѣвушекъ, которыя должны съ благословенія старшаго въ домѣ жениха звать на пиръ гостей (въ обрядахъ, связанныхъ съ этимъ приглашеніемъ, обнаруживается религіозное значеніе главы семейства); относительно обычая, обязывающаго каждаго изъ поѣзжанъ втыкать иглу въ полу кафтана; характеристика роли дружка (урведеи), обнаруживающая родство мордовскихъ и черемисскихъ свадебныхъ обычаевъ. Причитанія, которыя произноситъ невѣста въ ночь передъ бракомъ, дурно записаны по мордовски: авторъ, очевидно, вообразилъ, что слово чангодь, которое обыкновенно переводится русскимъ «помилуй», означаетъ особое божество и пишетъ его съ большой буквы; въ числѣ божествъ оказывается какая-то Лай-пазь. Что касается записаныхъ по русски, то между ними есть такія, которыя сохраняютъ интересъ новизны даже послѣ обстоятельнаго очерка г. Евсевьева; отмѣтимъ причитаніе на крыльцѣ родственника. Въ ряду причитаній, имѣющихъ мѣсто, когда пріѣзжаетъ женихъ съ поѣзжанами, интересно одно, заключающее въ себѣ воспоминанія о тяжелыхъ временахъ татарщины.

Кронтовскій, Свадьба у Мордвы Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи. «Сам. Губ. Вѣд.» 1866, 26.

Статья Кронтовскаго заключаетъ въ себѣ указаніе на роль родни въ дѣлѣ соглашенія между родителями жениха и невѣсты, любопытныя подробности относительно участія братьевъ въ прощальныхъ визитахъ невѣсты, символическаго выкупа невѣсты у родни матерью жениха (обычай оставлять въ каждомъ домѣ коровай хлѣба). Описывая обряды, съ которыми связано ея путешествіе въ церковь, и поведеніе непосредственно по окончаніи церковнаго обряда, авторъ даетъ рядъ яркихъ переживаній былого похищенія невѣсты. Описывая церемонію вступленія молодой въ домъ мужа, онъ приводитъ факты, свидѣтельствующіе о поклоненіи матери-печкѣ.

Мельниковъ. Очерки Мордвы. «Рус. Вѣст.» 1867; т. 69, 71.

Неконченная статья Мельникова представляетъ первый по времени опытъ историко-этнографическаго изслѣдованія Мордвы (Нижегородской гу-

берніи) на основаніи главнымъ образомъ рукописныхъ матеріаловъ, доставшихся автору отъ Нижегородскаго архіепископа Іакова. Въ свое время первыя главы его представляли самый полный сводъ данныхъ, относящихся къ исторіи Мордвы.

Наиболѣе интересную часть въ очеркѣ Мельникова составляютъ его соображенія относительно характера мордовскихъ вѣрованій. Здѣсь Мельниковъ стоитъ особнякомъ отъ другихъ авторовъ, писавшихъ о Мордвѣ: онъ отрицаетъ вещи, которыя единогласно констатируются другими, и сообщаетъ свои факты, неизвѣстные никому, кромѣ его. Онъ отрицаетъ поклоненіе Мордвы солнцу и лунѣ, какъ особымъ божествамъ, утверждаетъ, что другихъ боговъ она считаетъ безплотными добрыми духами (71, 218), подставляетъ вмѣсто солнечнаго бога Чи-Паза невѣдомаго и Эрзѣ Чамъ-Паса (219).

Оригинальность созданной Мельниковымъ мордовской теогоніи заключается въ томъ, что онъ ставитъ извѣстныхъ намъ духовъ явленій въ опредѣленныя родственныя отношенія между собою и представляетъ мордовскій Олимпъ въ видѣ рода, происшедшаго отъ богини Анге-Патяй. Система Мельникова представляется намъ въ высокой степени сомнительной. Прежде всего сомнѣніе возбуждаетъ самое имя богини: Анге-патяй, по толкованію Мельникова, слово въ слово означаетъ мать богиня.

На самомъ дѣлѣ слово Анге не встрѣчается ни въ одномъ изъ мордовскихъ словарей, а слово патяй значитъ вовсе не мать и не богиня, какъ предполагаетъ, повидимому, Мельниковъ (сравнимъ переводъ буламань-патяй) а тетка. Въ другихъ (какихъ?) мѣстахъ эта же богиня называлась будто-бы буламань-патяй и буламань-озаисъ—богиня бабушка, бабушка озаисовъ (божествъ низшаго разряда)—имя также сомнительное по своему составу; слова буламань нѣтъ ни въ одномъ нарѣчіи мордовскомъ, а озаисъ явилось, какъ результатъ неправильнаго чтенія попавшагося первоисточнику Мельникова въ рукописи слова озоксъ—моленіе. Относительно Нишке-паза справедливо только то, что онъ есть покровитель пчелъ. Что онъ былъ въ языческую пору богомъ неба и солнца, назывался еще Шиза (!?) пасъ и Иниче-пазъ—сыномъ Божіимъ, на половину невѣрно, на половину искажено. Въ христіанскую пору Нишке-пазомъ называется, дѣйствительно, почему-то Христосъ (сынъ Божій), но съ Ши-пазомъ Нишке-пазъ никогда не смѣшивался, а Иниче-пазомъ не могъ называться потому, что Ине-ши-пазъ можетъ значитъ богъ великаго дня, богъ Пасхи, а вовсе не Сынъ Божій.

Велень-пазъ по буквальному смыслу значитъ богъ деревни и такъ это имя толкуется всѣми писавшими объ Эрзѣ. Только при полномъ незнаніи мордовскаго языка можно говорить, что велень (род. п. отъ велс)=въ сокращеніи вель.

О третьемъ сынѣ Анге-Патяй Начаромъ-пазѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ писавшихъ о Мордвѣ, да и слова Начаромъ въ значеніи темный нѣтъ ни въ одномъ мордовскомъ нарѣчіи. Роли повелителя Аида онъ не могъ выполнять уже потому, что языческой Мордвѣ чуждо самое понятіе объ Аидѣ.

Вольцы-пазъ—четвертый сынъ Анге-патяй—представляетъ собою также ни

кому неизвѣстную фигуру, съ именемъ, несуществующимъ въ мордовскомъ языкѣ (если только мы не имѣемъ дѣла съ искаженнымъ именемъ Улцэ-пазъ, богъ улицы).

Изъ дочерей Анге-патяй Нишкенде-тевтерь, подобно своимъ братьямъ, неизвѣстна никому, кромѣ Мельникова и его первоисточника.

Во второй дочери А. П. Норавѣ-Апаручи не трудно признать Норуили Норовъ аву, но эпитетъ Апаручи едва-ли тутъ у мѣста. Слово апаручи, вѣроятно, есть искаженіе апара-ши=нехорошій день и не подходитъ къ богинѣ урожая. Пакся-патяй и Верья-патяй тождественны съ Пакся-авой и Вирь-авой.

О томъ, чтобы эти 4 богини произвели на свѣтъ первая Пургине-пазa, вторая Мастыръ-пазa, третья какого Вед-мастыръ-пазa, четвертая Варма-пазa, также мало извѣстно, какъ и о происхожденіи самыхъ богинь и ихъ братьевъ. Роль четырехъ послѣднихъ пазовъ обрисовывается Мельниковымъ не совсѣмъ точно. Соображенія его на счетъ Пургине пазa основаны на фантастической этимологіи. Имя Пургине Мельниковъ разлагаетъ на двѣ составныя части: пургъ означающее якобы бурю, грозу, и и н е сынъ и толкуетъ: богъ-сынъ грозы. О Ведъ-мастыръ-пазѣ—богѣ, якобы управляющемъ морями, рѣками, озерами, родниками и колодцами, никто не слыхалъ; въ этомъ лицѣ очевидно смѣшаны функціи земляного и водяного боговъ. О Варма-пазѣ мы также нигдѣ не встрѣчаемъ упоминаній: вѣтеръ всюду является созданіемъ Варм-авы.

Добрые духи-озаисы, какъ мы уже знаемъ, произошли вовсе не изъ искръ, высѣченныхъ матерью боговъ, а изъ менѣе возвышеннаго источника—неразборчиваго написанія мордовскаго слова озоксъ—моленіе.

Въ числѣ созданныхъ якобы Анге-патяй бзаисовъ Мельниковъ ставитъ на первомъ планѣ Анге-бзаисовъ—богинь, помогающихъ дѣторожденію и охраняющихъ дѣтей. Анге-бзаисъ существуетъ будто бы при каждомъ ребенкѣ. Намъ кажется, мы будемъ недалеко отъ истины, если дадимъ слѣдующее объясненіе сейчасъ названнымъ озаисамъ. Съ принятіемъ христіанства Мордва узнала о существованіи а н г е л о в ъ—хранителей и могла отвести имъ мѣсто въ ряду духовъ, охраняющихъ деревню, улицу, домъ, хлѣвъ. Въ честь этихъ новыхъ покровителей возникли и особые моляны—озоксъ. [1]) Какой нибудь наблюдатель занесъ эти анге-озксъ безъ всякихъ поясненій въ свои записи, а люди, незнакомые непосредственно съ мордовскимъ языкомъ и вѣрованіями, могли приложить къ этимъ словамъ свои комментаріи. Всѣ слѣдующіе бзаисы суть результатъ недоразумѣнія, возникшаго при ознакомленіи по чьимъ нибудь лаконическимъ записямъ съ различными молянами.

Юрта-озаисъ значитъ ничто иное, какъ Юрт-озксъ—домашній моляпъ. Коляда-бзаисъ (якобы березовый богъ)=молянъ Коляды.

Ангоръ-бзаисъ=айгор-озксъ—молянъ съ жеребцомъ или за жеребцовъ

Лишмань—бзаисъ (якобы богиня кобылъ и жеребятъ)=Лисьмань-озксъ—молянъ при родникѣ или Лишмень-озксъ—молянъ за кобылъ.

[1]) Въ с. Кильдюшевѣ Симбирской губерніи такой молянъ справляется дѣтьми около Троицы.

Таунь-озаисъ=таунь-озксъ—молянъ за свиней.

Рев-озаисъ=рев-озксъ молянъ за овецъ или съ овцой.

Пишки-ёзаисъ=пишке-озксъ, молянъ за пчелъ.

Акъ-шакалъ (якобы духъ бѣлой рыбы)-ёзаисъ = акше-к'олу-овксъ, моленье при или въ честь бѣлой березы.

Келу-ёзаисъ=Келу-озксъ—моленіе при или въ честь березы.

Тумо-озаисъ=Тумо-озксъ—моленіе при дубѣ или въ честь дуба.

Некше-ёзаисъ=моленіе при лицѣ.

Пиче-ёзаисъ=моленіе при соснѣ.

Шоть-ранъ—ёзаисъ и Керепь-озаисъ } явились изъ моляна (озкс) чочконь и керепь аванъ т. е. богинямъ лыкъ и бревенъ.

Суавтума-ёзаисъ — якобы покровитель пашни—возникъ, вѣроятно, изъ названія моляна, имѣвшаго мѣсто при пусканіи скота въ поле (совавтомс=пускать, вводить). Керетъ-ёзаисъ=керет-озкс, молянъ при началѣ пашни.

Пастъ-ёзаисъ=молянъ, названіе котораго, очевидно, искажено до неузнаваемости. Слова пастъ въ мордовскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ.

Мокшанская теологія изложена ближе къ дѣйствительности, но и она не обходится безъ сочиненія и промаховъ. Нарицательное азыр-ава=хозяйка, владычица обратилось въ собственное имя матери стихійныхъ богинь, супруги Мастыръ—кирди, владыки земли, а мужъ ея отождествляется безъ всякаго основанія съ Салтанъ—Кереметомъ.

Совсѣмъ иную степень достовѣрности имѣютъ легенды о сотвореніи міра и человѣка и жизни первыхъ людей. Легенды эти идутъ изъ того-же источника, что и родственныя черемисскія, вотяцкія, и отличаются только деталями.

Заслуживаютъ полнаго довѣрія и весьма интересныя данныя относительно языческаго чествованія христіанскихъ святыхъ (ib. 234)

Любопытны, хотя и не въ такой степени внушаютъ довѣріе, свѣдѣнія объ отождествленіи языческихъ боговъ съ христіанскими святыми (ib. 235).

Глава IV заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о мордовскихъ мольбищахъ —кереметяхъ (по нѣсколько посвященныхъ отдѣльнымъ божествамъ въ каждой волости). Мельниковъ различаетъ волостныя и деревенскія мольбища.

Описаніе языческихъ мордовскихъ мольбищъ согласно съ тѣмъ, что мы знаемъ по этому предмету относительно Черемшанскихъ Чувашъ, но по странной случайности Мельниковъ ничего не говоритъ о молебныхъ лачугахъ, по поводу которыхъ было столько пререканій между Мордвой и православнымъ духовенствомъ въ XVIII ст. Свѣдѣнія о молянахъ на кладбищахъ и устройствѣ языческихъ мордовскихъ могилъ (ib. 239) согласны съ тѣмъ, что мы знаемъ по этому предмету изъ актовъ XVIII в.

Въ отдѣлѣ о мордовскихъ жрецахъ Мельниковъ впадаетъ въ ошибки по невѣжанію мордовскаго языка. Выборные старики, по его словамъ, назывались ате-покшъ-тей—что будто бы значитъ хорошіе люди. На самомъ дѣлѣ приводимое имъ названіе состоитъ изъ словъ атя—отецъ и покштей=

дѣдъ и представляется искусственнымъ. Званіе первоприсутствующаго на молянѣ и хранителя принадлежностей богослуженія представляется неразрывно и пожизненно связаннымъ съ званіемъ деревенскаго или волостнаго старшины,—фактъ, очень интересный съ точки зрѣнія исторіи мордовскихъ общественныхъ отношеній, но, къ сожалѣнію, онъ не подтверждается ни сообщеніями другихъ писателей, ни нашими собственными данными: жреческія функціи оказываются всюду переходящими по очереди отъ одного домохозяина къ другому (240).

Названія низшихъ чиновъ, фигурировавшихъ при жертвоприношеніяхъ—янбеды, кашангороды, туросторы, позанбунаведы—настолько, повидимому, искажены, что добиться ихъ настоящей формы можно только по догадкамъ. Можно думать напр. что кашангороды является искаженіемъ кашангирды=хранитель каши (моленной), позанбунаведы, судя по началу слова, имѣли какое-то отношеніе къ пиву (поза), ямбеды—къ цамъ (ям)—вологѣ, которую М. ошибочно отождествляетъ съ мясомъ. V-я глава очерка посвящена мірскимъ молянамъ (вель овкс). На первыхъ строкахъ авторъ даетъ классификацію моляновъ, въ которой возбуждаетъ недоумѣніе только названіе деревенскихъ моляновъ (неціона-молянъ). Описаніе отдѣльныхъ моляновъ начинается съ тѣхъ, которые устроиваются по спеціальнымъ причинамъ—вслѣдствіе мора, напр. Мельниковъ пользуется здѣсь и своими личными наблюденіями и рукописными матеріалами, которые были ему доставлены бывшимъ нижегородскимъ архіепископомъ Іаковомъ, и матеріалами И. Географическаго общества и слѣдственнымъ дѣломъ о Кузькѣ-богѣ. Въ этомъ описаніи заслуживаютъ вниманія подробности относительно назначенія прявтомъ дня для моляна (274—5), сбора продуктовъ для моленныхъ кушаній (245—247), мимоходомъ брошенное замѣчаніе о пророчествахъ вопятей на молянахъ (250), самаго устройства моляна (плѣканіе вопяти ночью наканунѣ моляна на дерево, потомъ въ день моляна на кадку, подвѣшиваніе къ сучкамъ дерева на печныхъ заслонахъ мірскихъ яичницъ и пироговъ, раздѣленіе молящихся по поламъ, предварительная процедура предъ закланіемъ жертвеннаго животнаго). Детали, касающіяся собственно моленія, подозрительны. Глагола сакмемс—молчать, отъ котораго могла-бы получиться форма сакмеде—молчите, въ мордовскомъ языкѣ нѣтъ (у эрзи это значеніе имѣютъ чатъ менемсъ, лоткамсъ). Примѣчанія къ слѣдующей за этимъ воззваніемъ молитвѣ производятъ впечатлѣніе мистификаціи, которая назначалась для людей, незнающихъ мордовскаго языка: вамарта, читаемъ мы въ этомъ примѣчаніи, значитъ «усердно молитесь», «пащинъ коди»—кланяйтесь ниже [1]). Которое изъ первыхъ двухъ словъ значитъ усердно и которое молитесь? По порядку слѣдуетъ одно значеніе дать словечку ва, второе—марта. Въ дѣйствительности самостоятельнаго словечка ва у Мордвы вовсе не существуетъ, а марта — неизвѣстное Эрзѣ — у Мокши значитъ съ, пайгуре—не существуетъ ни въ одномъ нарѣчіи мордовскомъ, андря, можетъ быть, представляетъ изуродованный conjunctif отъ

[1]) Фраза «пащинъ-коди» есть, несомнѣнно, искаженіе воззванія: «назчангодь»=«Боже помилуй».

глагола andoms ѣсть, остальныя слова не имѣютъ никакого смысла. Возпаналом представляетъ, вѣроятно, собою изуродованое ознома-палъ. Возношенье и сожженіе жертвы, возліяніе на огонь и на корни священнаго дерева пуре, сожженіе или зарываніе остатковъ могли происходить приблизительно такъ, какъ описываетъ ихъ Мельниковъ; участіе дудниковъ въ молянѣ представляется также довольно вѣроятнымъ по аналогіи съ тѣмъ, что мы знаемъ относительно черемисъ. Молитва ко всѣмъ стихійнымъ богамъ, которую будто-бы произноситъ в о з я т я, должна имѣть только очень отдаленное сходство съ тѣми, которыя произносились въ дѣйствительности и о характерѣ которыхъ можно судить по аналогіи съ черемисскими и вотяцкими.

VI глава посвящена загадочной Анге—патяй и молянамъ въ честь ея и ея четырехъ дочерей. Здѣсь мы узнаемъ, что Анге—патяй въ отличіе отъ другихъ мордовскихъ богинь представлялась Мордвѣ то вѣчно юной дѣвой, покровительницей дѣвицъ, то богиней—покровительницей раждающихъ. Отсюда будто-бы два моляна ей—лѣтній, совершавшійся въ поляхъ или рощахъ близь источника дѣвушками и вдовами, другой зимній, совершавшійся женщинами въ домахъ. На той-же страницѣ, но нѣсколько ниже, Мельниковъ перечисляетъ уже восемь моляновъ въ честь богини. На стр. 399—401 мы читаемъ характеристику Анге-патяй и ея міровой роли. Выдѣляясь по своему содержанію изъ всего того, что мы знаемъ о мордовской миѳологіи, характеристика эта заключаетъ въ себѣ подозрительныя детали, кидающія невыгодный свѣтъ и на все остальное. На стр. 401 мы читаемъ напр. «(волну) она краситъ въ небесной лазури, въ красномъ солнцѣ, въ желтомъ мѣсяцѣ, въ алой зарѣ и этой разноцвѣтной шерстью вышиваетъ на рубашкахъ боговъ по мордовскому обычаю подолъ и плечо. Радуга—это подолъ рубашки Нишки—паза, вышитый матерью его Анге—патяй». Послѣднія строки этой тирады опровергаются мордовскимъ названіемъ радуги «а т я м ъ—й о н к с»—лукъ грома. Согласно этому названію Мордва, подобно Черемисамъ и Пермякамъ, разсматриваетъ радугу, какъ лукъ бога неба или грома. Мало вѣроятны и красивыя подробности объ окрашиваніи шерсти: ихъ не могла создать Мордва, считающая солнце, луну и зарю живыми существами, а не бездушной матеріей.

Описаніе бабань—каши существенно отличается отъ другихъ намъ извѣстныхъ. На молянѣ, который совершаютъ въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ, по словамъ Мельникова, могли участвовать только старухи; вдовы и замужнія исключались. Старухи шли на ключъ, неся березы, увѣшанныя бѣлыми платками или полотенцами, пятнадцать горшковъ съ кашей, живую овцу и 9 куръ. Здѣсь читается молитва, которую Мельниковъ заимствуетъ изъ записей священника Шаверскаго и которая любопытна тѣмъ, что въ ней ни раза не упоминается Анге-патяй.

Въ описаніи рождественскаго моляна Анге-патяй мы открываемъ подробность, также рѣзко противорѣчащую всему тому, что говорится объ этомъ предметѣ другими писателями. «Мордва при каждомъ моленіи, совершаемомъ въ домѣ, читаемъ мы на стр. 416, непремѣнно открывала окно и, молясь, смотрѣла черезъ него на небо» На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, язычествующая Мордва въ такихъ случаяхъ обращалась къ порогу. По по-

воду молитвы, которая произносится при этомъ моленіи, Мельниковъ замѣчаетъ, что она до сихъ поръ на русскомъ языкѣ употребляется въ Самарской губерніи, но безъ упоминанія именъ языческихъ боговъ.

На стр. 419—описывается «петіона—молянъ» въ честь «буламань—патяй». На этихъ молянахъ жрицей являлась будто-бы деревенская повитуха—буламань. Въ праздникѣ принимали участіе однѣ супружескія пары и ихъ дѣти.

Русановъ. Мордовскій молянъ. «Пенз. Еп. Вѣд.» 1868, 1.

Коротенькая статья Русанова относительно моляна, имѣющаго мѣсто на Троицкой недѣлѣ, не заключая въ себѣ какихъ-либо новыхъ данныхъ, заслуживаетъ вниманія, какъ матеріалъ для критики нѣкоторыхъ сомнительныхъ деталей, которыя Мельниковъ и Майновъ вводятъ въ мордовскую церемонію жертвоприношенія (—взлѣзаніе старика на дерево, обрызгиваніе оттуда водой). Согласно со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ изъ другихъ источниковъ о родичахъ Мордвы, Русановъ констатируетъ обычай вѣшать кожу жертвеннаго животнаго на сукѣ дерева, подвѣшивать къ нимъ-же мѣшокъ съ кусками праздничныхъ снѣдей.

Иллюстровъ. Обряды Мордвы при погребеніи и поминовеніи умершихъ. «Пенз. Еп. Вѣд.». 1868, № 3.

Описаніе погребальнаго обряда заключаетъ въ себѣ интересную подробность, которой можетъ воспользоваться археологъ: указаніе на обычай пришивать сверточекъ съ монетой къ одеждѣ умершаго. Слѣдуетъ также упомянуть о сближающемъ Мордву съ Черемисами обычаѣ класть въ гробъ палку, которой усопшій долженъ обороняться отъ собакъ въ загробномъ мірѣ. Свѣдѣнія о выборѣ замѣстителя, который долженъ изображать покойнаго на поминкахъ, заключаютъ въ себѣ деталь, не замѣченную другими авторами: обычай просить усопшаго дать замѣстителю свою душу. Въ описаніи «сорочинъ» можно отмѣтить подробности, касающіяся чествованія замѣстителя и закланія обѣщаннаго животнаго (обычай просить у него прощенія).

Примѣровъ. Религіозные обряды и суевѣрные обычаи Мордвы Краснослободскаго у. «Пенз. Еп. Вѣд.». 1870, № 16.

Въ описаніи моляновъ заслуживаютъ вниманія указанія на роль женщины (523), подробности путешествія новобрачной на воду (524), поминокъ въ 40-й день (вареніе жертвеннаго барана, а на общихъ поминовеніяхъ быка цѣльнымъ, проводы замѣстителя и прощаніе съ нимъ—526—7), раскладываніе на могилѣ одежды покойнаго (528).

Снѣжницкій. Мордовскій праздникъ «Вермавы» (Вербное Воскресенье) и «Вирявы». «Пенз. Еп. Вѣд.» 1871, № 19—21.

Статья о. Снѣжницкаго трактуетъ о чрезвычайно характерномъ явленіи религіозной жизни крещеной Мордвы—поклоненіи христіанскому празднику, олицетворенному въ видѣ женщины. Самый обрядъ представляетъ собою подражаніе русскому (верьма кристъ—верба хлестъ), но у Мордвы онъ принялъ значеніе моляна молодежи (разгулъ, ѣда жертвенной пищи послѣ молитвы, которую произноситъ старуха). Статья о вирь-авахъ содержитъ интересную легенду о происхожденіи духовъ изъ душъ умершихъ, проклятыхъ богомъ людей (631).

П. Смирновъ. Мордовское населеніе Пензенской губерніи. «Пенз. Епарх. Вѣд.» 1874, №№ 1, 2, 3, 5, 6, 9, 21, 22, 24; 1875, №№ 1, 2, 4—7, 10.

Очеркъ о. Смирнова имѣетъ компилятивный и недостаточно критическій характеръ. № 1—заключаетъ въ себѣ сжатый очеркъ исторіи Мордвы. Отъ себя авторъ прибавляетъ немногое. Отмѣтимъ легенду о князѣ-пахарѣ Тюштянѣ (стр. 22), обряды при рожденіи младенца (обведеніе ножемъ младенца и всѣхъ отверстій въ домѣ, замахиваніе на родильницу топоромъ (60), повѣрье относительно собраній покойниковъ на кладбищахъ (103), извлеченіе изъ дѣлъ Пензенской дух. консисторіи о положеніи Мордвы въ первое время послѣ крещенія и объ отношеніи духовенства къ такимъ особенностямъ мордовскаго быта, какъ бракъ малолѣтокъ съ взрослыми.

Изъ донесеній мѣстнаго духовенства, относящихся къ первой половинѣ текущаго столѣтія о. Смирновъ извлекаетъ очень интересныя детали относительно устройства поминальнаго моляна въ Дмитріевскую субботу (около 26 окт.): поклоненіе на с̀веръ, сжиганіе озондомъ пала на печномъ челѣ, столбикъ для иконы и храмина («часовня») среди деревни, въ которой закалали гуся, варили пуре и съѣдали послѣ мольбы жертвенное мясо (1875, № 2, стр. 2—3) По образцу этого моляна устраивались, по словамъ донесенья, и другіе: въ четвергъ пасхальной недѣли по гумнамъ и овинамъ, въ день Петра и Павла и на третій день послѣ праздника (о дождѣ и хлѣбѣ; жертва 2 овцы) въ день іюльскаго новодунья о лошадяхъ (жертва—козелъ; перегонъ лошадей черезъ ровъ съ живымъ огнемъ). Изъ тѣхъ-же источниковъ авторъ извлекаетъ извѣстія о ношеніи женщинами на шеѣ амулетовъ—медвѣжьихъ и лисьихъ ногтей, подробности устройства моляна бабань-каши (подвѣшиваніе корзинки съ кашей на вѣтвяхъ дерева), о цвѣтѣ жертвъ (бѣлый и черный) и керемети въ первый воскресный день послѣ сентябрьскаго полнолунья (свѣчи спиралью), о мольбѣ братчинами, пасхальномъ молянѣ въ овинахъ (бросаніе вверхъ яицъ), приготовленіи яичницы въ среду на страстной недѣлѣ, закланіи женщиной пѣтуха въ пятницу, потребленіи скоромной пищи въ субботу, подробности погребальнаго обряда (гостинцы дѣтямъ и внукамъ, обхожденіе женщины со свѣчей вокругъ гроба, поклоненіе жертвенному

быку), оплакиваніе замѣстителя покойнаго въ 40-й день, прощаніе съ покойниками на кладбищѣ въ родительскую субботу, описаніе рождественскаго домашняго моляна (№ 5).

В. Новочадовъ. Мордва. «Тамб. Еп. Вѣд.» 1876, № 14.

Статья Новочадова интересна главнымъ образомъ тѣмъ, что въ ней констатируются случаи поруганія иконъ (сѣченіе, оборачиваніе головой). Сообщенія относительно мордовскихъ пѣсенъ и моляновъ обличаютъ незнаніе предмета (400). Въ остальномъ можно отмѣтить повѣрья и обряды относительно домоваго (401), подробность погребальнаго обряда (обычай класть съ умершей женщиной недошитую рубашку съ иглой).

Митропольскій. Мордва. Религіозныя воззрѣнія ихъ, нравы и обычаи. «Тамб. Еп. Вѣд.» 1876, № 12, 13.

Статья о. Митропольскаго содержитъ въ себѣ указанія на культъ деревьевъ, описаніе моляна ведь-озксъ (362), повѣрье относительно происхожденія медвѣдя (362), текстъ заклинанія при омовеніи новорожденнаго (364), особенности моленія новобрачной на рѣкѣ (372), преданіе о погребеніи въ колодахъ (373), особенности погребальнаго обряда (выносъ—покойника на длинныхъ шестахъ (37), погребеніе по роду занятій съ лошадью, ульемъ и т. д.) и костюма погребеннаго (надѣваніе на косу мѣдной трубки 374) повѣрія относительно кушаній, которыя готовили во время предсмертной агоніи больнаго, о единоборствѣ при поминкахъ въ 40-й день двухъ выборныхъ стариковъ или старухъ (375), свѣдѣнія о пасхальномъ домашнемъ молянѣ въ честь усопшихъ (375), обращеніе съ мольбой къ умершимъ на С. (375), воспоминанія о быломъ судопроизводствѣ Мордвы («сборъ» на озерѣ, испытаніе троекратнымъ перетаскиваніемъ подозрѣваемаго на бичевѣ за шею черезъ озеро, наказанія убійствомъ, отрубаніемъ членовъ, снятіемъ кожи—(377), описаніе костюма (377—выстриганіе волосъ на маковкѣ).

Трироговъ. В. Г. Мордовскія общины. «Р. Старина.» 1880, кн. 6.

Статья г. Трирогова не вполнѣ соотвѣтствуетъ названію. Объ общинномъ началѣ здѣсь читатель найдетъ очень мало. Она представляетъ собою рядъ этнографическихъ замѣтокъ, заключающихъ въ себѣ мало новаго по сравненію съ предшествующей литературой. Нѣкоторый интересъ представляютъ замѣчанія объ устройствѣ бабами моляна на Петровъ день въ оврагѣ «Ознама латко», о домашнемъ распорядкѣ въ большихъ семьяхъ, объ оригинальномъ способѣ просить прощенія рыбой, о снисходительности семейныхъ къ грѣхамъ солдатки, объ артельномъ пользованіи банями, неясныя воспоминанія мѣстныхъ стариковъ о времени, когда «молились» жертвенному быку (257).

Голицынъ. Мордва въ Хвалынскомъ уѣздѣ. «Саратовскій сборникъ». Т. I. Сар. 1881.

Очеркъ князя Голицина содержитъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, которыя дополняютъ слагающіяся на основаніи предшествовавшей литературы представленія о вѣрованіяхъ Мордвы. Мы находимъ у него указанія на Толъ-аву (мать огня), Мастрынь-аву (мать земли). Приводимыя авторомъ молитвы интересны по обнаруживающимся въ нихъ антропоморфнымъ воззрѣніямъ на божество (стр. 180).

Изъ очерка о моляпахъ видно, что авторъ не подозрѣваетъ существованія у Мордвы ряда моляновъ и приписываетъ различіе во времени и обстановкѣ моляна мѣстнымъ особенностямъ (181). Описывая молянъ у священнаго дуба въ честь Салтанъ-керемети, авторъ напротивъ обобщаетъ мѣстный элементъ: онъ утверждаетъ, что священный дубъ, который находится при каждой деревнѣ, называется ине-чи-тумо (дубъ великаго дня), между тѣмъ какъ этимъ названіемъ только отдѣляется отъ другихъ дубъ, подъ которымъ производится молянъ около Пасхи. Къ сожалѣнію, авторъ не даетъ болѣе или менѣе ясныхъ представленій о Салтанъ-керемети, томъ божествѣ, въ честь котораго совершается моленіе. Страницы, посвященныя этому моляну, содержатъ интересныя подробности относительно культа деревьевъ.

На стр. 184 г. Голицынъ описываетъ любопытное леченіе отъ «липоратки», на стр. 185 пріемы предохраненія новорожденнаго отъ вѣдуновъ. Въ описаніи свадебнаго обряда слѣдуетъ отмѣтить выкупъ печки (187), поведеніе братьевъ невѣсты—«урвялата» (189—190). Описаніе погребальныхъ и поминальныхъ обрядовъ дастъ подробности относительно сусвѣрнаго почтенія къ мусору, выброшенному послѣ покойника, роли женщинъ въ устройствѣ сорочинъ и значенія замѣстителя (при поминкахъ) въ 40-й день («душа покойнаго», Эзе-мозей).

Образцы мордовской народной словесности. Выпускъ I. Пѣсни. Казань. 1882. Вып. II. Сказки и загадки. Казань. 1883.

Сборникъ Православнаго Миссіонерскаго Общества является однимъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ русскую литературу о Мордвѣ. Предлагая матеріалъ, записанный людьми, чуждыми всякихъ предвзятыхъ идей, которыя служатъ иногда поводомъ къ фальсификаціи, онъ помогаетъ намъ уяснить на почвѣ народнаго творчества многія темныя стороны быта и вѣрованій. Мы широко воспользовались имъ въ своемъ очеркѣ и читатель могъ замѣтить, что, благодаря заключающимся въ немъ даннымъ, оказалось возможнымъ въ главѣ объ общественныхъ отношеніяхъ освѣтить и рельефнѣе выдвинуть такіе моменты въ исторіи семьи, какъ служившее интересамъ главы семьи соединеніе брачными узами ребенка съ взрослой дѣвицей, левиратъ и многоженство, въ главѣ о погребальныхъ обрядахъ и культѣ предковъ намѣтить вѣроятность погребенія на распутіяхъ и выдвинуть каннибальскія наклонности, приписываемыя умершимъ, въ главѣ о религіозныхъ вѣрованіяхъ намѣтить признаки анимистическаго созерцанія всей природы,

роль деревьевъ въ культѣ боговъ, констатировать каннибальскія наклонности однихъ боговъ, супружескія связи съ земными женщинами другихъ и наконецъ провѣрить Мельниковско-Майновскую схему отношеній между отдѣльными богами.

В. Майновъ. Очеркъ юридическаго быта Мордвы. Спб. 1885.

«Очеркъ юридическаго быта Мордвы» пользуется почтенной репутаціей въ русской этнографической литературѣ и премированъ Императорскимъ Географическимъ Обществомъ. Какъ крупная работа, широко и въ культурно-исторической перспективѣ охватывающая мордовскія общественныя отношенія, какъ сводъ предшествовавшихъ литературныхъ данныхъ, онъ и въ настоящее время заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователя. Въ отношеніи названной перепективы слѣдуетъ обратить вниманіе на страницы, посвященныя истолкованію обрядовъ похищенія. Не слѣдуетъ однако слишкомъ полагаться на всѣ выводы и положенія автора. Въ книгѣ не мало ошибокъ и на почвѣ фактовъ и въ области обобщеній. Начинаются онѣ съ первыхъ страницъ книги. На стр. 3-ей мы читаемъ противорѣчивыя соображенія на счетъ того, знала-ли Мордва родъ въ смыслѣ совокупности семей, связанныхъ сознаніемъ происхожденія отъ одного предка и составлявшихъ нѣкогда одно цѣлое въ соціальномъ отношеніи. Авторъ какъ будто и отрицаетъ возможность этого, но безъ надлежащей рѣшительности. На стр. 121 онъ положительно отрицаетъ существованіе въ мордовскомъ языкѣ слова для обозначенія рода.

Между тѣмъ факты говорятъ положительно за существованіе у былой Мордвы въ довольно развитомъ состояніи родоваго быта. Соображенія о значеніи родства въ смыслѣ препятствія къ браку (стр. 5) опираются на весьма сомнительныхъ сообщеніяхъ Мельникова о женитьбѣ мордовскихъ боговъ на своихъ дочеряхъ. Этимологія названій родства (стр. 17) заключаетъ въ себѣ слишкомъ смѣлыя сближенія (пора ‖ покадемс—бить палкой). На стр. 21 ошибочно высказывается догадка, что страсти человѣка оканчиваются его могилой, за которой наступаетъ время безстрастнаго существованія. На стр. 28 Майновъ высказывается отрицательно по вопросу о соединеніи бракомъ малолѣтнихъ, но не оговаривается—имѣетъ-ли онъ въ виду случаи сочетанія малолѣтняго съ взрослой, повидимому оставшіеся ему неизвѣстными. На стр. 31 Мастыръ—пазъ называется мужемъ Ведынь-азыръ-авы — отношенія, неизвѣстныя даже Мельникову, у котораго М. заимствуетъ свою миѳологическую схему. На стр. 59 село Пичилейка Городищ. у. названо мокшанской деревней, тогда какъ тамъ Мокши въ настоящее время не осталось и слѣда, если не считать расположенное близъ села языческое кладбище—мокшань-галма. На стр. 60 слишкомъ игриво истолкованъ обрядъ принесенія жертвы домовымъ богамъ.

На стр. 122 Майновъ утверждаетъ, что у Мордвы мужъ не имѣлъ никакого права продавать или закладывать жену. Между тѣмъ Лепехинъ приводитъ мордовское преданіе о томъ, что мужъ имѣлъ право продать не только жену, но и прижитыхъ съ нею дѣтей, если жена переставала ему нравиться.

М. Гребневъ. Село Флоркино, или Ерзовка Бугурусланскаго уѣзда. «Сам. Еп. Вѣд.» 1885, № 22—27.

Статья о. Гребнева представляетъ значительный интересъ въ виду сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній о раскольничьихъ сектахъ, пріобрѣвшихъ адептовъ среди Мордвы.

В. Богословскій. Лѣтопись о церкви и приходѣ села Великаго Врага Арзамасскаго у. Нижегородской Епархіи. «Ниж. Еп. Вѣд.» 1886, № 10.

Статья о. Богословскаго заключаетъ въ себѣ извлеченныя изъ причитаній, дурно понятыхъ за незнаніемъ языка, замѣтки объ языческихъ божествахъ. Рядомъ съ Кудопжинь-паз'омъ и Кордас-сярко'мъ въ качествѣ божества фигурируетъ молитвенная формула Паз-чанготь. Приводимое авторомъ преданіе о Кузькѣ-богѣ можетъ только показывать, съ какой осторожностью слѣдуетъ относиться къ этому матеріалу при реставраціи его дѣятельности.

М. Гребневъ. Мордва Самарской губерніи. Историко-этнографическій очеркъ. «Сам. Еп. Вѣд.» 1886, № 20—24, 1887, № 1—2.

Въ I отдѣлѣ очерка о. Гребнева сообщаются краткія историческія свѣдѣнія относительно Мордвы вообще, невсегда надлежащимъ образомъ освѣщенныя («народъ мордовскій уже тогда имѣлъ многочисленное дворянство или аристократію въ старѣйшинахъ князьяхъ»). На характеристикѣ древнихъ вѣрованій замѣтно вліяніе Мельникова («Чамъ-пасъ»), хотя объ этомъ авторѣ о. Гребневъ и умалчиваетъ въ перечнѣ пособій. Сообщеніе, будто Мордва до сихъ поръ называетъ себя Мари (410), явно ошибочно и показываетъ, что авторъ мало имѣлъ непосредственныхъ отношеній съ Мордвой; отождествленіе Мокши съ Мещерой не обставлено доказательствами. Болѣе цѣнности представляетъ окончаніе отдѣла, въ которомъ намѣчается современное распредѣленіе Мордвы въ Самарской губерніи (полный списокъ мордовскихъ селеній) и высказываются соображенія о порядкѣ переселенія въ нее Мордвы (№ 23).

Второй отдѣлъ даетъ характеристику семейно-общественныхъ отношеній и религіозныхъ вѣрованій Самарской Мордвы. Новаго здѣсь послѣ книги Майнова мы, конечно, ничего не найдемъ, кромѣ указаній на спохачество—преимущественно у Эрзи. Остатки языческихъ вѣрованій обрисованы по Мельникову и ранѣе напечатаннымъ въ Сам. Еп. Вѣд. (1868, № 1, 2, 1875, 12, 19) статьямъ Беневоленскаго и Бѣлорѣченскаго. Страницы, посвященныя сектантскому движенію, представляютъ повтореніе того, что было сказано въ ранѣе напечатанной статьѣ автора. Въ характеристикѣ экономическаго быта обращаетъ на себя вниманіе указаніе на попытки поддержать падающее лѣсное хозяйство наложеніемъ на лѣсъ заклятія (№ 2, стр. 42, 43). Описаніе одежды заимствовано у Черемшанскаго.

Можаровскій. А. Ѳ. Инородцы христіане Нижегородской епархіи сто лѣтъ тому назадъ. «Ниж. Еп. Вѣд.» 1886, № 1—2.

Статейка г. Можаровскаго составлена на основаніи находящагося въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ Нижегородской духовной семинаріи рукописнаго словаря инородческихъ нарѣчій губерніи. Рукопись называется «Словарь языковъ разныхъ народовъ, въ нижегородской епархіи обитающихъ, имянно: россіянъ, татаръ, чювашӗ, мордвы и черемисъ, по Высочайшему соизволенію и повеленію Ея Императорскаго Величества Премудрой Государыни Екатерины Алексѣевны... по алфавиту россійскихъ словъ расположенный и нижегородской семинаріи отъ знающихъ оные языки священниковъ и семинаристовъ, подъ присмотромъ Преосвященнаго Дамаскина Епископа Нижегородскаго и Алатырскаго, сочиненный 1785 г., въ 2-хъ томахъ». Изъ статьи г. Можаровскаго видно, что въ словарѣ участвовали «свѣдующіе изъ обратившихся въ христіанскую вѣру татаръ, мордвы, чувашъ и черемисъ» и при записи инородческихъ словъ было обращено вниманіе на ударенія. Епископъ Дамаскинъ счелъ небезполезнымъ приложить къ словарю краткія свѣдѣнія объ инородцахъ Ниж. губерніи.

Въ краткомъ описаніи этомъ относительно Мордвы сообщаются свѣдѣнія о степени ея обрусѣнія, устройствѣ жилищъ дверями къ востоку, былаго поклоненія солнцу. Религіозныя вѣрованія обрисованы немногими словами и эта скудная характеристика прилагается только къ обрусѣвшей Мордвѣ.

Гр. П—въ. Мордовское село Лобаски. «Ниж. Епарх. Вѣд.» 1887, №№ 13, 14.

Очеркъ заключаетъ въ себѣ преданіе объ основаніи села, обстоятельствахъ крещенія жителей, характеристику языческихъ вѣрованій и описаніе свадебныхъ и погребальныхъ обрядовъ, домашнихъ и общественныхъ молянов̆ъ.

Въ описаніи свадебнаго обряда мы встрѣчаемъ указаніе на любопытный обычай, въ силу котораго женихъ даетъ знать родителямъ невѣсты о своемъ желаніи посвататься, подъѣзжая ночью верхомъ къ ихъ дому и вѣшая у воротъ его коровай хлѣба. Еще болѣе цѣнными являются сообщенія о томъ, что въ былое время у Мордвы допускались женитьба на родныхъ сестрахъ, многоженство, умыканіе дѣвицы безъ ея согласія. Говоря о погребальномъ обрядѣ, авторъ даетъ цѣнное въ археологическомъ отношеніи описаніе устройства древнихъ мордовскихъ могилъ и попутно упоминаетъ о существованіи близъ села древняго кладбища. На страницахъ, посвященныхъ современному духовному развитію Мордвы, г. П—въ сообщаетъ о любопытномъ обычаѣ женщинъ опоясывать въ ночь на Успеніе собраннымъ въ складчину холстомъ церковь (134).

Mainov. Les restes de la mythologie mordvine. «Journal de la Société Finno—Ougrienne», V. Hels. 1889.

Изслѣдованіе подъ выписаннымъ выше заглавіемъ составляетъ посмертный трудъ В. Н. Майнова. Покойный изслѣдователь Мордвы пытается дать въ этомъ трудѣ систему религіозныхъ вѣрованій Мордвы и намѣтить былыя формы языческаго культа на основаніи данныхъ литературы и собственныхъ наблюденій, сдѣланныхъ во время путешествія къ Мордвѣ въ 1877 г. На стр. 24—51 онъ описываетъ торжественное мордовское богослуженіе, на стр. 51—99 обряды, употребляемые при различныхъ случаяхъ обыденной жизни—родинахъ (52), похоронахъ (87), во время различныхъ полевыхъ работъ, при постройкѣ дома и новосельи, способы гаданья, примѣты и въ заключеніе даетъ систему мордовской миѳологіи. Наиболѣе цѣнную часть труда составляетъ сводъ литературныхъ данныхъ. Къ результатамъ собственныхъ наблюденій автора при всемъ почтеніи къ его памяти приходится отнестись съ большой осторожностью. Видно, что къ тому времени, когда Майновъ началъ обработывать свой матеріалъ, его воспоминанія утратили уже значительную долю своей живости, представленія о мѣстахъ сгладились или перепутались. Отсюда неопредѣленность указаній въ однихъ случаяхъ, ошибки въ другихъ случаяхъ, и какъ-будто сочиненіе въ третьихъ. На стр. 8 мы читаемъ, что «les chroniques russes parlent quelquefois de certains devins ou magiciens mordvines» Что это за chroniques, авторъ не считаетъ нужнымъ говорить и не безъ основанія: лѣтописей, въ которыхъ говорилось бы о мордовскихъ ворожеяхъ и колдунахъ, нѣтъ. На стр. 18 Нестору приписывается извѣстіе, что Мордва украшала вѣтки деревьевъ полотенцами и покланялась имъ (дер). На стр. 16 разсказывается о молянѣ въ честь Ведь-авы, который праздновался въ с. Пичилейкѣ Городищенскаго у. Пензенской губерніи въ бытность тамъ автора. Моленіе происходило днемъ на берегу рѣки; по окончаніи его нѣкоторые смѣльчаки бросились, не раздѣваясь, въ воду: это были молодые, которые хотѣли жениться. Ночью, продолжаетъ Майновъ, сидя на деревѣ, я слѣдилъ за происходившими на полянкѣ на берегу рѣки религіозно-эротическими сценами. Мы не знаемъ, какъ назвать этотъ разсказъ—бредъ ли это памяти или безцеремонная мистификація, разсчитанная на то, что читателю не придется провѣрить автора. Мы посѣтили Пичилейку въ 1891 г. и можемъ засвидѣтельствовать, 1) что Пичилейка стоитъ въ чистомъ полѣ и никакихъ молебныхъ полянокъ, которыя бываютъ только въ лѣсахъ, около нея не имѣется; вмѣсто глубокой рѣчки, въ которую только смѣльчаки рѣшаются бросаться, не раздѣваясь, черезъ нее протекаетъ ручей вершка въ 2—3 глубиной. Пичилейка населена Эрзей и жители ея не могутъ называть богиню воды мокшанскимъ именемъ «Ведь-азыр-ава».

На стр. 19 Майновъ говоритъ о духахъ деревьевъ Келу-озаисъ, Тума-озаисъ и Некше-озаисъ, при молянахъ которымъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ онъ будто-бы присутствовалъ (гдѣ и въ какое время?). Намъ кажется страннымъ, что рѣчь объ озаисахъ имѣетъ мѣсто въ сочиненіи человѣка, который не по книгамъ только знаетъ Мордву: слово озаисъ неизвѣстно ни Эрзѣ, ни

Мокшѣ. У Мельникова оно понятно; онъ могъ не разобрать въ рукописи Макарія слова *оз(о)кс* и прочиталъ *и* вмѣсто *к*, [1]) но какъ можетъ повторять его ошибку Майновъ, знавшій оба мордовскихъ нарѣчія? Въ текстѣ молитвъ, которыя будто-бы произносились въ присутствіи Майнова во время этого моляна, насъ смущаетъ воззваніе «Pekché-paz». У Макарія, который описываетъ нижегородскую Эрзю, оно понятно и очень сомнительно у Мокши, которая для обозначенія разныхъ духовъ природы употребляетъ слова азыръ, азыр-ава или просто ава, атя. На 22—23 страницѣ мы находимъ пѣсню, будто-бы записанную въ Пичилейкѣ Городищенскаго уѣзда, которая вызываетъ рядъ недоумѣній своимъ содержаніемъ. Въ пѣснѣ этой дни недѣли называются именами божествъ, какъ въ современномъ французскомъ или нѣмѣцкомъ языкахъ: понедѣльникъ—день молодой луны (lundi), вторникъ—день Ведь-авы, среда—день Шкая, четвергъ—день Верьгишке, пятница—день Нарувавы, суббота—день бога земли Мастыра, воскресенье—день Вельозска (будтобы бога стадъ!). Прежде всего ни Эрзя, ни Мокша не знаютъ такихъ названій теперь, не помнятъ, чтобы когда нибудь дни недѣли назывались именами боговъ; затѣмъ Пичилейка—эрзянская деревня, а здѣсь перепутаны эрзянскія и мокшанскія названія боговъ (Нору-ава, Шкай) наконецъ нѣкоторые переводы какъ будто указываютъ на то, что Майновъ не такъ хорошо владѣлъ мордовскими нарѣчіями, какъ онъ говоритъ: Вельозск-ши можетъ только значить «день деревенскаго праздника», «день деревенскаго, мірского моляна», а М. переводитъ его «день бога скота(!). На стр. 24—25 Майновъ рисуетъ на основаніи мѣстныхъ преданій дѣятельность и судьбу извѣстнаго «Кузьки—мордовскаго бога» и его картина существенно отличается отъ той, которую даетъ Снѣжневскій на основаніи подлинныхъ современныхъ актовъ. На стр. 52 приводится текстъ молитвы, которую произноситъ повитуха, и мы встрѣчаемъ въ ней еще разъ смѣшеніе эрзянскихъ и мокшанскихъ элементовъ—Анге-Патяй рядомъ съ Бань-азыръ-авой. На стр. 55 вызываетъ недоумѣніе фраза въ началѣ отдѣла, посвященнаго описанію погребальныхъ обычаевъ: «Quand pour la première fois je me vis au centre même de la population mordwine, au bord du Dikii Satis, dans le district de Temnikov»... Дикій Сатисъ протекаетъ по сѣверной части громаднаго Саровскаго лѣса, отдѣляющаго губерніи Нижегородскую отъ Пензенской и Тамбовской,—и на его берегахъ нѣтъ ни одного мордовскаго селенія. Фраза эта, намъ кажется, служитъ однимъ изъ доказательствъ того, что Майновъ писалъ свою книгу уже въ то время, когда его воспоминанія утратили свою живость. На стр. 67 Майновъ сообщаетъ извѣстіе, которое нуждалось-бы въ болѣе обстоятельномъ и доказательномъ изложеніи: «j'ai d'ailleurs trouvé partout dans les vieux tombeaux mordwines des ossements brulés, au dessus desquels il y avait toujours des crânes et des os de brebis ou de cheval». Мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы въ старыхъ мордовскихъ могилахъ п о в с е м ѣ с т н о встрѣчались сожженныя

[1]) Что въ рукописи Макарія слово озаисъ соотвѣтствуетъ слову озксъ, это очевидно изъ названія одного мордовскаго праздника «Сарас-озаисъ»—здѣсь озаисъ употребляется въ значеніи озксъ.

человѣческія кости. Факты, извѣстные въ литературѣ и добытые нами при собственныхъ раскопкахъ, говорятъ, что Мордва издревле погребала, а не сожигала своихъ умершихъ. Если Майнову гдѣ нибудь въ мордовскомъ краѣ удалось найдти кладбище со слѣдами трупосожженія, онъ въ виду рѣдкости этого факта долженъ былъ назвать его мѣсто. На стр. 103 мы встрѣчаемъ любопытный образчикъ того, какъ нашъ авторъ обращается съ источниками. «Dans la province de Samara, dist. Bogourous, vill. Vetchkomovo o n n o u s a d o n n é des details...» читаемъ мы въ текстѣ, а въ сноскѣ «Sobranié obrazsov rousskago nar. sviachtchennik Chaverski». Сравнивая слѣдующій текстъ съ русскимъ, который помѣщенъ у Мельникова, мы видимъ, что ссылка на Шаверскаго тутъ вполнѣ умѣстна; н о з а ч ѣ м ъ-ж е тогда «o n n o u s a donné»?

Со стр. 99 начинается самый интересный отдѣлъ книги Майнова—опытъ систематическаго изложенія мордовской миѳологіи. Майновъ имѣетъ на этомъ полѣ только одного предшественника—Мельникова и примыкаетъ къ нему въ основныхъ пунктахъ. La plus grande partie des notions contenues dans cette partie de notre ouvrage sont le résultat de nos p r o p r e s explorations Nous avons en outre puisé largement dans l'excellente compilation de Melnikoff—читаемъ мы на стр. 99. Но изъ этихъ двухъ фразъ безусловно вѣрна только послѣдняя. Собственныхъ наблюденій Майнова, какова бы ни было ихъ достоинство, мы нашли въ этой части очень мало. На стр. 114 можно отмѣтить принадлежащую лично М. ошибку, будто Мокша не знаетъ другихъ боговъ, кромѣ Мастыр-кирди. Результатомъ собственныхъ изслѣдованій М. приходится считать и сомнительную легенду о супружеской жизни первыхъ людей (120). При всемъ интересѣ, который возбуждаетъ схема Мельникова—Майнова, мы не можемъ не отнестись къ ней съ извѣстной долей осторожности. Она слишкомъ отдаетъ классическими теогоніями, мало вяжется съ мордовскими воззрѣніями на боговъ и финнской теогоніей вообще.

Вся эта схема построена на предположеніи, что Мордва ставитъ во главѣ каждой стихіи, каждаго элемента природы отдѣльнаго повелителя—Ведь-аву повелительницей водъ, Варм-аву—вѣтровъ и т. д. На самомъ дѣлѣ Мордва, подобно Черемисамъ и Вотякамъ, не знаетъ богини воды или полей вообще, а богиню такой-то рѣки, такого-то поля. Какъ при такомъ характерѣ возврѣній согласовать ихъ съ легендами, которыя даютъ намъ Мельниковъ и Майновъ, представляется загадкой.

Въ томъ-же классическомъ стилѣ исполнена и характеристика отдѣльныхъ боговъ, напр. Пешке пава (который у Майнова, по примѣру Мельникова, называется Инешке-пазъ). Мы не будемъ впрочемъ входить въ подробности этой схемы, такъ какъ въ ней приходится имѣть дѣло больше съ Мельниковымъ, чѣмъ съ Майновымъ. Нашъ авторъ только, кажется, вноситъ путаницу въ систему Мельникова. На стр. 192 онъ говоритъ о какихъ то мокшанскихъ легендахъ, посвященныхъ Анге-патяй и Инешке-паву. Мельниковъ прямо говоритъ, что имя Анге-Патяй Мокшѣ неизвѣстно, а небольшое знакомство съ настоящими мокшанскими легендами подсказало-бы автору, что и объ Инешке-пазѣ тутъ не можетъ быть рѣчи. Позволимъ себѣ высказать здѣсь еще разъ наше недоумѣніе по поводу того, что авторъ, знающій

мордовскія нарѣчія, даетъ весьма сомнительные переводы названій и характеристики божествъ. Возьмемъ Nouriamava-Aparotchi—богиню земледѣлія. Въ первой части имени богини мы узнаемъ еще Норов-аву, богиню полей, но, какимъ образомъ эпитетомъ ея могло явиться выраженіе апараши—нехорошій день, намъ представляется непонятнымъ; загадочнымъ представляется и то, что въ легендахъ Мокши (112) фигурируютъ эрзянскія имена боговъ (Анге-Патяй, Инешке-пазъ), и то, что въ истолкованіи мокшанской миоологіи авторъ находитъ возможнымъ выдѣлить особую богиню—Азыръ-аву (114),—тогда какъ это слово (хозяйка, повелительница) указываетъ только на отношеніе той или другой богини къ явленію (Ведь-азыр-ава=хозяйка воды). На стр. 117 по поводу имени Анге-патяй сказано, что это имя буквально на эрзянскомъ нарѣчіи значитъ «богиня мать». Этотъ переводъ заимствованъ у Мельникова, но человѣкъ, дѣйствительно нѣсколько знакомый съ эрзянскимъ нарѣчіемъ, не сталъ бы заимствовать совершенно невѣрный переводъ. На стр. 123 авторъ неудачно полемизируетъ съ Беневоленскимъ по поводу Алганжея. Онъ увѣряетъ, что духа съ такимъ именемъ нѣтъ и что тутъ очевидно нужно разумѣть сочиненнаго имъ Ялганъ-азыр'а. На самомъ дѣлѣ Алганжеи занимаютъ видное мѣсто среди низшихъ духовъ. На стр. 127 благодаря опискамъ или опечаткамъ невозможно понять, о комъ идетъ рѣчь: Ведь-авѣ, Ве(и)рь-авѣ или Ве(а)рм-авѣ: всѣ три названія, далеко не идентичныя, употребляются по поводу одного и того-же предмета.

Шепелевичъ. Село Болдово Инсарскаго уѣзда. «Пенз. Губ. Вѣд.» 1890, №№ 227, 230, 232, 233.

Статейка г. Шепелевича представляетъ сочетаніе личныхъ наблюденій автора съ данными, позаимствованными безъ указанія источника изъ разобранной уже выше статьи Н. Смирнова. Характерную для автора черту составляетъ то, что онъ указываетъ (№ 227) на «одного старика», какъ на источникъ тѣхъ свѣдѣній, которыя съ соблюденіемъ всѣхъ опечатокъ взяты изъ статьи Пенз. Еп. Вѣд. Въ области личныхъ наблюденій автора слѣдуетъ отмѣтить указаніе на происхожденіе кургановъ, находящихся близъ Болдова, детали поминальнаго обряда (хожденіе на конопляникъ).

Дубасовъ. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып. I. Тамбовъ. 1890.

Въ третьемъ отдѣлѣ очерка имѣются этнографическія свѣдѣнія о Тамбовской Мордвѣ, заимствованныя авторомъ изъ рукописей Б. А. Мурзаева, природнаго Мордвина. Мы встрѣчаемъ здѣсь космологическія сказанія Мордвы (варіанты легенды о происхожденіи шайтанъ изъ цлевка Вярдя-Шкая), легенду о договорѣ между шайтаномъ и вышнимъ богомъ, варіанты легендъ о первомъ человѣкѣ и появленіи низшихъ боговъ, любопытныя подробности объ устройствѣ моляновъ (моленіе «почтеннѣйшему» человѣку, который взлѣзалъ на дерево и изображалъ собою бога), бросаніи въ рѣку кос-

гей жертвеннаго животнаго, приготовленіе особой ковриги, на которой ставилась свѣча и въ которую клались серебряныя деньги, обычай класть на столбахъ маленькіе хлѣбцы при домовыхъ молянахъ. Въ описаніи брачнаго обряда также встрѣчается нѣсколько особенностей, неупоминаемыхъ другими авторами—бросаніе хлѣба съ медомъ во дворъ родителей невѣсты, освященіе брачнаго союза старухой, воспоминанія о женитьбѣ малолѣтнихъ на взрослыхъ и левиратѣ.

Ан. Можаровскій. Села: Кладбищи, Чукалы, Селищи, Какшно, Березовка, Болобоново, Паново-Осаново, Акузово, Ачка Сергачскаго уѣзда Нижегородской Епархіи. «Ниж. Епарх. Вѣд.» 1890, № 12, 17, 18, 20, 23, 24; 1893, № 12, 13, 14, 22.

Описанія селъ, перечисленныхъ въ заголовкѣ, представляютъ собою рядъ отдѣльныхъ статей, написанныхъ однимъ авторомъ и по одному плану Мы дадимъ ихъ общую характеристику, чтобы не дѣлать повтореній. Преподавателю Нпж. Дух. Семинаріи А. О. Можаровскому пришла счастливая мысль ввести въ программу мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей описанія приходовъ Нижегородской Епархіи. Матеріалы по каждому приходу доставляются приходскими священниками и обработываются авторомъ по одному плану. Получившаяся такимъ образомъ серія очерковъ служитъ интереснымъ показателемъ того, какую богатую жатву нашелъ бы на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей историкъ, археологъ и этнографъ, еслибы въ каждой Епархіи нашего края было предпринято по опредѣленной программѣ описаніе приходовъ. Взятая отдѣльно, та или другая статья можетъ заключать одинъ только любопытный фактъ, но изъ десятковъ ихъ складывается уже картина. Пояснимъ это для Сергачскаго уѣзда примѣрами.

1. Данныя археологическія. Кладбища получили свое названіе отъ древняго кладбища, на которомъ погребалась языческая Мордва, жившая по ту сторону рѣки Пьяны. Въ селѣ и теперь при копаніи погребовъ, колодезей и подваловъ вырываютъ человѣческія кости и принадлежности мордовской одежды: колокольчики, пряжки, ожерелья (1890, № 12, 513).

Въ приходѣ села Болобопова за деревней Березники около озера, что нынѣ зовется мордовскимъ, жила языческая Мордва. Теперь отъ жилищъ этихъ Мордвовъ не осталось никакихъ слѣдовъ; иногда только крестьяне выпахиваютъ тамъ какія-то клинообразныя монеты и бляхи (1891, (№ 8, 280).

Данныя историческія. Въ очеркѣ с. Чукалы сообщаются свѣдѣнія о переходѣ мѣстной Мордвы въ крѣпостную зависимость въ 1797 г. и выдѣленіи изъ села ряда мелкихъ выселковъ (1890, № 17, 706). Въ описаніи Березовскаго прихода на основаніи мѣстныхъ преданій характеризуется участіе въ обращеніи Мордвы къ христіанству ихъ владѣльца князя Дадіана 1891, № 1, 14). Въ описаніи прихода с. Акузова сообщаются подробности относительно закрѣпощенія Мордвы за тѣмъ-же княземъ въ концѣ XVII в

Данныя этнографическія. Въ описаніи Селищенскаго прихода сообщаются свѣдѣнія о мѣстахъ древнихъ жертвоприношеній: «Кожаная поляна», «Ревень-печкеме-лей», «Каша-каль», «Атянь-шкадьме-лей», о бывшемъ поклоненіи деревьямъ, цѣнныя подробности о добываніи треніемъ священнаго огня. Въ описаніи Акузовскаго прихода упоминается о какихъ-то истуканахъ, стоявшихъ на священной полянѣ въ ложбинѣ сліянія Пары съ Пяной, сообщаются свѣдѣнія о своеобразныхъ обрядахъ при рожденіи ребенка, постройкѣ новаго дома.

Въ описаніи Березовскаго прихода сообщается повѣріе о полезномъ вліяніи на скотъ капустныхъ листковъ, которыми были покрыты кушанья, принесенныя покойнику посторонними, и описывается своеобразный обрядъ, съ которымъ родные, похоронивши покойника, возвращаются съ кладбища.

Очень интересны свѣдѣнія объ остаткахъ мордовскихъ языческихъ моляновъ у совершенно обрусѣвшей Мордвы села Ачки. Ачкинцы до сихъ поръ еще устраиваютъ по случаю засухи моленіе сначала у источника внѣ села, потомъ на кладбищѣ.

Suomalais—Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. «Journal de la Société Finno—Ougrienne», IX, XII.—Proben der Mordwinischen Volksliteratur. Ges. von H. Paasonen. Bd. I. Erzjanischer Theil. Hf. 1, 2. Hels. 1891—1894.

IX кн. «журнала» посвящена цѣликомъ матеріаламъ г. Паазонена, но исчерпываетъ только часть ихъ—пѣсни Эрзи. У собирателя остается еще весь матеріалъ, собранный у Мокши—пѣсни, молитвы, заговоры. Для этнографа пѣсни эти цѣнны по сохранившимся въ нихъ воспоминаніямъ о бракахъ взрослыхъ дѣвицъ съ малолѣтними мальчиками—№ 1, 22, о татарскихъ набѣгахъ—2, 20, 32, 36 и обломкамъ языческихъ вѣрованій (Чи-паз, Ков-паз—№ 5, III, 2, 4, Бабань-каша—№ 8, Пурьгине-поляна—№ 30, Кудонь-Кирьди, Керин-чочкон-паз 1, II, Юртовой—2, Поров-Паз—4, Кардаз-Кирьди); Сярко, Вирьава—8, III, 8, Вере-паз, Ало-паз—12, Велень-кирди, Нишке-паз—14, 21, Солнце-паз III, 1, Ин-азыр-паз—213, III, 4, предки ibid 4, 5, Лишмань-кирьди—III. 5, Мастыр-паз—III, 7, Ustuman-кирьди III, 9. Существенную особенность своихъ пѣсенъ П. усматриваетъ въ томъ, что большая часть ихъ имѣетъ вполнѣ ясный и близкій къ фин.-финскому стихотворный строй, тогда какъ у его предшественниковъ тексты имѣли характеръ прозаическаго речитатива.

Второй выпускъ I-го тома образцовъ мордовской народной словесности, собранныхъ г. Паазоненомъ, заключаетъ въ себѣ эрзянскія заклинанія, жертвенныя молитвы, загадки, пословицы и сказки. Совершенную новость въ литературѣ о Мордвѣ представляютъ собою эрзянскія заклинанія по поводу заболѣваній, возникшихъ отъ ушиба при паденіи. Заболѣванія эти, извѣстныя подъ русскимъ именемъ «притки», происходятъ, по вѣрованіямъ Мордвы, отъ гнѣва того или другаго обиженнаго упавшимъ божества, и излечиваются «прощаніемъ», т. е. принесеніемъ обиженному жертвы и извиненія за причиненную непріятность. Г. Паазоненъ собралъ рядъ такихъ извинитель-

ныхъ формулъ и доставилъ этимъ путемъ этнографамъ нѣсколько цѣнныхъ деталей, уясняющихъ мордовскія воззрѣнія на природу боговъ или духовъ. Духи дома, двора, улицы представляются не одиночными, а окруженными семьей, дѣтьми. Благодаря формуламъ г. Паасонена выясняется природа оставшагося загадочнымъ Кардасъ-Сярко: одновременное употребленіе рядомъ съ обращеніемъ къ Кардасъ-Сярко эпитета «матушка хранительница двора» совершенно точно опредѣляетъ роль и природу божества, а слѣдующее за тѣмъ упоминаніе о ея дѣтяхъ окончательно вводитъ ее въ рядъ богинь, управляющихъ отдѣльными элементами мірозданія.

Въ первомъ-же заклинаніи мы встрѣчаемъ первое упоминаніе о хранительницѣ земли («модань кирьди»), если не отождествлять эту формулу съ записанной нами по русски формулой извиненія предъ могильной землей (модо-маръ). Существо это представляется обычно антропоморфнымъ и нуждающимся въ жертвуемыхъ благахъ. Заклинаніе интересно тѣмъ, что въ немъ упоминается женское божество улицы (г. Паасонень затруднился видимо опредѣлить его и приводитъ безъ перевода мордовское названіе Ul-t'ava; 2) тѣмъ, что это божество является вмѣстѣ съ тѣмъ и хранительницей земли Mastorin' kir'd'i, и наконецъ 3) тѣмъ, что антропоморфная хранительница земли является, видимо, матерью Мастыръ-паза, который названъ большимъ бариномъ (paro bojar c'orat) и дочери—боярышни. Позволя̀емъ себѣ сдѣлать одно замѣчаніе: г. Паасонень ошибочно включаетъ въ формулы и тѣ пояснительныя замѣчанія, которыя дѣлалъ ему мордвинъ—равскаучикъ. Мы читаемъ: «смотри, мы даемъ ему даръ—пудъ мѣди, пудъ серебра сто рублей денегъ» и далѣе «нужно взять трехкопѣечную монету и ножемъ поскоблить ее» нѣсколько ниже: «мы хотимъ дать ей даръ» и затѣмъ «нужно купить мѣдное кольцо». Не говоря уже о томъ, что прозаическій тонъ этихъ замѣчаній не вяжется съ приподнятымъ тономъ всей формулы, мы не можемъ считать ихъ составною частью молитвы потому, что въ нихъ рекомендуется символическій обрядъ, который важно знать жертвующему, такъ какъ онъ его освобождаетъ отъ необходимости покупать дѣйствительно по пуду серебра и мѣди, но который нѣтъ необходимости разъяснять обманываемому божеству: оно должно оставаться въ убѣжденіи, что ему принесли цѣнную жертву.

Заклинаніе d начинается съ обращенія къ зарѣ, которое уже извѣстно въ литературѣ по русскому переводу. Въ немъ также упоминается Mastorin paz-ava.

Въ заклинаніяхъ противъ пожаровъ, которыя представляются обрывками когда-то сложныхъ формулъ, фигурируетъ мать огня «Tolin inazoro» о которой упоминается въ литературѣ только въ очеркѣ Голицына. Заклинаніе ясно обрисовываетъ тѣ представленія, которыя Мордва имѣетъ о богинѣ Заговоръ противъ обмораживанія знакомитъ насъ съ представленіями о богѣ морова, который нами впервые введенъ въ разрядъ стихійныхъ духовъ. Заклинаніе противъ дѣтской болѣзни, которая носитъ интересное названіе «три души», и противъ зубной боли содержитъ въ себѣ указаніе на то, что когда

то металлы и растенія представлялись обладающими душой, заклинаніе противъ укуса змѣи рисуетъ мордовскія воззрѣнія на отношенія въ животномъ мірѣ: «старый змѣй послалъ меня». Въ заклинаніи противъ лошадиной болѣзни, извѣстной подъ названіемъ «селезня», выступаютъ 7 братьевъ—носителей болѣзни.

Отдѣлъ II заключаетъ въ себѣ тексты молитвъ произносимыхъ при жертвоприношеніяхъ. Ихъ сжатый и сухой стиль служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что процессъ разложенія языческихъ формъ культа у Мордвы пошелъ дальше, чѣмъ у Черемисъ и Вотяковъ. Въ ряду этихъ молитвъ слѣдуетъ отмѣтить молитву Мастыр—паву предъ зарытіемъ клада, молитву къ ясной погодѣ, которая представляется въ видѣ божественнаго существа.

Въ отдѣлѣ загадокъ, заключающемъ въ себѣ почти вдвое большее число №№, чѣмъ у г. Евсевьева, заслуживаютъ вниманія загадки о громѣ, имѣющія близкое отношеніе къ заклинаніямъ: «по ту сторону великой воды (моря рѣки) кричитъ толстый старикъ» (вар. «старуха)»

Ал. Можаровскій. Село Елховка Нижегородскаго уѣзда. «Ниж. Еп. Вѣд.» 1892, № 22.

Статейка, посвященная Елховкѣ, представляетъ матеріалъ для исторіи обрусѣнія Мордвы; археологу она предлагаетъ указаніе на «кладбищенскій» оврагъ, служившій предметомъ почтенія для Мордвы—язычниковъ.

М. Е. Евсевьевъ. Мордовская свадьба. «Живая Старина». Годъ II. Вып. II. Спб. 1892.

Неконченная къ сожалѣнію до сихъ поръ статья г. Евсевьева интересна главнымъ образомъ по приведеннымъ въ ней пѣснямъ и текстамъ причитаній. Въ описаніи обряда встрѣчаются черты, неупоминаемыя другими авторами: таковы напр. обычай послѣ ряды о невѣстѣ «ставить на ней свою мѣтку», характеристика мотивовъ свадебныхъ пѣсенъ, настроенія невѣсты предъ началомъ причитаній. Что касается причитаній, то они имѣютъ крупную цѣнность для уясненія языческихъ вѣрованій Мордвы. Мы встрѣчаемъ здѣсь намеки на тѣ образы, въ которыхъ рисуются ей боги (Верепав сіяка, Лисьмань-кирди-тейтерь, заря). Тенденція видѣть во всякомъ явленіи окружающаго живое существо сказывается въ олицетвореніи не только предметовъ, но и состояній (дѣвичество, замужество), какъ у русскаго народа. Состоянія эти или сами отдѣляются отъ даннаго человѣка или могутъ быть произвольно отдѣляемы:

Не было со мной дѣвичества моего
. . . . . .
Бралъ его родитель батюшка
По большому базару ходить... (114).

Не лишены интереса и тѣ отголоски былого родового быта, кровныхъ узъ, связывавшихъ нѣкогда населеніе цѣлой деревни, которые чувствуются въ такихъ строкахъ причитанія:

Сельскіе дѣды, мои дѣдушки,
Сельскія бабы, мои бабушки,
Сельскіе мужи, мои дяденьки,
Сельскія жены, мои сношеньки.

А. П. Минхъ. Моляны и обряды Мордвы Саратовской губерніи. «Этногр. Обозр.» 1892, 4.

Статья г. Минха открывается краткими историческими свѣдѣніями относительно хода мордовской колонизаціи въ Саратовской губерніи. Ея существенное содержаніе составляютъ извлеченія изъ оффиціальныхъ документовъ, характеризующія религіозную жизнь язычествующей Мордвы. Извлеченія эти даютъ нелишенныя интереса дополненія къ тому матеріалу, который мы имѣемъ въ предшествующей литературѣ. Таковы извѣстія о храминѣ, которая устроена была среди деревни и въ которой въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія съѣдали въ Димитріевскую субботу жертвенныхъ гусей[1]) О храминахъ такого рода говорятъ акты XVIII в. Донесеніе Леонтьева, занимающее стр. 119—126, извѣстно изъ разобранной уже выше статьи князя Голицина. Въ концѣ статьи слѣдуетъ отмѣтить преданіе Мордвы д. Жуковки Вольскаго уѣзда о князѣ Ергоѣ, который поставилъ въ лѣсу неподалеку отъ Ст. Жуковки капище «идолу-Колядѣ»,—высѣченному изъ камня изображенію человѣка. «Идолъ» этотъ будто бы впослѣдствіи взятъ былъ помѣщикомъ Виноградскимъ и стоялъ у него въ саду. Преданіе это очень интересно въ томъ отношеніи, что оно свидѣтельствуетъ, несомнѣнно, о религіозномъ почтеніи Мордвы къ такъ называемымъ каменнымъ бабамъ и совпадаетъ съ аналогичными по содержанію извѣстіями актовъ XVII в.

Лукинъ. Вѣрованія и культъ Мордвы с. Сабанчеева Алатырскаго у. Симб. губ. «Извѣстія Каз. Общ. Арх., Ист. и Этнографіи» т. XI, вып. 4. Стр. 381—385.

Статейка г. Лукина является первымъ откликомъ со стороны учителей народныхъ училищъ мордовскаго края на разосланное редакціей «Извѣстій» приглашеніе доставить свѣдѣнія о бытѣ мѣстной Мордвы примѣнительно къ составленной нами программѣ. Она вполнѣ оправдываетъ надежды, побуждавшія редакцію къ разсылкѣ приглашеній, сообщая хотя въ очень скромномъ количествѣ новыя детали относительны быта и вѣрованій. Очеркъ г. Лукина устанавливаетъ новый варіантъ въ молянахъ Кардасъ-сярку, даетъ матеріалъ для уясненія связи между духами воды и дождемъ (382), природы Керень-шочконь-паза, Шкай-паза, культа Авынь-авы (383), знакомитъ съ любопытными обрядами при печеніи хлѣба, поминовеніи («рогульки»).

[1]) Ср. названія урочища «Пуарня-пря», приводимое въ концѣ статьи.

С. Иванцевъ. Изъ быта Мордвы дер. Дюрки Паранеевской волости Алат. уѣзда Симб. губ. «Изв. О. А. И. и Э.» Т. XI, в. 5.

Составленная по приглашенію редакціи и по той-же программѣ, статья г. Иванцева дастъ изслѣдователю любопытныя детали относительно похищенія невѣсты, приготовленія свадебнаго пирога («лувонь-кше), роли братьевъ, устройства могилы въ старину, зарыванія костей жертвеннаго животнаго, и въ особенности варварскаго способа принесенія въ жертву быка въ праздникъ «букан-озном-анги».

Ф. Бутузовъ. Изъ быта Мордвы с. Живайкина Жадовской волости Карс. у. Симб. губ. «Изв. Каз. Общ. Арх., Ист. и Этнографіи». Т. XI, вып. 5. 185—788.

Статья г. Бутузова имѣетъ тоже происхожденіе, что и предшествующая. Она заключаетъ въ себѣ указаніе на существовавшій у мѣстной Мордвы обычай при поминовеніи умершихъ собирать съ присутствующихъ кольца, бисеръ, нанизывать все это на проволоку и вѣшать на молебныя березы,—на моленіи въ кереметяхъ Мастыръ-пазу.

Отчетъ Переводческой Коммиссіи Православнаго Миссіонерскаго Общества, учрежденной при Братствѣ св. Гурія въ г. Казани. Казань. 1893.

Въ отчетѣ Коммиссіи заключается интересное извлеченіе изъ донесенія М. Е. Евсевьева о результатахъ его поѣздки въ Симбирскую, Пензенскую и Тамбовскую губерніи для составленія переводовъ священныхъ книгъ на мордовскій языкъ. Г. Евсевьевъ даетъ въ своемъ отчетѣ характеристику религіозныхъ вѣрованій посѣщенной имъ Мордвы, описаніе моляновъ, имѣющихъ мѣсто на страстной недѣлѣ, начиная съ Вербнаго Воскресенья, пасхальнаго поминовенія предковъ, проводовъ Пасхи, опахиванія деревни, Алашань-овкс'а.

А. Можаровскій. Русско-Мордовское село Итманово (Видьма-вель). «Ниж. Губ. Вѣд». 1893, №№ 3, 6, 8.

Въ статейкѣ г. Можаровскаго можно отмѣтить описаніе женскаго костюма (№ 6).

Р. Село Лобаски. «Нижегор. Губ. Вѣд.» 1893 №№ 1, 47, 48.

Статья г. Р. содержитъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ подробностей относительно былыхъ языческихъ вѣрованій Мордвы: устройства каждому богу отдѣльнаго моляна, принесенія въ жертву лошадей, приглашенія старухи для моленія кардась-сирку, проводовъ весны.

Бѣлорѣчецкій. Историческій очеркъ с. Лобазъ Бузулук. уѣзда. «Сам. Еп. Вѣд.» 1875, № 12, 19.

Въ статейкѣ о. Бѣлорѣченскаго слѣдуетъ отмѣтить подробности моляна «бабань-ката» (выборъ жрицы, ея наставленія молящимся мужчинамъ о томъ» какъ выѣзжать на пашню).

Майновъ. Предварительный очеркъ имѣющихся въ литературѣ свѣдѣній о Мордвѣ. «Изв. Имп. Рус. Геогр. Общ». 1877, вып. 2.

Очеркъ Майнова помимо обзора литературы заключаетъ въ себѣ общія соображенія о бытѣ и вѣрованіяхъ Мордвы. Съ большей частью этихъ соображеній нельзя согласиться. Авторъ безъ достаточныхъ основаній и вопреки фактамъ полемизируетъ противъ положенія объ антропоморфномъ характерѣ мордовскихъ возврѣній на божество, видитъ въ культѣ Кардасъ—Сярко поклоненіе камню, утверждаетъ, что ему же приносилась позднѣе жертва подъ порогомъ. Любопытно, что здѣсь авторъ основательно подвергаетъ сомнѣнію впослѣдствіи цѣликомъ принятую схему Мельникова (95).

Майновъ. Одинъ день среди Мокши. «Древняя и Нов. Россія.» 1878, № 10.

Небольшая статейка, заключающая въ себѣ главнымъ образомъ не чуждое ошибокъ описаніе мордовскаго жилища, костюма, пищи. Вѣрованія изложены по Мельникову. Въ описаніи поминокъ, которыя ему довелось случайно видѣть, Майновъ съ полной серьезностью говоритъ о Мастыръ-озксѣ, который будто-бы является повелителемъ мордовскаго Лида.

В. И. Снѣжневскій. Кузьма, пророкъ Мордвы—Терюханъ «Истор. Вѣст.» 1892, № 10.

Статья г. Снѣжневскаго знакомитъ на основаніи документальныхъ данныхъ съ дѣятельностью мордовскаго пророка и заключаетъ въ себѣ драгоцѣнный матеріалъ для критики статьи К. о томъ же Кузькѣ и фантастическихъ сообщеній Майнова и Мельникова о созданномъ имъ ритуалѣ. Показанія лицъ, видѣвшихъ собственными глазами обстановку моляна, который происходитъ подъ руководствомъ Кузьмы (стр. 137), заключаютъ въ себѣ черты, свойственныя мордовскимъ молянамъ позднѣйшаго времени и весьма далекія отъ фантазій К., Мельникова и Майнова.

А. А. Титовъ. Терюшевскій бунтъ. «Рус. Обозр.» 1893, № 8—10.

Составленный на основаніи современныхъ документовъ, очеркъ А. А. Титова помимо того свѣта, который имъ проливается на просвѣтительную

дѣятельность Д. Сѣченова и причинъ возникшаго въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія т. н. Терюшевскаго бунта, важенъ для историка Мордвы еще потому, что въ немъ заключаются интересныя данныя объ устройствѣ въ XVIII в. мордовскихъ могилъ и кладбищъ (авг. 758—759, сент. 307), о волостныхъ поминовеніяхъ (авг. 759), о выборныхъ по числу деревень волостныхъ жрецахъ (сент. 308) и молебныхъ амбарахъ (окт. 801).

Извѣстія Тамбовской Архивной Коммиссіи. Вып. I—XXXVIII. Тамб. 1884—1893.

Въ 38 книжкахъ «Извѣстій», выпущенныхъ Коммиссіей за первыя 10 лѣтъ ея существованія, заключается богатый документальный матеріалъ для уясненія вопросовъ о предѣлахъ былой мордовской территоріи, ходѣ русской колонизаціи и обрусѣніи Мордвы, объ общественной организаціи и языческихъ вѣрованіяхъ ея въ XVII в. Опубликованные Коммиссіей документы составляютъ только часть находящагося въ ея распоряженіи матеріала; можно съ увѣренностью ожидать, что дальнѣйшее опубликованіе дѣлъ Шацкаго архива предоставитъ въ распоряженіе изслѣдователей не одинъ цѣнный фактъ.

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 283.

Въ сборникѣ Паазонена (I², 197—9) мы читаемъ слѣдующее, нелишенное поэзіи причитаніе, съ которымъ молодая обращается къ хранительницѣ печки.

Ты Уштумань-кир'ди кормилица,
Ты Уштумань-кир'ди матушка,
Если ты меня съ любовью принимаешь,
. . . . . .
Унеси меня съ твоимъ горячимъ дымомъ (паромъ),
Подними меня на небо,
Обрати меня въ черное облако,
Дай мнѣ упасть теплымъ дождемъ,
Дай мнѣ на засѣянное поле упасть плодоноснымъ дождемъ,
Дай мнѣ на цвѣточныя головки упасть чистой росой,
А если ты меня не любя принимаешь, обрати меня въ бѣлое облако
Дай мнѣ упасть сильнымъ градомъ на пустое поле.

Къ стр. 284.

Образъ Кардасъ-сярко и обстановка, среди которой живетъ это божество, рисуется въ слѣдующемъ свадебномъ причитаніи, записанномъ Паазонепомъ.

Хранительница двора, кормилица,
Кардасъ-сярко, матушка!
. . . . . .
Я не знаю, гдѣ ты живешь,
Я не знаю, гдѣ ты находишься.
Только слышала я моимъ ухомъ,

Только чуяла я моимъ сердцемъ,
Что находишься ты въ мягкой землѣ,
На зеленой лужайкѣ,
Въ кружечкѣ, подобномъ серебряному блюду,
На скамьѣ изъ пряморастущаго дерева,
За кипарисовымъ столомъ.
Если ты въ этотъ часъ
На постланной и приготовленной постели находишься,
Прими сидячее положеніе,
Надѣнь свои ризы,
Возьми свое кадило,
Возьми твой крестъ въ правую руку,
Обведи около меня кругъ своимъ крестомъ,
Обойди около меня съ своимъ кадиломъ,
Сохрани меня отъ колдуна [1]).
. . . . . .

Въ соотвѣтствіи съ тѣми представленіями о жилищѣ Кардас-сярко, которыя здѣсь высказываются, находится и локализація служенія ему. Въ былое время у Эрзи на каждомъ дворѣ, на срединѣ его, находилась прикрытая камнемъ ямка, надъ которой кололи домашнихъ животныхъ, спуская кровь въ жертву домовому божку.

Къ стр. 294.

Вихрь представляется Мордвѣ особаго рода формой, которую принимаетъ Варм-ава или душа опойцы. Присутствіе въ немъ живаго существа можно открыть, если бросить въ него ножъ: ножъ окажется въ крови.

Къ стр. 310.

Съ каннибальскими наклонностями выступаютъ въ народной поэзіи Мордвы и богини отдѣльныхъ рѣкъ. Въ одной изъ пѣсенъ, записанныхъ г. Евсевьевымъ, разсказывается, что у плывшаго по Волгѣ мордвина лодка остановилась на самой

[1]) Paason. Proben. I[1], 189.

серединѣ. Мордвинъ понялъ, что Рав-ава (мать-Волга) требуетъ жертвы и спрашиваетъ ее:

Волга мама, матушка,
Волга матушка кормилица!
Что нужно тебѣ?
Или нужно имуществомъ,
Или нужно добромъ,
Или нужно конями,
Или нужно кладью?
Не нужно имуществомъ...
Привези ты своего родимаго отца,
Привези ты своего родимаго кормильца.

Мордвинъ отказываетъ. Волга проситъ у него послѣдовательно мать, жену, первое дитя [1]).—Въ другой пѣснѣ Волга требуетъ у пловца первое дитя коварствомъ:

О чемъ не знаешь, то мнѣ обѣщай [2]).

Что человѣческая жертва нужна Волгѣ на съѣденіе, видно изъ того, какъ она формулируетъ свои требованія въ третьей пѣснѣ:

«Оттого ихъ не пускаю,
Человѣческую голову надо» [3]).

Къ стр. 311.

Въ поэзіи Эрзи Симбирской губерніи сохранились воспоминанія о принесеніи въ жертву родителями дѣтей. Мы цитировали уже по другому поводу слѣдующее мѣсто изъ одного причитанія, записаннаго г. Паазоненомъ:

Подними твои руки вверхъ,
Обѣщай меня вышнему богу;
Опусти твои руки внизъ,
Обѣщай меня земляному богу,
Распростри свои руки,
Обѣщай меня черной смерти.

---

[1]) Образцы Морд. Нар. Слов. I, 29.
[2]) Ibid. 98—99.
[3]) Ibid. 49.

Какъ родъ невольнаго человѣческаго жертвоприношенія, можно разсматривать обычай, въ силу котораго у Мокши не позволялось принимать мѣры къ спасенію тонущей женщины изъ опасенія, чтобы не попритчилось, т. е. чтобы Ведь-ава не покарала за противодѣйствіе ей.

Отголосокъ обычая приносить въ жертву человѣка слѣдуетъ, наконецъ, какъ мы увидимъ ниже, предполагать въ мольбахъ о прощеніи, съ которыми Эрзя обращалась къ жертвенному животному.

Къ стр. 313.

У Мокши Инсарскаго уѣзда на Пасхѣ или черезъ недѣлю послѣ устраивался молянъ домовымъ духамъ и предкамъ. Хозяинъ дома закалалъ барана и, взявши съ собой мальчика или дѣвочку, уносилъ въ калдазъ кусокъ мяса, нѣсколько яицъ, чашечку браги, ставилъ все это на крышу и молилъ Юртынь-гир'ди послать теплыхъ дней.

Рядомъ съ кормленіемъ особый видъ частной или общественной жертвы во всѣхъ молянахъ составляетъ возжиганіе родовыхъ или мірскихъ свѣчъ (штатолъ). Свѣчи эти дѣлаются изъ собраннаго съ цѣлаго рода или деревенской общины воска, возжигаются во время моленія, добавляются по окончаніи его вновь собраннымъ воскомъ и обернутыя полотенцами передаются въ особомъ кузовѣ для храненія очередному жрецу рода или деревни.

Къ стр. 327.

Переживаніе былыхъ ежемѣсячныхъ частныхъ жертвоприношеній въ честь богини луны нужно видѣть въ обычаѣ показывать народившемуся мѣсяцу коровай хлѣба и просить себѣ за это у него благополучія и здоровья. Въ селѣ Лобаскахъ Нижегородской губерніи Сергачскаго уѣзда сохранилось воспоминаніе о родовыхъ молянахъ, совершавшихся въ новолуніе [1]).

[1]) Ниж. Еп. Вѣд. 1887, 680.

Къ стр. 333.

Э-въ въ статьѣ, помѣщенной въ Сарат. Губ. Вѣд. за 1870 г. (№ 188—189), утверждаетъ, что ему случалось видѣть въ Петровскомъ уѣздѣ „храмы“ бычій, бараній и куриный, въ которыхъ приносились жертвы въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ. Свидѣтельство это означаетъ, что разсматриваемыя храмины имѣли мѣсто на каждомъ изъ спеціальныхъ мольбищъ, находившихся при томъ или другомъ селеніи. Въ статьѣ А. А. Титова „Терюшевскій бунтъ“ упоминаются „амбары“, въ которыхъ Мордва-язычники Терюшевской волости молились „Богоматери и Михаилу Архангелу“ [1]).

И. Смирновъ.

[1]) Рус. Обозр. 1893, № 10, 801.

ДРЕВНІЙ ОБРЯДЪ КОРОНОВАНІЯ

У ТЮРКСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Первыми извѣстіями объ обрядахъ коронованія у тюрковъ мы обязаны китайскимъ источникамъ, которые разсказываютъ о выборахъ государей *дулгасскихъ*. Дулгасцы, или тугю [1]) — народъ родственный уйгурамъ и жившій въ V—VII вв. по Р. Х. въ Тарбагатаѣ и Южной Монголіи. Въ извѣстномъ сочиненіи монаха Іакиноа Бичурина [2]) обрядъ коронованія дулгасскихъ государей описанъ довольно кратко, но тѣмъ не менѣе извѣстія эти для насъ цѣнны. При коронованіи важнѣйшіе и ближайшіе къ трону сановники сажали новь избираемаго на войлокъ и, поднявъ кверху, обносили его по солнцу кругомъ девять разъ. При каждой изъ девяти становокъ чиновники преклонялись предъ избираемымъ. По окончаніи этого они сажали своего главу на лошадь и туго остягивали ему горло какой-нибудь шелковой тканью. Затѣмъ немного ослабивъ петлю, но не давая никакой передышки, спрашивали своего владыку, сколько лѣтъ намѣренъ онъ быть ханомъ. Тотъ, съ петлей на шеѣ, называлъ первое попавшееся число. Послѣ такихъ церемоній онъ и de jure и de facto вступалъ на тронъ.

Плано Карпиній, посланный въ 1246 году папою Иннокентіемъ IV къ татарамъ и другихъ восточнымъ народамъ, разсказываетъ, что то же самое соблюдалось и *татарами*

---

[1]) *Ту-кю*—китайская передача слова «тюрки» (у китайцевъ не достаетъ звуковъ для точной передачи этого слова).

[2]) *Монахъ Іакинфъ*. «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена». Часть I, стр. 267. Спб. 1851.

(монголами) при выборахъ въ „великіе ханы". Впрочемъ о сажаніи на лошадь и душеніи „великихъ хановъ" у него ничего не упоминается. По словамъ Карпинія [1]), избиратели, усадивъ будущаго „великаго хана" на большой бѣлый войлокъ, поднимали его кверху и при этомъ внушали ему, какъ долженъ онъ относиться къ своимъ велико-ханскимъ обязанностямъ: „Смотри вверхъ и познай Бога", говорили избиратели, „если ты будешь хорошо управлять своимъ государствомъ и почитать своихъ князей, то будешь царствовать во всемъ величіи и блескѣ, и и вся земля будетъ подчинена твоему могуществу, и Богъ дастъ тебѣ все то, что пожелаетъ твое сердце. Но, если ты станешь дѣлать противное, то будешь несчастенъ и отверженъ, и столь бѣденъ, что не будетъ у тебя и войлока, на которомъ ты сидишь!". Въ сборникѣ Bergeron'a помѣщенъ и рисунокъ, наглядно изображающій эту сцену.

Позднѣе мы встрѣчаемся съ совершеніемъ этого обряда въ царствѣ *Касимовскомъ*. Касимовское царство получило свое начало въ 1452 году въ царствованіе Василія Темнаго (1424—1462), когда одному изъ казанскихъ царевичей, Касиму, былъ пожалованъ Мещерскій Городецъ на Окѣ, который съ тѣхъ поръ и получилъ названіе Касимова. Здѣсь 12-го іюля 1600 года совершилось торжественное восшествіе на престолъ царя Уразъ-Мухаммеда [2]), сына киргизъ-казакскаго царевича Онданъ-султана. На торжество сошлись огромныя толпы народа. Старый и малый, татаринъ и русскій безъ различія присутствовали при этомъ. По указу царя Бориса Ѳеодоровича присутствовалъ здѣсь и сынъ боярскій. Вся мусульманская знать

---

[1]) Voyages faits principalement en Asie dans les XII—XV siecles. Par *Pierre Bergeron*. A la Haye. 1735. т. I, гл. 2, стр. 15. Кромѣ того: Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV ст. I Плано-Карпини. Спб. 1825. стр. 39. Relation des Mongols ou Tartares par le père Jean du Plan de Carpin. Première éd. complète par M. d'Avezac. 1838. Paris, стр. 363.

[2]) *В. В. Вельяминовъ—Зерновъ*. Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ. Т. 2, стр. 410. Спб. 1864. Срв. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ, соч. *Николая Шишкина*. Рязань. 1891. Изд. 2-ое, стр. 31.

собралась въ мечети и глава Касимовскаго духовенства Булякъ-сеидъ (изъ рода сеидовъ Шакуловыхъ) произнесъ въ честь избираемаго царя молитву—„хотбу“ (خطبه). Затѣмъ четыре сановника изъ самыхъ важныхъ въ Касимовскомъ государствѣ, начальники родовъ Аргынъ, Кипчакъ, Джалаиръ и Мангытъ, усадили Уразъ-Мухаммеда на кошму, изукрашенную золотомъ, при кликахъ народныхъ подняли его кверху и провозгласили царемъ Касимова. Послѣ того карачіи [1]), аталыки [2]), имильдаши [3]), все лица съ болѣе или менѣе важнымъ положеніемъ въ царствѣ Касимовскомъ, осыпали вновь избраннаго царя деньгами. Уразъ-Мухаммедъ принималъ поздравленія присутствующихъ и въ знакъ своей радости объявилъ всѣмъ угнетеннымъ великія и щедрыя милости. Въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ царь и его приближенные задавали большіе пиры, и на нихъ всѣмъ и каждому нашлось мѣсто.

Спустя восемь лѣтъ послѣ этого такое же торжество имѣло мѣсто въ *ханствѣ Крымскомъ* [4]). По смерти хана Гази-Герая II Боры (1588—1608) въ концѣ шаввâля (شوّال) 1016 года, т. е. по нашему лѣтосчисленію въ мартѣ мѣсяцѣ 1608 года, на мѣсто его былъ избранъ эмирами сынъ Гази-Герая II, Токтамышъ Герай I. При избраніи, по свидѣтельству турецкихъ историковъ, старинный тюркскій обычай не былъ игнорированъ. Именно, четыре карачи, начальники племенъ Ширинъ, Барынъ, Седжеутъ и Мансуръ посадили Токтамыша на войлочный коверъ и, держа войлокъ за углы, подняли новаго хана и такимъ образомъ возвели его на от-

---

[1]) قراچی—родъ министровъ. О томъ, что представляли изъ себя карачіи въ Касимовѣ, нѣтъ положительныхъ свѣдѣній. Въ Крыму карачіями наз. всѣ лица, близкіе къ хану.

[2]) آتالق—«дядьки», воспитатели царскихъ дѣтей.

[3]) ايميلداش—«молочные братья», вообще приближенные, сверстники лицъ владѣтельствующаго дома.

[4]) *В. Д. Смирновъ.* Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты до начала XVIII вѣка. Т. I. Спб. 1887, стр. 467.

цовскій тропъ, въ диванномъ (тронномъ, государственномъ) залѣ аудіенцій.

Въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ“ подъ 1651 годомъ мы читаемъ объ обрядѣ, который наблюдался при возведеніи *мурзы ногайской орды* въ княжеское достоинство. Вотъ подлинныя слова указа [1]): „А сказавъ ему Государство жалованье, велѣти имя рекъ мурзу на княженье посадити, по ихъ закону, въ Асторохани, передъ собою, потомужъ, какъ учиненъ на ногайскомъ княженьи прежній Капай князь, и велѣти сентамъ и всѣмъ мурзамъ имя рекъ мурзу подняти на епанчѣ, или на полсти, мурзамъ и сеитамъ, по ихъ бусурманскому закону, передъ собою на площади, примѣрясь къ прежнему“.

Извѣстно также, что подобный обрядъ коронованія былъ принятъ и въ *ханствѣ Бухарскомъ* еще со временъ Чингизъ-хана [2]). Такъ послѣ убіенія хана Обейдуллаха аталыкъ Рахимъ-бій короновался по старинному тюркскому обряду. Г. Шубинскій [3]) въ своихъ „Очеркахъ“, говоря о коронованіи нынѣшняго эмира Сеидъ-Абдулъ-Ахада 4 ноября 1885 года, замѣчаетъ, что обычай „поднятія въ ханы“ введенъ, какъ новость, только самимъ Рахимъ-біемъ. Но, судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, вообще у тюрковъ „поднятіе въ ханы“ практиковалось еще въ V—VII в.в. по Р. Х. Собственно-же для ханства Бухарскаго „обычай этотъ на много столѣтій древнѣе Рахимъ-бія“, на что и указано въ свое время Н. И. Веселовскимъ [4]). Еще раньше Рахимъ-бія былъ поднятъ въ ханы Абдулла [5]) (1583—1598). Позднѣе, въ первомъ году нашего столѣтія, по кончинѣ эмира Шахъ-Мурада, на Бухарское ханство былъ избранъ

[1]) «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ». Часть III, № 114.

[2]) *В. В. Григорьевъ.* «О нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ. Записки Мирзы-Шемса Бухари». Ученыя записки, изд. Имп. Казанскимъ Университетомъ. 1861, кн. I, стр. 6.

[3]) *П. Шубинскій.* Очерки Бухары. Спб. 1892, стр. 7.

[4]) «Записки Восточн. Отдѣл. Имп. Русск. Археологическаго Общества» Томъ VIII, стр. 169.

[5]) *В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.* Монеты Бухарскія и Хивинскія въ IV ч. Трудовъ Вост. Отд. Импер. Археолог. Об-ва, стр. 399.

одинъ изъ сыновей покойнаго Миръ-Хайдеръ (1801—1828). По словамъ бухарца, — современника его Мирзы-Шемса [1]), народъ и служилые люди, поздравивъ Миръ-Хайдера ханомъ, обратились къ нему съ просьбой, чтобы онъ соблюлъ обычай предковъ и торжественно короновался. Везирь Хакимъ-Кушбеги, назначенный главнымъ распорядителемъ на предстоящей коронаціи, позаботился о заготовленіи халатовъ для подарковъ и о прочемъ. Было устроено три помоста: одинъ съ мраморнымъ тропомъ для Миръ-Хайдера, другіе два для разнаго рода сановниковъ и участниковъ коронаціи. Всѣ три помоста были обращены лицомъ къ Меккѣ. Когда все уже было готово и назначенъ былъ день, чины государственные собрались и заняли свои мѣста, каждый смотря по родовитости и важности занимаемаго имъ поста. Передъ тропомъ была разостлана бѣлая кошма. Миръ-Хайдеръ въ вѣнцѣ, украшенномъ дорогими камнями, сѣлъ на неё. Тогда за четыре угла кошмы взялись накибъ [2]), аталыкъ, диванъ-беги [3]) и перваначи [4]), подняли на ней Миръ-Хайдера, и отпустили на тронъ. Послѣ этого была раздача золотыхъ и серебряныхъ монетъ, а затѣмъ началось пиршество. Говорятъ, что только одного рису было издержано поварами до 1200 пудовъ. Попировавъ, начали расходиться и при этомъ каждому участнику подаренъ былъ халатъ, болѣе или менѣе цѣнный, смотря по достоинству получавшаго. Въ этотъ день былъ раздарено до 9000 халатовъ. Вѣсть о такой блестящей коронаціи разнеслась далеко за предѣлы Бухары. Изъ Кабула, Ирана, Хоканда и другихъ сопредѣльныхъ странъ прибыли почетныя посольства съ поздравленіями. Обласканные и удостоившіеся быть допущенными къ цѣлованію руки эмирской, послы

---

[1]) *В. В. Григорьевъ.* Цит. статья. Стр. 6, 7 и слѣд.

[2]) نقیب—начальникъ духовный.

[3]) دیوان بکی—великій везирь.

[4]) پروانەچی—главнокомандующій (См. обо всѣхъ 3 «Событія въ Бухарѣ», В. В. Григорьева, и «Описаніе Бухарскаго ханства», И. Ханыкова).

отправились домой. Самъ же Миръ-Хайдеръ, основываясь на томъ, что въ немъ течетъ кровь Чингиза, повелѣлъ читать по мечетямъ „хотбу“ (родъ нашей эктепіи) и чеканить монету съ своимъ именемъ [1]).

Наконецъ, *ханы оренбургскихъ киргизъ-казаковъ* были также „поднимаемы“ въ свое ханское достоинство. Избираемый ханъ поднимался на бѣлой кошмѣ біями, изъ которыхъ для этой церемоніи выбирались наиболѣе важные и родовитые. Послѣ избранія кошма, на которой поднимали хана, разрывалась біями на части. Эти лоскутки народъ разбиралъ и уносилъ по кибиткамъ въ знакъ того, что ханъ, который будетъ плохо управлять своимъ чародомъ, будетъ разорванъ на куски подобнымъ-же образомъ. Съ 1749 года [1]) правительство русское, желая придать въ глазахъ киргизовъ болѣе важности званію ханскому, старалось обставить коронацію какъ можно торжественнѣе. Такъ, въ 1812 году избраніе въ ханы Ширгазы сопровождалось музыкой, пушечной и ружейной пальбой. Вмѣсто же пира новый ханъ обѣдалъ у военнаго губернатора, гдѣ за его здравіе провозглашались тосты, сопровождаемые пушечной пальбой. Послѣ обѣда былъ данъ балъ. Только на другой день были угощаемы въ степи киргизы. На третій день былъ сдѣланъ прощальный обѣдъ и роздано множество подарковъ. Сохранились извѣстія, что еще въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія обычай этотъ былъ у киргизовъ въ употребленіи. Такъ, ханъ киргизовъ средней орды Кенесары [2]), воевавшій противъ русскихъ въ 1838—47 годахъ, послѣ удачнаго похода на Сузакъ, находящійся на сѣверъ отъ горъ Кара-Тау, пригласилъ къ себѣ на р. Тургай самыхъ почетныхъ и родовитыхъ киргизовъ

---

[1]) Быть поминаемымъ въ «хотбѣ» и чеканить монету—исключительное право верховныхъ властителей на Востокѣ.

[2]) Описаніе киргизъ-казачьихъ, или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей. Соч. А. Левшина. Спб. 1832. Часть 3, стр. 129.

[3]) *П. В. Анучковъ.* Киргизскій герой Джанходжа Нурмухаммедовъ. Въ «Извѣстіяхъ Общ. Арх., Ист. и Этнографіи при Имп. Каз. Университетѣ». 1894 г. Т. XII, стр. 229 и 230. *К. Т. Смирновъ.* Султаны Кенисара и Садыкъ Ташкентъ. 1889. Стр. 7 и 8.

всѣхъ трехъ ордъ, устроилъ имъ большое угощеніе и затѣмъ, какъ говорятъ киргизы, قانغه كوتاريلدى — „поднятъ (на бѣлой кошмѣ) въ ханы“, избранъ ими въ ханы большой, средней и малой ордъ, т. е. всей Алаши. Итакъ, сопоставляя всѣ упомянутые факты и судя по самому выраженію, спеціально употребляемому теперь тюрками, когда у нихъ заходитъ рѣчь о коронованіи—„хан кётармак“ (خان كوتارمك)—„поднимать въ ханы“, мы видимъ, что подобный обычай коронованія общетюркскій [2]) и по происхожденію своему принадлежитъ сѣдой старинѣ.

Интересно еще то, что въ настоящее время намъ приходится встрѣчаться съ пережиткомъ этого древняго обычая. Мы разумѣемъ игру [1]) *татарчатъ-мусульманъ Казанскаго уѣзда*, носящую названіе „избраніе въ ханы, цари“. Одинъ изъ участниковъ игры, кандидатъ въ ханы, подвергается тѣмъ же самымъ, по существу дѣла, операціямъ, какимъ нѣкогда подвергались касимовскіе цари, крымскіе ханы, бухарскіе эмиры и т. д. Его сажаютъ на халатъ или половикъ, и за углы поднимаютъ кверху. Вмѣсто же сажанія на лошадь и душенія, „хана“ стараются подбросить кверху такъ, чтобы онъ стукнулся о потолокъ избы, и почувствовалъ затѣмъ, что онъ не кто иной, какъ „ханъ“. Въ школахъ, такъ называемыхъ мектебъ-ханэ (مكتب خانه), подобнымъ образомъ выбираютъ дежурныхъ по классу.

И вотъ, въ современности оказываются обломки старины, и то, что въ наше время служитъ забавой дѣтямъ, нѣкогда представлялось дѣломъ первостепенной важности для тюркскихъ племенъ и ихъ государствъ.

Н. Засѣдателевъ.

Г. Казань.
12 сентября 1894 года.

---

[1]) Объ этой игрѣ сообщено Гайнуддиномъ Ахмаровымъ, членомъ-сотрудникомъ Общества Арх. Ист. и Этн. при Каз. Университетѣ.

[2]) Подобный этому обрядъ избранія на царство былъ извѣстенъ въ прежнія времена также славянамъ и германцамъ (А. Кулагинъ.)

ПРОГРАММА

ДЛЯ СОБИРАНІЯ ИНОРОДЧЕСКИХЪ ПРИМѢТЪ О ПОГОДѢ.

Собравъ довольно значительное количество чувашскихъ примѣтъ о погодѣ и вліяніи ея на сельское хозяйство, я хотѣлъ бы для пополненія сборника и для сравнительнаго изученія собрать такія же примѣты и у другихъ инородцевъ. Поэтому обращаюсь къ интересующимся лицамъ съ просьбою записать нѣсколько инородческихъ примѣтъ и прислать ихъ ко мнѣ—въ подлинникѣ и въ переводѣ на русскій языкъ.

Для удобства собиранія предлагаю содержаніе чувашскихъ примѣтъ.

I. Примѣты, предсказывающія погоду за одинъ или нѣсколько дней. 1) По солнцу: восходъ и закатъ, ясный или въ облако, цвѣтъ и продолжительность зари, образованіе или исчезновеніе тумана и облаковъ при восходѣ и закатѣ солнца; видимая величина солнца и цвѣтъ его; круги вокругъ солнца, столбы, уши. 2) По лунѣ: названіе фазъ ея, форма и цвѣтъ молодого мѣсяца; измѣненія погоды въ различныя фазы луны; круги, уши. 3) По звѣздамъ: названія звѣздъ; блескъ, мерцаніе. 4) По цвѣту неба, чистотѣ воздуха, дыму изъ трубъ, силѣ звука, по гигроскопическимъ и тлѣющимъ предметамъ. 5) По росѣ. 6) По облакамъ: формы облаковъ (желательны подробныя указанія), измѣненія облаковъ въ теченіи сутокъ. 7) По вѣтрамъ: сила и характеръ вѣтра; вихри; направленіе вѣтра и облаковъ, перемѣна направленія. 8) По грому и молніи; примѣты о градѣ. 9) По радугѣ: цвѣтъ, форма и положеніе ея. 10) О вліяніи водныхъ пространствъ; примѣты по убыли и прибыли воды въ рѣкахъ, колодцахъ и пр.; по образованію пѣны на поверхности воды и другихъ жидкостей. 11) По ощущеніямъ людей. 12) По животнымъ: домашнія животныя, птицы, рыбы, земноводныя и насѣкомыя.

II. Примѣты, предсказывающія лѣтнюю погоду по зимней и сельскохозяйственныя (объ урожаѣ, времени сѣва и пр.). 1) По снѣгу: время выпаденія, количество и качество снѣга, его залеганіе, характеръ таянія. 2) По инею. 3) По сосулькамъ. 4) По льду на рѣкахъ, таянію его; по разливу рѣкъ. 5) По времени прохожденія Плеядъ около луны (о наступленіи весны). 6)

Частныя примѣты о соотвѣтствіи зимней и лѣтней погоды, основывающіяся на наблюденіи въ одинъ какой либо зимній день. 7) Примѣты по животнымъ по птицамъ,—прилетъ и отлетъ ихъ, видъ ихъ при прилетѣ, время и характеръ пѣнія ихъ; вѣсъ первыхъ куриныхъ яицъ; по другимъ животнымъ (лягушкамъ, мышамъ и пр.) и насѣкомымъ. 8) По растеніямъ (объ урожаѣ): по количеству почекъ. цвѣта и плодовъ на деревьяхъ; по распусканію, желтѣнію и опаденіи листьевъ, по количеству нѣкоторыхъ травъ и цвѣтовъ. 9) Различныя примѣты, касающіяся посѣва и роста хлѣбовъ и пр.

Въ связи съ примѣтами послѣдней (2-ой) категоріи интересно бы знать среднія числа, въ которыя случаются ежегодно различныя періодическія явленія природы и производятся сельскохозяйственныя работы,—это даетъ представленіе о климатѣ данной мѣстности.

Затѣмъ интересны сообщенія о томъ, какъ объясняетъ народъ различныя метеорологическія и сельскохозяйственныя явленія.

Адресъ: Казань, учительская семинарія (на Кабанѣ), наставнику Александру Васильевичу Смоленскому.

А. Смоленскій.

ОПЕЧАТКИ

въ 3 вып. XII тома «Извѣстій».

Стран.	*Строка:*		*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
210	18	св.	Сыръ-дарьею	Сыръ-дарьею,
211	12	„	и Кени-	а Кени-
—	7	сн.	состоянію	положенію
212	13	„	чтобы „меня	чтобы меня
213	14	св.	іюня	іюля
—	17	„	Аральской флотиліи	ея
—	7	сн.	Туркестанта	Туркестана
—	9	св.	„Николай	„Николай“
—	10	„	Константинъ“	„Константинъ“
218	9	„	воспольвоваться	воспользоваться
—	23	„	Арыкѣ	Арыкѣ,
—	25	„	жизни“;	жизни;
220	16	„	Джакаимы	Джакаимъ
—	27	„	Раимъ	Раимъ,
223	16	„	ваше,	наше,
—	19	„	человѣка	за человѣка
—	11	сн.	господствомъ,	государемъ,
224	19	св.	Камышъ-Лабашъ;	Камышлы-башъ;
—	32	„	возбудившія	возбуждавшія
226	17	„	батырь,	башкиръ,
228	4	„	Деау,	Дебу,
—	6	„	этомъ запросѣ	этотъ запросъ

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
229	12 св.	вступался	вступается
230	19 „	смерть бія;	смерть сына бія;
234	10 „	соперниками,	союзниками,
—	18 „	экспедиція,	экзекуція,
235	12 сн.	большаго	высокаго
—	7 „	также	точно также
236	7 св.	мѣсто	мѣста
243	5 сн.	съ иноходцемъ;	иноходцемъ родившагося;

Опечатки въ приложеніяхъ къ 3 вып. XII тома «Извѣстій».

3	6 св.	не	ни
—	10 сн.	который	которой
—	2 „	господство	господства
4	1 св.	пробудились	пробудилось
—	3 „	обитателемъ	обладателемъ
—	10 „	пищалею	пищалію
—	22 „	дѣлѣ	дѣлѣ,
—	14 сн.	колонизировалъ	колонизировать
—	13 „	воспользовался	воспользоваться
—	7 „	кончался	кончились
5	12 св.	уже была яхта	должна была быть
—	13 „	которыя	которая
—	15 „	долженствовали	долженствовала
6	6 „	государства	государству
9	9 сн.	30	80
11	5 „	съ этой	въ этой
13	12 „	флагшаку	флагману
17	14 св.	нашли	нашла
18	15 „	флота;	флота,
—	17 „	пребываніе,—	пребываніе“,—
—	— „	въ указѣ“;	въ указѣ,—
—	2 сн.	Константинополь	Константинополь,

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
—	1 сн.	выраженію	выраженію,
20	18 „	подъ	надъ
—	10 „	съ турецкомъ	съ турецкимъ
21	6 „	пригсъ-коммиссаръ	кригсъ-коммисаръ
22	16 „	къ славѣ	въ славѣ
—	17 „	много	мною
24	13 св.	короламгани	кара-калпани
—	16 „	Старошишминска	Старошешминска
25	15 „	Россіи	Россіи;
—	2 сп.	Ашакова,	Аксакова,
27	8 св.	по	и о
28	15 „	по	на
—	22 „	Петербурга	Петербурга,
29	10 „	могу	не могу
—	20 „	раньше,	раньше
34	7 „	законами,	законами.—
43	7 сн.	имъ	башкирцамъ
44	2 „	123.	123122
—	1 „	122	
49	4 св.	Н. И. Неплюеву.	Н. Н. Неплюеву.

Въ 1895 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклундъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Гавенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), епископъ Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для успѣшнаго осуществленія этой задачи, редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни». М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 рубль.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAY 5 19

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Орденъ хуфіе. Н. Н. Пантусова. . . . . 387—408.

О свадебныхъ обрядахъ татаръ Восточнаго Туркестана. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 409—434.

О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Извоскрва. . . . . 435—447.

Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. Н. Ѳ. Катанова. . . . 448—454.

О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочнева. . . . . 455—465.

Хроника. Къ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ В. К. Магницкаго. . . . . 466—468.

Матеріалы. I. Историческіе. Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка. А. И. Соколова. — II. Этнографическіе. Тюркскія сказки о 3 братьяхъ. Предисловіе Н. Ѳ. Катанова. 1. Адербейджанская сказка. Т. А. Иваницкаго. 2. Турецкая сказка. Н. Ѳ. Катанова. 3. Сагайская сказка. Н. Ѳ. Катанова. 4. Логученская сказка. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 469—524.

Библіографія. Отзывы. 1. О турецкой книгѣ О. С. Лебедевой «Русская словесность. Константинополь, 1893». 2. О книгѣ «Маріуполь и его окрестности. Маріуполь, 1892». 3. О журналѣ «Globus». 4. О журналѣ «L' Oriente. Roma, 1894». 5. О сборникѣ статей В. И. Вербицкаго «Алтайскіе инородцы Москва, 1893». 6. О книгѣ «L' irrigation en Asie Centrale, H. Moser. Paris, 1894». 7. О книгѣ «Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области. Оренбургъ, 1894». 8. О книгѣ «Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Ташкентъ, 1894». Статьи Н. Ѳ. Катанова. . . . . 525—539.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1895.

Вышелъ 19 марта.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Орденъ хуфіе. Н. Н. Пантусова. . . . . 387—408.

О свадебныхъ обрядахъ татаръ Восточнаго Туркестана. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 409—434.

О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка. И. А. Износкова. . . . . 435—447.

Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. Н. Ѳ. Катанова. . . . . 448—454.

О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. Д. А. Кочнева. . . . . 455—465.

Хроника. Къ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ. В. К. Магницкаго. . . . . 466—468.

Матеріалы. I. Историческіе. Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка. А. И. Соколова. — II. Этнографическіе. Тюркскія сказки о 3 братьяхъ. Предисловіе Н. Ѳ. Катанова. 1. Адербейджанская сказка. Т. А. Иваницкаго. 2. Турецкая сказка. Н. Ѳ. Катанова. 3. Сагайская сказка. Н. Ѳ. Катанова. 4. Логученская сказка. Н. Ѳ. Катанова . . . . . 469—524.

Библіографія. Отзывы. 1. О турецкой книгѣ О. С. Лебедевой «Русская словесность. Константинополь, 1893». 2. О книгѣ «Маріуполь и его окрестности. Маріуполь, 1892». 3. О журналѣ «Globus». 4. О журналѣ «L' Oriente. Roma, 1894». 5. О сборникѣ статей В. И. Вербицкаго «Алтайскіе инородцы Москва, 1893». 6. О книгѣ «L' irrigation en Asie Centrale, H. Moser. Paris, 1894». 7. О книгѣ «Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области. Оренбургъ, 1894». 8. О книгѣ «Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ Сыръ-дарьинской области. Ташкентъ, 1894». Статьи Н. Ѳ. Катанова. . . . . 525—539.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1895.

Вышелъ 19 марта.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

ОРДЕНЪ ХУФІЕ.

Предлагаемая вниманію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи статья дѣйствительнаго члена *Н. Н. Пантусова*, озаглавленная „орденъ хуфіе“, заключаетъ въ себѣ описаніе одной довольно распространенной мусульманской секты, послѣдователи которой живутъ преимущественно въ Русскомъ и Китайскомъ Туркестанѣ. Перечень иностранныхъ и русскихъ сочиненій, посвященныхъ описанію среднеазіятскихъ сектъ со времени Мухаммеда до нашихъ дней, можно найти между прочимъ въ интересномъ сочиненіи Петра Позднева „Дервиши въ мусульманскомъ мірѣ. Оренбургъ, 1886“, гдѣ о сектѣ хуфіе говорится на стр. 65 и 234. Одни ученые говорятъ, что всѣхъ мусульманскихъ сектъ 35, другіе—60 и, наконецъ, третьи—100, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ихъ несравненно больше. Первымъ хуфитомъ въ Самаркандѣ былъ Хазрети Джувананъ-Зинди, съ 676 года по Р. Х. Коранъ въ 110 стихѣ XVII главы, называемой „сыны Израиля“ [1]), предписываетъ точно, какъ нужно произносить молитву: „не произноси *очень громко* [2]) свою молитву и не произноси ея *шепотомъ* [3]), но

---

[1]) بنو اسرائل

[2]) لا تَجهَر

[3]) لا تُخافِت

держись средняго произношенія". Строго исполняя это предписаніе корана, мусульмане произносятъ свои молитвы обыкновенно среднимъ голосомъ, но въ Средней Азіи есть 2 секты: одна—названная выше, это—секта „хуфіе" [1]), т. е. секта „тайнаго произношенія" и другая—секта „джагріе" [2]), т. е. секта „явнаго произношенія",—эти 2 секты другъ отъ друга отличаются тѣмъ, что послѣдователи секты хуфіе вопреки предписанію корана произносятъ молитвы *про себя*, *шепотомъ*, а послѣдователи джагріе—*громко*, *вслухъ*, отчего эти секты и получили свое названіе. Секта джагріе описана *Н. Н. Пантусовымъ* въ „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества" (кн. 10), секта же хуфіе въ весьма интересномъ и обстоятельномъ описаніи появляется на русскомъ языкѣ только теперь, если не считать разныхъ мелкихъ замѣтокъ, появлявшихся время отъ времени въ нѣкоторыхъ журналахъ и книгахъ.

---

[1]) خفيه

[2]) جهريه

Н. Катановъ.

Наиболѣе раціональною сектою, по способу изліянія Аллаху своихъ чувствъ, между множествомъ мусульманскихъ толковъ считается по понятіямъ мусульманъ секта *хуфіе* [1]). Этотъ орденъ, считающій свое ученіе болѣе офилософствованнымъ, чѣмъ другіе толки, привлекаетъ въ свои ряды наибольшій контингентъ муридовъ [2]) изъ людей, наиболѣе развитыхъ, достаточныхъ, однимъ словомъ,—классъ высшій въ средѣ мусульманскаго населенія [3]).

Ни въ общественной жизни, ни въ семейной и въ наружныхъ аттрибутахъ ея (какъ напримѣръ: пищѣ, одеждѣ и т. п.) не замѣчается никакихъ отличій у прозелитовъ разныхъ мусульманскихъ орденовъ; въ толпѣ и семьѣ все стушевывается. Вкусы и принадлежность мусульманъ къ тому или другому толку выражаются только во время молитвенныхъ собраній. Здѣсь исключительно проявляется отличіе одной секты отъ другой, здѣсь только сортируются во всей наготѣ степени дикости понятій многихъ послѣдователей пророка . . . . . Эта наружная, такъ сказать, сторона культа лишь и доступна болѣе или менѣе близкому наблюденію изслѣдователя.

Опишу сперва генеральный, какъ наиболѣе характеристичный, молитвенный сеансъ прозелитовъ ордена *хуфіе*, который происходитъ въ *Ташкентѣ* еженедѣльно въ пятницу,

---

[1]) مذهب خفيه

[2]) مريد—послѣдователь.

[3]) Секта *хуфіе*—секта чисто пантеистическаго характера, въ основѣ своей противная духу ислама. Она вылилась не изъ ислама, а образовалась извнѣ. Слова зикра «хýа» (онъ) и др. явились изъ ученія о непостижимости божества; а потому и имя Божіе замѣняется разными частными эпитетами. Эта секта по отношенію къ исламу то же, что и хлыстовщина по отношенію къ христіанству. [*М. Машановъ*].

въ полдень, послѣ намаза *джума* [1]), и на который собирается около двухсотъ—трехсотъ прозелитовъ (*муридъ*) и зѣвакъ (*назыръ*) [2]).

Вслѣдъ за окончаніемъ пятничнаго полуденнаго намаза, хуфиты усаживаются въ мечети такимъ образомъ, что часть ихъ образуетъ въ сторонѣ *кыбле* [3]) большой, овальный кругъ, въ цѣпи котораго у кыбле садится глава ордена—старшій ишанъ [4]) (*пиръ*), имѣющій по обѣ руки младшихъ ишановъ.

Сеансъ открывается чтеніемъ однимъ изъ ишановъ молитвы, которая соотвѣтствуетъ содержаніемъ своимъ нашей эктеніи и заканчивается приблизительно словами: „О Боже, прибѣгаемъ къ Тебѣ, Господу міровъ: пощади насъ, и родителей нашихъ, и наставниковъ, и всѣхъ мусульманъ мужчинъ и женщинъ, освободи насъ отъ различныхъ прегрѣшеній и ниспошли намъ благословленіе, по Твоей милости. Ты судья всѣхъ нашихъ нуждъ, о Всемилостивый и Всемилосердый!“

Во время чтенія этой молитвы одни изъ муридовъ, также какъ и ишанъ, сидятъ съ преклоненными головами, погрузясь во внутреннее созерцаніе, другіе же,—новички (*дахльдіръ* [5]) и проходящіе различныя степени духовнаго совершенства по ученію хуфитовъ сопровождаютъ молитву разнообразнѣйшими криками, возгласами и движеніями. Эти возгласы и тѣлодвиженія достигаютъ своего апогея во время втораго и самаго су-

---

[1]) نماز جمعه (перс.)—праздничная молитва.

[2]) ناظر (араб.)—смотрящій.

[3]) قبله (араб.)—югозападъ (относительно Ташкента), направленіе къ мечети Меккской, называемой الحرم

[4]) ایشان (перс.)—духовный глава, а پیر (перс.)—наставникъ, руководитель.

[5]) دخلدار (перс.)—имѣющій войти.

щественнаго акта моленія—*тевадджюгъ*, которое считается важнѣйшимъ принципомъ хуфитскаго ученія [1]).

По окончаніи молитвы, которая произносится сидя, и по заключеніи ея *такбиромъ* [2]), муриды подымаются со своихъ мѣстъ и разсаживаются въ нѣсколько круговъ (*халькe* [3]), число которыхъ зависитъ отъ количества собравшихся прозелитовъ. Каждый кругъ заключаетъ въ себѣ человѣкъ 15-20; такимъ образомъ въ мечети образуется 8 или 9 круговъ. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ садится по одному ишану. *Тевадджюгъ* начинается. Состоитъ онъ въ томъ, что ишанъ обращается поочередно къ каждому изъ муридовъ, и предъ каждымъ изъ нихъ произноситъ мысленно нѣсколько десятковъ разъ мистическія слова, сопровождая ихъ счетомъ на четкахъ (*тасбихъ*) [4]). Важнѣйшее значеніе въ этомъ мистическомъ лексиконѣ имѣютъ слова: „Аллягу-ра“ (Богу) и „Я Алла“ (о Боже) [5])! При тайномъ, мысленномъ произнесеніи этихъ словъ, сопровождаемомъ, какъ я уже сказалъ, переборомъ четокъ и закрытіемъ глазъ, какъ у учителя, такъ и у мурида, ишанъ киваетъ головой и слегка сопитъ (*нафисбо̂тъ*) [6]).

Получивъ такое духовное созерцаніе отъ ишана, муридъ, который все время сидѣлъ съ понуренной головой и закрытыми глазами, выходитъ изъ круга и помѣщается въ кругъ

---

[1]) *Тевадджюгъ* (توجه арабское слово) значитъ сообственно обращеніе, лицезрѣніе или, въ духовномъ смыслѣ, созерцаніе.

[2]) تكبير (араб.)—прославленіе Божіе, совершаемое чрезъ произнесеніе фразы الله اكبر (араб.)—Богъ великъ!

[3]) حلقه (араб.)—кругъ, кольцо.

[4]) تسبيح (араб.)—прославленіе Божіе и четки.

[5]) يا الله и الله را (перс.)

[6]) نفيسباد نفيسه آباد (перс.)—испускающій вздохи, сопѣнія.

къ другому ишану, чтобы и отъ него получить теваджюгъ. Отъ втораго переходитъ онъ къ третьему, четвертому и т. д. пока не обойдетъ всѣхъ ишановъ и не насытится духовно-сердечнымъ лицезрѣніемъ каждаго изъ нихъ.

Ишанъ, давъ теваджюгъ одному ученику, обращается къ другому, третьему, и обходитъ такимъ образомъ (въ сидячемъ положеніи) весь кругъ, въ направленіи противъ солнца, что приходится ему совершить нѣсколько разъ, такъ какъ цѣпь его круга постепенно дополняется новыми звеньями-пришельцами, ищущими созерцанія.

Нѣкоторые изъ муридовъ принимаютъ *теваджюгъ* ишана съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ, не выражая дѣйствія его на свою душу никакими восторженными возгласами или движеніями. Другіе же, на оборотъ, прерываютъ или сопровождаютъ теваджюгъ ишана, въ ущербъ важнѣйшему принципу его ученія, разнобразнѣйшими вскрикиваніями и припадками, которые будто бы имѣютъ тотъ смыслъ, что божественная тайна при посредствѣ вдохновеннаго лицезрѣнія ишана проникла въ глубину сердца и чистотою своею потрясла грѣшное тѣло мурида.

Возгласы и крики муридовъ бываютъ самые разнообразные: всѣ звуки, какіе только можетъ изобрѣсти самая изысканная фантазія, имѣютъ здѣсь примѣненіе. Движенія же многихъ изъ нихъ, бѣснованія, сотрясенія и корчи бываютъ весьма сильны.

Особенно запечатлѣлся въ моей памяти одинъ муридъ: все время, съ начала до конца сеанса, въ теченіе $2^1/_2$ часовъ, этотъ мусульманинъ неистовствовалъ въ сильнѣйшей степени. Сперва кричалъ онъ, во всю силу своихъ легкихъ: *гуп*, *гуп гуп*, затѣмъ—*упхи*, *упхи*, повторяя каждый при этихъ возгласовъ по четверти часа безпрерывно, метаясь съ различными гримасами по мечети и теребя другихъ своихъ сосѣдей. Черезъ нѣсколько времени стали раздаваться на всю мечеть его крики: *бррр—бррр-гу*, *бррр—бррр-гу* . . . . . , *тахъ—бирр*, *тахъ—бирр* . . . ., которые заглушали подобныя же священ-

ныя упражненія его компаніоновъ. Тѣлодвиженія и крики этого прозелита довели его до забытья, во время котораго онъ лишился своей тюбетейки и халата, однако, разгоряченный неистовствомъ, продолжалъ свое дѣло еще съ большимъ жаромъ.

Наскучивъ единоличными упражненіями въ прохожденіи степени духовнаго совершенства, этотъ бѣшеный муридъ подыскалъ себѣ подобнаго же товарища. Оба они сѣли одинъ передъ другимъ и начали кричать въ запуски; одинъ кричалъ: *ау-ау ау-ау . . .* другой: *ги-хърр, ги-хърр . . . .*, сопровождая эти неестественные звуки тѣлодвиженіями: первый все кланялся до земли, второй подпрыгивалъ въ вертикальномъ положеніи. Проведя въ такомъ упражненіи около четверти часа, они стали разнообразить свои зикры [1]) и издавать нѣчто въ родѣ *ай-гу, ай-гу . . . ао-ао . . . . тпрю-ги, тпрю-у тпрю-ги, тпрю-у . . .*, приправляя ихъ болѣзненными, лихорадочными сотрясеніями. Самый восторженный актъ моленія наступилъ въ ту минуту, когда оба молящіеся бросились одинъ на другаго, обнялись и, колотя другъ друга кулаками въ спину, подпрыгивали на мѣстѣ, продолжая съ пѣною у рта, свои зикры: *гу-хаккъ, гу-хаккъ* [2]), т. е. „Онъ—истина", до тѣхъ поръ, пока оба, изнеможенные, не повалились на землю и пока съ однимъ изъ нихъ не сдѣлался припадокъ падучей болѣзни. Этотъ припадокъ болѣзни, вызванный имъ посредствомъ неистовыхъ тѣлодвиженій и ненормальнаго нравственнаго состоянія, заставилъ его долго метаться по полу, послѣ чего, успокоившись немного, этотъ бѣсноватый молящійся пролежалъ посреди мечети до окончанія моленія.

Невыносимый концертъ, на подобіе вышеописаннаго, под-

---

[1]) ذكر (араб.)—перечисленіе эпитетовъ Божіихъ, которыхъ числомъ 99 или 999; 101 или 1001.

[2]) هو حق (араб.)

держивается весьма дружно десяткомъ—другимъ прозелитовъ. Одинъ выражаетъ свои восторги возгласами: *хакъ*, *хакъ* [1]) (истина, Богъ) . . . . . , другой вторитъ ему: *гай*, *вай* . . . *у-у-у*, третій: *ай-гу*, *ай-гу*, четвертый: *гу-хакъ*, *гу-хакъ*, пятый: *хакъ-гу*, *хакъ-гу* [2]), шестой: *ао-ао*, *оа-оа*, *уффф-бррр* и т. п. Въ этомъ раздирающемъ уши концертѣ нѣкоторые, произнося помянутыя выраженія, сопровождаютъ ихъ дрожаніемъ тѣла, происходящимъ отъ сердечнаго вдохновенія, нѣкоторые—киваютъ головой, или покачиваютъ ею въ различныхъ направленіяхъ, иные—кружатся по мечети, около столбовъ, размахиваютъ руками, пляшутъ, бродятъ по мечети, останавливаются поднимаютъ руки къ верху съ криками, крутятъ чрезвычайно быстро головою, и проч.

Одинъ прозелитъ чуть не заставилъ меня расхохотаться на всю мечеть. Дѣло въ томъ, что этотъ муридъ, весьма почтенныхъ лѣтъ, до такой степени кричалъ, кривлялъ свою физіономію и крутилъ усиленно головой, что чалма упала съ его головы, обвилась вокругъ шеи; когда муридъ почувствовалъ себя не совсѣмъ въ удобномъ положеніи для молитвенныхъ манипуляцій, тогда сразу улетучилось у него божественное наитіе, и онъ весьма хладнокровно распуталъ свою чалму, поднялся съ мѣста и преспокойно перешелъ на *тевадждю* къ другому ишану.

Попадаются и такія личности, которыя полагаютъ, что почитаніе Аллаха состоитъ въ томъ, чтобы биться объ стѣну головой. Одного подобнаго восторженнаго богомольца я видѣлъ безъ чалмы, тюбетейки; голой головой онъ сильно бился объ стѣну, выкрикивая во все горло какой-то зикръ. Трудно подозрѣвать, что такіе, часто лѣнивые и неподвижные люди, какими представляются азіатцы въ общественной и семейной

---

[1]) حقّ (араб.)

[2]) حقّ هو (араб.)

жизни, могутъ спизойти до такой степени бѣснованія, подъ вліяніемъ мусульманскаго религіознаго ученія.

Упомяну еще о моемъ сосѣдѣ-хуфитѣ, который до такой степени накричался и накивался головой, что послѣ двухчасоваго безпрерывнаго крика и тѣлеснаго напряженія дошелъ до какого-то неистовства; пѣна клубами падала изъ его рта на бороду. Началъ онъ свое моленіе плачемъ, вѣроятно о согрѣшеніяхъ своихъ; нарыдавшись вдоволь, онъ сталъ произносить зикры: *гу-хакикъ*, *гу-хакикъ* [1]) (Онъ праведный), *гу-гаффаръ* [2]) (Онъ всепрощающій, *гу-гаккакъ*, *гу-гаккакъ* [3]) (Онъ самый праведный), произнося ихъ все съ большей и большей торопливостью; наконецъ, когда ускоренныя тѣлодвиженія не соотвѣтствовали темпу выговора этихъ словъ, хуфитъ замѣнилъ ихъ болѣе короткими и менѣе затрудняющими: *хакк-гу*, *хакк-гу* [4]) . . . .

Затѣмъ онъ сталъ понемногу наэлектризовываться религіознымъ восторгомъ, выдѣлывать неподобающіе его фигурѣ прыжки и издавать неопредѣленные звуки. Продолжительность такихъ упражненій довела его наконецъ до неистовства.

Не остаются безмолвными и ишаны, во время своихъ тевадждюгъ: какъ бы въ поощреніе муридовъ, они глухо издаютъ по временамъ зикры: *гей-гей* [5]) (Онъ живой).

Послѣ того, какъ муриды получатъ отъ каждаго ишана въ отдѣльности *тевадждюгъ*, прозелиты усаживаются въ обык-

---

[1]) هو حقيف (араб).

[2]) هو غفار (араб).

[3]) هو حقاق (араб).

[4]) هو حق (араб).

[5]) حى (араб).

новенномъ порядкѣ, обратясь къ кыбле, на молитву, которой предшествуетъ чтеніе тирадъ изъ корана. За длинной молитвой, сопровождаемой такбиромъ и выслушиваемой муридами стоя, слѣдуетъ *зіяретъ* [1]) или *мулокотъ* [2]), т. е. пожатіе, похожее почти на цѣлованіе, рукъ у главнаго ишана и прочихъ ишановъ, и взаимное привѣтствіе вѣрующихъ.

Пятничное моленіе, имѣющее техническое названіе *теваджюгъ*, подобно тому, какъ сеансы ордена джагріе [3]) именуются *джагръ* [4]) или зикръ, длится около двухъ съ половиною часовъ; причина тому многочисленность муридовъ: пока всѣ они получатъ теваджюгъ отъ каждаго ишана, пока большинство изъ нихъ побѣснуются въ должной мѣрѣ,—пройдетъ не мало времени.

Вотъ картина сеанса хуфитовъ!

Описать всего въ надлежащей полнотѣ невозможно: не хватаетъ красокъ для такой во многихъ отношеніяхъ неестественной картины, которая на бумагѣ очерчена нами весьма слабо. Чтобы представить ее себѣ въ настоящемъ видѣ, въ дѣйствительности, читателю предлагается посѣтить самому эти интересныя собранія, но только не въ компаніи, а отдѣльно, и притомъ если онъ съ крѣпкими нервами [5]).

Кромѣ этого генеральнаго по многочисленности посѣтителей сеанса, ежедневныя засѣданія ишановъ съ муридами

---

[1]) زيارت (араб).

[2]) ملاقات (араб).

[3]) مذهب جهريه (перс).

[4]) جهر (араб).

[5]) Наиболѣе славятся въ городѣ Ташкентѣ хуфиты-ишаны: Абдулъ-Касимъ-Ханъ-ишанъ и Ахмедъ-Махзумъ-ишанъ, въ Вишъ-агачской части; первый въ Махалле (кварталѣ) Охчи, второй—въ Махалле Арпа-пая. Оба они имѣютъ собственныя мечети, куда и собираютъ своихъ многочисленныхъ муридовъ. Кромѣ того, хуфиты собираются въ «Муй-Мубарекъ», у медрессе Баракъ-хана, и во многихъ другихъ мѣстахъ.

происходятъ три раза: утромъ-послѣ намаза бамдадъ [1]) на зарѣ), въ полдень-послѣ намаза асръ [2]), и вечеромъ-вслѣдъ за намазомъ хуфтанъ [3]). Порядокъ этихъ сеансовъ похожъ во всемъ на сеансы пятничнаго моленія; разница только въ томъ, что во время тевадждюгъ образуется одинъ кругъ, за малочисленностію муридовъ, и подвизается въ священнодѣйствіи одинъ ишанъ.

По вечерамъ и ночамъ, подъ пятницу преимущественно, бываютъ бесѣды (*сохбатъ* [4]) ишана съ муридами и лекціи (*тесаввуфъ* [5]), содержаніе которыхъ составляютъ наставленія въ догматахъ и обрядахъ хуфизма.

Хотя ученіе хуфитовъ и считается, по отношенію къ способу выраженія чувствъ прозелитовъ, болѣе облагороженнымъ чѣмъ ученіе послѣдователей толка *джагріе*, однако, по дикости проявленія этихъ чувствъ въ наружныхъ формахъ, одно другому не уступитъ: у джагріе я не видѣлъ такихъ бѣшеныхъ прозелитовъ, способныхъ биться головой объ стѣну, какъ у хуфіе.

Склонность къ неестественнымъ, конвульсивнымъ движеніямъ, бѣснованіямъ, практикуемымъ послѣдователями различныхъ толковъ вообще, даже и такихъ, важнѣйшій принципъ ученія которыхъ состоитъ въ таинственномъ сердечномъ созерцаніи, безъ наружнаго проявленія чувствъ, какъ напримѣръ

---

[1]) نماز بامداد (перс).

[2]) نماز عصر (перс).

[3]) نماز خفتن (перс).

[4]) صحبت (араб).

[5]) تصوّف (араб).

у хуфитовъ [1]),—объясняется стремленіемъ подражать конвульсивнымъ движеніямъ своего пророка, вызывавшимся первыми припадками, которымъ послѣдній подвергался и въ дѣтствѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ.

Пароксизму пророка всегда предшествовало угнетеніе духа; лице его становилось мрачнымъ и конечности холодѣли. Жилы на лбу напрягались, глаза останавливались и голова конвульсивно поворачивалась то въ одну, то въ другую сторону, въ это время онъ изрекалъ пророчества или суры [2]). При этомъ страданія его были не обыкновенны, онъ часто упоминалъ о трехъ ужасныхъ припадкахъ, отъ которыхъ подѣли его волосы. Нѣкоторые изъ друзей его приписывали такое странное умственное состояніе эксцентричностямъ, свойственнымъ поэтамъ, другіе считали его одержимымъ злымъ духомъ или прямо признавали его безумнымъ [3]).

Въ подражаніе этимъ естественнымъ припадкамъ своего пророка, сыны ислама всѣми силами стремятся, во время молитвенныхъ собраній, вызвать и духовное и тѣлесное возбужденіе посредствомъ различныхъ бѣснованій (*джазава* [4]), которымъ придается большое значеніе потому, что они считаются средствомъ къ вызову и проявленію божественнаго наитія и пророческаго вдохновенія.

Пустоту и притворность духовныхъ чувствъ, которыми воодушевляются восторженныя движенія мусульманскихъ прозелитовъ, сознавали и сознаютъ наиболѣе разсудительные мусульмане. На сколько искренни эти чувства, на сколько пол-

[1]) *Хуфіе* (арабское слово) значитъ тайный, скрытный. Этимъ именемъ (въ противоположность *джагріе* громкій, явный) характеризуется способъ выраженія чувствъ, которыя у джагріе всѣ высказываются въ движеніяхъ, у хуфіе же онѣ скрыты во внутреннемъ созерцаніи. Первымъ хуфитомъ считается первый халифъ Абу-Бекръ-Сыддыкъ.

[2]) سورة (араб.)—главы Корана.

[3]) Картины изъ жизни историческихъ и неисторическихъ народовъ, стр. 24. (Знаніе).

[4]) جذبات (араб.)—раздраженія, увлеченія.

но теплотой, умиленіемъ, или вообще содержаніемъ сердце мурида-хуфита или джагріе, характеризуется слѣдующимъ стихомъ изъ твореній поэта Невâи [1]) или Фузули [2]) (не помню хорошо), весьма распространеннымъ въ общежитіи: Джагріесы аузы ачыкъ хôли-хумъ, Хуфіесы хемъ јель-бирленъ тольганъ тулюмъ [3]), что значитъ: „джагритъ съ открытымъ ртомъ похожъ на пустой горшокъ; хуфитъ точно также похожъ на бурдюкъ, наполненный вѣтромъ (воздухомъ)“ [4]).

Слѣдовательно и въ томъ, и въ другомъ содержаніе одинаково: пустота!

Эту критику могу подтвердить и я, замѣтивъ, что въ сущности вся процедура молепія хуфитовъ, съ аксессуарами восторженности,—простая личина: такъ на утреннемъ послѣ зари моленіи, вдохновенный свыше муридъ, мой сосѣдъ, по окончаніи теваджюга, сталъ минуту спустя зѣвать во весь ротъ, что едва ли случилось бы при непритворномъ состояніи нравовѣрующей души!

Тайны ученія хуфизма и божественнаго откровенія раскрываются муридамъ сами собою, по мѣрѣ постепеннаго духовнаго ихъ совершенствованія и просвѣщенія. Послѣднее достигается посредствомъ *теваджюг* ишана (которое способствуетъ вытѣсненію изъ души всего дурнаго и нечистаго) и прохожденіемъ нѣсколькихъ ступеней послушанія. По мѣрѣ

---

[1]) Джагатайскій поэтъ Миръ-Али-Ширъ-Неваи (میرعلی شیرنوای) жилъ въ 1441—1500 гг.

[2]) Фузули(فضولی) османскій романтикъ, умеръ въ 1562 г.

[3]) جهریه سی آوزی آچیق خالی خم

خفیه سی هم یل بیرلان طولغان طولوم (по-тюркски).

[4]) Другая редакція этого стиха, неимѣющаго впрочемъ должнаго ритма. جهریه سی آوزی آچیق قوروق خم خفیه سی یلکا طولغان طولوم Джагріесы аузы ачыкъ, курукъ хумъ. Хуфіесы іельга тольганъ тулюмъ. Значеніе его одинаково съ первымъ.

выполненія ихъ, сердце мурида очищается (пâкизе) [1]), освѣщается (*раушанъ*) [2]) божественною истиною, и, какъ бы по лѣстницѣ, прогрессивно восходитъ своимъ сердечнымъ окомъ къ созерцанію и познанію принциповъ хуфитскаго ученія. Этихъ степеней насчитывается шесть (*шешъ-латâифъ*) [3]), а по другимъ—больше.

Принятіе неофита (*дâхиль*) [4]), или (*дахльдôръ*) въ члены ордена и посвященіе его въ таинства ученія начинается съ того, что ишанъ беретъ правую руку неофита и, заключивъ выпрямленную ладонь ея въ свои тоже выпрямленныя ладони (символъ прямоты, правдивости), задаетъ ему нѣсколько безыскусственныхъ вопросовъ. Такъ напримѣръ, ишанъ вопрошаетъ между прочимъ; „вступаетъ ли неофитъ въ толкъ хуфіе?“ На это послѣдній отвѣчаетъ: „вступилъ“. Послѣ того дается нравственное назиданіе на темы: „ничего дурнаго не дѣлать, не лгать, чаще молиться Богу, вдыхать въ себя слово „Аллахъ“, не брать ничего чужаго, и предписывается прохожденіе *первой степени* послушанія *талимъ* [5]), которое состоитъ въ томъ, чтобы утромъ, при восхожденіи солнца, прочитать нѣсколько разъ молитву такого содержанія: „О Боже! пошли милость твою нашему начальнику и начальнику всего народа (Мухаммеду), его родственникамъ и его асхабамъ (сподвижникамъ) [6]) и благослови всѣхъ ихъ!!

Мысленное произнесеніе этой молитвы рекомендуется повторять въ день столько разъ, сколько возможно (отъ 400 до

---

[1]) پاکیزه (перс.)—чистый, непорочный.

[2]) روشن (перс.)—свѣтлый, ясный.

[3]) شش لطائف (перс.)—шесть милостей.

[4]) داخل (араб.)—входящій.

[5]) تعليم (араб.)—обученіе.

[6]) اصحاب (араб.)—товарищи.

500 разъ), равно какъ и произнесеніе слова *Аллахъ*, которое повторяется иными десятки тысячъ разъ въ сутки.

Слово *Аллахъ*, по ученію хуфитовъ, предписывается произносить не языкомъ, а сердцемъ, слѣдовательно—въ лѣвомъ боку, въ теченіи по меньшей мѣрѣ десяти дней; по истеченіи ихъ, слѣдуетъ произносить слово Аллахъ въ противоположномъ — правомъ боку. Это упражненіе длится тоже десять дней; послѣ того сердце начинаетъ трепетать, по временамъ очищаясь и одушевляясь божественной истиной. Въ теченіи третьяго десятка дней слово „Аллахъ" произносится надъ сердцемъ, въ лѣвомъ боку; въ теченіи четвертаго десятка—въ правомъ боку, тоже вверху, подъ ключицею. Пятый десятокъ посвящается произнесенію „Аллахъ" въ груди и, наконецъ, шестой—въ горлѣ (*дымагъ*) [1]). Во время этихъ молитвенныхъ упражненій все нечистое и прочное оставляетъ внутренность мурида, улетучиваясь изъ нея посредствомъ разнообразныхъ тѣлесныхъ припадковъ и бѣснованій (*джазби джунунъ* [2]), или неправильно въ просторѣчіи —*джазава*).

Поученія и бесѣды съ неофитами происходятъ по вечерамъ, преимущественно наканунѣ пятницы.

Порядокъ этихъ собраній таковъ: вслѣдъ за намазомъ хуфтанъ, имѣющимъ мѣсто часовъ около семи вечера, сектаторы—хуфиты усаживаются въ кругъ, послѣ чего слѣдуетъ раздача муридамъ камешковъ, въ количествѣ 100 штукъ; на долю каждаго достается по 2, по 3, 4, смотря по числу муридовъ. Ишапъ кладетъ передъ собою кучку камешковъ въ числѣ 10, и беретъ также въ руки нѣсколько штукъ. Камешки эти, употребляясь при счетѣ репетированія молитвъ и зикровъ, замѣняютъ собою четки. Сеансъ открывается, послѣ распредѣленія камешковъ, молитвой съ такбиромъ, за которой

---

[1]) دماغ (перс.)—верхъ горла, небо.

[2]) جذب جنون (перс.)—удовлетвореніе бѣсованія.

слѣдуетъ чтеніе суры-фâтиха [1]). Послѣ этой общеизвѣстной молитвы начинается молитвословіе, состоящее изъ разнообразныхъ величаній, хвалебныхъ стиховъ и тирадъ изъ корана, начало которыхъ цитируется ишаномъ вслухъ, а конецъ произносится мысленно какъ ишаномъ, такъ и муридами. Для образчика приведу здѣсь наиболѣе употребительныя цитаты, изъ которыхъ нѣкоторыя повторяются два раза, иные же—до десяти:

1) „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! О Господи благослови начальника нашего Мухаммеда и родъ Мухаммеда какъ между предшественниками нашими, такъ и въ послѣдующемъ поколѣніи“... (продолженіе цитируется мысленно).

2) Во имя Бога милостиваго и милосердаго! О Боже!..... Затѣмъ слѣдуетъ начало суры *ихляс* [2])....

3) Начало суры Аля [3])....

4) „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! О Боже! Пощади насъ, Боже, отъ (навѣтовъ) проклятаго діавола“.....

5) Во имя Бога и т. д. Прибѣжище мое и сила лишь только Ты, Господь!.....

6) Во имя Бога и т. д. О живый, о неизмѣнный!

7) О источникъ славы и милости! О исцѣлитель недуговъ, о высокостепенный!

8) О вмѣстилище благословенія! О судья нашихъ нуждъ!

9) Прими насъ подъ свой покровъ, ибо ты приклоняющій ухо (къ нашимъ мольбамъ) и всевѣдущій!.....

Эти и многія другія славословія прерываются по временамъ такбиромъ, молитвой и „словомъ“ *карыя* [4]), заканчивают-

---

[1]) سورة فاتحة الكتاب (араб.)—первая голова корана.

[2]) سورة الاخلاص (араб.)—112-я глава корана.

[3]) سورة الاعلى (араб.)—87-я глава корана.

[4]) قرآءة (араб.)—чтеніе.

ся же—цѣлованіемъ камней и проведеніемъ ими по лицу. Послѣ этого камешки отбираются и наступаетъ чтеніе историческихъ отрывковъ изъ житій святыхъ, толкованіе корана и наставленіе въ догматахъ и обрядахъ хуфитскаго культа. Важнѣйшую роль на этихъ лекціяхъ играетъ „Нафахâту'ль-унсъ“ [1])—сочиненіе Мевляна Джами [2]).

Душеспасительная и поучительная бесѣда завершается чаепитіемъ, лепешками и пловомъ.

Вторая степень упражненій, предписываемыхъ ишапомъ, состоитъ въ мысленномъ произнесеніи извѣстной формулы „*Ла илâha илль' Алла*“ [3]) (нѣтъ божества кромѣ Аллаха), съ легкимъ при этомъ покачиваніемъ головы въ сторону сердца, въ глубь котораго какъ бы направляются эти символическія слова изъ области мыслей.

Слѣдующая степень *таглиль* [4]), состоитъ въ произнесеніи девять разъ мусульманскаго символа вѣры: „Нѣтъ божества, кромѣ Аллаха“, а въ десятый—„и Мухаммедъ посланникъ Бога“ [5]) (ва-Мухаммедъ расулю'лла) [6]). Эти разы считаются по суставамъ пальцевъ лѣвой руки, начиная съ мизинца: на трехъ пальцахъ, при сгибѣ ихъ во внутреннюю сторону ладони выясняется девять суставовъ, которые и служатъ мурпду вмѣсто четокъ, составляющихъ принадлежность хуфитовъ болѣе высокаго духовнаго совершенства;—пунктами опо-

---

[1]) Полное заглавіе этой книги نفحات الانس من حضرات القدس —біографіи суфіевъ (мистиковъ).

[2]) Полное имя его Пуръ-эд-динъ Абду'ррахманъ Джами (نورالدين عبدالرحمان جامى), умеръ 1492 года.

[3]) لا اله الا الله (араб.).

[4]) تهليل (араб.)—славословіе.

[5]) ومحمد رسول الله (араб).

[6]) Иные толкуютъ, что формула: «нѣтъ божества и т. д.» произносится одиннадцать разъ, а «Мухаммедъ посланникъ Аллаха» въ двѣнадцатый.

ры при произнесеніи символа вѣры; для десятаго раза пунктомъ опоры служитъ вершина средняго пальца [1]). Въ счетѣ факторомъ или регуляторомъ является большой палецъ той же лѣвой руки.

Затѣмъ — повтореніе днемъ и ночью нѣсколько тысячъ разъ зикровъ: „Я Алла“ [2]), „*Я раззакъ*“ [3]) (о питатель), „*Я хейй*“ [4]) (о живой), „*Ла илâха илль'Алла*“, „*бисмилля*“ [5]) (во имя Бога) и множества другихъ — составляетъ также часть упражненій при восхожденіи къ душевному очищенію.

Степень *нафисбôдъ* (или *нафâисбодъ* [6]) иначе *вылâети сугра* [7]) состоитъ въ сидѣніи со сложенными крестообразно на колѣняхъ руками и понуренной головой, во время котораго и въ мысляхъ и языкомъ произносится слово: „Я Алла“. Произносится оно почти безмолвно, сопровождаясь только сопѣніемъ (*нафисъ*) и едва слышимымъ прищелкиваніемъ языка, при чемъ голова иногда слегка покачивается сверху внизъ. Подобныя упражненія производятся нѣсколько разъ въ день. По достиженіи этого градуса совершенства, человѣкъ дѣлается почти святымъ, хотя не вполнѣ еще достоинъ такого почетнаго эпитета.

---

[1]) Если произнесеніе символа происходитъ не по девятикратной системѣ, а по двѣнадцатикратной, то счетъ сопровождается также, при участіи большаго пальца, на трехъ пальцахъ; только въ этомъ случаѣ пунктами счета являются складки на внутренней сторонѣ пальцевъ и вершины ихъ, которыя въ совокупности дадутъ двѣнадцать точекъ опоръ для большого пальца.

[2]) يا الله (араб.)—о Боже!

[3]) يا رزّاق (араб.).

[4]) يا حيّ (араб.).

[5]) بسم الله (араб.).

[6]) نفاذسباد (перс.).

[7]) ولايت صغرى (перс.)—малыя обязанности.

Прохожденіе послѣдующихъ степеней заключается въ чтеніи различныхъ по желанію суръ корана *телѣватъ* [1]), размышленіи надъ прочитаннымъ, созерцаніи величія Божія, выражающемся въ безмолвномъ сидѣніи съ преклоненной въ сторону сердца головой и закрытыми глазами, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Въ послѣдней степени *(хатми-сулюкъ)* [2]) своего духовнаго совершенствованія человѣкъ достигаетъ такого состоянія святости, что ничто не можетъ повредить ему, даже если ударить его палкой, шашкой, выстрѣлить въ него изъ ружья или вообще причинить ему какое-либо насиліе. Однако такихъ хуфитовъ, по толкованію простодушныхъ мусульманъ, бываетъ крайне ограниченное число. Каждую степень нравственнаго очищенія и духовнаго совершенства, практика которой обставляется особаго рода упражненіями какъ тѣлесными, такъ и духовными, муридъ проходитъ въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, а иногда—годъ или два, смотря по духовнымъ способностямъ къ воспріятію божественной истины и откровенія. Такимъ образомъ, для прохожденія всѣхъ степеней и совершеннаго просвѣщенія, возводящаго murida на степень ишана-учителя, необходимъ періодъ времени отъ 4 до 10 лѣтъ. Такой періодъ достаточенъ, смотря по комплекціи муридовъ, для окончательнаго разстройства здоровья многихъ святошъ, при помощи продолжительныхъ искусственныхъ пароксизмовъ, конвульсій, разныхъ болѣзненныхъ припадковъ, при помощи долгаго нравственнаго и тѣлеснаго напряженія, поста, ночнаго бдѣнія и т. п. Это разстройство обусловливается слабостью организма вообще и сердцебіеніемъ въ особенности; послѣднее считается у хуфитовъ проявленіемъ апогея духовнаго совершенства. Глухой звукъ, издаваемый біеніемъ сердца у болѣзнен-

---

[1]) تلاوة (араб.)—чтеніе.

[2]) ختم سلوك (перс.)—конецъ движенія.

ныхъ хуфитовъ сравнивается со звукомъ *хакъ* [1])—истина. Такое болѣзненное совершенство достигается по понятіямъ сектаторовъ не раньше, какъ по прошествіи четырехъ лѣтъ послушанія, при томъ однако условіи—не говоря уже о другихъ требованіяхъ — чтобы въ теченіе всего этого времени муридъ самъ готовилъ себѣ пищу, не касаясь стряпни чужихъ, можетъ быть, нечистыхъ рукъ.

Истинные ишаны (каковыхъ весьма малый процентъ) также, какъ и истинные иноки орденовъ другихъ религій, на видъ болѣзненны, блѣдны; причина тому: незначительное количество употребляемой ими пищи и бдѣнія по цѣлымъ ночамъ, во время которыхъ происходятъ поученія [2]).

Ишаны,—главы орденовъ, никакихъ занятій, достойныхъ гражданина, не имѣютъ; кромѣ религіозныхъ требъ, они ничѣмъ не занимаются: ни торговлей, ни земледѣліемъ, и промышляютъ лишь своимъ духовнымъ достоинствомъ, благодаря которому съ избыткомъ пріобрѣтаютъ со всѣхъ сторонъ отъ своихъ учениковъ все необходимое для существованія. Почти каждый изъ великихъ ишановъ имѣетъ свою мечеть, а иные—

---

[1]) حق (араб.).

[2]) *Ишаны* бываютъ двухъ разрядовъ: первый, высшій разрядъ, составляютъ ишаны-наставники, или настоятели различныхъ толковъ; второй, низшій: ишаны, ученики старцевъ настоятелей, которые, не имѣя близкихъ религіозныхъ отношеній къ настоятелямъ орденовъ, проводятъ ночи въ молитвѣ, чѣмъ и располагаютъ къ себѣ толпу, пріобрѣтая при этомъ эпитетъ ишана.

Всѣ знаменитые ишаны, учители разныхъ мусульманскихъ толковъ, перечисляются, въ составѣ болѣе тысячи, въ «Хазинету'ль-асфія» (сокровищницѣ мистиковъ), представляющей компиляцію изъ «Таварихи-Абзали», «Реузету'с-селямъ», «Китаби-Накшбендіе», «Махбару'ль-васелинъ», «Тезкереи-Адаміе» и другихъ сочиненіяхъ, извѣстныхъ ученому міру большею частію по имени.

Послѣ халифа Абу-Бекра, въ ряду знаменитѣйшихъ хуфитовъ называютъ Селеймана-Фарси (персидскаго), имама Джафара-Садыка и Бега-уддина. Послѣднему приписываютъ сокращеніе и облегченіе безконечныхъ моленій: онъ рекомендовалъ молиться меньше, но за то съ чувствомъ.

при ней и медрессе. Одинъ ишанъ хвастался, что имѣетъ до 15 тысячъ муридовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ Средней Азіи; если это правда, то доходы его должны быть не малы, судя по тароватости на этотъ счетъ послѣдователей пророка и системъ силяу [1]) (подарковъ), имѣющей у нихъ обширное примѣненіе.

Что касается внутренней, догматической стороны ученія, приправленной философіей съ примѣсью мистическихъ толкованій обрядовъ, то проникнуть въ его таинства до сихъ поръ еще не удалось, да и развѣдать что-нибудь, при той скрытности, какою пропитанъ характеръ азіатца, почти не доступно. Ученики—хуфиты мало свѣдущи; одинъ ничего не знаетъ, другой противорѣчитъ самому себѣ, третій говоритъ вздоръ, четвертый совѣтуетъ обратиться за свѣдѣніями къ Зафаръ-Махзуму, какъ наиболѣе просвѣщенному въ этомъ отношеніи; Зафаръ-Махзумъ отзывается невѣдѣніемъ и отсылаетъ къ Бабаджану, послѣдній—къ Инôгамъ-ходжѣ и т. д. Набрести на человѣка, который бы не отказался сообщить что-нибудь изъ того, что знаетъ, мнѣ еще не удалось. Если же обратиться къ прямому источнику, къ ишану, то онъ отвѣчаетъ обыкновенно приглашеніемъ сдѣлаться послѣдователемъ его ученія и пройти предварительно всѣ степени нравственнаго очищенія и совершенства [2]).

---

[1]) صيلاو (тюрк.)—подарокъ, угощеніе.

[2]) Послѣ перваго сеанса, на которомъ и я удостоился получить теваджюгъ ишана, меня спрашивали: какое впечатлѣніе произвело на мое сердце лицезрѣніе великаго праведника? Я откровенно сознался, что—никакого. Эти слова мои объяснялись тѣмъ, что сердце мое нечисто (*таге, пакизе имесъ* تازه پاكيزه ايماس). Кстати сообщимъ здѣсь объ одной изъ множества продѣлокъ театральнаго характера, которую учинилъ, какъ говорятъ, ишанъ А. М., продѣлокъ, свидѣтельствующихъ объ увѣренности мусульманъ въ святости своихъ наставниковъ. Дѣло въ томъ, что однажды вздумалось ему совершить богомолье къ Хазрети-султанъ (въ Туркестанѣ). Окруженный толпой муридовъ, онъ отправился въ зіяретъ. Подъ Иканомъ въ полѣ онъ вдругъ

На многіе вопросы касательно хуфитскаго культа я не могъ добиться никакихъ толковыхъ отвѣтовъ ишана, который замаскировывалъ ихъ увѣреніемъ или объясненіемъ, что Богъ самъ открываетъ тайны ихъ ученія достойнѣйшимъ изъ муридовъ, по очищеніи сердца нѣсколькими тевадждюгъ и подарками ишану, которые играютъ не малую роль въ дѣлѣ духовнаго преуспѣянія. Такимъ образомъ съ перваго же шага является отпоръ изслѣдователю; и вотъ, вслѣдствіе тѣхъ неимовѣрныхъ затрудненій, которыя приходится испытывать при развѣдываніи, изслѣдованіе этого предмета затянется, вѣроятно, на долгое время, и составитъ уже предметъ отдѣльной статьи.

Н. Пантусовъ.

Г. Вѣрный,
Семирѣченской области.
16 августа 1894 г.

оборачивается назадъ и машетъ рукой, давая знать муридамъ, чтобы они остановились; тѣ остановились. Ишанъ сошелъ съ лошади и пошелъ впередъ нѣсколько десятковъ шаговъ: затѣмъ остановился и началъ кланяться и почтительно привѣтствовать кого-то. Этотъ селямъ продолжался довольно долго. Послѣ того ишанъ подозвалъ своихъ муридовъ и спросилъ ихъ: «ну что? видѣли?» Тѣ отвѣчаютъ «кого?»—«Какъ кого? эхъ, вы слѣпые! да Хазретъ-Султанъ(خواجه احمد يسوى)самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, а вы и не видѣли!» Послѣ упрека въ недостаткѣ духовной чистоты и прозорливости, ишанъ велѣлъ устроить, въ воспоминаніе явленія ему туркестанскаго святаго, мазаръ مزار —мѣсто поклоненія. Увѣнчавъ его конскимъ хвостомъ, наши поклонники пошли далѣе, къ цѣли своего богомолья.

О СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЯХЪ ТАТАРЪ ВОСТОЧНАГО ТУРКЕСТАНА.

Предлагаемая при семъ вниманію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи статья подъ заглавіемъ „О свадебныхъ обычаяхъ татаръ Восточнаго Туркестана“ есть результатъ моего путешествія, совершеннаго по Восточному Туркестану съ 1890 по 1892 годъ по порученію Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Смѣю надѣяться, что предлагаемая статья будетъ не безъинтересна Обществу, такъ какъ Восточный или Китайскій Туркестанъ извѣстенъ Европѣ болѣе въ естественно-историческомъ отношеніи, нежели въ этнографическомъ. Впрочемъ, нравы и обычаи татаръ Восточнаго Туркестана были изучены и описаны отчасти еще въ прошломъ столѣтіи китайцами. Я разумѣю именно свѣдѣнія о татарахъ, собранныя въ Туркестанѣ однимъ китайскимъ чиновникомъ обнародованныя въ Бей—цзинѣ (т. е. Пекинѣ) 1773 года подъ заглавіемъ „Си-юй-вынь-цзянь-лу“—„Описаніе Западнаго края“ (Восточнаго Туркестана и Чжунгаріи). Извѣстный синологъ монахъ Іакинѳъ Бичуринъ перевелъ это сочиненіе въ 1829 г. на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана въ древнемъ и нынѣшнемъ состояніи. 2 части. С.-Петербургъ“. Въ сочиненіи К. Риттера „Восточный или Китайскій Туркестанъ“, перева-

денномъ на русскій языкъ, дополненномъ проф. В. В. Григорьевымъ и изданномъ имъ въ С.-Петербургѣ 1869 и 1873 г. въ двухъ томахъ, тоже есть свѣдѣнія о правахъ и обычаяхъ древнихъ татаръ Восточнаго Туркестана.

Описаніе свадебъ одного изъ татарскихъ племенъ Китая, именно тарапчей Илійскаго края, есть въ соч. дѣйствит. члена нашего общества И. И. Пантусова „Тарапчинскія пѣсни. С.-Петербургъ, 1890".

Отсылая желающихъ познакомиться съ правами и обычаями древнихъ обитателей Восточнаго Туркестана къ вышеназваннымъ сочиненіямъ, перехожу къ записанному мною со словъ туземцевъ описанію нравовъ и обычаевъ нынѣшнихъ татаръ этой страны, называемой по-русски Восточнымъ или Китайскимъ Туркестаномъ и по-китайски Гань-су-синь-цзянь и прежде называвшейся Малой Бухаріей.

I. Свадьбы у татаръ селенія Токсунъ [1]).

(Близъ г. Турфана).

Спачала отецъ и мать жениха ѣдутъ къ тестю. Если они хорошіе люди, то кромѣ отца и матери ѣдутъ еще два человѣка. Ѣдутъ, заколовши одну овцу и взявши ея конечности и 9 хлѣбовъ. Пріѣхавши, поздоровавшись и переступивши порогъ, стоятъ скрестивши руки. Если попросятъ ихъ въ передній уголъ, то они отвѣчаютъ: „мы имѣемъ до васъ дѣло". Если отецъ и мать дѣвицы скажутъ: „мы исполнимъ ваше дѣло!". Тогда они отъ дверей проходятъ въ передній уголъ. Послѣ этого садятся и бесѣдуютъ. Послѣ бесѣды мать дѣвицы варитъ чай. Постлавши скатерть, ставитъ на столъ чай. Привезенныя конечности кладутъ передъ отцемъ и ма-

---

[1]) توقسون

терью дѣвицы. Положивши, отецъ юноши говоритъ: „нашъ сынъ возмужалъ. Мы пріѣхали къ вамъ, чтобы посватать у васъ дочь и устроить свадьбу [1])“. Если послѣ того будетъ желаніе отдать, то дѣлаютъ свадьбу. Справляютъ свадьбу не одинаково: самое большое свадьбу дѣлаютъ черезъ два мѣсяца. Пока еще свадьба не справлена, даютъ 15—20 овецъ, 1 быка и 1 даданъ пшеницы. Въ 1 даданѣ 10 кюре. Въ 1 кюре бываетъ 40 джиновъ [2]). Изъ всей муки дѣлаютъ хлѣбы. Сдѣлавши хлѣбы, колютъ овецъ и быка. Передъ справленіемъ свадьбы приглашаютъ людей. Пригласивши людей, даютъ имъ ѣсть мяса и хлѣба. На свадьбѣ бываютъ люди, говорящіе стихи [3]). Когда народу собралось много, поютъ стихи, играя на балалайкѣ и барабанѣ. Пѣвшему стихи даютъ пшеницы, хлѣба и одежд. Женщины танцуютъ свой танецъ [4]). Управляющій свадьбою даетъ танцовавшей женщинѣ одежды, овецъ и пшеницу. Пока происходитъ свадьба, невѣста [5]) и женихъ [6]) сидятъ дома. Къ невѣстѣ на второй день свадьбы собираются дѣвицы,—къ жениху собираются юноши. Собравшись,—играютъ на балалайкахъ и бубнахъ. На третій день четыре друга жениха и три подруги невѣсты отправляются въ домъ отца невѣсты. Играя три дня, всѣ возвращаются домой. Передъ возвращеніемъ ихъ домой, отецъ невѣсты даритъ жениху и

---

[1]) Свадьба—توی

[2]) цзинь (جین)—1, 4 фунта, 1 кюре (کوره)—56 фунтовъ и 1 даданъ (دادن)—560 фунтовъ (приблизительное вычисленіе съ точностью до 0,1).

[3]) نغمه

[4]) اوصول

[5]) غوفچاری

[6]) سلطان

невѣстѣ одинъ куръ [1]), т. е. юрту со всей обстановкой, невѣста закрываетъ лицо семь дней; черезъ 7 дней собираютъ въ сумерки юношей, собираютъ дѣвушекъ [2]) и молодыхъ женщинъ [3]); справляя игры въ теченіе одного вечера, снимаютъ покрывало съ лица невѣсты и уходятъ. На нарѣчіи токсунскомъ и турфанскомъ „хотунъ“ [4]) значитъ женщина, рождавшая дѣтей; „джуганъ“ значитъ женщина, не рождавшая; „кызъ“ значитъ не выходившая замужъ. Невѣста не называетъ по имени свекра и свекровь, а женихъ не называетъ по имени тестя и тещу. Жениха тесть называетъ „кюй оглумъ“ [5]) (букв. зять—сынъ мой). Невѣста въ теченіе одного мѣсяца не смотритъ въ лицо свекру и свекрови и бѣгаетъ отъ нихъ. Послѣ этого служитъ имъ до смерти.

Турфанскія и токсунскія дѣвицы выходятъ замужъ, начиная съ десятилѣтняго возраста; родить начинаютъ съ 13 лѣтъ. Дѣвушки, чѣмъ раньше выходятъ замужъ, тѣмъ скорѣе старятся. Замужъ выдаютъ обыкновенно родители или старшіе братья, собственнаго же согласія жениха и невѣсты не всегда спрашиваютъ.

Турфанцы въ настоящее время продаютъ своихъ дочерей и китайцамъ за 15—45 серовъ (30—90 руб.), мальчиковъ продаютъ кому угодно: русскимъ, сартамъ и киргизамъ. Таджи-бекъ [6]), купецъ изъ Ташкента, купилъ въ Турфанѣ шести-

---

[1]) قور

[2]) قيز

[3]) جوان

[4]) خانون

[5]) كوى اوغلى

[6]) تاجى بك

лѣтняго мальчика за 30 серовъ (60 руб.).—У Турфанцевъ есть такой обычай. Двое женатыхъ нерѣдко мѣняются своими женами. Нѣкоторые мѣняются своими младшими сестрами. Если чья-либо сестра, будучи красавицей, вышла замужъ и потомъ овдовѣла, то старшій братъ дѣлаетъ ее „джалапъ“ [1]), т. е. публичной женщиной, а себя „бай“ [2]), т. е. хозяиномъ, и живетъ на ея счетъ.

II. Свадьбы у татаръ г. Турфана [3]).

Если парень хочетъ жениться [4]) (соб. завестись домомъ); если чья-нибудь дочь уже подросла и подросъ чей-нибудь сынъ; если этотъ парень и дѣвица, сойдясь сердцемъ, понравятся другъ другу,—то отецъ и мать ихъ обоихъ принимаютъ это во вниманіе. Отецъ и мать парня отправляются къ дѣвицѣ. Родителямъ дѣвицы отецъ и мать парня, вставши съ мѣста, говорятъ: „сынъ нашъ уже выросъ, а дочь ваша стала очень хорошею дѣвицею! мы и пришли, желая узнать, не возьмете-ли нашего сына въ дѣти“? Когда они скажутъ это, отецъ и мать дѣвицы говорятъ: „весьма прекрасно! если вашъ сынъ сдѣлался парнемъ и если наша дочь понравилась вамъ, то да будетъ на это воля Божія!“ Отецъ и мать парня снова поднимаются со своего мѣста и, скрестивъ на груди руки (выражая этимъ покорность), спрашивая говорятъ: „въ такомъ случаѣ есть или нѣтъ повода придти къ намъ“? Отецъ и мать дѣвицы, если намѣреваются выдать свою дочь, говорятъ: „поводъ есть!“ Если нѣтъ у нихъ намѣренія выдать,

---

[1]) جالاب
[2]) باى
[3]) طورفان
[4]) اويلانماك

то говорятъ: „подождите одинъ годъ!“ Если-же скажутъ имъ „придите!“, то отецъ и мать парня отправляются къ себѣ домой и приготовляютъ одно блюдо „манту“ (большихъ пельменей), потомъ, взявши 9 родовъ хлѣба (съ манту), двое мужчинъ и двое женщинъ изъ прихожанъ отправляются къ дѣвицѣ вмѣсто отца и матери парня, говорятъ отцу и матери дѣвицы: „обрадовавшись вашему согласію, мы пришли напоить васъ чаемъ!“ Сѣвши вмѣстѣ съ отцомъ и матерью этой дѣвицы и напившись чаю, люди, пришедшіе со стороны парня, поднимаются со своего мѣста и говорятъ: „теперь когда будетъ дозволено намъ явиться сюда и приготовить свадебныя одежды?“ Отецъ и мать дѣвицы въ отвѣтъ говорятъ: „въ такомъ случаѣ придите въ хорошіе (счастливые) дни!“ Потомъ пришедшіе со стороны упомянутаго юноши возвращаются, условившись назначить свадьбу въ самые лучшіе изъ дней. Отецъ и мать упомянутаго парня по истеченіи двухъ трехъ дней приглашаютъ къ себѣ имама и муэззина своего прихода, трехъ-четырехъ мужчинъ и трехъ-четырехъ женщинъ и берутъ одинъ столъ съ сухарями, кромѣ того приготовляютъ пищи одно блюдо съ большими пельменями и берутъ матеріи, достаточной на одежду матери дѣвицы и на одежду отца дѣвицы. Отецъ и мать парня съ людьми своего прихода идутъ всѣ вмѣстѣ къ дѣвицѣ. Пришедши въ домъ дѣвицы, родители жениха входятъ вмѣстѣ съ людьми, приведенными ими; пока отецъ и мать дѣвицы не попросятъ отца и матери жениха сѣсть, до тѣхъ поръ они и не садятся; если станутъ имъ говорить: „сядьте, сядьте!“, тогда они садятся у дверей (букв. въ концѣ). Когда вышеупомянутые прихожане скажутъ отцу и матери дѣвицы: „мы пришли сегодня устроить съ вами свадьбу!“, тогда отецъ и мать дѣвицы говорятъ: „будетъ очень хорошо!“ и приводятъ изъ своихъ собственныхъ прихожанъ имама, муэззина и четырехъ-пять человѣкъ. Потомъ садятся обѣ стороны и говорятъ: „условимся о стоимости свадьбы!“ Сторона парня говоритъ сторонѣ дѣвицы: „если вы, родивши дѣвицу и воспитавши ее, желаете отдать ее намъ, то не будетъ по-

рокомъ, если опредѣлите стоимость! Если вы впередъ опредѣлите „тойликъ“ (калымъ), то мы выслушаемъ васъ, и потомъ скажемъ одно слово!“ Затѣмъ прихожане, находящіеся на сторонѣ дѣвицы назначаютъ на одежду, которую дѣвица должна носить лѣтомъ: на голову для ношенія дома бархатную тюбетейку, для выходу изъ дома въ гости парчевую тюбетейку и на рубаху для выхода изъ дому шелковую матерію безъ узоровъ (китайскую) и съ узорами (бухарскую), еще на одну рубаху краснаго ситцу; для ношенія зимою назначаютъ: на ноги одни ичиги съ калошами, на голову одну шапку изъ выдроваго мѣха, одинъ ситцевый халатъ, короткій шелковый халатъ и одну постель съ одѣяломъ. Всѣ эти вещи и есть калымъ, назначаемый для дѣвицы. На пищу и воду (т. е. на разнаго рода пищу) богатые люди назначаютъ: двухъ коровъ, десять овецъ, два дардана (по 150 джинъ) пшеницы, 5 кюре (по 15 джинъ) рису, одинъ кирпичъ чаю, одинъ кюре купджута, а на топливо назначаютъ пятнадцать телѣгъ янтака (верблюжій волчецъ). Опредѣливши размѣры калыма, всѣ возвращаются по своимъ домамъ. Отецъ и мать парня, приготовивши принадлежности свадьбы, даютъ извѣстіе отцу и матери дѣвицы о томъ, что они уже готовы. Отецъ и мать дѣвицы отправляютъ въ домъ парня двухъ человѣкъ. Эти два человѣка идутъ и, соединившись еще съ двоими со стороны парня, берутъ они вчетверомъ овецъ и коровъ, пшеницу и пищу и доставляютъ принадлежности свадьбы въ домъ дѣвицы. Потомъ отецъ и мать дѣвицы говорятъ: „справимте свадьбу въ самый хорошій изъ счастливыхъ дней!“ и дѣлаютъ всѣ приготовленія. Затѣмъ, справившись съ часомъ, днемъ и мѣсяцемъ, даютъ извѣстіе, говоря: „пусть пожалуетъ отецъ парня“! Когда будетъ поставлено справить свадьбу въ одинъ изъ счастливыхъ дней, то со стороны юноши отправляютъ одного человѣка Этотъ человѣкъ, придя, приглашаетъ гостей отца и матери дѣвицы на пиръ. Однимъ днемъ раньше свадьбы колютъ приведенный скотъ и, если скажутъ, что завтра утромъ будетъ свадьба, то пиръ начинаютъ съ этого же самаго вечера. Въ тотъ ве-

черъ, когда начинается пиръ, со стороны юноши одинъ мужчина и одна женщина приносятъ въ домъ дѣвицы одно блюдо пищи. Пищу, принесенную въ этотъ вечеръ, называютъ „вкусомъ“ (отдохновеніемъ) дѣвицы“. Въ домъ парня приходятъ люди его мечети и, говоря: „да будетъ благословеніе, да будетъ благословеніе!“, выпиваютъ по одной чашкѣ гольпаго чаю и возвращаются домой. Такимъ же порядкомъ пьютъ чай и въ домѣ дѣвицы. Утро, когда будетъ второй день пира, называютъ днемъ брачнымъ. Если у юноши есть хорошій близкій другъ, то этотъ другъ сзываетъ всѣхъ собравшихся на пиръ друзей и, уведя къ себѣ домой, угощаетъ ихъ пищею. Пищу, къ которой пригласилъ упомянутый другъ (жениха), называютъ: „прогналъ жениха, прогналъ жениха!“ Женихъ находится въ сей день у своего друга, къ которому „прогнанъ“. Отецъ и мать упомянутаго жениха собираютъ своихъ людей, имѣющихъ идти на пиръ, когда наступитъ половина дня; мужчинамъ и женщинамъ, пришедшимъ на свадьбу, даютъ пищу, называемую „чӧпъ—ашъ“ „чӧпъ—ашъ“ (клёцки). Поѣвши этой пищи, потомъ идутъ въ домъ дѣвицы „переносить пиръ“ въ домъ жениха. Вслѣдъ за этими мужчинами идетъ парень со своими друзьями и, говоря: „выходимъ на бракъ!“, всѣ они идутъ въ домъ дѣвицы. Потомъ отецъ и мать этого парня приходятъ со своими гостями и, когда придутъ они къ дверямъ дѣвицы, то кто нибудь запираетъ крѣпко двери (дома) дѣвицы. Это запираніе двери дома называютъ: „кобукъ баскапъ“, „кобукъ баскапъ“ (наступилъ на дверь). Потомъ отецъ и мать парня даютъ лицамъ, „наступавшимъ на дверь“, или одну овцу, или четыре—пять кусковъ маты (бязи). Потомъ стоящіе у дверей отворяютъ ихъ. Послѣ того, какъ двери будутъ отворены, отецъ и мать дѣвицы съ пришедшими къ нимъ гостями выходятъ на встрѣчу гостей отца и матери парня. Со стороны дѣвицы выносятъ на трехъ—четырехъ столахъ тонкіе хлѣбы и еще на одномъ столѣ три—четыре рюмки (сиркае). Въ одну рюмку наливаютъ соли, разведенной въ водѣ, въ другую рюмку наливаютъ воды. Гости, пришедшіе

со стороны упомянутаго парня, какъ мужчины, такъ и женщины берутъ въ руки по кусочку изъ принесеннаго хлѣба и подходятъ къ столу, на который поставлены рюмки; потомъ эти люди мокаютъ хлѣбъ, находящійся у нихъ въ рукахъ, въ молоко и кладутъ себѣ въ ротъ. Кромѣ того мужчины и женщины мокаютъ мизинцы своихъ правыхъ рукъ въ соль, находящуюся въ рюмкѣ, и положивъ въ ротъ, обсасываютъ ихъ. По исполненіи этихъ обычаевъ, отецъ и мать дѣвицы уводятъ къ себѣ домой гостей, пришедшихъ со стороны парня. Пришедши домой, они прежде всего подаютъ имъ одинъ разъ гольнаго чаю. Послѣ него подаютъ плодовъ; когда плоды будутъ съѣдены, то женщины обѣихъ сторонъ собираются въ одно мѣсто и говорятъ: „желаемъ посмотрѣть узелъ!“ Потомъ показываютъ этимъ женщинамъ калымъ, сдѣланный упомянутымъ парнемъ. Мать дѣвицы выноситъ одежды, приготовленныя для ея дочери, и показываетъ гостямъ парня (жениха). Потомъ по окончаніи осмотра этого калыма, отецъ дѣвицы приготовляетъ одну чалму и одну верхнюю накидку. Мать дѣвицы приготовляетъ одинъ пунцовый платокъ, для головы одну шапку, одну рубаху съ подштанниками и одинъ кушакъ; вынесши въ двери одежды, приготовленныя упомянутыми людьми, надѣваютъ на парня. Затѣмъ подаютъ пищу гостямъ, пришедшимъ со стороны парня (жениха). Мужчины, поѣвши пищи, уходятъ; женщины, желая перенести пиръ, сажаютъ дѣвицу въ телѣгу и увозятъ. Потомъ, когда день склоняется къ вечеру, привозятъ и помѣщаютъ приведенную дѣвицу въ домъ жениха. Со стороны дѣвицы посылаютъ одного мужчину и одну женщину; посылаютъ, говоря: „залогъ нашей дочери вручите отцу и матери жениха и самому жениху!“ Потомъ, когда наступитъ полночь, малыхъ юношей, сидящихъ въ домѣ парня (жениха), ведутъ въ домъ отца и матери дѣвицы и угощаютъ ихъ. Затѣмъ къ жениху назначается одна женщина, называемая „теткою жениха“. При дѣвицѣ тоже находится одна женщина, называемая „теткою невѣсты“. Когда въ домѣ жениха не останется ни одного человѣка, то невѣстѣ и жениху

подаютъ хорошаго кушанья и кормятъ ихъ. Когда это кушанье будетъ съѣдено, то упомянутыя двѣ женщины выходятъ вонъ за дверь. Когда дѣвица и парень съѣдятъ кушанье, то обѣ „тетки“ приготовляютъ получше мѣсто, гдѣ имѣютъ лежать невѣста и женихъ. Невѣстѣ говоритъ ея тетка и жениху его тетка: „знакъ первой ночи сохраните получше и, сказавши такъ обоимъ, выходятъ вонъ за дверь. Упомянутый женихъ говоритъ: „иди сюда!“ и, поймавши за руку, предлагаетъ раздѣться. Дѣвица потомъ снимаетъ свои одежды и, подошедши къ мѣсту, гдѣ назначенено спать, ложится. Затѣмъ упомянутый парень, взявши поближе свѣтильникъ, отнимаетъ у нея дѣвственность. Если дѣвственность ея окажется хохорошею, то будетъ хорошо отцу и матери обѣихъ сторонъ. Если у упомянутой невѣсты не окажется дѣвственности, то женихъ бьетъ эту дѣвицу и, заставивши признаться, присоединяетъ къ одному мужчинѣ и одной женщинѣ, пришедшимъ со стороны дѣвицы, и, присоединивши отъ себя одного мужчину и одну женщину, отправляетъ невѣсту въ ту-же брачную ночь къ отцу и матери ея и передаетъ имъ. Если отецъ и мать дѣвицы спросятъ: „что случилось?“, то пришедшіе съ невѣстою люди говорятъ: „вашу дочь, оказывается, проѣла мышь!“ и вручаютъ невѣсту отцу и матери. Если-же невѣста окажется чистою (соб. цѣлою), то тетки, пришедшія со стороны дѣвицы и юноши, соединяются и, зацѣпивъ за ухо взятые ими знаки (брачной ночи), идутъ въ домъ жениха и, хлопая въ ладоши, кричатъ „ура“!“ и входятъ въ домъ жениха. Потомъ упомянутымъ двумъ теткамъ даютъ по одной полной одеждѣ. Въ эту ночь вплоть до разсвѣта играютъ вечерку, называемую „пиромъ радости“. Потомъ, когда наступитъ третій день свадьбы, со стороны юноши отправляются къ матери невѣсты двое мужчинъ и двое женщинъ. Эту отправку называютъ „отправкою за пельменями“. Потомъ мать невѣсты говоритъ: „я сзываю на пельмени своихъ собственныхъ сосѣдей!“ и сзываетъ сосѣдей. Затѣмъ эти сосѣди (матери невѣсты) приносятъ каж-

дый по бѣлому платку. Потомъ входятъ пришедшія женщины (т. е. сосѣди) и, сваривши, ѣдятъ ихъ и оставляютъ одну миску пельменей „на пищу въ комнату жениха". Затѣмъ женщины, пришедшія въ домъ матери невѣсты, подошедши съ разныхъ сторонъ, держатъ крѣпко двухъ мужчинъ, пришедшихъ со стороны жениха, и каждая женщина пачкаетъ одною горстью муки лица упомянутыхъ двухъ человѣкъ. Если этимъ женщинамъ удается выпачкать мукою лица упомянутыхъ двухъ мужчинъ, то знач. выиграли женщины; если-же этимъ женщинамъ не удастся выпачкать ихъ мукою, то знач. выиграли упомянутые двое мужчинъ. Потомъ, взявши одну миску пельменей, всѣ четверо возвращаются къ жениху. Принесши эти пельмени, они вносятъ ихъ въ комнату жениха. Друзья и пріятели этого жениха приходятъ каждый съ однимъ-двумя кусками маты и однимъ блюдомъ фруктовъ. Когда соберутся пріятели, то ставятъ на средину пельмени, принесенные изъ дома невѣсты; потомъ проходятъ на средину комнаты женихъ и невѣста, и невѣста встаетъ, взявши въ руки одну чашку и одну ложку. Юноша подходитъ къ міскѣ и, взявши въ руку ковшикъ (поваренку), зачерпываетъ упомянутыхъ пельменей и наливаетъ ихъ въ чашку, находящуюся въ рукахъ невѣсты. Эта невѣста, взявши пельмени, подходитъ къ друзьямъ жениха и, поддѣвая ковшикомъ по одному пельменю, кладетъ его каждому въ ротъ. Женихъ наливаетъ такимъ порядкомъ всѣ пельмени. Невѣста беретъ пельмени и подаетъ ихъ потомъ и прочимъ юношамъ (не друзьямъ жениха). Подавши пельмени всѣмъ людямъ, пришедшимъ на пиръ, оставляютъ потомъ четыре штуки пельменей. Взявши одну изъ четырехъ штукъ пельменей, дѣвица беретъ ее своею рукою изъ миски и, положивши въ маленькую чашку, подаетъ ковшикомъ прямо въ ротъ юноши. Этотъ юноша беретъ своею рукою изъ миски одну штуку пельменей и кладетъ ее въ ротъ дѣвицы. Съ оставшимися двумя пельменями поступаютъ такъ. Женихъ, взявши чашку, находящуюся въ рукахъ невѣста, беретъ одну штуку пельменей и подаетъ ее „теткѣ не-

вѣсты". Невѣста, взявши чашку, находящуюся въ рукахъ жениха, кладетъ въ чашку оставшійся одинъ пельмень и подаетъ его „теткѣ", находящейся на сторонѣ жениха. Такъ оканчиваются дѣла внутри комнаты жениха. Выводя дѣвицу изъ комнаты, закрываютъ ей лицо покрываломъ. Отецъ и мать со своими гостями, одного съ ними прихода, приходятъ въ домъ парня (жениха) и ѣдятъ одинъ день пищу, потомъ берутъ съ собою свою дочь и приглашаютъ къ себѣ зятя. Когда день склонится къ вечеру, упомянутый женихъ беретъ съ собою двухъ своихъ друзей и идетъ въ домъ невѣсты. Пришедши къ дому невѣсты, эти три человѣка подходятъ къ самымъ дверямъ комнаты, въ которой живутъ отецъ и мать невѣсты, и всѣ три пришедшіе человѣка говорятъ: „Зять шлетъ привѣтствіе. (Онъ говоритъ, что) боится войти!" Тесть, сидя дома, говоритъ:

„Да не боится онъ,
„И войдетъ!
„Да будетъ у него
„Девять сыновей!
„Да будетъ у него
„Одна дочь!
„Да ложится онъ
„Поздно вечеромъ!
„Да встаетъ онъ
„Рано утромъ!
„Да открываетъ онъ
„Дымникъ (пораньше)!

Такой отвѣтъ даетъ тесть. Потомъ пришедшіе три человѣка говорятъ: „привѣтствіе вамъ! да благословитъ Богъ (ваше житье)"! и входятъ въ комнату. Затѣмъ этимъ тремъ человѣкамъ мать невѣсты даритъ три платка. Подаютъ этимъ тремъ человѣкамъ и кушанья. Когда они кончатъ ѣсть кушанье, то отецъ и мать невѣсты выводятъ свою дочь и, посадивши ее за одну скатерть со своимъ зятемъ, выкладываютъ передъ своею дочерью по одному экземпляру принадлежностей дома (т. е. утвари). Затѣмъ, передавши свою дочь зятю, провожаютъ ихъ. Потомъ, когда наступитъ четвертый день свадь-

бы, отецъ и мать жениха приглашаютъ къ себѣ отца и мать жениха приглашаютъ къ себѣ отца и мать невѣсты со всѣми ихъ родственниками. Этихъ гостей угощаютъ пищею одинъ день. Потомъ въ пятый день родители невѣсты приглашаютъ отца и мать жениха со всѣми ихъ родственниками и угощаютъ ихъ одинъ день пищею. Мать невѣсты при возвращеніи гостей домой вводитъ свою дочь въ средину народа и снимаетъ съ нея покрывало. Потомъ людей обѣихъ сторонъ, устраивавшихъ свадебный пиръ, называютъ: „Куда", „куда" (сватъ, сватъ). Вотъ такимъ же образомъ и устраиваютъ свадьбу. Невѣстка не называетъ своего свекра по имени. Если имя ея свекра похоже на имя другаго человѣка, то она не называетъ по имени и того человѣка. Невѣста называетъ отца и мать жениха „эжемъ" (тятя), „апамъ" (мама). Женихъ называетъ отца и мать невѣсты также „эжемъ" и „апамъ". Привыкнувши къ своему свекру и своей свекрови, невѣстка возвращается съ ними. Не закрываетъ она и своего лица.

III. Свадьбы у татаръ селенія Кара-тобе.

(*Близъ г. Хами*).

Если понравится кому-нибудь дочь какого-нибудь человѣка, то тотъ идетъ вечеромъ со своими друзьями въ домъ отца дѣвицы. Всѣ садятся, произносятъ стихи и играютъ на музыкальныхъ инструментахъ. Кто не сумѣетъ произнести стихи, шапку того кладутъ на бубенъ и показывать ее всѣмъ. Дѣвица, умѣющая плясать, показываетъ свое умѣніе. Такимъ образомъ веселятся дней 10 и болѣе. Въ уплату за невѣсту даютъ: шесть кусковъ матерій, одинъ куль пшеницы, одну скотину, одну—двѣ овцы, одинъ джинъ чаю, нѣкоторое количество фруктовъ и десять джиновъ водки. Затѣмъ идутъ родители жениха и невѣсты къ своимъ знакомымъ и приглашаютъ ихъ въ домъ жениха; если же невѣста живетъ ближе,

то приглашаютъ въ ея домъ. Отъ юноши для заключенія брачнаго условія идутъ въ домъ невѣсты, гдѣ начинаютъ веселиться, считая этотъ вечеръ приготовленіемъ къ свадьбѣ, вплоть до утра. Декламируютъ стихи, пьютъ водку, ѣдятъ фрукты и мясо, пьютъ чай. На другой день начинается собственно бракъ. Когда приходятъ на бракъ, то важнымъ людямъ, пришедшимъ изъ дома невѣстинаго отца, подносятъ хлѣбъ, внутренности и голову овцы на блюдѣ, на другомъ блюдѣ подносятъ рисъ, мясо половины овцы, маленькимъ людямъ подносятъ положенное на 3 большія хлѣбныя лепешки кушанье изъ кишекъ овцы, рисъ и мясо. Женихъ со своими сверстниками находится въ это время на улицѣ. Отецъ невѣсты даритъ жениху: халатъ, рубаху, обувь, кушакъ и шапку. Вечеромъ во время второй стражи со стороны невѣсты и жениха идутъ въ домъ жениха двое мужчинъ и двое женщинъ стлать для новобрачныхъ постель. Изъ дома невѣсты и жениха приносятъ по 1 постели, одѣялу и по двѣ подушки. Молодые люди, приготовивъ постель, начинаютъ бороться. Если поборютъ люди невѣстиной стороны, знач. мужъ будетъ всегда въ подчиненіи у своей жены; если-же поборютъ люди жениховой стороны, значитъ жена будетъ всегда въ подчиненіи у своего мужа. Борются какъ придется: мужчина съ женщиной, или женщина съ женщиною всеровно. Приготовивъ постель, идутъ въ домъ невѣсты, и 3—4 женщины, взявши невѣсту съ собою, доставляютъ ее на телѣгѣ въ домъ жениха. Со стороны невѣсты и жениха приносятъ въ этотъ домъ по одной грудной части овцы и по нѣскольку хлѣбовъ. Кладутъ мясо, принесенное со стороны невѣсты, внизъ, а мясо стороны жениха вверхъ. Это мясо грудной части овцы приносятъ варенымъ. Затѣмъ крошатъ это мясо и ѣдятъ его съ хлѣбомъ. Ѣдятъ его также женихъ и невѣста. Затѣмъ вкладываютъ руку невѣсты въ руки жениха и говорятъ:

آمانت تکیلدی مو „Получилъ-ли свое добро? Съ этими словами

бракъ считается совершившимся. Народъ удаляется и идетъ

въ домъ женихова отца. Женщины, перевезшія невѣсту въ домъ жениха, гостятъ въ домѣ его отца до утра, утромъ-же расходятся по домамъ. Если невѣста окажотся невинною, то дарятъ женщинамъ, привезшимъ ее, по платку; въ противномъ случаѣ берутъ большую круглую лепешку и, сдѣлавъ въ срединѣ ея дырочку, показываютъ ее „теткамъ", т. е. свахамъ. Свахи берутъ эту лепешку и отдаютъ ее родителямъ невѣсты. Родители, увидавши это и разсердившись, бьютъ свою дочь и спрашиваютъ ее, кто отнялъ ея невинность. Нашедши виновнаго, заставляютъ его уплатить всѣ издержки жениха, а невѣсту возвращаютъ родителямъ. Если она окажется невинною, то родители ея радуются и дарятъ ей много разныхъ платьевъ и обуви. Утромъ друзья приглашаютъ жениха къ себѣ, угощаютъ его водкой, фруктами и мясомъ. Молодыя женщины и дѣвушки подносятъ невѣстѣ фрукты. Всѣ они собравшись въ одномъ домѣ, устраиваютъ вечеринку: декламируютъ стихи, играютъ въ фанты, пьютъ водку, ѣдятъ фрукты мясо и расходятся вечеромъ по домамъ. Игра въ фанты состоитъ въ томъ, что молодые люди прячутъ кушакъ или платокъ и просятъ отыскать спрятанное. Нашедшій долженъ произнести какіе нибудь стихи. Вообще у этихъ татаръ договариваются объ условіяхъ женитьбы и выдачи замужъ сами родители; безъ дозволенія родителей нельзя ни жениться, ни выходить замужъ.

IV. Свадьбы у татаръ г. Хами.

1. Свадебныя пѣсни.

Передъ тѣмъ какъ перевезти невѣсту въ домъ жениха, юноши и дѣвушки обступаютъ невѣсту концентрическими кругами и декламируютъ слѣдующіе стихи.

اوّل باشلاب خُدانی
یاد ایتاینینك یار یار
فایغامبرلار روحی نی
شاد ایتاینینك یار یار

Вспомнимте прежде всего Господа, друзья, друзья! Вспомнимте духъ нашего пророка, друзья, друзья!

اوّل دُنیا یوق ایدی
فیدا قیلدی یار یار
دوستِ حبیب خاطری دین
فیدا قیلدی یار یар

Сначала не было міра сего, сотворилъ его Богъ, друзья друзья! Сотворилъ Онъ его изъ любви къ любящимъ другъ друга, друзья, друзья!

نچان تورلوك توفرانی نی
كلتوردیلار یار یار
فالچیق ایتیب آدم نی
صورت قیلدی یار یар

Взялъ Онъ нѣкоторое количество земли, друзья, друзья! Слѣпилъ человѣка и оформилъ его, друзья, друзья!

كلتوردیلار روحی نی
تورکوزدیلار یار یар

آدم آنا نیریلیب
ایمان ایتتی یار یار

Вдунулъ въ него свой духъ и далъ ему жизнь, друзья друзья! Праотецъ намъ Адамъ, получивъ жизнь, увѣровалъ въ Бога, друзья, друзья!

جُمله عالم فریشته
حیران قیلدی یار یار
آدم آنا نیریلیب
یالغوز ایدی یار یار

Собрались всѣ ангелы и удивились этому, друзья, друзья! Праотецъ нашъ Адамъ получилъ жизнь, но былъ одинокъ, друзья, друзья!

حوا آنا آدمكا
لائق ایدی یار یار
نوی قیلمافلیق آدمدین
قالغان نورور یار یار

Угодно было Богу дать Адаму жену—праматерь нашу Еву, друзья, друзья! Вотъ отъ Адама и идетъ обычай устраиванія свадьбы, друзья, друзья!

بو توینوکی بیری سی
اولوم نورور یار یار
حسن بیرلان حُسین
کربلادا یار یار

Но лучше этихъ свадебъ-смерть, друзья, друзья! Въ пустынѣ Кербеля получили ее Хасанъ и Хусейнъ, друзья, друзья!

لبی تشنه اولطورور
راحت اوچون یار یار
یوسف بیرلان زُلیخا
مصر ایچی‌ده یار یار

Не смотря на чрезмѣрную жажду, они умерли спокойно, друзья, друзья! Затѣмъ въ Египтѣ были Юсуфъ и Зулейха, друзья, друзья!

یوق‌نور تنکی جهان‌دا
مصر ایچی‌ده یار یار
یوسف بیرلان زُلیخا
قاریدی‌لار یار یار

Во всемъ мірѣ, не только въ Египтѣ, не найдется подобныхъ имъ, друзья, друзья! Юсуфъ и Зулейха состарились, друзья, друзья!

عشق اوتی‌نی عالم‌کا
تاریدی‌لار یار یار
یوسف بیرلان زُلیخا
بولسا ایدی یار یار

Огонь любви они завѣщали міру друзья, друзья! О если-бы уподобиться Юсуфу и Зулейхѣ, друзья, друзья!

عاشقليق‌نى اولاردين
صورصا ايدى يار يار
حق تعالى آدم نى
تورْكوزدى‌لار يار يار

О если бы поучиться у нихъ любви, друзья, друзья! Не даромъ Богъ всевышній далъ человѣку жизнь, друзья, друзья!

حُور قيزلارى بهيشت
چيقچينك اينتى يار يار
حق تعالى آدم نى
ياخشى قيلدى يار يار

Поютъ теперь въ раю свадебныя пѣсни черноокія дѣвицы, друзья, друзья! Богъ всевышній такъ благоволитъ къ человѣку, друзья, друзья!

چاچراب اوتكان جيران‌نى
سكيز دينك‌لار يار يار
سكيز قيزنينك بيرى‌نى
سينكليم دينك‌لار ياريار

Вотъ вамъ серны, числомъ 8, промчавшіяся мимо васъ, друзья, друзья! За одну изъ 8 дѣвицъ считайте на-пу младшую сестру, друзья, друзья!

قيزلار موغو خرامان
ياری بيرلان يار يار

قیز آناسی ییغلایدور
زاری بیرلان یار یار

Дѣвушки веселятся со своими друзьями, друзья, друзья! А мать невѣсты плачетъ горько, друзья, друзья!

ارکیم ارکیم یول‌لاردا
قیز کله دور یار یار
قیزیل تونلی فورکانیب
کیم کورادور یار یار

По извилистой дорогѣ идетъ сюда дѣвушка, друзья, друзья! Развѣ не видите, что она идетъ въ красномъ одѣяніи, друзья, друзья!

فورکان‌مه قیز فورکان‌مه
تویونك بولدی یار یار
آلتون بیرلان قورشادیم
اویونك بولدی یار یар

Не закрывайся дѣвица, не закрывайся: настала твоя свадьба,—друзья, друзья! Украсилъ я твою комнату золотомъ, друзья, друзья!

آق آقفینه توشقان‌لار
قوم‌دا اوینار یار یار
قیز آلاغان ییکیت‌لار
توی‌دا اوینار یار یар

На пескѣ играютъ бѣлые—пребѣлые зайцы, друзья, друзья! А юноши, еще не женившіеся, играютъ на свадьбѣ, друзья, друзья!

قیزیل قیزیل فیازنینك
قوستی تولا یار یار
قیز آلماغان بیکیتنینك
دردی تولا یار یار

У красной-красной луковицы много шелухи, друзья, друзья! А у юноши, еще не женившагося, много скорбей, друзья, друзья!

قرا قرا قارغهلار
خرمنده تور یار یار
قیز آلماغان بیکیتلار
حرماندا تور یار یار

Черныя-пречерныя вороны собрались на гумнѣ, друзья, друзья! А юноши, еще не женившіеся, собрались (здѣсь) въ горѣ, друзья, друзья!

یوك آستینی دافاسیچانكنی
دات باصیبتور یاریار
آنانك بیرلان آنانكنی
عم باصیبتور یار یار

Твои ножницы, находящіяся на полу (въ хламѣ), покрыла ржавчины, а родителей твоихъ одолѣла скорбь, друзья, друзья!

سينكليم سنينك قيليقينك
مينك فه ينار يار يار
ساچماقينك نينك ساچي سي
يركا تكار يار يار

Отъ твоего характера, сестрица моя, достанется 1000 человѣкамъ, друзья, друзья! А концы украшеній твоихъ косъ достанутъ до земли, друзья, друзья!

هاي هاي يلانك هاي يلانك
باشلادي لار يار يار
كلني آليب چكمان كا
ناشلادي لار يار يار

Браво, браво, начали мы свадебную пѣсню, друзья, друзья! Взяли мы розу (невѣсту) и бросили ее въ дикій кустарникъ, друзья, друзья!

Въ день бракосочетанія со стороны только что женившагося юноши идутъ молодые люди, чтобы трижды привѣтствовать родителей невѣсты, и говорятъ:

السّلام عليكم
كوى اوغول سلام بردى
مراد مقصود حاصل بولسون

„Міръ вамъ! Зять присылаетъ привѣтствіе, желая вамъ исполненія того, чего вы хотите!“ Родители невѣсты говорятъ ему въ отвѣтъ:

ان شاءَ الله

مبارك بولغای
اوینکیزلار اوی بولغای
مرادینکیزلارحاصل بولغای

„Да поможетъ Богъ сбыться этому! Да разбогатѣютъ ваши жилища и да исполнятся ваши желанія!“ Затѣмъ посланные со стороны жениха юноши говорятъ:

السّلام علیکم
کوی اوغول سلام بیردی

„Міръ вамъ! Зять присылаетъ вамъ привѣтствіе“! Родители невѣсты, говорятъ:

ان شاءَ الله
اینغانینکیز دیك بولغای
بش اوغوللیق
ایکی قیزلیق بولغای

„Да будетъ такъ, какъ онъ говоритъ, да будетъ у него пять сыновей и двѣ дочери!“ Затѣмъ посланные со стороны жениха, привѣтствуютъ въ третій разъ:

السلام علیکم
کوی اوغول سلام بردی

„Міръ вамъ! Зять присылаетъ вамъ привѣтствіе!“ Родители невѣсты отвѣчаютъ:

ان شاءَ الله
توقوز اوغول لوق

بير قيزليق بولغاى

„Да дастъ ему Богъ девять сыновей и одну дочь!“ Потомъ родители невѣсты дарятъ посланнымъ со стороны жениха по одному платку. Этотъ платокъ называется „платкомъ привѣтствія“.

2. Поздравленіе родителей невѣсты.

Въ вечеръ дня, въ который высватана невѣста, молодые люди идутъ къ тестю и тещѣ, чтобы привѣтствовать ихъ. На встрѣчу имъ выходитъ человѣкъ и отъ имени тестя и тещи говоритъ:

اوچونكيز اوزارغاى
نوبونكيز ياييلغاى
ق قاص بيكيت‌لار
ق قاص باللار

„Да удлинятся концы вашихъ владѣній! Да упрочатся основанія ваши! Браво, юноши! Браво, дѣти!“ Юноши уходятъ на улицу и, вернувшись, снова идутъ привѣтствовать. Давешній человѣкъ говоритъ тестю и тещѣ: „юноши во второй разъ пришли привѣтствовать!“ Тесть и теща передаютъ имъ черезъ своего человѣка:

عليكم السّلام
باغى باغ بولسون
مرادى‌حاصل بولسون
ق قاص باللار

„И вамъ миръ! Сады ихъ пусть будутъ настоящими са-

дами! Желанія ихъ пусть всегда сбываются! Браво, юноши! Браво, дѣти!" Юноши уходятъ на улицу и, вернувшись, въ третій разъ идутъ привѣтствовать тестя и тещу. Давешній человѣкъ докладываетъ, что юноши въ третій разъ пришли привѣтствовать. Тесть и теща черезъ того-же человѣка передаютъ имъ:

عليكم السّلام
اينكغير چاق ياخشى جابدوق
معركه‌ده طوقوب بولماس
اولانكى بارقوشقانى يوق
قينكغيراق ياخشى جابدوق
معركه‌ده طوتوب بولماس
صفاغى بار غلافى يوق
قى قاص بيكيت‌لار
قى قاص باللار
كوى اوغول اوغول بولماس
كوى اوغولنى اوغول ديسه
كونكلى خوش بولور
كول تـام بولماس
كول باشى‌دا تام قويسا
كوتى بوش بولور
قى قاص بيكيت‌لار
قى قاص باللار

„И вамъ миръ! Вьючное сѣдло—хорошая принадлежность, но для дѣла оно не годится: подпруга есть, а подхвостника нѣтъ! Кухонный ножъ—хорошая принадлежность, но

для дѣла онъ не годится: рукоятка есть, а ноженъ нѣтъ! Браво, юноши! Браво, дѣти! Зять не то, что сынъ! Если зять будетъ сыномъ, то сердце будетъ радоваться! На золѣ не поставить стѣны; если поставить на ней стѣну, то подъ ней образуется пустота! Браво, юноши! Браво дѣти!“ Затѣмъ съ обѣихъ сторонъ дарятъ человѣку, передававшему привѣтствіе, по 1 платку, не смотря ни на свою бѣдность, ни на богатство.

3. Поздравленіе жениха.

На другой день послѣ высватанія невѣсты близкіе друзья жениха собираются въ его домъ. Каждый изъ нихъ приноситъ 9 родовъ лакомствъ и 1 посудину водки. Здѣсь надо замѣтить, что хамійскіе татары вопреки запрещенію корана открыто употребляютъ водку. Юноши, собравшись въ кучу, спрашиваютъ другъ друга о здоровьѣ. Потомъ всѣ поднимаются съ мѣста и привѣтствуютъ жениха словами:

آداش بو كون كچه اوبدان قوندونك مو
قوى صويوب اويخونك بوكون كچه كلمكان دور
قوىلارينك سميز بو كون كچه چيقتى مو
بل فيقين‌لارينك آغريب بوكون‌كچه قالغان‌دور

„Товарищъ, прекрасно-ли провелъ сегодняшную ночь? Вѣроятно, тебѣ не спалось въ эту ночь, такъ какъ долженъ былъ колоть овецъ? Жирны-ли вышли въ сегодняшную ночь твои овцы? Не болятъ-ли у тебя съ этой ночи подложечныя части?“ На эти слова женихъ кланяется, отвѣчаетъ на ихъ привѣтствіе и благодаритъ за вниманіе. Затѣмъ всѣ садятся и распиваютъ принесенную водку. Хозяинъ колетъ овцу, варитъ мясо и угощаетъ имъ своихъ гостей. Гости благодарятъ за угощеніе и пьяные расходятся по домамъ.

Н. Катановъ.

О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка.

Въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи“ были уже помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о земельныхъ угодьяхъ, принадлежавшихъ казанскимъ монастырямъ. О тѣхъ же монастырскихъ земляхъ и о земляхъ, находившихся во владѣніи казны, городскихъ и сельскихъ обывателей и частныхъ лицъ, приводятся подробныя свѣдѣнія въ раздѣльномъ актѣ конца прошедшаго столѣтія казанской межевой конторы.

Изъ упомянутаго раздѣльнаго акта, состоявшагося въ 1796 г., видно, что подгородныя земли и угодья, принадлежавшія разнымъ владѣльцамъ, были нанесены на трехъ отдѣльныхъ планахъ, но къ сожалѣнію эти планы не сохранились. Изъ подробнаго же описанія земель, помѣщеннаго въ актѣ, видно, что на первомъ планѣ было нанесено *шесть* участковъ выгонной земли и два сѣнокосныхъ участка, а именно: 1) за р. Казанкой, 2) за рч. Ичкой рядомъ съ дачею с. Бежболды [1]), 3) между Волгою и рч. Ичкой, 4) при с. Плетеняхъ на гривѣ, между двухъ озеръ Кабановъ, 5) Прилуцкое мѣсто съ воскобойнымъ на немъ заводомъ, 6) мѣсто Прилуцкое, называемое Грачовской пустошью, 7) и 8) сѣнные покосы, принадлежавшіе частнымъ владѣльцамъ казанскаго уѣзда. На второмъ

[1]) С. Бежболда входитъ въ настоящее время въ составъ Адмиралтейской Слободы.

планѣ нанесено 15 участковъ. Въ томъ числѣ участокъ, состоявшій во владѣніи экономическихъ крестьянъ с. Макарьевскаго, Бежболды тожъ, вмѣстѣ съ адмиралтействомъ и разными его магазинами; участокъ с. Дмитріевскаго, Ягодное тожъ, и с. Никольскаго, Красная Горка тожъ, съ деревнями Игумновой, Куземетевой, Уракчиной и Займища, вѣдомства коллегіи экономическихъ крестьянъ; въ этомъ общемъ участкѣ находилась также слободка Гривка, заселенная разночинцами вышедшими изъ Казани. Далѣе на томъ же планѣ нанесенъ участокъ казеннаго пороховаго завода, состоявшаго въ вѣдомствѣ канцеляріи главной артилеріи и фортификаціи, и нѣсколько участковъ, сѣнныхъ покосовъ и пожней, принадлежавшихъ городу, подгороднымъ деревнямъ Поповкѣ и Игумновой и частнымъ лицамъ. На третьемъ планѣ означены границы владѣнія подмонастырской Кизической слободки, въ которыхъ находилась часть Козьей слободки, основанной, такъ же, какъ и Гривка, разночинцами выселившимися изъ Казани. На томъ же планѣ нанесено нѣсколько казенныхъ сѣнокосныхъ участковъ и на одномъ изъ нихъ нанесена остальная часть Козьей слободки.

Почти всѣ эти нанесенные на планахъ земельные участки, какъ видно изъ постановленія межевой конторы, подробно изложеннаго въ томъ же раздѣльномъ актѣ, были измѣнены ею въ своихъ границахъ, а нѣкоторые, какъ напр. Грачевская пустошь, которой въ натурѣ не оказалось, совсѣмъ уничтожены. Большая часть казенной оброчной земли и земель, принадлежащихъ сс. Ягодному, Красной Горкѣ съ деревнями и Кизической подмонастырской слободкѣ была присоединена къ городскимъ сѣннымъ покосамъ; при означенныхъ же селеніяхъ оставлено земли въ количествѣ 8 десятинъ на ревизскую душу, причемъ исключено 69 душъ крестьянъ, записавшихся изъ с. Ягоднаго и д. Игумновой въ казанское купечество, мѣщанство и цехи. Часть казенныхъ и обывательскихъ земель, поросшихъ лѣсомъ, постановлено также отмежевать къ городскому въѣзжему лѣсу. Относительно, показанныхъ на одномъ

изъ земельныхъ участковъ, рыбныхъ ловлей на р. Казанкѣ и находящейся подъ крѣпостью водяной мельницы въ актѣ межевой конторы замѣчено, что эти статьи по писцовымъ книгамъ принадлежали посадскимъ людямъ г. Казани, но затѣмъ „невѣдомо по какимъ обстоятельствамъ“ рыбныя ловли и мельница, сперва отъ бывшей казанской губернской канцеляріи, а потомъ отъ казанской казенной палаты сдавались изъ платежа оброка частнымъ людямъ. Основываясь на высочайшемъ манифестѣ 17 марта 1775 г., конторою постановлено оставить рыбныя ловли и мельницу для общей пользы г. Казани, купечеству и мѣщанству. По поводу дачъ с. Макарьевскаго, Бежболда тожъ, занятыхъ казанскимъ адмиралтействомъ, межевая контора приводитъ свѣдѣнія, полученныя ею изъ казанской адмиралтейской конторы о томъ, что въ 1722 году, когда Императоръ Петръ Великій изволилъ шествовать по Волгѣ въ Астрахань и въ Персію, то, по прибытіи его въ Казань архимандритъ Зилантова монастыря просилъ его „чтобы вмѣсто взятой у того монастыря подъ казенное адмиралтейство и подъ селенія адмиралтейскихъ служителей и мастеровыхъ людей пашенной земли пожаловалъ, наградилъ въ другомъ мѣстѣ пашенною же землею“, но, что послѣдовало по этой просьбѣ, неизвѣстно, потому что въ пожаръ 1742 года адмиралтейская контора почти со всѣми прежними дѣлами погорѣла и только уже въ 1767 году интендантской экспедиціей былъ поднятъ вопросъ о переводѣ с. Бежболды, находившагося въ близкомъ разстояніи отъ адмиралтейства, на другое мѣсто и въ то же время предписано казанскому губернатору, вмѣстѣ съ межевою конторою, разсмотрѣть „какое число для адмиралтейства и подъ поселеніе казанскаго комплекта служителей непремѣнно отъ Зилантова монастыря взять надлежитъ земли, или вся оная состоящая земля адмиралтейству надобна, а оставшихъ крестьянъ с. Бежболды для безопасности адмиралтейства перевесть на удобное мѣсто и сколько къ адмиралтейству земли отведено будетъ, чтобъ впредь спору воспослѣдовать не могло, отмежевать“.

Однакожъ и это распоряженіе въ исполненіе приведено не было, потому что въ томъ же году крестьяне с. Бежболды просили объ оставленіи ихъ на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ хлѣбопашествомъ они уже не занимаются и, проживая вблизи Казани, получаютъ пропитаніе отъ разнаго мастерства. Кромѣ того они указывали, что съ переселеніемъ экономическое состояніе ихъ могло ухудшиться и, что въ ихъ селѣ находится каменная церковь, которую перенести на другое мѣсто невозможно. Принимая все это въ соображеніе, межевая контора постановила, что къ переселенію крестьянъ с. Бежболды на другое мѣсто не предвидится уже никакой надобности.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этого краткаго сообщенія, въ раздѣльномъ актѣ казанской межевой конторы, копія съ котораго обязательно была доставлена намъ на разсмотрѣніе однимъ изъ гг. землевладѣльцевъ казанскаго уѣзда, приводятся подробныя свѣдѣнія не только о распредѣленіи въ концѣ XVIII ст. между разными владѣльцами подгородныхъ земель и угодій, но и о заселеніи выходцами изъ Казани подгородныхъ слободъ Гривки, Козьей. Въ томъ же актѣ упоминается о перечисленіи въ городъ многихъ жителей тѣхъ подгородныхъ селеній, которыя, какъ напр. Ягодное, Адмиралтейская слобода, Плетени, въ послѣдствіи вошли въ составъ города, и едва ли не тогда же были установлены границы большей части городской земли.

Раздѣльный актъ Казанской Межевой Конторы.

1796-го года августа 18-го дня по указу Ея Императорскаго Величества казанская межевая контора слушавъ выписку изъ трехъ делъ начавшихся порапортамъ землемеровъ артиллери капитана волкова подъпорутчика глумилина и гвардіи прапорщика богданова о земляхъ состоящихъ на трехъ планахъ на первомъ города Казани подлитерою А. Заселенной а подлитерою В выгонной казенныхъ оброчныхъ называемыхъ подъ № 1 Состоящая варекою Казанкою 2-мъ варечкою ичкою посмежеству вдачею села бежболды 3-мъ между речки ички ирекн волги 4-мъ что при селе плетеняхъ между

двухъ озеръ кабановъ на гриве 5-мъ прилуцкое мѣсто и воономъ включается подстроеніемъ воскобойнаго завода 6-мъ прилуцкое место которое поверенной действительнаго статскаго советника иковалера федора федоровича желтухина называлъ пустошью грачевскою 7-мъ сенныхъ покосовъ называемыхъ змиевскими и кошкодамовскими владения подъпорутчика ивана и титулярнаго советника (что ныне коллежской ассесоръ) василія гавриловыхъ Детей Тверитиновыхъ ититулярнаго советника ивана гаврилова сына Поспелова 8-мъ сенакосной пожни владенія отъставнаго секретаря василья григорьева сына Демешева; на второмъ Казанскаго Уезда 1-мъ села макарьевскаго бежболда тожъ владения экономическихъ крестьянъ на коей даче состоитъ впоселеніи и адмиралтейство сразными ево магазеинами 2-мъ сенныхъ покосовъ принадлежащихъ къ городу Казани владѣнія купцовъ мещанъ и цеховыхъ казенныхъ оброчныхъ поженъ 3-мъ максимовской спожнями 4-мъ малой шиловки 5-мъ пожни петровки спожнями владенія села макарьевскаго бежболда тожъ экономическихъ крестьянъ 6-мъ казенной оброчной пожни вражковъ и кривошеинской 7-мъ селъ дмитриевскаго ягодноо тожъ никольскаго красная горка тожъ здеревнями игумновой куземетевой Уракчиной и займищи, владенія вѣдомства прежде бывшей коллегіи экономическихъ крестьянъ. на коей дачи состоитъ впоселеніи слободка гривка выселившихся изъ города казани разночинцовъ, 8-мъ казенной пороховой заводъ ведомства канцеляри главнои артиллери и фбртификаціи казенныхъ оброчныхъ 9-мъ пожни поповки и подъ деревнею игумновой 10-мъ сенныхъ покосовъ двухъ поженъ ирыховыхъ 11-мъ сенныхъ покосовъ называемыхъ поповка 12-мъ сѣнныя покосы прирекѣ волге 13-мъ проданныя отъ межевои канцеляри изъ казенныхъ еенныхъ покосовъ во владения гварди капитанъ порутчику князь василью михаилову сыну голицину коими ныне вкаденіе имеетъ жена ево княгиня марья алексеева дочь 14-мъ отхожія сенныя покосы принадлежащія казанскаго уезда кселу Троицкому усады тожъ владенія примеръ маиора сергея михаилова сына тютчева аныне по смерти ево малолетной дочери ево анны тютчевои 15-мъ вновь открывшеися казеннои земли; третьемъ подъ № 1-мъ подъ монастырской кизической слободки владенія экономическихъ крестьянъ на коеи даче состоитъ впоселеніи часть слободки козей выселившихся изъ города Казани разночинцовъ казенныхъ оброчныхъ сенныхъ покосовъ 2-мъ болотныхъ 3-мъ болотныхъ же 4-мъ накоихъ состоитъ впоселеніи часть слободки козей выселившихся изъ города Казани разночинцовъ5-мъ что нагриве 6-мъ называемыхъ бечевка; иразсматривая притомъ темъ землямъ планы и все дела по соображенію съизданными оныпешнемъ государственномъ генералномъ земли межеваніи ВЫСОЧАИШИМИ узаконеніями ПРИКАЗАЛИ учиненныя приснятіи техъ земель споры ивсе показаніи уничтожить для того; I,, хотя присняти вышеписанныхъ земель состоящихъ на первомъ плане подъ № 1-мъ,, 2-мъ,, 3-мъ,, 4-мъ,, 5-мъ,, 6-мъ,, присланныя изъ казанскаго нижняго земскаго суда для отводу казенныхъ земель дворянскія заседатели порутчикъ анучинъ, икарнетъ москотиньевъ, утверждали казенными оброчными землями, о которыхъ и казанская казенная полата вприсланой всию кантору приуказе ведомости такъже показываетъ оброчнымиже земля

ми, каковыми икантора ихъ почитаетъ, равномерно подъ № 6-мъ земля хотя землемеромъ волковымъ иобъмежевана была за деиствителнаго статскаго советника иковалера федора федоровича желтухина подъ названиемъ пустоши грачевской сутвержденіемъ формалнои межи но после того указомъ казанское наместническое правленіе канторе знать дало, что то место называемое прилуцкое исостоящее вказенномъ оброкѣ дактому жъ и поверенной господина желтухина после межеванія поданнымъ къ землемеру волкову объявленіемъ показывалъ, что той пустоши грачевскои втомъ месте нетъ, ипросилъ ее съ учиненными ей межами уничтожить, апотому оныя иуничтожаются, какъ же при городе Казане выгонной безспорной земли состоитъ толко однои удобнои земли тысяча цять сотъ восемдесять пять десятинъ сто семдесятъ три сажени аположенной по 2-му пункту 8 главы инструкціи межевыхъ канцеляри иканторъ вокругъ всего города вдву верстнои пропорціи должно быть три тысячи семь сотъ шездесятъ пять дѣсятинъ тысяча пятдесятъ пять саженъ вкоторую пропорцию недостаетъ двухъ тысячь ста асмидесяти дѣсятинъ иосми сотъ васмидесяти двухъ саженъ авышеозначеннои 8-ой главы канторскои инструкціи въ 3-мъ пункте повелено „вчисло означенной „пропорціи на меривать 1-е все прежде написанныя по писцовымъ и меже„вымъ книгамъ исостоящія доныне пожалованнымъ грамотамъ и повсякимъ „крепостямъ выгоны 2-е такія земли которыя всилу уложенья изчьихъ дачь „взяты къ городамъ для пространства и скотиннаго выгона 3-е покупныя „купечествомъ отъ разныхъ владелцовъ земли ненаимена каждаго особо ако„всему городу идля общей всехъ градскихъ жителей ползы 4-е изсмежныхъ „ктому государьственныхъ порозжихъ земель., воисполненіе котораго узаконенія кантора все вышеизъясненныя; а равно и состоящия напланахъ второмъ подъ №-ми 3„ 4., 6„ и 9-мъ третьемъ 2., 3„ 4., 5 и 6-мъ„ казенныя оброчныя земли вкоихъ состоитъ удобной земли присовокупя къ тому исостоящия на второмъ плане подъ № 2 городъския сенныя покосы тысяча триста семдесятъ пять десятинъ две тысячи двесте одиннатцать саженъ оставляетъ къ выгонной города Казани земле; но какъ и затемъ еще на выгонѣ вположенную пропорцию недостаитъ восми сотъ четырехъ дѣсятинъ тысячи семидесяти однои сажени которыя воисполнение означеннои 8-ой главы 7-го пункта канторской инструкціи дополнить изъявившихся сверхъ числа душъ земли придачахъ наложенныхъ на второмъ подъ № 7 селъ дмитриевскаго ягодное тожъ иниколскаго красная горка тожъ здѣревнями натретьемъ плане подъ № 1-мъ подманастырнои кизическои слободки оставя однакожъ прежде повышеупомянутому 7-му пункту написанныя втехъ селенияхъ вчетвертую ревизию мужеска пола души на каждую поосми десятинъ и именно приселехъ ягодномъ икраснои горки здѣревнями заисключеніемъ по 2-му пункту 19-ой главы канторскои инструкціи записавшихся изъ села ягодного идеревни игумновои вгороде Казане вкупечество мещанство ицехи крестьянъ (какъ о томъ казанская казенная палата Указомъ сию кантору уведомила) шестидесяти девяти душъ анадосталныя триста шездесятъ пять душъ две тысячи девять сотъ дватцать десятинъ приподманастырной кизическои слободки натринатцать душъ сто четыре десятины невключая вто число неудобныхъ местъ аоднои

удобной земли, ахотя изътехъ селениевъ придаче № 7-го что на второмъ плане села дмитриевскаго ягодное тожъ с селомъ идеревнями попредставленнымъ писцовымъ 111-го года писца ивана болтина книгамъ состоитъ земель более нежели вышепоказанной положенной начисло душъ пропорціи, которыя воисполнение канторской инъструкціи вышеозначенной 8-ой главы 9-го пункта исследовалобъ оставить притехъ селеніяхъ но какъ по справке присланными изъ межевой канцеляріи а внее доставленными изъ вотчинного департамента списцовыхъ 156-го года книгъ показковымъ (36-мъ пунктомъ 4-ой главы тойже инструкціи преимущественнее предъ прежними покоторымъ иземли внастоящия дачи утверждать велено) копіями оказалось недоволно противу предложенныхъ 111-го года писцовыхъ книгъ но даже ипротиву означенной положенной на число душъ пропорціи ана подъ манастырную слободку кизическую, что на третьемъ плане подъ № 1-мъ исовсемъ крепостей неявилось апотому и повышеозначенному 7-му пункту 8-ой главы канторской инструкціи иоставляется кътемъ селениямъ одна толко на число душъ пропорция азатемъ изъоставшихъ притехъ селеніяхъ изълишнихъ земель примежевать квыгону иоследнеи дачи слободки кизической всю оказавшуюся сверхъ числа душъ двести тринатцать десятинъ тысячу пять сотъ пятдесятъ три сажени, аиспервой селъ ягодного и красной горки здеревнями пять сотъ девяносто десятинъ тысячу деветь сотъ асмнатцать саженъ ноизавсемъ темъ еще, II-е приноказанной № 7-го даче что навторомъ плане остаются изълишняя сверхъ вышеизъясненной оставленной начисло душъ пропорціи земли четыре тысячи восемь сотъ девяносто шесть десятинъ тысяча девять сотъ тритцать восемь саженъ искоторои такъ же посодержанию инструкціи межевыхъ канцеляріи и канторъ 8 главы 17 пункта намерить и особо отъмежевать впредь для государственныхъ надобностей триста десятинъ поблизости къводе и имянно крекѣ казанкѣ присоединя къ тому исостоящей на второмъ плане подъ № 8 казенной пороховой завоэъ и объотдаче техъ определенныхъ ныне для государственныхъ надобностей трехъ сотъ десятинъ въпаемъ подъсенакосъ анеподъ пашню повсягодно спубличнаго торгу предоставить въ казанскую казенную полату затемже все излишнія земли четыре тысячи пять сотъ девяносто шесть десятинъ тысяча девять сотъ тритцать восемь саженъ какъ оная вся состоитъ порозная лесомъ отъмежевать особо надоказанной города казани купеческимъ довереннымъ писцовыми 74-го 75-го и 76-го годовъ книгами въезжеи принадлежащей ктому городу лесъ вкоторои по силе 17-го пункта 6-ой главы канторскои инструкціи иметь въездъ по принадлежности города Казани жителямъ до того времени покоторое лесъ невесь еще будетъ срубленъ; III-е о состоящей подгородовою крепостью нарекѣ казанкѣ мушной мелнице поверенной города казани какъ примежеваніи показывалъ такъ и поданнымъ вкантору прошениемъ попротчемъ прописывалъ что по писцовымъ книгамъ писцовъ околничего никиты борисова дадмитрия кикина 74-го, 75-го и 76-го годовъ книгамъ къ городу казани бывшимъ потогдашнему наименованию живущемъ въ немъ посадскимъ людямъ земли совсеми угодьи ковладению существованіе и положение имели иныне имеютъ по разнымъ урочищамъ вокругъ ивсмежестве того города

которыми де землями авозерахъ, рекѣ волге реке каванкѣ и вдругихъ рыбными ловлями лугами, лесами, ивсеми угодьями какъ они посадскіе люди апотомъ попереименованию уже купцы имещане равно имещие подобные имъ привилегіи служивые торговые татары ползовались безъвсякаго отъсоседственныхъ владеніи прекословія и хотя до состоявшагося еще Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества 765 года сентября 19-го дня о генералномъ земель размежеваніи манифеста изътехъ къ городу принадлеж ностей часть некоторая и поступила поусиленому завладению смежныхъ дачь вчастныя владеніи однакоже предписанное общество имея затемъ еще количество вовладеніи своемъ земли совсеми угодьи уклонили себя отъ тяжебъ натотъ предметъ дабы быть хотя приломъ владеніи но навсегда вспокоиствіи вместо чего, потомъ и изътехъ оставшихъ уже земель близь самаго городскаго строенія вразныхъ местахъ иноразнымъ участкамъ нетолко луга но исостоящия озера река каванка инанеи построенная мушная мелница сперва отбывшей казанской губернскои канцеляріи неведомо по какимъ обстоятельствамъ, аныне отъ казанскои казеннои полаты отдаются изъ платежа оброка частнымъ людямъ, покаковому случаю ипретерпеваютъ ощутительное лишение принадлежащей имъ повсемъ правамъ выгодъ, просили состоящия внутри отвода ихъ отдаваемыя отъказанскои казенной полаты повсемъ справедливостямъ принадлежащія къ городу земли рыбныя возерахъ иректѣ каванкѣ ловли имушную мелницу изъ оброка равно и леса утвердить наоснованіи высочайшихъ 775-го манифеста и 785-го годовъ городоваго положения къ городу кавани купцамъ и мещанамъ но кантора сей провбы (кроме что мелницы и рыбныхъ ловлеи) уваженіе принять неможетъ темъ что выгонои земли противу написанной спредложеннаго списка списцовыхъ 74-го 75-го и 76-го годовъ книгъ равномерно и посправкѣ присланными всию кантору изъ межевои канцеляріи авнее доставленными изводчиннаго департамента списцовыхъ техже годовъ книгами меры оказалось водномъ бевспорномъ владеніи изълишнеи земли тритцать пять десятинъ сто семдесить три сажени следовательно инеможетъ быть такъ какъ городскои повереннои показываетъ взавладеніи принадлежащихъ потемъ писцовымъ книгамъ къ городу земель участныхъ людей: а посему икантора повышеизъясненному заключенію определяетъ дополнить къ городу Казане положенную во 2-мъ пункте 8-ой главы канторскои инструкціи пропорцию неизъ земель уже городскихъ а изъ земель означенныхъ въ 3-мъ и 7-мъ пунктахъ тоиже 8 главы канторскои инструкціи относительножъ дорыбныхъ врекахъ волге каванкѣ иозерахъ ловле инарекѣ каванкѣ мучнои мелнице окаковыхъ состоявшимся 1775-го года марта 17-го дня высочаишимъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ манифестомъ внижеследующихъ пунктахъ напечатано сими словами: „въ 36-мъ отрешаемъ зборъ смелницъ владелческихъ въ 37-мъ по указамъ 1725-го и 1762-го годовъ утверждено чтобы рыбнымъ ловлямъ кои состоятъ завладелцами игосударственными дворцовыми и экономическими крестьянами быть за ними вечно безъ перекупки; но тогда неисключены они изъ оброка которыи нанихъ дотого состоялъ нынежъ всемилостивѣише отрешаемъ платежъ зборъ или оброкъ зате рыбныя ловли иповелеваемъ онаго

сихъ впредь не забирать и онаго неимеютъ платить„ такъ же Имяннаго Ея Императорскаго Величества 1785-го года апреля 24 дня городоваго положенія подлитерою А во второи статье подътверждено сими словами: „городу „подътверждаются правилно принадлежащия помежевои инструкціи или инако „законно земли, сады, поля, пастбы, луга, реки, рыбныя ловли, леса, рощи „кустарники пустыя места, мелницы водяныя или ветреныя все оныя вообще „икаждое порознь ненарушимо иметь ионымъ ползоватся мирно ивечно на„основаніи законовъ какъ внутри города такъ ивне онаго„ апоисполненіе оныхъ Всемилостивѣишихъ повеленіевъ икантора лежащия подле назначаемой ныне кгороду казани выгонной земле ивнутри ее врекахъ волге казанкѣ озерахъ рыбныя ловли равно мерно исостоящую подъгородовою крепостью нарекѣ казанкѣ мучную мелницу оставляетъ для общей ползы города казани купечеству имещанству; акакъ оныя равно ивышеозначенныя определяемыя кгороду навыгонъ оброчныя земли отъдаются отъказанскои казенноі полаты воброкъ равнымъ людямъ то осложени снихъ наоснованіи вышепоказанныхъ Высочаишихъ 775-го марта 17-го манифеста и 785-го годовъ апреля 24-го числа городоваго положенія; техъ оброковъ представить вказанскую казенную полату доношеніемъ какъ же; IV Дачи наложенныя напервомъ подъ № 7-мъ сена косныя пожни змеевъскія икошкодамовскія а навторомъ подъ № 14-мъ сенныя покосы принадлежащия казанскаго уѣзда кселу троицкому усадъ тожъ владеющия ныне теми дачами помещики поданными вкантору прошеніями объяснили опервыхъ подъпорутчикъ иванъ ититулярной советникъ (что ныне коллежскои ассессоръ) василеи тверитиновы ититулярной советникъ иванъ поспеловъ что имеющияся нату дачу ивана поспелова отца ево гаврилы поспеловажъ крепости вбывшей 734-го года въ городе казане пожаръ обще здомомъ ево поспелова згорели аовторыхъ покоинаго примеръ манора сергея тютчева служитель иванъ алексѣевъ что такъ же всмутное время надачу господина ево крепости разграблены даипосправкѣ присланными изъмежевой канцеляріи (всию кантору) авнее доставленными изъ вотчиннаго департамента списцовыхъ книгъ копіямъ хотя техъ дачь инеоказалось однакожь чтобъ они не были до 765 года ипоныне вовладеніи вышепоказанныхъ владелцовъ отомъ никѣмъ оспариваемо небыло каковыхъ канторской инструкціи 4 главы 19-мъ пунктамъ илишать невелено, а еще подтверждено опредѣлять межевать такъ какъ они до 765-го года безспорно владѣли посодержанію коего означенныя сенныя покосы змиевскія икошкодамовскія иоставить имъ поспелову итверитиновымъ вообщее владеніе поравному количеству аравно иналоженную напервомъ планѣ подъ № 8 сенакосную пожню по 1-му 4-му и по 1-му пунктамъ 9-ти главъ тоиже инструкціи оставить все те три дачи потому бывшему до 765-го года владеню покоторому они ипринынешнемъ межеваніи сняты атакъ же; V-е Дачу лежащую навторомъ плане подъ № 1-мъ села макарьевскаго бежболда тожъ экономическихъ крестьянъ бывшихъ прежде вовладеніи зилантова монастыря равномерно и особыя на томъ же плане подъ № 5-мъ обмежеванныя безспорно сенныя покосы называемыя пожня петровка спожнями принадлежащія къ тои же № 1 даче селу бежболде оставить такъ же какъ они принынешнемъ межe-

ваніи обоидены для того, что хотя втой № 1 даче присовокупя ктому ихже вышеписанную подъ № 5 дачу исостоитъ противу числа написанныхъ втомъ селеніи почетвертои ревизіи заисключеніемъ изъ того числа (посиле канторскои инструкціи 19 главы 12-го пункта) записавшихся вгороде каване вкупечество мещанство ицехи равно мерно и построеннаго насамои той № 1-го даче поимянному 1718-го года февраля 11-го дня Его Императорскаго величества Блаженныя и вечныя славы достойныя памяти государя императора петра великаго указу адмиралтейства, запасныхъ магазиновъ изнятой селеніемъ того адмиралтейства мастеровыми людьми земли шестидесяти трехъ дѣсятинъ итысячи трехсотъ осмидесяти трехъ саженъ надостальныхъ мужеска полу двадцать две души экономическихъ крестьянъ полагая на каждую по силе канторскои инструкціи 8-ой главы 7-го пункта поосми десятинъ изълишнеи земли тритцать восемь дѣсятинъ и тысяча восемь сотъ девяноста одна сажень но оныя оставляются притоиже № 1-го даче для могущихъ иногда быть всякихъ непредвидимыхъ ныне надобностей подъ занятие изъясненнаго адмиралтейства, а хотя казанская адмиралтеиская кантора сию кантору ауведомляла отомъ что въ 1722-мъ году когда Его величество государь императоръ петръ великій изъволилъ шествовать волгою рекою вастрахань ивперсию и поприбытіи вказань вилантова монастыря архимандритъ просилъ Его Императорскаго величества чтобъ вместо взятой того монастыря подъказенное адмиралтейство иподъселенія адмиралтейскихъ служителей имастеровыхъ людей пашенной земли пожаловалъ наградилъ вдругомъ месте пашеннояжъ землею но что по той ево архимандрита прозбе послѣдовало забывшимъ въ 1742 году пожаромъ вкоторой кантора адмиралтеиская почти совсеми прежними делами погорела неотыскано, кроме что де прошлаго 1767 года іюля 2-го дня полученнымъ втои канторе изъинтенданской экспедиціи на посланное изъ тои канторы опереводе того села бежболды вразсужденіи близкаго отадмиралтеиства равстоянія показаннаго мѣста на оную землю указомъ дано знать, что оттой экспедиціи писано казанскому губернатору чтобъ благоволилъ обще сказанскою канторою разсмотреть какое число для адмиралтеиства иподъпоселеніе казанскаго комплекта служителей непременно отъ вилантова монастыря взять надлежитъ земли или вся она состоящая земля адмиралтейству надобна аоставшихъ крестьянъ села бежболды для безопасности адмиралтеиства перевесть наудобное место исколко кадміралтейству земли отъведено будетъ чтобъ впредь спору воспоследовать немогло отъмежевать но токмо того разсмотрения учинено небыло, послучаю полученнаго сентября 24-го дня тогоже 767-го года изъгосударственной коллегіи экономіи указа, последовавшаго напредставление находящагося вказанскомъ уезде экономическаго казначея примеръ майора голицына вдоношениемъ упомянутаго села бежболды старосты ивана андреева онепереводе ихъ изъсела бежболды на другое место вразсуждени что они креетьяне поотводе упоминаемой подъадмиралтеиство земли пашни уже непашутъ, икооной подолговремянной отлучкѣ незаобыкновенны, апоблизости сжительствомъ къ городу казани пропитаніе получаютъ отразнаго мастерства иработъ икъпереселению втой близости города казани способнаго места неимеется да хотябъ

и имелось то переселенiи сознаго места надругое помалоимуществу могутъ притти вовсеконечное разъзорение платежа государственныхъ податей невсостоянiи сверхъ того имеется воономъ церковь спределомъ каменныя построенныя ихъже крестьянскимъ коштомъ которой иперенесть никакъ неможно, отемъ дѣ и вгосударственную адмиралтеискую коллегию отъ нее сообщено, но что тою коллегиею потому учинено канторе неизвестно; а въ 791-мъ году марта отъ 27-го дня сообщено де было отъ той канторы вказанское наместническое правление стребованiемъ чтобъ благоволило села бежболды крестьянъ всилу вышеприписаннаго Указа воитить осемъ вразсмотренiе итехъ крестьянъ перевесть надругое жителство иотомъ кантору бы увеломило, по токмоде оного неприслано; по какъ втой даче села бежболды сособо отмежеванными принадлежащими кней сенными покосами называемыми пожни петровки спожнями что натомъже второмъ плане подъ № 5 земель оказалось недоволно недостаточно по еще запамерениемъ (какъ и по вышеизъясненному заключенiю значитъ) начисло душъ оказалось изълишней земли тритцать восемь дѣсятинъ тысяча восемь сотъ дѣвяноста одна сажень, которыя иоставлены при тоиже даче впредь нанепредъвидимыя ныне надобности подъ занятiемъ того адмиралтейства апосему кантора сия икъ переселенiю того села бежболбы крестьянъ надругiя земли непредъвидитъ уже никаковой надобности; касателножъ идотого что бежболдинской отъ экономическихъ крестьянъ поверенной представленною вкантору късему делу 140-го года грамотою утверждалъ притой даче сенныхъ покосовъ данныхъ вместо взятой унихъ подъихъ деревнею бежболдою подъгосударевы житнецы копенъ здвести далесу вдлину напять апоперекъ надве версты иболше, но кантора всихъ местахъ того числа потой грамоте написанныхъ земель намереть неможетъ поелику те сенныя покосы иповерстнои лесъ втои грамоте написаны поборовымъ озерамъ ипообе стороны реки сумки покоторымъ они иодолжались втехъ самыхъ местахъ ихъ и отводить а всихъ местахъ такковыхъ урочишъ нетъ; апотому самому и имеющаяся того села отъкрестьянъ претензия приведенная всогласность казанскимъ наместническимъ правлениемъ посредствомъ уездnаго стрянчего марковникова наполюбовную повереннаго ихъ бежболдинскихъ крестьянъ споверенными отъ города казани между земель ихъ игородскихъ сенныхъ покосовъ что на второмъ плане подъ № 2 сказку писанную 793 года декабря 20 дня аравно исамая та сказка повышеписанному заключению никчему уже неслужитъ; наложенныя же натомъже второмъ плане; VI казенныя оброчныя земли называемыя подъ № 10 сенныя покосы двухъ пожепъ ирыховыхъ 11-мъ сенныхъ покосовъ поповка 12-мъ сенныя покосы прирекѣ волге атакъ же ивновь отъкрывшуюся казенную землю что подъ № 15-мъ по 2-му пункту 25-ой главы канторскои инструкціи оставить посамымъ темъ местамъ какъ они приснятiи ихъ ныне землемеромъ гварди прапорщикомъ богдановымъ обоидены вдаче состоящей натомъже второмъ плане подъ № 13-мъ проданной отъ межевой канцелярiи изъказенныхъ сенныхъ покосовъ вовладѣніе гварди капитанъ порутчику князь василью голицину какъ внихъ противу проданнаго числа оказалось изълишняя земля тоная состоитли укнязя голицина вовладенiи иежели въ сво владенiи состоитъ

то скотораго именно году выписавъ особо доложить какъ же VII повышеизъясненному заключению должно будетъ внатуре утвердить формалныя межи здѣлать вздешней чертежной напланахъ поспособности соопробаціи однакожъ присудствующихъ нарески сотушеванною красками потомъ те планы и все понихъ писменныя землемеровы производствы отослать къземлемеру секундъ маіору барановичу при указе ивелеть повышеписанному заключению иповделаннымъ напланахъ нарескамъ утвердя темъ землямъ внатуре формальныя межи (уничтожа напредь где следуетъ вошедшия внареску таковыяжъ учиненныя землемеромъ капитаномъ волковымъ приобмежеваніи имъ выгонной городъ казани земли) исочиня всемъ темъ землямъ поустановленному порядку безъспорныя планы смежевыми книгами написавъ внихъ что они сочинены порешению сеи канторы споровъ представить обще спрежними спорными планами инписменными землемеровыми производствами вканторуприрапорте къисполненію чего къделу ивчертежную дать отъпротокола съсего копию преждежъ того; VIII сие опредѣленіе поподписани присудствуещими участвующимъ по сему делу владелцамъ или ихъ повереннымъ ежели они здѣсь тотъ часъ объявить стемъ чтобъ оне неотлагая более семи дней подъсимъ подписались иежели потребуютъ съ сего копіи то оныя васкрепою секретаря дать, ибуди подъпишутся доволными здѣлать исполненіе вслучаежъ неудовольствія то неделая исполненія все дело учиня ему опись спланами и землемеровыми производствами взнесть наразсмотреніе вмежевую канцелярию при рапорте канцелятора чтобы онъ туда науказной срокъ явился (взявъ снего запересылку того дела что следовать будетъ весовыя деньги) обязать подъпискою ежелижъ кто неявится то ксведению осемъ решеніи опринечатаніи вмосковскихъ ведомостяхъ по силе 784-го года февраля 6-го дня указа правителствующаго Сената въ 5-ый депортаментъ представить рапортомъ причемъ иобъявленіе васкрепою секретаря приложить. Посостоянюжъ вышеписанныхъ селеней коронныхъ крестьянъ введомстве казанской казенной палаты для объявления имъ съсего определения отослать придоношеніи копию акакъ; IX овышеписанной прежде отъмежеванной задействителнаго статскаго советника иковалера федора федоровича желтухина состоящей напервомъ плане подъ № 6 даче подъ названиемъ пустоши грачевской после уже ее объмежевания казанское наместническое правление указомъ канторе знать дало что то место называемое прилуцкое иесть казенное оброчное итребовало оучиненіи отомъ разсмотрения и что учинено будетъ правленне уведомить почему издать оному знать что означенная пустошь грачевская канторою признана заоброчное казенное место называемое прилуцкое иотдано повышеписанному заключению ипоизъясненнымъ внемъ уваконеніямъ къ городу казани подъ выгонъ наподлинномъ подтписано тако антонъ лещцано левъ шагаровъ петръ блюмъ скрепилъ секретарь егоръ герасимовъ подъписано 10-го сентября.

1796 года сентября 30 дня По указу Ея Императорскаго Величества вказанской межевои канторе попрошению коллежсскаго ассесора василья гаврилова сына тверитинова поверенного служителя никиты иванова о выдаче ему срешителнаго определения оземляхъ сенныхъ покосовъ змиевскихъ икошкодамовскихъ поспору вградскою города Казани выгонною землею копіи определено посиле имянныхъ 1737-го октября 16-го и 763 годовъ декабря 15 чиселъ указовъ опоказанныхъ земляхъ срешительнаго определения заподъ писаниемъ присудствующаго исовзятьемъ указныхъ пошлинъ изавоскъ реченному поверенному дать копию которая идана октября 20 дня 1796 года. Петръ блюмъ. № 1118.

И. Износковъ.

КИТАЙСКІЙ БУНТОВЩИКЪ ЧИ-ЧИ-ГУНЪ.

Въ Азіи въ послѣднее столѣтіе значеніе и обаяніе Китая, или, какъ его называютъ сами китайцы, Чжунъ-го (срединное государство) или Тянь-ся (поднебесная имперія) значительно пало, и могущество его вслѣдствіе частыхъ безпорядковъ и возмущеній, проявлявшихся по временамъ внутри страны противъ маньчжурскаго правительства, владѣющаго китайскимъ престоломъ съ 1644 года, сильно поколебалось. Возстаніе такъ называемыхъ „тайпиновъ", длившееся съ 1850 по 1864 годъ, охватило всю юго-восточную часть Поднебесной Имперіи и было подавлено лишь при помощи европейскаго оружія. „Тай-пинъ" знач. по-русски великое спокойствіе. Такъ назвалъ свою предполагаемую династію предводитель инсургентовъ, занявшій Нань-цзинъ, т. е. Нанкинъ, въ 1856 г. Года ихъ, 1850 — 1864, у китайскихъ инородцевъ называются „тай-пинъ-нянь" [1]), т. е. „года великаго спокойствія". Китайцы называютъ этихъ инсургентовъ обыкновенно „чанъ-маоцзы", т. е. длинноволосые. Затѣмъ возникли бунты и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи, какъ-то: въ провинціи Чжи-ли и Маньчжуріи. И эти бунты были прекращены при помощи европейцевъ. Потомъ въ провинціи Юнь-нань въ 1855 г. началось возстаніе, охватившее всю сѣверо-западную часть имперіи, вмѣстѣ съ Чжунгаріей и Туркестаномъ, и особенно

---

[1]) По-татарски تای فین نان

усилившееся въ 1861 году, т. е. въ послѣдній годъ правленія Сянь-фынъ (1850—1861). Тогда китайцы потеряли всѣ свои владѣнія на западъ отъ Цзя-юй-гуаньскихъ (самыхъ западныхъ) воротъ великой стѣны. Собственно-же Чжунгарія и Туркестанъ были охвачены возстаніями въ 1862—1863 годахъ. Благодаря вмѣшательству Россіи китайцы въ 1875 году, т. е. въ годъ вступленія на престолъ нынѣшняго Императора, снова стали овладѣвать этими двумя странами. Можно думать, что и послѣдніе мятежи, возникшіе въ восточныхъ провинціяхъ Китая, будутъ подавлены только при помощи европейцевъ. Безъ помощи этихъ послѣднихъ маньчжурскому правительству всегда трудно обойтись, тѣмъ болѣе, что многочисленные и различные народы: татары, дунганы, монголы и др. горныя племена, подвластныя Китаю, но не имѣющія съ нимъ ничего общаго, кромѣ неба и земли, не симпатизируютъ нынѣшнему маньчжурскому правительству Поднебесной Имперіи и при всякомъ случаѣ во имя своей свободы готовы взяться за оружіе. Причинами возстаній обыкновенно бываютъ: лихоимство начальниковъ, жестокія пытки при допросахъ, отказы въ выдачѣ заслуженныхъ денегъ, ростовщическіе пріемы китайскихъ банкировъ и прочіе недостатки всякаго рода. Рѣзня во время войны доходитъ до того, что ожесточенные враги не щадятъ ни старыхъ, ни малыхъ. Богатые города во время войны превращаются въ груды развалинъ, усѣянныя трупами. Такихъ развалинъ и теперь, когда отъ послѣдняго возстанія въ Чжунгаріи и Туркестанѣ прошло почти 20 лѣтъ, можно видѣть цѣлыя сотни. Когда въ 1862—1863 годахъ возникли мятежи въ разныхъ городахъ Чжунгаріи и Туркестана, разныя наиболѣе отважныя лица изъ дунганъ и татаръ составляли большіе и малые отряды и поголовно избивали китайцевъ. Когда мятежники, перебивши китайцевъ, стали по разнымъ причинамъ враждовать между собою. Въ Кашгарѣ появился пѣкій Якубъ-бекъ [1]), сынъ Ходжентскаго муллы Исметъ-уллы. Этотъ

[1]) По-татарски يعقوب بك

самый Якубъ-бекъ сражался противъ русскихъ 4 марта 1852 года на урочищѣ Акъ-герикъ, близъ бывшаго Аральскаго укрѣпленія (Раима). Потомъ 11 апрѣля 1852 года онъ былъ уже въ г. Ташкентѣ. Когда начались въ Восточномъ Туркестанѣ бунты, онъ въ 1864 году вмѣстѣ съ другими лицами отправился въ Восточный Туркестанъ. Частью удавивъ, частью истребивъ опасныхъ соперниковъ и подчинивъ себѣ китайскихъ мятежниковъ, онъ объявилъ себя подъ именемъ „бадаулетъ“ [1]) (счастливецъ) правителемъ Восточнаго Туркестана и управлялъ этою страною до своей смерти, т. е. до 1877 года, послѣ чего китайцы снова овладѣли Чжунгаріей и Туркестаномъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ отравленъ.

Исторія занятія Туркестана сначала Якубъ-бекомъ и потомъ китайцами изложена у К. Риттера въ его „Землевѣдѣніи“, переведенномъ и дополненномъ проф, В. В. Григорьевымъ и изданномъ подъ заглавіемъ: „*Восточный* или *Китайскій Туркестанъ*. Вып. I, 1869. Вып. II, 1873. СПБ“; затѣмъ эта исторія изложена хорошо въ трудѣ А. Н. Куропаткина, вышедшемъ 1879 г. въ С.-Петербургѣ подъ заглавіемъ. „*Кашгарія*. Историко- географическій очеркъ страны, ея военныя силы, промышленность и торговля.“ Исторія занятія Илійскаго округа сначала русскими и потомъ китайцами подробно изложена въ сочиненіи нашего дѣйств. члена Н. Н. Пантусова, озаглавленномъ „Война мусульманъ противъ китайцевъ. Вып. I, 1880. Вып. II, 1881. Казань“, и въ другомъ его-же сочиненіи: „Свѣдѣнія о кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 годы. Казань, 1881.“ О возстаніяхъ въ юго-восточныхъ провинціяхъ Китая можно найти свѣдѣнія, кромѣ иностранныхъ сочиненій, въ книгѣ З. Матусовскаго „Географическое Обозрѣніе Китайской Имперіи. С.Петербургъ, 1888.“ Во время путешествія, совершеннаго по сѣверо-западному Китаю въ 1890—1892 годахъ по порученію Императорской Академіи Наукъ и Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

[1]) По-татарски بادولت

я видѣлся съ лицами, участвовавшими въ войнахъ Якубъ-бека противъ китайцевъ и этихъ послѣднихъ противъ Якубъ-бека и туземцевъ: дунганъ и татаръ. Съ ихъ словъ я имѣлъ возможность почерпнуть много свѣдѣній о разныхъ эпизодахъ изъ жизни Якубъ-бека и войнъ его съ дунганами, татарами и китайцами. Въ настоящей статьѣ я намѣренъ коснуться личности китайскаго бунтовщика Чи-чи-гупа [1]), котораго китайскіе киргизы называютъ Шыша-гунъ или Шуша-гунъ [2]). Во время возстанія дунганъ онъ былъ амбанемъ, т. е. начальникомъ, округа Суй-лай-сянь. Онъ бѣжалъ къ Якубъ-беку и былъ имъ очень ласково принятъ. Послѣ нашествія дунганъ на гор. Кучаръ [3]), Якубъ-бекъ двинулся противъ нихъ, взявъ съ собою и Чи-чи-гупа. Чи-чи-гупъ собралъ вокругъ себя около 8000 уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни китайцевъ и сопутствовалъ съ ними Якубъ-беку въ его движеніи къ гор. Старому Турфану [4]). Занявши этотъ городъ, Якубъ-бекъ отправилъ Чи-чи-гуна противъ города Хунг-мяо-цзы или Урумчи [5]), гдѣ живетъ теперь шунь-фу (губернаторъ) Восточнаго Туркестана. Якубъ-бекъ далъ ему лишь незначительное число своихъ войскъ и слѣдовалъ за нимъ до Урумчи въ одномъ переходѣ и тамъ остался. Чи чи-гунъ со вспомогательнымъ отрядомъ войскъ Якубъ-бека взялъ одинъ за другимъ слѣдующіе города и селенія, лежащіе на сѣверъ отъ хребта Тянь-шань, вдоль сѣвернаго тракта, называемаго Бей-лу: Урумчи, Цзи-хуай, Му-ли-хэ, Ци-тай-сянь, Манасъ [6]), Чанъ-цзи и Суй-лай-сянь. Цзи-хуай у Куропат-

---

[1]) По-татарски چی چی غون

[2]) По-киргизски شوشاغون

[3]) По-татарски كوچار

[4]) По-татарски كونه طورفان

[5]) По-татарски اورومچی

[6]) По-татарски ماناس

кина названъ Гуматай [1]) и Гомуди, у Матусовскаго Цзи-хуай и Гуму. Му-ли-хэ названъ у Куропаткина Мури и Муруй [2]), Ци-тай-сянь названъ Чатай и Китай [3]), Чанъ-цзи названъ Санжи [4]) и, наконецъ, Суй-лай-сянь названъ разъ Ляй-сань и другой Лянсай. Я и Матусовскій слѣдуемъ оффиціальному китайскому выговору названій, а Куропаткинъ слѣдовалъ, очевидно, татарскому. Перечисленные города и селенія были взяты съ боя и первоначально отданы въ управленіе Чи-чи-гуну. Достигнувъ обладанія этими городами при помощи китайцевъ, Якубъ-бекъ перемѣняетъ свое обращеніе съ послѣдними, начинаетъ тѣснить ихъ и заискиваетъ расположенія населенія взятыхъ городовъ и селеній—своихъ единовѣрцевъ, мусульманъ, дунганъ. Китайскія войска распускаются, и гарнизоны въ городахъ составляются частью изъ дунганъ, частью изъ войскъ Якубъ-бека, состоявшихъ изъ татаръ кокандскихъ и китайскихъ. Когда въ угоду дунганамъ начальство надъ всѣми этими пунктами было вручено двумъ дунганскимъ вождямъ: Шихо и Да-хо [5]) и Чи-чи-гунъ долженъ былъ подчиниться имъ, то этотъ Чи-чи-гунъ обидѣлся и, по словамъ туземцевъ, отправился съ 500-ми китайцевъ въ Бей-цзинъ (Пекинъ) просить у Императора 8000 солдатъ, чтобы возвратить съ помощію ихъ всѣ свои города. Такъ излагается съ малыми измѣненіями ходъ событій у Куропаткина, посѣтившаго Восточный Туркестанъ въ концѣ 1876 и началѣ 1877 годовъ и видѣвшаго Якубъ-бека. Чи-чи-гунъ жилъ первоначально въ деревнѣ Куйтунъ, находящейся по Бей-лу, т. е. Сѣверному тракту, въ 30—

---

[1]) По-татарски غوموناى

[2]) По-татарски موروى

[3]) По-татарски چى ناى

[4]) По-татарски سانجى

[5]) По-татарски شى خوا и داخوا

35 верстахъ на востокъ отъ города Куръ-кара-усу [1]). Я былъ въ этой деревнѣ 4 раза, и 14 августа 1890 года, по китайскому счисленію въ 12 день VII луны 16-го года правленія Гуанъ-сюй, узналъ о Чи-чи-гунѣ на его родинѣ слѣдующее. Одинъ изъ китайцевъ деревни Куйтунъ [2]), по имени Ю-данъ-хой, сообщилъ мнѣ, что во время дунганскаго возстанія куйтунскій китаецъ, по имени Чи-чи-гунъ, взялъ шайку дунганъ или китайцевъ въ 500 человѣкъ и, ставши съ ними на Бейлу, т. е. Сѣверной Императорской дорогѣ (такъ называютъ трактъ на сѣверъ отъ Тянь-шаня), сталъ грабить караваны, идущіе съ востока на западъ (китайскіе) и съ запада на востокъ (русскіе). Онъ убилъ между прочимъ 96 человѣкъ русскихъ подданныхъ и похитилъ у нихъ товары и имущество. Чи-чи-гунъ, имѣвшій въ 1890 году отъ роду около 90 лѣтъ, поселился въ 60 верстахъ, въ горахъ, на западъ отъ гор. Урумчи, въ предѣлахъ округа Чанъ-цзи. Въ городахъ по своей дряхлости онъ непоявляется. Китайцы, хотя и обѣщались-будто русскимъ наказать его за ограбленіе ихъ подданныхъ, но подъ судъ его не отдавали. Кромѣ товаровъ Чи-чи-гунъ отнималъ также коней, овецъ и ословъ. Когда пришли китайцы, Чи-чи-гунъ заявилъ имъ, что онъ усмирялъ бунтовавшихъ противъ правительства киргизовъ, дунганъ и татаръ, и этимъ избавился отъ смерти. Въ концѣ прошлаго 1893 года въ С.-Петербургъ изъ гор. Урумчи пріѣзжали китайскій чиновникъ Янъ-цынъ-банъ и его переводчикъ дунганъ Ма-фу, которые оба знаютъ Чи-чи-гуна. Они сообщили, что Чи-чи-гунъ до сихъ поръ не умеръ. Когда въ войскѣ Якубъ-бека стали происходить разногласія между начальниками и солдатами, тогда говоритъ А. Н. Куропаткинъ, первыми отъ Якубъ-бека бѣжали: Садыкъ-бекъ, бывшій при китайцахъ „хакимомъ“ (начальникомъ) одного уѣзда, а при Якубъ-бекѣ служившій „юзъ-

[1]) По-татарски قورقرا اوسو

[2]) По-татарски كوينون

баши“ [1]) (сотеннымъ командиромъ) въ гор. Аксу [2]), и Бакышъ-мирабъ-бекъ, служившій при китайцахъ тоже „мирабъ-бекомъ“ [3]) (смотрителемъ надъ орошеніемъ полей). Эти два лица бѣжали изъ гор. Стараго Турфана къ китайцамъ, состоявшимъ подъ начальствомъ военноначальника Чи-чи-гуна, и назначены имъ: первый „хакимомъ“ въ гор. Кашгаръ [4]), а второй на такую-же должность въ гор. Яркендъ [5]). „Хакимомъ“ [6]) татары Восточнаго Туркестана называютъ уѣзднаго начальника, который по-китайски именуется „сянь-гуань.“

Н. Катановъ.

---

[1]) По-татарски يوز باشى

[2]) По-татарски آق سو

[3]) По-татарски ميراب بك

[4]) По-татарски كاشغر

[5]) По-татарски يار كند

[6]) По-татарски حكيم

О ПОГРЕБАЛЬНЫХЪ ОБРЯДАХЪ

Якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области.

Около двухъ столѣтій тому назадъ впервые начинаютъ появляться въ печати статьи, посвященныя описанію жизни якутовъ. Авторы этихъ статей обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на вѣрованія, нравы и обычаи якутовъ. Только начиная съ 1730 г. въ этихъ статьяхъ попадаются замѣтки о погребальныхъ обрядахъ якутовъ. Разсмотримъ въ хронологическомъ порядкѣ содержаніе этихъ статей о погребальныхъ обрядахъ якутовъ и отмѣтимъ затѣмъ, какіе обряды существуютъ у этого племени теперь, какіе перешли въ область преданій и о какихъ не сохранилось вовсе преданій. Моя замѣтка будетъ касаться погребальныхъ обрядовъ якутовъ только Вилюйскаго округа Якутской области.

Первый, кто упоминаетъ о погребальныхъ обрядахъ якутовъ, это плѣнный шведскій офицеръ Филиппъ Іоганнъ Страленбергъ. Послѣ Полтавской битвы въ 1709 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими и отправленъ въ ссылку въ Тобольскъ. Тамъ онъ занялся изслѣдованіемъ быта сибирскихъ инородцевъ и плодомъ его долголѣтнихъ занятій было сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ: „Сѣверовосточная часть Европы и Азія“, изданное въ Стокгольмѣ 1730 г. [1]). Въ этомъ сочиненіи вкратцѣ описываются между прочимъ и

[1]) Das Nord-und Oestliche Theil von Europa und Asia. Von Philipp Johann v. Strahlenberg. Stockholm, 1730.

погребальные обряды якутовъ. На стр. 377—378 названнаго сочиненія описываются слѣдующіе погребальные обряды якутовъ. Покойника полагаютъ на срубахъ, называющихся теперь „арангас“, и покрываютъ ихъ бычачьими или лошадиными шкурами; или зарываютъ ихъ въ землю. Иногда покойника оставляютъ въ той юртѣ, гдѣ онъ жилъ, а родные удаляются, взявъ съ собой изъ юрты лучшія вещи. Около Якутска и въ Якутскѣ покойника бросаютъ на улицѣ для съѣденія собакамъ. Страленбергъ при этомъ замѣчаетъ, что теперь, т. е. въ его время, уже больше не убиваютъ и не погребаютъ живыми слугъ и любовницъ князя, какъ было раньше до появленія русскихъ въ Сибири, т. е. до XVI вѣка.

Вторымъ по времени появленія нужно считать большое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ Карла Вильгельма Миллера, выходившее и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Описаніе всѣхъ въ россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ, также ихъ житейскихъ обрядовъ, вѣры, обыкновеній, жилищъ, одеждъ и прочихъ достопамятностей. 1776 г.“ Описывая жизнь и нравы якутовъ, Миллеръ на 188 стр. II части своего сочиненія, говоря о нѣкоторыхъ погребальныхъ обрядахъ якутовъ, упоминаетъ о сожиганіи умершихъ, о сожженіи слугъ князя; упоминаетъ также о погребеніи на срубахъ, называемыхъ теперь у якутовъ „арангас“.

Затѣмъ появляется обширное иллюстрированное сочиненіе Іоганна Готтлиба Георги, переведенное съ нѣмецкаго и вышедшее подъ такимъ-же, какъ и изданіе К. В. Миллера заглавіемъ: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. СПБ. 1799 г.“ На стр. 177—178 части II этого сочиненія Георги говоритъ: якуты прежде или сжигали своихъ покойниковъ, или клали ихъ на деревья, по кончинѣ господъ слуги ихъ добровольно бросались въ огонь, чтобы служить имъ и на томъ свѣтѣ; теперь (т. е. во времена Георги) якуты хоронятъ своихъ умершихъ въ лѣсахъ.

Въ 1885 г. появляется сочиненіе венгерскаго ученаго Германа Вамбери на нѣмецкомъ языкѣ: „Тюркскій народъ", изданное въ Лейпцигѣ [1]). На 162 стр. своего обширнаго сочиненія Вамбери между прочимъ описываетъ слѣдующіе погребальные обряды якутовъ. Покойника хоронятъ въ день смерти. Въ могилу кладутъ нѣсколько перемѣнъ платья и убитую верховую лошадь въ полной сбруѣ. Въ могилу кладутъ пищу и напитки, предполагая, что все это понадобится въ загробной жизни. Надъ могилой ставятъ балки, на которыхъ развѣшиваютъ лошадиную шкуру съ головой лошади. Послѣ похоронъ трижды объѣзжаютъ могилу верхомъ на лошади. Ближайшіе родственники не приближаются къ могилѣ, но, держась въ нѣкоторомъ отдаленіи, издаютъ жалобныя вопли. Семейство оставляетъ юрту, гдѣ кто нибудь умеръ, потому что вмѣстѣ съ покойникомъ поселяются въ юртѣ злые духи, которыхъ могутъ умилостивить своими жертвами одни шаманы.

Въ 1891 году въ „Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи", XVII т. II вып. является статья М. С. Вруцевича: „Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области". Авторъ названной статьи упоминаетъ между прочимъ о слѣдующихъ погребальныхъ обрядахъ якутовъ. Якуты вѣрятъ, что болѣзнь заѣдаетъ человѣка. Болѣзнь они представляютъ въ видѣ женщины. Во время эпидемій, уносящихъ въ могилу много людей, якуты дѣлаютъ для умилостивленія болѣзни ея статуетку въ видѣ женщины и ставятъ ее на телѣжку. Туда кладутъ оладьи и водки. Послѣ чьей нибудь смерти якуты пекутъ оладьи и ставятъ ихъ на столъ, вѣруя, что покойники невидимо ѣдятъ ихъ.

Въ томъ же 1891 г. въ журналѣ „Живая Старина", III вып. перваго года помѣщена статья В. Л. Приклонскаго: „Три года въ Якутской области". Въ этой статьѣ

[1]) Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen geschildert von Hermann Vámbéry. Leipzig, 1885.

на стр. 76—79 между прочимъ описываются слѣдующіе погребальные обряды якутовъ. Крещеного якута хоронятъ по обрядамъ церкви, при участіи священника, если только послѣдній находится вблизи, но весьма часто хоронятъ умершаго безъ священника, который, проѣзжая потомъ по паствѣ, отпѣваетъ умершихъ на ихъ могилахъ. При отсутствіи священника якуты безпрепятственно выполняютъ всѣ свои похоронные старинные обычаи: не привыкнувъ даже къ обрядамъ церкви, они по неволѣ смѣшиваютъ незабытыя шаманскія повѣрья съ христіанскими обрядами. Г. Приклонскій упоминаетъ о трехъ формахъ погребенія: зарываніи въ землю, похоронахъ на срубахъ и оставленіи покойника на землѣ. Въ гробъ кладутъ съѣстные припасы и предметы необходимости. Авторъ статьи упоминаетъ о зарываніи живыхъ людей вмѣстѣ съ покойниками, какъ объ отдаленномъ преданіи старины. Далѣе г. Приклонскій говоритъ, что теперь начинаетъ выводиться обычай оставлять послѣ чьей либо смерти юрту. По слѣ похоронъ сани, на которыхъ привезли на кладбище покойника, лопата, которою рыли могилу, и колыбель похороненнаго ребенка домой не берутъ, а оставляютъ на могилѣ.

Въ томъ же 1891 г. въ нѣмецкомъ журналѣ „Глобусъ.“ Globus, LIX т., издающемся въ г. Брауншвейгѣ, помѣщена статья Фридриха Крауса: „Погребальные обычаи якутовъ;“ къ статьѣ приложено 6 рисунковъ якутскихъ кладбищъ. Г. Краусъ на 81—85 стр. своей статьи замѣчаетъ, говоря о погребальныхъ обрядахъ якутовъ, что гробъ или закапывается въ землю, а сверху покрывается срубомъ, или ставится на столбахъ и что гробъ выдалбливается изъ колоды, или сколачивается изъ досокъ.

Въ 1892 г. въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“, X т., появляется статья подъ заглавіемъ: „Формы погребенія у народовъ Восточной Россіи и Сибири“. Составлена эта статья въ отдѣлѣ объ якутахъ по очеркамъ Приклонскаго, помѣщеннымъ въ III томѣ „Живой Старины“, по

статьѣ LIX т. „Глобуса“ и сочиненію Маака: „Вилюйскій Округъ“. [1]) Въ указанной статьѣ X тома „Извѣстій Общ. А. И. и Э.“ между прочимъ описываются слѣдующіе погребальные обряды якутовъ Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ. Покойника хоронятъ на другой день смерти и притомъ постороннія лица. Въ гробъ, кромѣ всѣхъ принадлежностей покойника, кладутъ еще что нибудь съѣдобное, напр., мясо, масло, оладьи и проч.. Существуютъ разные способы погребенія: или зарываютъ покойника въ землю, причемъ могила роется не глубже $1^1/_2$ ар., или кладутъ на деревьяхъ, на деревянныхъ козлахъ, или прямо на землю. Въ мѣстахъ сѣверныхъ трупъ кладутъ въ ладью и оставляютъ его на землѣ. На могилѣ оставляютъ въ изломанномъ видѣ орудія погребенія. Думая, что духъ покойника остается на землѣ среди живыхъ, якуты вырѣзываютъ изъ чего нибудь куклу, изображающую духъ покойника, и ставятъ ее гдѣ нибудь на углу за юртой; предъ ней кладутъ лучшіе кусочки пищи, а ротъ ея мажутъ масломъ. [2]) Для кладбищъ выбираютъ мѣста высокія, холмистыя. Надъ могилой дѣлается деревянный срубъ съ различными украшеніями и рѣзьбой. Юрту, гдѣ умеръ кто нибудь, родные покойника оставляютъ и переселяются въ другое мѣсто.

Наконецъ въ „Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ за 1893 г., въ XI т., въ отдѣлѣ „Извѣстія иностранцевъ о народахъ восточной Россіи“. появляется переводъ вышеназваннаго сочиненія Страленберга.

Теперь перейду къ описанію тѣхъ погребальныхъ обрядовъ якутовъ, какіе существуютъ въ настоящее время въ Вилюйскомъ округѣ Якутской области.

---

[1]) Къ сожалѣнію, подъ руками у меня не имѣется сочиненія Маака: «Вилюйскій Округъ», гдѣ много говорится объ якутахъ и ихъ погребальныхъ обрядахъ.

[2]) Класть при покойникѣ предметы домашняго обихода—общій обычай всѣхъ тюркскихъ народовъ. См. объ этомъ статью Н. Ѳ. Катанова: «Погребальные обряды тюркскихъ племенъ. Казань, 1894 г. »

Чувствуя приближеніе смерти, якутъ собираетъ около себя родныхъ и друзей и дѣлаетъ предсмертное завѣщаніе и распоряженія. Распоряженіе въ данномъ случаѣ нерѣдко касается погребенія,—гдѣ и въ чемъ его хоронить, какую убить скотину для тризны и т. д. Мѣстомъ погребенія служитъ кладбище при мѣстной церкви, если якутъ жилъ близко отъ нея, или если, будучи богатымъ, сдѣлалъ въ пользу ея какое-нибудь пожертвованіе. Чаще всего для погребенія указывается ближайшее къ селу кладбище, устраиваемое всегда на высокомъ холмистомъ мѣстѣ, близъ рѣчки, озера или долины, гдѣ погребены его предки. Иногда же указывается совершенно отдѣльная мѣстность, чѣмъ нибудь привлекшая вниманіе покойника. Затѣмъ умирающій выражаетъ желаніе въ рѣдкихъ случаяхъ, особенно вблизи русскихъ селъ, чтобы надъ нимъ читали псалтирь. Далѣе онъ указываетъ, какую скотину нужно убить для его тризны, по якутски называемой „хōйлуга“.

Какъ только больной испустилъ духъ, ближайшіе родные приступаютъ къ обмыванію его тѣла. Мужчину обмываетъ мужчина, женщину—женщина. Если у покойника или покойницы глаза открыты, то стараются чѣмъ нибудь сомкнуть ихъ, чаще всего мѣднымъ пятакомъ. Открытые глаза предвѣщаютъ несчастье дому покойника,—умретъ который нибудь изъ его родственниковъ. Если тѣло долго остается теплымъ и члены не коченѣютъ, то это тоже признакъ несчастья,—появится какой нибудь покойникъ въ этомъ домѣ, или въ домѣ ближайшихъ родственниковъ. Обмывши, надѣваютъ на покойника бѣлое чистое бѣлье, а сверхъ этого еще что нибудь, смотря по состоянію умершаго. На богача нерѣдко надѣваютъ что нибудь суконное, и даже иногда что нибудь на лисьемъ мѣху, на палецъ надѣвается золотой или серебряный перстень; на ноги—новые чулки и новые „торбаса“ (мокассины или ичиги), нерѣдко съ разными узорами. На покойницу надѣваютъ длинную бѣлую рубашку, а сверху ея пальто, смотря по состоянію умершей, богатое или

бѣдное, на ноги чулки и „торбаса“. Въ ушахъ у покойницы находятся серебряныя серьги, иногда затѣйливой работы и при томъ иногда довольно таки тяжеловѣсныя. На пальцахъ рукъ серебряные перстни и кольца, количество которыхъ зависитъ отъ состоянія умершей. Какъ только одѣнутъ покойника или покойницу, кладутъ ихъ на орон'ъ (нары около стѣнъ) около передняго угла подъ божницами. Затѣмъ въ ближайшихъ къ русскимъ селамъ мѣстахъ приглашается чтецъ, который читаетъ псалтирь до выноса тѣла изъ дому, иногда и сорокоустъ. Нерѣдко приглашеніемъ для чтенія псалтыри надъ покойниками пользуются безграмотные ссыльно-поселенцы, которые вмѣсто псалтыри бормочутъ что нибудь по русски, а не знающій русскаго языка якутъ остается этимъ доволенъ, не будучи однако въ состояніи различать, псалтирь ли читаетъ поселенецъ или сказку. Въ глухихъ мѣстахъ псалтыри не читаютъ.

Вскорѣ приглашаются мастера—плотники для дѣланія гроба и могильщики для рытья могилы. Эти работники на время поселяются въ домѣ покойника и питаются мясомъ убитаго для тризны (хōйлуга) животнаго. Для этого случая чаще всего убиваютъ лошадь, указанную умершимъ въ завѣщаніи или выбранную родственниками умершаго. Мясо этого животнаго кончаютъ ѣсть въ день погребенья, который случается зимой на четвертый, а лѣтомъ на третій и даже на другой день смерти. Кромѣ мяса участвующихъ въ похоронахъ угощаютъ оладьями, которыя занимаютъ не послѣднее мѣсто среди поминальныхъ блюдъ. Зимою могилу роютъ нѣсколько человѣкъ, потому что совершенно мерзлая и твердая земля туго поддается копанью. Для взрослаго человѣка глубина могилы дѣлается отъ 2 до 3 аршинъ, для дѣтей же глубина только до 1 аршина.

Какъ только гробъ готовъ, туда кладутъ немного стружекъ, а въ головахъ бѣлую подушку изъ стружекъ. Потомъ въ гробъ кладутъ покойника или покойницу и ставятъ гробъ на прежнемъ мѣстѣ, головой къ иконамъ. Выносятъ гробъ

на рукахъ ближайшіе родные и, если далеко до кладбища, то везутъ его на саняхъ; лѣтомъ, далеко ли близко ли безразлично, несутъ гробъ на рукахъ. Когда покойника несутъ на рукахъ, то по увѣренію якутовъ, смотря по тому расположенію, какое чувствовалъ въ живыхъ къ тому или другому изъ несущихъ лицъ, онъ дѣлается тяжелѣе или легче. Закадычнымъ друзьямъ покойникъ дѣлается такимъ легкимъ, что трудно и вообразить. Люди, выносившіе покойниковъ на рукахъ, дѣлаются сами тяжелѣе, кости у нихъ дѣлаются тяжелѣе, какъ выражаются якуты. Вывозятъ покойника изъ двора въ лѣвыя ворота, если двое воротъ. Гробъ спускаютъ на веревкахъ. Первую щепотку земли обыкновенно бросаетъ ближайшій родственникъ покойника или покойницы, а потомъ бросаютъ по щепоткѣ всѣ участвующіе въ похоронахъ. На похоронахъ присутствуютъ больше мужчины, рѣдко женщины. Сани, на которыхъ привезли покойника, и деревянную лопату для выгребанія земли изъ могилы бросаютъ на могилѣ. На обратномъ пути участвующіе не должны заходить въ чужіе дома, а то могутъ занести съ собой особую болѣзнь— „кирирган ыэльджар“ (болѣзнь отъ покойника). Эта болѣзнь, впрочемъ, можетъ приключиться и въ томъ случаѣ, если кто нибудь изъ постороннихъ лицъ побываетъ въ домѣ, гдѣ былъ покойникъ, и напасть эта выражается, главнымъ образомъ, въ усиленіи существующей у кого нибудь въ данный моментъ болѣзни, напр. болѣзни глазъ. Возвратившись съ похоронъ, всѣ участвующіе совершаютъ тризну по покойникѣ, истребляя не малое количество мяса, масла и главнымъ образомъ оладій.

Надъ могилой устраивается изъ дерева нѣчто въ родѣ памятника, иногда довольно затѣйливой работы. Въ послѣднее время около Якутска и въ другихъ городахъ Якутской области начинаютъ появляться памятники изъ плитняка. Для такого памятника надъ могилой устраиваютъ невысокій деревянный срубъ, на который кладется плитнякъ съ неизмѣнной надписью: „подъ симъ камнемъ покоится прахъ“ и т. д.

У надгробныхъ памятниковъ якутскихъ шамановъ (оюттар) устраиваются на особыхъ столбахъ изображенія нѣкоторыхъ вѣщихъ птицъ, особенно кукушекъ, служащихъ, по увѣренію якутовъ, посредниками между шаманомъ и чертями. Однако нужно сознаться, что такіе памятники шамановъ начинаютъ выходить изъ употребленія; если же они теперь и встрѣчаются, то главнымъ образомъ какъ остатки старины.

Что касается другихъ способовъ погребенія у якутовъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ вышеприведенныхъ авторовъ, то нужно замѣтить, что они вышли изъ употребленія, служа теперь частью остатками старины, частью предметами народныхъ преданій, а о другихъ даже въ преданіяхъ ничего не сохранилось, напр. о сожженіи труповъ. Теперь кое-гдѣ можно встрѣтить кладбища на деревьяхъ или срубахъ, называвшихся у якутовъ „арангас“. Со словомъ арангасъ соединяется представленіе о чемъ то высокомъ, приподнятомъ. „Арангасъ бываетъ разныхъ видовъ. Прежде всего „арангасъ“ устраивается такъ: берутся два вилообразныхъ дерева, срубаются ихъ верхушки и между вѣтвями оставляется выдолбленное дерево съ крышей, изображающее изъ себя гробъ. Другой видъ: выбираются четыре дерева, полагаются на нихъ параллельно двѣ толстыя жердинки, на которыя кладутся поперечины. На нихъ кладется гробъ, сколоченный изъ досокъ или сдѣланный изъ выдолбленнаго дерева. Третій видъ: на четырехъ столбахъ кладутся двѣ жердинки, на которыя стелются поперекъ нѣсколько мелкихъ, на нихъ то и кладется гробъ. Аранасъ, устроенный по третьему способу, употребляется и для домашняго обихода. На нихъ кладутся съѣстные припасы, удаляемые отъ собакъ и мышей. На такихъ арангасахъ, иначе называемыхъ кладями, земледѣльцами складывается хлѣбъ. Со словомъ „арангасъ“ наконецъ соединяется понятіе о группѣ звѣздъ Большой Медвѣдицы, которая называется у якутовъ, „Арангас сулус“. Слово „арангасъ“ въ словарѣ О. Н. Бетлинга объясняется только съ послѣднимъ значеніемъ. По преданію, погребеннымъ на арангасахъ прежде въ гробъ клали раз-

ные съѣстные припасы и принадлежности домашняго обихода покойника, въ видѣ мяса, масла, ножа, огнива и т. д. Погребенные на а р а н г а с а х ъ высыхаютъ и обращаются иногда въ муміи. Разсказываютъ, что гдѣ-то въ Суптарскомъ улусѣ Вилюйскаго округа есть цѣлое кладбище погребенныхъ такимъ образомъ. Они по открытіи оказывались засохшими и совершенно цѣлыми. Погребеніе ихъ, по разсказамъ стариковъ, относятъ за 100—120 л. тому назадъ.

Старинная форма погребенія у якутовъ во многомъ отличалась отъ нынѣшней, такъ прежде въ гробъ клали деревянную чашку съ масломъ, мясомъ и даже деньги. Разсказываютъ между прочимъ такой случай. Одну богатую женщину схоронили съ золотыми и серебряными перстнями и кольцами на пальцахъ. Одинъ воръ задумалъ воспользоваться этими сокровищами и разрылъ могилу. Когда онъ открылъ крышу гроба, то къ ужасу его погребенная оказалась живою. Когда же онъ хотѣлъ было бѣжать, то она ладонью правой руки ударила его по спинѣ. Затѣмъ сама явилась къ роднымъ. Родные приняли ее за призракъ и хотѣли убить ее. Тогда умершая въ удостовѣреніе того, что она не призракъ, сказала: „отыщите такого то и посмотрите на спинѣ его знакъ отъ моей руки“. Они повѣрили ей, осмотрѣли того вора, который разрылъ могилу и дѣйствительно нашли на ровдужномъ пальто отпечатокъ замасленной ея ладони. Оказывается, она была въ летаргическомъ снѣ и, когда проснулась, стала ѣсть масло, бывшее въ гробу. Нужно замѣтить, что якуты по невѣдѣнію хоронятъ иногда лицъ, находящихся въ летаргическомъ снѣ. Пробудившись отъ летаргическаго сна, якуты разсказываютъ часто всякую небылицу, въ родѣ того, что за это время они были въ раю и аду, видѣли то-то и то-то и т. д.

Въ древнія времена рядомъ съ хозяиномъ въ полномъ костюмѣ погребали и коня въ полной сбруѣ.

Свидѣтельство Страленберга, что якуты бросаютъ своихъ покойниковъ на съѣденіе собакамъ и что покидаютъ юрту вмѣстѣ съ человѣкомъ, который умеръ въ ней, не заслужи-

ваютъ вѣроятія, потому что оно не подтверждается ни показаніями другихъ путешественниковъ, ни народными преданіями. Можно думать, что Страленбергъ, сообщающій свѣдѣнія о восточно-сибирскихъ народахъ большею частью по разсказамъ другихъ, а не по личнымъ наблюденіямъ, примѣнилъ къ якутамъ камчадальскіе погребальные обряды (Ср. 136 стр. „Описаніе земли Камчатки, сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ. II томъ. СПБ. 1786 г.“).

О сожженіи труповъ князей и сожженіи съ ними ихъ слугъ и женъ и о томъ, что якуты, подобно урянхайцамъ Сѣверной Монголіи и монголамъ, оставляютъ покойниковъ на землѣ, мнѣ не приводилось ничего слышать. Во всякомъ случаѣ надо думать, что эти формы погребенія относятся къ далекой старинѣ, когда тюрки и монголы жили вмѣстѣ и вели одинаковый образъ жизни.

Что же касается вышеприведеннаго сообщенія В. Л. Приклонскаго, описывающаго погребальные обряды якутовъ Якутскаго округа, то оно вполнѣ согласуется съ дѣйствительностью и приложимо не только къ Якутскому округу, но и Вилюйскому.

Д. Кочневъ.

Хроника.

КЪ ВОПРОСУ О ТАМБОВСКИХЪ И КАЗАНСКИХЪ ТАТАРАХЪ.

Въ 3-мъ выпускѣ XII тома Иввѣстій Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, вышедшемъ 1-го ноября сего 1894 года, въ отд. «Хроника» помѣщены статистическія данныя о татарахъ Тамбовской губерніи, извлеченныя изъ письма Епархіальнаго Преосвященнаго Александра. О тѣхъ же татарахъ авторъ рукописнаго (пока) «Сборника чувашскихъ пѣсенъ», чувашинъ И. Н. Юркинъ въ только что полученномъ нами письмѣ отъ него отъ 17-го ноября изъ села Кечушева, Ардатовскаго уѣзда Симбирской губерніи, гдѣ онъ служитъ акцизнымъ надсмотрщикомъ на мѣстной спичечной фабрикѣ, сообщаетъ намъ между прочимъ слѣдующее:

«..... Въ началѣ этого мѣсяца случайно я увидалъ татарина изъ Тамбовской губерніи Темниковскаго уѣзда деревни Метріялъ (?), по имени Хусаина, разговоръ котораго до того похожъ на (говоръ) нашихъ татаръ, что я даже удивился. Пріятный мягкій разговоръ его скорѣе напоминаетъ чувашское нарѣчіе. Между прочимъ при разговорѣ онъ употребилъ одно чувашское слово «а в а н» (что означаетъ у нихъ: хорошо), тогда какъ у татаръ хорошо говорятъ яхшы [1]). Понятно, я распрашивалъ у него о томъ, нѣтъ-ли около нихъ чувашъ. Онъ отозвался, что нѣтъ. Замѣчательно еще и то, что названіе ихъ деревни ясно показываетъ на чувашскія слова «Мьтри—йал», т. е Дмитріева [2]) деревня. Спрашивается, не были-ли они когда-то чувашами. Жители Мьтри—йал теперь состоятъ преимущественно изъ татаръ Изъ его (Хусаина) словъ видно, что они сильно русѣютъ и что они будтобы

---

[1]) يخشى

[2]) Чувашское языческое имя: «Митри» есть въ нашемъ рукописномъ «Алфавитѣ языческихъ именъ чувашъ—мужскихъ и частію женскихъ», обнимающемъ свыше 10,000 именъ. В. М.

прежде принадлежали Касимовскому царству. Реку Оку называютъ «Ука». Много я съ нимъ толковалъ (по татарски?), но другихъ чувашскихъ словъ не слыхалъ. По всей вѣроятности здѣшніе татары (Казанск. и Касимовск. царствъ) есть отатарившіеся чуваши»....

Относительно нѣкоторыхъ татаръ, обитающихъ въ предѣлахъ бывшаго Казанскаго царства, и мы все болѣе и болѣе приходимъ къ убѣжденію, что они въ дѣйствительности—омагометанившіеся въ равное время (подъ вліяніемъ мишарей?) чуваши. На такое предположеніе насъ наводятъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія:

1. Московскіе писцы, какъ видно изъ нѣкоторыхъ печатныхъ и имѣющихся у насъ въ рукахъ старинныхъ рукописныхъ актовъ, челобитчиковъ чувашъ нерѣдко безсознательно переименовывали въ составляемыхъ ими актахъ въ татаръ и наоборотъ, а въ заключеніи указывали мѣстнымъ воеводамъ выдать просимые чувашами акты черемисамъ,—смотря потому, какая изъ инородческихъ народностей имъ безъ лишнихъ справокъ приходила на память въ этотъ или другой моментъ при составленіи акта; болѣе же имъ были памятны татары, имя которыхъ они чаще всего и выставляли въ актахъ [1]), при чемъ личныя историческія имена видоизмѣняли чуть не въ каждой строчкѣ.

2) Сообщеніями членовъ—сотрудниковъ Общества В. А. Каварinова и протоіерея Е. А. Малова о мишаряхъ, сдѣланными Обществу въ 1885-мъ году, непровержимо установлено, что русскіе до сихъ поръ неправильно называютъ татарами мишарей (иначе—мещера, мещеряки), которые сами себя обособляютъ отъ татаръ.

3) Елабужскіе черемисы Вятской губ. и до сихъ поръ называютъ мѣстныхъ татаръ по своему «с ю э с» (съ мягкими гласными), а горные черемисы Козмодемьянскаго уѣзда словомъ: «с у а с» (съ твердыми гласными),—полнѣе «с у а с л а̀ м а р а̀» называютъ чувашъ.

4) Тожество языческихъ именъ чувашъ со старо-татарскими доказываетъ и нижеслѣдующая чувашская пѣсня, сообщенная намъ И. Н. Юркинымъ:

По чувашски:	По русски:
Хусанъ хули ту синте,	К а з а н ь—городъ на горѣ,
Унъи мьлкы шур синте	А тѣнь ея на болотѣ.
Епиръ унта ьлык пурънни	Прежняя жизнь наша въ ней
Халь кильсе укет кус умне.	И теперь мерещится въ глазахъ [2]).

[1]) Тяжебные документы чувашъ Козмодемьянскаго уѣзда, XVI, XVII и XVIII столѣтій. Казань. 1893 г. (Оттискъ изъ Каз. губ. вѣд.)—Владѣнная выпись съ суднаго дѣла 1672—1674, данная чувашамъ деревень Бурундуковы и Чабыръ—Горы Симбирскаго уѣзда. Издана подъ ред. В. В. Майкова. Спб. 1894. (Изданіе Археограф. Коммиссіи).

[2]) Пѣсня эта напечатана въ «Запискахъ И. Р. Геогр. Общества, по отдѣленію этнографіи 1891 г., въ статьѣ В. И. Михайлова, т. XVII вып. II, стр. 119), но съ неточнымъ переводомъ; приведенный выше сдѣланъ И. Н. Юркинымъ.

5. Мы не сомнѣваемся, что чуваши въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, своихъ «мурзъ» [1]), «тархановъ» и «хозя (хузя)» [2]), поступившихъ, по взятіи Казани русскими, въ разрядахъ «служилыхъ татаръ [3]), (часть коихъ впослѣдствіи превратилась въ русскихъ помѣщиковъ (Акчурины, Асановы князья, Лакреевы и т. д., часть, покинувъ жалованныя земли, бѣжала (въ Башкирію) и часть остается на старыхъ мѣстахъ съ прежнимъ своимъ званіемъ: мурза;)— владѣли до Казанскаго взятья арабскимъ алфавитомъ, и учились татарской грамотѣ подобно тому, какъ послѣ Казанскаго взятья чуваши за долго до учрежденія среди нихъ русскихъ школъ учились грамотѣ самоучкой, какъ это было, напр., въ деревнѣ Шишламѣ, Чебоксарскаго уѣзда. Намъ думается, что сохраняющіеся среди сплошнаго населенія чувашъ и черемисъ въ Чебоксарскомъ, напр., уѣздѣ старинные могильные камни съ татарскими надписями принадлежатъ предкамъ чувашъ. Во всемъ этомъ насъ убѣждаетъ между прочимъ присутствіе въ языческихъ чувашскихъ молитвахъ арабскихъ словъ и выраженій, въ родѣ: «Е писъмелле!... и наоборотъ, присутствіе элементовъ чувашской рѣчи въ татарскихъ могильныхъ надписяхъ, какъ это обнаружилъ покойный Н. И. Ильминскій въ одной могильной надписи въ Карабаянскомъ приходѣ Лаишевскаго уѣзда [4]), гдѣ прежнее время жили чуваши, нынѣ совершенно отатарившіеся [5]), а въ самомъ селѣ живутъ, оказывается, не татары, а мишари, въ числѣ 2-хъ семей переселившіеся изъ Чистопольскаго уѣзда, и носятъ фамилію Мещеряковы по своей національности

В. Магницкій.

Село Шуматово Ядр. у.
3 декабря 1894 г.

---

[1]) Въ 1647 году «чувашскіе мурзы», между прочимъ, жили и владѣли обширными помѣстьями въ предѣлахъ нынѣшняго Сергачскаго уѣзда Нижегородской губерніи. См. «Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной коммиссіи». Вып. 10-й, стр. 452.

[2]) О значеніи татарско-чувашскихъ словъ: ковя, кувя; хозя, хувя; говя, гувя—въ названіяхъ селеній и личныхъ именъ нами представлено въ Общество особое сообщеніе.

[3]) Имѣемъ рукописный документъ, изъ котораго видно, что въ Свіяжскѣ были служилые чуваши.

[4]) Татарскія надписи изъ временъ Казанскаго царства въ Лаишевскомъ уѣздѣ. Записки Археологическаго Общества 1851 г., т. III, стр. 114.

[5]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, съ краткимъ ихъ описаніемъ. Лаишевскій уѣздъ. Казань. 1893, стр. 101.

Матеріалы.

I. ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка.

(по рукописнымъ матеріаламъ библіотеки Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ).[1])

Разбирая документы XVII-го в., изъ которыхъ извлечены опубликованныя мной раньше «имена и прозвища», я счелъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о языкѣ ихъ, объ особенностяхъ въ выраженіяхъ и формахъ словъ и о правописаніи.

Самое содержаніе и назначеніе этихъ документовъ заставляло писцовъ употреблять, конечно, тогдашній дѣловой, канцелярскій языкъ, чисто русскій, близкій къ разговорному. Но книжныя формы, остатки старины, нерѣдко попадаются, также какъ и особенности произношенія, объясняемыя мѣстными говорами.

Писцы XVII-го ст. не держались опредѣленныхъ правилъ въ употребленіи буквы *ѣ*, постоянно путая ее съ *е*. Замѣтно однакожъ, что большею частью они писали букву *ѣ* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на нее падало удареніе: лѣто, дѣло, вѣдомо, Алексѣевичь, помѣщикъ, сѣно (и въ то же время: сенные покосы), рѣчька (и река), двѣ (и по-две). Такой пріемъ особенно замѣтенъ въ словахъ, гдѣ встрѣчаются обѣ буквы: двѣсте, вмѣсте, венѣцъ, передѣлъ (и отделено), велѣнье, въ селѣ, въ съѣзжей избѣ, въ уѣзде, третейская запись, желѣзной безмѣнъ. Вѣроятно, на томъ же основаніи писали: бобылѣй, Андрѣй, ис кѣльи, х кѣлье, за пѣю, еѣ (ея, ее) шѣстъ, вѣдръ, рублѣвъ. Постоянно писали: на Москвѣ, и такъ же постоянно к Москве.

Московское аканье встрѣчается въ оффиціальныхъ бумагахъ, но не часто: видно, что подьячіе, учившіеся по церковнымъ книгамъ, привыкали различать *о* и *а*. Попадаются слова: воевода, халопи, варона, сухадолъ, пасынакъ, начевать, и въ то же время: достольные, отласной, Суздоль, Хвастовъ и Хвостовъ, Агаревъ и Огоревъ. Буква *о* писалась почти постоянно въ словахъ: боранъ, борсукъ, рокита, козанъ, гогара, Овдотья, Олепка, Офимья, Ондрюшка, Онтонъ, Оверкей и т. п. Въ окончаніи уменьшительныхъ именъ попадается и *ка* и *ко*: Ивашка и Ивашко, Нехорошка и Нехорошко.—Въ

[1]) Статья эта доставлена въ Общество Н. М. Петровскимъ.

письмахъ и записяхъ частныхъ лицъ, мало привыкшихъ къ писанію (и, вѣроятно мало учившихся), буквы *о* и *а* постоянно путаются: генворя, сопожника, Тораско, Тиханъ, Валадимерскаго уѣзду, таваръ, списакъ слова въ слова и мн. др. Какъ обычно было въ то время подобное смѣшеніе, можно видѣть изъ изданныхъ писемъ царя Алексѣя Михаиловича, Петра Великаго, царицы Прасковьи и др.

Буквы *и* и *і*, а также *ѳ* и *е* употреблялись безразлично: Іванъ, Іоаннъ, Русиі, Росиі, патріархъ, великіе; ѳата, куетеръ.

Ассимиляція звучныхъ и глухихъ согласныхъ—явленіе постоянное: *т*, *к* и *х*; *д* и *т*; *з* и *с*; *ж*, *ш* и *ч* замѣняютъ одна другую въ зависимости отъ послѣдующей буквы: г дикимъ, г бурмистру, г дяде, лотка, дватцать, тритцать, блиско, в деньгами, ис кѣльи, ис коробьи, ис посольскаго приказу, скаска, бумашка, врашкомъ, дорошка, оброшной, нихто, х кѣлье, х кутьѣ, х крестьяномъ, х чудотворцу, ношное время, лишныхъ и рушныхъ полотенецъ.

Сообразно съ народнымъ произношеніемъ, въ окончаніи прилагательныхъ, вмѣсто *ый*, писалось постоянно *ой*, а вмѣсто *ій* въ прилагательныхъ и существительныхъ ей: доброй, ввозной, розной, великой, третей, лисей, бѣлей, соболей, пѣшей, подьячей, Ортемей. Во множественномъ числѣ постоянно іе, ые: индѣйскіе курицы, браные скатерти, бортные угодьи.

Въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ чаще встрѣчается *ою*, нерѣдко *ово* и иногда *ова* и *ило*: великаго, бѣлого, дорогово, большова, Нижнево-Новгорода, Царева города Шапчурскаго (sic).

Нынѣшнее окончаніе творительнаго падежа существительныхъ и прилагательныхъ *ой* вмѣсто *ою*, вполнѣ господствующее въ нашей разговорной рѣчи, ни разу не встрѣтилось мнѣ въ документахъ XVII-го в.; постоянно писалось: съ осминою, доброю землею, крымскою дорогою, дорогою цѣною.

Въ неопредѣленномъ наклоненіи глаголовъ писалось *ти* и *ть* безразлично. Мѣстоименіе *ся* при глаголахъ переходило обыкновенно въ *ца* или *са*: поступилса, досталоса, роздѣлатца, лучатца.

Изъ знаковъ препинанія употреблялась только точка, и то не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ.

Касательно прописныхъ буквъ не наблюдалось, повидимому, никакихъ постоянныхъ правилъ: онѣ попадаются и въ простыхъ словахъ. Но слова Царь, Государь почти всегда писались прописной буквой и притомъ подъ титломъ.

Предлоги писались большею частью слитно съ словами: исприказу, кмоскве, зденьгами, вгороде.

Какъ особенность произношенія, можно указать въ словахъ: кнеиня, къ батюшку, у батюшка, топерво, маниньокой, руковятка, ис коробьги, церковь Праєковъгѣи Нареченные Пятницы, мнучата, мурамленой, лоушникъ, одностосу, двоетосу, деногъ, одновесолка, бечова, бочесникъ, горшесникъ, ковшесникъ, рожесникъ, пшенисной. Такія особенности, впрочемъ, весьма рѣдки, и могутъ быть объяснены мѣстнымъ говоромъ.

Къ остаткамъ старины принадлежатъ слѣдующія формулы канцелярскаго языка:

Въ поручныхъ, кабальныхъ, рядныхъ и купчихъ записяхъ употреблялось (даже въ первые года XVIII-го ст.) выражсніе «се язъ» или «се азъ». Напр.: се язъ Иванъ Ѳоминъ сынъ пушкарь судовой плотникъ прозвище Гробовщикъ», «се язъ Федосья Левонтьева дочь Ивановская жена Темновостарца», се язъ Улита Ермолаева дочь Васильевская жена Горячихъ-щей», «се язъ Матрена Федорова дочь Плохово Первово жена Гагарина», «се язъ Кузма Ларіоновъ сынъ, двадцати пяти лѣтъ, ростомъ средней человѣкъ, рожеемъ долголицъ, носъ вскоросъ» и проч. Даже встрѣчается: «се азъ балахонцы посадскіе люди», «се язъ темниковцы служилые татара».

Къ такимъ же остаткамъ старины относятся слова и выраженія: продали есмя, далъ есми сю запись, отпустили бы есте, послуси, умре, по срощѣ, съ дву мельницъ, по имяномъ, балахонцомъ посадскимъ людемъ, въ рублѣхъ, во дворѣхъ, въ полкѣхъ, въ истокехъ, въ прошлыхъ годѣхъ, въ ровныхъ мѣсяцехъ и числехъ, з бердыши и с топоры. ни которыми дѣлы, ся наша грамота, а ся запись и впредь въ запись и др.

Очень обыкновенны такого рода формы: та наша полдвора, другая пятнадцать, втретьи (въ третій разъ), направѣ, налѣвѣ, штинадцати лѣтъ, трехнадцати лѣтъ, по сороку по три рубли по девятинатцети алтынъ по полушесте деньге, домовь (домой), опроче (кромѣ), пріймышъ, пріимышъ, покамѣста, безпрестани, дворяня, крестьяня, татаровья, рука приложить, отдать ся грамотка въ Казанѣ, и въ тѣхъ деньгахъ взять росписка, велѣно ему поставити мельница, дѣтемъ моимъ душа моя грѣшная строить и поминать.

Къ числу постоянныхъ, установившихся обычаемъ формъ принадлежатъ выраженія, которыми начинаются письма:

«Господамъ Семену Ортемьевичу, Максиму Микифоровичу Дмитрей Волынской челомъ бьетъ»; «Господину Степану Богдановичу Данило Черницовъ челомъ бьетъ»; «Государю моему ко мнѣ пріятелю князю Петру Степановичу съ Москвы однородецъ вамъ царского величества стряпчей Ивашко князь Бакаевъ сынъ Ширинской челомъ бьетъ».

Къ числу такихъ же обычно повторяемыхъ формулъ принадлежатъ выраженія въ запродажныхъ записяхъ: ..... «не отъ неволи, ни съ правежу понадобилися намъ деньги, и мы продали» и т. д. А также перечисленіе угодій проданной земли: « .... продалъ есми вотчину свою и рыбные ловли, и бобровые гоны, и бортной ухожей, и сѣнные покосы, и всякіе угодья, съ истоки и съ озеры и съ западными озерки»..... «съ лучками и съ новолочками и з болотами и з заломами?..... Интересно подробное перечисленіе принадлежностей продажи въ запродажной записи князей Тенишевыхъ (7113 г.):»... а продали есмя ту свою вотчину въ прокъ безъ выкупу, съ стоячимъ деревомъ и съ лежачею колодою и со пнемъ и здѣланнымъ и нездѣланнымъ деревьемъ и со пчелами и съ мѣченики и съ верхомѣты и съ лѣснымъ звѣремъ съ лосемъ и съ медвѣдемъ и съ волкомъ и съ лисицею и съ куницею и з бѣлкою и со всякимъ звѣремъ и съ рыбною ловлею и з бобровыми гонами и съ перевѣсьемъ и з дубровами и съ тальники и съ полянами и съ лугами и съ орловымъ и съ ястребцевымъ гнездомъ и съ сычикомъ и со всякимъ вотчиннымъ угодьемъ»...

Въ заключеніе привожу я небольшое собраніе словъ и выраженій взятыхъ изъ разсмотрѣнныхъ мною рукописей, словъ, которыя мнѣ показались заслуживающими вниманія: одни, какъ не встрѣчающіяся вовсе въ нашихъ словаряхъ, другія съ особымъ значеніемъ или въ особой формѣ, а иныя, какъ интересныя въ бытовомъ отношеніи.

Аглинской,—«половинка сукна аглинсково меньшіе земли».

Александрійской, александрѣйской,—«платокъ алекс. красной». «бумага алекс.»; «пестрядь алекс. красная».

Алляной, олляной, ольяной (льняной).

Бархатель,—«три остатка бархатели въ лоскутѣ».

Бисея см.: пищаль.

Богомъ даной,—«у Ларьки сынъ Богомъ даной Бориско».

Бутора,—«съ огородою и съ буторою (продано мѣсто).

Бухарскіе ковры, скатерти, камка.

Бѣлая земля,—«на бѣлой землѣ, а не на тяглой».

Бѣлильница,—„двѣ бѣлильницы серебряныхъ».

Варенокъ камень.

Веницейской см.: золото.

Верхомѣты,—«со пчелами и съ мѣченики и съ верхомѣты» (продана земля).

Вешница и полая вода.

Виниса,—«двенатцать бирюсъ да виниса»; «двадцать винисовъ на нитках».

Вислой,—«замокъ вислой»; «вислая печать у грамоты».

Внакляпѣ,—«носъ не малъ внакляпѣ».

Вологодсково дѣла чарки винные (деревянныя).

Вскоросой носъ.

Вскорюковатой носъ; «носъ прямъ вскорюковатъ».

Всполохъ,—«кричали всполохъ»; «въ колоколъ били всполохъ».

Выдырченъ,—«кушакъ бѣлой полотняной по концамъ выдырченъ».

Вымолной,—«лавка вымолная на оба лица».

Вѣнецъ,—«въ рукавѣ у боярской боярыни былъ кокошникъ низаной да вѣнецъ низаной же».

Вѣрной, на вѣрѣ,—«вѣрные головы и цѣловальники»; «государевы кабаки на вѣрѣ».

Вѣстно,—«да вѣстно мнѣ учинилось».

Горносталей,—«шуба горносталья подъ тафтою вишневою».

Государевъ городовой желѣзной безмѣнъ; «государевы каменные тереви»; государевы кабаки на вѣрѣ»; «государева таможенная сажень».

Двустанные рубахи женскіе алляные тонкіе.

Домовь (домой).

Дороги, дорогильной,—«дороги вишневые»; «дорогильные ризы»; «кушакъ дорог.»; «тѣлогрѣя дорог. красная»; «полукафтанье дорог, желтое»; «шапка дорог. желтая на бѣлкахъ»; «четверы дороги полосатые».

Дороговь хлѣбная.

Достаканъ, —«достаканы деревянные писаные».
Душатой,—«шапка лисья лущатая вершекъ сѣрой суқно нѣмецкое».
Жаловальная грамота.
Животинной выгонъ.
Жуқи,—«три ножа съ жуқами мѣдными съ финифтью».
Завѣсная пищаль см.: пищаль.
Задворной,—«люди крѣпостные во дворѣ и задворные».
Заломы см.: наволочки.
Заметъ (ограда, заборъ).
Заоцкой (за Окой).
Западной,—«съ истоки и съ озеры и съ западными озерки».
Зарядъ,—«а учну язъ въ то помѣстье вступатца, и ему Маметю мурзѣ взяти на мнѣ по сей записи заряду сто рублевъ денегъ».
Засылка,—«сговариваетъ съ него (при пыткѣ) не по засылқѣ ли чьей и не по скупу ли чьему»; «а сговариваетъ онъ, напамятавъ Бога и смертной часъ, а не по засылкѣ и не по скупу».
Збруя,—«пограбили платья, ружья и всякой служилой збруи»; «ратные збруи».
Зендень, зенденинной,—«семь аршинъ зенлени красной»; «пятьдесятъ три аршина зенденей китайскихъ»; «фата подложена зенденью зеленою»; «азямъ зенденинной лаворевой».
Зепной мѣшечикъ (съ деньгами).
Знамя вѣнечное,—«собрано неокладные казны съ вѣнешныхъ знаменъ съ двапцати одного отрока да съ трехъ двоженцевъ».
Золото,—«цѣвки золота веницейскаго»; «цѣвки золота турецкаго; «сусанное золото».
Зяблой годъ (морозный).
Икона на қраскѣ, на краскахъ, на золотѣ, на рѣви; «икона мѣрою осмилистовая на золотѣ»; штилистовая»; «пятилистовая на краскѣ»; «четвертная на краскѣ»; «меньши истилистовой»; „больши осмилистовой“.
Индѣйскіе қурицы.
„Казылбашское кружево шелковое цвѣтное“.
Кармазинной,—«треухъ лисей хребтовой покрытъ сукномъ зеленымъ кармазиннымъ»; «три аршина қамки бѣлой кармазину».
Кафимской,—«жемчужные зерна бурмитскіе и кафимскіе».
Кесья,—«на старинную кесью» (?).
«Китайская зендень; «китайская камка».
Колодка,—«полосмяны ржи да колодка свѣчь».
Колоқольница (колокольня).
Колькой,—«въ колькой день (въ который день) поспѣть мочно».
Конскіе книги,—«на тѣ лошади есть у него съ записныхъ конскихъ қнигъ списки гдѣ они куплены».
Конюшно (конюшня).
Косякъ дровъ.

Кошевые сани.

Кошель,—„одѣяло овчинное съ кошлемъ опушка пестрядь русская полосатая".

Кривые сапоги см. сапоги.

Кружево—мишурное: «казылбашское шелковое цвѣтное»; «кушатчетое»; «кованое серебряное»: «треухъ куней верхъ камчатной лазоревой съ кружевомъ серебрянымъ».

Кружковой,—«поясъ шемаханскова шолку крушковой нижегороцкой работы».

Крѣпь,—«Сибирской городъ и иные городы и крѣпи по чертѣ построены».

Кунганы мѣдные чеканные и гладкіе.

Курпекъ, курпетчатой,—«шуба черная астраханская курпетчатая»; «шапка курпекъ обнизной жемчугомъ»; «шапка курпекъ астраханской вишневой»; «шапка курпекъ сукно сермяжное изсѣра бѣлое околышъ мерлушка красная калмыцкая».

Куфтерь,—«манатья камка лазоревая куфтерь»; «ряска камка зеленая куфтерь»; «два аршина камки червчатой куфтерю».

Кушатчетое см. кружево.

Лавданъ,—«кокошникъ жемчужной по лавдану».

Лая (брань),—«бевчестили всякою неподобною лаею».

Лбастъ (съ большимъ лбомъ).

«Левикъ серебряной изъ ковша.

Левковровой,—«пять киндяковъ большой руки левковровы».

Липяги,—«съ липягами и съ полугами и съ пашнею»; «и съ дубровами и съ липягами и съ раменьемъ и съ лугомъ и съ полемъ»; «отъ тоя вершины прямо рѣдкоберезникомъ на черной померной липягъ».

Литовскіе попоны; «книга литовской печати».

Лощатой,—«двенатцать ковшей мѣдныхъ лосчатыхъ»; два ковша серебряныхъ: одинъ лощатой а другой гладкой».

Луданъ, луданной,—«кокошникъ луданной рудожелтъ шитъ золотомъ» «ряска камчатная луданная вишневая на лисьемъ мѣху»; «кафтанъ мѣхъ куней покрытъ камкою луданомъ веленою съ пухомъ бобровымъ нашивка золотная съ кистьми».

Лохть (локоть),—«девять саженъ съ лохтемъ».

Лѣтоначатецъ—«до Семіонова дни лѣтоначатца».

Лятчина, лятчинной,—«столъ покрытъ лятчиною красною»; «полтретья аршина лятчины лазоревой»; «два мѣшка лятчинные синіе».

Масти конскія: «вгнѣдѣмухортъ»; «вкарѣ гонѣдъ», «вкарѣ мухортъ», «врыжѣ пѣгъ».

Медвеной,—«четыре чары медвеныхъ серебряныхъ».

Медвѣдня, медвѣдна,—«медвѣдня полова»; „двѣ медвѣдны черные".

Мортка,—платятъ тягла: съ мортки, съ трехъ мортокъ, съ полумортки, в деньги безъ мортки.

Муравзеленой бурметь.

Мычекъ,—„у правой руки у него мычекъ".

Мѣчеиики см.: верхомѣты.

Мятелъ вишневой суконной.

Наволочки,—„съ лучками и съ наволочками и з болотами и з заломами“

Назоръ,—„я за тобой пошлю назоромъ смотрить и слушать“.

Накищеной,—„три ширинки накищены золотомъ“; „пять ширинокъ накищены шолкомъ з золотомъ“; „ширинка кисейная шита золотомъ и серебромъ накищена шолкомъ чорнымъ съ серебромъ“ „три ширинки тафтяные шиты золотомъ и серебромъ накищены золотомъ“.

Наковально (наковальня).

Налоги,—„и въ какихъ нашихъ налогахъ и въ обидѣ и въ ругательствѣ впредь будетъ на насъ отъ него, попа, челобитье“.

Напалья, напарья большая желѣзная (напалье, напарье).

Невѣрка,—„мнѣ на него невѣрка“ (поклеп).

Недопесковой лоскутъ.

Нижегородской работы см.: кружковой.

Новинки (новыя мѣста),—„дворъ на посадѣ на новинкахъ“.

Нѣмецкіе—башмаки, шляпье; „сукно нѣмецкое“; „монастырекъ нѣмецкой“ (въ числѣ посуды); „зеркало нѣмецкое“; „нѣм. мурамленой кувшинъ“; „рукомойникъ нѣм.“; „нѣмецкіе мельницы“; „кафтанъ нѣмецкій безъ нашивокъ и безъ пуговицъ“.

Обизной,—„треухъ обизной соболей“; „пуговица обизная“; „шапка курпекъ обизной жемчугомъ“; „кафтанъ соболей пластинчетой обьярцной дѣ пуговицы обизные“.

Обищальные люди (бѣдняки).

Огачинной,—„лоскутъ лисей огачинной“; „шуба лисья огачинная“; „кошулка лисья огачинная“.

Огорелокъ, ожерелокъ, ожерелейцо,—„ожерелокъ бобровой“ „огорелки бобровые“; малое ожерелейцо жемчужное“.

Однорядочной,—„кафтанъ однорядошной суконной лаворевой“; „кафтанъ однор. цвѣтъ лимонной“; „однорядошная шапка“.

Олляной см.: алляной.

Опашневые пуговицы большіе серебряные золоченые.

Опашные весла.

Оплошка,—«и ты то дѣлаешь не горазде: нашъ, великого Государя, указъ ставить себѣ въ оплошку».

Опоясной,—„пара пистолей опоясная съ поясомъ и нагамици“.

Осиновой,—„киндякъ осиновой“; „тафта осиновая“; „полукафтанье киндяшное осиновой цвѣтъ“; „шапка киндяшная осиновой цвѣтъ“.

Отроки см.: знамя.

Падучей,—„съ озеры и съ истоки и съ падучими рѣчками“.

Паликадило (панікадило).

Переводъ,—„безъ переводу „(непремѣнно, безъ уклоненія); „и стать имъ (воеводамъ) въ Кіевѣ іюня въ 1 число однолично безо всякаго переводу“.

Перевѣсье,—„съ рыбною ловлею и съ бобровыми гонами и съ перевѣсьемъ".
Передызбье,—„изба съ передызбьемъ".
Пестряды: бѣлая, лазоревая, руская полосатая, александрійская красная.
Пищаль,—„чтобъ у тѣхъ людей было по пищали по завѣсной или по долгой по гладкой да по бердышу"; „пищаль турецкая"; „пищаль тройная желѣзная"; „пищаль мѣдная бисея на колесѣхъ".
Пищая изба (писчая).
Пластинчетой,—„кафтанъ соболей пластинчетой обьяринной двѣ пуговицы обизные".
Платки: утиральные, шапошные, ручные; „платокъ олляной"; платокъ александрійской красной".
Племянство,—„свадьбы безъ вѣнечныхъ памятей и во племянствѣ не вѣнчать".
Подсадашной,—„ножъ большой подсадашной складной, ножны деревянные, черепъ костяной чорной".
Подвалье (подвалъ)
Подватыльники, подубрусники,—„десять подубрусниковъ да восемь подватыльниковъ стеганыхъ тафтяныхъ и камчатныхъ.
Подосни,—„телѣга съ подосни и со втулки желѣзными".
Поемъ,—„разбойники награбили въ два пойма" (дважды, въ два пріема).
Познаніе, знаки,—„а познаніемъ онъ знатно, что не русской породы"; „а по знакомъ онъ знатно, что не руской породы".
Покищеной см.: накищеной.
Покосая сажень; простая сажень; государева таможенная сажень.
Полносъ,—„семь кафтановъ шубныхъ: одинъ ноньъ, а шесть вполносѣ".
Полóкъ,—прилавокъ для торговли; „два полка", „пять полковъ".
Полотенце,—„ворота объ одномъ полотенцѣ".
Полѣшей,—„съ полѣшими лѣсами".
Помры, пóмерной см.: липяги.
Поплашной сборъ.
Порядня варничная (приборъ, принадлежности).
Послуживецъ,—„се явъ Кирило Ивановъ сынъ прозвище Чертенковъ старинной послуживецъ Аталыка Матвѣевича Бѣликова".
Поступка (уступка земли, „поступился землей").
Похвальные слова,—„и онъ отъ тѣхъ сво похвальныхъ словъ сталъ быть опасенъ".
Приметка,—„чинить приметки и притѣсненія".
Приметной,—„ямскіе и приметные деньги".
Приправочные дозорные книги.
Приходная церковь (приходская).
Продажа,—„отъ воеводъ и подьячихъ чинятся харчи и убытки и продажи большіе"; „всякую продажу и насильство чинятъ"; „чтобъ намъ разоренымъ и испроданнымъ не быть".
Прость черемиская.
Противень,—„три сковородки, три таза, два противня.
Пуговицы, пухвицы.

Пупчатой.—„шуба соболья пупчатая, подъ камкою мелкотравчатою вишневою".

Пухъ (опушка),—„кафтанъ съ пухомъ бобровымъ"; „шуба вѣжалая съ пухомъ и ожерелье бобровое" „треухъ верхъ шитъ золотомъ упушенъ бобромъ"; „треухъ отласной опушекъ пухомъ бобровымъ"; треухъ золотной съ пухомъ".

Пьющая изба, анбаръ пьющей (кабаки).

Пятерниковой,—„тритцать новинъ аллянихъ тонкихъ пятерниковыхъ".

Рожей,—„рожеемъ долголицъ"; „рожеемъ долголикъ"; „лицомъ бѣлъ широкорожъ".

Розвытка,—„дворъ оцѣненъ по порукѣ и по розвыткѣ".

Ролдужной (?) кожанецъ.

Ростегай,—„два ростегая крашенинныхъ: на одномъ кружево шелковое, на другомъ кружево цвѣтное.

Рѣзь,—„образъ на рѣзи".

Рѣпчатой,—„пять ложекъ рѣпчатыхъ, шестая каповая"; „десять ложекъ рѣпчатыхъ".

Саксонской кафтанъ суконной съ крючками, подъ нимъ мѣхъ овчинной.

Сапоги: сафьянные, телятинные; „черные кривые съ „подвязками"; „козловые черные"; „сапоги голущу золотново".

Сговоръ, сговаривать,—„пытанъ просговоръ крестьянина"; съ „крестьянина сговорилъ, что клепалъ по недружбѣ. См.: засылка.

Сдѣлочные записи,—„крѣпки тѣ крестьяне по писцовымъ и переписнымъ книгамъ и по здѣлочнымъ записямъ"; „здѣлочные записи и кабалы засмные".

Серги,—„лапчатые съ жемчугомъ"; „сергилапки"; „серги двойчатка"; «серги бечета съ зернами бурмитскими»; «серги червцы».

Середоликъ камень.

Сиверскіе двери (сѣверныя въ церкви).

Сивожелѣзъ (масть конская).

Скоромь, скоромъ,—«чтобъ онъ мяса и иного скорому не ѣлъ»; «иной скороми не ѣлъ».

Скотинной выпускъ,—«со скотиннымъ выпускомъ и съ рыбными ловли».

Скупъ см.: засылка.

Сличье,—«по сличью, одинъ человѣкъ знатно, что у нихъ, воровъ, атаманъ».

Слыхъ,—«слыхъ мнѣ есть».

Сорока,—«коробка съ рухлядью, а въ ней пятнатцать сорокъ золотомъ шиты»; «дватцать сорокъ шиты шолкомъ и съ тесьмами».

Сросла,—«лошадь въ лѣтахъ сросла», „лѣты сросла", „въ лѣты сросла", „кобыла савраса лѣтъ сросла".

Столпъ,—„въ помѣстномъ столпу прошлаго года написано".

Сукно аглинское, нѣмецкое, кармазинное зеленое, сермяжное, темномаковое, сусанное волото.

Сѣченъ,—„борода черна окладиста сѣчена".

Текучей звѣрь,—„продали вотчину со всякими угодьями и съ текучимъ звѣремъ".

Темномаковой,—„шапка вершекъ сукно темномаковое исподъ мерлушка астраханская припушена бобровымъ пухомъ.

Топоровая земля (?).

Торель—„двѣ торѣли оловянныхъ".

Троецкой,—„двѣ братины троецкиѣ".

Турецкая пищаль витая, серебромъ насѣчена, бляхи серебряные, съ борошнемъ; „цѣвки золота турецкаго".

Тчанъ, тшанъ (чанъ).

Тяжеглавъ (главотяжъ).

Указной,—„серебряные часы указные".

Укладничей (кто дѣлаетъ укладъ, договоръ?).

Усольской ножикъ съ ножнами оправа мѣдная; „натруска съ порохомъ усольской работы съ финифтью".

Утеклецъ (бѣглецъ).

Ухожей, ухожье,—„бортной ухожей»; «бортные ухожье и всякіе угодьи"

Учобъ,—„взяти ему за тотъ свой шапашной учобъ (за наученье шапочному ремеслу) три рубли".

Харчи см: продажа.

Ходячіе деньги,—«занялъ денегъ московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи"; „40 рублевъ отборныхъ большихъ старыхъ копеекъ да 45 рублевъ ходячихъ".

Чейской (чей, чьего рода).

Чесноковикъ—„два чесноковика деревянные.

Четверушная комната (при кабакѣ).

Число,—„когда онъ будетъ на дорогѣ, и въ то число наѣхали на него воровскіе люди" (въ то время, въ тотъ часъ); „насъ учалъ въ то число ругать и безчестить".

Чѣпь, чепочка,—„держали на чепи въ желѣзахъ"; „чепочка золотая на ней крестъ золотъ".

Шандалъ, шандан ъ.

Шапуръ, шапоръ (на будномъ стану)?

Шемаханской шолкъ см.: кружковой.

Шогояки (мачты, шесты для флаговъ).

Шуба: одѣвальная; ѣзжалая; „черная астраханская курпетчатая": „шубы крашенинные холодные"; „шубные кафтаны крыты крашенинами огорелки бобровые".

Щепетинной рядъ; щепетинникъ, щепетильникъ.

Щипецъ мѣдной (щипцы?).

Ѣзжалая шуба (женская) рукава широкіе, мѣхъ бѣлей хребтовой съ пухомъ и ожерелье бобровое, покрыта китайкою вишневою, пуговицы опашневые большіе серебряные золоченые".

Юфть (названіе вѣса: четь ржи, четь овса?).

А. Соколовъ.

II. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Тюркскія сказки о трехъ братьяхъ.

Приводимыя ниже 4 тюркскія сказки о 3 братьяхъ принадлежатъ: первая—адербейджанскимъ татарамъ, живущимъ въ Грузіи; вторая—туркамъ Балканскаго полуострова; третья—сагайскимъ татарамъ, живущимъ по среднему теченію Абакана въ Минусин. окр. Енис. губ., и четвертая—китайскимъ татарамъ, подвѣдомственнымъ Логученскому цзюнь-вану, т. е. князю II степени. Адербейджанская сказка записана по-русски членомъ—сотрудникомъ Общества Т. А. Иваницкимъ въ Грузіи, въ с. Кахи Закатальскаго округа, со словъ одной старухи, грузинки Ингилойки, прекрасно знающей грузинскій языкъ и адербейджанское нарѣчіе тюркскаго языка. Турецкая сказка переведена мною на русскій языкъ съ подлинника, написаннаго латинскими буквами венгерскимъ тюркологомъ Ignácz Kúnos (Игнатіемъ Куношемъ) и помѣщеннаго безъ перевода въ его сборникѣ «Oszmán—török népköltési gyüjtemény», I части (Budapest, 1887), подъ заглавіемъ «a gyémánt Anka madár és a koraszfejü» (по переводу Н. И. Андерсона: «алмазная птица Анка и плѣшивый»). Сагайская сказка записана мною въ подлинникѣ русскими буквами 31 декабря 1889 года со словъ Сагайскаго татарина Апчая, сына Тюптишке (по-русски: Гавріила Леонтіевича), Тенеставва. Русскій переводъ этой сказки печатается теперь впервые. Наконецъ, логученская сказка записана мною въ подлинникѣ двумя транскрипціями, русской и арабской, 21 августа 1891 года въ китайскомъ городѣ Біяръ, называемомъ по-русски Чугучакъ и поманьчжурски Тарбагатай, со словъ логученскаго татарина Мюжюбъ-ахуна (см. объ немъ мою статью въ «Записк. Вост. Отд. Импер. Рус. Арх. Общ.» т. VIII, стр. 223). Въ русскомъ переводѣ она также появляется въ первый разъ. Всѣ эти сказки по содержанію почти совершенно сходны другъ съ другомъ и отчасти съ русскими сказками о 3 братьяхъ, изъ которыхъ младшій, считающійся дуракомъ, впослѣдствіи превосходитъ остальныхъ силою, умомъ, красотою и богатствомъ. Эти сказки имѣютъ самостоятельное происхожденіе и у русскихъ не заимствованы. Академикъ А. Шифнеръ въ предисловіи къ I и II тому «Proben der Volkslitteratur der Türkischen Stämme» В. В. Радлова говоритъ, что различныя татарскія народности заимствовали свои сказки у русскихъ, ибо въ пользу этого, по мнѣнію г. Шифнера, говорятъ русскія слова, встрѣчающіяся у татарскихъ племенъ въ сказкахъ и обыденной рѣчи. Вл. Стасовъ въ «Вѣстникѣ Европы» за 1868 годъ (т. I—IV) и за 1870 годъ (т. I) проводитъ параллель между русскими былинами и былинами другихъ восточныхъ народовъ, преимущественно тюркскихъ (по трудамъ Кастрена, Титова, Радлова), и этими сближеніями и сходствами русскихъ былинъ съ восточными доказываетъ, что русскія былины по большей части происходятъ съ востока. Однако академическій рецензентъ статьи Вл. Стасова «о происхожденіи русскихъ былинъ» говоритъ, что авторъ этой большой статьи провелъ прекрасную параллель между русскими и восточными былинами, но что восточное происхожденіе русскихъ былинъ всетаки остается недоказаннымъ. За восточное происхожденіе многихъ русскихъ былинъ стоитъ и русскій путешественникъ по Монголіи Г. Н. Потанинъ («Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи».

Вып. IV. Спб. 1883. Стр. 651), который думаетъ, что русскія былины могли быть заимствованы съ востока еще въ эпоху переселенія разныхъ племенъ: половцевъ, печенѣговъ, аваровъ, гунновъ и другихъ, двигавшихся въ Европу изъ Азіи. Каждое изъ приведенныхъ здѣсь мнѣній до извѣстной степени справедливо, потому что и у русскихъ, и у татарскихъ племенъ есть сказанія, заимствованныя у народовъ, съ которыми они соприкасались, но есть и такія сказанія, которыя ни у кого никогда не заимствовались, а произошли на мѣстѣ. Бываютъ у тѣхъ и другихъ, конечно, и такія сказанія, которыя имѣютъ самостоятельное происхожденіе, но которыя съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ измѣнились и утратили большею частью, или лишь немного, первоначальный характеръ. Предлагаемыя при семъ вниманію Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи 4 тюркскія сказки о 3 братьяхъ—царевичахъ и 3 братьяхъ—богатыряхъ сходны въ отдѣльныхъ чертахъ со сказками другихъ тюркскихъ племенъ: среднеазіятскихъ татаръ и киргизъ—казаковъ; напр. въ сказкахъ всѣхъ этихъ тюркскихъ племенъ добрымъ богатырямъ мѣшаютъ достичь цѣли: обжорливыя старухи въ родѣ русской бабы-яги, многоголовые и крылатые змѣи, драконы или чудовища, нечистые духи (девы, дивы) и пр., а помогаютъ разныя животныя въ родѣ коней, барсовъ, кошекъ и пр., и старшіе возрастомъ люди, напр. старшія сестры, старики и пр., только не старухи. Въ сказаніяхъ среднеазіятскихъ тюрковъ богатырей изъ затрудненія выводятъ обыкновенно: птица съ алмазною или жемчужною головою и такими-же крыльями и пророкъ Илья, называемый у среднеазіятскихъ татаръ Хизри и у киргизъ—казаковъ Кыдыръ. Обыкновенно младшему брату удается преодолѣть всѣ препятствія и достать въ концѣ концовъ какую-нибудь невиданную красавицу, не смотря на всѣ козни, которыя устраиваютъ ему другіе 2 брата.

Н. Катановъ.

---

1. Адербейджанская сказка о 3 братьяхъ—царевичахъ.

Жилъ одинъ царь. У него было три сына. Младшій изъ нихъ, владѣя необыкновенною красотою, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ высшей степени силенъ и храбръ.

Впереди своего дворца царь этотъ имѣлъ прекрасный садъ, въ которомъ росли многоразличныя фруктовыя деревья. Въ числѣ ихъ стояла одна замѣчательная яблоня. Она была замѣчательна тѣмъ, что только черезъ три года давала плоды, при этомъ всякій разъ—только по три яблока; каждый же плодъ былъ такъ громаденъ, что вѣсилъ болѣе сорока пудовъ. Однако, не смотря на то, что на этой яблонѣ много разъ уже бывали чудные плоды, царь и сыновья его пока не знали,—какого вкуса эти яблоки, ибо, какъ-только послѣднія созрѣвали и дѣлались годными для вкушенія, ночью неизвѣстно откуда являлось какое-то чудовище и похищало ихъ.

Однажды, когда настало время созрѣванія чудныхъ яблокъ, царь призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и говоритъ имъ: «любезныя дѣти! я старъ. Не долго мнѣ еще жить. Смерти я не боюсь, но не хочу умереть такъ, чтобы не знать мнѣ вкуса чудныхъ плодовъ нашего сада. Идите и стерегите яблоню по очереди. Кто изъ васъ поймаетъ вора или убьетъ его, тому я отдамъ лучшую часть своего царства». Сыновья послушались отца и рѣшили защитить яблоню. Сначала отправился въ садъ на стражу старшій сынъ. Онъ взялъ стрѣлу и сѣлъ у ствола чуднаго дерева. Въ полночь вдругъ послышалось въ саду,—кто-то съ шумомъ и трескомъ идетъ по направленію къ яблонѣ. Дыбомъ стали волосы у царскаго сына отъ страха. Наконецъ, идушій для похищенія плодовъ показался. Это былъ девятиголовый великанъ (дѣви). Увидѣвъ чудовище, стража въ ужасѣ оставила яблоню и, какъ заяцъ, помчалась изъ сада домой. А великанъ подошелъ къ яблонѣ, сорвалъ съ нея одно яблоко и тотчасъ ушелъ навадъ. Когда-же настало утро, царевичъ явился къ отцу-государю и сказалъ ему, что похититель ихъ плодовъ — такое страшное чудовище, что онъ не могъ сопротивляться ему и выбѣжалъ изъ сада.

Въ другую ночь сталъ стеречь яблоню другой по старшинству сынъ царя. Онъ также сѣлъ у ствола чуднаго дерева, взявъ съ собою стрѣлу; но, когда увидѣлъ чудовище, тоже испугался его и скрылся. Великанъ сорвалъ еще одно яблоко и ушелъ.

Наконецъ, очередь дошла до младшаго царевича. Онъ взялъ стрѣлу и сѣлъ не у ствола яблони, какъ дѣлали старшіе его братья, а не подалеку отъ этого дерева, въ засадѣ. Около полуночи въ саду вдругъ опять поднялся шумъ и трескъ. «Это, навѣрно, чудовище!» подумалъ младшій царевичъ. Предположеніе его оправдалось. Сквозь деревья онъ замѣтилъ великана съ девятью головами, который быстро шелъ по направленію къ яблонѣ, испуская огненное пламя изъ своихъ ноздрей. Дыбомъ поднялись волосы и у этого царевича, когда увидалъ чудовище, но бѣжать отъ него онъ не думалъ совсѣмъ.—Какъ только великанъ подошелъ къ яблонѣ и поднялъ руки, чтобы сорвать съ нея и послѣдній плодъ, царевичъ пустилъ въ него стрѣлу изъ лука. Получивъ ударъ, чудовище ужасно заревѣло и обратилось въ бѣгство, успѣвши впрочемъ сорвать третье яблоко. Стрѣлокъ не сталъ ночью преслѣдовать опаснаго вора. Когда разсвѣтало, онъ сообщилъ обо всемъ отцу и въ удостовѣреніе того, что онъ ранилъ чудовища, показалъ родителю кровавый слѣдъ, оставленный великаномъ подъ чуднымъ деревомъ и за собою. Царь обрадовался было, что чудовище ранено, но, когда увидалъ, что имъ похищено и послѣднее яблоко, сильно опечалился. Въ то время, когда государь, нахмуривтись, стоялъ подъ яблоней, младшій сынъ его выступилъ изъ средины присутствующихъ въ саду сановниковъ и сказалъ старшимъ царевичамъ: «о братья! количество пролитой крови показываетъ, что чудовище тяжело ранено; вѣроятно, оно гдѣ-нибудь на пути истощилось кровью и померло. Пойдемъ, отыщемъ его. Если же великанъ не умеръ, то найдемъ его живаго. Кровавый слѣдъ, оставленный имъ за собою, приведетъ насъ къ жилищу вора, и тамъ убьемъ его!» Старшіе братья, думая, что съ раненнымъ

великаномъ легко будетъ состязаться, охотно согласились на приглашеніе младшаго. Государь-отецъ съ своей стороны тоже изъявилъ желаніе, чтобы сыновья преслѣдовали чудовище. Вотъ братья вооружились и, попрощавшись съ отцомъ, погнались за великаномъ по кровавымъ его слѣдамъ. Оружіемъ для нихъ служила стрѣла, но младшій царевичъ сверхъ этого имѣлъ съ собою еще желѣзную булаву. Долго шли братья-царевичи. Девять горъ и полей перешли они, но чудовища всеже не могли увидать. Наконецъ, у какихъ-то скалистыхъ горъ кровавый слѣдъ прекратился и путники остановились. Скалы были отвѣсны и такъ высоки, что вершины ихъ достигали до неба. По нѣкоторымъ слѣдамъ можно было заключить, что великанъ перебрался за эти утесы. Братья были озадачены и начали совѣщаться о томъ, какъ имъ подняться на отвѣсныя высоты. Тутъ вблизи утесовъ стояли деревья, которыя своими верхушками достигали вершинъ высотъ. Царевичи сдѣлали изъ этихъ высокихъ деревъ лѣстницу и приставили къ скалѣ. Но, открывъ себѣ путь чрезъ утесы, они стали разсуждать между собою, всѣмъ-ли перебраться имъ за скалу, или кому-либо одному изъ нихъ. «Всѣмъ итти туда опасно, сказалъ младшій братъ: за высотами навѣрно царство великановъ. Мы должны постараться, чтобы тамъ никто насъ не замѣтилъ; поэтому лучше одному изъ насъ перейдти въ страну великановъ, а остальнымъ дожидаться здѣсь, у лѣстницы. Кромѣ того, если мы всѣ вступимъ туда и всѣ трое погибнемъ, тогда кто-же вернется домой къ отцу-государю?» прибавилъ онъ. Этотъ совѣтъ понравился старшимъ царевичамъ. Рѣшено было одному изъ нихъ продолжать преслѣдованіе раненаго чудовища, другимъ же дожидаться у скалы. Гнаться по слѣдамъ великана вызвался старшій братъ. Вотъ онъ поднялся уже на лѣстницу и идетъ по ней. Но, дошедши до средины лѣстницы, царевичъ посмотрѣлъ внизъ, на своихъ младшихъ братьевъ и ужаснулся: оказалось, что послѣдніе вслѣдствіе высоты разстоянія казались ему величиною съ маленькихъ птичекъ. Испугавшись пропасти, онъ тотчасъ оставилъ свое намѣреніе (преслѣдовать чудовище) и спустился обратно. Мѣсто его заступилъ второй по старшинству братъ. Этотъ царевичъ поднялся больше половины лѣстницы, но, когда и онъ оглянулся назадъ и увидалъ братьевъ, что они кажутся ему величиною съ мухъ, тоже испугался и спустился назадъ. Тогда младшій царевичъ сталъ предъ трусливыми старшими братьями и сказалъ имъ: «Я не оставлю великана, не отыскавши его. Ждите меня здѣсь около одного мѣсяца; если по прошествіи этого срока я не возвращусь, значитъ, я погибъ, и вы можете тогда уйти домой; до окончанія же мѣсячнаго срока вы не уходите отсюда: можетъ быть, Богъ дастъ—я возвращусь съ успѣхомъ!» Сказавъ это, младшій братъ попрощался со старшими и поднялся на лѣстницу. Шелъ, шелъ онъ по ней, и, наконецъ, взошелъ на вершину скалъ. Остановившись на высотахъ, царевичъ захотѣлъ взглянуть внизъ. Онъ былъ такъ высоко, что, когда посмотрѣлъ на братьевъ, то они совершенно были не замѣтны для него. Пропасть не устрашила младшаго брата. Онъ пошелъ дальше искать чудовище. Прошедши нѣсколько времени, путникъ замѣтилъ вдали селеніе. Такъ какъ вступить туда днемъ было опасно, то онъ дождался ночи. Въ полночь царевичъ подошелъ уже къ селу, но тутъ

на дорогѣ онъ примѣтилъ стражу, поэтому остановился и сталъ думать,— какъ пройти, чтобы его не замѣтили. Наконецъ, онъ удостовѣрился, что стерегущіе спятъ глубокимъ сномъ, и тогда онъ благополучно забрался въ селеніе. Идя по селу, царевичъ увидалъ вблизи дороги родникъ и тамъ остановился для ночлега. Когда разсвѣтало, вдругъ показалась дѣвица, идущая съ серебрянымъ сосудомъ къ роднику за водой. Она была очень красива, поэтому царевичъ заинтересовался ею. Съ своей стороны и дѣвица обратила на него все свое вниманіе и хотѣла поближе поглядѣть на красавца, сидѣвшаго у родника. Когда она набрала въ сосудъ воды, царскій сынъ сказалъ ей: «дай мнѣ попить воды»! Дѣвица съ радостью напоила его водой, но вмѣстѣ съ тѣмъ сказала: «Я очень жалѣю тебя! ты, какъ видно, чужестранецъ. Какимъ образомъ попалъ сюда? Здѣсь царствуетъ отецъ мой, трехголовый великанъ. Если онъ увнаетъ, что ты находишься недалеко отъ него, то непремѣнно съѣстъ тебя. Поэтому лучше бѣги поскорѣе отсюда и скройся!»—«Я хочу видѣть твоего отца, великана. Иди и скажи ему, что спрашиваютъ его; а если не скажешь, тогда я самъ пойду за тобою и явлюсь къ нему!» отвѣтилъ царевичъ. Дѣвица удивилась храбрости незнакомца. Она не хотѣла открыть отцу о нахожденіи его въ селѣ, но убоялась и утаить объ этомъ. Замокъ трехголоваго великана стоялъ вблизи родника. Занесши сосудъ съ водою въ комнату, дѣвица сказала отцу: «здѣсь у родника какой-то чужестранецъ спрашиваетъ тебя!»—«Кто это осмѣлился потревожить меня?» закричалъ великанъ и выбѣжалъ изъ дома на дворъ. Въ это время царевичъ въ полномъ вооруженіи стоялъ уже у воротъ замка. Увидѣвъ великана, вышедшаго изъ дома, онъ вошелъ во дворъ и остановился. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда? драться что-ли хочешь со мною; вѣдь я съѣмъ тебя!» громогласно сказалъ великанъ незнакомцу.—«Я не пришелъ драться съ тобою, но, если ты желаешь состязаться со мною, то знай, что я тебя не боюсь и съѣсть меня тебѣ не позволю!» отвѣтилъ царевичъ.—«Какъ, ты еще надѣешься на себя?» закричалъ великанъ и бросился на пришельца. Страшная борьба завязалась между ними. Великанъ поднялъ царевича на воздухъ и хотѣлъ ударить его объ землю, но тотъ оказался такимъ ловкимъ и сильнымъ, что устоялъ на ногахъ; затѣмъ вырвался изъ рукъ чудовища и пустилъ въ него стрѣлу изъ лука. Получивъ рану, великанъ разсвирѣпѣлъ и опять напалъ на царевича: но послѣдній такъ сильно размахнулся булавой въ чудовище, что три головы разомъ слетѣли съ него. Убивъ врага, побѣдитель подошелъ къ красавицѣ, дочери чудовища, взялъ её за руку и сказалъ, что она будетъ увезена имъ домой. Затѣмъ, онъ открылъ ей свое происхожденіе, цѣль своего путешествія и проч. Красавица обрадовалась обѣщанію царевича. Она указала ему отцовское сокровище, гдѣ въ числѣ драгоцѣнностей нашлась золотая клѣтка, въ которой сидѣлъ пѣтухъ съ золотыми перьями. Послѣ осмотра сокровищницы великана царевичъ отправился далѣе искать девятиголоваго великана, сказавъ красавицѣ, чтобы она ждала его безотлучно въ продолженіе одного мѣсяца. Перешедши нѣсколько горъ и лѣсовъ, безстрашный путникъ опять увидалъ селеніе, въ которое вошелъ также ночью хитростью. И здѣсь онъ остановился на ночлегъ у родника. Рано утромъ и тутъ пришла

одна дѣвица за водой, но она красотою превосходила дочь трехголоваго великана, убитаго царскимъ сыномъ. Съ своей стороны царевичъ и её плѣнилъ своимъ прекраснымъ видомъ. Эта красавица такъ же, какъ и первая, начала высказывать свое сожалѣніе предъ нимъ. Она говорила ему: «отецъ мой шестиголовый великанъ. Во всемъ великанскомъ царствѣ онъ по могуществу занимаетъ второе мѣсто. Отъ страха передъ нимъ сюда ни одинъ чужеземецъ не осмѣливается заходить. Если ты хочешь спастись, встань и бѣги поскорѣе, а то онъ непремѣнно съѣстъ тебя!» Царевичъ не испугался и шестиголоваго великана. Онъ завязалъ борьбу и съ нимъ, но при этомъ чуть было не поплатился: шестиголовый великанъ схватилъ его и такъ ударилъ объ землю, что онъ до колѣнъ влѣзъ въ неё. Находясь въ опасности, царевичъ собралъ всѣ свои силы, выпрыгнулъ изъ земли и нанесъ врагу ударъ булавой; затѣмъ пустилъ въ него стрѣлу изъ лука и тотъ съ ужаснымъ ревомъ грохнулся объ землю. Послѣ этого побѣдитель завладѣлъ красавицей и сокровищемъ великана. Въ числѣ драгоцѣнностей шестиголоваго чудовища нашлась золотая клѣтка, въ которой былъ заключенъ павлинъ съ золотыми перьями. «Храни эту вещь въ цѣлости и жди меня около трехъ недѣль!» сказалъ царевичъ красавицѣ и отправился далѣе искать похитителя чудныхъ яблокъ. Прошедши незначительное пространство, онъ вдругъ опять увидѣлъ одно большое селеніе, посреди котораго стоялъ высокій замокъ. «Навѣрно тамъ живетъ девятиголовый великанъ, врагъ нашего сада», сказалъ про себя царевичъ. Когда совершенно стемнѣло, онъ опять хитростью забрался и въ это поселеніе. Вблизи замка тоже былъ родникъ, гдѣ путникъ нашъ и остановился отдыхать. Рано утромъ и къ этому роднику шла какая-то дѣвица за водой, одѣтая въ шелковое платье, вышитое золотыми позументами; для воды же она имѣла съ собою золотой сосудъ. Царевичъ былъ пораженъ ея красотою. Она превосходила обѣихъ красавицъ, видѣнныхъ имъ раньше въ великанскихъ замкахъ. Дѣвица также была очарована красотою невнакомца. Царевичъ такъ подѣйствовалъ на нее своимъ плѣнительнымъ видомъ, что она позабыла черпать воду изъ родника и все глядѣла на него. Когда же красавица опомнилась и почерпнула воду, царевичъ сказалъ ей: «дай мнѣ пить!» Она съ радостью отдала ему сосудъ съ водою, но при этомъ жалостно сказала: «какъ ты не боишься быть здѣсь? какимъ образомъ забрался сюда? Вонъ въ томъ замкѣ живетъ девятиголовый великанъ, отецъ мой. Онъ занимаетъ первое мѣсто между всѣми великанами. Отъ страха передъ нимъ здѣсь не можетъ показаться не только человѣкъ, но даже и птица небесная. Иди поскорѣе и бѣги, а то сегодня-же будешь съѣденъ. Будь другой вмѣсто тебя, я бы открыла объ немъ отцу-великану, но тебя я жалѣю!»—«Я хочу видѣть отца твоего. Когда ты пойдешь, скажи ему, что его спрашиваютъ!» отвѣтилъ царевичъ.—«Нѣтъ, я боюсь тревожить отца: онъ недавно пришелъ раненный, и сердитый лежитъ въ постели!» сказала дѣвица и ушла. Услышавъ слова: «раненный пришелъ», царевичъ тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ послѣдовалъ за красавицей и остановился у воротъ замка. Какъ только дѣвица вошла въ домъ и поставила сосудъ, великанъ громогласно закричалъ ей: «запахъ человѣка я чую, запахъ человѣка! о дочь, скажи, кто

осмѣлился придти сюда?» Дѣвица вышла на дворъ и, увидѣвъ царевича, стоявшаго у воротъ, махнула ему рукой, чтобы онъ убѣжалъ; но тотъ напротивъ вошелъ въ самый дворъ. Тогда дочь не могла уже скрыть чуднаго человѣка и объявила отцу: «здѣсь у воротъ какой-то человѣкъ спрашиваетъ тебя!» Узнавъ о приходѣ человѣка, чудовище вскочило съ ложа, выбѣжало на дворъ и бросилось на пришельца. Завязалась жестокая борьба. Девятиголовый великанъ схватилъ незваннаго гостя и такъ его ударилъ объ землю, что тотъ до пояса погрузился въ неё. Находясь въ крайней опасности, царевичъ моментально выпрыгнулъ изъ земли и нанесъ противнику ударъ булавой; затѣмъ отскочилъ отъ него на нѣкоторое разстояніе и пустилъ въ него изъ лука стрѣлу. Великанъ закружился и съ ужаснымъ ревомъ упалъ на землю навсегда. Послѣ этого побѣдитель-царевичъ вздохнулъ, наконецъ, свободно. Зашедши въ замокъ, онъ взялъ красавицу за руку и сказалъ ей: «теперь ты моя, а я твой!» Затѣмъ герой открылъ предъ ней свое происхожденіе, цѣль своего прибытія, разсказалъ ей о братьяхъ, ожидающихъ его на скалистой границѣ великанскаго царства, объ истребленіи имъ еще двухъ великановъ—трехголоваго и шестиголоваго, о дочеряхъ ихъ, прибавивъ тутъ, что тѣхъ дѣвицъ онъ желаетъ отдать въ невѣсты старшимъ братьямъ и что она будетъ принадлежать ему, и т. д. Красавица обрадовалась, что нашла такого красиваго и непобѣдимаго жениха. Когда она указала ему отцовскую сокровищницу, то въ ней найдены были чудныя яблоки. Онѣ лежали еще не тронутыми. Царевичъ былъ въ восторгѣ, что нашелъ ихъ: цѣль его труднаго похода, наконецъ, вполнѣ осуществилась. Изъ числа дорогихъ вещей девятиголоваго великана ему понравилась золотая клѣтка, въ которой сидѣлъ золотой соловей, удивлявшій слушателей восхитительнымъ пѣніемъ. По окончаніи осмотра великанскаго сокровища красавица показала царевичу собственныя вещи. Въ числѣ ихъ были ея золотые башмаки, разукрашенные равно, цвѣтными дорогими камнями. Эти башмаки царскій сынъ взялъ у нея и положилъ въ свою походную сумку, которая висѣла на немъ. Онъ сдѣлалъ это въ знакъ того, что дѣвица эта его невѣста. Такъ какъ до окончанія мѣсячнаго срока, даннаго младшимъ братомъ старшимъ, оставалось всего нѣсколько дней, то онъ, достигши своей цѣли, поторопился въ обратный путь къ братьямъ. Взявъ чудныя яблоки, красавицу—невѣсту, золотую клѣтку съ соловьемъ и другія драгоцѣнности, царевичъ возвратился въ замокъ убитаго имъ шестиголоваго великана. Отсюда онъ увезъ другую красавицу, клѣтку съ золотымъ павлиномъ и другія дорогія вещи и прибылъ къ дочери трехголоваго великана. Присоединивъ здѣсь къ своей добычѣ третью красавицу, клѣтку съ золотымъ пѣтухомъ и много золота и серебра, царевичъ, наконецъ, направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ дожидались братья. До окончанія мѣсяца не доставало всего трехъ дней. Царевичи думали, что младшій ихъ братъ погибъ въ странѣ великановъ, поэтому хотѣли было уйти домой, но рѣшили подождать и эти три дня, до конца мѣсяца. Вотъ и три дня проходило, а царевича не было видно. Братья встали и уже направились было въ обратный путь, какъ вдругъ увидѣли они, что со скалъ сыплется золото и серебро. «Братъ вернулся, братъ!» воскликнули царевичи. Они не обма-

нулись: младшій царевичъ дѣйствительно благополучно прибылъ къ утесамъ, и, чтобы дать объ этомъ знать братьямъ, онъ сталъ сыпать на нихъ волото и серебро. Вотъ и письмо упало отъ него внизъ. Братья подняли его прочли и все увнали. Теперь они начали уже поддерживать лѣстницу. Спуститься по ней всѣмъ вмѣстѣ было опасно, а потому путники рѣшили сойти поодиночкѣ. Сначала сошла дочь трехголоваго великана, предназначенная въ невѣсты старшему царевичу. За нею спустилась дочь шестиголоваго великана,—невѣста втораго брата. На вершинѣ скалъ остались только двое—герой-царевичъ и красавица, его невѣста. Они начали разсуждать между собою,—кому изъ нихъ раньше спуститься по лѣстницѣ. Царевичъ желаетъ, чтобы она прежде него пошла внизъ, а красавица--чтобы онъ сошелъ раньше. «Почему послѣ, а не прежде ты хочешь идти?» спросилъ женихъ невѣсту.—«Если я сойду прежде, то братья твои, послѣ того какъ я спущусь, сбросятъ лѣстницу со скалы и оставятъ тебя здѣсь. Это они сдѣлаютъ изъ-за зависти къ твоимъ подвигамъ А когда пойдутъ къ отцу со всѣмъ твоимъ достояніемъ, станутъ хвалиться предъ нимъ, что все это они пріобрѣли, а тебя будто убилъ великанъ!» отвѣтила красавица.—«Нѣтъ, братья мои не таковы. Они никогда не погубятъ меня!» сказалъ царевичъ и просилъ, чтобы она спустилась. Дѣлать было нечего. Невѣста повиновалась жениху, но какъ только она сошла съ лѣстницы на землю, братья дѣйствительно сбросили эту лѣстницу со скалы и оставили царевича на высотахъ, въ царствѣ великановъ. Послѣ этого они ушли назадъ домой, запретивъ красавицамъ разсказывать кому-либо объ ихъ поступкѣ съ младшимъ братомъ, во избѣжаніе смерти. Когда-же сыновья прибыли къ отцу-государю, они поднесли ему чудныя яблоки его сада, золотыя клѣтки съ златоперыми птицами, представили ему красавицъ и въ концѣ концовъ прибавили, что младшій его сынъ погибъ въ борьбѣ съ чудовищемъ, а все это пріобрѣли они сами. Царь обрадовался было при видѣ двухъ сыновей, возвратившихся съ опаснаго похода съ полнѣйшимъ успѣхомъ, но вѣсть о гибели любимаго младшаго сына поразила старца великою печалью. Обливаясь горькими слезами, онъ приказалъ наложить трауръ на дворецъ и на все свое царство въ продолженіе одного мѣсяца. По снятіи же мѣсячнаго траура съ царства ожидалась свадьба братьевъ-царевичей на красавицахъ. Дочь девятиголоваго великана скорбѣла о потерѣ жениха, младшаго царевича. Она не хотѣла быть женою старшаго царевича, хотя открыть объ этомъ не осмѣливалась.

Въ то время, когда государь со всѣмъ своимъ дворцомъ оплакивалъ смерть младшаго сына, а старшій царевичъ готовился жениться на невѣстѣ послѣдняго, младшій царевичъ, оставленный на вершинахъ скалъ, домогался какимъ-либо образомъ спуститься внизъ. Убитый горемъ, онъ пока вашелъ въ одинъ лѣсъ и началъ искать дикіе плоды, чтобы утолить свой голодъ. Бродя по тропинкамъ лѣснымъ цѣлый день, царевичъ неожиданно замѣтилъ между деревьями хижину. Заглянувъ туда, видитъ онъ, сидитъ какая-то старуха и прядетъ шерсть. «Бабушка, накорми меня!» сказалъ ей царскій сынъ. Старуха въ испугѣ посмотрѣла на него и недоумѣвала: «откуда могъ попасть тутъ странникъ, да и то—чужеземецъ? и что это за дивный чело-

вѣкъ?»—«Садись впереди хаты, сударь, и, что есть у меня, то принесу тебѣ!» отвѣтила старуха и, вставъ, принесла неожиданному гостю кусокъ хлѣба. Когда царевичъ съѣлъ хлѣбца, онъ открылъ старухѣ свое несчастіе и сталъ жалостно просить: «бабушка! научи меня средству, какъ спуститься съ отвѣсныхъ скалъ внизъ?»—«Я такъ и подумала сынъ мой, что ты чужестранецъ, попавшійся въ царствѣ великановъ. Горе тебѣ! нѣтъ никакой дороги спуститься отсюда»; отвѣтила старуха. Услышавъ это, царевичъ глубоко вздохнулъ и поникъ головой. Тогда женщина обратилась къ нему и какъ бы не хотя промолвила: «впрочемъ, есть одна дорога, по которой можно спуститься со скалъ, но она такъ опасна и страшна, что лучше объ ней тебѣ неговорить!»—«Бабушка! ради Бога, открой мнѣ эту дорогу: все равно, я долженъ или умереть вдѣсь, или спуститься внизъ!» отвѣтилъ царевичъ.—«Хорошо, скажу я тебѣ, но только послѣ не пеняй на меня!» сказала старуха. Затѣмъ, она вышла изъ хижины на дворъ и начала указывать царевичу: «вонъ, видишь длинное ущелье въ горахъ? Въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается это ущелье стоитъ величественный чинаръ, а на немъ гнѣздо какой-то громаднѣйшей хищной птицы. Эта птица ежегодно выводитъ птенцовъ, но, какъ только они подрастаютъ и пора имъ летѣть, является одинъ драконъ и пожираетъ ихъ. Если ты убьешь дракона, птица узнаетъ объ этомъ, то она, въ благодарность за избавленіе ея дѣтенышей отъ врага, чего ты ни попросишь у нея, все сдѣлаетъ. Вотъ единственное средство, которымъ можешь осуществить свое задушевное желаніе. Но знай, продолжала старуха, что отъ страха передъ той птицей и дракономъ даже великаны иногда бояться приблизиться къ чинару». Царевичъ поблагодарилъ старуху и задумчиво направился къ ущелью. Долго бродя по горамъ, онъ, наконецъ, увидалъ чинаръ съ гнѣздомъ. Приблизившись къ этому дереву, царевичъ скрылся между деревьями, при этомъ сталъ наблюдать за гнѣздомъ. Вдругъ онъ увидалъ дракона, который собирался подняться на чинаръ. Матери-птицы не было около гнѣзда. Драконъ приблизился къ птенцамъ, но не успѣлъ еще розинуть рта, чтобы проглотить кого либо изъ нихъ, какъ царевичъ пустилъ въ него стрѣлу. Ударъ былъ нанесенъ страшному животному въ голову и такъ сильно, что онъ съ ревомъ и трескомъ упалъ на землю. Когда стрѣлокъ убѣдился, что драконъ на вѣки растянулъ ноги, онъ отрѣзалъ отъ его трупа нѣсколько кусковъ мяса, полѣзъ на чинаръ и сталъ кормить ими птенцовъ. Въ это время большая птица возвращалась къ своему гнѣзду. Увидѣвъ издали человѣка у своихъ птенцовъ, она съ быстротою молніи устремилась на него, чтобы разстерзать его. Но, какъ только приблизилась къ чинару, птенцы начали кричать: «маменька, маменька! не тронь этого человѣка: онъ убилъ нашего врага—дракона, который сейчасъ хотѣлъ насъ съѣсть!» Услышавъ эти слова, мать-птица вмигъ остановилась; затѣмъ, когда удостовѣрилась въ убіеніи дракона, она поклонилась своему благодѣтелю-человѣку и сказала ему: «возложи на меня какую хочешь обязанность—и я исполню тебѣ!—«Возьми и низведи меня съ отвѣсныхъ скалъ, изъ царства великанскаго; больше ничего отъ тебя я не желаю!» сказалъ царевичъ.—«Хорошо! ступай, принеси три корыта печенаго хлѣба и три бурдюка воды и завтра рано утромъ приходи сюда!»

отвѣтила птица. Царевичъ тотчасъ возвратился въ хижину старухи. Онъ отдалъ этой женщинѣ нѣсколько кусковъ золота, и она испекла ему три корыта хлѣба и принесла три бурдюка воды. Къ разсвѣту царевичъ былъ у птицы съ хлѣбомъ и водою. Птица, увидѣвъ благодѣтеля, пришедшаго къ ней, сѣла на землю, распростерла крылья свои и сказала: «сударь! на одно мое крыло положи хлѣбы, а на другое—бурдюки съ водою, самъ же садись на мою спину и крѣпко обхвати своими руками мою шею!» Когда все это было исполнено царевичемъ, птица поднялась на воздухъ и, летя по небосклону, прибыла къ отвѣснымъ скаламъ, на границу великанскаго царства. Тутъ, на вершинѣ утесовъ, она опять сѣла и сказала сидѣвшему на ея спинѣ человѣку: «держись покрѣпче: мы уже стоимъ на скалахъ и должны летѣть внизъ. На воздушномъ пути, когда я скажу тебѣ,—«дай мнѣ ѣсть!—ты возьми одно корыто хлѣба и брось передо мною. Также поступи съ бурдюками, когда потребую: дай мнѣ пить воды!» Послѣ этого птица полетѣла съ вершинъ скалъ внизъ. Долго она летѣла—летѣла и вдругъ закричала: «дай ѣсть!» и царевичъ отдалъ ей одно корыто хлѣба.—«Дай пить!» сказала птица и получила бурдюкъ воды. Скалистыя горы были такъ высоки, что птица во время своего полета сверху внизъ три раза просила дать ей ѣсть и пить, и каждый разъ получала по одному корыту хлѣба и бурдюку воды. Вотъ небесные путники стали приближаться уже къ землѣ. Въ это время птица въ четвертый разъ закричала: «дай мнѣ ѣсть!» Царевичъ ничего больше не имѣлъ, что ей отдать; но изъ-за любви къ ней за помощь, которую она оказала ему, онъ отрѣзалъ на своей ногѣ икру и бросилъ ее передъ нею. Та словила мясо и съѣла, однако-жъ тотчасъ угадала, что благодѣтель накормилъ ее собственнымъ мясомъ. Наконецъ, птица окончила воздушное путешествіе съ царевичемъ и сѣла на землю. «Вотъ низвела я тебя внизъ. Теперь иди своей дорогой!» сказала птица своему благодѣтелю. Но послѣдній, стѣсняясь птицы, что онъ вслѣдствіе раны на ногѣ будетъ хромать, не двигался съ мѣста. Царевичъ возразилъ ей: «полети сначала ты, а я послѣ пойду!»—«Нѣтъ, если ты уважаешь меня, сначала самъ ступай!» отвѣтила птица. Онъ всталъ и пошелъ, но началъ хромать. Тогда птица опередила путника и сказала ему: «за то, что ты не пожалѣлъ ради меня своего тѣла, накормивъ меня икрою собственной ноги, я должна оказать тебѣ великое благодѣяніе!» Она достала изо рта своего кусочекъ оставшагося мяса ноги царевича, помазала имъ его рану и тотчасъ исцѣлила ее совершенно; затѣмъ вынула изъ своего крыла одно перо и, отдавши его путнику, сказала: «возьми это перо съ собою. Если гдѣ-нибудь на дорогѣ будетъ угрожать тебѣ какая-либо опасность, то потри перомъ этимъ любую вещь, и я во мгновеніе ока прилечу къ тебѣ и избавлю тебя отъ грозящей гибели». Послѣ этого птица простилась со своимъ благодѣтелемъ и улетѣла къ своимъ птенцамъ. «Прощай, прощай!» воскликнулъ ей царевичъ и отправился своей дорогой. Прошедши половину пути отъ границы великанской земли до родной страны, онъ близь лѣсистыхъ горъ увидѣлъ ручей и тамъ остановился ночевать. Солнце было уже на закатѣ. Выпивъ воды изъ ручья и немножко отдохнувъ, путникъ подумалъ: «можетъ быть, ночью, когда я буду спать, придутъ къ ручью на водопой какіе-нибудь

звѣри и великаны и нападутъ на меня!»—чтобы обезопасить себя, онъ счелъ лучшимъ переночевать на деревѣ. Путникъ дѣйствительно всталъ и направился къ одному дубу, стоявшему вблизи него; но онъ не приготовился еще залѣзть туда, какъ вдругъ неподалеку отъ себя примѣтилъ множество барсовъ, которые со сверкающими глазами и разинутыми ртами бѣжали прямо на него. Царевичъ моментально очутился на верхушкѣ дуба; но къ несчастію, когда онъ подымался на дерево, оторвался отъ него лукъ и выпала изъ руки булава. Барсы, приблизившись къ дубу, остановились. Не видя больше человѣка, на землѣ звѣри начали нюхать оружье, лежащее у корня дерева, а затѣмъ подошли къ ручью и стали пить воду. Напившись воды, барсы тотчасъ возвратились къ дубу и легли возлѣ него въ ожиданіи хозяина оружія. Скоро настала ночь, и луна взошла. Царевичъ съ вершины дерева ясно различалъ предметы, находящіеся внизу, вокругъ дуба и ручья. Барсы не двигались съ мѣста; оружіе лежало подъ дубомъ неподвижно. Путникъ нашъ не зналъ, что ему дѣлать. А между тѣмъ, ночь уже склонялась къ разсвѣту и нужно было отправиться въ дорогу. Вотъ, звѣзды совершенно скрылись на небесклонѣ, а барсы все еще не оставляютъ дуба. Двигаться путнику съ мѣста было крайне опасно. Вдругъ еще другая настала опасность для него и уже приблизилась: съ вершины дерева царевичъ увидѣлъ трехъ великановъ на разстояніе полета стрѣлы. Великаны шли прямо къ дубу: видно было,—они замѣтили на деревѣ маленькаго человѣка и подходили къ нему, чтобы съѣсть его. Обреченный на гибель, царевичъ произнесъ про себя: «Боже, что мнѣ дѣлать!» Какъ только онъ промолвилъ эти слова, тотчасъ припомнилъ перо, полученное имъ отъ большой птицы на случай опасности въ дорогѣ. Онъ моментально досталъ его изъ сумки и началъ тереть имъ вѣтвь дерева. Птица вмигъ появилась на дубѣ, около своего благодѣтеля. Увидѣвъ барсовъ и идущихъ великановъ, она удостовѣрилась, что дѣйствительно царевичъ не могъ миновать гибели и не даромъ онъ потребовалъ ее. «Садись на меня и полетимъ!» сказала ему птица.—«Я лишился оружья; оно лежитъ у ствола дуба»; тихонько отвѣтилъ ей царскій сынъ. Птица слетѣла съ дерева внизъ, подняла когтями лукъ и булаву и принесла ихъ къ нему. Царевичъ обрадовался и ободрился, когда получилъ свое оружіе. Послѣ этого птица посадила его на свою спину и, узнавъ отъ него дорогу, полетѣла впередъ. Она прошла громадное разстояніе отъ великановъ и барсовъ и тамъ сѣла на землю. Тутъ путникъ оставилъ птицу и отправился своей дорогой пѣшкомъ, славя и благодаря творца вселенной. На другой день царевичъ прибылъ въ родной городъ. Онъ не пошелъ прямо во дворецъ къ отцу-государю, а остановился пока у одного придворнаго сапожника. У этого человѣка герой-путникъ узналъ все, что ему теперь нужно было,—о приходѣ старшихъ братьевъ со всею его добычею, о наложеніи государемъ на дворецъ и на все царство мѣсячнаго траура по случаю гибели младшаго сына, о намѣреніи старшаго царевича жениться на красавицѣ, дочери девятиголоваго великана и,—что свадьба будетъ во дворцѣ черезъ три дня, и т. д. Освѣдомившись обо всемъ, царевичъ всталъ и хотѣлъ отправиться къ отцу-царю; но въ это время къ придворному сапожнику пришелъ царскій чиновникъ и приказалъ ему, чтобы баш-

маки для невѣстъ царевичей завтра были готовы. Услышавъ это, сынъ царя досталъ изъ своей сумки золотые башмаки, отдалъ ихъ чиновнику и сказалъ: «возьми эти башмаки и отнеси невѣстѣ старшаго царевича: они какъ разъ для нея заготовлены. Чиновникъ такъ и сдѣлалъ. Онъ отдалъ золотые башмаки дочери девятиголоваго великана. Какъ только красавица увидѣла ихъ, тотчасъ узнала, что это ея собственность, данная ею своему прежнему жениху на храненіе еще въ замкѣ отца своего. Она, никому не открывая объ этомъ, приказала чиновнику привести къ ней того человѣка, отъ кого получилъ онъ эти башмаки. Чиновникъ пошелъ за нимъ; но въ это время царевичъ-путникъ самъ явился во дворецъ. Визири и другіе сановники узнали царскаго сына, поэтому въ туже минуту позволили ему войти къ государю. Всѣ ожидали, что во дворцѣ произойдетъ что-то небывалое. Когда царевичъ вступилъ въ покои своего отца, его увидѣла красавица-невѣста. Она упала въ обморокъ. Произошла суматоха. Явились придворные врачи. Дѣвица очнулась. Вставши на ноги, невѣста бросилась на шею пришедшаго своего жениха. Прибыли царь и царица—отецъ и мать. Неожиданно увидѣвъ своего потерянаго сына, и они бросились къ нему на шею и облили его слезами радости. Старшихъ царевичей не было дома: они были на охотѣ за оленями. Когда всѣ успокоились, царевичъ разсказалъ отцу и матери всю свою исторію со дня своей отлучки изъ дома до обратнаго прибытія. Съ своей стороны царь и царица тоже передали сыну все то, что случилось во дворцѣ и царствѣ во время его отсутствія. За безчеловѣчный поступокъ съ братомъ младшимъ сыномъ, государь хотѣлъ наказать старшихъ царевичей позорною казнью; но младшій царевичъ припалъ къ ногамъ его и сталъ умолять, чтобы онъ облегчилъ имъ судьбу. Отецъ принялъ предстательство сына за братьевъ. Онъ наказалъ сыновей только тѣмъ, что лишилъ ихъ наслѣдственнаго права на царскій престолъ и сослалъ въ далекій уголъ своего государства. Тамъ они получили незначительное помѣстіе и стали жить отдѣльно отъ отцовской семьи. Послѣ того какъ старшіе братья были удалены изъ дворца, младшій царевичъ пожелалъ вѣнчаться на своей невѣстѣ, дочери девятиголоваго великана. Но до своего бракосочетанія съ нею онъ испросилъ у отца своего для братьевъ еще другую милость. Именно, имъ позволено было жениться на другихъ великанскихъ красавицахъ,—старшему брату—на дочери трехголоваго великана, а второму—на дочери шестиголоваго. Наконецъ, царевичъ вѣнчался на своей невѣстѣ-красавицѣ. Во дворцѣ устроили самую веселую и пышную свадьбу. На пиръ были приглашены и богатые и бѣдные со всѣхъ концовъ міра. Всѣ гости были угощены самыми лучшими яствами и напитками. По окончаніи пиршества всѣ приглашенные на свадьбу возвратились домой съ подарками.

На этой свадьбѣ былъ и я, а въ подарокъ получилъ два чудныхъ яблока. Одно изъ нихъ взялъ для себя, другое же оставилъ читателю.

Тарасій Иванщкій.

2. Турецкая сказка о 3 братьяхъ—царевичахъ.

Въ древнее время былъ одинъ царь, у него было три сына. У этого царя былъ одинъ прекрасный садъ; въ немъ были всякихъ сортовъ плоды, цвѣты и растенія; это былъ прекрасный отмѣнный садъ. Только въ этотъ садъ повадился ходить одинъ демонъ (девъ)[1]. Всякій годъ, какъ только созрѣвали плоды, онъ являлся и сколько-бы ни было деревьевъ, онъ съѣдалъ ихъ плоды и уходилъ. Изъ-за этого демона никто не могъ входить въ садъ; царь, сильно опечаленный этимъ, даже заболѣлъ однажды. Пришелъ къ отцу старшій сынъ и говоритъ ему: «душа моя, о чемъ ты печалишься? изъ-за чего ты заболѣлъ? скажи, посмотримъ, быть можетъ найдемъ для твоей печали какое-нибудь исцѣленіе»! Отецъ отвѣчалъ: »душа моя сынокъ, развѣ ты не видишь: въ этотъ самый нашъ садъ повадился ходить демонъ, вотъ изъ-за чего я печалюсь»! Сынъ сказалъ: «папа, дай ты мнѣ одну стрѣлу и одинъ лукъ,—я убью его»! Когда отецъ сказалъ: «успокойся, сынъ мой, берегись,—отъ него тебѣ приключится какая-нибудь напасть!», сынъ не медля ни минуты произноситъ: «что будетъ, то будетъ, а я убью его»! Отецъ даетъ своему сыну одну стрѣлу, сынъ беретъ ее, и идетъ прямо въ садъ и прячется за одно дерево. Спустя нѣкоторое время съ противоположной стороны въ садъ входитъ демонъ, изрыгая изо рта огонь. Огонь демона слегка коснулся царевича, и царевичъ, говоря: «о Господи, я горю, горю!» свалился съ ногъ и упалъ въ обморокъ. Взяли его и унесли. Средній братъ идетъ къ своему отцу и говоритъ: «папа, о чемъ ты горюешь? отчего ты захворалъ»? Отецъ сказалъ черезъ нѣсколько времени: «я сказалъ о своемъ горѣ старшему твоему брату, чего-же онъ добился? и чего ты добьешься»? Сынъ опять ласкается и пристаетъ, говоря: «дорогой папа, и мнѣ скажи, можетъ быть, я найду средство для твоего горя»! Отецъ отвѣчалъ: «душа моя, сынокъ, моя болѣзнь происходитъ изъ-за этого демона, приходящаго въ садъ»! Сынъ сказалъ: «папа, я убью его»! Отецъ замѣтилъ ему: «сынъ мой, тебѣ не убить его,—напротивъ къ тебѣ отъ него придетъ какая-нибудь непріятность, подожди-ка немного»! Сынъ сказалъ опять: «и я разъ схожу и сражусь, чтобы убить его! дай ты мнѣ одну стрѣлу»! Отецъ видитъ, что нѣтъ исхода, и, говоря: «ладно, ступай, и ты иди и помѣряйся силами!», даетъ ему одну стрѣлу. Юноша идетъ и прячется въ саду подъ однимъ деревомъ. Немного спустя опять въ садъ входитъ, изрыгая огонь демонъ. Огонь его касается юноши, и этотъ, крича: «бѣда, бѣда, горю!» свалился и палъ въ обморокъ. И его взяли и унесли.

На другой день идетъ младшій братъ и онъ спрашиваетъ отца о его болѣзни. Отецъ гонитъ его, говоря: «и ты пришелъ ко мнѣ, какъ будто можешь что нибудь-сдѣлать»! Юноша сказалъ: «о папа, для твоего горя они не могли найти никакого исцѣленія, но я найду»! Говоря это, онъ ласкается и пристаетъ (къ своему отцу). Отецъ и ему сообщаетъ о демонѣ такъ же,

---

[1] دیو (перс.)—демонъ, нечистый духъ.

какъ говорилъ тѣмъ (братьямъ). И онъ, попросивъ стрѣлу, сказалъ: «я убью его!»—«Ладно, ступай, иди и ты! посмотримъ»! Юноша сейчасъ-же беретъ стрѣлу и идетъ въ садъ. И онъ прячется за одно дерево. Затѣмъ демонъ вошелъ въ садъ, и (юноша) кое-какъ пустилъ стрѣлу. Демонъ падаетъ на мѣстѣ, затѣмъ соскакиваетъ и уходитъ назадъ. Юноша приходитъ и говоритъ своему отцу: «вотъ папа, я ударилъ того демона, но онъ не пропалъ. Я пойду и убью его»! Отецъ говоритъ: «сынъ мой, зачѣмъ это? иди сюда и не уходи, потому что ты погибнешь, и потомъ моя скорбь усилится еще больше»! И сколько наставленій онъ ни говорилъ, юноша, не слушаясь ихъ, говоритъ: «конечно, я пойду»! Приходятъ и братья и говорятъ: «папа, и мы пойдемъ! мы втроемъ сходимъ и убьемъ того демона»! Царь говоритъ: «ну, идите, только возвращайтесь поскорѣе»! И они надѣваютъ на ноги желѣзные башмаки, берутъ стрѣлы и идутъ по кровавымъ слѣдамъ, которые оставлены демономъ.

Идутъ—идутъ и видятъ, на краю одного колодца осталось кровавое пятно. Они догадываются, что демонъ скрылся внутри этого колодца. Старшій братъ говоритъ: «я привяжу къ поясницѣ веревку и спущусь по ней»! Тѣ братья привязали къ его поясницѣ веревку и стали спускать его. Онъ нѣкоторое время все спускался внизъ и потомъ закричалъ: «горю—горю!», и его сейчасъ-же вытащили наверхъ. Затѣмъ стали спускать средняго брата, и онъ, спустившись немного внизъ, закричалъ: «горю—горю»! И его вытащили. Младшій братъ говоритъ: «спустите меня, и, когда я закричу: «горю—горю!», вы спустите меня еще дальше!» Тѣ привязали къ его поясницѣ веревку и спускаютъ его въ колодецъ. Юноша начинаетъ кричать: «горю, горю!», а они, не обращая вниманія на его крики, спускаютъ его все дальше и дальше. Наконецъ, не стало хватать веревки, а онъ все еще не добрался до дна колодца. Тогда они стали говорить юношѣ, находящемуся въ колодцѣ, что веревка уже кончилась. Онъ закричалъ: «бросьте веревку»! Они бросили веревку, и юноша, катясь кубаремъ, съ грохотомъ упалъ на одну эстраду. Оттуда онъ видитъ, — дверь въ какую-то комнату; онъ отворяетъ дверь, входитъ въ нее и видитъ 3 дѣвицъ, занимающихся тканьемъ. Эти дѣвицы говорятъ: «здравствуй, братецъ! откуда ты явился сюда? это—домъ демона. Недавно онъ пришелъ раненый. Каждый день онъ приходитъ къ намъ и смотритъ на насъ. Онъ придетъ сейчасъ, увидитъ тебя здѣсь, убьетъ и насъ и тебя»! Юноша прячется за спинами дѣвицъ. Спустя нѣкоторое время демонъ открываетъ дверь комнаты и входитъ. (Юноша) опять пускаетъ стрѣлу, демонъ падаетъ и говоритъ: «если ты мужчина, то ударь еще разъ«! Юноша сказалъ: «меня мать родила однажды (почему и я пустилъ стрѣлу одинъ разъ)!», и демонъ испустилъ духъ. Затѣмъ (юноша) кричитъ вверхъ. (Братья) надвязываютъ веревку. (Юноша) привязываетъ старшую изъ дѣвицъ и говоритъ: «бери (ее), старшій братъ мой,—эта принадлежитъ тебѣ!» Тѣ потянули веревку и затѣмъ опять спустили ее. (Юноша) привязываетъ среднюю дѣвицу и говоритъ: «бери (ее), средній братъ,—эта принадлежитъ тебѣ!» И ее вытянули наверхъ. Теперь младшая дѣвица начинаетъ плакать. Юноша спрашиваетъ: «зачѣмъ ты плачешь?» Дѣвица отвѣчаетъ: «я—красивѣе всѣхъ ихъ,—

братья твои, разгорячившись изъ-за меня, вмѣсто того, чтобы поднять тебя, перерѣжутъ веревку, и послѣ того, какъ они перерѣжутъ, ты полетишь кубаремъ внизъ. Тогда выйдутъ 2 овцы, изъ которыхъ одна бѣлая, а другая черная. Если ты ухватишься за бѣлую овцу, то выйдешь на верхъ; если-же ухватишься за черную овцу, то попадешь съ нею подъ 7 слоевъ земли. Вотъ изъ-за чего я плачу!» Юноша и эту дѣвицу привязываетъ къ веревкѣ и говоритъ: «возьмите, братья,—эта принадлежитъ мнѣ!» И ее вытягиваютъ наверхъ и видятъ, что эта дѣвица—красивѣе предыдущихъ. «Вонъ ты какой негодный,—самую красивую отобралъ для себя!» сказали они и опустили веревку (за юношей). Юноша привязалъ себя къ веревкѣ. Они и его потянули наверхъ, а, когда онъ добрался до половины колодца, они перерѣзали веревку пополамъ.

Юноша, полетѣвши кубаремъ, долетѣлъ до дна, и, какъ говорила дѣвица, вышли 2 овцы, одна бѣлая и другая черная. Юноша хотѣлъ—было ухватиться за бѣлую, но очутился на спинѣ черной овцы и попалъ подъ 7 слоевъ земли. Спустя нѣкоторое время онъ видитъ, стоитъ какой-то большой городъ. Сѣлъ онъ, немного отдохнулъ, затѣмъ всталъ и пошелъ; идя, онъ видитъ, на верхушкѣ одного высокаго дерева — гнѣздо птицы, внутри его бѣгаютъ птенцы, а вокругъ дерева обвилась и поднимается какая-то змѣя, намѣреваясь поѣсть птенцовъ. Юноша тотчасъ-же извлекъ свой мечъ и убилъ змѣю, потомъ легъ подъ дерево и заснулъ. Та змѣя имѣла обыкновеніе каждый годъ съѣдать птенцовъ, находившихся на деревѣ. Черезъ нѣкоторое время прилетаетъ мать птенцовъ, это была изумрудная птица фениксъ [1]). Увидѣвши юношу, сейчасъ-же хотѣла убить его, но птенцы разсказали своей матери, какъ юноша убилъ змѣю и спасъ этимъ ихъ отъ смерти. Тогда птица не тронула юноши. Въ это время мѣсто, гдѣ лежалъ юноша, было освящено солнцемъ. Птица распустила крылья и защитила ими юношу отъ солнца. Черезъ нѣкоторое время просыпается юноша и видитъ, какая-то большая птица распустила свои крылья и защищаетъ его ими отъ солнца. Затѣмъ юноша вскочилъ, чтобы идти. Птица говоритъ юношѣ: «возьми эти 2 пера и, когда стрясется надъ твоею головою какая-нибудь бѣда, ударь однимъ перомъ о другое, и я явлюсь къ тебѣ на помощь!» Юноша взялъ оба пера и идетъ.

Спустя нѣкоторое время онъ входитъ въ городъ и видитъ, у дверей дворца шумитъ много народа. Юноша идетъ и смотритъ на нихъ, они шумно говорятъ о демонѣ. Юноша сейчасъ-же говоритъ: «я убилъ этого демона!» Берутъ его и ведутъ прямо къ царю. Царь говоритъ этому мальчику: «сынъ мой, это ты убилъ демона?»—«Да, я убилъ, государь мой!» говоритъ мальчикъ. Демонъ имѣлъ обыкновеніе лежать въ рѣкѣ, которая текла по тому государству, и всякій человѣкъ, который испивалъ изъ нея, умиралъ, и царь говоритъ поэтому: «я облагодѣтельствую того, кто умертвилъ этого демона!»

---

[1]) عنقا (араб.), سيمرغ (перс.).

Когда пропалъ демонъ, (люди) увидѣли, что по тому государству стало течь воды много. Они догадались, что демонъ умеръ; вотъ почему собралось тамъ много всякого люда. Теперь царь говоритъ юношѣ: «сынъ мой, проси у меня, чего бы ни захотѣлъ просить!»—«Я желаю одного, какъ-бы благополучно выбраться наверхъ!» Царь говоритъ: «очень хорошо, но, чтобы сдѣлать это, у насъ здѣсь есть одна птица, только трудно ее теперь найти!» Юноша повернулся спиною, досталъ изъ-за нея перья, ударилъ однимъ перомъ о другое, и птица явилась передъ окномъ. Юноша говоритъ: «эта-ли самая птица?» Царь отвѣчаетъ: «да!» Птицу пригласили во дворъ. Царь говоритъ: «эй птица, доставь-ка этого мальчика наверхъ!» Зарѣзали 40 штукъ барановъ и мѣхи наполнили водою, мѣхи повѣсили на одинъ бокъ птицы и овецъ на на другой бокъ, а юношу посадили на спину ея. «Когда я во время полета скажу «гакъ», ты дай мнѣ мяса, и, когда скажу «гикъ», ты дай воды!» Они сдѣлали такъ, какъ велѣла птица, посадили ей на спину юношу и птица полетѣла. Когда она говоритъ «гакъ», юноша даетъ мяса и, когда говоритъ «гикъ», юноша даетъ воды. Летитъ она и летитъ, остается еще летѣть, а мясо кончается. Птица сказала «гакъ», и юноша отрѣзалъ икры одной ноги и сунулъ въ ротъ птицѣ, но птица поняла, что это—человѣчье мясо, и не ѣстъ его. а бережетъ во рту. Наконецъ, они выбрались наверхъ, и юноша спустился. Птица говоритъ: «ну, ступай, отправляйся!», но юноша сидитъ и не можетъ идти, такъ какъ отрѣзаны у него ножныя икры. Онъ говоритъ: «нѣтъ, ты ступай, а я пойду послѣ!» Птица говоритъ: «ахъ, ты негодный, ты отрѣзалъ свои икра и далъ ихъ мнѣ; можетъ быть, ты потому не можешь идти?» Юноша отвѣчаетъ: «что-же было дѣлать? мясо кончилось, и я поступилъ такъ!» Затѣмъ птица вынула изо рта мясо, сплюнула, приклеила ихъ къ голенямъ юноши и видитъ, что вышло хорошо. Юноша поднялся и идетъ, и птица отправляетъ въ свое мѣсто. Вернемся къ этому юношѣ.

Входитъ онъ въ городъ, беретъ одну грязную скотскую кишку, надѣваетъ ее на голову и превращается въ паршиваго юношу. Ходитъ онъ туда и сюда, заходитъ въ каждую лавку и говоритъ: «здравствуйте, не возьмете-ли меня въ услуженіе?» Но его гонятъ. Наконецъ, онъ идетъ въ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерскую, поступаетъ тамъ къ одному въ услуженіе. Этого парня употребляютъ туда и сюда на всякія работы. Переидемъ къ давшнимъ.

Два брата берутъ 3 дѣвицъ и идутъ прямо къ своему отцу. «Гдѣ-же вашъ младшій братъ?» спрашиваетъ царь, а они отвѣчаютъ: «мы убили демона, достали этихъ дѣвицъ, и, когда шли сюда, онъ отсталъ отъ насъ, говоря, что придетъ сейчасъ-же. Не знаемъ, куда онъ дѣвался, онъ еще не пришелъ!» Отецъ немного поплакалъ и попечалился. «Какъ-бы то ни было, если онъ—здоровъ, придетъ!» сказалъ онъ. Двухъ дѣвицъ сосватали въ жены тѣмъ двумъ братьямъ и начали праздновать свадьбу. Для украшенія ихъ комнатъ была сдѣлана изъ алмаза одна вѣтка. Чтобы была и другая вѣтка подобная ей, понесли ее къ литейщикамъ и стали спрашивать у содержателей мастерскихъ: «кто сдѣлаетъ вѣтку, подобную этой?» Эти говорили: «мы не можемъ сдѣлать.» Наконецъ, пришли въ мастерскую вышеупомянутаго

паршиваго юноши. Когда спросили у его хозяина, то и онъ сказалъ: «я не могу сдѣлать!» Паршивый юноша сказалъ: «хозяинъ, я сдѣлаю!» Хозяинъ спросилъ: «что ты говоришь, паршивый юноша? какъ ты сдѣлаешь ее?»— «Хозяинъ, ей Богу, сдѣлаю!» Хозяинъ говоритъ: «смотрите, онъ плачетъ!» Этотъ паршивый юноша говоритъ: «что онъ можетъ ее сдѣлать!» Они (т. е. заказчики) говорятъ паршивому юношѣ: «тебѣ дается сроку 40 дней. Если въ эти 40 дней сможешь сдѣлать, дѣлай, если-же не сможешь сдѣлать, то отрубимъ тебѣ голову (*буке.* шею)!» Паршивый юноша говоритъ: «очень хорошо! до истеченія 40 дней и я сдѣлаю эту (вѣтвь)!» Даютъ ту вѣтвь юношѣ, говорятъ: «ты сдѣлай подобную этой!» и уходятъ. Паршивый юноша говоритъ своему хозяину: «я посмотрю за мастерскою, ты иди,—въ 40 дней я сдѣлаю эту вѣтку!» Хозяинъ встаетъ и идетъ къ себѣ домо . Паршивый юноша запираетъ мастерскую, идетъ, беретъ 2 куля орѣхъ, приноситъ въ мастерскую, садится на куль, беретъ въ руки одинъ молотокъ и начинаетъ производить щелкъ, истребляя орѣхи. Всякій думаетъ, что паршивый юноша дѣлаетъ вѣтку.

Однажды возвращается его хозяинъ и, осмотрѣвши свою мастерскую, говоритъ: «ну что, паршивый юноша? можешь-ли ты дѣлать?»—«Что ты, что ты, какъ мнѣ не сдѣлать? не только такую, но и лучше могу сдѣлать!»— «Ну, ну, паршивый юноша, поскорѣе,—срокъ тотъ уже подошелъ. Сегодня старшій сынъ царя будетъ играть, показывая искусство бросанія дротика [1]). Не пойдешь-ли погулять?» Паршивый юноша говоритъ: «моя голова съ роду паршива, — люди безъ дѣла будутъ бить и гнать меня въ шею! что нужно мнѣ тамъ?» Хозяинъ уходитъ. Паршивый юноша тотчасъ-же ударяетъ однимъ перомъ о другое, прилетаетъ птица, и юноша говоритъ: «теперь ты мигомъ доставь мнѣ одну рыжую лошадь и одну перемѣну краснаго платья»! Птица сейчасъ-же доставила. Юноша снимаетъ съ головы нечистыя кишки, надѣваетъ то платье и садится на лошадь, ѣдетъ прямо на площадь, гдѣ играютъ дротиками, и видитъ: столпилось много народу, старшій сынъ царя сидитъ верхомъ на лошади, ѣздитъ кругомъ по площади и ищетъ себѣ равнаго. Тотчасъ же паршивый юноша гонитъ свою лошадь, въѣзжаетъ на площадь, нигдѣ не останавливаясь; всѣ смутились. Онъ ударяетъ старшаго сына царя одинъ разъ, такъ что умъ вылетаетъ изъ головы этого юноши, и онъ падаетъ съ лошади на землю. Потомъ (паршивый юноша) снова гонитъ свою лошадь и ѣдетъ (домой), сейчасъ же раздѣвается, складываетъ свои одежды на спину лошади, ударяетъ лошадь равъ кнутомъ, и она уходитъ. Опять юноша надѣваетъ на голову кишки и начинаетъ истреблять орѣхи, разбивая ихъ. Немного погодя возвращается хозяинъ и говоритъ: «эй, паршивый юноша, жаль, что ты не ходилъ: сегодня на площадь, гдѣ бросаютъ дротики, пріѣхалъ одинъ прекрасный юноша на рыжей лошади и въ красномъ одѣяніи. Какъ ни ударялъ его старшій сынъ царя, но чуть

---

[1]) جريد—дротикъ, палочка.

не убили его самого, сбивши съ лошади». Паршивый юноша говоритъ: «вотъ ты видѣлъ, хозяинъ? развѣ я не говорилъ тебѣ, что, если-бы я пошелъ, то и меня побили-бы безъ дѣла по головѣ и прогнали-бы въ шею?» Хозяинъ выходитъ (изъ мастерской) и уходитъ.

Наступаетъ слѣдующій день. «Паршивый юноша, сегодня будетъ играть дротикомъ средній сынъ (царя). Ну, если хочешь, пойдемъ!» Юноша отвѣчаетъ: «хозяинъ, боюсь, какъ-бы не случился понапрасну скандалъ, подобный вчерашнему, и какъ-бы послѣ не стряслась надъ моею головою какая-нибудь бѣда! что мнѣ тамъ нужно? я не пойду и своего дѣла не брошу!» Хозяинъ его опять уходитъ. Юноша сейчасъ-же ударяетъ однимъ перомъ о другое. Прилетаетъ птица, и юноша говоритъ: «доставь мнѣ одну бѣлую лошадь и одну бѣлую одежду!» Она сейчасъ-же доставляетъ. Онъ надѣваетъ ее, садится на лошадь, ѣдетъ прямо на площадь, гдѣ играютъ дротикомъ, и видитъ: подобно тому, какъ было въ первый разъ, средній сынъ царя сидитъ верхомъ на лошади и разъѣзжаетъ. Сейчасъ-же тотъ (паршивый юноша) гонитъ лошадь и въѣзжаетъ на площадь; послѣ одной схватки онъ сваливаетъ (царевича) подъ лошадь. Затѣмъ немедленно гонитъ оттуда лошадь и уѣзжаетъ, снимаетъ тѣ одежды, складываетъ ихъ на спину лошади, ударяетъ ее разъ кнутомъ, и она уходитъ. Онъ опять надѣваетъ сейчасъ-же кишки и садится опять истреблять орѣхи. Немного спустя приходитъ хозяинъ и говоритъ: «ну, паршивый юноша, чего — чего сегодня не было! если бы ты пришелъ, то увидѣлъ-бы: пріѣхалъ опять какой-то юноша на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ, послѣ одной схватки онъ свалилъ средняго сына царя подъ лошадь и чуть-чуть не убилъ его». «Вотъ ты видѣлъ, хозяинъ! развѣ я не говорилъ тебѣ (объ этомъ)?» Хозяинъ уходитъ.

Затѣмъ наступаетъ 40 день и время полученія вѣтви. Юноша ударяетъ однимъ перомъ о другое, и является птица. Онъ говоритъ: «я желаю получить отъ тебя вѣтвь, подобную этой!» Птица сейчасъ-же доставляетъ ихъ. Юноша кладетъ вѣтвь въ чашу и отпираетъ мастерскую. Немного спустя видятъ, что паршивый юноша уже сдѣлалъ вѣтвь. Приходятъ оттуда и отсюда и видятъ (это). Всякій приходящій спрашиваетъ: «паршивый юноша, ты ли сдѣлалъ эту вѣтвь?»—«Да, я сдѣлалъ!» говоритъ онъ. Черезъ нѣкоторое время царь посылаетъ людей, люди приходятъ и видятъ что вѣтвь уже сдѣлана. «Дай, посмотримъ, паршивый юноша, вѣтвь!» говорятъ они. Онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, я понесу самъ, вамъ не дамъ!» Они препираются, говоря: «мы понесемъ!» Паршивый юноша вытащилъ вѣтвь и говоритъ: «теперь я перебью васъ, а!» Они отвѣчаютъ: «нѣтъ, паршивый юноша, не перебивай, не перебивай насъ!» Паршивый юноша беретъ вѣтви и идетъ съ ними прямо во дворецъ. Не дойдя еще до дверей дворца, тѣ люди говорятъ: «что-же, давай, мы понесемъ!»—«А, я перебью васъ!» говоритъ онъ. Они отвѣчаютъ: «не убивай, не убивай насъ!» Входятъ они во дворецъ, поднимаются по лѣстницѣ, являются къ покоямъ царя и говорятъ: «давай лучше, внутрь понесемъ мы, а ты подожди здѣсь!» Онъ не сказалъ ни то, ни сё, и они подняли шумъ. Черезъ нѣкоторое время царь услышалъ это и спрашиваетъ: «что это такое?» Они доложили о происшедшемъ. Царь сказалъ: «отлайте,

пусть несетъ!» Паршивый юноша беретъ вѣтви и входитъ съ ними. Царь спрашиваетъ: «сынъ мой, ты-ли сдѣлалъ это?» Онъ отвѣчаетъ: «да, государь мой, я слѣлалъ!» — «Проси у меня, чего хочешь!» Паршивый юноша говоритъ: «есть у меня одинъ залогъ, хранящійся у васъ, — я прошу его!» Онъ спрашиваетъ: «какой это твой залогъ?» Паршивый юноша говоритъ: «въ вашемъ гаремѣ есть одна дѣвица, она принадлежитъ мнѣ!» Царь спрашиваетъ: «что это значитъ? какимъ образомъ эта дѣвица можетъ принадлежать тебѣ?» Тотъ отвѣчаетъ: «да, на спинѣ у нея есть одинъ мой знакъ! посмотрите, если его нѣтъ, то она не-моя, если есть, то она—моя!» Немного спустя видятъ, что на спинѣ той дѣвицы отпечаталась пятерня его. Когда онъ внутри колодца убилъ демона, то выпачкалъ руку въ крови демона и приложилъ ее къ спинѣ дѣвицы. Царь увидѣлъ это и понялъ, что это—его собственный сынъ: «дитя мое! гдѣ ты былъ до сего времени? я думалъ, что ты уже умеръ!» Юноша разсказалъ ему обо всѣхъ дѣлахъ своихъ братьевъ и доложилъ обо всѣхъ несчастіяхъ, случившихся съ нимъ. Затѣмъ царь призвалъ другихъ своихъ сыновей и спросилъ ихъ объ этомъ. Увидѣвши младшаго брата, они начали вилять туда и сюда. Царь казнилъ ихъ обоихъ, а тѣхъ 3 дѣвицъ выдалъ за-мужъ за этого младшаго сына и свадьбу праздновалъ 40 дней и 40 ночей.

«Они достигли своей цѣли, и мы взойдемъ на крышу, сдѣланную изъ черепицы». (Слова разсказчика).

Н. Катановъ.

3. Сагайская сказка о 3 братьяхъ-богатыряхъ.

Былъ въ одномъ городѣ нѣкій Кара-Канъ (черный царь), жена его была Кара-Ненжи (черный жемчугъ). Была у нихъ дочь. Въ томъ городѣ былъ также король, у этого короля былъ сынъ. Дочь Кара-Кана была въ любовныхъ сношеніяхъ съ сыномъ короля, слѣдствіемъ чего была ея беременность. Родители замѣтили, что дочь ихъ забеременила. Стали собираться люди и обсуждать ея виновность. «Уведите ее внутрь густаго лѣса и пустите, выколовши ей глаза»! сказали судьи. Повели ее въ лѣсъ 2 солдата, которымъ судьи сказали: «если не выколете ей глаза, то снесемъ вамъ головы»! Солдаты пошли и, придя въ густой лѣсъ, хотѣли - было выколоть дѣвицѣ глаза, но она сказала: «нѣтъ, не выкалывайте! что вы получите за то, что выколете мнѣ глаза? а я дамъ вамъ денегъ! если вы выколете мнѣ глаза, то за это ничего не получите»! Дѣвица дала имъ денегъ и они крѣпко привязали ей руки къ спинѣ, крѣпко завязали ей платкомъ глаза и отправились въ обратный путь. Когда они шли, имъ встрѣтилась одна маленькая собака. Когда она приблизилась, они поймали ее и вынули изъ орбитъ ея глаза. Принесли они эти глаза и передали ихъ Кара-Кану. Родители дѣвицы посмотрѣли на эти глаза и, думая, что это—глаза ихъ дочери, сказали: «у нея проклятой и глаза то собачьи! должно быть, у злыхъ людей глаза всегда подобны собачьимъ»! Итакъ, они остались жить тутъ.

Дочь ихъ, оставшаяся въ густомъ лѣсу, высвободила изъ веревокъ свои руки, развязала платокъ и пошла, куда глаза глядятъ. Наткнулась она на дорогу, и пошла по ней. Прошла она долго-ли, кототко-ли, и лѣсъ сталъ рѣдѣть. Глядитъ, стоитъ какая-то изба. Вошла она въ нее,—оказалось, что это—маленькій черыреугольный домикъ. Въ немъ никого нѣтъ, но кушанья всякаго рода въ изобиліи. Просидѣла она до вечера и приготовилась уже спать. Она заболѣла и стала родить. Родила одного мальчика. Появившись только-что на свѣтъ, онъ выскочилъ на улицу и захлопнулъ за собою дверь избы. Мать осталась въ избѣ и кое-какъ выбралась на улицу, но мальчика тамъ не было. Вернулась въ избу и опять легла. Въ полночь она родила еще одного мальчика. И этотъ, только-что родившись, выскочилъ на улицу и мгновенно исчезъ, такъ что мать не знала, куда онъ дѣвался: улетѣлъ ли на небо, или провалился сквозь землю. Передъ зарею она родила еще одного мальчика. И этотъ выскочилъ на улицу и убѣжалъ неизвѣстно куда. Родивши 3 мальчиковъ, мать продолжала лежать больная. Прошла одна ночь, прошла другая, прошла и третья. Наступаетъ вечеръ. Она лежитъ и слышитъ, гремитъ громъ и воетъ вѣтеръ. Прислушивается она, и слышитъ, что это не громъ гремитъ, а летитъ конь, и не вѣтеръ воетъ, а дышетъ тотъ-же конь. Она посмотрѣла, и видитъ ѣдетъ добрый богатырь. Пріѣхалъ онъ и вошелъ въ избу. Это, оказалось, былъ сынъ, котораго она родила сначала. «Ты и теперь еще жива»! сказалъ онъ. Пріѣхалъ онъ на бѣло-сивомъ конѣ: «нѣтъ-ли чего-нибудь поѣсть, мама»?—«Есть»! сказала мать. Онъ поѣлъ и легъ спать. Въ полночь опять послышался конскій топотъ и затѣмъ какъ будто кто-то пріѣхалъ. Вошелъ онъ въ избу. Оказалось, это былъ второй сынъ. Онъ поздоровался съ матерью и сказалъ: «ты и теперь еще жива! кто это здѣсь спитъ»?—«Это—твой родной братъ»!—«Оказывается, у меня есть братъ! нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть?»—«Есть»! сказала мать. Поѣлъ онъ и легъ возлѣ брата спать. Передъ зарею опять послышался конскій топотъ. Кто-то пріѣхалъ, привязалъ коня и вошелъ въ избу. Это былъ третій, самый младшій сынъ. «Оказывается, ты еще жива»!—«Какъ-же умереть, если нѣтъ смерти»?—«Что это за добрые богатыри, которые здѣсь спятъ»?—«Это—твои родные братья»!—«Нѣтъ-ли у тебя чего-нибудь поѣсть,—я отъ самаго рожденія ничего не ѣлъ? я поспалъ-бы немного,—отъ самаго рожденія ни разу не спалъ»! Поѣлъ онъ и легъ спать. Спятъ всѣ 3 брата. Мать вышла на улицу и посмотрѣла ихъ лошадей. Всѣ онѣ были сивыя. Посмотрѣвши ихъ, вернулась въ избу. Не можетъ она дождаться, когда проснутся ея сыновья. Проспали они 9 дней. Сначала проснулся старшій братъ, потомъ средній и наконецъ младшій. Встали они и умылись. Поѣли они самыхъ лучшихъ кушаній, какія были, и попили самаго крѣпкаго вина. Своей матери они говорятъ: «дай намъ имена и прозвища»!—«Если нужно, дамъ вамъ ихъ, потому что народъ не можетъ вамъ дать ихъ?» Затѣмъ она назвала старшаго брата Улугъ-Иргекъ (большой палецъ), средняго брата она назвала Кичигъ-Иргекъ (малый палецъ), а младшаго назвала Иванъ-Сарчыкъ, говоря: «да будетъ ему имя Иванъ-Сарчикъ, богатырь, не поддающійся ни пятерымъ, ни шестерымъ»! Теперь всѣ они собираются вернуться къ себѣ

на родину, въ землю Кара-Кана. Отправились они домой и уже стали подъѣзжать къ городу. «У кого-бы намъ остановиться»! сказали они другъ другу, и остановились въ одной худенькой избушкѣ, стоявшей на краю города. Городскіе жители стали говорить другъ другу: «пріѣхали 3 могучіе богатыря, вмѣстѣ съ ними и мать ихъ»! О пріѣздѣ такихъ богатырей услышалъ и царь. Царь этотъ послалъ за ними солдатъ съ требованіемъ явиться къ нему. «Нельзя ослушаться царя,—надо идти»! говоритъ 3 богатыря и ѣдутъ. Мать вмѣстѣ съ ними. Ѣдутъ они по улицамъ. Кони ихъ ступаютъ такъ сильно, что на сухомъ мѣстѣ ноги ихъ погружаются въ землю до колѣнъ. Городскіе жители, исправляя за ними только дорогу, не имѣютъ свободнаго времени. Теперь они явились къ царю вмѣстѣ со своею матерью. Явились, увидѣли его и сказали привѣтствіе. Царь говоритъ имъ: «Вы люди, объѣзжающіе всю землю! Въ этомъ городѣ нѣтъ богатырей, которые бы васъ превзошли. На этой землѣ нѣтъ ничего, чего бы вы не знали. У меня потерялись 3 дочери. Знаете ли вы объ этомъ»? — «Не знаемъ»! говоритъ старшій изъ братьевъ. Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Я знаю»!—«Можешь ли ты привести сюда этихъ дѣвицъ»!—«Привезу»! отвѣчаетъ онъ. Царь спрашиваетъ у Ивана Сарчыка: «Гдѣ онѣ, если знаешь»?—«По срединѣ земли есть золотая скала, скала такая, что немного не доходитъ до неба. Наверху той скалы такъ же, какъ и на этой землѣ. Тѣ дѣвицы тамъ, въ рукахъ семиглаваго, крылатаго чернаго змѣя. Такъ какъ на верхъ этой скалы взобраться трудно, то вели сдѣлать желѣзную лѣстницу. Ты вели своимъ кузнецамъ сдѣлать 10,000 ступеней. Безъ лѣстницы подняться трудно»! Царь выслушалъ и тотчасъ же велѣлъ сдѣлать все. Теперь становится затруднительнымъ доставить ту лѣстницу къ основанію золотой скалы. Ту лѣстницу взвалили на коня Улугъ Иргека. Ѣдутъ 3 брата. Доѣзжаютъ до основанія золотой скалы. Имъ Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «У основанія золотой скалы есть караульщикъ. Онъ свиститъ такъ сильно, что умерщвляетъ человѣка на разстояніи одной версты. Примите это во вниманіе»! Не доѣзжаютъ одной версты, какъ караульщикъ свиснулъ. Конь Улугъ Иргека упалъ внизъ головою, а уши оглохли. Средній братъ говоритъ: «Ту лѣстницу я взвалю на своего коня, потому что твой конь падаетъ внизъ головой»! Кичигъ Иргекъ взвалилъ, ѣдетъ. Теперь осталось только полъ-версты. Тотъ караульщикъ опять свиснулъ. Конь Кичигъ Иргека тоже упалъ внизъ головою. Иванъ Сарчыкъ сказалъ: «Я взвалю ту лѣстницу»! Взвалилъ, поѣхали. Тотъ караульщикъ опять свиснулъ. Иванъ Сарчикъ не горюетъ, говоря: «Можешь не только свистѣть, но и кричать»! Теперь они доѣхали и поздоровались съ караульщикомъ. Тотъ караульщикъ говоритъ: «Куда пріѣхали Вы, Иванъ Сарчыкъ»? Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Ты, каналья, зачѣмъ мучишь насъ, свистя? Я заставлю тебя пить твою же кровь и ѣсть твое же тѣло! Ты карауль здѣсь моихъ братьевъ: Кичигъ Иргека и Улугъ Иргека, я самъ хочу подняться сюда, на верхъ золотой скалы»! Лѣстницу Иванъ Сарчыкъ поставилъ одинъ. Караульщикъ говоритъ: «Слѣды людей, отправившихся туда, есть; но нѣтъ слѣдовъ оттуда пришедшихъ»! Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Такое, какъ я, одно яйцо гдѣ не протухало? Ты карауль только получше моихъ братьевъ»! Иванъ Сарчыкъ поднялся. Когда

поднялся, тамъ такъже, какъ и на этой землѣ. Встрѣчается ему трава, обвитая красною мѣдью. Идетъ онъ дальше. Увидѣлъ онъ мѣдный домъ и мѣдный амбаръ. Идетъ онъ туда, къ мѣдному дому. Вошелъ онъ быстро въ него Въ томъ домѣ ходитъ одна дѣвица. «Кто хозяинъ этого дома?»—«Крылатый, семиглавый черный змѣй»! отвѣчаетъ она.—«Куда онъ отправился»?—«Ловить звѣрей и птицъ»!—«Скоро-ли онъ вернется»?—«Вернется онъ скоро. Когда онъ вернется сюда, тогда будетъ вѣтеръ. Передъ борьбою съ богатыремъ у него будетъ 20 бочекъ вина: 10 бочекъ онъ заставитъ выпить тебя, а другія 10 самъ выпьетъ. Отверстіе бочекъ, которыя онъ будетъ пить самъ, будетъ вверху. Если онъ выпьетъ изъ нихъ, то прибавится у него сила. Отверстіе бочекъ, которыя придется пить тебѣ, будетъ внизу. Если выпить ихъ, то сила убываетъ. Если ты выпьешь ихъ снизу, то убавится у тебя половина силы»! Теперь Иванъ Сарчыкъ идетъ къ бочкамъ. Бочки, которыя онъ будетъ пить, онъ повернулъ отверстіемъ вверхъ; бочки же, которыя придется пить змѣю, онъ повернулъ отверстіемъ внизъ. Теперь онъ пошелъ и сталъ въ домѣ поджидать того змѣя. Поднялся вѣтеръ. Та дѣвица говоритъ: «теперь онъ возвращается»! Черезъ нѣкоторое время онъ какъ будто прилетѣлъ на улицѣ и спустился на землю съ грохотомъ. Сказавши «Фу! слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра»!, змѣй быстро вошелъ въ домъ. Онъ поздоровался и сказалъ: «Ты жаворонокъ со свободною шеею! зачѣмъ пришелъ сюда? Скажи скорѣе, что тебѣ надо, такъ какъ я хочу сожрать тебя»! Иванъ Сарчыкъ отвѣчаетъ: «Чтобы сожрать меня, я тебѣ не вареное мясо, изрѣзанное на куски»! Послѣ этого говоритъ крылатый, семиглавый черный змѣй: «Передъ борьбою съ богатыремъ мы выпьемъ 20 бочекъ вина»!—«Ладно, ладно! мнѣ это и нужно!» говоритъ Сарчыкъ. Пойдя, они пьютъ 20 бочекъ; все выпили. Теперь они идутъ драться на горный хребетъ. Пришли. Разстоянія между ними 100 саженъ. Крылатый черный змѣй говоритъ: «Ты ли нападешь сначала, или я нападу?—«Какъ пришедшій изъ солнечнаго міра, я начну»! отвѣчаетъ Иванъ Сарчыкъ.—«Ладно, ладно, — безразлично»!—Попробую я освободить свой крученый, витой кнутъ»! сказалъ Иванъ Сарчыкъ и, собравши кнутъ вдевятеро, потомъ выпустилъ по направленію къ змѣю. 3 головы змѣя онъ тутъ же [пересѣкъ; змѣй остался только о 4 головахъ. Змѣй говоритъ: «Ахъ, становится жарко! пойдемъ и выпьемъ по одной бочкѣ!»—«Нашъ народъ, живущій въ солнечномъ мірѣ, выпивши вина, не дерется, пьетъ только въ самомъ началѣ»! Черный змѣй говоритъ: «теперь выжидай моего нападенія»! Онъ свилъ свой хвостъ вдевятеро и пустилъ его по направленію къ Ивану Сарчыку. Хвостъ шлёпнулся о лобъ. Иванъ Сарчыкъ упалъ. Теперь онъ едва сталъ на ноги и очнулся. Находившаяся въ домѣ дѣвица, принеся молока, напоила имъ Ивана Сарчыка. Сталъ онъ въ 1000 разъ красивѣе прежняго. Теперь говоритъ Иванъ Сарчыкъ: «выжидай моего нападенія!» Собравши вдевятеро, онъ пустилъ свой кнутъ. У чернаго змѣя оторвались 2 головы. «Ахъ ты, становится жарко»! говоритъ змѣй, «пойдемъ и выпьемъ по одной бочкѣ вина»!—«Пришедшіе изъ солнечнаго міра не дерутся, выпивши вина! пьютъ его передъ схваткою»! Змѣй говоритъ: «Теперь выжди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ

вдевятеро, змѣй выпустилъ его. Хвостъ шлепнулся о лобъ Ивана Сарчыка. Сарчыкъ даже не пошевелился. Сарчыкъ говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Свой крученый, витой кнутъ сложилъ вдевятеро и пустилъ; оторвались и оставшія 2 головы. Змѣй черный умеръ. Находившаяся въ домѣ дѣвица бѣжитъ по направленію къ Ивану Сарчыку, говоря: «Я—твоя, а ты—мой»! Теперь, ведя другъ друга за руки, они идутъ къ мѣдному дому. Этотъ парень Иванъ Сарчыкъ ночуетъ тамъ, спя вмѣстѣ съ дѣвицею. Эта дѣвица была старшая дочь царя. Встали утромъ. Вставши, Иванъ Сарчыкъ идетъ дальше. Когда шелъ, лежитъ земля, поросшая такою травою, вокругъ которой обвилось серебро. Проходитъ онъ дальше. Стоятъ серебряный домъ и серебряный амбаръ. Подойдя къ серебряному дому, онъ вошелъ въ него одинъ, оставивши давешнюю дѣвицу въ мѣдномъ домѣ. Когда онъ вошелъ въ серебряный домъ, тамъ ходитъ одна дѣвица. Это была средняя дочь царя. Хозяинъ этого дома также отправился ловить звѣрей и птицъ. «Скоро ли онъ вернется»?—«Если поднимется сильный вѣтеръ, то значитъ возвращается змѣй. Змѣевъ всего 3 брата. Когда онъ возвратится и схватится съ тобою, то вы выпьете 20 бочекъ вина, изъ которыхъ 10 дастъ выпить тебѣ, а 10 выпьетъ самъ. Отверстіе того, что онъ будетъ пить самъ,—вверху. Если выпить изъ этого, то прибавится сила. Отверстіе того, что придется пить тебѣ,—внизу. Если ты выпьешь этого, то сила уменьшится». Выслушавъ это, онъ идетъ къ бочкамъ. Что придется пить змѣю, онъ перевернулъ внизъ отверстіемъ; что придется пить самому, онъ повернулъ вверхъ отверстіемъ. Перевернувши, онъ идетъ въ домъ. Какъ только онъ вошелъ, поднялся сильный вѣтеръ. Та дѣвица—стряпка (кухарка) говоритъ: «Теперь онъ летитъ»! Не прошло много времени, какъ на улицу бросился крылатый, десятиглавый черный змѣй. «Слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра»! Сказавши это, онъ быстро вошелъ, поздоровался. «Куда ты пришелъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Я пришелъ помѣриться съ тобою силою»!—«Передъ испытаніемъ силы мы обыкновенно выпиваемъ 20 бочекъ вина»! Ведя другъ друга, они идутъ пить. Придя, выпили все черезъ край. Теперь идутъ къ горному хребту. Разстоянія между ними полъ-версты. Черный змѣй спрашиваетъ: «Я начну, или ты начнешь»?—«Какъ человѣкъ, пришедшій изъ солнечнаго міра, начну я первый»! Крученый, витой свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и, выпустивъ, оторвалъ змѣю 5 головъ. «Становится жарко! пойдемъ и выпьемъ вина по одной бочкѣ»! говоритъ змѣй.—«Мы люди изъ солнечнаго міра, выпивши вина, не деремся»! говоритъ Сарчыкъ. Змѣй говоритъ: «теперь подожди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ вдевятеро, онъ пустилъ его по направленію къ Сарчыку. Хвостъ шлепнулся, ударившись о лобъ Сарчыка. Сарчыкъ палъ въ обморокъ и очнулся. Та дѣвица прибѣжала и дала выпить молока. Онъ сталъ въ 1000 разъ красивѣе прежняго и говоритъ: «Теперь выжидай моего нападенія»! Витой свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и выпустилъ. Пять головъ отлетѣли всѣ, и тотъ змѣй испустилъ духъ. Изъ дома прибѣжала та дѣвица, говоря: «Я—твоя, а ты—мой»! Пойдя къ дому, они ведутъ другъ друга за руки и ночуютъ тамъ. Переночевавъ, Иванъ Сарчыкъ утромъ идетъ дальше, а дѣвица осталась въ серебряномъ домѣ. Когда

онъ пошелъ далѣе, растетъ трава, обвитая золотомъ. Еще дальше стоитъ золотой домъ, за нимъ золотой амбаръ. Пошелъ туда и вошелъ. Когда онъ вошелъ, хозяиномъ дома также оказался змѣй. Его не было дома, такъ какъ онъ улетѣлъ ловить звѣрей и птицъ. Дѣвица говоритъ: «Онъ, прилетѣвши и захотѣвши драться съ тобой, выставитъ 40 бочекъ, изъ которыхъ 20 будешь пить ты, а 20 выпьетъ онъ самъ. Отверстіе того, что будетъ пить змѣй, будетъ вверху. Если онъ выпьетъ изъ того, прибавится у него сила. Отверстіе того, что будешь пить ты, будетъ внизу. Если ты выпьешь изъ того, убавится у тебя сила»! Идетъ онъ къ тѣмъ бочкамъ. Бочки, которыя придется пить змѣю, онъ повернулъ внизъ отверстіемъ. Теперь онъ пришелъ въ домъ и спрашиваетъ: «Скоро ли онъ прилетитъ»?—«Поднимется сильный вихрь, когда онъ будетъ возвращаться». Не прошло много времени, поднялся сильный вихрь. Вихрь тотъ прошелъ, и змѣй прилетѣлъ. На улицѣ змѣй гремитъ, говоря: «Слышенъ запахъ человѣка изъ солнечнаго міра». Затѣмъ змѣй быстро вошелъ въ домъ. Головъ у него 12. Самъ онъ былъ черный змѣй. Онъ поздоровался. «Куда ты пришелъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Я пришелъ помѣриться съ тобою силою»!—«Если хочешь помѣриться силою, то выпьемъ 40 бочекъ вина»!—«Ладно, ладно»! говоритъ Иванъ Сарчыкъ,—«я хожу въ сильномъ похмѣльѣ»! Они пошли и все выпили. Вышли они на горный хребетъ. Разстоянія между ними 2 версты. Змѣй спрашиваетъ: «Ты ли начнешь, или начну я»?—«Какъ человѣкъ, пришедшій изъ солнечнаго міра, начну я»! Онъ, собравши вдевятеро свой крученый, витой кнутъ, выпустилъ его и оторвалъ змѣю 2 головы. «Пойдемъ, выпьемъ вина, такъ какъ становится жарко»! говоритъ змѣй.—«Люди изъ солнечнаго міра не дерутся, выпивши вина»! Теперь подожди моего нападенія»! сказалъ змѣй и, свивши свой хвостъ вдевятеро, выпустилъ его и перерубилъ противъ сердца середину руки Ивана Сарчыка. Павши въ безчувствіе, онъ черезъ нѣкоторое время пришелъ въ себя. Дѣвица, сидѣвшая въ золотомъ домѣ, пришла съ большимъ платкомъ, перевязала имъ руку Ивана Сарчыка. Взявши бѣлаго молока отъ бѣлой коровы, она напоила его. Теперь Иванъ Сарчыкъ сталъ красавцемъ, и сила у него какъ будто прибавилась. «Теперь подожди моего нападенія»! говоритъ онъ змѣю. Витой, крученый свой кнутъ онъ сложилъ вдевятеро и выпустилъ. Кнутъ разлетѣлся и оторвалъ змѣю 5 головъ. Змѣй остался теперь только о 5 головахъ. «Ахти, становится жарко, Иванъ Сарчыкъ! пойдемъ и выпьемъ одну бочку вина»!—«Какъ люди, живущіе въ солнечномъ мірѣ, мы не деремся, выпивши вина»! Змѣй говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Свивши свой хвостъ вдевятеро, змѣй выпустилъ его по направленію къ Ивану Сарчыку. Хвостъ ударился о грудь его. Сарчыкъ упалъ на землю. Та дѣвица прибѣжала и опять напоила его молокомъ. Сарчыкъ говоритъ: «Теперь подожди моего нападенія»! Онъ сложилъ вдевятеро свой кнутъ, сдѣланный изъ крученыхъ ремней, и пустилъ его. Пять головъ отлетѣли всѣ сразу, и змѣй пропалъ. Та дѣвица бѣжитъ и, подскакивая, говоритъ: «Ты-мой, а я-твоя»! Она смѣется и радуется. Теперь они идутъ въ домъ. Почевали. Утромъ собираются идти домой. Выйдя изъ того дома, Иванъ Сарчыкъ идетъ и оглядывается на тотъ домъ. Дѣвица спраши-

ваетъ: «нравятся ли тебѣ домъ и амбаръ»?—«Хоть они и нравятся, но глаза мои насмотрѣлись на нихъ! Какъ ихъ взять съ собою»? Та дѣвица отвѣчаетъ: «Я возьму ихъ»! Вытащила она изъ кармана бѣлый платокъ и помахала имъ туда и сюда. Домъ и амбаръ вошли въ платокъ. Дѣвица свернула свой платокъ. Теперь идутъ они къ средней сестрѣ. Придя, они вошли и ночевали. Утромъ они собираются идти втроемъ. Идутъ. Идя, тотъ парень опять оглядывается на серебряный домъ. «Не любуешься ли ты»? спрашиваетъ средняя сестра.—«Хотя и любуюсь, но глаза мои насмотрѣлись»!—«Я найду средство унести ихъ»! Сказала она и, вытащивъ изъ кармана бѣлый платокъ, развернула его. Домъ и амбаръ вошли въ него, и она свернула платокъ. Идутъ къ мѣдному дому. Вошли и, войдя, ночевали. Теперь они вчетверомъ. Утромъ они идутъ. Этотъ парень Иванъ Сарчыкъ оглядывается, любуясь домомъ. «Нравятся ли тебѣ этотъ домъ и амбаръ»? Спрашиваетъ старшая изъ сестеръ.—«Хоть они и нравятся, но глаза мои насмотрѣлись на нихъ! Какъ ихъ унести съ собою»? Вытащивъ изъ кармана бѣлый платокъ, она помахала имъ туда и сюда и, собравши въ него, свернула. Теперь они идутъ вчетверомъ; идутъ они по направленію къ тому мѣсту золотой скалы, гдѣ поставлена лѣстница. Пришли къ тому мѣсту, гдѣ надо спускаться. Сарчыкъ хочетъ спустить прежде всего старшую сестру. Не желая спускаться вмѣстѣ, они рѣшили спускаться по одному. Сарчыкъ спустилъ старшую сестру. Парни (молодцы), находившіеся на землѣ: Улугъ Иргекъ, Кичигъ Иргекъ и караульщикъ, отбиваютъ другъ у друга старшую сестру. Парень, умерщвлявшій своимъ свистомъ людей, сталъ между ними начальникомъ и взялъ старшую сестру себѣ. Сарчыкъ спустилъ среднюю сестру. Средняя сестра спустилась. Когда она спустилась, ее также отнимаютъ другъ у друга. Караульщикъ беретъ ее себѣ, а давешнюю старшую сестру отдаетъ Улугъ Иргеку. Караульщикъ, ставши хозяиномъ, распоряжался по своей волѣ. Теперь Сарчыкъ спустилъ младшую сестру. Когда она спустилась, караульщикъ снялъ лѣстницу. Иванъ Сарчыкъ лишился возможности спуститься и онъ остался здѣсь, на верху золотой скалы. Подобно небу онъ гремитъ тамъ и подобно барсу реветъ. Караульщикъ взялъ самую младшую сестру самъ, старшую отдалъ Улугъ Иргеку, а среднюю сестру—Кичигъ-Иргеку. Караульщикъ заставляетъ тѣхъ двухъ братьевъ молиться Богу и поклясться, спрашивая: «Будете ли меня называть Ивановъ Сарчыкомъ? Если только будете такъ называть, лижите землю! Если не будете, то я умерщвлю васъ своимъ свистомъ»!—«Мы будемъ говорить, что этихъ дѣвицъ привезъ Иванъ Сарчыкъ»! Они ѣдутъ къ царю. Царь спрашиваетъ: «Кто привезъ моихъ дочерей»?—«Привезъ Иванъ Сарчыкъ съ золотой скалы»!—«Ты ли привезъ, Иванъ Сарчыкъ»?—«Караульщикъ отвѣчаетъ: «Да, я привезъ»! Царь, ведя ложнаго Ивана Сарчыка за руки, приводитъ его въ глубь горницъ и угощаетъ его тамъ лучшимъ изъ кушаній и крѣпчайшимъ изъ винъ. Пусть они остаются здѣсь, а я (разскащикъ) отправлюсь на верхъ золотой скалы. Истинный Иванъ Сарчыкъ ходитъ понапрасну, не находя средства спуститься. Онъ отправился къ давешнему мѣдному дому и пошелъ дальше. Пришелъ къ серебряному дому и пошелъ дальше. Пришелъ онъ къ золотому дому и пошелъ дальше. Стоитъ большой

золотой домъ. Идетъ онъ по направленію къ тому дому. Подойдя, онъ вошелъ въ него. Когда онъ вошелъ, тамъ сидитъ вѣдьма (соб. женщина безъ тѣла)[1]). Онъ увидѣлъ, что у нея глазъ нѣтъ. «Какъ ты лишилась своихъ глазъ, старушка»?—«Сыновья лишили меня глазъ изъ-за своей алости»?—«Гдѣ твои сыновья»—«Какъ пойдешь отсюда, у одного есть золотой домъ и золотой амбаръ; пойдешь дальше, у другаго есть серебряный домъ и серебряный амбаръ; пойдешь еще дальше, у третьяго есть домъ и амбаръ изъ красной мѣди. Это-мои сыновья»! Истинный Иванъ Сарчыкъ говоритъ: «Я не знаю этихъ людей! Можешь ли спустить меня съ этой земли, старушка»? Если бы были у меня глаза, то я спустила бы. Почему же и не спустить? Принеси мьѣ лѣкарства для исцѣленія глазъ»!—«Гдѣ это лѣкарство»?—«Пойдешь отсюда, будетъ вода—горный потокъ. На немъ будетъ водопадъ. Лекарство подъ этимъ водопадомъ, въ двухъ бутылкахъ». Иванъ Сарчыкъ отправился. Идетъ онъ по направленію къ указанному мѣсту. Когда онъ шелъ по голой степи, стоитъ желѣзный дворъ. Идетъ онъ возлѣ того двора. Когда онъ проходилъ мимо, внутри двора стоитъ сивый конь. Проходитъ мимо того сиваго коня. Тотъ конь кричитъ, говоря: «Иванъ Сарчыкъ иди сюда, сюда»! Поворачиваетъ онъ къ тому сивому коню. Разломавъ желѣзную изгородь, онъ входитъ внутрь двора. Войдя и подойдя близко, онъ осматриваетъ коня. Конь былъ высокій. На спинѣ его было нагружено 100 пудовъ мелкихъ камней и песку. Тотъ сивый конь говоритъ человѣчьимъ голосомъ: «Сними съ меня этотъ грузъ, дойдетъ до тебя за это какое-нибудь добро отъ меня»! Онъ спихнулъ весь грузъ и вывелъ коня изъ желѣзнаго двора. Сивый конь говоритъ: «Постой, послѣ поговоримъ! Наполню я брюхо проголодавшееся и покормлю тѣло оттощавшее! Поѣмъ травы на горѣ Сюбюръ[2]) и попью воды изъ молочнаго озера»! Онъ опустилъ коня, и конь убѣжалъ. Прошло много ли, мало ли времени, конь сюда же прибѣжалъ. «Не слушай словъ вѣдьмы»! говоритъ конь, «здѣсь есть мастеръ! Ты закажи этому мастеру сдѣлать желѣзныя скобы на руки и на ноги вѣдьмы»! Теперь онъ дѣлаетъ заказъ. Тотъ конь говоритъ дальше: «Заставь мастера расплавить чугунъ»! Сказалъ онъ это послѣ того, какъ желѣзныя скобы были готовы. Плавитъ мастеръ чугунъ. «Ты пригвозди желѣзными скобами вѣдьмины ноги и руки къ полу»! говоритъ сивый конь. «Зачѣмъ ты такъ прибиваешь»? скажетъ вѣдьма, а ты отвѣчай ей: «хочу полѣчить тебѣ глаза»! и вылей расплавленный чугунъ ей на глаза. Если ты такъ не поступишь, то нѣтъ болѣе средствъ убить ее. Не поддавайся ея обману»! Иванъ Сарчыкъ отправился къ вѣдьмѣ; придя, сказалъ ей: «Ложись на спину»! И сталъ приковывать ее къ полу желѣзными скобами. Вѣдьма та спрашиваетъ: «Зачѣмъ такъ приковываешь, дитя мое»?—«Я хочу вылечить тебѣ глаза»! Онъ приковалъ ее и такъ оставилъ. Теперь онъ влилъ ей на глаза расплавленный чугунъ.

---

[1]) Кӯкатъ.

[2]) Гора Сюбюръ (по-монг. ᠰᠦᠮᠪᠦᠷ) по понятіямъ буддистовъ находится въ подземномъ царствѣ и служитъ обиталищемъ боговъ.

Голосъ вѣдьмы не похожъ на человѣческій голосъ. Кричитъ она сильно. Вѣдьма бьется и трясется. Бьется она такъ сильно, что трясется весь домъ и чуть-чуть не разваливается. Вѣдьма испустила духъ. Сивый конь говоритъ Ивану Сарчыку: «Теперь спущу тебя съ золотой скалы»! и сказалъ: «Садись на меня»! Онъ сѣлъ. Конь мчится такъ сильно, что если сказать «летитъ»,—нѣтъ равсмахиванія крыльями; если сказать «бѣжитъ»—нѣтъ перебиранія ногами. Прошло мало ли, много ли времени, тотъ сивый конь говоритъ: «посмотри, посмотри глазами»! Когда онъ посмотрѣлъ, они спустились уже на землю. Прибылъ онъ къ царю. Слѣзъ съ коня и идетъ къ царю. Превратилъ онъ себя въ плѣшиваго парня, одѣтаго въ армякъ. Пойдя, вошелъ къ царю. Когда онъ вошелъ, царь устраиваетъ свадьбу: младшую сестру онъ отдаетъ за ложнаго Сарчыка. Посмотрѣлъ онъ на ложнаго Сарчыка, который ходилъ въ царскомъ одѣяніи. Упомянутому сейчасъ плѣшивому парню подносятъ вина, говоря: «Ты пришелъ какъ разъ на пиръ»!—«Я не пью вина изъ чашки! Поднесите мнѣ вина, наливъ его въ желѣзное ведро»!—«Когда принесли ему въ желѣзномъ ведрѣ, онъ все вытянулъ. Вытянувъ все, онъ опьянѣлъ и упалъ на спину. Опьянѣвши, онъ лежитъ, обнажившись, на спинѣ. Бѣлый платокъ младшей изъ сестеръ оказался перевязаннымъ вокругъ руки дѣйствительнаго Сарчыка. Та дѣвица узнала свой платокъ. Три сестры, увидѣвши свой платокъ, узнаютъ его и говорятъ своему отцу: «Вотъ нашъ платокъ, мы узнаемъ его! Вотъ настоящій Сарчыкъ, спустившій насъ съ золотой скалы»! Младшая сестра говоритъ: «Когда онъ дрался съ двѣнадцатиглавымъ крылатымъ змѣемъ, змѣй ранилъ ему руку, которую я и перевязала»! Царь повѣрилъ теперь своимъ дочерямъ. Умерщвляющаго людей своимъ свистомъ караульщика царь вывелъ за руки на улицу и сказалъ солдатамъ: «Перерубите ему шею»! Они послушались и исполнили: увели его и отрубили ему шею. Давешній плѣшивый парень теперь рекомендуетъ себя, и царь отдаетъ за него свою младшую дочь, говоря: «Будь вмѣсто меня царемъ»! Среднюю дочь онь выдалъ за Кичигъ Иргека, а старшую за Улугъ Иргека. Тѣ дѣвицы сдѣлали теперь посредствомъ платковъ: золотой домъ съ амбаромъ, серебряный домъ съ амбаромъ и мѣдный домъ съ амбаромъ. Теперь остались они тамъ жить.

Н. Катановъ.

4. Логученская сказка о 3 братьяхъ-богатыряхъ.

Начинается повѣствованіе, слѣдуетъ слушать. Въ древнее время былъ одинъ бѣдный человѣкъ, имѣвшій трехъ сыновей. У этихъ людей была единственная кобыла, переходившая къ нимъ изъ рода въ родъ. Эта кобыла каждую ночь рождала по золотому жеребенку. Всякій разъ, когда она рождала золотаго жеребенка, не извѣстно откуда являлось какое-то существо и, не показываясь на глаза людямъ, похищало (этого жеребенка). По прошествіи нѣкотораго времени каждый изъ этихъ сыновей сдѣлался большимъ. Самаго

младшаго сына звали Ярту-башъ богатыремъ [1]) (богатырь съ половинною головою). Они ходили въ школу. Когда самый младшій достигъ семилѣтняго возраста, то самый старшій братъ сказалъ однажды самому младшему: «Ты сегодня не ходи въ школу, потому что отецъ говоритъ: «Если мы отнимемъ изъ золотыхъ жеребятъ хоть одного, то ни намъ не израсходовать, когда возмужаютъ эти 3 сына, ни внукамъ». Должно быть, въ нашемъ домѣ есть что-нибудь особенное. Ты, братецъ, до возвращенія нашего изъ школы спроси сегодня у нашего отца, сидя и играя подлѣ него, все по правдѣ, такъ какъ ты меньше всѣхъ насъ. Ты спроси его какъ слѣдуетъ, что происходитъ въ нашемъ домѣ!» Упомянутый мальчикъ, не пошедши сегодня въ школу, сказалъ, когда прошло достаточно времени, своей матери: «О мама! испеки мнѣ горячаго хлѣба!» (Потомъ) мать испекла ему на душникѣ (джамбиль) горячій (паровой) хлѣбецъ Мальчикъ взобрался на крышу и усѣлся у дымника дома. Когда хлѣбъ испекся, то мать сказала: «О дитя мое! Спустись въ домъ и ѣшь свой хлѣбъ! «Этотъ мальчикъ сказалъ: «Ой, мама! я буду ѣсть хлѣбъ тутъ и стану смотрѣть на школу! подай мнѣ (хлѣбъ) черезъ дымникъ!» Мать его взяла одинъ хлѣбъ и только-что протянула (его) черезъ дымникъ своему сыну, какъ сынъ схватилъ хлѣбъ вмѣстѣ съ рукою матери и вытащилъ (мать) на-верхъ. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Ей мама! Если сегодня ты не разскажешь мнѣ о томъ, что происходитъ въ домѣ, то я, не выпуская твоей руки, оторву ее тутъ-же прочь! Ты должна разсказать мнѣ все по правдѣ!» Мать сказала: «О, дитя мое! Въ нашемъ домѣ нѣтъ ничего особеннаго!» Мальчикъ сказалъ: «Неужели мы такъ бѣдны? Неужели у насъ въ домѣ нѣтъ ничего на расходы?» —«Есть одна племенная кобыла! Выводи ее и продай!» сказала мать. Мальчикъ спросилъ: «Какими особенностями отличается эта кобыла?» Мать отвѣчала: «Отъ этой кобылы каждую ночь рождается по золотому жеребенку! (Но) никоимъ образомъ нельзя завладѣть имъ!» Мальчикъ сказалъ: «Почему же нельзя завладѣть жеребенкомъ?» Мать отвѣчала: «Когда она рождаетъ (жеребенка), только тогда и видимъ его! Онъ остается (на нашихъ глазахъ) только на одинъ часъ, а потомъ исчезаетъ!» Мальчикъ отпустилъ затѣмъ руку матери. Спустившись затѣмъ съ крыши, онъ пошолъ въ школу къ своимъ старшимъ братьямъ. Пришедши въ школу, онъ сказалъ своимъ старшимъ братьямъ: «О, старшіе братья! Въ нашемъ домѣ, оказывается, есть что-то особенное! Если теперь, употребивши всѣ свои силы, мы поймаемъ этого вора, то впослѣдствіи, кажется, мы сдѣлаемся царями!» Старшій братъ сказалъ: «О, младшій братъ мой, что-же особеннаго есть въ нашемъ домѣ?» Этотъ Ярту-башъ сказалъ своимъ старшимъ братьямъ: «Паршивая кобыла, находящаяся въ нашемъ домѣ, оказывается, рождаетъ золотыхъ жеребятъ. Каждую ночь, какъ только рождается жеребенокъ, неизвѣстно откуда является какая-то рука и похищаетъ (его). Я подвѣсилъ свою мать къ дымнику (дома), и только тогда она разсказала мнѣ!» Упомянутые два старшіе брата, не мог-

---

[1]) يارطوباش باطور

ли просидѣть въ школѣ до вечера, вернулись домой пораньше. Эти старшіе брата пришли и спросили у своей матери: «Эй, мама! по какой причинѣ Вы не разсказывали намъ о томъ, что эта лошадь рождаетъ золотыхъ жеребятъ?» Мать отвѣчала: «О, дитя мое! Я не говорила вамъ объ этомъ потому, что вы еще малыя дѣти, и я боялась, какъ-бы вы, желая завладѣть золотымъ жеребенкомъ, не подверглись какому-нибудь несчастію!» Старшій сынъ сказалъ: «Лягши сегодня ночью подъ ясли, я стану наблюдать и отниму золотаго жеребенка!» Мать сказала: «О, дѣти мои, ни у одного изъ васъ не хватитъ (на это) силъ! Если потерпите еще нѣсколько лѣтъ, то, можетъ быть, только тогда хватитъ вашихъ силъ!» Старшій сынъ, не соглашаясь (съ этимъ), сказалъ: «Наблюдая сегодня ночью, я овладѣю нѣсколькими золотыми жеребятами!» Съ этими словами онъ взялъ въ руку саблю и, забравшись подъ ясли, сталъ (тамъ) лежать. Когда наступила половина ночи, упомянутая кобыла родила одного золотаго жеребенка. По прошествіи одного часа этотъ жеребенокъ сталъ ходить туда и сюда, перешагивая черезъ свою мать. Когда этотъ мальчикъ лежалъ и смотрѣлъ, съ неба спустилась черезъ одинъ часъ одна рука величиною съ домъ и, схвативши этого золотаго жеребенка пятернею ва спину, исчезла. Старшій сынъ, лежа подъ яслями и увидѣвши явившуюся (изъ воздуха) руку, испугался и, не будучи въ состояніи высунуть изъ-подъ яслей свою голову, лишился чувствъ. Потомъ мать, желая попровѣдать своего сына, пришла и увидѣла, что (онъ) лежитъ подъ яслями, полуобмерши и не будучи въ состояніи пошевелиться. Мать заколола овцу и, побивши ея легкими объ своего сына, приготовила одинъ котелъ пищи (чтобы народъ молился) за ея сына. Когда наступила затѣмъ слѣдующая ночь, средній сынъ сказалъ: «Лягу (теперь) я, потому что мой старшій братъ ничего не могъ сдѣлать!» Съ этими словами онъ легъ (подъ ясли). Когда наступила половина ночи, явилась какая-то рука и только-что протянулась подъ ясли, какъ разорвалось (*т. е.* испугалось) сердце того юноши. Отъ испуга и этотъ (юноша) сдѣлался полумертвымъ и безчувственнымъ. Явившаяся тутъ рука схватила и этого золотаго жеребенка и исчезла съ нимъ. Потомъ, когда прошелъ одинъ часъ, мать этого юноши сказала: «Пойду и попровѣдаю его!» Когда она пришла въ стойло, сынъ ея лежитъ, испугавшись еще больше своего старшаго брата; сынъ ея лежитъ навзничь, съ вытянутыми руками. Мать, увидѣвши его, сказала: «Эти дѣти, желая завладѣть золотымъ жеребенкомъ, поступаютъ съ собою такимъ образомъ и, умерши такъ, должно быть, всѣ изведутъ себя! Я напрасно сказала объ этомъ ребятамъ!» Съ этими словами она взяла юношу, принесла его (домой); положивши его (на землю), она и его обрызгала нѣкоторымъ количествомъ крови (бывшей на легкихъ). Въ слѣдующую ночь вошелъ (въ стойло) вышеупомянутый Ярту-башъ богатырь, достигшій семилѣтняго возраста, и, взявши въ руки кинжалъ, легъ подъ ясли и сталъ смотрѣть на кобылу. Когда спустя одинъ часъ кобыла только-что успѣла родить и онъ, быстро подбѣжавши, сталъ гладить голову и глаза золотаго жеребенка, то сначала явилась неизвѣстно откуда какая-то нога, и эта нога спустилась къ яслямъ, потомъ спустилась къ спинѣ жеребенка какая-то рука и только-что стала поднимать жеребенка, какъ вышеупомянутый Ярту-башъ

богатырь ударилъ разъ этого дива [1]) (нечистаго духа), хотѣвшаго утащить золотаго жеребенка, и отсѣкъ ему одну ногу какъ разъ у бедеръ. И послѣ этого (дивъ) не отдалъ жеребенка и исчезъ съ нимъ. Упомянутый мальчикъ, ухватившись за хвостъ золотаго жеребенка, прибылъ вмѣстѣ съ этимъ дивомъ за 3 мѣсяца пути. Этотъ дивъ, прилетѣвши въ одно мѣсто, спустился въ одно отверстіе (пещеру) горы. Ярту-башъ богатырь вернулся домой, воткнувши у этого отверстія одну изъ стрѣлъ своего лука. Потомъ Ярту-башъ богатырь пришелъ домой и сказалъ своимъ братьямъ: «Эй старшіе братья! Я вернулся сюда послѣ того, какъ поставилъ знакъ у отверстія, въ которое скрылся похититель золотаго жеребенка! Не будетъ-ли хорошо, если мы отправимся теперь втроемъ и испытаемъ всѣ одинаково, что-бы тамъ ни случилось?» (Потомъ) Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Пойдемте!» и отправился съ ними (за поисками дива). Старшій братъ сказалъ: «О, младшій братъ! Къ одной ногѣ, которую ты отсѣкъ у дива въ стойлѣ, приходитъ народъ страны и въ теченіе 4 мѣсяцевъ беретъ ее (по частямъ) на лѣкарство и неможетъ выбрать всего. Сегодня съ царемъ во главѣ придетъ народъ страны и, вынесши ногу этого дива, выброситъ ее (за городъ). Каждый день приходятъ многія тысячи народа и не могутъ эту одну ногу сдвинуть даже съ мѣста. Полюбовавшись сегодня на это зрѣлище, отправимся потомъ утромъ къ отверстію (куда скрылся дивъ)!» Упомянутый Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Неужели вы оба въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не могли поднять и одной ноги? Считая себя богатырями, какъ же вы не можете поднять одной ноги и выдаете себя за богатырей? Ладно, когда утромъ соберется народъ страны съ царемъ во главѣ, я полюбуюсь на это зрѣлище и потомъ отправлюсь (въ путь)!» Съ этими словами онъ остался еще на день. Когда наступило утро слѣдующаго дня, отъ царя идутъ разнообразные люди. Между тѣмъ Ярту-башъ богатырь залѣзъ на крышу, и сталъ смотрѣть оттуда на стойло. По истеченіи нѣкотораго времени пришелъ въ это-же мѣсто (стойло) и царь со своими людьми. Царь сказалъ: «Берите эту ногу дива! Тащите ее на улицу и бросьте,—кто хочетъ употреблять ее на лѣкарство, пусть тотъ и беретъ ее тамъ (*т. е.* на улицѣ)!» Но народъ страны пришелъ и, взявшись за эту ногу, не могъ ее сдвинуть даже съ мѣста. Упомянутый Ярту-башъ богатырь улыбнулся и сказалъ: «Васъ такое множество народа, и вы не можете вытащить одной ноги! Станьте вы подальше!» Съ этими словами Ярту-башъ богатырь схватилъ эту ногу обѣими руками и такъ швырнулъ ее, что она упала за городомъ. Потомъ царь сказалъ: «Этотъ самый мальчикъ, будучи еще семилѣтнимъ юношей, отрубилъ ногу дива на-прочь! Когда онъ будетъ большимъ мужчиною, то сдѣлается, надо думать, очень сильнымъ богатыремъ!» Съ этими словами царь отправился туда (домой). Ярту-башъ богатырь отправился потомъ со своими старшими братьями въ ту сторону, куда скрылся дивъ. Пробывши въ дорогѣ нѣсколько дней, они прибыли къ пещерѣ дива. Эти братья стали говорить другъ другу: «Который изъ насъ спустится въ это отверстіе?» Стар-

[1]) دیو (перс.)—демонъ.

шій братъ сказалъ: «Спустите меня,—попробую спуститься первымъ я!» Привязавши своего старшаго брата къ аркану, они спустили его въ колодецъ (пещеру). Спустя одинъ часъ этотъ старшій братъ сталъ кричать благимъ матомъ, говоря: «Вытащите меня!» Когда вытащили его наверхъ, средній братъ сказалъ: «Спущусь (теперь) я!» и потомъ спустился. Спустя одинъ часъ сталъ кричать изо всѣхъ силъ и средній братъ, говоря: «Ой пепъ-пепъ! Вытащите меня поскорѣе!» Такъ онъ сталъ вопить. Старшій и младшій братья, вытащивши потомъ средняго брата, увидѣли, что ноги и руки этого брата совершенно сгорѣли. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Спустите меня! Когда я буду говорить пепъ-пепъ, вы спустите меня еще дальше; если аркана не хватитъ, то опустите его совсѣмъ!» Съ этими словами Ярту-башъ богатырь спустился въ упомянутый колодецъ. Потомъ этотъ юноша, спустившись въ него, увидѣлъ, что тамъ есть всякаго рода салики, постоялые дворы и дома. Въ одномъ домѣ сидитъ дивъ. Упомянутый юноша вошелъ и сдѣлалъ ему привѣтствіе, говоря: «Миръ Вамъ!» Этотъ дивъ отвѣчалъ: «И Вамъ миръ, идите сюда!»

«Ваше привѣтствіе
«Одинъ пріемъ!
«И сами въ полдень
«Одинъ пріемъ!

(*т. е.* Вы сказали мнѣ привѣтствіе въ одинъ пріемъ, за это я съѣмъ Васъ въ полдень и тоже въ одинъ пріемъ). Затѣмъ этотъ дивъ сказалъ: «Эй дитя! Не ты-ли отрубилъ мнѣ одну ногу?» — «Я!» отвѣчалъ Ярту-башъ богатырь. Этотъ дивъ спросилъ: «Вступишь-ли со мною въ борьбу, или станешь стрѣляться?» Этотъ мальчикъ сталъ и сказалъ: «Что хочешь, то и буду дѣлать?» Упомянутый дивъ поднялся и боролся съ этимъ мальчикомъ 40 ночей и (40) дней; сваливши этого дива на землю, мальчикъ распоролъ ему животъ. Когда онъ, умертвивши этого дива, пришелъ въ одно мѣсто, (тутъ) стоятъ 3 дома. Когда онъ вошелъ въ (эти) 3 дома, тамъ сидятъ 3 дѣвицы. Эти 3 дѣвицы, увидѣвши мальчика, подошли къ нему и, плача, повѣсились ему на шею. Эти дѣвицы сказали: «Всѣ мы трое—дочери трехъ царей! Насъ похитили и принесли сюда эти дивы!» Упомянутый мальчикъ сказалъ: «Какимъ образомъ можно умертвить этихъ дивовъ, которые похитили васъ?» Одна изъ дѣвицъ сказала: «У дива, который похитилъ меня, не достаетъ одного глаза, на лицѣ у него есть только одинъ глазъ. Душа его заключается въ этомъ единственномъ глазѣ. Если кто-нибудь хочетъ убить этого дива, тотъ долженъ попасть ему стрѣлою въ глазъ, и потомъ онъ умретъ!»—«Откуда онъ явится?» спросилъ (мальчикъ). Эта дѣвица отвѣчала: «Въ этомъ мѣстѣ есть одинъ мостъ. Когда ты залѣзешь подъ этотъ мостъ и станешь (тамъ) лежать, въ одно время пріѣдетъ верхомъ на золотомъ жеребенкѣ одинъ дивъ, и, когда онъ подъѣдетъ къ этому мосту, золотой жеребенокъ испугается и не захочетъ идти черезъ мостъ!» Потомъ (мальчикъ) отправился къ этому мосту, и дивъ спросилъ: «Кто ты такой? Станешь-ли ты стрѣляться, или бороться? Кто-бы ты ни былъ, выходи сюда!» Ярту-башъ богатырь вышелъ изъ-подъ моста и от-

правившись навстрѣчу диву, загородилъ ему дорогу. Потомъ онъ дрался съ этимъ дивомъ 3 ночи и (3) дня и, не могши никакъ одолѣть его, такъ прицѣлился ему прямо въ единственный глазъ стрѣлою лука, что онъ сейчасъ-же свалился съ коня и умеръ. Потомъ Ярту-башъ богатырь, сѣвши верхомъ на золотаго жеребенка, пріѣхалъ къ жилищамъ дивовъ и опять спросилъ у одной дѣвицы: «Что нужно сдѣлать, чтобы умеръ твой дивъ?» Эта дѣвица отвѣчала: «Наверху средины спины есть родимое пятно. Если этимъ родимымъ пятномъ онъ коснется земли, то сейчасъ-же умретъ!» Ярту-башъ богатырь опять забрался подъ упомянутый мостъ и сталъ тамъ лежать. Затѣмъ, когда прошелъ одинъ день, дивъ пригналъ къ этому мосту многія тысячи золотыхъ жеребятъ, сидя верхомъ на одномъ изъ нихъ. Потомъ золотые жеребята не захотѣли переходить черезъ мостъ, говоря, что отъ этого моста пахнетъ человѣческимъ существомъ. Затѣмъ этотъ дивъ сказалъ: «Что ты такое, находящееся подъ мостомъ? Станешь-ли ты стрѣляться со мною, или рубиться, или бороться? Если ты-мущина, то выходи сюда!» Ярту-башъ богатырь вышелъ и сказалъ: «Я стану поступать съ тобою, какъ только будетъ тебѣ угодно! Слѣвай со своего коня!» Дивъ спустился затѣмъ съ коня и боролся съ упомянутымъ юношей безъ всякаго отдыха въ теченіе 7 ночей и (7) дней. Потомъ пришли вышеупомянутыя 3 дѣвицы и, соединившись всѣ трое, помогли Ярту-башъ богатырю сбить дива съ ногъ. Затѣмъ, взявши золотыхъ жеребятъ, онъ опять отправился къ домамъ упомянутыхъ дивовъ Онъ опять спросилъ у одной дѣвицы: «Какъ нужно поступить съ твоимъ дивомъ, чтобы онъ умеръ?» Эта дѣвица отвѣчала: «На правой ногѣ моего дива есть родимое пятно! Если онъ упадетъ этимъ пятномъ на землю, то умретъ сейчасъ-же!» Когда Ярту-башъ богатырь залѣзъ подъ упомянутый мостъ и усѣлся, по истеченіи одного дня опять пріѣхалъ одинъ дивъ, гоня многія тысячи золотыхъ жеребятъ и сидя на одномъ изъ нихъ. Эти жеребята не осмѣлились перейти черезъ мостъ, говоря: «Пахнетъ человѣческимъ существомъ!» Упомянутый дивъ сказалъ: «Кто-бы ты ни былъ, сидящій подъ мостомъ, выходи сюда! Хочешь-ли ты стрѣляться, или рубиться?» Ярту-башъ богатырь опять выбѣжалъ. Выбѣжавши оттуда, онъ боролся съ упомянутымъ дивомъ 9 ночей и (9) дней. Тѣмъ временемъ дивъ сказалъ этому мальчику: «Эй мальчикъ! Не хочешь-ли попить водя?» Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Если хочешь пить ты, пей, а я не хочу пить! Я посмотрю, какъ ты станешь пить!» Этому диву чрезвычайно сильно захотѣлось пить, — онъ выпилъ изъ одного озера всю воду. Ярту-башъ богатырь, приложившись ртомъ къ водѣ, выпилъ немного. Потомъ, поднявшись, они снова вступили въ борьбу. Потомъ Ярту-башъ богатырь такъ ударилъ этого дива разъ объ землю, что онъ тутъ-же растянулся. Отрѣзавши этому диву голову, онъ убилъ и ее. Потомъ пріѣхавши къ домамъ дивовъ, онъ взялъ трехъ дѣвицъ, многія тысячи золотыхъ жеребятъ и отправился къ своимъ старшимъ братьямъ. Братья его залѣзли въ одну яму и дѣлятъ между собою пустяки (*букв.* испражненіе) говоря: «Тебѣ досталось много, а мнѣ досталось мало!» Ярту-башъ богатырь, увидѣвши это, насытилъ своихъ братьевъ мясомъ и сказалъ: «О, старшіе братья мои! Я, спустившись въ этотъ колодецъ, убилъ трехъ дивовъ, отнялъ

у нихъ и золотыхъ жеребятъ и этихъ трехъ дѣвицъ, убивши ихъ лиловъ!» Старшіе братья сказали: «Вышло очень хорошо! Отправимтесь теперь домой!» Когда они съ этими словами отправились въ дорогу и пробыли въ степи нѣсколько дней, то старшіе братья сказали однажды: «Остановимтесь въ одномъ мѣстѣ и, устроивши тутъ завтракъ, поѣдимте пищи и потомъ отправимтесь!» Потомъ старшіе братья, сѣвши верхомъ на золотыхъ жеребятъ, отъѣхали подальше, и старшій братъ сказалъ среднему: «Эй, младшій братъ мой! Если этотъ Ярту-башъ, овладѣвши тремя дѣвицами и такимъ количествомъ золотыхъ жеребятъ, пріѣдетъ къ нашему отцу и скажетъ, что досталъ ихъ онъ, то неужели мы станемъ смотрѣть на это (хладнокровно)? Не будетъ-ли хорошо, если устроимъ съ нимъ что-нибудь и тутъ-же уничтожимъ его!» Посовѣтовавшись такъ, они вошли въ палатку какъ разъ въ то-время, когда Ярту-башъ богатырь и три дѣвицы спали прекраснымъ сномъ. Они сказали: «Сдѣлаемъ съ нимъ что-нибудь!» и, взявши кинжалъ Ярту-башъ богатыря, привязали (кинжалъ) у дверей палатки поперекъ. Затѣмъ, когда наступила глубокая ночь, старшій братъ крикнулъ: «Ой, братецъ! Пришелъ воръ и увелъ золотыхъ жеребятъ!» Когда онъ крикнулъ такъ, Ярту-башъ богатырь всталъ полусонный и, быстро побѣжавши, направился къ двери. Наткнувшись обоими колѣнами на кинжалъ (мечъ), Ярту-башъ богатырь лишился обѣихъ ногъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь сказалъ: «О, мои старшіе братья! неужели вы такъ поступили со мною?» Съ этими словами онъ сильно зарыдалъ и сѣлъ, а два старшіе брата, взявши трехъ дѣвицъ и золотыхъ жеребятъ, поѣхали (домой). Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Эй, мои старшіе братья! Не уѣзжайте, бросивши меня такъ! Дайте мнѣ мой лукъ и стрѣлы, а изъ дѣвицъ дайте одну!» Средній братъ сказалъ: «Какъ-бы то ни было, досталъ ихъ онъ,— отдадимъ ему лукъ!» Затѣмъ старшій братъ отдалъ ему лукъ и младшую изъ дѣвицъ. Когда этотъ Ярту-башъ богатырь ѣхалъ (раньше) по степи, онъ нашелъ (тогда) одного маленькаго щененка. Потомъ Ярту-башъ остался здѣсь съ одною дѣвицею и съ однимъ щенкомъ. Братья уѣхали, взявши двухъ дѣвицъ и золотыхъ жеребятъ. Затѣмъ Ярту-башъ богатырь сталъ стрѣлять изъ лука сернъ, оленей и изюбрей, ходившихъ по степи, а упомянутый щенокъ съ одной и дѣвица съ другой стороны стали таскать (добычу). Потомъ они втроемъ стали жарить ихъ и ѣсть. Въ одинъ изъ дней (кто-то) сталъ преслѣдовать, бить и гнать съ одной стороны степи волковъ, тигровъ, медвѣдей, дикихъ коней и всѣхъ вообще дикихъ звѣрей. Изъ этихъ животныхъ, (неизвѣстно кѣмъ) гонимыхъ, Ярту-башъ богатырь, силя, застрѣлилъ изъ лука нѣкоторое количество оленей и изюбрей. По прошествіи нѣкотораго времени (онъ увидѣлъ) бѣжитъ быстро какой-то человѣкъ, лишенный обоихъ глазъ. Человѣкъ, неимѣющій глазъ, спросилъ: «Какой ты человѣкъ, осмѣливающійся стрѣлять нашихъ животныхъ?» Ярту-башъ богатырь отвѣчалъ: «Мои старшіе братья отрубили мнѣ ноги и покинули меня, потомъ я остался съ этою дѣвицею и этимъ щенкомъ! Поэтому-то я и стрѣляю (животныхъ), чтобы ѣсть (ихъ)!» Имя этого безглазаго человѣка было Югрюкъ-батуръ [1]) (скороходъ-богатырь). Югрюкъ-батуръ сказалъ: «И мои старшіе братья

[1]) بوكروك باطور

суть такія братья, которые ослѣпили меня, и я по этой причинѣ остался въ пустынѣ одинъ. Будь ты (мнѣ) старшимъ братомъ, а я буду (тебѣ) младшимъ братомъ, и станемъ жить въ степи вмѣстѣ!» Когда прошло затѣмъ еще нѣсколько дней, съ одной стороны пришелъ и другой человѣкъ, не имѣющій обѣихъ рукъ. Этотъ человѣкъ шелъ и гналъ дикихъ животныхъ: волковъ и тигровъ, оленей и изюбрей. Югрюкъ-батуръ переловилъ и перетащилъ всѣхъ дикихъ звѣрей, которыхъ гналъ тотъ человѣкъ. Потомъ пришелъ находившійся за ними безрукій человѣкъ и сказалъ: «Кто осмѣливается перехватывать моихъ звѣрей?» Ярту-башъ богатырь и Югрюкъ-батуръ разсказали ему все, что видѣли со стороны своихъ старшихъ братьевъ. И этотъ безрукій человѣкъ сказалъ имъ двоимъ: «Буду я вамъ младшимъ братомъ! Станемте втроемъ жить въ этой пустынѣ и коротать дни!»—«Ладно!» отвѣчали тѣ, и стали потомъ втроемъ ходить на охоту. Упомянутый безрукій сталъ носить Ярту-башъ богатыря на себѣ, а Югрюкъ-батуръ ходить вмѣстѣ съ ними. Если Ярту-башъ богатырь, сидя на безрукомъ, застрѣлитъ оленя или изюбря, то Югрюкъ-батуръ бѣжитъ и ловитъ (застрѣленное животное). Однажды передъ отправленіемъ на охоту Ярту-башъ богатырь сказалъ оставшейся дѣвицѣ: «Когда мы уйдемъ на охоту и въ палатку войдетъ кошка (или курица), то не говори кошкѣ «брысь» и курицѣ «пошла вонъ»!» Съ этими словами онъ отправился на охоту. Когда они отправились на охоту и дѣвица сидѣла дома, вошла одна кошка. Эта дѣвица сказала: «Попробую сказать этой кошкѣ «брысь»! что выйдетъ изъ этого?» и крикнула «брысь!»,—эта кошка пошла и, мокнувши хвостъ въ воду, потушила огонь упомянутой дѣвицы. Эта дѣвица сказала: «Какъ теперь поступить мнѣ?» и пошла поискать огня. Когда она, разыскивая огонь, пришла въ одно мѣсто, изъ ущелья одной горы поднимается дымъ. Дѣвица, увидѣвши это, пришла къ тому мѣсту, гдѣ былъ дымъ; и (тутъ) оказался домъ семиголовой (вѣдьмы) Ялмунузъ [1]). Когда эта дѣвица вошла, старуха сказала: «Идите сюда, дочь моя! Откуда вы пришли?» Эта дѣвица отвѣчала: «Въ этой степи у меня есть три старшіе брата. Я живу вмѣстѣ съ ними. Сегодня потухъ у меня огонь, и я пришла сюда взять огонь!» Старуха сказала: «Приготовьте мнѣ 40 блюдъ пищи!», и дѣвица приготовила ей въ одинъ часъ 40 блюдъ пищи. Эта дѣвица съѣла (только) одно блюдо, а старуха съѣла все остальное. Потомъ эта дѣвица сказала: «Я возьму огня!» Старуха отвѣчала: «Подставьте свои руки!» Дѣвица подставила ей обѣ руки, и (старуха) нагребла съ головы и дала этой дѣвицѣ въ одну руку несмѣтное количество вшей, а въ другую руку гнидъ, потомъ дала ей въ зубы огонь. Эта старуха сказала: «Вы идите и разбрасывайте по обѣ стороны дороги вшей и гнидъ, находящихся у васъ въ рукахъ!» Когда эта дѣвица пошла и стала разбрасывать вшей и гнидъ, по одну сторону дороги появились бѣлые тополи, а по другую сторону-черные тополи. Потомъ, когда наступило утро слѣдующаго дня и старшіе братья были на охотѣ

---

[1]) يالونكوز по-киргиз. جالماوز (баба-яга)

упомянутая старуха пошла по этой тополевой дорогѣ и, пришедши къ дѣвицѣ, проколола ногу этой дѣвицы и высосала всю ея кровь. Сказавши потомъ: «Ты не разсказывай обо мнѣ своимъ старшимъ братьямъ!», эта старуха пошла къ себѣ домой. Затѣмъ старуха стала приходить каждый день и высасывать кровь этой дѣвицы. Наружность этой дѣвицы стала желтѣть изо дня въ день больше и больше. Ярту-башъ богатырь спросилъ: «О, дѣвица! Почему такъ пожелтѣло твое лице? Разскажи о себѣ всю правду!» Эта дѣвица отвѣчала: «Съ той стороны пришла одна семиголовая старуха Ялмунузъ и, проколовши мою подошву, стала высасывать мою кровь!» Ярту-башъ сказалъ: «Чѣмъ приходить въ такое положеніе, не лучше-ли было-бы тебѣ сказать намъ (объ этомъ)?» Дѣвица отвѣчала: «Когда потухъ огонь и я отправилась искать огня, мнѣ встрѣтилась упомянутая семиголовая (вѣдьма) Ялмунузъ! Вотъ почему я испугалась и не говорила вамъ!» Югрюкъ-батуръ поднялся и сказалъ: «Утромъ останусь дома я,—когда придетъ семиголовая Ялмунузъ, то я убью ее!» Съ этими словами Югрюкъ-батуръ остался утромъ дома. Потомъ по прошествіи нѣкотораго времени пришла и вышеупомянутая старуха, и сказала: «О, дѣвица, отъ дому (палатки) пахнетъ человѣческимъ тѣломъ!» Дѣвица сказала: «Идите бабушка! Здѣсь нѣтъ никого!» (Потомъ) эта старуха вошла къ дѣвицѣ. Какъ только стала старуха входить, Югрюкъ-батуръ поднялся и подскочилъ къ ней. Въ это время старуха взяла съ головы одинъ волосъ и, прочитавши (чудодѣйственныя) имена (Божіи) [1]), бросила (волосъ) къ ногамъ Югрюкъ-батура; этотъ волосъ обвился вокругъ рукъ и ногъ Югрюкъ-батура, и Югрюкъ-батуръ не былъ въ состояніи даже пошевельнуться. Потомъ эта старуха высосала кровь дѣвицы и ушла. Когда наступилъ вечеръ, Ярту-башъ богатырь спросилъ у Югрюкъ-батура: «Что было сегодня?» Югрюкъ-батуръ разсказалъ ему послѣдовательно обо всемъ происходившемъ. Затѣмъ, когда наступило слѣдующее утро, Безрукій богатырь остался дома, говоря: «Я останусь сегодня дома!» Когда наступилъ полдень, упомянутая старуха опять пришла и сказала: «Миръ Вамъ!» Когда Безрукій богатырь [2]) (Чолакъ-батуръ) побѣжалъ къ ней, старуха прочитала имена (Божіи) и, взявши одинъ изъ своихъ волосовъ, бросила (къ нему), и (волосъ), превратившись въ змѣю, обвился вокругъ ногъ и рукъ Безрукаго богатыря. Опять (она) высосала кровь этой дѣвицы и ушла. Только къ вечеру Безрукій богатырь едва могъ отвязаться отъ змѣи, обвившейся вокругъ его рукъ и ногъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь спросилъ: «Какое дѣло случилось сегодня?» И Безрукій богатырь разсказалъ ему послѣдовательно обо всемъ происходившемъ. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Утромъ останусь я!» Съ этими словами Ярту-башъ богатырь утромъ остался (дома). Когда наступилъ полдень, семиголовая (вѣдьма) Ялмунузъ пришла къ дверямъ и сказала: «О,

---

[1]) اسماء الله حسنى или اسم اعظم

[2]) چولاق باطور

дочь моя, сегодня, удивительно какъ, пахнетъ худо человѣческимъ тѣломъ!»—«Идите, нѣтъ вовсе никого!» отвѣчала дѣвица. Когда старуха, входя (въ палатку), только-что произнесла: «Миръ Вамъ!», Ярту-башъ богатырь подбѣжалъ на колѣняхъ и, сказавши: «О, приказаніе святаго, приказаніе Господа!», отрубилъ 6 штукъ головъ семиголовой вѣдьмы, и въ то время, когда осталась только одна голова, эта одноголовая Ялмунузъ скрестила (въ знакъ покорности) руки и сказала: «О, Ярту-башъ богатырь, Вы, оказывается богатырь, одаренный необыкновенной силой, силачъ великій,—я желаю подчиниться Вамъ! Изъ семи моихъ головъ осталась только одна голова, чего-же теперь я могу добиться? Если я проглочу какого-нибудь человѣка, у котораго сломаны ноги и руки, или который лишился языка, или обладаетъ какимъ-нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ, то всѣ его (поврежденные) члены выйдутъ здоровыми! Если вы оставите меня теперь живою, то когда-нибудь я пригожусь Вамъ!» Говоря это, она стояла, скрестивши руки. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Въ такомъ случаѣ идите сюда, дѣвица и щененокъ, народъ мой!» (Потомъ) всѣ трое схватили внутри палатки одноголовую Ялмунузъ; собака стала держать Ялмунузъ за ноги, и всѣ четверо сдѣлались въ это время похрабрѣе и свалили одноголовую Ялмунузъ на землю. Связавши ей назадъ ноги и руки, они крѣпко спутали ее и положили (на землю). Когда день склонился къ вечеру, Югрюкъ-батуръ поднялъ Безрукаго богатыря и быстро принесъ его. Въ эту-же ночь старшій и младшіе братья втроемъ привязали одноголовую Ялмунузъ съ головы до ногъ мокрою конопляною веревкою къ тополю, имѣющему толщины 40 аршинъ, и заставили ее поклясться 99 разъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Ты проглоти разомъ насъ троихъ и изрыгни вполнѣ здоровыми. Въ противномъ случаѣ мы убьемъ тебя, муча отрѣзываніемъ тебѣ носа и ушей!» Эта одноголовая Ялмунузъ сказала: «Ну, пусть подойдетъ одинъ изъ васъ!» Ярту-башъ богатырь и Югрюкъ-батуръ вдвоемъ взяли сначала Безрукаго богатыря и положили его въ ротъ (вѣдьмы) Ялмунузъ. Эта Ялмунузъ проглотила его какъ кусокъ хлѣба и, произволя въ животѣ урчанье то въ одной, то въ другой сторонѣ, черезъ одинъ часъ выпустила Безрукаго богатыря, сдѣлавши его чистымъ какъ чалму поклоненія (т. е. какъ снялъ рукою). Превративши его въ пятнадцатилѣтняго юношу и лице уподобивши лунѣ, (она) одарила его всякаго рода силою и способностью. Потомъ они вдвоемъ положили въ ротъ (вѣдьмы) Ялмунузъ Югрюкъ-батура. Затѣмъ Ярту-башъ богатырь сказалъ Безрукому богатырю и своей женѣ: «Ялмунузъ, проглотивши меня, не выпуститъ! Когда она не станетъ выпускать меня и когда вы всѣ трое возьмете въ свои руки кинжалы, то эта Ялмунузъ вырветъ (съ корнемъ) тополь и убѣжитъ! Если она, не пожелавши выпустить меня, побѣжитъ, то ты, жена, спрячь раньше подъ полою кинжалъ и скажи: «Ой, бабушка, и я пойду съ тобою,—распутаю тебѣ ноги и руки!» Послѣ этого она остановится,—ты подбѣги и, сказавши: «Приказаніе святаго (старца), приказаніе Господа!», ударь ее разъ кинжаломъ; но она не умретъ, если будешь пренаравливаться ударить ее два раза! Если, распоровши брюхо этой Ялмунузъ, не вынете меня сейчасъ же, то будетъ худо! Нельзя довольствоваться тѣмъ, что я буду находиться внутри ея!» Такъ

онъ заказывалъ имъ двоимъ. Потомъ, спустя одинъ часъ, (вѣдьма) выпустила Юргюкъ-батура, исцѣливши всѣ его члены, превративши его въ пятнадцатилѣтняго юношу и уподобивши полнолунію. Затѣмъ всѣ трое съ великимъ трудомъ положили Ярту-башъ богатыря въ ротъ (вѣдьмы) Ялмунузъ. Проглотивши потомъ Ярту-башъ богатыря, Ялмунузъ не стала выпускать его и чревъ одинъ часъ. Старуха сказала: «Подождите еще немножко, — это не-слѣпые глава. Выпустить его сейчасъ-же, это не-руки. Я выпустила васъ черезъ одинъ часъ, а объ Ярту-башъ богатырѣ ради васъ троихъ надо подумать три часа Такъ какъ и собака-вашъ товарищъ, то и ради нея надо подождать одинъ! часъ! Такъ какъ и я-ваша подчиненная, и за себя надо подумать одинъ часъ!» Старуха затягивала такъ свою рѣчь потому, что Ярту-башъ богатырь за то время не могъ свариться въ ея желудкѣ. А почему старуха такъ думала? Если онъ пробудетъ въ ея желудкѣ больше времени, то онъ дескать сварится. Вотъ съ какою цѣлью она не выпускала его, а затягивала рѣчь и толковала о часахъ. Юргюкъ-батуръ сказалъ: «Эй Ялмунузъ! Если ты хочешь выпустить Ярту-башъ богатыря, то выпускай его поскорѣе! Если не хочешь его выпустить, то сейчасъ-же всѣ трое станемъ рубить тебя!» Эта Ялмунузъ вырвала (съ корнемъ) тополь и побѣжала. Дѣвица сказала ей вслѣдъ: «Эй бабушка, бабушка! Такъ какъ и я подобно вамъ слабый человѣкъ (т. е. женщина), то возьмите и меня съ собою,—распутавши ваши ноги и руки, стану служить вамъ!» Эта старуха, оглядываясь назадъ, сказала: «Бѣги скорѣе, бѣги скорѣе!» Таща съ собою тополь, она пошла потихоньку, желая спастись. Тѣмъ временемъ дѣвица догнала эту старуху и такъ ударила старуху кинжаломъ разъ по головѣ, что голова ея отъ одного удара кинжаломъ слетѣла, какъ вѣтка яблони. Потомъ эти три человѣка распороли брюхо одноголовой Ялмунузъ и всѣ трое залѣзли внутрь вмѣстѣ съ собакою. Всѣ они вчетверомъ ходили и искали внутри брюха одноголовой Ялмунузъ 3 дня. Изъ каждаго угла ея брюха стали выходить многія-многія тысячи людей. Всѣ четверо исходили всюду и, не могши найти его, исполнились удивленія, они обошли (брюхо вѣдьмы), какъ городъ, и нигдѣ не могли найти его. Тѣмъ временемъ изъ носа Ялмунузъ показалась одна бѣлая пташка, которая пробыла тутъ одинъ мѣсяцъ. Эта старуха, оказывается, не желая убивать упомянутую пташку, берегла и кормила ее какъ въ клѣткѣ, вычистивши грязь изъ подъ когтя одного изъ пальцевъ руки. Эта пташка находилась подъ четвертымъ малымъ (безымяннымъ) пальцемъ правой руки, а Ярту-башъ богатыря (вѣдьма) спрятала, оказывается, въ оконечности мизинца, между ногтемъ и тѣломъ. Упомянутая пташка, находясь въ такой клѣткѣ, оказывается видѣла, что Ярту-башъ богатырь попалъ подъ ноготь мизинца. Въ то время, когда распороли брюхо семиголовой (вѣдьмѣ) Ялмунузъ, эта пташка, освободившись изъ клѣтки и не будучи въ состояніи вылетѣть изъ брюха, летѣла и встрѣтилась съ вышеупомянутыми четверыми и, прочирикавши: «Чирикъ, чирикъ, мизинчикъ!» пролетѣла мимо нихъ. Эти вчетверомъ залѣзли подъ ноготь мизинца и нашли Ярту-башъ богатыря въ кускѣ мяса, величиною въ одинъ ломъ. Всѣ члены Ярту-башъ богатыря стали здоровы, и онъ сдѣлался пятнадцатилѣтнимъ юношей, уподобившись полнолунію, только мало ос-

талось у него души. Взявши оттуда Ярту-башъ богатыря, они лѣчили его 40 дней. Когда они втроемъ ходили (разъ) на охотѣ, Югрюкъ-батуръ сказалъ: «Такъ какъ теперь глава мои исцѣлились, то мнѣ не отдохнуть какъ слѣдуетъ, если не побѣгаю одинъ день!» (Потомъ) Югрюкъ-батуръ сказалъ Ярту-башъ богатырю и Безрукому богатырю: «Вы втроемъ ходите на охоту, а я сегодня побѣгаю сколько-нибудь и, чтобы избавиться отъ оцьяненія (т. е. отъ неподвижности), посмотрю нѣсколько городовъ!» Съ этими словами онъ убѣжалъ въ одну сторону. Въ тотъ-же день, когда солнце склонилось къ западу, онъ прибѣжалъ проворно съ другой стороны. Югрюкъ-батуръ сказалъ: «Я осмотрѣлъ сегодня города, сходивши за 3 мѣсяца пути. Въ одномъ городѣ объявилось два богатыря. Этихъ двухъ богатырей ни въ борьбѣ, ни въ дракѣ не можетъ никто превозойти. Въ другомъ городѣ объявилось двѣ дѣвицы. Эти дѣвицы на разстояніи 10.000 шаговъ повѣсили одинъ ярмакъ (мѣдную монету), говоря: «Кто попадетъ въ этотъ ярмакъ, тому дадутъ обѣщаніе выйти за-мужъ!» «Вотъ какія вещи я видѣлъ сегодня!» Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Въ такомъ случаѣ намъ слѣдуетъ отправиться въ этотъ городъ!» Когда они постановили такъ идти, Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Югрюкъ-батуръ пусть ведетъ меня и мою жену, а собака и Безрукій богатырь (Чолакъ-батуръ) пусть идутъ вслѣдъ за нами!» Чолакъ-батуръ сказалъ; «Ну въ такомъ случаѣ идите и залѣвайте на меня!» Ярту-башъ богатырь пришелъ и сѣлъ Безрукому богатырю на правое плечо. Дѣвица пришла и сѣла ему на лѣвое плечо. Остальные двое пошли сзади. Югрюкъ-батуръ, пробывши въ дорогѣ около часу, прибылъ къ одной горѣ. На вершинѣ этой горы, на одномъ чинарѣ, находились дѣти (птицы) Сурмукъ [1]). Дѣти этой Сурмукъ пожиралъ драконъ [2]). Упомянутые 3 богатыря, убивши и изрубивши дракона, вырѣзали изъ его спины два ремня и, повѣсивши ремни на чинаръ, мясомъ (дракона) стали кормить дѣтей Сурмукъ. Въ одинъ изъ дней Сурмукъ вернулась съ охоты и не стала подлетать къ своему дому. Сурмукъ сказала: «О, дѣти мои, сегодня удивительно какъ пахнетъ тѣломъ человѣческаго существа!» Эти дѣти отвѣчали: «Куда дѣвались твои дѣти, которыхъ ты рождала раньше?» Сурмукъ отвѣчала: «Есть одинъ драконъ, который каждый разъ пожиралъ вашихъ старшихъ братьевъ! Вотъ почему и нѣтъ ихъ съ вами!» Эти дѣти ея сказали: «Пришли 3 богатыря и, убивши этого дракона, изъ спины его вырѣзали находящіеся вонъ тамъ 2 ремня, а мясомъ его кормили насъ!» Мать сказала (имъ) потомъ: «Гдѣ же эти люди?—«Вотъ!» отвѣчали (дѣти) и выпустили изъ-подъ крыльевъ упомянутыхъ 4 человѣкъ и показали (ихъ) своихъ матери. Потомъ Сурмукъ спросила у этихъ людей: «Какое горе есть у васъ?» эти отвѣчали: «Наше горе состоитъ въ томъ, чтобы ты доставила насъ пятерыхъ, въ томъ числѣ и собаку, въ нашу собственную страну!»—«Нѣтъ-ли у васъ еще какого-нибудь горя? Если-бы вы попросились и

---

[1]) سورموق отъ перс. سیمرغ

[2]) اژدرها (перс.)

на седьмое небо, то и тогда я исполнила-бы вашу просьбу!» сказала (Сурмукъ). Упомянутые богатыри сказали: «Если ты доставишь насъ въ нашу страну, то будетъ достаточно!» — «Въ такомъ случаѣ идите сюда!» сказала (Сумрукъ) и, посадивши всѣхъ пятерыхъ къ себѣ на спину, доставила въ одинъ часъ на самую родину Ярту-башъ богатыря. Сумрукъ сказала: «Это вашъ собственный городъ! Если случится теперь съ вами какое-нибудь несчастіе, то коснетесь вонъ этимъ самымъ перомъ моего крыла своихъ головъ и скажите: «Сдѣлай меня такимъ, сдѣлай меня сякимъ!» Когда вы, говоря это, коснетесь (имъ) своихъ головъ, то получите все, чего только ни пожелаете!» Съ этими словами Сумрукъ вырвала изъ своего крыла одно перо и вернулась на свою сторону. Ярту-башъ богатырь, коснувшись своей головы этимъ перомъ, превратился въ худаго плѣшиваго человѣка. Ярту-башъ богатырь пришелъ въ свой собственный городъ и поступилъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру въ ученики. Когда вышеупомянутыя 3 дѣвицы уходили, покидая степь, то у каждой изъ этихъ 3 дѣвицъ было по одному перстню. Эти 3 дѣвицы, вручая свои перстни Ярту-башъ богатырю, сказали: «Если ты никогда не разставаясь съ ними, будешь носить ихъ при себѣ, то когда-бы то ни было всѣ четверо будемъ находиться въ одномъ домѣ!» Съ этими словами упомянутыя дѣвицы вручили Ярту-башъ богатырю 3 перстня. Когда этотъ Ярту-башъ богатырь, превратившись въ плѣшиваго юношу, поступилъ къ одному золотыхъ дѣлъ мастеру въ ученики, то носились слухи: «Въ этой странѣ есть 2 дѣвицы, не имѣющія ни отца, ни матери. Эти дѣвицы достигли уже зрѣлаго возраста. Въ одномъ мѣстѣ онѣ повѣсили на нитку ярмакъ. Разстоянія отъ него онѣ назначили 10.000 шаговъ. Онѣ говорятъ: «Мы обѣ дадимъ согласіе выйти за-мужъ за того юношу, который попадетъ въ этотъ ярмакъ изъ ружья!» Такія слова слышалъ на базарѣ плѣшивый, ученикъ золотыхъ дѣлъ мастера. Вотъ эти упомянутыя двѣ дѣвицы наложили на золотыхъ дѣлъ мастера повинность, говоря: «Ты скуй намъ пару перстней!» Не будучи въ состояніи сковать этимъ дѣвицамъ перстни, какіе хотѣлось имъ имѣть, смертной казни подверглись многіе золотыхъ дѣлъ мастера. Однажды утромъ пришелъ человѣкъ упомянутыхъ двухъ дѣвицъ и спросилъ: «Готовы-ли перстни?» — «Утромъ будутъ готовы!» отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Этотъ человѣкъ сказалъ: «Если къ завтрашнему утру ты не приготовишь перстней, то завтра же поведутъ васъ обоихъ съ женою и обезглавятъ васъ!» Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Если къ утру я не приготовлю вамъ перстней, то пусть дѣлаютъ со мною, что только хотятъ!» Потомъ ночью когда плѣшивый лежалъ въ лавкѣ, золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ своей женѣ: «полежимъ сегодня ночью какъ слѣдуетъ, (потому что) завтра утромъ повелутъ насъ и убьютъ! Развѣ можно приготовить перстень? Такого перстня, какой онѣ задумали, я не могу сковать! Если хотятъ убить, то пусть убиваютъ!» Когда онъ лежалъ и разговаривалъ такъ со своею женою, плѣшивый юноша слышалъ (все). Потомъ этотъ плѣшивый сказалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что они разговариваютъ про тѣ (мои) перстни!» (Потомъ) онъ взялъ изъ-за пояса перстень, данный старшею дѣвицею, и взявши принадлежности работы упомянутаго золотыхъ дѣлъ мастера, поколотилъ по этому перстню

тамъ и сямъ молоточкомъ. Когда наступило слѣдующее утро, упомянутый мастеръ простился со своею женою и, сидя съ нею, сталъ плакать. Плѣшивый вошелъ и, спрашивая, сказалъ: «О мой мастеръ! Зачѣмъ Вы сидите такъ и горько плачете?» Этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ дѣлѣ? Развѣ ты не слышалъ словъ человѣка, приходившаго вчера отъ двухъ дѣвицъ? Теперь вотъ поведутъ насъ обоихъ и обезглавятъ. Всякіе мастера ковали для этихъ дѣвицъ перстни и, не могши имъ угодить, подверглись смертной казни. Развѣ есть у меня возможность сковать такой перстень? Вотъ почему мы, простившись другъ съ другомъ, и плачемъ, думая, что сейчасъ-же поведутъ насъ и умертвятъ!» Упомянутый плѣшивый сказалъ: «Ночью я сковалъ одинъ перстень. Пусть мой учитель (мастеръ) пойдетъ и посмотритъ. Если этотъ самый перстень годится, то я скую еще одинъ!» Золотыхъ дѣлъ мастеръ, увидѣвши этотъ перстень, спросилъ: «Когда ты сковалъ его?» Плѣшивый отвѣчалъ: «Услышавши рѣчь человѣка, приходившаго вчера отъ дѣвицъ, я захотѣлъ сковать его, и сковалъ (его) ночью!» Давши мастеру въ руки одинъ перстень, этотъ плѣшивый сказалъ: «Я схожу за дверь!» и быстро вышелъ. Этотъ плѣшивый бѣгомъ направился къ двумъ дѣвицамъ. Спустившись въ одну яму, этотъ плѣшивый коснулся своей головы перомъ (птицы) Сумрукъ и сказалъ: «Сдѣлай меня дряхлымъ старикомъ!» (Послѣ этого) плѣшивый превратился въ дряхлаго старика. Потомъ онъ взялъ въ руку одну палку какъ трость и, отправившись къ тому мѣсту дѣвицъ, гдѣ стрѣляли изъ ружей, ударивъ въ малый барабанъ. Черезъ одинъ часъ эти двѣ дѣвицы и весь народъ собрались въ большомъ количествѣ на то мѣсто, гдѣ стрѣляли изъ ружей. Эта дѣвица сказала: «Гдѣ-же человѣкъ, ударившій въ барабанъ? Вотъ мы приготовили и ружье. Кто выстрѣлитъ и не попадетъ въ этотъ ярмакъ, для того мы приготовили хорошихъ палачей. Кто попадетъ въ этотъ ярмакъ, для тѣхъ мы приготовили себя!» Изъ среди упомянутаго народа вышелъ одинъ старый человѣкъ съ посѣдѣвшею бородою и только-что успѣлъ взять въ руку ружье, находившееся передъ упомянутыми дѣвицами, какъ пришелъ одинъ человѣкъ и, выдергивая ружье изъ руки старика, сказалъ (ему): «Умирали здѣсь и юноши, которые были моложе тебя и которые обладали острымъ зрѣніемъ. Если ты старикъ, дожившій до нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ, то можешь-ли ты брать въ руки ружье, будучи теперь старикомъ, и не лучше-ли было-бы позаботиться о пяти или шести дняхъ остающейся жизни? Считая себя видѣвшимъ очень длинную жизнь, можешь-ли ты такъ поступать?» (Затѣмъ) пришелъ одинъ палачъ и сталъ держать надъ его головою мечъ. Упомянутыя двѣ дѣвицы сказали: «Пустите его,—пусть и этотъ старина утѣшитъ свою душу! Дайте,—пусть онъ попробуетъ выстрѣлить изъ ружья!» Потомъ дали этому дѣдушкѣ ружье. Этотъ дѣдушка сказалъ: «Ой, дѣвицы! Попадать-ли мнѣ въ нитку повѣшеннаго здѣсь ярмака, или попадать въ него самого?» Эти двѣ дѣвицы, переглядываясь другъ съ другомъ, сказали: «Этотъ старикъ произноситъ удивительныя слова! Тутъ есть что-то особенное!» На умѣ у старшей дѣвицы была совсѣмъ другая вещь, но изъ тысячи разъ она не подумала объ Ярту-башѣ богатырѣ ни разу. Этотъ старикъ, прицѣлившись изъ ружья, такъ вы-

стрѣлилъ одною пулею, что ярмакъ (мѣдная монета) былъ разбитъ на нѣсколько частей. Зарядивши ружье во второй разъ, онъ попалъ и въ нитку, на которой висѣлъ ярмакъ. Потомъ этотъ старикъ сказалъ дѣвицамъ:

«Не называйте вы
«Старика старымъ,
«Потому что старость
«Бываетъ обманчива!
«Тѣ изъ людей,
«Которые—бѣдны,
«Отправляютъ
«Много повинностей!

Потомъ этотъ старикъ сказалъ: «Я не возьму васъ, не возьму и вашихъ ружей!» Съ этими словами онъ (незамѣтно) вложилъ въ дуло ружья среди народа оба перстня. Затѣмъ онъ сказалъ: «Возьми свое ружье!» и бросилъ это ружье къ подолу старшей дѣвицы. Потомъ старикъ, прицѣпивъ къ поясу свою трость, скрылся въ народѣ. Затѣмъ двѣ дѣвицы, вернувшись къ себѣ домой, стали говорить другъ другу: «Этотъ старикъ оказался удивительнымъ старымъ стрѣлкомъ! Если-бы онъ былъ молодой, то мы вышли-бы за него за мужъ обѣ!» Когда перстни, заказанные этими двумя дѣвицами золотыхъ дѣлъ мастеру, пришли имъ на память, то онѣ послали къ этому мастеру одного человѣка, говоря: «Если золотыхъ дѣлъ мастеръ перстни уже приготовилъ, то приведи его сюда! Приведи и въ томъ случаѣ, если онъ не приготовилъ ихъ!» (Потомъ) онѣ отправили человѣка. Этотъ человѣкъ пришелъ и сказалъ золотыхъ дѣлъ мастеру: «Эй, золотыхъ дѣлъ мастеръ, я пришелъ за тобою! Сковалъ-ли ты перстни, или не сковалъ, все ровно, пойдемъ со мною!» Съ этими словами пригнали золотыхъ дѣлъ мастера. Упомянутыя дѣвицы спросили у золотыхъ дѣлъ мастера: «Сковалъ-ли ты перстни?» Золотыхъ дѣлъ мастеръ отвѣчалъ: «Я сковалъ (только) одинъ перстень!» и, взявши одинъ перстень, вручилъ его дѣвицамъ. Этотъ перстень раньше былъ перстнемъ, надѣвавшимся на палецъ старшей дѣвицы. Эта дѣвица, взявши перстень въ руки, разсмотрѣла его, и ей пришло на умъ: «У меня былъ перстень, похожій на этотъ,—не похожъ лишь въ немногомъ. Мой перстень былъ литой перстень, а этотъ перстень, оказывается, кованный. При всемъ томъ онъ пришелся мнѣ какъ разъ по рукѣ. Когда-же ты скуешь другой перстень?» Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «если дадутъ мнѣ трехдневный срокъ, то черезъ 3 дня я принесу (и второй) перстень!» Выпросивши трехдневный срокъ, онъ пошелъ (домой). Потомъ въ тотъ-же день, когда наступилъ вечеръ и младшая дѣвица стала вѣсить ружье на гвоздь, старшая дѣвица сказала: «Повѣсь ружье дуломъ внизъ!» Когда младшая дѣвица повѣсила ружье дуломъ внизъ, извнутри ружья выпало что-то въ темное мѣсто. Старшая дѣвица спросила: «Что такое выпало изъ внутри ружья? я велю Вамъ заткнуть дуло ружья, а Вы оставляете его открытымъ!» Младшая дѣвица сказала: «Извнутри ружья выпало что-то удивительно большое и тяжелое! Что это такое?» Принесши свѣтильникъ, она увидѣла, что это были два перстня. Младшая дѣвица, увидѣвши ихъ, сказала: «Тутъ случилось что-то

особенное! Извнутри ружья выпало два перстня!» Старшая дѣвица сказала: «Это, оказывается, удивительное дѣло. Изъ этого ружья выстрѣлилъ одинъ старый дѣдушка, этотъ старикъ, должно быть, Хизри [1]) (пророкъ Илія). Мы приняли на себя отвѣтственность за души многихъ людей. Вотъ почему надо думать, что это былъ Хизри!» Младшая дѣвица сказала: «О старшая сестра, посмотрите-ка эти перстни. Одинъ изъ нихъ похожъ на мой перстень. Разсмотрите-ка ихъ какъ слѣдуетъ! Не узнаете-ли ихъ!» Съ этими словами она вручила (перстни) старшей дѣвицѣ. Старшая дѣвица, увидѣвши эти два перстня, лишилась чувствъ. Придя черезъ часъ въ чувство, старшая дѣвица сказала младшей: «Какъ-же ты не можешь узнать этихъ перстней? Ты говоришь, чтобы я хорошенько разсмотрѣла эти перстни,—почему-же сама не узнаешь ихъ? Развѣ это не тѣ перстни, которые я носила на своей рукѣ? Знаешь-ли ты того человѣка, которому были даны эти перстни?» Та дѣвица, догадавшись, сказала: «Развѣ это не тѣ перстни, которые были даны нашему богатырю?» Старшая дѣвица спросила: «Если это такъ, то зачѣмъ-же ты спрашиваешь?» (Потомъ) старшая дѣвица сказала: «Откуда взялъ этотъ перстень золотыхъ дѣлъ мастеръ? Это не перстень, скованный имъ самимъ. Владѣльца перстня знаетъ этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Пусть поскорѣе пойдутъ и приведутъ этого мастера!» Съ этими словами (онѣ) отправили одного человѣка. Черезъ одинъ часъ былъ приведенъ и этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Упомянутыя двѣ дѣвицы спросили у него: «Разскажи объ этомъ перстнѣ по правдѣ,—въ противномъ случаѣ убьемъ тебя!» золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Этотъ перстень я сковалъ самъ!» Дѣвицы сказали: «Эй, мастеръ, теперь приблизился твой конецъ. Если я прошу тебя говорить по-правдѣ, ты говоришь не подходящія слова! Если ты не скажешь объ этомъ перстнѣ (всю) правду, то изъ тысячи твоихъ душъ не спасется даже одна!“ Потомъ этотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «У насъ былъ одинъ плѣшивый юноша. Этотъ юноша поступилъ ко мнѣ въ ученики по золотыхъ дѣлъ мастерству. Когда я вчера ночью лежалъ со своею женою и прощался съ нею, этотъ плѣшивый слышалъ все. Когда я утромъ всталъ и сѣлъ, то онъ принесъ мнѣ этотъ перстень. Я спросилъ: «Кто сковалъ этотъ перстень?» Онъ отвѣчалъ: «Я сковалъ!» Вотъ почему частью я вѣрилъ ему, частью не вѣрилъ!» Старшая дѣвица сказала: «Гдѣ-же этотъ плѣшивый, который далъ тебѣ этотъ перстень?»—«Только-что онъ ушелъ изъ дому!» отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ. Старшая дѣвица сказала: «Если ты не розыщешь и не приведешь этого плѣшиваго, то ты воръ. Прошло уже три года, какъ украли у меня этотъ перстень. Желая розыскать этого вора, я жестоко поступила со многими мастерами! Теперь я розыскала свой перстень. Если розыщешь мнѣ того вора, который укралъ этотъ перстень, то ты избавишься (отъ смерти)!» Такъ сказала старшая сестра. Золотыхъ дѣлъ мастеръ всталъ и сказалъ: «Ладно, разыщу!» Потомъ двѣ дѣвицы назначили къ этому золотыхъ дѣлъ мастеру двухъ человѣкъ и сказали (имъ): «Гдѣ-бы онъ ни оказался, найдите и приведите его сюда!» Съ этими словами онѣ отправили (ихъ). Въ

[1]) خضر

то время, когда золотыхъ дѣлъ мастеръ шелъ съ людьми (тѣхъ) дѣвицъ, въ одномъ мѣстѣ встрѣтился съ ними троими упомянутый плѣшивый, который былъ раньше старикомъ и попалъ (въ ярмакъ [1]) изъ ружья и который превратился теперь въ молодаго человѣка. Этотъ молодой человѣкъ подошелъ къ упомянутымъ людямъ и спросилъ: «Что вы разыскиваете?» Два человѣка отвѣчали: «Одинъ воръ укралъ у дѣвицы перстень, и этотъ перстень оказался у золотыхъ дѣлъ мастера. Когда у золотыхъ дѣлъ мастера спросили, откуда онъ взялъ этотъ перстень, то онъ отвѣчалъ, что взялъ его у одного плѣшиваго юноши. Мы ходимъ и не можемъ розыскать этого плѣшиваго юношу!» Встрѣтившійся имъ молодой человѣкъ сказалъ: «Этотъ человѣкъ, извѣстный подъ именемъ золотыхъ дѣлъ мастера, самъ воръ. Слѣдуетъ держать его покрѣпче самого, какъ-бы онъ не убѣжалъ. Ссылка его на плѣшиваго пустая отговорка!» Сказавши это, (плѣшивый) прошелъ мимо. Потомъ въ этотъ-же день два старшіе брата Ярту-башъ богатыря, собравши въ одно мѣсто много народу, стали говорить: «Мы оба, старшій и младшій братья, состоимъ царями этой страны. Пусть кто-нибудь поборется съ каждымъ изъ насъ двоихъ и сброситъ на землю. Кто поборетъ насъ обоихъ, того человѣка, насъ поборовшаго, мы сдѣлаемъ царемъ, и сами сдѣлаемся его слугами. Но, если онъ не поборетъ насъ, то этого человѣка мы подвергнемъ смерти. Ярту-башъ богатырь и Бевруқій богатырь (Чолакъ-батуръ) стали всѣ трое вмѣстѣ. Ярту-башъ богатырь сказалъ: «Стоящіе здѣсь двое мои старшіе братья. Ты, Югрюкъ-батуръ, пойди и возьмись за средняго брата. Когда онъ поборетъ тебя, тогда выступлю и я!» Потомъ Югрюкъ-батуръ вышелъ на средину и сталъ смотрѣть. Средній братъ пришелъ и сказалъ: „Что ты за человѣкъ, осмѣлившійся придти и стать на срединѣ этой площади?“ Югрюкъ-батуръ отвѣчалъ: „Я пришелъ и сталъ, чтобы бороться?“ Средній братъ пришелъ и попробовалъ взяться за Югрюкъ-батура. Югрюкъ батуръ сказалъ: „Пробуя браться за меня, что ты хочешь дѣлать? Поборовши, ты убьешь-ли меня, или пустишь на свободу? Дѣлай, что только тебѣ угодно. Если сборю тебя я, то мнѣ отъ тебя ничего не нужно»! Въ этотъ день дѣвицы сказали: „Изъ другаго города явился одинъ человѣкъ, желающій бороться съ богатырями»! Съ этими словами они вышли смотрѣть борьбу. Потомъ эти дѣвицы сѣли съ одной стороны площади и стали смотрѣть. Югрюкъ-батуръ, поднявши средняго брата Ярту-башъ богатыря, помахалъ имъ (въ воздухѣ) и такъ хватилъ объ землю, что половина его ушла подъ землю. Потомъ Яршу-башъ богатырь сказалъ: «Если ты поборешь меня, то обезглавишь меня, или возьмешь себѣ въ услуженіе, предоставляется тебѣ самому. Если я поборю, то мнѣ не нужно многаго. Мнѣ будетъ довольно и того, если я посижу на престолѣ 3 дня. Вотъ въ чемъ заключается мое условіе»! Потомъ старшій братъ Ярту-башъ богатыря сказалъ: «Ладно, иди»! и вступилъ въ борьбу. Во время ихъ борьбы собрался весь свѣтъ. Смотрѣли и тѣ двѣ дѣвицы. Дѣвица, которую (Ярту-башъ) привелъ съ собою, была наряжена въ мужской костюмъ. Щенокъ, бывшій во время отъѣзда этихъ дѣвицъ со степи маленъ-

[1]) يارماق

кимъ, сталъ уже теперь большею собакою. Собака стала подлѣ дѣвицы, наряженной въ мужской костюмъ. Среди собравшагося здѣсь народа, старшій и младшій братья дрались 3 ночи и (3) дня. Ярту-башъ богатырь помахалъ своего старшаго брата надъ головою 7 разъ и такъ хватилъ его объ землю, что тотъ погрузился въ землю до ушей. Затѣмъ Ярту-башъ богатырь опять выдернулъ своего брата изъ земли. Послѣ этого народъ страны выбралъ (*буке.* поднялъ) Ярту-башъбогатыря въ цари и принесъ его въ свой городъ. Потомъ, когда наступило слѣдующее утро, Ярту-башъ богатырь сдѣлалъ Югрюкъ-бітура везиремъ (министромъ) правой руки, а Чолакъ-бітура сдѣлалъ везиремъ лѣвой руки. Царь сказалъ: «Завтра я буду сидѣть со старшими и младшими людьми страны и стану держать съ ними совѣтъ. Пусть соберутся всѣ, не исключая и вдовъ и сиротъ»! Издалъ онъ такой указъ. Затѣмъ по наступленіи слѣдующаго утра собрался народъ всего свѣта. Упомянутый царь сказалъ въ эту ночь своимъ двумъ везирямъ и женѣ: «О везири, вы станьте подлѣ меня съ двухъ сторонъ,—я буду излагать разсказъ. Ты, жена, надѣнь снизу платье дѣвицы, какое было у тебя первоначально, а сверху надѣнь мужской халатъ, и стань подлѣ меня. По прошествіи нѣкотораго времени, когда разсказъ приблизится къ концу, я скажу тебѣ: «Приходи», и ты приходи поскорѣе и стань предо мной. Когда велю тебѣ снять (*буке.* положить) мужской халатъ, ты сними его и стань подлѣ двухъ дѣвицъ»! Такъ онъ училъ (своихъ людей). Потомъ, когда наступило утро слѣдующаго дня, онъ послалъ за упомянутыми двумя дѣвицами человѣка, говоря: «Пусть эти дѣвицы придутъ завтра утромъ ко мнѣ на площадь послушать (мой) разсказъ. Что касается ихъ самихъ, то пусть онѣ придутъ, надѣвши снизу дѣвичье платье и сверху мужской костюмъ. Подлѣ меня будетъ стоять одинъ человѣкъ. По прошествіи нѣкотораго времени я скажу этому своему человѣку: «Сними свой халатъ»! Пусть эти дѣвицы, смотря на того человѣка, дѣлаютъ все, что онъ будетъ дѣлать»! Такъ онъ наказывалъ (дѣвицамъ). Въ эту ночь старшая дѣвица видѣла во снѣ слѣдующее; Четыре человѣка сидятъ вмѣстѣ на одной бѣлой кочмѣ. Увидѣвшій маленькій сонъ, она проснулась. Эта дѣвица сказала: «О, младшая моя сестра, сегодня ночью я видѣла удивительный сонъ! Сегодня утромъ надо мнѣ обязательно отнести новому царю эти три перстня»! Потомъ въ то же утро эти двѣ дѣвицы нарядились въ дѣвичьи платья, снаружи надѣли мужской костюмъ и, на 3 пальца надѣвши 3 перстня, отправились къ царю. Затѣмъ, когда собрался народъ страны, новый царь сказалъ народу страны: «Говорятъ въ этой странѣ есть два царевича. Я сдѣлаю ихъ своими везирями правой руки (старшимъ, и лѣвой руки (младшимъ). Пусть они сейчасъ-же придутъ (сюда)»! Съ этими словами онъ послалъ за двумя старшими братьями человѣка. Черезъ часъ привели обоихъ старшихъ братьевъ. Потомъ двухъ дѣвицъ, нарядившихся въ мужской костюмъ, царь ввелъ внутрь (дворца) и далъ обѣимъ по одному мечу. Царь сказалъ: «Я сейчасъ выйду и стану излагать разсказъ. Когда кончится разсказъ, я скажу стоящему подлѣ меня человѣку: «Приходи»!, и вы смотрите на него. Снявши свой халатъ, онъ пройдетъ и станетъ подлѣ васъ. Это вы увидите потомъ. На этой площади находятся два человѣка. Приблизившись къ концу разсказа, я посмотрю на этихъ двухъ челo-

вѣкъ и скажу: «На комъ лежитъ этотъ грѣхъ»? Скажутъ-ли они, что грѣхъ лежитъ на нихъ, или не будутъ говорить ничего, я скажу стоящему подлѣ меня человѣку: «Пойди на средину»! Когда этотъ человѣкъ выйдетъ на средину, я скажу ему: «Сними свой халатъ»! Вы трое, снявши свои халаты, станьте въ одномъ мѣстѣ и смотрите на меня. Когда я скажу: «Рубите обѣ каждаго человѣка отдѣльно»!, вы рубите передо мною сейчасъ-же. Вотъ въ чемъ будетъ заключаться мой разсказъ»! Съ этими словами онъ далъ имъ двоимъ два меча и отправилъ (на площадь). Онѣ, взявши мечи и спрятавши ихъ подъ халаты, стали среди народа. Потомъ, черезъ одинъ часъ царь отправился излагать своимъ людямъ разсказъ. Этотъ царь вышелъ и сказалъ: «Пусть ученые и мудрецы подойдутъ ко мнѣ ближе»! и (потомъ) онъ началъ разсказъ:

«О люди, слушайте! Говорятъ, что въ древности гдѣ-то у какихъ-то бѣдныхъ людей была паршивая кобыла. У этихъ людей, говорятъ, было 3 сына. Кобыла этихъ людей, говорятъ, рождала всегда золотыхъ жеребятъ. Этихъ двухъ жеребятъ похищали обыкновенно дивы (нечистые духи). Эти старшіе и младшіе братья стали совѣтываться, какъ-бы овладѣть (жеребятами), но силы у двухъ старшихъ братьевъ не хватило. Самый младшій братъ отсѣкъ одному диву ногу; (потомъ) всѣ 3 брата отправились и нашли дивовъ въ одномъ колодцѣ. Самый младшій братъ спустился и убивши внутри его трехъ дивовъ, добылъ у каждаго отдѣльно по одной дѣвицѣ, похищенной тремя дивами, добылъ многія тысячи золотыхъ жеребятъ и, желая разыскать затѣмъ своихъ старшихъ братьевъ, пошелъ искать ихъ. Старшіе его братья, проголодавшись, залѣзли, говорятъ, въ одну яму и стали дѣлить тамъ напоаъ. Младшій братъ-богатырь, узнавши своихъ старшихъ братьевъ, одарилъ ихъ многими подарками и милостями и посадилъ на золотыхъ жеребятъ, говоря (про себя): «Пріѣхавши домой, я выдамъ двоихъ изъ этихъ 3 дѣвицъ за двухъ братьевъ своихъ»! Такъ онъ думалъ, ѣдучи (съ ними) домой. Эти два старшіе брата, уложивши спать своего младшаго брата, стали говорить: «Если онъ, будучи меньше всѣхъ насъ, совершилъ столько дѣлъ то неужели мы, будучи старше, сдѣлаемся его слугами»? (Потомъ) отрѣзали младшему брату-богатырю до колѣнъ ноги. Этого младшаго брата они покинули, говорятъ, (только) съ одною дѣвицею, съ однимъ лукомъ и съ одною собакою! Въ одинъ изъ дней явились къ нему: съ одной стороны степи безглазый и съ другой стороны человѣкъ, лишенный обѣихъ рукъ. Они втроемъ стали другъ другу старшими и младшими братьями —съ дѣвицею-же и съ собакою составилось ихъ пять человѣкъ. Пробывши въ этой степи нѣсколько лѣтъ, они попали въ брюхо семиголовой (вѣдьмы) Ялмунузъ и вышли оттуда бла-(гополучно). Они стали всѣ здоровы по-прежнему. Когда человѣкъ, носившій имя Ярту-башъ богатыря, прибылъ къ себѣ на родину, то (тутъ) объявилось два богатыря и двѣ дѣвицы. Было у этихъ дѣвицъ одно мѣсто, гдѣ стрѣляли изъ ружья. Онѣ привязали на нитку одинъ ярмакъ и повѣсили. Однажды какой-то старикъ пошелъ и попалъ въ этотъ ярмакъ. Потомъ въ этиже дни упомянутыя двѣ дѣвицы сказали, что одинъ золотыхъ дѣлъ мастеръ долженъ былъ сковать имъ перстни, и, когда онѣ пришли къ этому масте-

ру, онъ, оказалось, сковалъ имъ одинъ золотой перстень. Старшая изъ дѣвицъ, увидѣвши этотъ перстень, поймала упомянутаго дѣлъ мастера и, приведя его, спросила: «Кто сковалъ этотъ перстень»? Золотыхъ дѣлъ мастеръ сталъ настаивать на томъ, что перстень скованъ имъ. Когда потомъ стали пытать золотыхъ дѣлъ мастера, то этотъ мастеръ пришелъ къ сознанію и сказалъ: «У меня былъ одинъ плѣшивый юноша! Онъ далъ его мнѣ»! Такъ онъ сознался. Потомъ онѣ отправили съ нимъ двухъ человѣкъ и сказали: «Если вы не разыщете этого плѣшиваго, то убьемъ васъ самихъ»! Затѣмъ къ царскимъ сыновьямъ пришли два гостя и, вступивши съ ними въ борьбу, побѣдили двухъ братьевъ и стали вмѣсто нихъ царями. Собравши народъ страны, старшій и младшій братья, старшая и младшая сестры стали четверо вмѣстѣ, и (только) тутъ среди народа обнаружилось это дѣло».

«Человѣкъ, давшій золотыхъ дѣлъ мастеру перстень, выполнившій задачу двухъ дѣвицъ, побившій двухъ юношей—братьевъ, господинъ двухъ и хозяинъ золотыхъ жеребятъ это — я!» Потомъ онъ сказалъ: «Приходи! сними халатъ»! Упомянутыя 3 дѣвицы вышли всѣ трое на средину площади и сняли свои халаты. Три сестры, повидавшись другъ съ другомъ, сейчасъ-же узнали другъ друга при народѣ. Потомъ пришелъ щенокъ,—повидавшись съ вышеупомянутыми двумя дѣвицами, заплакала и эта собака. Затѣмъ, увидѣвши ихъ, заплакалъ и весь народъ страны. Потомъ Ярту-башъ богатырь, спрашивая, сказалъ: [«О мудрецы! Это дѣло правое-ли, или неправое»? Народъ отвѣчалъ: «Неправое»! Потомъ царь, смотря на двухъ старшихъ дѣвицъ, сказалъ: «Эй, что вы стоите и смотрите»? Эти двѣ дѣвицы пошли и, нанесши каждому изъ старшихъ братьевъ царя по одному удару мечемъ, отрубили имъ обоимъ головы, какъ вѣтки яблони, и убили обоихъ. Потомъ Ярту-башъ богатырь, ставши великимъ царемъ, справлялъ свадьбу 40 ночей и (40) дней и взялъ 3 дѣвицъ за себя за-мужъ, Югрюкъ-батура онъ сдѣлалъ везиремъ правой руки, а Чолакъ-батура везиремъ лѣвой руки. Эти 3 женщины и 3 мужчины стали жить вщестеромъ. Въ теченіе 70 лѣтъ, будучи справедливымъ царемъ, онъ правилъ народомъ и царствомъ и, достигши своей цѣли, ушелъ изъ этого міра (*т. е.* умеръ).

Н. Катановъ.

Библіографія.

1.

روس ادبیاتی کلنار (مادام دوله به دی)
طبعهٔ اولی استانبول ۱۳۱۱

Заглавіе этой турецкой (османской) книги въ русскомъ переводѣ читается такъ: «Русская словесность. Сочиненіе «Гранатоваго Цвѣтка» (госпожи Лебедевой). Изданіе первое. Константинополь, 1311 года». Въ этой книгѣ 132 страницы in 16°. Напечатана она въ 1311=1893,4 году. Эта прекрасная книга, принадлежащая нашей соотечественницѣ Ольгѣ Сергѣевнѣ Лебедевой, заключаетъ въ себѣ краткую исторію русской литературы отъ времени Петра Великаго до настоящаго (1894) года. Въ своей книгѣ авторъ, глубокій знатокъ турецкаго языка, излагаетъ въ сжатомъ видѣ, но изящнымъ слогомъ современной намъ турецкой литературы, біографическія свѣдѣнія о главнѣйшихъ писателяхъ, перечисляетъ ихъ произведенія, часто передаетъ и самое содержаніе чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ произведеній того или другаго автора. Отдѣльныя главы суть: Симеонъ Полоцкій, Антіохъ Кантемиръ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Херасковъ, Петровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Островскій и Толстой. Больше всего отведено мѣста изъ этихъ 20 писателей 7: Ломоносову (12 стран.), Державину (8 стр.), Карамзину (15 стр.), Пушкину (26 стр.), Лермонтову (11 стр.), Гоголю (9 стр.) и Островскому (5 стр.). Перечисляя тѣ или другія произведенія русскихъ писателей, авторъ къ сожалѣнію былъ не всегда послѣдователенъ: въ одномъ случаѣ у него русскія названія сочиненій транскрибируются турецкими буквами безъ перевода, въ другомъ случаѣ являются въ одномъ турецкомъ переводѣ безъ транскрипціи, а въ иныхъ случаяхъ названія сочиненій передаются какъ въ транскрипціи, такъ и въ переводѣ. Года рожденія и смерти писателей показаны вездѣ русскіе, а не мусульманскіе, что, пожалуй, будетъ не такъ удобно туркамъ, не знающимъ

русскаго лѣтосчисленія. Въ Константинополѣ легко можно было-бы достать «Таблицы» Ахмеда Мухтаръ-паши [1]), вышедшія въ свѣтъ всего только 4 года тому назадъ и, слѣдовательно, еще не составляющія библіографической рѣдкости. Съ помощью этихъ «Таблицъ» отлично можно было-бы перевести всѣ русскія даты на турецкія. Изъ европейскихъ таблицъ можно было-бы воспользоваться: нѣмецкими Ф. Вюстенфельда и Э. Мâлера, французскими Э. Лякуана, русскими М. Терентьева и другими. Собственныя имена лицъ и мѣстъ переданы вездѣ турецкими буквами вполнѣ согласно съ требованіями русской фонетики, хотя сами турки транскрибировали-бы эти имена по своему, т. е. не фонетически. Прилагательныя, входящія въ составъ сложныхъ собственныхъ именъ, поставлены вездѣ передъ собственными именами по нашему мнѣнію не вполнѣ удачно; такъ напр. Петръ Великій названъ «великій Петръ», Іоаннъ III—«третій Иванъ», Іоаннъ IV—«четвертый Иванъ», Екатерина Великая—«великая Катерина» [2]) и т. д. При разстановкѣ словъ авторъ руководствовался очевидно общетюркскимъ правиломъ, что опредѣленіе всегда должно предшествовать своему опредѣляемому. Въ турецкихъ учебникахъ такія прилагательныя берутся обыкновенно изъ арабскаго языка и, какъ и въ европейскихъ языкахъ, ставятся вслѣдъ за опредѣляемыми словами. Ставя прилагательное передъ существительнымъ, авторъ книги не основывался-ли на томъ, что у турецкихъ историковъ, напр. у Ахмеда Джевдетъ-паши, Петръ Великій называется «Дели Петру» [3]) (отважный Петръ), гдѣ прилагательное дѣйствительно предшествуетъ собственному имени? Не смотря на эти указанныя нами мелкія погрѣшности, которыя нисколько не уменьшаютъ достоинства самой книги, турки благодаря сочиненію О. С. Лебедевой всетаки достаточно познакомятся съ исторіей русской литературы, и появленіе такой прекрасной книги въ Турціи составитъ эпоху, ибо турки до сего времени ничего не знали о русскихъ писателяхъ.

К. Катановъ.

2.

Маріуполь и его окрестности. Отчетъ объ учебныхъ экскурсіяхъ Маріупольской Александровской гимназіи. Изданіе почетнаго попечителя Д. Ал. Хараджаева. Маріуполь, 1892.

Въ этой толстой, въ типографскомъ отношеніи изящно изданной книгѣ заключается 461 страница главнаго текста и 55 страницъ приложеній

---

[1]) اصلاح التقويم تاليف الغازى احمد مختار پاشا ترجمه للعربيه شفيق بك منصوريكن بمصر ١٣٠٧

[2]) دردنجى ايوان - اوچونجى ايوان - بيوك پترو بيوك قاترينا

[3]) دلى پترو

Въ текстѣ повѣствуется исторія Маріупольской гимназіи, исторія заселенія г. Маріуполя (Екатеринослой губ.) и его уѣзда греками и исторія наиболѣе извѣстныхъ училищъ, церквей и другихъ мѣстъ. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными планами, рисунками, портретами и снимками съ наиболѣе замѣчательныхъ предметовъ и мѣстностей. Оцѣнку первой исторической части книги, украшенной иллюстраціями, предоставляемъ спеціалистамъ; намъ-же интересна вторая этнографическая часть, озаглавленная «приложеніями». Эта вторая часть заключаетъ въ себѣ текстъ и переводъ памятниковъ народнаго творчества маріупольскихъ грековъ, говорящихъ по-татарски и вышедшихъ съ греками, говорившими на родномъ языкѣ, съ Крымскаго полуострова въ 1778 году подъ предводительствомъ преосвященнаго Игнатія, митрополита Готоійскаго и Кафійскаго, основателя г. Маріуполя (портретъ Игнатія помѣщенъ въ началѣ книги). Изъ сказокъ приведены въ русскомъ переводѣ: сказка объ Ашикъ-гарибъ, о Теръ-оглу, о царевнѣ-обезьянѣ, о скупомъ, 10 сынѣ бѣдной вдовы и о царевичѣ Куршунъ-бекѣ. Вслѣдъ за сказками слѣдуютъ пѣсни, переложенныя Ѳ. А. Грековымъ на ноты. Такихъ пѣсенъ 10 номеровъ. Эти пѣсни помѣщаются на 5 таблицахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ русской транскрипціи и русскомъ переводѣ 2 пѣсни и 40 пословицъ. Тексты памятниковъ народнаго творчества переданы настолько удовлетворительно, что по нимъ можно судить, какой группы тюркскимъ нарѣчіемъ говорятъ маріупольскіе греки,—именно крымско-татарскимъ. Русскій переводъ исполненъ очень близко къ оригиналу и вполнѣ точно передаетъ его содержаніе; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадаются маленькія неточности: такъ «Ашикъ-гарибъ» переведено «бѣдный костями» и «бѣдный музыкантъ», тогда какъ оба эти арабскія слова значатъ «влюбленный странникъ»; «А хызъ» переведено «дѣвушка» вмѣсто «о дѣвушка». Вмѣсто «ö» по по ошибкѣ напечатано «о», «ô» и «ó». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ двухъ словъ образовано одно, такъ напр.: вмѣсто «алышъ-веришъ» стоитъ «алышверишъ», вмѣсто «гöзине топрахъ» напечатано «гозинтопрахъ», вмѣсто «олса, базаръ» стоитъ «олсабазаръ». Мѣстами попадаются слова, или вовсе не переведенныя, или переведенныя не точно, такъ напр. «гель экимизи сарлаихъ» слѣдовало-бы перевести «приди, будемъ вдвоемъ обниматься», а не «иди-обнимемся»; «душманъ» переведено «прочіе» вмѣсто «врагъ». Не смотря на указанныя здѣсь мелочи, книга заслуживаетъ большаго вниманія, и было-бы желательно, чтобы преподаватели Маріупольской гимназіи, имѣющіе такого просвѣщеннаго руководителя, какъ Г. И. Тимошевскій, составили полное описаніе г. Маріуполя и его уѣзда въ отношеніи этнографическомъ. Заканчивая этимъ краткій обзоръ прекрасной книги «Маріуполь и его окрестности», я долженъ сказать здѣсь кстати, что о маріупольскихъ грекахъ, говорящихъ по-татарски, была уже статья Ѳ. А. Брауна на стр. 78—92 «Живой Старины», во II вып. за 1890 годъ.

К. Катановъ.

3.

Globus, illustrierte Zeitschrift für Länder und Völkerkunde. Braunschweig.

Въ числѣ журналовъ, которые получаются Обществомъ Археологіи, Исторіи и Этнографіи въ обмѣнъ на его изданія, особеннаго вниманія по своему содержанію заслуживаетъ между прочимъ иллюстрированный журналъ «Globus», издаваемый извѣстнымъ Richard Andree въ гор. Брауншвейгѣ. Этотъ журналъ, въ типографскомъ отношеніи издаваемый какъ нельзя лучше, заключаетъ въ себѣ такую массу статей по археологіи, исторіи и этнографіи, что разобрать ихъ по частямъ и по достоинству оцѣнить каждую могутъ только нѣсколько спеціалистовъ. Въ настоящей замѣткѣ я остановлюсь только на статьяхъ этнографическихъ и частью историческихъ. 1) Томъ LIX. 1891. Стр. 32 (статья) и 21 (портретъ in 4° киргиза). Статья написана по поводу портрета, сдѣланнаго русскимъ художникомъ Крыловымъ, путешествовавшимъ по Средней Азіи для производства снимковъ типовъ. Киргизы причисляются по языку къ тюркскимъ народамъ и по типу къ монголамъ. Они зовутъ себя «казакъ». Киргизами назвали ихъ русскіе. Статья подписана Th. v. Zaluski и озаглавлена Kirgisenbildniss. 2) Томъ LIX. 1891. Стр. 56—58. Статья безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Capus über die Vielweiberei in Russisch—Turkestan». Эта статья есть краткое извлеченіе изъ доклада французскаго путешественника G. Capus французскому антропологическому обществу о многоженствѣ и движеніи населенія въ Русскомъ Туркестанѣ. Изъ доклада G. Capus видно, что въ 1868 году было: въ Вѣрненскомъ уѣздѣ 70796 душъ муж. п. и 61353 жен. п., Копальскомъ у. 60199 муж. п. и 59416 жен. п., Сергіопольскомъ у. 46850 муж. п. и 43000 жен. п., Иссыкъ-кульскомъ у. 25000 муж. п. и 21000 жен. п. (55 проц. муж. п. и 45 проц. жен. п.). Женъ берутъ столько, сколько позволяетъ денежный кошелекъ. Надо замѣтить, что эти цифры для настоящаго времени особеннаго значенія не имѣютъ, потому что въ Семирѣченской области, 4 уѣзда которой перечислены выше, за послѣднее время поселилось много калмыковъ, татаръ, таранчей съ долины р. Или и крестьянъ изъ Малороссіи. 3) Томъ LIX. 1891. Стр. 81—85. Статья подъ заглавіемъ: «Totengebräuche der Iakuten, von Vasilij Priklonski. Nach der russischen Originalhandschrift von Friedr. S. Krauss». Къ этой статьѣ приложено 6 рисунковъ подъ общимъ названіемъ «Iakutische Grabstätten, nach der Natur gezeichnet von Vasilij Priklonski». Изъ этой статьи Фридриха С. Краусса узнаемъ, что у тюркскаго племени якутовъ, исповѣдывающихъ шаманство и христіанство, гробъ или закапывается въ землю, а сверху покрывается срубомъ, или ставится на столбахъ. Гробъ есть не что иное, какъ выдолбленная колода или сколоченныя доски. Изъ дерева дѣлаются изображенія умершихъ, и эти изображенія украшаются лоскутками кожи и раковинками. На это надо замѣтить, что выдолбленную колоду употребляютъ на гробъ и минусинскіе татары: сагайцы, койбалы, бельтиры и качинцы. Изображенія умершихъ изъ камня или дерева

дѣлаютъ урянхайцы Чернаго Иртыша, монголы и жители Тибета. Каменныя изображенія умершихъ принято называть каменными бабами. 4) Томъ LIX. 1891. Стр. 93. Статья за подписью Marthe и подъ заглавіемъ: «Buddhistische Heilkunde und ihr Studium in Sibirien». Эта статья написана по поводу выставки 1890 года въ Казани и ея отдѣла «Народная Медицина». Тибетская медицина знаетъ 101 основную болѣзнь. Изъ врачебныхъ средствъ извѣстны 429, которыя пріобрѣтаются въ Ургѣ, кромѣ хинина, покупаемаго въ русскихъ аптекахъ. Тибетскіе медики пользуются уваженіемъ не только у бурятъ, но и у русскихъ. Лѣкарства отпускаются обыкновенно въ видѣ порошковъ, состоящихъ часто изъ 30—60 элементовъ. 5) Томъ LIX. 1891. Стр. 364. Статья, переведенная на нѣмецкій языкъ Dr. Fr. S. Krauss въ Вѣнѣ и озаглавленная имъ: «Bronzenes Wildschaf aus einem Minussinsker Kurgane, von Vasilij Priklonski». Статья эта написана по поводу бронзоваго каменнаго барана, найденнаго 1890 г. близъ Иркутска. Къ статьѣ приложенъ и рисунокъ этого бронзоваго барана (Ovis argali) въ естественную величину. Подобнаго-же барана, найденнаго въ Минусинскомъ округѣ, нарисовалъ и В. В. Радловъ (Aus Sibirien. II. Табл. 5, рис. 4 и 5). Такой баранъ есть и въ III томѣ Reise von Pallas, табл. 7 (въ изданіи же Gauthier de la Peyronie табл. 32, фиг. 7 и 8). По мнѣнію археологовъ этотъ предметъ былъ принадлежностью шаманскаго культа; онъ былъ именно колоколецъ (такъ думаетъ и В. В. Радловъ, «Aus Sibirien» II, стр. 89). Такіе предметы попадаются часто въ пещерахъ Енисея и его притоковъ. На это надо замѣтить, что такіе колокольцы употребляются больше у буддійскихъ монаховъ при богослуженіи, нежели у шамановъ. Ламы звонятъ колокольцомъ всякій разъ, когда надо начинать пѣніе, а у шамановъ употребляются лишь маленькіе колокольчики и то въ видѣ добавочнаго украшенія на бубнѣ съ внутренней стороны и на шубѣ. 6) Томъ LX. 1891. Стр. 255. Статья безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Russische Expedition nach den Ruinenstädten der Mongolei». Эта статья повѣствуетъ вкратцѣ объ экспедиціи В. В. Радлова, П. М. Ядринцева, ботаника и топографа на Орхонъ (верховья Селенги). Изъ этой статьи узнаемъ, что мѣстоположеніе главнаго города монгольскихъ хановъ Кара-Корума, описаннаго Плано Карпиніемъ въ XIII в., было долго спорнымъ. Плано Карпиній, папскій посланникъ, въ 1246 г. былъ въ Золотой Юртѣ великаго хана. Потомъ тамъ были: Andreas von Lonjumel (1149) и извѣстный посланникъ Людовика Святаго Ruysbroek (1253). Вопросъ-же о мѣстоположеніи Кара-Корума поднялъ въ 1873 году Падеринъ. 7) Томъ LXII. 1892. Стр 108. Статья, подписанная H. Hofmann, озаглавлена: «Die Tjusi oder Götzen der Minussinskischen Tataren». Эта статья появилась по поводу статьи Д. А. Клеменца, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., томѣ XXIII, тетрадяхъ 5 и 6. Иркутскъ, 1892». «Тюсъ» у тюркскихъ народовъ то же, что и онгонъ у монгольскихъ, напр. у бурятъ. Онгоны—боготворимые духи предковъ. «Тюсъ» —изображеніе злаго духа, виновника всякихъ бѣдъ и болѣзней. Д. А. Клеменцъ насчитываетъ такихъ духовъ (божествъ) 31. Въ жертву имъ приносятся: молоко, водка, ячмень и пр. У тюрковъ шаманъ называется «камъ», между тѣмъ авторъ вышеприве-

денной статьи ошибается, думая, что «шаманъ» и «камъ» не одно и то же: «bei solchen Zeremonien ist zuweilen die Assistenz eines Schamanen, in besonders wichtigen Fällen sogar die eines Kam nöthig». Далѣе въ статьѣ говорится, что форма этихъ «тюсъ» относится къ глубокой древности. «Тюсы» дѣлаются изъ лоскутковъ кожи (лисицы, медвѣдя, лошади, козы и пр.) и прикрѣпляются къ концу палки. Д. А. Клеменцъ, обратившись къ русской азбукѣ, неправильно воспроизвелъ татарское «тӧс» черезъ «тюсъ», а H. Hofmann передалъ это «тюсъ» черезъ «Tjus». Жаль, что Д. А. Клеменцъ не указалъ точно, въ какихъ случаяхъ изображенія духовъ предковъ дѣлаются изъ кожи лисицы и въ какихъ изъ кожи др. животныхъ и когда приносится та или другая жертва. 8) Томъ LXIII, № 2. 1893. Стр. 35 и 36. Статья за подписью Dr. Friedrich S. Krauss въ Вѣнѣ и подъ заглавіемъ: «Der Name Stambol oder Istambol». Dr. Franz Miklosich говоритъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Die türkischen Elemente in den süd—ost und osteuropäischen Sprachen» (Wien, 1890), что слово Истамбулъ (Istanbol) произошло изъ греческаго εἰς τὴν πόλιν—σ τὴν πόλιν. Болгары и сербы для Константинополя имѣютъ 2 имени: Stanbol («Stambol» и «Stambul», но не «Istambol») и Carigrad (Kaiserstadt). Въ народной пѣснѣ говорится: «u stolu..... u Stambolu» въ столицѣ..... въ Стамбулѣ. Турки слово Истамбулъ взяли у болгаръ и сербовъ и прибавили къ нему «и», какъ къ слову στεφανος они прибавили «i» и сдѣлали «istifanos». Изъ εἰς τὴν πόλιν они сдѣлали-бы «istimpol», но не Stanbol. Итакъ, по мнѣнію Ф. С. Краусса, изъ болгаро-сербскаго Stanbol (Stano=Константинъ,+bol) образовалось Истамбулъ (Истанболъ). Къ этому нужно добавить, что слово «Стамбулъ» изъ греческаго εἰς τὴν πόλιν, явившагося отвѣтомъ на вопросъ: «куда ѣдешь?», производятъ и нѣкоторые мусульманскіе ученые [1]). Русскіе мусульмане вмѣсто «Стамбулъ» часто произносятъ «Исламбулъ»), т. е. городъ ислама. 9) Томъ LXIII, № 3. 1893. Стр. 50 и 51. Статья Dr. I. Goldzieher'a подъ заглавіемъ: «Die Fiktion der Blutverwandschaft bei orientalischen Völkern, Budapest». Эта замѣтка явилась по поводу статьи извѣстнаго французскаго египтолога проф. G. Maspero въ «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology» (1892. Стр. 309—312) о кровномъ и молочномъ родствѣ по корану (сура IV, стихъ 27) и мусульманскимъ законамъ и преданіямъ: Аль-Бухари, ум. 870 г. [2]), и ученика его Ат-Тирмизи, ум. 892 г. 10) Томъ LXIII, № 20. 1893. Стр. 319—324. Статья P. v. Stenin'a въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: «Die Tschuwaschen». Изъ этой статьи видимъ, что всѣхъ чувашъ въ Россіи 680.000 душъ. Живутъ они въ губерніяхъ: Казанской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, Самарской, Симбирской и Саратовской. Ученые были различнаго мнѣнія о происхожденіи чувашъ, такъ напр. О. Пешель считаетъ ихъ потомками волжскихъ болгаръ,

---

[1]) Стр. 30 и 31 сочин. Чугучакскаго муллы Курбанъ-алія: كتاب تأريخ جريده جديده Казань, 1889».

[2]) كتاب النكاح—книга о бракѣ.

какого мнѣнія держится и П. С. Савельевъ; госпожа А. Фуксъ считаетъ ихъ хазарами, а В. Сбоевъ производитъ ихъ отъ буртасовъ. Первыя свѣдѣнія о чувашахъ распространились въ Россіи въ царствованіе царя Іоанна IV Грознаго (1533—1584), около 1551 года, а въ царствованіе Императрицы Елизаветы (1741—1761) чуваши приняли христіанство. Остатки язычества до сихъ поръ сохранились у чувашъ. Въ этой статьѣ помѣщены 3 довольно хорошо исполненныя картины—снимки типовъ чувашъ и амбара. Далѣе въ статьѣ есть свѣдѣнія о бытѣ и религіи чувашъ. Источниками для статьи служили: А. Фуксъ, В. Сбоевъ, Палласъ, Стенинъ, А. Земляницкій, Е. А. Маловъ, В. Магницкій, А. Егоровъ, Меньшовъ, А. И. Доброхотовъ, А. Протопоповъ.

Н. Катановъ.

4.

L' Oriente. Rivista trimestrale publicata a cura dei professori del R. Istituto Orientale in Napoli. Roma. Anno I, № 3. 1 Luglio 1894.

На стран. 178—196 іюльской книжки журнала, издаваемаго въ Неаполѣ профессорами Королевскаго Восточнаго Института черезъ каждые 3 мѣсяца, помѣщена любопытная статья оріенталиста Luigi Bonelli подъ заглавіемъ «Elementi italiani nel turco ed elementi turchi nell'italiano» (итальянскіе элементы въ турецкомъ—османскомъ языкѣ и турецкіе элементы въ итальянскомъ). Въ началѣ своей статьи, на стран. 180—182, авторъ перечисляетъ слова, заимствованныя турками изъ языковъ греческаго и французскаго, и такихъ словъ онъ насчитываетъ всего 40. Затѣмъ стр. 183—194 онъ посвящаетъ исключительно перечню словъ, взятыхъ турками изъ итальянскаго языка. Такихъ иностранныхъ словъ въ турецкомъ языкѣ оказывается всего 388. Наконецъ, на стр. 194—196 авторъ перечисляетъ турецкія слова, вошедшія въ составъ итальянскаго языка. Такихъ словъ всего 32. Большая часть словъ культурнаго значенія взяты турками изъ языковъ греческаго, французскаго и итальянскаго въ новѣйшее время. Это преимущественно термины военные, морскіе, финансовые, географическіе и частью естественно-историческіе. Какъ термины военные, усвоены турками слова: блокада, штандартъ, вооруженный отрядъ, баракъ, бастіонъ, браво и др; какъ термины морскіе: компасъ, открытое море, идти прямо, мачта, снасть, каперное судно, фрегатъ, капитанъ, пароходъ и др.; какъ термины финансовые: франкъ, грошъ, касса, лира и др.; какъ термины географическіе: противный вѣтеръ, карта, вулканъ и др. Итальянцами-же у турокъ заимствованы разнородныя слова въ родѣ слѣдующихъ: кофе, кафтанъ, кіоскъ, янычары, гяуръ (невѣрный), обезьяна, одалиска, шакалъ, мечъ, кортикъ, арсеналъ, тюрбанъ (чалма), поваръ, уланъ, шагрень, жилетъ, кавна, тупоумный и др. Эти слова усвоены прибрежными жителями Италіи. Не малая доля словъ взята турками изъ венеціянскаго нарѣчія итальянскаго.

янскаго языка. Иностранныя слова въ турецкомъ языкѣ и турецкія въ иностранныхъ языкахъ были разбираемы и объясняемы многими учеными, изъ которыхъ L. Bonelli упоминаетъ слѣдующихъ: 1) Fr. Miklošitch: Die Slavischen, Magyarischen und Rumunischen Elemente im Türkischen Sprachschatze. Wien, 1889; 2) G. Meyer. Türkische Studien. Wien, 1893; 3) لغت غريبه (иностранныя слова). Стамбулъ, 1307=1889; 4) Barbier de Meynard. Dictionnaire turc-français. Paris, 1881 et suiv.; 5) Meninski. Lexicon Arabico-Persico-Turcicum. Viennae, 1780; 6) Glosario de las palabras españolas de origen oriental. Granada, 1886; 7) Samy Bey. Dictionnaire turc-français. При всемъ томъ большая часть словъ, заимствованныхъ турками изъ европейскихъ языковъ, не вошла какъ въ выше перечисленные труды, такъ и въ сочиненіе оріенталиста Ценкера «Dictionnaire turc-arabe-persan. Leipzig, 1866—1876». Ввиду всего вышеизложеннаго статья L. Bonelli заслуживаетъ большого вниманія всѣхъ оріенталистовъ, интересующихся турецкимъ языкомъ.

Н. Катановъ.

5.

Алтайскіе инородцы. Сборникъ этнографическихъ статей и изслѣдованій Алтайскаго миссіонера, протоіерея В. И. Вербицкаго, изданный подъ редакціей А. А. Ивановскаго. Москва, 1893. 215 стран. Съ портретомъ В. И. Вербицкаго. Цѣна 2 рубля.

Русскіе этнографы, занимающіеся изслѣдованіемъ быта и вѣрованій сибирскихъ тюркскихъ племенъ, будутъ весьма благодарны Обществу Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящему при Московскомъ Университетѣ, за то, что это Общество, не пожалѣвши средствъ, издало всѣ статьи по этнографіи, которыя печаталъ въ равныхъ провинціальныхъ изданіяхъ труженникъ на пользу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Томской губерніи протоіерей В. И. Вербицкій, умершій въ селѣ Улалѣ Бійскаго окр. 12 окт. 1890 г. на 63 году отъ рожденія. Этимъ самымъ изданіемъ Московское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи даетъ полную возможность познакомиться съ трудами провинціальнаго этнографа и всѣмъ русскимъ ученымъ, которые до настоящаго времени почему-либо не знали ихъ близко. Сборникъ статей В. И. Вербицкаго изданъ хорошо и довольно полно, только портретъ его вышелъ не совсѣмъ удачно. Затѣмъ относительно транскрипціи текстовъ шаманскихъ молитвъ надо замѣтить, что она вполнѣ фонетически не выдержана самимъ В. И. Вербицкимъ въ равныхъ провинціальныхъ изданіяхъ, а въ сборникѣ къ этой невыдержанной транскрипціи присоединились и многочисленныя ошибки, происшедшія

отъ недостатка въ типографіи шрифта смягченныхъ гласныхъ, твердыхъ и мягкихъ гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Благодаря этимъ чисто типографскимъ недостаткамъ затемняется, можно сказать, и самый смыслъ текстовъ. Хорошо, если за текстами сейчасъ-же слѣдуютъ и переводы,—тогда каждый текстъ можно возстановить сообразуясь съ переводомъ его. Что-же касается текстовъ, въ неудачной транскрипціи помѣщенныхъ на стр. 46—75, и притомъ оставленныхъ безъ перевода, то они не имѣютъ большого значенія: ни для лингвиста, ни для этнографа. И здѣсь надо винить всецѣло типографію, въ которой не оказалось фонетическаго шрифта. Очеркъ языка, сдѣланный на стр. 26—42, при недостачной выдержанности транскрипціи тоже не имѣетъ особеннаго значенія для лингвиста. Что касается неоднократныхъ нападокъ на «закорючки» тюрколога В. В. Радлова, который вполнѣ фонетически изучилъ и транскрибировалъ алтайскіе тексты русско-нѣмецкой транскрипціей, то всѣ эти нападки во-первыхъ, основаны лишь на опечаткахъ, которыя оставлены иногда безъ исправленія, во-вторыхъ, научно не обоснованы и потому едва-ли будутъ для кого-нибудь поучительны. Ввиду всего этого сборникъ, посвященный памяти В. И. Вербицкаго, можетъ имѣть значеніе лишь тою частью, которая писана по-русски и которая не имѣетъ полемическаго характера; слѣд. сборникъ будетъ полезенъ только этнографамъ, лингвистамъ-же можно рекомендовать изданные отдѣльно въ 1869 и 1884 гг. «грамматику» и «словарь», составленные В. И. Вербицкимъ болѣе научно, чѣмъ мелкія замѣтки, разбросанныя по разнымъ провинціальнымъ изданіямъ.

Н. Катановъ.

6.

L'irrigation en Asie Centrale. Etude géographique et économique par Henri Moser. Paris, 1894. 379 стр. in 8°, съ гидрологическою картою Туранской низменности и картою арыковъ Самаркандской области.

Въ этой книгѣ, составленной Henri Moser'омъ по личнымъ наблюденіямъ и измѣреніямъ и распроснымъ свѣдѣніямъ, говорится: о почвѣ и климатѣ Центральной Азіи (стр. 5—140), объ орошеніи полей въ древности (стр. 141—178), объ орошеніи Центральной Азіи въ настоящее время (стр. 179—210), объ орошеніи въ Зеравшанскомъ округѣ (стр. 211—241), объ орошеніи въ Бухарскомъ ханствѣ (стр. 242—272) и объ орошеніи въ будущемъ (стр. 273—373). О туземцахъ Средней Азіи мы узнаемъ изъ этой книги слѣдующее. Сарты живутъ въ домахъ, битыхъ изъ глины (лёса). Изъ такого-же матеріала туземцы строятъ: конюшни, мечети, минареты, гробницы, ограды, печи и пр. Они мѣшаютъ глину съ водой и къ этой смѣси для упругости прибавляютъ рубленой соломы, или сухого навоза или просто сѣна. Кирпичи, сдѣланные

изъ такого матеріала, высушиваются на солнцѣ или обжигаются въ печи. Постройки изъ такихъ кирпичей столь прочны, говоритъ на стр. 26 Henri Moser, что онѣ удивительно выдерживаютъ всякую непогоду и могутъ существовать даже нѣсколько вѣковъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ школы и гробницы, возведенныя изъ вышеозначеннаго матеріала еще въ эпоху великаго Тимура (1337—1405). Въ Азіи не рѣдкость, если оросительные каналы имѣютъ длины 100 верстъ. Императорскій каналъ, соединяющій двѣ большія рѣки: Хуанъ-хэ и Янъ-цзы-цзянъ (въ русскихъ учебникахъ: Гоанго и Янцекіангъ), имѣетъ 1000 верстъ длины и 250—1000 футовъ ширины. Находящіяся на этомъ каналѣ плотины имѣютъ вышины до 70 футовъ. Климатъ въ Средней Азіи континентальный, слишкомъ жаркій лѣтомъ. Хивинцы въ маѣ мѣсяцѣ, который считается началомъ лѣта, производятъ такой опытъ: на открытомъ солнечнымъ лучамъ мѣстѣ хивинцы кладутъ куриныя яица, которыя затѣмъ прекрасно поспѣваютъ, и въ теченіи дня хивинцы приготовляютъ яица такимъ образомъ раза три. Если яица всѣ 3 раза поспѣваютъ, значитъ лѣто будетъ хорошее, обѣщающее обильный урожай. По словамъ автора Миддендорфъ (умершій 16 янв. 1894 г.) провѣрилъ опытъ хивинцевъ и вычислилъ, что для сваренія одного яица на низкомъ мѣстѣ нужно времени 1 часъ при температурѣ 85°. Относительно населенія Henri Moser говоритъ, что по свѣдѣніямъ 1884 года: въ Сыръ-дарьинской области было на 8645 кв. миляхъ 448962 д. осѣдлыхъ и 653655 д. кочевыхъ, въ Ферганской области было на 1320 кв. миляхъ 538650 д. осѣдлыхъ и 137120 д. кочевыхъ, въ Зеравшанскомъ округѣ на 473 кв. мил. 360586 д. осѣдлыхъ и въ Аму-дарьин. области 29465 д. осѣдлыхъ и 104160 д. кочевыхъ. Изъ хлѣбныхъ растеній, наиболѣе любимыхъ кочевниками Средней Азіи, особенно извѣстно просо, изъ котораго киргизы дѣлаютъ напитокъ, называемый буза. Затѣмъ въ пищу туземцамъ идутъ: бобы, кукуруза, кунжутъ, горохъ, чечевица и др. растенія. Изъ фруктовыхъ деревьевъ въ Средней Азіи растутъ: абрикосовое, персиковое, яблоня, грушевое, миндальное, фисташковое, вишневое, орѣховое, фиговое, гранатовое, тутовое и виноградъ. Часть этихъ деревьевъ находится въ дикомъ состояніи, часть растетъ въ садахъ туземцевъ. Винограда, воздѣлываемаго туземцами, насчитываются до 20 разныхъ сортовъ, и всѣ сорта хорошіе. Туземцы Средней Азіи не любятъ украшать свои дома цвѣтами и растеніями. Изъ цвѣтовъ туземцы любятъ только розу и гвоздику. Садъ туземца, кромѣ необходимыхъ растеній, содержитъ также исключительно для женскаго туалета растеніе Lawsonia inermis, изъ котораго добывается краска «хинна» [1]) для окрашиванія ногтей, и для запаха базиликъ. Ханъ хивинскій самъ занимается садоводствомъ. Дворецъ его окруженъ цвѣтниками. Хивинцы любятъ носить за ушами цвѣты. О народахъ Средней Азіи Henri Moser между прочимъ говоритъ, что таджики и сарты мягки, понятливы, терпѣли-

[1]) Хинна—حناء.

вы, трудолюбивы, но безнравственны, притворны, лгуны и жадны до наживы. Въ своихъ поступкахъ таджики и сарты отчасти сходятся съ евреями. Киргизовъ г. Moser считаетъ врагами сартовъ и земледѣлія. Киргизы ненавидятъ сартовъ, людей городовъ и базара, которые торгуютъ, надувая киргизовъ и обкрадывая ихъ какъ только возможно, и которые смѣются надъ ихъ простотою и мужиковатостью. Среднеазіятскіе киргизы стали понемногу заниматься земледѣліемъ съ тѣхъ поръ, какъ сильные морозы истребили стада. Туркмены по прежнему продолжаютъ жить набѣгами и разбоями, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которые живутъ близъ городовъ. Авторъ въ концѣ книги говоритъ, что проведеніе Закаспійской желѣзной дороги, учрежденіе въ главныхъ центрахъ земледѣльческихъ школъ и хорошее управленіе страной—все это въ совокупности сдѣлаютъ Среднюю Азію богатой страной. Вотъ и все, что говоритъ о туземцахъ въ своей прекрасной книгѣ Henri Moser; что-же же касается собственно географическо-экономическаго описанія Средней Азіи, то разсмотрѣ іе его представляется спеціалистамъ. Книга издано изящно. Изъ сочиненій русскихъ авторовъ г. Henri Moser пользовался сочиненіями Мушкетова, Иностранцева, Вильда, Миддендорфа, Костенко, Радлова и Наливкина. Для Западной Европы эта книга, заключающая въ себѣ точныя свѣдѣнія о Средней Азіи, сослужитъ великую службу. Въ заключеніе нужно сказать, что нѣкоторыя туземныя слова транскрибированы не совсѣмъ правильно; такъ на стр. 38 «djidda»—растеніе джигда (вм. «djigda»), тамъ-же «ourda»—крѣпостца (вм. «orda»), стр. 52 «tougais» — кустарники (вм. «togal's»), 78 «Hindou-kouch»—хребетъ Гинду-кухъ (вм. «Hindou-kouh» هندو كوه), 104 «bourdaï»—пшеница (вм. «bougdaï»), 107 «taryl»—просо (вм. «tary»—тары) и 296 «koumirtchi»—угольщикъ (вм. «keumurtchi»). Къ книгѣ приложена недурная карта Средней Азіи въ масштабѣ 200 километровъ въ дюймѣ, длины 8 и ширины 5½ вершковъ.

Н. Катановъ.

7.

Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области, разрѣшенные въ Общемъ Присутствіи Тургайскаго Областнаго Правленія съ участіемъ уѣздныхъ начальниковъ и свѣдущихъ лицъ изъ киргизовъ въ засѣданіяхъ съ 25-го января по 12-е февраля 1894 года. Оренбургъ, 1894. 332 стр. in 8°.

Этотъ сборникъ, изданный по распоряженію г. военнаго губернатора Тургайской области, представляетъ результатъ многихъ вопросовъ первостe-

ценной важности, обсуждавшихся на съѣздѣ въ г. Оренбургѣ съ 25 января по 12 февраля 1894 года, вопросовъ, касающихся разныхъ сторонъ административнаго управленія и экономической жизни киргизовъ. На засѣданіяхъ обсуждались между прочимъ слѣдующіе вопросы: о составленіи инструкціи волостнымъ правителямъ, о народномъ судѣ, о зданіяхъ для волостныхъ правленій, о мѣрахъ къ сокращенію переписки, о выборахъ должностныхъ лицъ и искорененіи подкуповъ, о правахъ уѣздныхъ начальниковъ, о сборахъ податей и повинностей, о съѣздахъ народныхъ судей, о земельныхъ надѣлахъ для кочевниковъ, о прекращеніи конокрадства, о взиманіи долговъ съ киргизовъ, о ссудахъ и ссудныхъ кассахъ, объ обезпеченіи народнаго продовольствія, объ общественныхъ сѣнныхъ запасахъ, объ употребленіи тамгъ вмѣстѣ съ подписями, о льготахъ отъ платежа кибиточной подати, о ростовщикахъ, объ аульныхъ школахъ. Въ приложеніяхъ къ книгѣ заключаются: формы бланокъ для именныхъ списковъ кибитковладѣльцевъ; форма бланокъ для баллотировочныхъ листовъ; кондиціи на содержаніе земскихъ станцій въ области; формы бланокъ вѣдомостей дѣламъ, рѣшаемымъ народными судіями; о киргизскихъ лѣтовкахъ. Вслѣдъ за приложеніями слѣдуетъ «инструкція волостнымъ управителямъ, аульнымъ старшинамъ, волостнымъ и аульнымъ съѣздамъ Тургайской области». Въ этой «инструкціи», печатавшейся также въ «Тургайскихъ областныхъ вѣдомостяхъ» за 1894 годъ, указываются: обязанности по дѣламъ полицейскимъ, обязанности по дѣламъ казеннаго управленія, обязанности по дѣламъ общественнымъ, обязанности по дѣламъ, подсуднымъ мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ и народному суду, и наказъ аульнымъ съѣздамъ кибитковладѣльцевъ и волостнымъ съѣздамъ выборныхъ; затѣмъ приводятся: правила о предоставленіи въ распоряженіе правительства лицъ порочнаго поведенія, правила объ истребленіи саранчи, правила о пригульномъ скотѣ, правила объ удовлетвореніи потерпѣвшаго за потраву, правила объ охраненіи казенныхъ лѣсовъ отъ пожаровъ, правила о порядкѣ производства казенныхъ взысканій съ имущества должниковъ и правила о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ киргизовъ и киргизскихъ обществъ. Изъ этой богатой содержаніемъ книги между прочимъ узнаемъ слѣдующее. Въ устройствѣ зданій для волостныхъ правленій настоитъ великая надобность, тѣмъ болѣе, что по отсутствію волостныхъ канцелярій становится невозможнымъ наводить справки за минувшіе годы по случаю утраты дѣлъ, изъ которыхъ многія, подвергаясь вліянію воздуха и дождей при перекочевкахъ, сгниваютъ. Эти дома могли-бы послужить и образцами для построекъ киргизскихъ зимовокъ (стр. 10).—Пока киргизы не оставятъ своихъ честолюбивыхъ стремленій къ должностямъ, до тѣхъ поръ нельзя разсчитывать на полное уничтоженіе партій и подкуповъ, какъ средствъ къ достиженію должностей (стр. 21). Миролюбивые и добрые по натурѣ киргизы, подъ вліяніемъ избирательной борьбы, озлобляются и ищутъ удобныхъ случаевъ наносить своимъ противникамъ всевозможный вредъ (стр. 24).—Народный судъ киргизовъ подлежитъ надзору и ревизіи уѣздныхъ начальниковъ, которые должны блюсти общественные и частные интересы киргизовъ (стр. 31).—Въ послѣднее десятилѣтіе развитіе русской колонизаціи въ степи

замѣтно повліяло на измѣненіе условій экономическаго быта киргизовъ. Многіе киргизы стали заниматься хлѣбопашествомъ, обрабатывая землю сами лично или черезъ работниковъ изъ русскихъ. Въ средѣ киргизовъ замѣчается стремленіе ко многимъ заимствованіямъ отъ русскихъ и между прочимъ къ усвоенію лучшихъ пріемовъ веденія сельскаго хозяйства (стр. 36).— Въ киргизской степи до упроченія русской власти во всѣхъ дѣлахъ борьба частныхъ интересовъ регулировалась самосудомъ, выражавшимся въ формѣ баранты. Обиженные искали защиты у своего рода, который мстилъ отбарантованіемъ скота и имущества у противниковъ. Всѣ, отличавшіеся смѣлостью и удальствомъ при отбарантованіи скота и имущества, пріобрѣтали уваженіе въ народѣ и славу лихихъ батырей, увлекавшую многихъ на подобные же разбойническіе подвиги. Упроченіе русской власти въ степи и уничтожила баранту и славныхъ батырей (стр. 67).—Кражи скота въ Тургайской области все увеличиваются: въ 1888 г. было 513, въ 1889 г. было 580, въ 1890 г. было 627 и въ 1891 г. было 720 кражъ (стр. 69). Киргизы Тургайской области подъ вліяніемъ примѣра русскихъ переселенцевъ распахиваютъ нынѣ площадь въ 84464 десятины хозяйственной мѣры (=140706 казен. десятинъ). Хлѣбъ нынѣ сталъ предметомъ первой потребности, особенно для киргизовъ сѣверныхъ уѣздовъ (стр. 94).—Тамги, заимствованныя, по всей вѣроятности, отъ монголовъ, введены у киргизовъ въ концѣ XVII в., еще до принятія русскаго подданства, при ханѣ Тяукѣ, который, заботясь о введеніи порядка въ народѣ, издалъ для киргизовъ законы, основанные на древнихъ обычаяхъ, опредѣлилъ каждому роду свою кочевку и каждому же роду далъ тамги, для клейменія скота и означенія мѣстъ лѣтнихъ кочевокъ. Съ принятіемъ русскаго подданства киргизы, какъ неимѣвшіе своей письменности, стали прикладывать тамги вмѣсто подписей во всѣхъ дѣловыхъ сношеніяхъ (стр. 101). Общее Присутствіе постановило, чтобы впредь у киргизовъ въ дѣловыхъ бумагахъ, кромѣ тамги, имѣлись и подписи, такъ какъ контрольныя судебныя учрежденія не принимаютъ бумагъ, на которыхъ нѣтъ подписей, а имѣются однѣ тамги (стр. 102 и 103).—Льготами отъ платежа податей въ Тургайской области пользуются: потомки Ширгазы,—внука Абулъ-хайра, умершаго 1749 года; потомки тѣхъ лицъ, которыя были убиты въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ въ 1844 г. противъ мятежнаго султана Кенисары Касимова, и потомки султана Арслана Джантюрина (стр. 108 и 109).—II селившіеся въ области татары, бухарцы и евреи часто вовлекаютъ киргизовъ въ разворительныя сдѣлки, взыскивая съ нихъ громаднѣйшія суммы въ видѣ неустойки за просроченные дни (стр. 111). — Въ Тургайской области аульныхъ школъ всего 25. Эти школы по простотѣ своей вполнѣ отвѣчаютъ кочевому образу жизни киргизскаго населенія (стр. 133). Въ «инструкціи волостнымъ управителямъ, аульнымъ старшинамъ, волостнымъ и аульнымъ съѣздамъ» также не мало любопытныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ приводимъ здѣсь лишь нѣкоторыя. Волостной управитель и аульный старшина въ предѣлахъ своего вѣдомства преслѣдуютъ лицъ, которыя, обманывая легковѣренныхъ людей, станутъ выдавать себя за колдуновъ или людей, одаренныхъ чудесною силою или

святостью, и тѣмъ будутъ производить въ народѣ тревогу, умыніе, или неповиновеніе установленной законами власти (§ 16). Волостной управитель и аульный старшина неослабно наблюдаютъ за поведеніемъ и образомъ мыслей подвѣдомственнаго имъ населенія и употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ охраненію спокойствія и порядка посредствомъ благоразумныхъ внушеній (§ 18). Женщины, числящіяся кибитковладѣлицами, имѣютъ право голоса на съѣздахъ наравнѣ съ мужчинами (§ 203). Въ званіе волостнаго муллы избираются киргизы, не лишенные права голоса, имѣющіе отъ роду не менѣе 25 лѣтъ и способные къ исполненію обязанностей этого званія. Лица, получившія образованіе внѣ Имперіи, не могутъ быть избираемы муллами (§ 240). Къ книгѣ приложены разныя формы бланокъ. Этотъ обширный сборникъ, составленный при ближайшемъ участіи И. И. Крафта, редактора Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей, состоявшаго во время съѣзда въ Оренбургѣ секретаремъ совѣщанія по всѣмъ вопросамъ, заключаетъ въ себѣ не мало самыхъ новыхъ и интересныхъ свѣдѣній по части быта киргизовъ Тургайской области, и потому этотъ сборникъ смѣло можно рекомендовать какъ весьма полезную книгу всякому этнографу, интересующемуся судьбами подвластныхъ Россіи народовъ. Остается въ будущемъ пожелать отъ этого сборника одного, чтобы та часть его, которая заключаетъ въ себѣ правила и инструкціи для управленія киргизами, была переведена на чистый народный киргизскій языкъ и чтобы затѣмъ она была распространена по всей области, послѣ чего киргизы убѣдятся, что русское правительство дѣйствительно печется объ ихъ благосостояніи.

Н. Катановъ.

8.

Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Ташкентъ, 1894. Цѣна 40 коп.

Эта брошюра составлена воспитанникомъ IV класса Туркестанской учительской семинаріи Худабаемъ Кустанаевымъ и издана подъ редакціей преподавателя этой-же семинаріи Н. А. Воскресенскаго. Не смотря на то, что въ этой брошюрѣ только 52 страницы, она трактуетъ обо всемъ, касающемся быта киргизъ Сыръ-дарьинской области, изъ которыхъ происходитъ самъ авторъ, довольно подробно. Во вступленіи (главѣ I) говорится о типѣ киргизъ, одеждѣ и украшеніяхъ ихъ, жилищѣ, пищѣ и утвари, кочевкахъ, гостепріимствѣ, зимовкахъ и зимнихъ развлеченіяхъ (стр. 1—22); въ главѣ II описываются свадьба и ея обряды (стр. 22—34); въ главѣ III говорится объ обрядахъ и повѣріяхъ, сопровождающихъ роды киргизокъ, о рожденіи ребенка и уходѣ за нимъ, о воспитаніи дѣтей, о школѣ и ея вредномъ вліяніи

на умственное и физическое развитіе учениковъ (стр. 35—41); въ главѣ IV говорится о больномъ, о баксахъ и способахъ леченія, о смерти киргиза и похоронныхъ обрядахъ (стр. 41—50) и, наконецъ, на стр. 50—52 дѣлается общая характеристика нравственныхъ свойствъ киргизовъ. Новѣйшихъ описаній быта среднеордынскаго и большеордынскаго киргизскаго народа мы до сихъ поръ имѣли нѣсколько, въ томъ числѣ статью В. Д. Тронова «Матеріалы по антропологіи и этнологіи киргизъ», помѣщенную на стран. 45 — 86 вып. II тома XVII, «Записокъ Императорскаго Русскаго Географич. Общ. по отдѣленію этнографіи», и статью И. И. Ибрагимова «Этнографическіе очерки киргизскаго народа», помѣщенную на стр. 120—152 выпуска II сборника «Русскій Туркестанъ». Теперь мы имѣемъ и третью статью, написанную гораздо обстоятельнѣе и полнѣе предыдущихъ двухъ статей киргизомъ, хорошо знающимъ бытъ своего народа. Особеннаго вниманія въ сочиненіи нашего автора заслуживаютъ подробныя описанія киргизскихъ костюмовъ и украшеній, описанія киргизскихъ свадебныхъ обычаевъ и прекрасно изложенная киргизская демонологія. О демонахъ узнаемъ между прочимъ слѣдующее: Джины—это духи, имѣющіе роковое вліяніе на людей; ихъ преслѣдуютъ ангелы своими молніеносными стрѣлами, хотя бы они скрылись въ деревьяхъ, животныхъ и люляхъ. Арвâхи—это покровительствующіе духи усопшихъ предковъ, пророковъ, святыхъ и знаменитыхъ людей; эти духи заботятся о счастіи и благополучіи людей, охраняютъ ихъ отъ опасностей, вселяютъ въ нихъ хорошіе помыслы, удаляютъ дурные. Пери—это прекрасныя, воздушныя существа, живущія между небомъ и землею, на самыхъ высокихъ горахъ, и причиняющія человѣку нѣкоторыя болѣзни. Изгнаніемъ злыхъ духовъ обыкновенно занимаются бакси, играющіе у киргизовъ роли знахарей. Бакси занимаются своимъ дѣломъ преимущественно ночью, т. е. такъ-же, какъ и шаманы восточныхъ тюркскихъ племенъ. Жаль одного, что нашъ авторъ дѣлаетъ иногда свои заключенія о баксахъ изъ единичныхъ случаевъ, которые онъ наблюдалъ. Французскій путешественникъ G. Capus въ своемъ докладѣ Французскому Антропологическому Обществу сказалъ между прочимъ, что въ Русскомъ Туркестанѣ мусульмане женъ берутъ столько, сколько имъ позволяетъ денежный кошелекъ («Globus», томъ LIX, стр. 56—58. 1891); нашъ-же авторъ Худабай Кустанаевъ говоритъ, что только богатые имѣютъ много женъ, не больше четырехъ по корану (стр. 33). Г. Кустанаевъ имѣлъ вѣроятно ввиду 3 стихъ IV главы корана, гдѣ дѣйствительно говорится только объ 1, 2, 3 и 4 женахъ; между тѣмъ въ Русскомъ и Китайскомъ Туркестанѣ встрѣчаются киргизы и татары, имѣющіе и болѣе 4 женъ. Нельзя не пожелать, что въ такой хорошей брошюрѣ, какъ сочиненіе г. Кустанаева, попадаются опечатки и ошибки, которыя даютъ неправильное понятіе о киргизскомъ языкѣ; такъ напр. видимъ: на стр. 11 «тазъ» (камень) вмѣсто «тасъ», стр. 13 «бусага» (притолока) вм. «босага», стр. 17 «кунакъ» (гость) вм. «конакъ», стр. 21 «думбра» (балалайка) вмѣсто «домбра» и «уйнакъ» (игра) вм. «ойнакъ» или «ойнау», стр. 28 «джулдасъ» (спутникъ) вм. «джолдасъ» и «курумдыкъ» (смотрины) вм. «көрүмдүкъ», стр. 29 «ачаргъ» (открывать) вм. «ашаръ» и «уйнау» (играніе) вм. «ойнау», стр. 31

«уленгъ» (пѣсня) вм. «ӧлӧнг», стр. 32 «утау» (кибитка), вм. «отау», стр. 40 «хаджа» (господинъ) вм. «ходжа», стр. 49 «куқъ» (синій, голубой) вм. «кӧкъ» и «бувъ» (сѣрый) вм. «бозъ», стр. 50 «булсунъ» (да будетъ) вм. «болсунъ», стр. 27 «тугувъ» (девять) вм. «тогувъ», стр. 15 «қунъ» (день) вм. «кӯнъ» и т. п. Не смотря на эти ошибки, которыя попали въ брошюру съ чисто татарской фонетикой, можно отъ души пожелать распространенія этому интересному изданію не только въ Россіи, но и на западѣ.

Н. Катановъ.

Въ 1895 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Гаевенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Штукенбергъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» **М. Е Евсевьева**.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 рубль

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XII, вып. 6.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAY 5 1964

4709

СОДЕРЖАНІЕ.

Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ. П. А. Полякова . . . . . 541—561.

Матеріалы для историко-археологическаго обозрѣнія Спасскаго уѣзда Казанской губерніи. I. Бассейнъ р. Ахтая. И. А. Износкова. 562—569.

Вопросъ объ открытіи городской публичной библіотеки въ Казани. П. А. Пономарева. . 570—577.

О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. П. Ѳ. Катанова. . . 578—593.

О началѣ «Нѣмецкаго гулянья» въ Казани. П. А. Пономарева. . . . . 594—601.

Къ исторіи землевладѣнія въ Свіяжскомъ уѣздѣ. А. В. Васильева. . . . . 602—612.

Хроника. Археологія, исторія и этнографія В. Россіи И. Н. Смирнова. . . . . 613—632.

Приложенія. 1) Спасскій монастырь въ Казани, историч. описаніе Е. М. Лебедева . . . . 1—48.

2) Отчетъ Общества за 1894 годъ . . . . . 1—26.

3) Объявленія.

Казань

Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета.

1895.

Вышелъ 1 мая.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

6494

ТОМЪ XII.

ВЫПУСКИ 1—6

1894.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества Н. Катановъ.

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XII.

Оглавленіе

КЪ XII ТОМУ «ИЗВѢСТІЙ».

СТАТЬИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Матеріалы для характеристики музыкальнаго творчества инородцевъ Волжско-Камскаго края. Мелодіи Оренбургскихъ и Ногайскихъ татаръ. Введеніе. *В. А. Гошкева.* стр. . . . . 1—67.

Къ вопросу о «смѣшанныхъ» языкахъ. *В. А. Богородицкаго.* стр. . . . . 68—70.

Дешифрація Енисейско-орхонскихъ надписей. *М. Н. Смирнова.* стр. . . . . 71—74.

О погребальныхъ обрядахъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 109—142.

Русскіе въ Якутской области въ XVII в. *С. С. Краснобаева* стр. . . . . 143—176.

О сасанидскихъ блюдахъ. *А. М. Смирнова.* стр. 195—202.

Поѣздка въ село Квасниковку. *Ф. В. Духовникова.* стр. 203—208.

Киргизскій батырь Джанходжа Нурмухаммедовъ. *М. В. Гошкева.* стр. . . . . 209—237.

Каракулинскій могильникъ. *М. Н. Смирнова.* стр. 263—272.

Мордва, историко-этнографическій очеркъ (окончаніе). *И. Н. Смирнова.* стр. . . . . 273—373.

Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ. *Н. И. Заспдателева.* стр. . . . . 374—380.

Орденъ хуфіе. *Н. Н. Пантусова.* стр. 387—408.

О свадебныхъ обрядахъ татаръ Восточнаго Туркестана. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 409—434.

О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII в. *И. А. Износкова.* стр. . . . . 435—447.

Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 448—454.

О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области. *Д. А. Кочнева.* стр. 455—465.

Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ. *П. А. Полѣнова.* стр. . . . . 541—561.

Матеріалы для историко-археологическаго обозрѣнія Спасскаго у. Казан. губ. I. Бассейнъ р. Ахтая. *И. А. Износкова.* стр. . . . . 562—569.

Вопросъ объ открытіи городской публичной библіотеки въ Казани. *П. А. Пономарева.* стр. . 570—577.

О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. 578—593.

О началѣ «нѣмецкаго гулянья» въ Казани. *П. А. Пономарева.* стр. . . . . 594—610.

Къ исторіи землевладѣнія въ Свіяжскомъ у. Казан. губ. *А. В. Васильева.* стр. . . . . 602—612.

ХРОНИКА.

Археологія, исторія и этнографія Вост. Россіи въ 1893 г. *И. Н. Смирнова.* стр. . . . . 80—89.

Пермская археологическая выставка 1894 г. *А. А. Спицына.* стр. . . . . 177—178.

Татары Тамбовской губ. по даннымъ 1893 года. стр. 238—239.

Къ вопросу о Тамбовскихъ и Казанскихъ татарахъ. *В. К. Магницкаго.* стр. . . . . 466—468.

Археологія, исторія и этнографія Восточной Россіи въ 1894 г. *И. Н. Смирнова.* стр. . . . 613—632.

МАТЕРІАЛЫ.

Надгробные камни въ Жукотинскомъ округѣ по лѣвую сторону Камы. Субычьи горы на Камѣ. *Т. Вознесенскаго.* стр. . . . . 75—78.

Матеріалы для исторіи Казанскихъ монастырей. *Епископа Никанора.* стр. . . . . 78—79.

Городище Япанчино на р. Кубнѣ. *Гайнъ-эд-дина Ахмарова.* стр. . . . . 179—182.

Свидѣтельства китайскихъ и арабскихъ писателей о Туркестанѣ. стр. . . . . 182—185.

Качинская легенда о сотвореніи міра. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 185—188.

Приключенія муллы Насръ-эд-дина. *Т. А. Иваницкаго.* стр. . . . . 189—193.

Разсказъ о батырѣ Джанходжѣ Нурмухаммедовѣ. *И. В. Анучина.* стр. . . . . 240—255.

Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка. *А. И. Соколова.* стр. . . . . 469—478.

Тюркскія сказки о 3 братьяхъ. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. 479—480.

Адербейджанская сказка о 3 братьяхъ-царевичахъ *Т. А. Иваницкаго.* стр. . . . . 480—490.

Турецкая сказка о 3 братьяхъ-царевичахъ. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 491—497.

Сагайская сказка о 3 братьяхъ-богатыряхъ. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 497—505.

Логученская сказка о 3 братьяхъ - богатыряхъ. *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 505—524.

МУЗЕОГРАФІЯ.

Древности Минусинскаго округа, поступившія въ Минусинскій музей съ января 1892 по декабрь 1893 г. *Н. М. Мартьянова.* стр. . . . . 90—95.

БИБЛІОГРАФІЯ.

«Anderson N. J. Wandlungen der anlautenden dentalen Spirans im Ostjakischen. St. Peterbs. 1893». *В. А. Богородицкаго.* стр. . . . . 96—100.

Литература археологіи, исторіи и этнографіи Вост. Россіи въ 1893 г. *И. Н. Смирнова.* стр. . 101—107.

Книжныя новости. стр. . . . . 108.

«Матеріалы для археологіи Вост. Россіи. А. А. Спицына». *И. Н. Смирнова.* стр. . . . . 256—262.

«Русская словесность, на турец. языкѣ (روس ادبياتی). Константинополь, 1893. О. С. Лебедевой». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 525—526.

«Маріуполь и его окрестности. Маріуполь, 1892». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 526—527.

«Globus. Braunschweig». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. 528—531.

«L'Oriente. Roma, 1894». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. 531—532.

«Алтайскіе инородцы. Москва, 1893». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 532—533.

«L'irrigation en Asie Centrale. Paris, 1894. Par Henri Moser». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 533—535.

«Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области. Оренбургъ, 1894». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 535—538.

«Этнографическіе очерки киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Ташкентъ, 1894. Худабая Кустанаева». *Н. Ѳ. Катанова.* стр. . . . . 538—540.

ПРОГРАММЫ.

Программа для собиранія инородческихъ примѣтъ о погодѣ. *А. В. Смоленскаго.* стр. . . . . 381—382.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

О связи дѣятельности И. И. Неплюева съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго. *Н. А. Ефремова.* стр. . . . . 3—6.

И. И. Неплюевъ, организаторъ Оренбургскаго края. *В. Н. Витевскаго.* стр. . . . . 7—34.

Политическое и финансовое значеніе колонизаціонной дѣятельности Ивана Ивановича Неплюева. *Н. Н. Ефремова.* стр. . . . . 35—48.

Телеграмма *Николая К. Неплюева*, потомка И. И. Неплюева. стр. . . . . 49.

Черемисско-русскій словарь. *В. П. Трошинаго*. стр. 85—87.

Спасскій монастырь въ Казани, историческое описаніе. *Е. М. Лебедева*. стр. . . . . 1—48.

Отчетъ и составъ Общества за 1893 годъ, составл. *М. К. Смирновымъ*. стр. . . . . 51—63.

Отчетъ и составъ Общества за 1894 годъ, составл. *Н. Ѳ. Катановымъ*. стр. . . . . 1—26.

ОПЕЧАТКИ.

Опечатки. стр. . . . . 383—385.

Указатель

къ XII тому „Извѣстій".

Арабы. 260.
Арангасъ. 463, 464.
Арвахи. 539.
Бабы (каменныя). 203, 529.
Баксы. 30. 32, 539.
Блюда. 177, 195, 202.
Бляхи 93, 94.
Боги. 277—311, 343—347, 357, 362—364, 367—373.
Бубны (шаманскіе). 529.
Городища. 179—181, 262.
Грамоты. 468—478 (XVII в.). 78, 79 (1640 г.). 438—447 (1796 г.).
Греки 527.
Джины. 539.
Долото. 91.
Древности (минусинскія). 90—95.
Духи. 27—30, 277—311.
Жилища. 13—16, 339.
Запястья. 93.
Зеркала. 94.
Зубы (моржевые). 167, 168.
Иглы. 93.
Камни (надгробные) 75—78.
Кельты. 90, 628.
Кинжалъ. 91.
Кистень. 93.
Китайцы. 448—454, 541—561.
Клинья. 90.
Книга (Кикина). 602—612.
Кольцо. 92, 94.
Копье. 93.
Коронованіе (тюркское). 374—380.
Кости. 167, 168, 628.
Курганы 562—569, 616.
Могильникъ. 263—272.
Могилы. 109—142, 206, 455—464.
Молотъ. 90.
Моляны. 312—338, 346—353.
Монголы. 57, 106, 529, 541—561.
Монеты. 180, 203, 205.
Мотыка. 90.
Надписи. 71—74.
Наличники. 93.
Ножи. 92, 256, 628.
Одежда. 16, 17, 341.
Озупъ (тяпка). 90.
Орудія (каменныя). 257.
Памятники. 261.
Пери. 539.
Перстни. 93.
Письмена 71—74, 616.
Пища. 17, 18.
Погребеніе 60—62, 109—142, 350. 455—465.
Подвѣски. 93.
Пряжки. 93.
Пѣсни. 1—67.
Русскіе 104.
Сабля. 76.
Самоѣды. 105.
Свадьбы. 32—44, 341, 344, 364, 409—432.
Сверла. 93.
Скавки. 63—67, 185—193, 480—524.
Скребницы. 94.
Сосуды. 94.
Стрѣлы. 593, 256, 628.
Тамги. 537.
Топоры. 90.
Топорикъ. 90.
Тюрки. 1—67, 105, 109—176, 209—

255, 374—380, 409—434, 455—468, 479, 480, 528—540, 541—561, 578—593.
Удила. 94.
Украшенія. 180.
Ухочистка. 93.
Финны. 56, 57, 104, 105, 181, 260, 273—373, 381, 382, 531.
Хуфіе (мусул. секта). 387—408.
Чарки (сасанидскія). 177.
Явыки (смѣшанные). 68, 70.
Ясакъ. 170—172.

Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ [1]).

Склонить европейскихъ турокъ къ принятію ислама не представляло большого труда, если только обратить вниманіе на то обстоятельство, что къ этому страстному по натурѣ народу исламъ со своимъ требованіемъ фанатической преданности дѣлу обращенія невѣрныхъ и со своими чувственными удовольствіями, обѣщаемыми въ загробной жизни, подходилъ гораздо болѣе, нежели буддизмъ,—религія мирная и созерцательная. Ставши же неофитами, турки, со свойственнымъ имъ энтузіазмомъ, приняли на себя задачу, оставленную арабами, предпочитавшими наслаждаться плодами своихъ завоеваній, и продолжали ее даже съ бо́льшей энергіей, чѣмъ сами друзья Мухаммеда, выказавъ себя при этомъ такими мужественными и непреодолимыми труженниками въ дѣлѣ религіи, что бо́льшаго не оставалось и желать.

Въ Азіи турки образовали большое количество государствъ, но не только посредствомъ завоеваній, но и другими мирными средствами.

Поступая на службу къ мусульманскимъ князьямъ, они добивались того, что халифы и вельможи, принимая ихъ къ себѣ на жалованье, поручали имъ искоренять малѣйшія попытки къ мятежу и всюду установлять прочный деспотизмъ. Однако эти наемники очень рано замѣтили, что они состав-

[1]) На основаніи книги: «Essai sur l' histoire de l' islamisme par R. Dozy. Leyde, 1879».

средство магометанскихъ купцовъ, такъ какъ торговля и мореплаваніе здѣсь уже съ давняго времени находились въ рукахъ арабовъ и персовъ.

Жители сѣверной части *Суматры* были обращены въ началѣ 14-го столѣтія извѣстнымъ шейхомъ [1]) Исмаиломъ мекканскимъ. Князь, царствовавшій надъ этими странами спустя 50 лѣтъ послѣ того и носившій имя, или титулъ арабскій—ал-мелік-дзахір [2]), былъ уже ревностный мусульманинъ и притомъ суннитъ; онъ часто вступалъ въ споры съ богословами и даже изъ смиренія ходилъ въ мечеть пѣшкомъ; ведя войны съ окружавшими его невѣрными, онъ не оставлялъ ихъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не принудилъ платить дань, установленную Мухаммедомъ.

На *Явѣ*, гдѣ также были буддисты, еще въ то время господствующей формой браманизма была та, которая извѣстна подъ именемъ шиваизма; однако, въ концѣ 14-го вѣка, когда процвѣтало государство маджапагитское, самое могущественное изъ существовавшихъ когда-либо раньше въ этой части свѣта, исламъ быстро началъ распространяться здѣсь, при содѣйствіи многихъ лицъ, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Мауляна Ибрагимъ [3]), происходившій отъ Зейн-алабидина [4]), правнука пророка, и утвердившійся въ Грейсси; за нимъ Раден-Рахматъ, властитель Нампеля (Сурабая), и его ученикъ Раден-Пата, приказавшій основать въ Бинтара (позднѣеДемакъ) мечеть, выдаваемую жителями Явы въ наше время за одну изъ главныхъ святынь острова. Въ началѣ обращеніе происходило мирнымъ путемъ,—путемъ убѣжденія, и высокопоставленныя лица благоволили иногда пропагандистамъ, но съ теченіемъ времени возникшія между магометанами и ши-

[1]) Chaikh—шейхъ (по арабски شيخ)— пожилой человѣкъ, старшина, наставникъ.

[2]) الملك الظاهر (al-mélik—ad-dhâhir)—царь побѣждающій.

[3]) مولانا ابراهيم—въ переводѣ: господинъ нашъ Авраамъ.

[4]) زين العابدين (ابو الحسن على)—одинъ изъ 12-ти шіитскихъ имамовъ, былъ сынъ Хусейна, сына Алія.

вантами неудовольствія послужили причиной къ священной войнѣ. Взятіемъ въ 1478 году столицы маджапагитской, магометане принудили шиваитовъ бѣжать на островъ Бали [1]), гдѣ религія послѣднихъ господствуетъ еще и въ настоящее время. Что касается острова *Борнео*, то исламъ, вѣроятно, началъ распространяться тамъ только около 1550 года прибывшими изъ Палембанга арабами. Здѣсь онъ сдѣлался вѣроисповѣданіемъ не народной массы, но прибрежныхъ жителей —по большей части чужеземцевъ, и жителей нѣкоторыхъ острововъ архипелага.

Между тѣмъ на Азіатскомъ материкѣ произошли очень важныя перемѣны. Подобно тому, какъ въ 7-мъ вѣкѣ арабы, такъ и теперь, въ 13-мъ,—изъ неизслѣдованныхъ пустынь Азіи вышелъ неизвѣстный народъ и выступилъ на міровую арену съ явнымъ намѣреніемъ подчинить себѣ страны даже болѣе обширныя, чѣмъ тѣ, которыя завоевывали когда то арабы. Мы говоримъ о *монголахъ*.

Начальникъ нѣсколькихъ незначительныхъ кочевыхъ ордъ въ азіатскихъ равнинахъ, лежащихъ между Китаемъ и Сибирью, Чингизъ-ханъ [2]), успѣлъ соединить подъ своею властью бо́льшую часть монгольскихъ племенъ и скоро сдѣлался бичемъ Востока и Запада. Во главѣ многочисленной конницы, онъ наводнилъ Китай, котораго монголы были данниками и опустошилъ его до береговъ Желтой рѣки [3]).

Обремененный громадной добычей, онъ оставилъ Китай единственно для того, чтобы покорить и пограбить другія страны. Онъ подчинилъ себѣ Трансоксіану, Хорезмъ [4]), Персію, и въ то время, какъ одна часть его огромной арміи до-

[1]) Bali—одинъ изъ Зундскихъ острововъ.

[2]) چنگیز خان Чингизъ-ханъ, или Темучинъ; по китайски его духовное имя Тай-цзу. Первый великій ханъ, жилъ съ 1167 по 1227; царствовалъ съ 1206 по 1227 г.

[3]) Fleuve Jaune—Хуанъ-хэ (желтая рѣка), неправильно называемая Гоанго.

[4]) Khorazm (по араб. Хуваризмъ, по татарски Хива, по перс. Хорáзмъ) —нынѣшняя Хива.

вершала покореніе Китая, другая опустошала берега Инда и Евфрата, и проникнувъ на сѣверный берегъ Чернаго моря, вторглась въ Крымъ и разграбила часть Руси. Его преемники продолжали начатое ими дѣло, — обложили Русь данью, сожгли Краковъ, превратили въ пустыню Польшу и Венгрію, покорили Арменію, Грузію и Малую Азію и въ 1258 г. взяли Багдадъ, столицу халифата; весь Китай, Тибетъ и большая часть Индіи были покорены, такъ что потомки Чингизъ-хана, полъ-столѣтія спустя послѣ смерти этого великаго завоевателя, владычествовали почти надо всей Азіею.

Что же касается до религіозныхъ воззрѣній этихъ всемірныхъ завоевателей, то онѣ находились на очень низкой ступени развитія. Признавая высшее существо, которое они называли, какъ и небо, именемъ Тенгри [1]), они поклонялись въ то-же время солнцу, лунѣ, горамъ, рѣкамъ и стихіямъ; солнцу они приносили даже человѣческія жертвы, преклонивъ колѣна и оборотившись на югъ; другимъ же небеснымъ тѣламъ и стихіямъ они приносили часть своихъ напитковъ. Изображали они боговъ въ видѣ небольшихъ деревянныхъ или войлочныхъ фигурокъ [2]), которыя они вѣшали на стѣны своихъ шалашей и которымъ при ѣдѣ предлагали первую долю своихъ кушаній и мазали имъ ротъ мясомъ или молокомъ. Смерть, по ихъ понятіямъ, есть переходъ въ другой міръ, гдѣ человѣкъ продолжаетъ жить такъ же, какъ онъ провелъ свою жизнь въ этомъ [3]). Суевѣрные до крайности, они умилостивляли злыхъ духовъ, вліянію которыхъ они приписывали свои болѣзни, или жертвами, или же посредствомъ шамановъ,

[1]) تنكرى—Tangri—тенгри—небо и богъ неба; для знакомства съ культомъ тенгрі, т. е. бога неба, онгоновъ и шаманами, отсылаемъ къ статьѣ Дорджи Банзарова—черная вѣра или шаманство у монголовъ, стр. 53—120 Ученыхъ Записокъ Каз. Университета, кн. 3, за 1846 годъ.

[2]) Это такъ называемые онгоны, т. е. души предковъ, возведенныя въ божество; рисунки монгольскихъ и татарск. онгоновъ и статья объ нихъ находится въ IV вып. сочиненій Гр. Ник. Потанина: Очерки сѣверо-западной Монголіи. Петербургъ. 1883 г.

[3]) Срв. также брошюру Н. Ѳ. Катанова «О погребальныхъ обрядахъ тюркскихъ племенъ». Казань, 1894.

т. е. жрецовъ, которые были въ то-же время и колдунами, и снотолкователями, предсказателями, астрологами и врачами.

Они вѣрили, что шаманы имѣютъ у себя на службѣ геніевъ-хранителей, которые сообщаютъ имъ тайны прошедшаго, настоящаго и будущаго. Для того, чтобы вызвать духовъ, шаманы произносили таинственныя слова и ударяли въ бубны; приходя же мало по малу въ возбужденіе, они начинали предвѣщать, дѣлая дикіе скачки и всевозможныя кривлянья; съ ними совѣщались во всякомъ сколько нибудь важномъ случаѣ, и слѣпое довѣріе, которымъ они пользовались среди монголовъ, они умѣли искусно сохранять, даже несмотря на то, что ихъ предсказанія часто не исполнялись.

Невѣроятнымъ кажется, что монголы, вступивъ съ этихъ поръ на путь постоянныхъ соприкосновеній съ народами, достигшими болѣе высокаго развитія въ религіозномъ отношеніи, остались однако вѣрными шаманизму, какъ называлась ихъ религія; но вопросъ въ томъ, какой культъ они избрали-бы? былъ-ли бы это буддизмъ, исламъ или христіанство? Всѣ эти религіи имѣли нѣкоторые шансы на успѣхъ, и даже евреи надѣялись на этотъ разъ извлечь выгоду и для себя. И сколько надеждъ было возбуждено у нихъ, когда въ царствованіе Аргуна (1284—1290 г.) одинъ изъ ихъ единоплеменниковъ сдѣлался первымъ министромъ при князѣ, до этого находясь въ числѣ его докторовъ. Самъ Іегова, говорило племя Авраама, послалъ имъ этого человѣка, чтобы быть прославленнымъ своимъ народомъ. И со всѣхъ окраинъ земли къ этому человѣку, сдѣлавшемуся властителемъ міра, стекались люди всевозможныхъ профессій — ткачи, красильщики, сапожники, старьевщики и т. д.; ихъ положеніе было теперь упрочено; занимая самыя высокія должности, они были осыпаны богатствами. И всѣмъ этимъ они были обязаны Сад-ад-даул'ѣ [1]), этотъ почетный титулъ далъ министру князь, впрочемъ, вполнѣ заслуженно; и дѣйствительно, это былъ геніальный чело-

[1]) سعد الدولة—sad-ad-daula—въ перев.—благоденствіе имперія.

вѣкъ, обширнаго ума съ пріятнымъ и вѣжливымъ обращеніемъ.

Въ короткое время онъ съумѣлъ водворить порядокъ въ хаотическое состояніе разстроенныхъ финансовъ; строго наблюдая за высокопоставленными ворами и даже смѣщая ихъ, онъ стремился къ тому, чтобы справедливость никѣмъ не была нарушаема; онъ окружалъ себя учеными, поэтами и щедро награждалъ ихъ; словомъ, это былъ способнѣйшій министръ, какого монголы когда-либо имѣли. Но ничего нѣтъ удивительнаго и въ томъ обстоятельствѣ, что мусульмане все-таки были недовольны, такъ какъ они были лишены теперь возможности безнаказанно обогащаться на этихъ должностяхъ незаконнымъ образомъ; виновникомъ же уничтоженія этого золотого вѣка является какой-то жалкій еврей. Не великъ отсюда былъ шагъ и до убѣжденія, что этотъ еврей долженъ погибнуть. Былъ пущенъ слухъ, что этотъ іудей вмѣстѣ со своимъ повелителемъ-язычникомъ составили проэктъ обратить мусульманъ въ язычество, а Кабу [1])—въ мольбище, посвященное идоламъ. Несмотря на всю нелѣпость этого обвиненія — ему повѣрили, особенно монголы, раздраженные тѣмъ, что ихъ воровству и лихоимству былъ положенъ конецъ. При подобныхъ-то обстоятельствахъ Аргунъ неожиданно захворалъ. Сад-ад-даула предвидѣлъ свое паденіе, но избѣжать его не имѣлъ возможности; и дѣйствительно, еще его повелитель не испустилъ послѣдняго вздоха, какъ онъ былъ уже арестованъ и казненъ чиновниками недовольныхъ монголовъ. Аргунъ, находясь въ агоніи и не видя его возлѣ себя, спросилъ о своемъ другѣ; изъ уклончивыхъ отвѣтовъ, которые ему давали, онъ догадался о постигшей его участи. Между тѣмъ во всѣ провинціи немедленно были посланы курьеры для арестованія братьевъ и друзей казненнаго визиря; они были заключены въ тюрьму, а ихъ сыновья, дочери, слуги, имущество было расхищено; мусульмане же, освободившись отъ своего врага, принялись съ ожесточеніемъ преслѣдовать

[1]) كعبة —ка'ба,— мекская мечеть.

евресвъ, и такимъ образомъ падежда послѣднихъ обратить монголовъ въ свою вѣру—рушилась. Снова теперь былъ поднятъ вопросъ, какая религія должна быть объявлена оффиціальной въ этой огромной имперіи; вопросъ, разрѣшенія котораго съ волненіемъ ожидали представители трехъ религій, наперерывъ стараясь пріобрѣсти въ этомъ рѣшеніи первенство. Не малымъ значеніемъ пользовались, повидимому, и христіане; долго угнетаемые, они страстно ждали момента, когда будутъ имѣть возможность въ свою очередь попрать ногами своихъ господъ—надменныхъ мусульманъ, и нѣкоторыя обстоятельства укрѣпляли ихъ въ этой надеждѣ. Въ царствованіе великаго хана Кӯӯк'а [1]), неспособнаго заниматься государственными дѣлами, такъ какъ злоупотребленія чувственными удовольствіями и чрезмѣрное пьянство разрушили его здоровье, все управленіе находилось въ рукахъ двухъ министровъ-христіанъ. Доктора Кӯӯк'а были также христіане, и среди его приближенныхъ находилось не мало монаховъ изъ Малой Азіи, Сиріи, Багдада и Руси; передъ его палаткой находилась часовня, гдѣ каждый день служили обѣдню, а исправляющіе должность священника состояли у него на жалованіи; носились слухи, что онъ будто бы намѣревался даже принять христіанство, и удивлялись, что онъ этого еще не сдѣлалъ. Христіанская религія имѣла наибольшій успѣхъ среди женщинъ, и ее исповѣдывала даже сама императрица. Но не только восточные христіане, и въ Европѣ также, давно уже питали желаніе привести въ исполненіе свою завѣтную мысль—обратить монголовъ; это было то именно время, когда императоръ Фридрихъ II, самый непокорный сынъ Церкви, котораго она когда-либо имѣла, довелъ до страшнаго униженія папское достоинство. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ престолъ св. Петра оставался незанятымъ, такъ какъ Фридрихъ

[1]) Кӯӯк, правильнѣе Кӧк,—3-й великій монгольскій ханъ, по китайски его духовное имя—Дин-цзунъ, съ 1246 по 1251. См. Dr. H. Fritsche: On Chronology and the Construction of the Calendar with special regald to the Chinese computation of time compared with the European. St. Petersburg 1886.

сдѣлалъ избраніе почти невозможнымъ, что̀ однако нисколько не помѣшало ему сказать кардиналамъ: „почему вы, идолопоклонники, никого не избираете или вы полагаете, что можно обойтись и безъ папы? Есть на его мѣсто другой святой изъ святыхъ? Кто онъ такой?“ Однако кардиналы довели до конца дѣло избранія папы и Синибальдъ Фіеско получилъ тіару подъ именемъ Иннокентія IV [1]); но, вполнѣ основательно опасаясь императора и не менѣе того римскихъ республиканцевъ, онъ, переодѣтый и подъ покровомъ ночи, покинулъ этотъ городъ и, не найдя себѣ убѣжища у королей Арагонскаго, Французскаго и Англійскаго, прибылъ, наконецъ, въ Ліонъ, гдѣ онъ находился уже въ безопасности, такъ какъ этотъ городъ только по имени принадлежалъ германской имперіи. Онъ созвалъ тамъ извѣстное собраніе, состоявшееся въ 1245 году и изложилъ на немъ свои обиды.

— Неужели это васъ не трогаетъ, воскликнулъ онъ; разсудите,—можетъ-ли быть большее оскорбленіе, чѣмъ причиненное мнѣ [2]). Подобно Христу, получившему пять ранъ, и я получилъ пятерную обиду; послѣднюю и это далеко не самую большую—отъ императора, этого заклятаго врага всѣхъ служителей Христа. Въ своей странѣ вмѣсто монастырей онъ строитъ только магометанскіе города; открыто насмѣхаясь надъ св. землей, онъ передаетъ ее въ руки мусульманъ; а отдавая предпочтеніе нравамъ и обычаямъ исламизма, онъ поручилъ охраненіе своей жены-христіанки евнухамъ-магометанамъ и онъ при своемъ положеніи въ христіанскомъ мірѣ, нисколько не стыдится держать гаремъ сарацинскихъ женщинъ!“ Первая же обида Иннокентія исходила отъ монголовъ, и собраніе единодушно постановило отправить къ нимъ пословъ, чтобы убѣдить ихъ перестать проливать христіанскую кровь и принять истинную вѣру, которая одна только ведетъ ко спасенію. Вѣроятно, въ обращеніи монголовъ они хотѣли найти удовлетвореніе за отпаденіе отъ святой рим-

[1]) Sinibald Fiesco или Innocent IV † 1254 г.
[2]) Плачъ Іереміи I, 12.

ской имперіи императора, этого мусульманина по убѣжденіямъ, явно насмѣхающагося надъ ней. Два посольства монаховъ отправились въ Персію съ папскими письмами къ царствовавшему тогда хану Кӯӱк'у; но первый-же, оказанный имъ пріемъ, былъ далеко не изъ ласковыхъ; имъ давали, напр., такъ мало ѣсть, что они опасались умереть съ голода, монгольскія же власти не стѣсняясь называли и христіанъ и папу—собаками. Если прибавить сюда еще отсутствіе у миссіонеровъ необходимаго такта, чтобы довести предпріятіе къ благополучному окончанію, и папскія письма, суровыя, надменныя, написанныя канцелярскимъ слогомъ среднихъ вѣковъ, уже поэтому представлявшія изъ себя очень недѣйствительное средство для обращенія монголовъ, то будетъ ясно, почему посольство не добилось никакихъ результатовъ. Однако монахи не могли не замѣтить, что христіанство было довольно сильно распространено среди нихъ, хотя и въ формѣ, нѣсколько отличной отъ римской; по этой-то причинѣ папы и европейскіе государи, постоянно обманываемые ханомъ, и не теряли надежды и неоднократно отправляли миссіонеровъ къ монголамъ, полагая, что дѣло они имѣютъ не съ ожесточенными грѣшниками и атеистами, какъ Фридрихъ, но съ народомъ легковѣрнымъ, котораго не трудно было обратить.—„Но—увы", со вздохомъ сказалъ одинъ монахъ, разсказъ котораго касается этихъ событій, „если-бы Богъ смилостивился дать мнѣ возможность творить чудеса, какъ Моисею, я, быть можетъ, обратилъ-бы тогда и хана" [1]).

Но о монголахъ судятъ несправедливо; христіанскіе священники, равно какъ буддійскіе и мусульманскіе, смотря на нихъ въ дѣлѣ религіи, какъ на гладкую доску, на которой можно написать, что̀ угодно, сильно заблуждались; что̀ они не имѣли большой привязанности къ шаманизму—это не допускаетъ сомнѣній; нельзя отрицать также и того, что они

[1]) О христіанствѣ у татаръ и монголовъ съ древнихъ временъ до новѣйшихъ см. сочиненіе Н. Красносельцева: Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мухаммеданъ. Казань, 1872 г.

были очень легковѣрны и суевѣрны; но, ко всему этому, они были гораздо болѣе насмѣшливы, чѣмъ обыкновенно о нихъ думали. Когда миссіонеръ говорилъ: „самъ Богъ возвѣстилъ, что увѣровавшій и крестившійся будетъ спасенъ, неувѣровавшій же будетъ осужденъ", князь не могъ удержаться отъ смѣха, монголы же иронически зааплодировали: они были уже знакомы со многими религіями и знали также, что каждая изъ нихъ это спасеніе приписываетъ себѣ одной; ни къ одной изъ религій они не чувствовали склонности предпочтительно передъ другой, такъ какъ на ихъ взглядъ всѣ онѣ были одинаково хороши.

Чингизъ-ханъ былъ глубоко убѣжденъ, что способъ почитать Бога не имѣетъ почти никакого значенія, и онъ весьма настоятельно совѣтовалъ своимъ преемникамъ ни одной изъ религій не оказывать предпочтенія подъ другой, и его преемники держались этого совѣта. Ханъ Мангу [1]), наприм., со всѣмъ своимъ семействомъ поочередно присутствовалъ на богослуженіи христіанъ, магометанъ и буддистовъ, принималъ участіе во всѣхъ ихъ обрядахъ и оказывалъ священникамъ покровительство. „Всѣ находящіеся при моемъ Дворѣ, говорилъ онъ одному католическому миссіонеру [2]), поклоняются одному и тому-же Богу,—существу единому и вѣчному; они должны быть свободны, чтобы служить Ему тѣмъ образомъ, который считаютъ наилучшимъ".

И только такія важныя соображенія, какъ политическія, могли заставить преемниковъ Чингизъ-хана выйти изъ индифферентнаго къ религіямъ отношенія, которое предписывалъ имъ основатель ихъ династіи, и если они должны были избрать оффиціальной религіей — религію большинства своихъ подданныхъ, то христіанство изъ трехъ другихъ имѣло наи-

[1]) Правильнѣе Мöнкä; по китайски его духовное имя Сянь-цзунъ; онъ царствовалъ съ 1251—1260 г.

[2]) По всей вѣроятности этотъ католическій миссіонеръ былъ Рюисбрукъ, посланный къ татарамъ и монголамъ Людовикомъ IX Св. и видѣвшійся съ Мангу въ 1254 г.

менѣе шансовъ сдѣлаться таковой. Хубилай [1]), властитель самой громадной имперіи, какую только знаетъ исторія,—имперіи, обнимавшей собою почти всю Азію, первый сдѣлалъ выборъ и, такъ какъ центръ его могущества находился въ буддійскихъ странахъ,—онъ принялъ буддизмъ; тѣмъ не менѣе онъ остался снисходителенъ и къ другимъ религіямъ не меньше своихъ предшественниковъ, и между его чиновниками находилось не мало христіанъ и особенно мусульманъ; для большихъ христіанскихъ праздниковъ онъ проводилъ съ послѣдователями этой религіи, преклонялся предъ Евангеліемъ и цѣловалъ его.—„Есть, часто говорилъ онъ, четыре великихъ пророка: Іисусъ Христосъ, Мухаммедъ, Моисей и Соммона-Кодомъ (Шакіа-Муни [2]); я почитаю всѣхъ четырехъ".

Не было другой царственной фамиліи болѣе космополитной въ религіозномъ отношеніи, нежели Чингизъ-ханова, потому что и все государство составилось изъ космополитовъ. Завоеванія монголовъ сблизили между собой окраины Азіи; орды алановъ и кипчакскія воевали въ Тонкинѣ, а китайскіе инженеры работали на берегахъ Тигра. При дворѣ Хату персидскіе астрономы и математики вступали въ разсужденія о научныхъ предметахъ съ мандаринами; люди изъ двадцати націй, до 13-го вѣка едва знавшіе другъ друга по имени, теперь работали въ одной комнатѣ. Магометане занимали тамъ важныя должности не только гражданскія, но даже и военныя. „Въ каждомъ городѣ, разсказываетъ марокскій путешественникъ Ибн-Батута [3]), посѣтившій Китай въ серединѣ 14-го вѣка, находился кварталъ, населенный исключительно мусульманами, имѣющими здѣсь и мечети, которыя поль-

[1]) По словамъ Dozy Koubilaï; по китайски его духовное имя—Ши-цзу, а гражданское—Чжун-тунъ; вступилъ на престолъ въ 1260 г.

[2]) Шакіа-муні, или Будда; муні въ переводѣ значитъ отшельникъ.

[3]) Ibn-Batouta, марокскій путешественникъ; по араб.—ابن بطوطة. Его полное имя—Абу Абдулла Мухаммедъ Ибнъ-Батута; родился въ 1304 году въ Тангерѣ, умеръ въ 1377 г; путешествовалъ въ Египетъ, Сирію, Персію, Аравію, Кипчакск. Имперію, Хуваризмъ, Бухару, Китай и друг. страны.

зуются большимъ уваженіемъ"; но фанатизмъ не могъ заставить сдѣлать бо́льшую ошибку, какъ это:—они собирали брошенныхъ родителями дѣтей и воспитывали ихъ въ духѣ ислама.

Однако это государство, слишкомъ громадное для управленія одному человѣку, было раздѣлено на четыре части, причемъ снова долженъ былъ возбудиться вопросъ, какая религія будетъ господствующей въ Персіи. При восшествіи на престолъ Тагударъ-Огула въ 1282 году можно было думать, что такой религіей будетъ христіанство; иначе, повидимому, и не могло быть, такъ какъ въ молодости этотъ князь былъ крещенъ и при этомъ получилъ имя Николая. Но какъ велико было его разочарованіе, когда первый рескриптъ государя, адресованный багдадскимъ властямъ, провозгласилъ: „мы вошли на престолъ, и мы—мусульмане. Объявите эту радостную вѣсть жителямъ Багдада! Возвратите академіямъ и благотворительнымъ заведеніямъ все, чѣмъ они владѣли во времена халифовъ абассидовъ. Охраняйте законы ислама, жители Багдада, такъ какъ пророкъ—да будетъ надъ нимъ благословеніе! — сказалъ: исламизмъ постоянно будетъ торжествовать до самыхъ дней воскресенія". Огромное большинство его подданныхъ были магометане, потому Тагударъ-Огулъ не захотѣлъ болѣе носить имя Николая и перемѣнилъ его на имя султана Ахмеда; однако относительно того, остался-ли онъ такимъ же снисходительнымъ къ другимъ религіямъ, какъ его отецъ—буддистъ,—восточные писатели — христіане среднихъ вѣковъ въ этомъ сильно разногласятъ. „Сирійскій писатель утверждаетъ, что князь покровительствовалъ особенно христіанамъ; армянскій же, свидѣтельство котораго согласуется съ однимъ персидскимъ писателемъ-мусульманиномъ, увѣряетъ, что князь принуждалъ очень многихъ монголовъ равно какъ буддистовъ и шаманистовъ, частью подарками, частью насиліемъ, отрекаться отъ христіанства, и что онъ превратилъ въ мечети храмы христіанскіе. Но какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ извѣстно, что монголы-мусуль-

мане въ Персіи были далеки отъ вѣротерпимости къ другимъ религіямъ, отличавшей монголовъ-буддистовъ въ Китаѣ. Газанъ, воспитанный въ буддизмѣ, но принявшій магометанство, когда онъ оспаривалъ у Байду права на престолъ, чтобы этимъ расположить къ себѣ персовъ, былъ склоненъ къ преслѣдованію; онъ приказывалъ опустошать храмы буддистовъ и послѣдователей Зороастра, церкви и синагоги, словомъ всѣ священныя зданія, которыя не были мечетями. Въ продолженіе всего своего царствованія, говоритъ одинъ персидскій историкъ, онъ съ большимъ усердіемъ выполнялъ предписанія ислама; и это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что онъ принялъ исламъ по убѣжденію, а не въ силу того, что къ этому побуждали его интересы. Да и что̀ могло быть настолько важнымъ, чтобы этого могущественнаго князя, предки-язычники котораго завоевали весь міръ, — побудить перемѣнить религію? Онъ заставилъ принять исламъ также и всю свою армію. Итакъ, обращеніе Газана было вполнѣ искреннимъ, и онъ, не желая обижать ни одну изъ религіозныхъ сектъ, былъ, по крайней мѣрѣ, по виду и суннитомъ и шіитомъ въ одинаковой степени; „я уважаю, говорилъ онъ, заслуги друзей пророка; но сохрани меня Богъ отъ того, чтобы ихъ не почитать“; хотя въ этомъ онъ уже сказывался суннитомъ, однако, въ превосходствѣ послѣдователей Али [1]) онъ однажды убѣдился чудеснымъ образомъ: онъ два раза видѣлъ во снѣ самого пророка, являвшагося ему съ Али и съ двумя его сыновьями — Хасаномъ и Хусейномъ. „Обними ихъ и смотри на нихъ, какъ на своихъ братьевъ“, сказалъ ему Мухаммедъ. По этой то причинѣ онъ нѣсколько разъ посѣтилъ могилы потомковъ Али и осыпалъ благодѣяніями послѣдователей ихъ сеидовъ [2]). По всей вѣроятности, это не была хитрость, чуждая монголамъ; въ доказательство еще

[1]) Али 4-й халифъ, царствовалъ съ 656—660 г.

[2]) Сеиды—потомки Али—سيّد.

можно привести слѣдующій фактъ: Эльджайту [1]) вступилъ на престолъ суннитомъ, но, когда въ силу обстоятельствъ сдѣлался шіитомъ, онъ очень кстати увидѣлъ сонъ, довершившій его обращеніе въ шіизмъ, такъже какъ и его военноначальниковъ и придворныхъ.

Еще разъ, при другомъ завоевателѣ Тимурѣ (Тамерланѣ) [2]), всѣ монгольскія владѣнія объединились, образовавъ одну имперію и снова распавшись съ его смертью. Одинъ изъ его послѣдователей—Бабуръ [3]), успѣлъ основать довольно сильное государство. Самый знаменитый изъ этой династіи князь, при которомъ имперія великихъ монголовъ достигла апогея своего имущества и благосостоянія—императоръ Акбаръ (1556—1606) своимъ примѣромъ показалъ, что древняя вѣротерпимость монголовъ еще жива, или другими словами монголы мусульмане скорѣе по имени, нежели на дѣлѣ.

Очень образованный человѣкъ,—Акбаръ никогда не упускалъ случая вступать съ мусульманскими богословами въ религіозные споры, которымъ онъ посвящалъ вечера пятницъ, и эти бесѣды затягивались часто на всю ночь; здѣсь ученые различныхъ сектъ защищали свои мнѣнія и оспаривали положенія своихъ противниковъ; они дѣлали это съ горячностью не только иногда оскорблявшей императора, но и поколебавшей даже его вѣру. Онъ окружилъ тогда себя богословами всѣхъ религій, существовавшихъ въ Индіи (а ихъ было очень

---

[1]) اولجايتو

[2]) Тимуръ,—Тамерланъ, сынъ Тургая, царствовалъ съ 1369—1405 г., по перс.—تيمور—тимуръ и تيمور لنك—Тамер-ланъ—въ переводѣ желѣзный хромецъ; татары его называютъ—اقساق تيمور — аксак-тимуръ, т. е. хромой Тимуръ.

[3]) Бабуръ, или правильнѣе—Баберъ († 1530 г.) былъ основателемъ династіи Бабуридовъ или великихъ моголовъ, царствовавшей въ Индіи съ 1525 г. и уничтоженной въ XIX ст. англичанами. Онъ извѣстенъ своимъ сочиненіемъ, которое орієнталисты вполнѣ справедливо сравниваютъ съ записками Юлія Цезаря: بابر نامه—Баберъ-нама, т. е. записки Бабера,—изданъ Ник. Ив. Ильминскимъ въ Казани въ 1857 году; переводъ этого сочиненія существуетъ на разныхъ языкахъ: на англійск.—Erskine (Эрскейна), на нѣмецк.—A. Kaiser, голландск.—Witsen и на франц. A. Pavet de Courteille.

много), и, пытаясь составить новую систему, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: каждая религія имѣетъ своихъ ученыхъ, свои чудеса; принципъ, что не слѣдуетъ дѣлать зла, признается всѣми религіями; всѣ системы одинаково хороши, вслѣдствіе чего нѣтъ достаточнаго основанія избирать одну религію и отвергать другую; но, что всего менѣе простительно,—это отказываться отъ прошлыхъ идей для новыхъ, едва насчитывающихъ 1000 лѣтъ существованія. Отсюда-то и проистекало то громадное уваженіе, которымъ пользовались брамины; императоръ проводилъ ночи за изученіемъ наукъ тайно отъ нихъ, и онъ оказывался сильно предубѣжденнымъ въ пользу ихъ доктринъ и особенно ихъ ученія о переселеніи душъ, слѣды котораго, говорилъ онъ, существуютъ во всѣхъ религіяхъ; хотя въ то-же время не только суфи [1]) имѣли на него очень большое вліяніе, но также и католическіе священники, склонившіе его перевести Евангеліе. Браминъ же убѣждали его поклоняться солнцу, огню и водѣ, камнямъ и деревьямъ, коровамъ и даже почитать коровій пометъ. День новаго года обязательно праздновался при Дворѣ, и въ теченіе недѣли императоръ ежедневно надѣвалъ новую одежду цвѣта, посвященнаго каждой изъ семи планетъ, а при восходѣ солнца и въ полночь читали молитвы, заимствованныя отъ индусовъ. Было отдано приказаніе почитать коровъ, какъ святыхъ, навозъ же отъ нихъ, какъ чистый; говядину ѣсть было запрещено, а для большей убѣдительности были приведены медицинскія свидѣтельства, что она тяжела для желудка, вмѣсто же нея было объявлено разрѣшеніе употреблять въ пищу мясо свиней.

Пользовались вліяніемъ у него также и послѣдователи Зороастра [2]). Небольшое количество огнепоклонниковъ, при-

[1]) Суфи, по перс.—صوفى, въ переводѣ значитъ мистикъ; нѣкоторые ученые полагаютъ, что это слово есть измѣненное греческое *σοφός*—мудрый.

[2]) Это религія древне-персидская, основанная Заратустра (по-вендски); основатель религіи жилъ въ VI в. до Р. Хр.,—современникъ Дарія, сына Гистаспа; по другимъ свѣдѣніямъ личность Зороастра полумиѳическая и относится ко временамъ доисторическимъ.

бывшихъ изъ Гюзерата, очень многихъ обращали въ свою вѣру, и даже самъ императоръ былъ убѣжденъ ими въ одномъ пунктѣ, потому что поручилъ своему визирю и днемъ и ночью поддерживать священный огонь во дворцѣ, а въ новый 25-й годъ своего царствованія, онъ провозгласилъ культъ огня оффиціальнымъ. Придворные принимали участіе во всѣхъ этихъ обрядахъ и не встрѣчали этому препятствія. Гораздо болѣе—главный судья, муфтій и авторитетные богословы мусульманскіе одобряли его распоряженія, основываясь на томъ, что постановленія справедливаго императора вполнѣ равносильны закону или традиціи и что при разногласіи въ убѣжденіяхъ императора и богослововъ, — мнѣніе перваго должно его уничтожить. Неудивительно, что, встрѣчая такимъ образомъ всюду только раболѣпство, Акбаръ на этомъ не остановился, но пошелъ еще далѣе. Онъ уничтожилъ прежнюю формулу: „нѣтъ Бога и Мухаммедъ его пророкъ“ и замѣнилъ ее: „нѣтъ Бога кромѣ Бога и Акбаръ его намѣстникъ“. Употребленіе вина и азартныя игры были дозволены, хотя и приняты были мѣры противъ возможныхъ злоупотребленій. Затѣмъ, полагая, что время существованія ислама должно длиться только 1000 лѣтъ и что оно уже истекло, онъ отмѣнилъ прежнее мусульманское лѣтосчисленіе и приказалъ вести послѣднее, начиная съ его вступленія на престолъ. Арабскія названія мѣсяцевъ были уничтожены, а возобновлены старыя наименованія персидскія, и даже старыя персидскія празднества замѣнили собой мусульманскія.

Богослуженіе по пятницамъ было оставлено, но на немъ рѣдко кто присутствовалъ кромѣ стариковъ и нищихъ.

Изученіе языка и литературы арабской было такимъ образомъ задержано, а богословскія и юридическія науки мусульманъ—запрещены. Не выпося даже самаго имени Мухаммедъ, онъ принудилъ многихъ, носившихъ его, замѣнить другимъ Полигамія была запрещена, никто не могъ имѣть болѣе одной жены, если только та единственная, которую онъ имѣлъ, не была безплодна, и только въ этомъ случаѣ было позволе-

но жениться на другой. Обрядъ обрѣзанія могъ быть совершаемъ только надъ достигшими 12-и лѣтняго возраста, да и тогда требовалось еще согласіе имѣвшаго подвергнуться этой операціи. Если ко всему этому прибавить еще то, что самъ Акбаръ въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году воздерживался отъ животной пищи и что въ концѣ своего царствованія онъ запретилъ убивать также быковъ, лошадей, верблюдовъ и овецъ,—придется согласиться, что во всѣхъ его распоряженіяхъ проглядываетъ какая-то систематическая ненависть къ исламу и предпочтеніе, оказываемое имъ ученію браманистовъ, которое онъ, впрочемъ, старался сдѣлать болѣе возвышеннымъ. Однако уничтожать магометанскую религію однимъ ударомъ онъ находилъ пока опаснымъ; и въ этомъ проходитъ уже явное нарушеніе принципа вѣротерпимости, по которому каждый имѣлъ право избирать себѣ религію и воздвигать храмы; но онъ подрывалъ исламъ постепенно,—опровергая его основные догматы, осуждая обряды этого культа и поступая вопреки предписаніямъ закона. Система Акбара пережила его, впрочемъ, очень недолго. Сынъ его Джехангіръ [1]), наслѣдовавшій ему, нѣкоторое время сначала поддерживалъ ее; однако, онъ скоро оставилъ ее вслѣдствіе укоренившагося уже равнодушія ко всякой какой бы то ни было религіи, и теперь мусульмане индійскіе, къ тому-же и не выказывавшіе себя особенно усердными къ его религіи, могли снова стать суннитами, если-бы имъ заблагоразсудилось. Подобныя нарушенія ислама и возможны были только въ такой странѣ, какъ Индія, гдѣ онъ уживался рядомъ съ громаднымъ числомъ религій. Вслѣдствіе-то этого онѣ и не проявляются нигдѣ въ другомъ мѣстѣ, и уже въ то время, которымъ мы занимаемся, исламъ суннитовъ, равно какъ и шіитовъ, принялъ установившуюся форму, которую имѣетъ и въ наше время.

Въ Персіи, гдѣ большинство народа всегда были шіиты, умѣренная форма этой секты стала господствующей религіей,

[1]) По-перс. جهانگير—Djehanghir.

когда въ 1499 году на престолъ вступилъ Исмаилъ, основатель династіи Сефевидской. Съ тѣхъ поръ онъ оставался въ Персіи, и сефевиды были къ нему такъ сильно привязаны, что изо всѣхъ своихъ титуловъ, они наибольше придавали цѣны—„собака дверей Али“ [1]). Была сдѣлана, правда, новая попытка возстановить единство между исповѣданіями персидскимъ и суннитскимъ при Надиръ-шахѣ [2]), при этомъ истинномъ Акбарѣ для Персіи. Питая сильное отвращеніе къ царящимъ предразсудкамъ, онъ прибылъ однажды въ Мешхедъ [3]) въ Хорасанѣ, гдѣ находилась могила имама Риза [4]), на которой, по народному повѣрію, совершались чудеса, особенно надъ слѣпыми, получавшими себѣ зрѣніе; но тѣ лица, которыхъ дервиши допускали туда, на самомъ дѣлѣ не были больны, и только притворялись таковыми. Одного изъ нихъ Надиръ-шахъ нашелъ возлѣ могилы святого.—„Сколько времени ты слѣпъ?“ спросилъ онъ его.—„Уже два года“.—„Вотъ доказательство того, что ты не имѣешь вѣры. Если-бы ты былъ дѣйствительно вѣрующимъ, ты уже давно-бы прозрѣлъ. Но слушай, мой другъ, если, когда я возвращусь, также найду тебя слѣпымъ,—я тебя казню“. Нѣкоторое время спустя князь возвращался, и въ это время другой слѣпецъ начинаетъ молиться съ возможнымъ усердіемъ, и вдругъ прозрѣваетъ. „Чудо! чудо!“ закричалъ народъ, разрывая между тѣмъ на мелкіе куски одежду больного, чтобы имѣть часть ихъ у себя.—„Ничто больше, какъ вѣра“, сказалъ съ ироніей князь, хотя самъ онъ имѣлъ ея очень мало. Положимъ, онъ приказалъ перевести 4 Евангелія на персидскій языкъ и заставлялъ въ своемъ присутствіи членовъ христіанской общины вступать въ собесѣдованія съ іудеями и магометанами; однако онъ под-

[1]) По-перс. سگ درِ علی—сѣки-дѣри Али—собака дверей Али.

[2]) По-перс. نادر شاه—Nadir-chah.

[3]) Мешхедъ—городъ въ Хорасанѣ.

[4]) امام رضا—имамъ Риза.

смѣнялся надъ положеніями всѣхъ этихъ ученыхъ, говоря, что, если Богъ дастъ только ему жизнь,—онъ составитъ новую религію, несравненно лучше существующихъ. Богословскіе вопросы породили у него лишь индифферентизмъ, и онъ смотрѣлъ на религію, какъ на средство для выполненія своихъ политическихъ плановъ; въ силу этого-то побужденія, принужденный изгнать изъ Персіи афганцевъ и турокъ, онъ дѣйствовалъ съ фанатизмомъ шіитовъ; позднѣе же, когда послѣдній всталъ поперекъ его завоевательнымъ стремленіямъ относительно Индіи и Малой Азіи, онъ пытался возсоединить персидское исповѣданіе съ суннитскимъ и въ 1736 году объявилъ уничтоженіе шіизма; онъ однако не достигъ ничего, и его попытки разбились о приверженность персовъ къ своей старой религіи.

Послѣ взятія Багдада монголами въ 1258 году одинъ изъ абассидскихъ халифовъ бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ мамелюкскій [1]) султанъ возвелъ его въ санъ халифа, намѣстника пророка, главы ислама, не даровавъ однако ему никакой власти. У него было 16 преемниковъ, но во время завоеванія Египта Селимомъ I [2]), турецкимъ султаномъ (1516 г.), послѣдній изъ нихъ былъ плѣненъ и отправленъ въ Константинополь. Въ обмѣнъ за свободу и за содержаніе онъ отказался отъ своего сана въ пользу Селима, и съ тѣхъ поръ всѣ князья, суннитскіе народы, включая сюда мекскихъ и марокскихъ шерифовъ [3]), считающихъ себя происходящими отъ Мухаммеда, стали считать турецкаго султана главой ислама.

П. Поляковъ.

---

[1]) По-араб.— مماوك

[2]) Селимъ I, по прозванію Явузъ, девятый турецк. султанъ; царст. съ 1512 по 1520 г.

[3]) По-араб.—شريف—шерифъ, значитъ благородный, — титулъ правителя Мекки.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ СПАССКАГО УѢЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I. Бассейнъ рѣки Ахтая.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ о селеніяхъ Спасскаго уѣзда и о древнихъ памятникахъ, находящихся въ границахъ ихъ поземельныхъ владѣній, мы имѣли возможность собрать нѣкоторыя, хотя и далеко неполныя свѣдѣнія. Предполагая, что такія свѣдѣнія могутъ пригодиться при подробномъ изученіи уѣзда въ историко-археологическомъ отношеніи, изученіи, которое рѣшило въ непродолжительномъ времени предпринять наше Общество, мы выбрали на первый разъ для доклада Общему Собранію краткое описаніе селеній съ ихъ древними памятниками, расположенными въ бассейнѣ р. Ахтая.

На небольшой рч. Ахтаѣ, протекающей по С.В. части Спасскаго уѣзда и впадающей съ лѣвой стороны въ р. Каму, вмѣстѣ съ притоками находится до 38 населенныхъ мѣстъ, изъ которыхъ въ 26 живутъ русскіе, а въ остальныхъ 12 татары, мордва и чуваши. Судя по названіямъ многихъ русскихъ селеній, напр. селъ: Базяково, Матаки, Нохраты, Ромоданъ, Салманы и основываясь на уцѣлѣвшихъ народныхъ преданіяхъ, можно допустить, что основателями ихъ были тоже инородцы. Рядомъ съ русскими селеніями встрѣчаются иногда съ такими же названіями татарскія. Напр. дер. Русскіе Измери и дер. Татарскіе Измери; село Салманы Русскіе

и татарскія деревни Салманы Старые, Салманы Верхніе и Салманы Нижніе; притомъ извѣстно, что татарскія селенія возникли значительно раньше русскихъ. Даже нѣкоторыя русскія села, имѣющія повидимому русскія названія, возникли тоже благодаря инородцамъ, получали отъ своихъ основателей инородческое названіе, передѣланное потомъ русскими на свой ладъ. Такъ напр. русское село Караваево получило, какъ говорятъ, названіе отъ татарскаго слова *карабай*—черный, незнатный богачъ. Только одно изъ болѣе древнихъ русскихъ селеній на Ахтаѣ имѣетъ чисто русское названіе, это дер. Вожи, напоминающая старинное русское слово *вожи*, вожаки, проводники по дорогамъ. Такъ въ актахъ, собранныхъ Мельниковымъ, на стр. 44, 97—102 встрѣчаемъ слѣдующее: „Въ 1653 году билъ челомъ Царю, Государю и Великому Князю Алексѣю Михайловичю... чувашенин погайские дороги, деревни Саралан Ишмашка Меличев. Тому Государь третеі годъ, по Твоему Государеву указу ездили за Каму реку для чертежу казанцы Степанъ Змеев, да Григореі Львов, а мы сироты Твои у тово чертежу были в вожах; а нынѣ Государь по тому чертежу указано делать валъ, а мнѣ у тово валовова дела по прежнему быть в вожах... в прошломъ 1652 году был я у тово валовова дела в вожахъ... Лѣта 1690.... Боярин Воевода Князь Данила Офонасьевичь Борятинскоі съ товарищи, дали выпись казанскаго уѣзду Ногаіскіе дороги за камскоі стороны вожам, деревни Табор...“ Болѣе малолюдныя русскія селенія, или такъ называемые выселки, напр. Демидовка, Дмитріевка, Екатериновка, Аннино, Таннина возникли сравнительно недавно. Крестьяне этихъ селеній, бывшіе крѣпостные, выселены изъ сосѣднихъ многолюдныхъ селъ, названія же имъ даны по именамъ и фамиліямъ мѣстныхъ владѣльцевъ. Изъ инородческихъ селеній обращаютъ на себя вниманіе старинныя татарскія селенія, возникшія задолго до прихода первыхъ русскихъ поселенцевъ. Изъ числа ихъ едва ли не болѣе древнее татарское селеніе, называвшееся сначала *Актай*, потомъ *Карга* и наконецъ въ послѣднее время болѣе извѣстное

подъ именемъ *Карпаполь*. Жители въ этой дер. татары, такъ называемые мишари; нѣкоторые изъ нихъ были крещеные, но потомъ въ 60-хъ годахъ они отпали въ магометанство. Въ казанскихъ Извѣстіяхъ за 1817 г. (№ 78, стр. 334) эта деревня упоминается подъ именемъ „*Ахтачи, Карпаполь тожъ*", жители въ ней названы служилыми татарами. Въ числѣ татаръ, какъ на Ахтаѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Спасскаго уѣзда, инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ мижаръ, встрѣчается довольно много; въ селеніяхъ *Карпаполь*, *Челны Бибаевы*, *Челны Новые* и *Челны Старые* почти всѣ жители мишары. Объ образѣ жизни и обычаяхъ мишаръ преимущественно Чистопольскаго и Тетюшскаго уѣздовъ нашему Обществу были уже дѣлаемы сообщенія, но вѣроятно свѣдѣнія о мишарахъ при подробномъ обслѣдованіи Спасскаго уѣзда будутъ пополнены новыми болѣе или менѣе интересными данными. Точно также могутъ быть пополнены этнографическія свѣдѣнія о мордвѣ и чувашахъ, нерѣдко встрѣчающихся на Ахтаѣ. Первые населяютъ здѣсь три небольшихъ деревни *Войкины* и притомъ въ двухъ изъ этихъ деревень *Войкинъ Среднемъ* и *Войкинъ Нижнемъ* мордва была крѣпостными крестьянами; о чувашахъ же, проживающихъ и теперь въ нѣсколькихъ селеніяхъ вмѣстѣ съ русскими и татарами, сохранились сказанія, что они значительно раньше русскихъ пришли въ эту мѣстность и были основателями многихъ селеній, въ которыхъ проживаютъ теперь русскіе крестьяне. Такъ ими положено основаніе селеніямъ *Матаки*, названіе которыхъ будто бы происходитъ отъ слова *Мутак*—Мутовка. Можетъ быть даже и русское село *Пичкасы* обязано своимъ возникновеніемъ чувашамъ, если въ окончаніи названія этого села видѣть чувашское слово *кас*, *касы*—выселокъ, околодокъ.

Большая часть русскихъ бывшіе помѣщичьи крестьяне состоятъ на одной дарственной десятинѣ. Недостатокъ земли заставляетъ многихъ изъ нихъ переселяться въ другія губерніи, преимущественно въ Уфимскую. Такъ въ 1885 году переселились въ Уфимскую губернію изъ дер. *Долгоруковой* 2 семьи,

изъ дер. *Екатериновки* 4 семьи, изъ дер. *Русскихъ Измеръ* 34 семьи, изъ с. *Буракова* 40 семей. Такія переселенія, вызываемыя большею частію малоземельемъ, были, впрочемъ, не всегда удачны. Такъ вотъ какую корреспонденцію за 1889 годъ мы читаемъ въ мѣстныхъ газетахъ о бураковскихъ переселенцахъ: „Крайне неотрадныя вѣсти идутъ въ наше село. Четыре года тому назадъ до 200 человѣкъ (не считая женщинъ и дѣтей) переселились изъ нашихъ мѣстъ въ Уфимскую губернію. Понятное дѣло, прежде чѣмъ переселяться на новыя земли, крестьяне распродали все свое имущество: коровъ, лошадей, домишки и т. д. И уже послѣ того, какъ ликвидировали всѣ свои дѣла, тронулись въ дальній путь-дорогу. Переселялись вообще лица довольно зажиточныя, у рѣдкаго по распродажѣ имущества не было 500—600 рублей, лица, для которыхъ, значитъ, и на родинѣ жизнь была, сравнительно, порядочной. Что же заставило ихъ переселяться? Ходоки, небывавшіе въ Уфимской губерніи, въ такихъ радужныхъ краскахъ описывали тамошнее житье-бытье, что устоять было невозможно... И вотъ переселенцы тронулись. Осѣли они въ 50 верстахъ отъ Уфы на землѣ, купленной при помощи поземельнаго банка въ вѣчное владѣніе у одного изъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ земля обѣтованная была найдена и переселенцамъ, казалось-бы, ничего не оставалось дѣлать, какъ только вкушать отъ благъ ея. Но на дѣлѣ вышло не то: земля оказалась совершенно безплодной... Ходоки, отправившіеся въ качествѣ соглядатаевъ для высматриванія земель, вошли въ сдѣлку съ помѣщикомъ и, получивъ съ него значительную взятку, выдали бураковскимъ крестьянамъ завѣдомо негодную землю за прекрасную,—„продали міръ“, какъ говорятъ крестьяне. Иногда были и невольныя переселенія крестьянъ съ береговъ Ахтая и его притоковъ. Такъ въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ вольныхъ селеніяхъ, русскіе жители придерживаются старообрядчества и между послѣдними въ 80-хъ годахъ была, повидимому, довольно многочисленная секта хлыстовъ, многіе изъ послѣдователей которой около это-

го времени были выселены въ Сибирь.

Если предпринять путешествіе по р. Ахтаю, начиная отъ его устья, то первая встрѣтившаяся населенная мѣстность на лѣвомъ берегу его будетъ дер. *Измери*, раздѣляющаяся на два поселка, или точнѣе на двѣ улицы: русскую и татарскую. Въ русскомъ поселкѣ, называющемся также *Христофоровкой*, намъ приходилось бывать неоднократно и объ археологическихъ памятникахъ, находящихся по сосѣдству съ этой деревней, мы уже упоминали въ замѣткахъ о курганахъ и городищахъ [1]). Называя всѣ эти памятники старыми жилищами, крестьяне указываютъ ихъ: 1) на средней гривѣ, или въ такъ называемомъ калинникѣ, гдѣ около 20 лѣтъ тому назадъ былъ найденъ кладъ серебряныхъ монетъ и гдѣ былъ выпаханъ мѣдный ковшъ, пріобрѣтенный мною и представленный въ Общество въ началѣ 80 годовъ, 2) по берегу р. Ахтая на такъ называемомъ *штабѣ*, гдѣ находятъ глиняные черепки. Береговая мѣстность, противуположная „*штабу*“, называется *Садиловкой*, *Ахтачи*. Говорятъ, что въ этой мѣстности былъ монастырь. Сельцо *Ахтаки*, *Садилово* тожъ, упоминается въ Казанскихъ Извѣстіяхъ за 1817 г., № 88. Жители изъ этого сельца были переведены, будто бы, въ Казанскій уѣздъ. 3) Указываютъ на городкѣ или, какъ утверждаютъ крестьяне, на курганѣ. Объ этомъ городкѣ, находящемся въ 2 вер. къ С.В. отъ д. Русскіе Измери, упоминается въ книгѣ С. М. Шпилевскаго „Древніе города и пр.“. Онъ имѣетъ треугольную форму, вышиною 10 саж., въ верстѣ отъ него находится гора, на которой замѣтны слѣды вала, со рвами по обѣимъ сторонамъ. Этотъ послѣдній городокъ, можетъ быть, представляетъ собою то же урочище, о которомъ въ книгѣ Шпилевскаго (стр. 381, I) приводятся свѣдѣнія, собранныя по указаніямъ Кочуева. Далѣе въ верхъ по рч. Ахтаю за дер. *Измерь*, въ 2-хъ верстахъ отъ нея, встрѣчается большое русское с. *Пичкасы*, основателемъ котораго, по народному пре-

[1]) Извѣстія Общества, т. III, стр. 74.

данію, былъ разбойникъ *Пичкай*. За преступленія онъ былъ куда-то сосланъ, но изъ ссылки бѣжалъ и поселился въ лѣсу, растущемъ и до сихъ поръ на правомъ возвышенномъ берегу р. Ахтая, на версту ниже нынѣшняго села. Здѣсь же скрывались и другіе бѣглецы и занимались выдѣлкою полозьевъ и ободьевъ, которые они продавали татарамъ сосѣдней деревни *Измерь*. На сѣверной сторонѣ существующей въ селѣ деревянной церкви находится неизвѣстно кому принадлежащее кладбище; положеніе могилъ на немъ ни христіанское, ни магометанское. Въ 3-хъ вер. къ С. отъ села въ *Молоствовской* дачѣ указываютъ три кургана. Судя по описанію нужно предполагать, что это тотъ же памятникъ, который у крестьянъ дер. Измерь извѣстенъ подъ общимъ именемъ кургана. На этотъ курганъ пичкасское духовенство весной, во время розлива, прямо изъ села ѣздитъ въ лодкахъ гулять и любоваться сливающимися водами Волги и Камы. Въ 5 верстахъ отъ с. Пичкасъ на З. указываютъ городокъ на рч. Грязнухѣ, праваго притока р. Бездны (у Шпилевскаго подъ № 3, стр. 325), этотъ городокъ, имѣющій четырехугольную форму, обведенный со всѣхъ сторонъ валомъ и рвомъ и ограниченный по угламъ круглыми земляными башнями, напоминаетъ по своему внѣшнему виду и по размѣрамъ болгарскій четыреугольникъ. Затѣмъ указываютъ урочище „*Лагери*“ между д.д. *Кожаевкой* и *Вожи* на правой сторонѣ лѣваго притока Ахтая—Кривой Сумки. На этомъ урочищѣ находится небольшой курганъ (маръ). Народъ говоритъ, что здѣсь находилась когда-то сила (войско) противная той, которая была въ городкѣ за валомъ, находящимся между дер. *Кожаевкой* и с. *Бураковымъ*. Объ этомъ валѣ, идущемъ отъ с. Буракова до г. Спасска, сословъ мѣстнаго землевладѣльца А. А. Демидова, упоминаетъ г. Шпилевскій (стр. 325, № 4). Еще выше по Ахтаю околосельца *Ямкина* встрѣчается „*татарское жилье*“, или, такъ называемый „*борокъ*“, и въ верстѣ отъ этого сельца городокъ; урочища, упоминаемыя въ книгѣ С. М. Шпилевскаго (стр. 326, № 5) и подробно описанныя во II т. Извѣстій нашего

Общества чл. сотрудникомъ свящ. Фанагорскимъ (стр. 89—93) городокъ на Ахтаѣ, упоминаемый въ книгѣ С. М. Шпилевскаго подъ № 6, едвали не тотъ же, о которомъ пишетъ свящ. Фанагорскій.

Далѣе по Ахтаю встрѣчается большое русское село *Коровaево*, красиво расположенное по обѣимъ сторонамъ рѣки. На правомъ берегу находится каменная церковь, построенная въ 1795 г., пять каменныхъ домовъ, принадлежащихъ мѣстному землевладѣльцу Демидову и нѣсколько крестьянскихъ. Съ В. село окружено лѣсомъ и озеромъ, изобилующимъ рыбой. Въ лѣсу, въ одной верстѣ отъ села, находится городокъ, получившій отъ первой кладоискательницы названіе *Маринина клада* (у Шпилевскаго № 7, стр. 326). По указанію мѣстнаго землевладѣльца А. А. Демидова въ двухъ верстахъ отъ лѣваго берега Ахтая около сельца *Демидовки* находится курганъ и попадаются находки (у Шпилевскаго № 8, стр. 327). Затѣмъ по лѣвымъ притокамъ Ахтая Лантрѣ и Большой Ромоданкѣ въ 3-хъ верстахъ къ Ю.З. и къ Ю.В. отъ села *Ромоданъ* находятся два городка, совершенно сходныхъ между собою по очертанію и размѣрамъ. Въ книгѣ „Древніе города и пр.“ эти городки описаны подъ №№ 9 и 10, причемъ С. М. Шпилевскій выражаетъ сомнѣніе, что городки эти описаны невѣрно, или, быть можетъ, описаніе относится къ одному и тому же городку. Въ самомъ селѣ *Ромоданъ*, по показаніямъ крестьянъ, находится курганъ; въ одной верстѣ отъ него на З. старинное жилище „*Ржавецъ*“ и на В., тоже въ одной верстѣ,—городокъ. (Изв. Общ. Т. I, стр. 112). Немного выше праваго притока въ Ахтай впадаетъ съ лѣвой стороны рч. Салманка, на которой находится русское владѣльческое село *Салманы* и три татарскихъ деревни того же имени. По указанію дѣйств. члена нашего Общества В. К. Магницкаго между селомъ и дер. *Ямбухтиной*,—жители которой, татары, выселились изъ древняго города *Янбухты*, — находятся курганъ и могильный камень съ арабскою надписью. В. К. Магницкій указываетъ также городище на кладбищѣ близъ с.

Базарные Матаки, находящагося на Ахтаѣ. Вѣроятно описаніе того-же городища приводится въ книгѣ С. М. Шпилевскаго (№ 11, стр. 327—328), гдѣ оно показано на 100 саж. ниже с. Матакъ по направленію къ дер. *Базарнымъ Матакамъ*. Въ описаніи же сказано, что часть городка распахана подъ посѣвъ, а меньшая занята кладбищемъ. Наконецъ, къ бассейну р. Ахтая принадлежитъ городокъ, находящійся на высокомъ берегу рч. Нахратъ, впадающей слѣва въ Ахтай (описанъ у Шпилевскаго подъ № 12, стр. 328) и городище около деревни Березовая Грива, примыкающей къ озерной, луговой сторонѣ Камы. Это городище было осмотрѣно членомъ-сотрудникомъ Стефановичемъ.

Такимъ образомъ по р. Ахтаю и его притокамъ можно указать до 15 мѣстностей, въ которыхъ встрѣчаются признаки древнихъ сооруженій, извѣстныхъ подъ названіями древнихъ жилищъ, городковъ, городищъ и кургановъ. Въ книгѣ С. М. Шпилевскаго такихъ мѣстностей описано 12, но при подробномъ изученіи уѣзда, вѣроятно, ихъ окажется больше. Желательно было бы только, чтобы прежде всего было обращено вниманіе на тѣ курганы и городища, которые, располагаясь на низменныхъ мѣстностяхъ, потопляемыхъ во время весеннихъ разливовъ, и по крутымъ обрывистымъ берегамъ р. Ахтая, скорѣе другихъ подвергаются постепенному разрушенію и уничтоженію.

И. Износковъ.

ВОПРОСЪ ОБЪ ОТКРЫТІИ

городской публичной библіотеки въ Казани

по поводу исполнившагося 30-лѣтія ея существованія.

«Историческіе дни» Казани и области и отношеніе къ нимъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.—Адмиралъ Мордвиновъ и первое слово объ учрежденіи губернскихъ публичныхъ библіотекъ.—Сочувственное отношеніе къ этому вопросу министерства внутреннихъ дѣлъ.—Предложеніе казанскихъ губернаторовъ Жеванова и Пирха казанской шестигласной думѣ.—Отношеніе мѣстныхъ «гражданъ» къ вопросу о библіотекѣ.—Пожертвованіе Н. И. Второва и его плачевная судьба.—Открытіе библіотеки черезъ 35 лѣтъ послѣ возбужденія вопроса.—Современный составъ библіотеки.—Мнѣніе Н. Н. Булича о ея односторонности.—Вопросъ о средствахъ постановки библіотеки на надлежащую высоту.

Въ средѣ мѣстно-областной интеллигенціи существуетъ уже группа людей, хотя пока еще и немногочисленная, для которой мѣстно-областное прошлое представляется небезразличнымъ.

Въ виду этого въ Казанскомъ Обществѣ Археологіи, Исторіи и Этнографіи возбуждена мысль—идти навстрѣчу пробуждающейся потребности, давать въ своихъ засѣданіяхъ и изданіяхъ болѣе мѣста матеріаламъ по исторіи города и края и съ этой цѣлью созывать общія доступныя для публики собранія по возможности въ тѣ числа, которыя отмѣчены чѣмъ-нибудь знаменательнымъ въ жизни Казани и Камско-Волжскаго

края. Собираясь въ эти, такъ сказать, „историческіе дни", Общество предполагаетъ между прочимъ останавливаться на разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ имъ фактовъ и тѣмъ, по мѣрѣ силъ и возможности, расширять кругъ свѣдѣній о мѣстномъ прошломъ.

Январскіе дни, къ которымъ принадлежитъ и настоящій [1]), не лишены для Казани извѣстнаго значенія: 21, 22 и 23 января 1868 года—дни юбилейныхъ празднествъ столѣтняго существованія Императорской 1-й каз. гимназіи, открытой въ 1768 году; 17 января 1838 г.—день Высочайшаго утвержденія устава Казанск. Родіоновскаго института; январскіе дни въ разные годы были первыми днями выхода нѣкоторыхъ мѣстныхъ періодическихъ изданій; 10 января 1865 года отмѣчено въ жизни Казани открытіемъ городской публичной библіотеки и т. д.

Изъ этихъ болѣе или менѣе знаменательныхъ для Казани январскихъ фактовъ—я останавливаюсь въ настоящій моментъ на послѣднемъ, по случаю исполнившагося 30-лѣтія существованія библіотеки.

Нѣтъ, конечно, надобности распространяться о культурномъ значеніи того факта, который совершился въ Казани 30 лѣтъ тому назадъ открытіемъ доступной для всѣхъ и безплатной библіотеки. Моя задача—разсказать вкратцѣ исторію возникновенія этой библіотеки, довольно характерную для мѣстной общественной обстановки. Считаю это тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что для начальнаго періода этой исторіи пользуюсь нѣкоторыми архивными документами Казанской шестигласной думы, которые не были еще опубликованы.

Вопросъ объ открытіи въ Казани публичной библіотеки—вопросъ довольно старый. Открыта она была въ 1865 году, а первое слово о ней произнесено было еще въ 1830 году. Такимъ образомъ потребовалось цѣлыхъ 35 лѣтъ, чтобы культурное зерно произросло на мѣстной почвѣ, благодаря ея нѣсколько своеобразнымъ свойствамъ.

---

[1]) Рефератъ доложенъ былъ въ общемъ собраніи 22 января 1895 г.

Что это такъ—можно видѣть изъ архивныхъ документовъ мѣстной шестигласной думы начала настоящаго столѣтія, въ числѣ которыхъ есть „Дѣло по предложенію губернатора Жеванова о приглашеніи здѣшнихъ гражданъ къ добровольнымъ пособіямъ на положеніе основанія въ Казани губернской публичной библіотеки“ [1]).

Изъ этого „Дѣла“ выясняются слѣдующія любопытныя данныя.

Президентъ Императорскаго Вольно-экономическаго Общества адмиралъ Мордвиновъ обратился къ Мин. Внутр. Дѣлъ съ ходатайствомъ объ изысканіи средствъ для устройства въ губерніяхъ публичныхъ библіотекъ, изъясняя при этомъ, что подобныя учрежденія могутъ—говоря его словами—„возродить духъ общественности, открыть сбытъ для хорошихъ сочиненій по части наукъ и промышленности и быть эпохою народныхъ улучшеній во всѣхъ родахъ“.

М. В. Д., очевидно, раздѣляя просвѣщенный взглядъ адмирала, поручило провинціальнымъ губернаторамъ, а въ томъ числѣ и казанскому—Жеванову пригласить для совѣщанія по этому вопросу начальствующихъ учебныхъ заведеній, губернскихъ предводителей и „прочихъ любителей полезныхъ знаній отъ дворянства и купечества“ и совмѣстно съ этими свѣдущими людьми, во 1-хъ—найти „приличное зданіе для библіотеки“, во 2-хъ—установить порядокъ пользованія ею и въ 3-хъ—избрать библіотекаря и попечителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ М. В. Д. извѣстило Жеванова, что Экономическое Общество принимаетъ на себя обязанность доставить въ библіотеку всѣ прежнія свои изданія, что въ нее будутъ доставлены также „Журналъ М. В. Д.“, „Горный журналъ“ и „Коммерческая газета“, а отъ частныхъ жертвователей—сочиненія Полеваго и его журналъ „Московскій Телеграфъ“.

Сообщая о всемъ этомъ казанскому городскому головѣ

[1]) «Дѣло» за № 339.

отношеніемъ отъ 25 августа 1830 года, за № 7193, губернаторъ Жевановъ, просилъ голову „пригласить предварительно здѣшнихъ гражданъ къ добровольнымъ пособіямъ для положенія основанія казанской публичной библіотеки".

Быть можетъ, предложеніе губернатора не осталось-бы безъ послѣдствій, такъ какъ Иванъ Григорьевичъ Жевановъ, назначенный губернаторомъ въ Казань не задолго передъ этимъ (7-го января 1829 года), былъ, повидимому, человѣкъ энергичный и дѣятельно принявшійся за городское благоустройство. Но обстоятельства были крайне неблагопріятны. Въ Казани уже начиналась страшная холера 30-го года и одною изъ первыхъ жертвъ ея былъ самъ губернаторъ.

Преемникъ его баронъ Ширхъ въ слѣдующемъ году, а именно 10 января 1831 года снова возбудилъ заглохшій вопросъ, обратившись къ головѣ съ просьбой увѣдомить „объ успѣхѣ дѣйствій" по сбору пожертвованій на библіотеку.

Въ виду этого побужденія со стороны администраціи, въ январѣ и февралѣ 1831 года состоялась подписка, довольно характерная для казанскаго общества того времени. Желающихъ „возродить духъ общественности" оказалось въ Казани только 19 человѣкъ. Городской голова Чижовъ подписалъ 300 р., милліонеръ Александровъ—100 р, остальные 17 капиталистовъ подписали на „возрожденіе духа" въ общей сложности 276 р.

Этими данными и исчерпываются архивные матеріалы, находившіеся у меня подъ руками. Собраны-ли были означенные выше 676 р. или остались только подписанными—неизвѣстно. Надолго сошелъ со сцены и самый вопросъ о библіотекѣ. Надо думать, что мѣстная почва оказалась недостаточно подготовленной для того, чтобы „возродить духъ общественности" и положить начало „эпохѣ народныхъ улучшеній во всѣхъ родахъ". Просвѣщенный призывъ адмирала Мордвинова и высшей администраціи къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ былъ для Казани „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ"..

Прошло 13 лѣтъ, прежде чѣмъ вопросъ обнаружился

снова. Подробности о дальнѣйшей судьбѣ его можно найти въ предисловіи къ каталогу каз. город. публичной библіотеки 1878 года, по этому я ограничиваюсь въ настоящемъ случаѣ только самыми бѣглыми указаніями.

Въ 1844 году бывшій студентъ Каз. университета и редакторъ Каз. губ. вѣдомостей Н. И. Второвъ, переѣзжая на службу въ Петербургъ, пожертвовалъ каз. городскому обществу для устройства публичной библіотеки собраніе книгъ, составленное его отцемъ, который въ началѣ настоящаго столѣтія былъ очень близокъ Казани. Въ этомъ собраніи было 903 названія и 1908 томовъ.

Городское общество, получивши даръ, поставлено было, повидимому, въ крайне затруднительное положеніе, и для Второвскихъ книгъ наступила самая плачевная эпоха. Они, по словамъ составителя указаннаго выше предисловія, „странствовали въ Казани изъ мѣста въ мѣсто, по разнымъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, не находя пріюта“. Многія книги во время этихъ странствій затерялись, пропалъ и каталогъ, тщательно составленный товарищемъ Второва А. И. Артемьевымъ.

Прошло еще цѣлыхъ 20 лѣтъ...

Второвъ въ это время, т. е. въ 1864 году, занималъ уже видный постъ вице-директора хозяйственнаго департамента М. В. Д. и былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по устройству новаго общественнаго управленія городовъ имперіи. Онъ напомнилъ казанской администраціи о своемъ давнишнемъ пожертвованіи и его напоминаніе, на этотъ разъ, въ силу служебныхъ отношеній, не могло остаться втунѣ, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и „нравы обывателей“ успѣли уже нѣсколько „смягчиться“.

10 января 1865 года, т. е. ровно черезъ 35 лѣтъ послѣ возбужденія вопроса, библіотека была, наконецъ, открыта въ томъ самомъ помѣщеніи, гдѣ находится и понынѣ.

За истекшія 30 лѣтъ библіотека, пользуясь отъ города, кромѣ помѣщенія и содержанія необходимаго персонала, ежегоднымъ пособіемъ въ 500 р. на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ

и періодическихъ изданій, пополнена была покупкою библіотеки Сахарова на особо ассигнованные для этого городомъ 1000 р.

Въ настоящее время размѣры библіотеки разрослись уже до 7½ тысячъ названій. Но значеніе ея, по мнѣнію проф. Н. И. Булича, не мало потрудившагося надъ ея устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ, односторонне. „Наша городская библіотека, совершенно справедливо замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ новому каталогу 1891 года, скорѣе *читальня*, чѣмъ публичная библіотека, куда приходятъ для занятій научныхъ или для справокъ въ книгахъ серьознаго содержанія... Значительное число посѣтителей приходитъ слѣдить за текущими явленіями политики и литературы по періодическимъ изданіямъ. Этой естественной потребности библіотека удовлетворяетъ. Но *общее помѣщеніе* для этого большинства посѣтителей и для того незначительнаго, но *достойнаго полнаго уваженія меньшинства*, которое приходитъ для серьозныхъ занятій, весьма неудобно для этого послѣдняго. Читатели періодическихъ изданій, приходящіе иногда для того только, чтобы просмотрѣть одинъ № газеты, остаются недолго. Постоянный приливъ и отливъ ихъ развлекаетъ читателей серьозныхъ книгъ и мѣшаетъ дѣлать выписки".

„Библіотека должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы въ ней можно было работать надъ книгами"—заключаетъ г. Буличъ и указываетъ на настоятельную необходимость особыхъ помѣщеній для чтенія легкаго и научнаго.

Привести въ исполненіе эту крупную идею, придать каз. публичной библіотекѣ серьозный научный характеръ, сдѣлать ее удобной для научныхъ работъ, особенно по разнообразнымъ вопросамъ мѣстнаго края, на мой взглядъ, совсѣмъ не такъ трудно, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда.

Съ этой цѣлью слѣдовало-бы библіотеку раздѣлить на двѣ—общелитературную и научную.

Въ первой сосредоточить всю журналистику общаго характера, беллетристику и популярно-научныя сочиненія и оставить ее въ настоящемъ помѣщеніи.

Во вторую выдѣлить все собраніе Второва, относящееся къ концу 18 и началу 19 вѣка; всѣ спеціально-научныя книги и журналы, а равно и всѣ изданія, имѣющія отношеніе къ Казани и мѣстному краю, собраніе которыхъ составляло предметъ особой заботливости г. Булича. Эту библіотеку всего умѣстнѣе было бы помѣстить въ одной изъ свободныхъ залъ городскаго историко-промышленнаго музея.

При такомъ раздѣленіи цѣль вполнѣ достигнется, а между тѣмъ расходъ увеличится несущественно только на одного лишняго библіотекаря.

Могутъ, конечно, указать на то, что на первыхъ порахъ спеціально-научная библіотека будетъ всетаки недостаточно полна.

Но мнѣ кажется, есть способъ, сразу и безъ всякихъ расходовъ, поставить ее, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ на такую высоту, что она на всемъ востокѣ Россіи сдѣлается самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ *общедоступныхъ* книгохранилищъ,—стоитъ только присоединить къ ней, если это окажется возможнымъ и умѣстнымъ, богатое собраніе книгъ и изданій, собранныхъ въ 15 лѣтъ Казанскимъ Археологическимъ Обществомъ.

Общество успѣло сосредоточить въ своихъ рукахъ значительную массу изданій по исторіи, археологіи и этнографіи Камско-Волжскаго края и всего Востока Россіи; оно владѣетъ замѣчательной коллекціей казанскихъ изданій, получаетъ періодическія изданія всего Востока Россіи, обмѣнивается трудами со многими учеными обществами и учрежденіями Россіи, Европы и Азіи. А между тѣмъ его цѣнное въ научномъ отношеніи книгохранилище лишено возможности функціонировать, оно недоступно не только для публики, но даже и для самихъ членовъ, такъ какъ не имѣетъ помѣщенія, гдѣ можно-бы было съ удобствами заниматься.

Указанное соединеніе ни малѣйшимъ образомъ не нарушаетъ правъ собственности; связанныя ко взаимной выгодѣ только единствомъ помѣщенія и личности библіотекаря, помѣ-

щаясь въ особыхъ шкафахъ и имѣя особые каталоги, эти библіотеки могли-бы находиться подъ ближайшимъ наблюденіемъ особыхъ уполномоченныхъ отъ Общества и Думы.

Вотъ, мнѣ кажется, единственный возможный и удобный способъ приблизиться къ осуществленію завѣтной мечты адмирала Мордвинова посредствомъ публичной библіотеки— „возродить духъ общественности“ въ провинціи и положить прочное начало „эпохѣ народныхъ улучшеній во всѣхъ родахъ“...

П. Пономаревъ.

О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Китайскаго Туркестана.

У всѣхъ мусульманъ бывали раньше, да и теперь есть сочиненія какъ писанныя, такъ и печатанныя, сочиненія, посвященныя подробному описанію райскихъ наслажденій и адскихъ мученій. Райскія наслажденія въ этихъ сочиненіяхъ обѣщаются обыкновенно благочестивымъ, а лѣнивымъ богомольцамъ и безбожникамъ прежде всѣхъ вѣковъ уготованы страшныя адскія мученія. У китайскихъ татаръ, подвѣдомственныхъ хамійскому и логученскому князьямъ, муллы и чиновники не ограничиваются однимъ обѣщаніемъ райскихъ наслажденій усернымъ богомольцамъ и адскихъ мученій лѣнивымъ,—усердныхъ богомольцевъ они приглашаютъ на всѣ пиры и увеселенія, а лѣнивыхъ наказываютъ ударами орудія, которое извѣстно не только татарамъ Китайскаго Туркестана, но и татарамъ Русскаго Туркестана. Это орудіе наказанія называется: у татаръ Русскаго Туркестана „дóра," у татаръ Китайскаго Туркестана: въ Хами „дýбýрä", въ Логученѣ „дäрä" и у китайцевъ цзюй-ва-цзы (зюйвàза). Это орудіе дѣлается изъ веревокъ, палки, или чаще изъ ремней, плотно нашитыхъ другъ на друга въ 3—5 слоевъ, и съ деревянной ручкой. Орудіе это бываетъ 2 родовъ: одно маленькое, длиною въ 8 и шириною въ 1 вершокъ, и другое большое, длиною около 1 аршина и шириною около $1^1/_2$ вершковъ. По-русски это орудіе называется „арапникъ". Малымъ арапникамъ бьютъ виновника по лицу, щекамъ, или ладонямъ, а большимъ по ногамъ: сзади, спереди или сбоку. Оба орудія употребляются какъ въ Китаѣ, такъ и Русскомъ

Туркестанѣ всякій разъ, когда нужно выпытать правду или нужно принудить къ какой-нибудь казенной работѣ. До прихода русскихъ въ Среднюю Азію арапникъ былъ въ большомъ ходу: при проѣздѣ начальниковъ или хана имъ разгоняли палѣво и направо толпу. Китайцы разгоняютъ толпу бамбуковыми палками или также арапникомъ. Логученскіе и хамійскіе татары большимъ арапникомъ наказываютъ лѣнивыхъ богомольцевъ. Арапники я видѣлъ: 3 экз. (деревянный, веревочный и ременный) въ музеѣ отечествовѣдѣнія Казанскаго Университета и 1 экз. въ С. Петербургѣ, Азіатскомъ музеѣ Академіи Наукъ. Эти арапники большіе, при томъ Петербургскій ременный, немного шире здѣшняго ременнаго. Во время путешествія въ 1890—1892 гг. по Китайскому Туркестану я узналъ о наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у мусульманъ слѣдующее.

I. Хамійскіе татары.

Хамійскій цинь-ванъ (князь I степени), призывая къ себѣ во дворецъ какого-нибудь муллу, говоритъ ему: „Я даю тебѣ должность благочиннаго и блюстителя порядка въ школахъ. Возьми изъ прихожанъ 4 помощниковъ, возьми 7 паръ арапниковъ. Каждое утро обходи со своими помощниками мечети и, если гдѣ-нибудь окажется человѣкъ, не идущій на молитву, возьми его и бей до-смерти; если умретъ, не бѣда. Когда будешь бить его, произноси стихи, приличные случаю. Каждый, наказанный тобою, долженъ дать тебѣ 2 мѣры пшеницы (31,6 куб. дюйм.) за то, что ты—благочинный, и 1 мѣру пшеницы (15, 8 к. д.) за то, что ты—блюститель порядка въ школахъ. Обходи учениковъ всѣхъ 5 частей города Хами и о каждомъ ученикѣ дай мнѣ отчетъ. Если ты не будешь обходить всѣ мечети каждый день и школы каждый годъ, то я вытребую тебя во дворецъ и, крѣпко наказавши, отправлю въ ссылку". Такое наставленіе хамійскій цинь-ванъ даетъ каждому муллѣ, который только-что получилъ должность мухтесиба, т. е. благочиннаго и смотрителя училищъ. Затѣмъ къ соборной мечети идетъ чиновникъ съ ожерельемъ на шеѣ и павлинымъ перомъ

на шапкѣ и возглашаетъ: „Эй богомольцы и родители, отдавшіе своихъ дѣтей въ школу, слушайте внимательно! нашъ цинь-ванъ-бекъ издалъ повелѣніе быть такому-то человѣку мухтесибомъ! "Затѣмъ мухтесибъ беретъ 7 паръ арапниковъ и 4 помощниковъ, обходитъ съ ними всѣ мечети и, найдя лѣниваго богомольца, жестоко бьетъ его арапникомъ и декламируетъ въ порицаніе его стихи. Каждое утро мухтесибъ считаетъ всѣхъ богомольцевъ, идущихъ въ мечеть, и, если кого-нибудь не окажется на лицо, за тѣмъ посылаетъ муэззина, т. е. призывателя къ молитвѣ. Если онъ не придетъ и на слѣдующій день, то мухтесибъ черезъ муэззина заказываетъ ему: „Пусть не сердится на насъ,—мы выйдемъ сами и, взявши его, накажемъ какъ слѣдуетъ при всѣхъ прихожанахъ. Если богомолецъ не придетъ и на третій день, то помощники мухтесиба идутъ, берутъ его и, приведши къ начальнику, раздѣваютъ до-гола и трижды окачиваютъ холодною водою, не смотря ни на какое время года. Окативши холодною водою, бьютъ 39 разъ арапникомъ и спрашиваютъ: „Будешь-ли теперь ходить въ мечеть"? Если онъ не отвѣтитъ какъ слѣдуетъ, то выгоняютъ его изъ дому, а дверь дома забиваютъ. Если онъ будетъ противиться, то докладываютъ объ этомъ главному муллѣ, который даетъ виновному 99 ударовъ, и затѣмъ публично учитъ его, какъ нужно исполнять требованія религіи. Главный мулла приходскому духовенству лѣниваго богомольца говоритъ:

نذری کا کیرمانکلار
اولسه کورکا قویمانکلار

„Не ходите къ нему на обѣдъ, который онъ даетъ народу, а если онъ умретъ, то не опускайте его въ могилу". Приказаніе главнаго муллы приводится въ исполненіе почти всегда; впрочемъ деньги, въ изобиліи раздаваемыя духовенству и народу, могутъ нерѣдко смягчать самыя суровыя повелѣнія главнаго муллы.

Стихи, которые читаются во время наказанія лѣнивыхъ богомольцевъ въ Хами, суть слѣдующіе:

1. روز محشر كونى ده * اوّل صورار بش نماز
چاق ديب سنى من اورسام * توبه قيلغيل بى نماز

Въ день собранія всѣхъ умершихъ прежде всего потребуется 5 молитвъ. Я велю бить тебя и наказывать,—покайся, о лѣнивый богомолецъ.

2. جواب برماك قاتيق تور * كيشى بولسا بى نماز
حقّ تعالى امرىنى * سن قيلماغان بى نماز

Трудно давать отвѣтъ, будучи лѣнивымъ богомольцемъ. Не исполняешь ты повелѣнія Бога Всевышняго, о лѣнивый богомолецъ.

3. فيغامبرنينك سنّتى نى * سن قيلماغان بى نماز
كيشى بولسا بى نماز * حقّ بويروغى بش نماز

Предписаній пророка (Мухаммеда) ты не исполняешь, о лѣнивый богомолецъ. Всякій человѣкъ долженъ исполнять повелѣніе Божіе—5 молитвъ, о лѣнивый богомолецъ.

4. كونكلونك بيرلان بيرنماز * سن قيلماغان بى نماز
بى نمازغه بارمانكلار * آغريقىنى صورمانكلار

Даже одной молитвы ты не читалъ про себя, о лѣнивый богомолецъ. Не ходите къ лѣнивому богомольцу и непавѣдывайтесь объ немъ, когда онъ боленъ.

5. اولسه نماز قيلمانكلار * ايتلار يسون بى نماز
بى نمازدين جان آلور * تمور چنكالنى صالور
قيين بيرلان جان آلور * اى قورقماغان بى نماز

Если онъ умретъ, то не читайте надъ нимъ молитвъ. Пусть съѣдятъ тебя собаки, о лѣнивый богомолецъ. У лѣниваго богомольца отнимутъ (черти) душу, а тѣло будутъ терзать желѣзными когтями. Будутъ мучить до смерти тебя, о безстрашный лѣнивый богомолецъ.

6. بى نمازغه يول بيرمه * اوتنه ديسه فول بيرمه
ولى ديسه قول بيرمه * كافر نورور بى نماز

Не давай дороги лѣнивому богомольцу и не давай ему взаймы денегъ. Не подавай ему руки, даже если онъ назоветъ себя святымъ,—безбожникъ онъ-лѣнивый богомолецъ.

7. بی نمازدور اول کیمارسه * اوچوب‌قوش‌دیك‌بوروب‌بارسا
ماراب آنماق لازم‌دور * هر یرده آنی آدم کورسه

Если это существо, называемое лѣнивымъ богомольцемъ, помчится куда нибудь подобно птицѣ, то слѣдуетъ подстеречь его и застрѣлить, гдѣ-бы ни увидалъ его человѣкъ.

8. بی نمازنینك داقالی * هم صافالی هم صافالی
اوت‌نی آلیب یافقالی * کویوب اولسون بی نماز

Если у лѣниваго богомольца есть бородка или борода, борода, то возьмемте огня и подпалимъ ее,—пусть сгоритъ лѣнивый богомолецъ.

9. بی نمازدین ایت یاخشی * آرتوق‌تومان فیت‌یاخشی
نماز وقتی بیلماسانك * یاخشی ایت سن بی نماز

Собака—лучше лѣниваго богомольца въ нѣсколько десятковъ тысячъ разъ, лучше его даже паразитъ. Если ты не знаешь времени молитвы, то ты—порядочная собака, о лѣнивый богомолецъ.

10. شفاعت‌ده بندهم دیب * هرکز آلماس بی نماز
بو عالمکا ایشانمه * قالماس سنکا بی نماز

Не будетъ тебѣ пощады (отъ Бога) какъ рабу Его никогда, о лѣнивый богомолецъ. Не падѣйся на этотъ міръ,—ничего не достанется тебѣ, о лѣнивый богомолецъ.

11. نماز قیلماق مشکل ایماس * هارماس کیشی بی نماز
قارا قونکوز سن بولدونك * نماز قویغان بی نماز

Не трудно исполнять молитву и не устать отъ чтенія ея, о лѣнивый богомолецъ. Забывши молитву, уподобился ты черному жуку, о лѣнивый богомолецъ.

12. نماز قیلمای دوبوره یب * رسوا بولغان بی نماز
اشاك بولوب اولوشور * قارا یوزلوك بی نماز

Забывши молитву и вкушая арапникъ, ты срамишь себя, о лѣнивый богомолецъ. Ты пропадешь какъ оселъ, о безсовѣстный, лѣнивый богомолецъ.

13. كافر تورور بی نماز * ملعون تورور بی نماز
ارنیب توروب اوتاماسه * مغبوب تورور بی نماز

Безбожникъ ты, лѣнивый богомолецъ, и проклятъ ты, лѣнивый богомолецъ. Если полѣнишься исполнять обряды, то ты пропадешь, о лѣнивый богомолецъ.

14. نصیحت‌نی تولا قیلدیم * آنکلامادینك بی نماز
تافسانك وقت‌نی کوب اوته * دوبوره یمه بی نماز

Я много произнесъ наставленій,-но ты не понялъ, о лѣнивый богомолецъ. Если будетъ время, то молись усерднѣе и не вкушай арапника, о лѣнивый богомолецъ.

15. قیامت‌کا بارغان‌دا * بامداد تورور بولداشی
ایکی‌سی بیر بولسا * فشین تورور قولداشی

Въ день страшнаго суда будетъ сопутствовать человѣку утренняя молитва, а если нужны будутъ за разъ 2 молитвы, то присоединится и полуденная.

16. اوچولانك‌غو بیر بولسا * قولدار آنی نماز شام
همه‌سی‌نی ادا قیلسانك * اونار کناهینك بتمام

Если понадобятся 3 молитвы за разъ, то присоединится и вторая вечерняя молитва, а когда прочтешь всѣ (эти молитвы), то простятся тебѣ всѣ грѣхи.

17. بشولانك‌غو بیر بولسا * خفتن آنکا یار بولور
نماز اوتاماکان کیشی * ایکی دنیادا خار بولور

Если нужны будутъ за разъ 5 молитвъ, то присоединится и молитва передъ отходомъ ко сну (и первая вечерняя). Че-

ловѣкъ, не знающій молитвенныхъ обрядовъ, будетъ презираемъ въ обоихъ мірахъ.

II. Логученскіе татары.

По предписанію логученскаго цзюнь-вана (князя II степени) лѣниваго богомольца берутъ и, приведя къ мечети, даютъ 40 ударовъ арапникомъ. Зимою кромѣ того обливаютъ холодною водою. Затѣмъ всѣ сосѣди собираются въ домъ лѣниваго богомольца и пьютъ у него чай. Если онъ не придетъ въ мечеть на молитву и другой разъ, то ведутъ его къ цзюнь-вану во дворецъ и наказываютъ 25 ударами бамбуковой палки, а затѣмъ сажаютъ въ тюрьму на 2 или 3 мѣсяца. Если заступятся за него прихожане, то цзюнь-ванъ отдаетъ его имъ на поруки. Если лѣнивый богомолецъ и послѣ того не исправится, то наказываютъ его еще строже, расправляясь съ нимъ какъ съ воромъ. Наказывая лѣниваго богомольца читаютъ тѣ-же стихи, какъ и въ Хами, и приличныя случаю мѣста корана, касающіяся молитвъ, рая или ада.

За исполненіемъ мусульманскихъ обрядовъ слѣдятъ какъ въ городахъ Хами и Логученѣ, такъ и большихъ селеніяхъ, гдѣ есть старшіе муллы и мухтесибы. Арапникъ употребляется въ Хами и Логученѣ также при сборѣ податей и при собираніи народа на казенную работу. На языкѣ китайскихъ татаръ выраженіе „собирать подать“ переводится آلبان چيقارماق т. е. „выбивать подать“. Это выраженіе какъ нельзя лучше характеризуетъ значеніе арапника, который въ Китаѣ считается крайне необходимою принадлежностью всякаго порядочнаго полицейскаго, желающаго угодить начальству. Логученскому и хамійскому мухтесибу въ Русскомъ Туркестанѣ соотвѣтствуетъ реисъ, обязанность котораго заключается въ надзорѣ за нравственностью жителей города и за точнымъ исполненіемъ мусульманскихъ обрядовъ, въ томъ числѣ и за чтеніемъ молитвъ. До появленія русскихъ въ Туркестанскомъ краѣ лѣнивыхъ богомольцевъ наказывали ударами палокъ или арапника, но не больше 39 ударовъ, слѣд. такъ-же, какъ и въ Хами. Что

касается стиховъ, произносимыхъ во время экзекуціи, чинимой въ Китаѣ надъ лѣнивымъ богомольцемъ, то они сходны почти съ содержаніемъ стиховъ, заключающихся въ казанскихъ изданіяхъ книги „Бакырганъ", и отчасти съ содержаніемъ константинопольской книжки „Бедевамъ". Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ 17 четверостишіямъ, записаннымъ мною въ городѣ Хами, я считаю нелишнимъ привести здѣсь и стихи изъ книги „Бакырганъ" и книжки „Бедевамъ", чтобы дать этимъ понятіе, какъ мусульмане ревностно заботятся объ исполненіи своихъ религіозныхъ обрядовъ и какія напасти они обѣщаютъ на томъ свѣтѣ лѣнивымъ богомольцамъ. Преобладаніе въ этихъ изданіяхъ среднеазіятскаго тюркскаго элемента дастъ мнѣ смѣлость думать, что эти книги сочинены непремѣнно въ Средней Азіи, откуда и распространились по Россіи и Китаю, и попали даже въ Хами, находящійся въ самомъ центрѣ пустыни Гоби, на южномъ склонѣ хребта Тянь-шаня. Одно изданіе книги „Бакырганъ"—باقرغان كتابى, имѣющееся у меня подъ руками, напечатано въ Казани на 86 стр. въ 1857 году. Издателемъ этой книги названъ Фатху'лла, сынъ Хамиду'ллы. Другое изданіе, имѣющееся у меня, появилось также въ Казани на 80 стр. въ 1893 году. Издателями его названы 2 брата Керимовы: Мухаммедъ-джанъ и Шерифъ-джанъ. Въ предисловіи къ этимъ 2 изданіямъ авторомъ названъ какой-то Сулеймани изъ города или селенія Бакыргана. Городъ или селеніе Бакырганъ ни на какой картѣ не отыскивается; на основаніи-же языка, на которомъ писалъ вышеозначенную книгу, въ 2 изданіяхъ, Сулеймани, можно предполагать, что Бакырганъ находился въ Средней Азіи. Издателемъ книжки „Бедевамъ"—بدوام كتابى, напечатанной на 16 стр. въ Константинополѣ 1310=1892,3 года, издателемъ названъ житель Константинополя Абду'лла Абикаевъ. Русское окончаніе фамиліи издателя показываетъ, что издатель—русскій подданный, а преобладающій среднеазіятскій тюркскій элементъ книжки доказываетъ, что авторъ происходитъ такъ-же, какъ и авторъ книги „Бакырганъ", изъ Средней Азіи.

I. Книги „Бакырганъ"—بافرغان كتابى

Изданіе книги „Бакырганъ" 1857 года отъ изданія 1893 года отличается лишь нѣкоторыми орѳографическими особенностями; но, такъ какъ второе изданіе еще до сихъ поръ имѣется въ продажѣ, а первое составляетъ уже библіографическую рѣдкость, то я за основаніе принимаю первое, при чемъ каждый разъ указываю параллельно всѣ наиболѣе разнящіяся мѣста втораго изданія. Въ книгѣ „Бакырганъ" (стр. 14—15 изд. 1857 г. и 13—14 изд. 1893 г.) одна глава посвящена описанію значенія молитвы для мусульманина и двѣ непосредственно слѣдующія одна за другою главы заключаютъ въ себѣ обращеніе къ лѣнивому богомольцу.

Первая глава, 6 четверостишій.

1. حق تعالى بيوروق خوش يخشى خذمتدر نماز
قوللريغه سانسز اول دريای رحمتدور نماز
فرض قيلدی حق اوزی بش وقت نمازنی بارچه‌غه (1)
ای مسلمانلر قيلنك هم فرض سنتدور نماز

Повелѣніе Бога Всевышняго и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасная, хорошая служба—это молитва. Для рабовъ Его эта молитва—море милостей. Самъ Господь заповѣдалъ всѣмъ 5 ежедневныхъ молитвъ. О мусульмане, исполняйте молитву, ибо она предписана.

2. فرض سنّت ايـردی دايم انبيالـر پيشه‌سی
هم شريعت هم طريقت هم حقيقتدور نماز
قيلنكز بش وقت نمازنی دايم جماعت برله سز
مونده رحمت ياغلور هم آنده رحمتدور نماز

Занятіемъ пророковъ было всегда исполненіе предписаній религіи какъ въ настоящемъ смыслѣ, такъ и духовномъ, ибо

---

1) 1857 بارغه и 1893 بارچه‌غه

молитва способствуетъ къ познанію истины. Исполняйте 5 ежедневныхъ молитвъ со всей семьей, тогда вы получите милость изъ-за молитвы какъ здѣсь, такъ и тамъ (т. е. на томъ свѣтѣ).

3. هر سحر قیلغل طهارت یاتمغیل غفلت بیلان
صیقلی آینهٔ زنکار (1) غفلتدور نماز
تانکلا اولسنك ایلتبان اول‌تار (2) لحده قویسه‌لر
تا کورونك‌ننك (3) یاروقی هم نور رحمتدورنماز

Каждое утро совершай омовеніе, не лежи въ безпечности,— безпечность по отношенію къ молитвѣ то же, что и ржавчина по отношенію къ зеркалу. Если ты завтра умрешь, и, взявши тебя, положатъ въ эту тѣсную могилу, то и свѣтъ могилы своей ты долженъ счесть за проявленіе (Господомъ) благости (къ тебѣ).

4. یتی دوزخ قفلیدور هر بر نمازنك ای عزیز
سکز اوجماح‌ننك کلیدی فتح جنّتدور نماز
جان بیلان بش وقت نمازنی ای مسلمانلر قیلنك
آخرتده جان بیلان تنلرکا راحتدور نماز

О возлюбленный, каждая твоя молитва послужитъ замкомъ для 7 отдѣленій ада. Ключемъ для отпиранія 8 отдѣленій рая будетъ также молитва. Исполняйте 5 ежедневныхъ молитвъ всею душею, о мусульмане, ибо на томъ свѣтѣ молитва доставитъ покой какъ душамъ, такъ и тѣламъ.

5. عاقل ایرسنك ای برادر قیل نماز وتوبه‌نی
ایکی عالم آبروی جای جنّتدور نماز
ایرته قوبغیل مؤمنی مسجد ساری قوی (4) قدم
بر قدم‌ننك اورنیغه یوز منك فضیلتدور نماز

---

1) 1857 زنکار и 1893 ژنکار; 2) 1857 تر и 1893 تار; 3) 1857 کورنك и 1893 گورنك.

4) 1857 قوی и 1893 قویغل;

Если ты, о братъ, уменъ, совершай молитву и приноси покаяніе (Богу), ибо славу въ обоихъ мірахъ и мѣсто въ раю дастъ (тебѣ) молитва. Вставай пораньше, о вѣрующій мой, и направляй стопы въ мечеть, ибо за каждый шагъ молитва дастъ тебѣ 100.000 привиллегій.

6. هیچ نمه ننك یوق وفاسی بـو وفاسز دنیاده
بو وفاسز دنیاده بش کونی (1) غنیمتدور نماز
قوللیغنی جان بیلان قیلغل پشیمان بولغل
قیلماسنك روز جزاده داغ حسرتدور نماز

Нѣтъ довѣрія ни къ чему въ этомъ ненадежномъ мірѣ, только б ежедневныхъ молитвъ могутъ дать въ этомъ ненадежномъ мірѣ счастіе. Служи ты (Господу) всею душею и кайся (передъ Нимъ); если-же не будешь совершать молитвы, то въ день воздаянія будешь заклейменъ скорбью.

Глава вторая, 9 четверостишій.

1. رحمن آتلیغ رحمتنکدین * امیدی یوق بی نماز
قهار آتلیغ قهرنکدین * قورقمچی یوق بی نماز
دنیـا سیغمـه اینسانـور * باش مالیغه قوانور
اوز اوزندین سوینور * احمق جاهل بی نماز

О милосердый Боже, на милость Твою не надѣется этотъ лѣнивый богомолецъ. О могущественный Боже, гнѣва Твоего не боится лѣнивый богомолецъ. Надѣется на свое добро, радуется своему имуществу и любуется самъ себѣ, это—глупый, невѣжественный и лѣнивый богомолецъ.

2. دنیـا مـالی معبودنك * نفس هوا مسجودنك
بیلمن نیدور مقصودنك * ای بی خبر بی نماز
خدایتکـه بتمـادنـك * رسول امرین تونمادنك
عقبی غمین یمدنك * وا حسرتلیغ بی نماز

1) 1857 کونی и 1893 کون.

Предметъ твоего служенія—блага міра, обуреваешься ты пылом страстей. Знаю я, чего ты ищешь, о невѣжественный и лѣнивый богомолецъ. Ты не увѣровалъ въ Господа своего и не исполнилъ повелѣнія посланника. Ты не позаботился о будущей жизни, о жалкій и лѣнивый богомолецъ.

3. بسم الله دیب یرنکدین * قوبغل روان اورننکدین
کیتسون شیطان بوینونکدین * طهارت قیل بی نماز
مسجد ساری قدم قوی * اماملرغه کلوب اوی
اوجماح ایچنده بر اوی * عمارت قیل بی نماز

Произнося „во имя Божіе“, поднимайся ты со своего мѣста, сходи оттуда, чтобы дьяволъ сошелъ съ твоей шеи, и совершай омовеніе, о лѣнивый богомолецъ. Направляй стопы въ мечеть и, пришедши туда, присоединись къ имамамъ. Приготовляй себѣ такимъ образомъ въ раю одну обитель, о лѣнивый богомолецъ.

4. پیغمبرنی سویماس سن * فرماننی قیلماس سن
کافرلغنك قویماس سن * اولنورکولیك بی نماز
ناشدین بتر قایتب سن(1) * نجاستکا باتب سن
ایماننکنی(2) ساتیب سن * ای ایمانسز بی نماز

Ты не любишь пророка и не исполняешь его предписаній. Ты не бросаешь своего невѣрія, о убійственный и лѣнивый богомолецъ. Ты сошелъ съ твердаго камня и попалъ въ грязь. Ты продалъ свою вѣру, о безвѣрный и лѣнивый богомолецъ.

5. اولارنکنی بیلماس سن * یراغنکنی قیلماس سن
حقنی کورکا آلماس سن * باطل ملعون بی نماز
بی‌نمازنك کوزی یوق * تنکلاغودك سوزی(3) یوق
خلق آرا یوزی یوق * قرا یوزلوك بی نماز

1) 1857 قایتب и 1893 قاتیب; 2) 1857 ایمانکنی и 1893 ایمانکنی

3) 1857 سزی и 1893 سوزی.

Ты не знаешь, когда умрешь, и (къ смерти) приготовленій не дѣлаешь. Правды во вниманіе ты не берешь, о ты лживый, проклятый и лѣнивый богомолецъ. У лѣниваго богомольца нѣтъ глазъ, нѣтъ у него и словъ, которыя бы можно было послушать. Будучи между людьми, ты не имѣешь стыда, о бесстыжій и лѣнивый богомолецъ.

6. بی‌نمازنی كلتورنك * تعزیز برله حد اورنك
حجت قیلسه اولتورنك * كافر تـرور بی نماز
مجلسكا كلتورمنكز * یاننده اولتـورمنكـز
یوق سز یوزین‌كورمنكز * مكروه ترور بی نماز

Приведите лѣниваго богомольца и, сдѣлавши ему выговоръ, бейте его порядочно. Если онъ будетъ препираться, то убейте его, ибо лѣнивый богомолецъ—человѣкъ невѣрующій. На собранія не пускайте его и подлѣ него не сидите. Не смотрите на его непріятное лицо, потому что отвратителенъ—лѣнивый богомолецъ.

7. هیوان اوكوز یخشیراق * نجس تونكز ( ) یخشیراق
بلكه تونكز یخشیراق * عار (2) قیلغل بی نماز
خسته بولسه بارمنكز * ایمان عرضه قیلمنكز
اولسه آنی یومنكـز * مردار ترور بی نماز

Животное въ родѣ быка лучше, лучше даже и грязная свинья. Вѣдь, лучше (тебя) свинья, стыдись этого, о лѣнивый богомолецъ. Если онъ будетъ боленъ, не посѣщайте его и помусульмански съ нимъ не поступайте. Если онъ умретъ, не обмывайте его, ибо пропащій человѣкъ—лѣнивый богомолецъ.

8. نماز تیل ننك اوزنی * نماز دین ننك اوستونی
نماز قیلغل تون كونی * غافل بولمه بی نماز
منكر نكیر كیركانده * من ربك دیب تورغانده
نمازنكدین سورغانـده * نه قیلغای سن بی نماز

---

1) 1857 تونكز и 1893 تونكعز и دونغز; 2) 1857 عار и 1893 غار.

Молитва—длина языка, молитва—верхъ религіи. Твори молитву день и ночь. Не будь безпечнымъ, о лѣнивый богомолецъ. Когда, войдя (къ тебѣ), ангелы Мункеръ и Некиръ скажутъ: „кто—Господь твой?“ и спросятъ тебя о молитвѣ, то что̀ станешь дѣлать, о лѣнивый богомолецъ?

9. لعنت داغن باسغايلر * حلقومنكدين (1) آسغايلر
جهنمكا سالغايلر * توبه قيلغل بى نماز
تحت الثرى استنده * يتى تموغ توبنده
اوتليغ (2) چاهنك ايچنده * كويرسن بى نماز

(Эти ангелы) наложатъ клеймо позора, повѣсятъ за глотку и бросятъ въ адъ. Покайся, о лѣнивый богомолецъ. Подъ землею, на днѣ 7 отдѣленій ада, находится огненный колодецъ. Въ немъ ты будешь горѣть, о лѣнивый богомолецъ.

Глава третья, 5 четверостишій.

1. قيل عبادت خداغه * غافل بولمه بى نماز
مشغول بول حمد وثناغه * غافل بولمه بى نماز
بو دنيادين كيتارسن * تار لحدكا كيرارسن
سورسه سؤال نه ديرسن * غافل بولمه بى نماز

Служи Господу и не будь безпеченъ, о лѣнивый богомолецъ. Занимайся восхваленіемъ и прославленіемъ Его и не будь безпеченъ, о лѣнивый богомолецъ. Ты уйдешь изъ этого міра и войдешь въ тѣсную могилу. Если станутъ спрашивать, что скажешь (о себѣ)? Не будь безпеченъ, о лѣнивый богомолецъ.

2. منكر نكير كلكايلر * من ربك ديب تورغايلر
كرزى برله اورغايلر * غافل بولمه بى نماز
قيل آخرت يراغين * ياندور كورننك چراغن
قويمه روزه نمازين * غافل بولمه بى نماز

---

1) 1857 خلقومنكدين и 1893 حلقومنكدين; 2) 1857 انليغ и 1893 آنليغ.

Придутъ ангелы Мункеръ и Некиръ, спросятъ тебя: „кто Господь твой?“ и будутъ бить тебя палицею. Не будь безпеченъ, о лѣнивый богомолецъ. Приготовляйся къ загробной жизни, зажги свѣтильникъ могилы, не забывай ежедневныхъ молитвъ. Не будь безпеченъ, о лѣнивый богомолецъ.

3. اولارده قبين كورارسن * تشنه بولوب اولارسن
دوزخ ايچره كويارسن * تحقيق بيلكل بى نماز
نوتسار دانسا اوزنى * قيامس عالم سوزنى
كورمنكلار شوم يوزنى * يوزى قرا بى نماز

При смерти испытаешь муки, умрешь ты отъ жажды, будешь горѣть въ аду. Знай—же это навѣрно, о лѣнивый богомолецъ. Стоитъ мудрецъ самъ за себя и не поступаетъ по словамъ людей. Не смотрите на его скверное лицо,—лицо нечисто у лѣниваго богомольца.

4. قيلب جبر اوزيكا * كيريب شيطان سوزيكا
قتيغ عذاب تنتكا * روا كورمه بى نماز
آتانك آتانك كيتبدر * تار لحدده ياتبدور
سنكا نوبت يتبدر * بيلكل مونى بى نماز

Сдѣлать бѣду самому себѣ, положившись на слова дьявола, и заслужить этимъ муки для своего тѣла, ты не сочти этого подходящимъ дѣломъ, о лѣнивый богомолецъ. Умерли у тебя родители и легли въ тѣсную могилу. Теперь пришла очередь до тебя. Знай это, о лѣнивый богомолецъ.

5. سن هم نقى اولارسن * تار لحدكا كيرارسن
تورلوك عذاب كورارسن * توبه قيلغل بى نماز
اى بيچاره يغلاغل * الله يادين قويماغل
نصيحتنى تنكلاغل * بولمه زنهار بى نماز

Умрешь вѣдь и ты, войдешь въ тѣсную могилу, (а на томъ свѣтѣ) увидишь муки. Покайся (лучше), о лѣнивый богомолецъ. О несчастный, восплачь и не забывай о Богѣ. Вы-

слушай увѣщаніе и не будь опрометчивъ, о лѣнивый богомолецъ.

II. Книга „Бедевамъ"—بدوام كتابى

Въ этой книжкѣ заключается 135 четверостишій, которыя всѣ оканчиваются словами: الله دیکل بدوام —„призывай всегда Бога единаго". Въ началѣ книжки предписывается: признавать единаго Бога, держать въ чистотѣ религію мусульманскую и почитать Мухаммеда; затѣмъ перечисляются наказанія, которымъ подвергнутся на томъ свѣтѣ грѣшники вообще и въ частности лѣнивые богомольцы. Вотъ что говорится въ книгѣ „Бедевамъ" о лѣнивыхъ богомольцахъ.

1) Кто не знаетъ хорошо вѣры исламской и не исполняетъ повелѣній Божіихъ, тотъ—подданный дьявола.

2) Кто не знаетъ вѣры исламской, того не слѣдуетъ обмывать и обматывать въ саванъ; надъ тѣмъ не слѣдуетъ читать отходныя молитвы, и не слѣдуетъ его хоронить на мусульманскомъ кладбищѣ.

3) Кто не знаетъ вѣры исламской, тотъ получитъ мѣсто въ аду.

4) Безвѣрному человѣку не давай привѣтствія и съ нимъ не разговаривай.

5) Кто не творитъ молитвы, тотъ спустится на дно ада.

6) Не смотри въ лицо лѣнивому богомольцу; если онъ умретъ, отдай тѣло его на съѣденіе собакамъ.

7) Не люби лѣниваго богомольца, если онъ умретъ, не мой тѣла его.

8) Лѣнивый богомолецъ хуже собаки и свиньи.

Обращенія къ лѣнивымъ богомольцамъ, заключающіяся въ книгѣ „Бакырганъ" и книгѣ „Бедевамъ", изложены въ стихотворной формѣ. При наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ стихи читаются громко и на распѣвъ; при чемъ каждому слову نماز (молитва) и بى نماز (безъ молитвы, лѣнивый богомолецъ) сопутствуетъ одинъ легкій ударъ арапника.

Н. Катановъ.

О началѣ «Нѣмецкаго гулянья» въ Казани.

(По архивнымъ документамъ).

Два слова о значеніи «мелочныхъ» фактовъ.—Окрестности Казани съ сѣверо-восточной стороны.—«Открытіе» Казанской Швейцаріи гимназистами 1804 года.—Приписка И. И. Протопопова и удаленный отъ должности оберъ-провіантмейстеръ Перковъ, оспаривающій первенство открытія.—Нѣмецкая Швейцарія и проф. Фогель.—Архивные документы о «Нѣмецкомъ гуляньи» и характерныя черты въ дѣятельности городскаго управленія за 30-е годы.—Отрывокъ изъ старой студенческой пѣсенки.—Заслуга проф. Фогеля.

Настоящимъ очеркомъ „О началѣ Нѣмецкаго гулянья въ Казани" я начинаю цѣлый рядъ небольшихъ очерковъ изъ мѣстнаго прошлаго.

Быть можетъ, кому-либо покажется, что эта тема и другія ей подобныя слишкомъ мелочны... Но не нужно забывать, что мелочные факты изъ жизни толпы и дюжинныхъ людей, мелкіе штрихи будничной жизни до извѣстной степени иллюстрируютъ общественную жизнь въ ту или другую эпоху и даже уясняютъ нерѣдко характеръ крупныхъ явленій, направленіе и объемъ дѣятельности выдающихся людей своего времени.

Казанскимъ обывателямъ извѣстно, что къ сѣв.-востоку отъ нашего города, вверхъ по лѣвому берегу Казанки, тянется нагорье, которое выступаетъ къ рѣкѣ крутыми лѣсистыми обрывами и глубокими ущелистыми оврагами. Части этой живописной мѣстности представляютъ послѣдовательно: паркъ Родіоновскаго Института, дачи г-жи Новиковой, Русскую Швейцарію, Куртино, Подсѣку, садъ Центральнаго дома и Нѣмецкую Швейцарію.

Изъ рукописнаго журнала „Аркадскіе пастушки“, издававшагося мѣстными гимназистами въ 1804 году и напечатаннаго въ „Семейной хроникѣ“ Аксакова, извѣстно, что Н. Панаевъ, авторъ статейки „Швейцарія въ Казани“, гуляя однажды по сѣв.-восточнымъ окрестностямъ города, забрелъ въ овражистую и лѣсистую мѣстность, напомнившую ему Альпійскую Швейцарію. Товарищамъ Панаева этотъ уголокъ также пришелся по вкусу, и они съ общаго согласія окрестили его „Казанской Швейцаріей“.

Но въ настоящее время вопросъ объ открытіи Казанской Швейцаріи осложняется. У гимназистовъ 1804 года обнаруживается сильный конкурентъ, заявляющій право на первенство.

Дѣло вотъ въ чемъ.

На дняхъ мнѣ доставленъ былъ И. А. Износковымъ экземпляръ „Краткой исторіи г. Казани“ Рыбушкина, принадлежавшій нѣкогда И. И. Протопопову, мѣстному старожилу, жившему въ Казани съ конца прошлаго вѣка. Въ этомъ экземплярѣ, на стр. 111—117, къ названію „Швейцарія“, рукою Протопопова сдѣлано карандашемъ слѣдующее любопытное примѣчаніе:

„Эта роща, между кладбищемъ и дачею гг. Депрейсовыхъ (прежде принадлежала гг. Неѣловымъ) получила названіе Швейцаріи въ 1799 году отъ жившаго тогда въ Казани удаленнаго отъ должности оберъ-провіантмейстера Михаила Даниловича Перкова (ученаго и образованнаго). Онъ, какъ убитый своимъ положеніемъ и притомъ отъ природы меланхоликъ, почти всегда удалялся отъ общества (аристократовъ, которые его непритворно уважали, начиная съ губернатора) и отъ городскихъ веселостей; бродилъ по отдаленнымъ окрестностямъ города“, къ которымъ принадлежала и „эта роща, походившая тогда болѣе на дикій лѣсъ и отстоявшая въ то время отъ окрестностей городскихъ строеній почти вдвое нынѣшняго, такъ что въ ней тогда ни одна нога горожанина отъ трусости не бывала. Онъ (Перковъ), посѣщавши эту рощу часто и найдя ее по виду и мѣстоположенію похожею на настоящую

Швейцарію, въ которой онъ долго жилъ, и прозвалъ ее этимъ именемъ, которымъ величается она и о сю пору.

Такія подробности изложить заставило меня то, чтобы 1) воскресить память въ знавшихъ этого достойнаго человѣка—Мих. Дап. Перкова, котораго расположеніемъ я пользовался лично, съ которымъ вмѣстѣ бывалъ въ этой рощѣ и срисовывалъ для него нѣкоторыя деревья, интересовавшія его по уродливости, и другія, чѣмъ-либо замѣчательныя, съ каркающими на нихъ филинами и воронами, и 2) чтобы разувѣрить тѣхъ, которые говорятъ и пишутъ, что будто-бы этой рощѣ далъ названіе Швейцаріи профес. Каз. университета Бронперъ, который, какъ я совершенно знаю, явился на сценѣ казанской лѣтъ черезъ 7—8 послѣ, какъ она уже носила на себѣ это названіе, данное ей г. Перковымъ".

Въ настоящее время трудно, конечно, рѣшить: когда и кому принадлежала честь открытія и названія Каз. Швейцаріи: гимназистамъ—ли 1804 года или удаленному отъ должности меланхолическому оберъ-провіантмейстеру 1799 года, но только ссылка на проф. Броппера не находитъ себѣ ни малѣйшаго подтвержденія и позволяетъ думать, что Протопоповъ ошибочно смѣшалъ проф. Броппера съ проф. Фогелемъ, имя котораго дѣйствительно имѣетъ прямое отношеніе къ той части Швейцаріи, которую называютъ Нѣмецкой.

„Нѣмецкая Швейцарія"—говоритъ проф. С. М. Шпилевскій въ своемъ „Указателѣ достопримѣчательностей г. Казани" 1873 г.—сдѣлалась извѣстною со времени проф. Каз. универ. Фогеля, который лѣтъ 40 тому назадъ изслѣдовалъ у подошвы этого холма родники, думая найти въ нихъ какія нибудь цѣлебныя свойства. Оказалось, что ключи даютъ обыкновенную воду; но профессору полюбилась эта мѣстность, онъ выбралъ ее для своего дачнаго пребыванія и собственною рукою посадилъ березовую и сосновую рощи, которыя расположены нынѣ на западномъ склонѣ холма. Со времени Фогеля и до настоящаго—здѣсь живутъ только нѣмцы, которые вы-

строили нѣсколько дачъ. Народъ эту мѣстность, снабжающую городъ лучшей водой, называетъ „нѣмецкимъ гуляньемъ“ [1]).

На чемъ основывалъ свое указаніе г. Шпилевскій, я не знаю, но только его указаніе находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ архивномъ „Дѣлѣ“ казанской шестигласной думы 20—30-хъ годовъ настоящаго столѣтія [2]).

Дѣло это, помимо прямого отношенія къ настоящей темѣ, представляетъ весьма любопытныя черты изъ практики казанскаго городскаго управленія и провинціальныхъ нравовъ того времени вообще.

Первый документъ этого „Дѣла“—подлинникъ прошенія проф. и доктора медицины „Льва Лаврентьева сына Фогеля“, поданнаго въ Казан. думу 27 іюля 1828 года.

Фогель проситъ уступить ему во временное пользованіе пустопорожній участокъ земли, не приносящій городу никакого дохода, находящійся за Подлужной Слободою близь ключа и занимающій 3627 кв саженъ.

На этомъ пустопорожнемъ участкѣ онъ выражаетъ желаніе „сдѣлать нѣкоторыя лѣтнія построенія какъ для увеселенія публики, такъ и для медицинскихъ опытовъ“,—изученія свойства воды и прилегающей „пошвы“. „Быть можетъ—замѣчаетъ при этомъ Фогель—посчастливится мнѣ отыскать, при разрытіи ключа, цѣлительные минераллы“. Такъ какъ разрытіе ключа, устройство „купаленъ“ и другихъ приспособленій потребуетъ издержекъ, то онъ проситъ сдать участокъ на 12 лѣтъ за посильный оброкъ, указывая при этомъ, что устроенное имъ заведеніе „впослѣдствіи времени можетъ принести пользу и удовольствіе городу и нѣкоторый доходъ“.

Дума въ тотъ-же день постановила резолюцію: освидѣ-

---

[1]) Указатель проф. Шпилевскаго, стр. 65.

[2]) «Дѣло по прошенію профессора доктора медицины 7-го класса Льва Лаврентьева Фогеля объ отдачѣ ему въ оброчное содержаніе на 12 лѣтъ пустопорожняго мѣста за подлужной долиной, близъ ключа для построенія нѣкотораго лѣсного устройства, увеселенія публики и для медицинскихъ опытовъ». № 286, началось 27 іюня 1828 г. Рѣшено 16 іюля 1836 г., на 25 листахъ.

тельствовать и измѣрить просимый участокъ, поручивъ это дѣло городскому архитектору Пятницкому. Кромѣ того, въ томъ-же засѣданіи возбужденъ былъ слѣдующій вопросъ: „Присутствующимъ извѣстно, что за Подлужной для увеселенія общественнаго устроены уже нѣкоторыя заведенія, но *неизвѣстно съ чьего разрѣшенія*, то поручить архитектору кстати дознать, кому именно принадлежатъ эти заведенія, въ чемъ они заключаются и не на городской ли землѣ устроены".

Пятницкій оказался относительно довольно аккуратенъ: послѣ двукратнаго напоминанія, ровно черезъ два мѣсяца, онъ отвѣтилъ, что не имѣетъ цѣпи и другихъ съемочныхъ инструментовъ и отправляется въ командировку по порученію губернатора, а потому не можетъ исполнить предложенія думы и совѣтуетъ ей адресоваться къ губернскому или уѣздному землемѣру.

Но дума, очевидно, не приняла во вниманіе этого добраго совѣта и дѣло заглохло на цѣлыхъ два года.

По истеченіи этого времени, а именно въ августѣ 1830 г. вопросъ снова проскользнулъ въ дѣлопроизводствѣ думы, но уже на нѣсколько иной почвѣ.

Гласный Мокей Кузнецовъ представилъ рапортъ, въ которомъ довелъ до свѣдѣнія думы, что имъ усмотрѣны захваты городской земли, а именно:

1) Не доходя до Подсѣки, на городской выгонной землѣ, *неизвѣстно кѣмъ* засѣянъ участокъ ржанымъ хлѣбомъ;

2) За Подлужной, на косогорѣ, выстроенъ *неизвѣстно кѣмъ* небольшой домикъ съ каретникомъ и на прилегающей лѣсной площадкѣ „вычищены кусты для дорожекъ, устроены для гулянья бесѣдки", а внизу, подъ горой, „загорожено значительное количество земли для огорода".

Дума въ тотъ-же день постановила: произвести дознаніе и черезъ полицію истребовать крѣпостные акты у нарушителей городской собственности.

Но полиція оказалась не столь аккуратна, какъ архитек-

торъ Пятницкій. Прошло пять лѣтъ, а отъ нея не было ни слуху, ни духу.

Дума, очевидно, найдя, что пятилѣтній срокъ для наведенія справокъ былъ достаточенъ, снова постановила: просить полицію о немедленномъ учиненіи дознанія.

Но полиція продолжала безмолвствовать, и только 25 ноября 1835 года, совершенно случайнымъ образомъ, изъ дѣлъ полицейскаго повытья, приводимыхъ въ извѣстность за смертью повытчика Уразлицова, дума получила необходимыя для нея свѣдѣнія.

Оказалось, что просимый Фогелемъ пустопорожній участокъ и участокъ, на которомъ устроены зданія, садъ и огородъ, въ сущности одно и тоже; что неизвѣстное лицо, самовольно застроившее городскую землю, и проф. Фогель, просящій эту землю какъ пустопорожнюю—также тождественны, и что, слѣдовательно, Фогель водворился въ городскихъ владѣніяхъ раньше, чѣмъ сталъ ходатайствовать о сдачѣ ихъ въ аренду.

Въ виду этихъ неожиданныхъ данныхъ проф. Фогель особой повѣсткой и приглашенъ былъ въ думу для объясненій на 16 декабря 1835 года, т. е. ровно черезъ 7 лѣтъ послѣ подачи имъ прошенія.

Въ чемъ заключались эти объясненія—неизвѣстно, но, надо думать, что дѣло подвинулось очень мало, такъ какъ изъ свѣдѣній, доставленныхъ думой губернскому прокурору черезъ полгода послѣ этого, т. е. 16 іюля 1836 года, видно, что Фогель 21 марта 1836 года вошелъ въ думу съ новымъ прошеніемъ о сдачѣ ему на 12 лѣтъ того-же участка и что сдача эта вновь замедлилась „за неснятіемъ онаго на планъ каз. губерн. архитекторомъ и за недоставленіемъ имъ плана“.

По прошествіи еще одного полугодія, 22 декабря 1836 года, архитекторъ Пятницкій представилъ, наконецъ, въ думу планъ вырѣзаннаго изъ городской земли участка, предназначеннаго—по его словамъ—для „Нѣмецкаго гулянья“.

Изъ плана выяснилось, что Фогель захватилъ кусокъ очень

порядочный,—подъ гуляньемъ, бесѣдками и аллеями значилось 5 дес. 1264 к. с., подъ постройками—800 к. с., подъ огородами—1058 к. с.

Представляя эти данныя, архитекторъ замѣтилъ, что новое ходатайство Фогеля о прирѣзкѣ земли кругомъ родника встрѣчаетъ препятствіе. Родникъ—по его словамъ—довольствуетъ большую часть города хорошей водой; съ отводомъ-же земли доступъ къ нему можетъ быть прекращенъ арендаторомъ.

О дальнѣйшей судьбѣ вопроса о „Нѣмецкомъ гуляньѣ“ цитируемое „Дѣло“ не даетъ болѣе никакихъ документальныхъ данныхъ. Къ нему приложена еще только одна маленькая росписка, изъ которой видно, что „сообщеніе архитектора съ планомъ и прочіе бумаги о Нѣмецкомъ гуляньѣ взяты къ г. губернатору 2 мая 1838 года“.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ, устанавливающимъ вполнѣ опредѣленно инициативу проф. Фогеля въ вопросѣ объ устройствѣ въ Казани такъ называемаго „Нѣмецкаго гулянья“ или Нѣмецкой Швейцаріи, я считаю умѣстнымъ привести еще одинъ подтвердительный документъ.

Нашъ покойный сочленъ и казанскій старожилъ В. К. Савельевъ подарилъ мнѣ записанную въ началѣ 30-хъ годовъ шутливую студенческую пѣсенку, „Нѣмецкое гулянье“, первыя строфы которой имѣютъ отношеніе къ Нѣмецкой Швейцаріи.

Вотъ они:

Разъ ученому собранью
На Нѣмецкомъ на гуляньѣ
Пирушка дана... (2 раза).
За горами за долами
Сидитъ Фогель съ пирогами
Съ горячими... (2 раза).

Здѣсь Фогель рисуется, очевидно, въ качествѣ гостепріимнаго хозяина, пригласившаго сослуживцевъ въ завоеванныя имъ владѣнія. Далѣе описываются типы нѣкоторыхъ профессоровъ, оставшихся еще со временъ Магницкаго и подавав-

шихъ поводъ къ шуткамъ молодежи. Но это уже не относится къ настоящей темѣ.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что дѣятельность Фогеля по отношенію къ Каз. Швейцаріи не прошла безслѣдно.

До нея гимназисты и студенты лазили здѣсь по оврагамъ, удаленный отъ службы Перковъ разгонялъ свою меланхолію, Протопоповъ срисовывалъ корявыя деревья съ каркающими на нихъ воронами, но дальше дѣло не шло...

Нужно было явиться ученому *нѣмцу*, чтобы расчистить здѣсь превосходные родники и культивировать мѣстность... Цѣлебныхъ водъ Фогель не открылъ, лѣчебнаго заведенія и ваннъ устроить по этому не могъ, но онъ *далъ Казани здоровую ключевую воду*, которою обыватели пользовались до самаго открытія водопровода; онъ первый *способствовалъ пробужденію и развитію вкуса къ дачной жизни* и тѣмъ не мало содѣйствовалъ, конечно, поддержанію здоровья въ мѣстномъ населеніи.

П. Пономаревъ.

Къ исторіи землевладѣнія

въ Свіяжскомъ уѣздѣ.

Ни одна отрасль научнаго знанія не переживаетъ въ настоящее время такой плодотворной и глубоко проницающей критики своихъ основаній, какъ наука исторіи. Ту роль, которую для біологіи имѣлъ Дарвинизмъ, освѣтившій запутаннѣйшіе ея вопросы, поставившій безчисленное множество совершенно новыхъ вопросовъ, займетъ повидимому для исторіи стремленіе объяснять ея разнообразныя явленія экономическими причинами. Это стремленіе не есть открытіе послѣднихъ десятилѣтій, какъ склонны думать многіе. Объясненіе политическаго строя экономическими отношеніями ведетъ свое начало отъ писателей древности; англійскій философъ Толандъ приписывалъ открытіе связи между экономическимъ и политическимъ строемъ страны Гаррингтону, доказывавшему въ своей „Oceana“ (1656) эту зависимость, и ставилъ это открытіе наравнѣ съ открытіемъ кровообращенія и изобрѣтеніемъ пороха. Физіократы, Адамъ Смитъ, французскіе писатели временъ реставраціи, Гизо и др. не разъ доказывали эту зависимость.

Но никогда доктрина зависимости политическаго строя и другихъ областей и явленій общественной и государственной жизни не была предметомъ болѣе страстной полемики, какъ

въ послѣднее время. Въ прошломъ году эта полемика перенесена была и на страницы русскихъ журналовъ благодаря появленію книгъ г. *Струве* и г. *Бельтова*.

Между имущественными или экономическими отношеніями первенствующую роль должно играть распредѣленіе земельной собственности. Чтобы понять политическія учрежденія государства, надо изучить взаимныя отношенія различныхъ слоевъ, существующихъ въ немъ; чтобы понять эти отношенія, нужно знать распредѣленіе землевладѣнія.

Являясь важнѣйшимъ факторомъ въ жизни государства, оно вліяетъ и на жизнь меньшихъ аггрегатовъ, совокупность которыхъ составляетъ государство. У насъ въ Россіи иначе слагается земская жизнь уѣздовъ съ преобладающимъ крупнымъ землевладѣніемъ; иначе слагается она въ уѣздахъ съ исключительно крестьянскимъ. Это различіе было между прочимъ предметомъ интересной работы проф. В. В. Ивановскаго: „Опытъ изслѣдованія дѣятельности органовъ земскаго самоуправленія въ Россіи. Уѣздъ Слободской, Вятской губерніи и Лаишевскій, Казанской губ.“ Казань, 1881 г.

Въ этомъ вліяніи распредѣленія землевладѣнія на земскую жизнь заключается причина, почему я нѣсколько лѣтъ тому назадъ интересовался исторіею землевладѣнія въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

Въ исторіи землевладѣнія въ Казанскомъ краѣ вообще критическою эпохою явилось время завоеванія края русскими. Аборигены края съ одной стороны, татарскіе князья и мурзы съ другой должны были уступить часть своихъ земель русскимъ служилымъ людямъ, которые для извлеченія дохода переводили на земли, имъ данныя въ помѣстье, переселенцевъ изъ центральныхъ русскихъ областей. Не прошло, оказывается, уже и восемнадцати лѣтъ послѣ основанія Свіяжска, какъ уже въ мѣстности, прилегающей къ нему и составляющей нынѣшній Свіяжскій у. и части уѣздовъ Чебоксарскаго, Цивильскаго и Тетюшскаго, русская колонизація сдѣлала громадные успѣхи.

Въ мѣстности, покрытой лѣсами и населенной аборигенами: чувашами, черемисами и мордвою, появились русскія помѣстья. Какъ мы увидимъ, помѣстное землевладѣніе значительно увеличилось за три столѣтія, протекшія со времени завоеванія Казанскаго края; но число помѣстій было и черезъ 18 лѣтъ послѣ завоеванія города значительнѣе, чѣмъ можно предполагать съ перваго разу. Старая Русь умѣла энергично колонизовать окраины, когда усиленіе въ нихъ русскаго населенія представлялось въ данный моментъ важнѣйшею государственною задачею.

Изучить картину состоянія русскаго землевладѣнія въ этотъ моментъ, или, говоря языкомъ математической физики, то „начальное состояніе" землевладѣнія въ краѣ, исходя изъ котораго оно шло, развивалось и дошло до настоящаго положенія, помогаетъ намъ одна очень интересная рукопись, сохранившаяся въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета и носящая названіе: „Книги Свіяжскаго уѣзда помѣстныя письма и мѣры Никиты Борисова да Дмитрія Андреева сына Кикина да товарищей лѣта 7073 и 7074".

Прочитывая эту книгу, я находилъ въ ней отвѣтъ на интересовавшій меня вопросъ о томъ, какъ сложилось исторически то распредѣленіе землевладѣнія, которое въ общихъ чертахъ сохранилось и по сіе время. Я надѣюсь, что и тѣ члены общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, которые не знакомы съ этою рукописью, не посѣтуютъ на меня за то, что я остановлю ихъ вниманіе на содержаніи рукописи и на тѣхъ интересныхъ вопросахъ, которые она отчасти рѣшаетъ и отчасти намѣчаетъ для дальнѣйшаго изслѣдованія.

Книга Кикина есть такъ называемая писцовая книга, т. е. подворное описаніе населенія съ указаніемъ количества обработываемой земли и взыскиваемыхъ съ нея налоговъ. Составленная въ 1568 г., она представляетъ подробное экономическое описаніе города Свіяжска и его уѣзда.

Она даетъ на первыхъ своихъ страницахъ полное описаніе города Свіяжска (стр. 1—7), его церквей (8—18), его монастырей, состоящихъ при немъ двухъ слободъ ямской и

жилецкой, перечисленіе луговыхъ участковъ, принадлежащихъ городу Свіяжску.

Для знакомыхъ съ современнымъ захудалымъ Свіяжскомъ небезинтересны будутъ, можетъ быть, нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи его за триста лѣтъ тому назадъ. Городъ былъ обнесенъ стѣною, въ которой находилось 7 большихъ воротъ. Стѣны укрѣплены были одиннадцатью бойницами и многими стрѣльницами. Внутри города находились церкви: Рождества Пресвятыя Богородицы, Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, Прасковіи Пятницы и Рождества Христова, и монастыри мужескій—Успенія Пресвятыя Богородицы и женскій—Живоначальныя Троицы съ цер. Сергія Радонежскаго. Библіотека Успенскаго монастыря состояла изъ 152 книгъ. Въ городѣ и посадѣ находились царскія въѣздныя свѣтлицы. Домовъ считалось 431; въ посадѣ находился обширный гостинный дворъ съ 254 лавками. По оброку съ города собиралось всего 47 руб. 8 алт. да 2 деньги.

За описаніемъ города слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ помѣстій, всѣхъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ въ теченіе первыхъ 18-ти лѣтъ послѣ основанія Свіяжска въ обширномъ районѣ тогдашняго Свіяжскаго воеводства, которое, какъ видно изъ книги, простиралось за предѣлы настоящаго Свіяжскаго уѣзда.

Чтобы познакомить читателя съ характеромъ описанія и драгоцѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ книгѣ, я приведу отрывокъ съ 52-го полулиста книги:

«За боярином и воеводою за княземъ Андрѣй Ивановичемъ Ростовскимъ прежняго отдѣлу помѣстіе, что ему отдѣлено въ 74 году въ сентябрѣ деревня Кайночекъ на родникѣ, что была деревня въ помѣстіѣ за стрѣлецкимъ головою за Иваномъ за Парфеніевымъ сына Хохлова и Ивана не стало и въ деревнѣ крестьянъ 10 дворовъ: вдова Марья да сынъ ея Куземка, Иванка Григорьевъ, Иванка да Володька Парфеніевъ, Самоила Мосолъ, Суморочко Ивановъ, Андрейцо Якимовъ, Ивашка Алексѣевъ, Мартышко Игнатьевъ, Куземка Андреевъ.

Пашни добрыя земли 60 четвертей въ полѣ и въ лву потому-же [1]);

[1]) Т. е. въ другихъ двухъ поляхъ столько-же (см. Н. П. Загоскинъ. Очерки организаціи служилаго сосл., стр. 100), именно всего 180 четвертей. Четверть= $^1/_2$ десятинѣ.

сѣна 1000 копенъ въ межи съ мердулитовскими и сытяновскими покосы, лѣсу пашеннаго и непашеннаго около поль помѣстья въ длину по двѣ версты, а поперегъ на версту а въ деревнѣ живущаго 6 вытей да и къ той-же деревнѣ 3 оверка два кривыя, а третье старица.

Тому-же князю А. И. Ростовскому приписаны въ помѣстный окладъ, деревня Федькова, починокъ Кавина (?), д. Тихое плесо ягодное, село Кривоюрское между рѣчками Булы и Асановы—церковь деревянная (Косяково)? и къ тому селу пустошь березовая изба: да къ тому-же селу съ ряду мордовскихъ земель, что были измѣнника Девлигера Татарина, а пахали ту татары изъ Ачасыря и чуваши изъ Бижбатманъ и взяты отъ деревни отъ Иламовы.

И всего А. И. Ростовскаго село и 3 деревни. Д. Помѣщичья 4 двора людскихъ да 35 дв. крестьянскихъ и людей 38 чел, да 6 дворовъ. Пашни добрыя 280 четв. и въ дву потому-же» [1]).

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, писцовая книга даетъ кромѣ географическаго описанія подробную картину экономическаго строя описываемой ею мѣстности.

Писцовая книга представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ большой интересъ для исторіи дворянскаго землевладѣнія, начало которому положено отдѣленіемъ помѣстій служилымъ людямъ Свіяжскаго уѣзда, послѣдовавшимъ за нѣсколько лѣтъ до составленія писцовой книги. Книга указываетъ намъ тѣ дворянскіе роды, которые владѣли землею въ Свіяжскомъ уѣздѣ во вторую половину XVI столѣтія. Кромѣ упомянутаго уже воеводы Андрея Ивановича Лобанова-Ростовскаго, наиболѣе крупными помѣщиками этого времени являются Михаилъ Бахтеяровъ-Ростовскій, которому принадлежало село Теньки, князь Никита Дмитріевъ Ростовскій, которому принадлежало село Федоровское и нѣсколько другихъ деревень и починковъ, князь Никита Михайловъ Стародубскій, которому принадлежало село Моркваши и т. д.

Въ числѣ испомѣщенныхъ дворянскихъ родовъ мы встрѣчаемъ Гундоровыхъ, Пожарскихъ, Безсоповыхъ, Ступишиныхъ, Путиловыхъ, Ольговыхъ, Роговыхъ, Бурцовыхъ, Дуровыхъ, Киреевыхъ, Пыхачевыхъ и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ родовъ ни одинъ не владѣетъ землею по настоящее время въ Свіяжскомъ уѣздѣ [2]). Село Теньки

[1]) Всего 840 четв. Окладъ воеводскій—1000 чет.

[2]) Изъ сохранившихся въ Казанской губерніи можемъ упомянуть только родъ Пыхачевыхъ.

напримѣръ испомѣщенное одному изъ князей Ростовскихъ перешло въ концѣ XVII столѣтія вмѣстѣ со всѣмъ правымъ берегомъ Волги до Услона въ владѣніе Нарышкиныхъ и составило большое Нарышкинское имѣніе, часть котораго до послѣдняго времени оставалась въ родѣ Нарышкиныхъ [1]). Что касается до дворянскаго землевладѣнія вообще, то конечно оно значительно увеличилось за протекшія три столѣтія. Вотъ въ какомъ видѣ представляетъ намъ писцовая книга общую картину дворянскаго землевладѣнія въ 1568 г.

„Итого въ Свіяжскомъ новыхъ Свіяжскихъ жильцовъ Бояринъ и воевода большой да три воеводы меньшихъ да дьякъ, князей и дѣтей боярскихъ 24 человѣка да старыхъ Свіяжскихъ жильцовъ дѣтей боярскихъ четыре человѣка да сотникъ стрѣлецкій и которыхъ отдѣливалъ въ помѣстье писцы по государевымъ присыльнымъ грамотамъ и по памятямъ и по челобитнымъ за дьячими приписьми и обоихъ 34 человѣкъ.

Помѣстій за ними шесть селъ, двадцать четыре деревни, шесть починковъ, четыре пустоши да селище. Въ нихъ крестьянскихъ дворовъ 485, дворовъ безпашенныхъ 34, людей 543 человѣка да 23 двора пустыхъ. Пашни добрыя земли 2833 четв. да перелогу и дикаго поля 3669 четвертей да заростей и дубровъ пашенныхъ 112 десятинъ и переложной земли".

Сопоставимъ съ этими данными другія относящіяся ко времени непосредственно предшествовавшему другому критическому для землевладѣнія моменту—моменту великой реформы 19 февраля. Передъ 1861 г. въ пользованіи помѣщиковъ и ихъ кре-

[1]) Деревня Каиночекъ (нынѣ Каинки) вышла также изъ рода Каптыревъ-Ростовскихъ, прекратившагося въ XVII стол., къ которому принадлежалъ Воевода Андрей Ивановичъ. Въ грамотѣ Свіяжскому Богородицкому Монастырю, данной Петромъ въ 1701 г. упоминается какъ владѣлецъ Каинокъ Свіяженинъ Василій Гордѣевъ Есиповъ; отъ него деревня перешла въ концѣ XVIII столѣтія къ секундъ-маіору Далакину и подпоручику Гарину. Далакинская часть перешла затѣмъ къ богатой Свіяжской помѣщицѣ М. К. Шишеловой (урожд. Далакиной); Гаринская снова перешла къ Есиповымъ. Въ памяти населенія не изгладились еще разсказы о дикомъ произволѣ и разгульной жизни Есиповыхъ, приведшей ихъ къ опскѣ.

стьянъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ находилось 91.473 десятинъ [1]). (Казанская губернія М. Лаптева. Стр. 259).

Кромѣ непосредственнаго интереса, который представляетъ для исторіи мѣстнаго края исторія дворянскихъ родовъ и дворянскаго землевладѣнія, страницы, посвященныя дворянскому землевладѣнію, важны и потому, что благодаря имъ можетъ рѣшиться и важный вопросъ о томъ, каковы тѣ области русской земли, изъ которыхъ были приведены первые поселенцы Свіяжскаго Воеводства, такъ какъ несомнѣнно, что испомѣщенные дворяне приводили на свои земли крестьянъ изъ своихъ старыхъ помѣстій и вотчинъ. Для той-же цѣли могутъ служить и собственныя имена крестьянъ.

Не меньшій интересъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ и слѣдующее за описаніемъ помѣстій занимающее полулисты 97—103 описаніе деревень, приписанныхъ къ двумъ Свіяжскимъ монастырямъ.

Всего къ монастырямъ было приписано 2 сельца, двѣ слободы, 10 деревень, 3 починка, займище да пустошь и всего 6 дворовъ монастырскихъ, 83 дворовъ крестьянскихъ, 27 дворовъ безпашенныхъ. Земли приписано къ монастырямъ 372 чети, зарослей 5 десятинъ, осоки и кустаря 15 десятинъ, сѣна накашивалось 4360 копенъ.

Деревни, пожалованныя Свіяжскому Богородицкому монастырю, до самаго послѣдняго времени имѣли земли въ одномъ планѣ, что служило и служитъ источникомъ постоянныхъ судебныхъ споровъ. По грамотѣ Іоанна IV отъ 21 ноября 1576 г. ихъ было уже 6 селъ и 21 деревня; при выдачѣ владѣнныхъ записей ихъ было 33 села и деревни. Всѣ они долго имѣли общіе лѣса и въ этомъ отношеніи напрашивается сравненіе ихъ съ германскою маркою. Германская марка, бывшая предметомъ

---

[1]) Изъ нихъ послѣ реформы въ владѣніи дворянъ помѣщиковъ осталось 58.443 д.; въ надѣлѣ помѣщичьимъ крестьянамъ поступило 37,078. (Свіяжскій уѣздъ. Изданіе Статистическаго Бюро Казанскаго губернскаго земства. Казань 1880).

прекрасныхъ изслѣдованій Маурера и др., представляла, какъ извѣстно, соединеніе деревень и отдѣльныхъ дворовъ, которые имѣли общее пользованіе лѣсами, пастбищами, а иногда и пахатными полями и общее судебное устройство (Markrecht). Подобно крестьянамъ германской марки, каждый монастырскій крестьянинъ изъ тридцати трехъ деревень имѣлъ право на пользованіе въ общемъ лѣсу всѣхъ приписанныхъ къ монастырю деревень; такъ еще недавно крестьяне села Вязовыхъ ѣздили за дровами въ лѣсъ между с. Клячинымъ и с. Каликами, болѣе чѣмъ за двадцать верстъ. Запутанныя отношенія между однопланными монастырскими крестьянами еще и по настоящее время не развязаны окончательно.

Бывшіе монастырскіе крестьяне составляютъ главную часть государственныхъ крестьянъ Свіяжскаго уѣзда русской народности; менѣе значительная часть образовалась изъ вымороченыхъ имѣній.

Сопоставляя данныя относительно помѣщичьяго и монастырскаго владѣнія, находимъ, что русскими распахивалось не много болѣе 3000 чет. Въ настоящее время въ владѣніи однихъ государственныхъ крестьянъ находится свыше 100.000 д.

Такъ возросла, благодаря мудрой колонизаторской политикѣ Московскаго Государства и неустанному труду корчевавшаго и распахивавшаго „дикія поля“ русскаго земледѣльца, площадь удобной земли, а вмѣстѣ съ нею и населеніе. Сплошная русская земля теперь тамъ, гдѣ три столѣтія тому назадъ было разбросано около пятисотъ русскихъ дворовъ.

На ряду съ пришлымъ русскимъ населеніемъ въ 1568 г. въ воеводствѣ осталось и инородческое населеніе, для исторіи котораго писцовая книга даетъ также весьма цѣнный матеріалъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ засѣданій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи И. Н. Смирновъ поднялъ вопросъ о предѣлахъ распространенія Мордвы. На этотъ вопросъ писцовая книга дастъ много интереснѣйшихъ указаній. Въ Свіяжскомъ у. и далеко за его предѣлами те-

перь, какъ извѣстно, нѣтъ Мордвы. Между тѣмъ писцовая книга упоминаетъ Мордовскія земли около села Кривоюрскаго, Мордулитовскіе покосы. Сопоставленныя съ преданіями (напр. въ земляхъ бывшихъ Каиночекъ, нынѣ Каинокъ, находится по нынѣ Мордовскій врагъ, около котораго по преданію жилъ ложкарь—мордвинъ, катавшійся на стекляннномъ шарѣ) эти названія указываютъ на то, что Мордва жила прежде далеко за ея настоящими предѣлами. Не меньшій интересъ представляетъ указаніе книги на чувашъ изъ Бижбатманъ. Теперь въ с. Бижбатманахъ и помину нѣтъ о чувашахъ; село населено исключительно русскими.

Въ составъ населенія входили между прочимъ *полоняники*, которые жили вмѣстѣ съ новокрещеными въ татарскихъ и чувашскихъ селахъ и деревняхъ: „и съ татары и чуваши вмѣстѣ, а пашни свои полоняники пашутъ не въ раздѣлъ съ татарскими и чувашскими пашнями, смѣсь по полосамъ".

Для уясненія вопроса о старыхъ аборигенахъ края и о ихъ разселеніи важно изученіе тѣхъ названій, попадающихся въ писцовой книгѣ, которыя теперь уже не слышатся въ нашей мѣстности. Таковы названія—мердулитовскіе и сытяновскіе покосы, рѣчка Асанова, деревня Кишелево, Ардатово на Кубнѣ, Норовашъ и мн. др.

Многія названія существующихъ теперь деревень находятъ себѣ полное объясненіе благодаря указаніямъ писцовой книги. Такъ названіе села Каинки находитъ объясненіе въ названіи Каиночекъ (березовая изба), подъ которымъ оно является въ писцовой книгѣ. Названія деревень Бритвина, Киреева и др. объясняются фамиліями владѣльцевъ, которымъ они были отданы въ помѣстье еще до составленія писцовой книги.

Чтобы показать богатство подробностей, которыя можно извлечь для исторической географіи края изъ писцовой книги, приведемъ одинъ отрывокъ изъ подробнаго описанія межъ различныхъ помѣстій, занимающаго конецъ писцовой книги (съ полулиста 103 до конца полулиста 120).

«Учинена межа деревни Каиночка съ чувашами съ отхожими покосы старосты Антипа съ товарищи села Большаго Утякова да съ татарскими съ отхожими покосы служилыхъ татаръ Багиндея и Гильдѣева изъ деревни Албаба да Чурики съ братьею изъ деревни Говулина отъ рѣки отъ Свіяги ручьемъ Шамшинскимъ къ озеру и къ глухому, а отъ озерка на лѣво, у луба ямы и отъ луба и отъ ямъ по гранямъ и къ озерку-же къ глухому на правѣ луги и покосы по озери и подлѣ и до рѣки до Свіяги чувашскіе отхожіе села Большаго Итярова старосты Атиша Кунетова съ товарищи да служилыхъ татаръ; отхожіе-же покосы Багиндея Агильдѣева деревни Албаба да малыша Балина съ товарищи изъ деревни Молвина да Нагая Чурина съ братьею изъ деревни Говулина опричь трехъ озеровъ—что въ покосахъ—два озерка кривыхъ да третье Старица [1]; и тѣ три озерка приписаны къ помѣстной землѣ княжа Андрѣя Ивановича Ростовскаго въ деревню Каиночку; а на лѣвѣ луга и лѣсъ отъ чернаго лѣсу и до рѣки до Свіяги помѣстія Боярина Князя Андрея Ивановича Ростовскаго деревни Каиночка».

Но писцовая книга, повторяемъ, имѣетъ интересъ не только для этнографіи и исторической географіи; изслѣдователь экономической исторіи мѣстнаго края встрѣтитъ при ея изученіи массу интересныхъ подробностей (о мельницахъ, бобровыхъ гонахъ). Она представляетъ для Свіяжскаго края, богатаго и плодородіемъ большей части своихъ пашень и своимъ выгоднымъ положеніемъ вдоль Волги и Свіяги, такой-же цѣнный источникъ, который для части Малороссіи представила знаменитая Румянцовская опись.

Писцовая книга, какъ читатель могъ видѣть изъ приведенныхъ отрывковъ, представляетъ прототипъ подворной описи, которую удалось за послѣднія два десятилѣтія многимъ земствамъ осуществить въ своихъ губерніяхъ.

Я кончу выраженіемъ пожеланія, чтобы почтенное Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи нашло средства для изданія писцовой книги Свіяжскаго уѣзда. Изданіе этой книги вызоветъ безъ сомнѣнія массу вопросовъ относительно исторической географіи и экономической исторіи мѣстнаго края, от-

---

[1] Въ Каиковскихъ лугахъ, принадлежащихъ нынѣ моей семьѣ, до сихъ поръ три озера носятъ названіе Большія и Малыя Кріуши и Старица.

вѣты на которые найдутся въ актахъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. Съ помощью ихъ удастся можетъ быть прослѣдить постепенно исторію землевладѣнія въ районѣ стараго Свіяжскаго уѣзда. На многіе вопросы, какъ я старался показать въ настоящемъ очеркѣ, могутъ дать отвѣтъ мѣстные жители, знакомые съ мѣстностью и ея преданіями. Чѣмъ болѣе мѣстныхъ образованныхъ людей будетъ привлечено къ изученію края въ историко-географическомъ отношеніи, тѣмъ скорѣе будетъ достигнута важная цѣль собранія всего еще не погибшаго матеріала для исторіи землевладѣнія, имѣющей и теоретическій и практическій интересъ. Попутно будетъ достигнута и другая цѣль пробужденія въ мѣстномъ образованномъ обществѣ интереса къ исторіи мѣстнаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плодотворнаго интереса къ общимъ вопросамъ философіи русской исторіи. Не метафизическими умствованіями и остроумною полемикою будутъ подвигаться къ разрѣшенію эти вопросы, но кропотливыми и подчасъ отталкивающими по своей сухости историко-экономическими изслѣдованіями. Одна изъ главныхъ задачъ мѣстныхъ историческихъ обществъ должна заключаться въ собраніи и изданіи соотвѣтствующихъ сырыхъ матеріаловъ; этимъ будетъ въ значительной степени облегчена задача будущихъ русскихъ Торольдовъ-Роджерсовъ.

А. Васильевъ.

Хроника.

Археологія, исторія и этнографія В. Россіи въ 1894 г.

Запоздавшій обзоръ итоговъ археологіи, исторіи и этнографіи В. Россіи въ 1894 г. мы начнемъ съ далекой восточной окраины нашей территоріи. Здѣсь сильнѣе всего ощущалось поступательное движеніе и развитіе разсматриваемыхъ отраслей знанія. Въ Хабаровскѣ возникъ новый отдѣлъ И. Географическаго Общества, старая мечта просвѣщенныхъ правителей Приамурскаго края. Съ пріѣздомъ въ Приамурскій край знакомаго уже читателямъ «Извѣстій» Генералъ-Губернатора С. М. Духовскаго дѣло быстро двинулось впередъ. Военно-медицинскій инспекторъ Приамурскаго края В. Н. Радаковъ подалъ ему докладную записку, въ которой указывалъ настоятельную необходимость систематическаго изслѣдованія генералъ-губернаторства.

«Природныя условія края, говоритъ г. Радаковъ, въ высшей степени разнообразны и характеристичны. Въ немъ полярная природа сталкивается почти съ тропическою; тундра и тайга сталкиваются со степями, подтропическою флорою и фауною. Русскіе, китайцы и японцы, юкагиры, аины и многіе другіе инородцы въ одномъ и томъ-же мѣстѣ ведутъ торговлю. Въ одной и той-же мѣстности вы встрѣчаете бурятскіе дацаны, китайскую кумирню, шаманскія жертвенныя деревья и аино-ороченскій культъ медвѣдя. Рядъ вѣковъ оставилъ въ странѣ неизгладимые слѣды прежде бывшихъ въ немъ народностей, начиная съ доисторическихъ каменныхъ орудій, кургановъ, предметовъ мѣднаго вѣка и кончая глубоко интересными остатками монгольской, манчжурской, китайской и другихъ уже исчезнувшихъ цивилизацій».

«Чтобы изученіе Приамурскаго края могло быть поставлено правильно, говорятъ заключительныя слова докладной записки, необходимо всѣ возникающія въ немъ научныя общества и музеи объединить между собою нравственною связью, чего можно достигнуть всего лучше, если бы въ центрѣ управленія Приамурскимъ краемъ образовался Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, въ который-бы вошли, какъ мѣстные отдѣлы: Владивостокское Общество изученія Амурскаго края, Нерчинскій и на-

рождающійся Троицкосавскій музей. Восточно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества показалъ, какую громадную пользу можетъ принести такая постановка дѣла».

Къ заявленію г-на Радакова присоединились и нѣкоторыя другія лица изъ мѣстной интеллигенціи.

Генералъ Духовскій весьма сочувственно отнесся къ этому заявленію и 14 октября 1893 года послалъ депешу вице-предсѣдателю Географическаго Общества, сенатору Семенову, съ ходатайствомъ объ открытіи Приамурскаго отдѣла. Депеша эта была заслушана въ засѣданіи Совѣта Общества 20 ноября 1893 г. и учрежденіе отдѣла въ принципѣ было рѣшено. Августѣйшій Предсѣдатель Географическаго Общества, Великій Князь Николай Михаиловичъ, также отнесся къ этому весьма сочувственно и обратился непосредственно за содѣйствіемъ къ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Благодаря такому положенію, дѣло быстро двинулось впередъ. Былъ составленъ проектъ положенія о Приамурскомъ Отдѣлѣ, который вскорѣ и былъ утвержденъ, при чемъ Отдѣлу дарована ежегодная казенная субсидія въ 2000 рублей. Кромѣ того, состоялось Высочайшее повелѣніе о выдачѣ новому Отдѣлу 10,000 руб. единовременнаго пособія на первоначальное обзаведеніе.

Такимъ образомъ возникновеніе Приамурскаго Отдѣла стало совершившимся фактомъ и 19 апрѣля состоялось первое засѣданіе, на которомъ отдѣлъ былъ объявленъ открытымъ, избраны должностныя лица совѣта и намѣчена программа будущей дѣятельности Общества. Прежде всего на полученную субсидію рѣшено построить особое зданіе для музея въ Хабаровскѣ, для чего избрана особая строительная комиссія изъ трехъ лицъ.

Мѣстное общество съ большимъ сочувствіемъ отнеслось къ новому отдѣлу. Начали поступать пожертвованія вещами въ музей и книгами въ библіотеку, а также поступило нѣсколько научныхъ трудовъ. Въ пожертвованіяхъ приняли участіе и лица Императорской фамиліи, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, пожертвовавшій для библіотеки до 500 книгъ, между которыми много рѣдкихъ, драгоцѣнныхъ изданій.

Изъ имѣющихся въ распоряженіи новаго отдѣла научныхъ трудовъ предположено составить 1-й томъ «Записокъ», въ составъ которыхъ войдетъ статья Крюкова «Нѣкоторыя данныя о положеніи рыболовства въ Приамурскомъ краѣ», В. Н. Радакова—«Систематическій списокъ птицъ Приамурскаго края», П. Н. Шимкевича а) «Подробный инвентарь ламайскаго культа» въ 32 дацанахъ Забайкальской области и б) «Административное распредѣленіе и статистическія свѣдѣнія объ инородцахъ Забайкальской области», А. В. Олсуфьева—«Изслѣдованіе Анадырской округи» и Р. І. Юргенсона—«Судоходное состояніе рѣки Амура съ притоками».

Для второго тома записокъ Отдѣла предполагается поручить нѣкоторымъ изъ членовъ изслѣдованіе быта мѣстныхъ инородцевъ въ Приморской и Амурской областяхъ: гольдовъ, гилякъ, орочонъ и проч., пріурочивъ таковое, по возможности, въ видахъ уменьшенія расходовъ, къ предположеннымъ

служебнымъ командировкамъ. Такое изслѣдованіе признается, помимо чисто научнаго интереса, крайне необходимымъ для разрѣшенія предвидимаго въ недалекомъ будущемъ чисто административнаго вопроса о судьбѣ теперешнихъ кочевниковъ-инородцевъ, какая имъ должна прійти на долю, по мѣрѣ отвоеванія у нихъ недоступной нынѣ тайги, служащей имъ родиною, для культурныхъ цѣлей. Въ виду ожидаемаго, съ проведеніемъ желѣзной дороги, значительно болѣе быстраго заселенія края, вопросъ этотъ достигъ того уровня, при которомъ нельзя не подумать объ его разрѣшеніи.

Въ составъ филіацій новаго Отдѣла вступило и ранѣе возникшее Общество Изслѣдователей Амурскаго Края. Въ истекшемъ году Общество это праздновало первое десятилѣтіе своей дѣятельности и это обстоятельство побуждаетъ насъ сдѣлать краткій обзоръ его дѣятельности за этотъ періодъ, пользуясь вышедшимъ въ 1894 г. отчетомъ.

Общество Изученія Амурскаго Края зародилось изъ первоначальной мысли морского инженеръ-механика А. М. Устинова, предложившаго печатнымъ путемъ, 11 декабря 1883 года, устроить въ Владивостокѣ мѣстный музей. Уже 18 апрѣля 1884 г. первый проектъ устава сформировавшагося Общества былъ временно разрѣшенъ тогдашнимъ Военнымъ Губернаторомъ А. Ф. Фельдгаузеномъ, впредь до утвержденія его г. Министромъ. Въ окончательной же с оей редакціи уставъ Общества получилъ надлежащее утвержденіе лишь 8 мая 1887 года.

Въ числѣ первыхъ лицъ, сочувственно отнесшихся къ возникшему Обществу, былъ тогдашній Генералъ Губернаторъ Восточной Сибири Д. Г. Анучинъ, который ассигновалъ изъ Амурскаго капитала на первыя нужды Общества 500 руб. и выслалъ для его библіотеки «Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточной Сибирью».

Внутренняя дѣятельность Общества въ первый годъ существованія выразилась порученіемъ В. П. Маргаритову произвести раскопки кухонныхъ остатковъ на полуостровѣ Янковскаго, близъ устья р. Седими, на средства пожертвованныя Ю. И. Бринеръ, который впослѣдствіи далъ средства и на изданіе отчета объ этихъ раскопкахъ, приложивъ къ нему фотолитографическія таблицы найденныхъ при этомъ вещей. Въ теченіе того же года Общество собиралось пять разъ для выслушанія докладовъ И. П. Надарова о Сѣверно-Уссурійскомъ краѣ, который онъ изслѣдовалъ по служебнымъ обязанностямъ въ предшествовавшемъ году. Благодаря содѣйствію Ѳ. Ѳ. Буссе и самого И. П. Надарова, эти доклады послужили матеріаломъ для перваго выпуска печатныхъ трудовъ Общества. Пожертвованія коллекціями начались тотчасъ же послѣ открытія Общества и продолжались въ теченіе года безпрерывно.

Въ слѣдующемъ 1885 году возростаніе интереса къ Обществу, какъ населенія, такъ и ученыхъ учрежденій, доказало цѣлесообразность и полезность его. Изъ поступившихъ въ этомъ году коллекцій особенно заслуживаютъ вниманія: коллекція предметовъ обихода чукчей, коряковъ и эскимосовъ, собранная г-мъ Гекомъ во время его плаванія къ берегамъ Берингова моря, и коллекція изъ быта орочей съ р. Уссури, собранная И. П. Надаро-

вымъ. Кромѣ того, много предметовъ доставлено офицерами клиперовъ «Разбойникъ» и «Джигитъ» съ русскаго побережья Восточнаго океана.

Въ теченіе года въ Обществѣ были сдѣланы четыре доклада: В. П. Маргаритова «о кухонныхъ остаткахъ» (см. выше), Я. А. Семенова «о промыслѣ морской капусты» и И. П. Надарова: «объ инородческомъ населеніи Южно-Уссурійскаго края», «о приготовленіи ханьшина» и «двадцатипятилѣтіи г. Владивостока». Всѣ эти доклады изданы Обществомъ на пожертвованныя деньги и составляютъ три выпуска изданій. Въ этомъ же 1885 году членъ Общества, В. Ф. Михайловскій, нашелъ въ с. Никольскомъ камень съ древнею китайскою надписью. Камень былъ установленъ въ саду с. Никольскаго, а съ надписи была снята калька, фотографическіе снимки съ которой тогда же были разосланы четырнадцати синологамъ въ Россіи и Китаѣ для прочтенія и объясненія. Вскорѣ послѣ открытія упомянутой надписи Ѳ. Ѳ. Буссе и тотъ же В. Ф. Михайловскій произвели раскопку кургана подъ памятникомъ черепахой. Найденные глиняные древніе предметы хранятся въ музеѣ, а черепаха перевезена въ садъ с. Никольскаго.

Къ началу 1886 года объемъ собранныхъ въ музеѣ коллекцій до того возросъ, что почувствовалась крайняя тѣснота въ комнатѣ, любезно уступленной для музея начальствомъ прогимназіи; хлопоты о болѣе обширномъ помѣщеніи, хотя бы и въ другомъ учрежденіи, не достигли цѣли, почему въ Обществѣ началъ возникать вопросъ о постройкѣ собственнаго дома. Распорядительный комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ къ Морскому Министерству объ уступкѣ Обществу участка, на которомъ въ настоящее время находится зданіе музея; благодаря пріѣзду во Владивостокъ въ 1886 г. Управляющаго Морскимъ Министерствомъ, И. А. Шестакова, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ быстро и въ августѣ того же года Общество получило на это мѣсто планъ, утвержденный Губернаторомъ. Стремленіе Общества къ постройкѣ дома выразилось фактически: И. П. Надаровъ, собравъ отъ частныхъ жителей г. Владивостока разныя художественныя произведенія, устроилъ выставку и сборъ съ нея въ 521 руб. внесъ въ Общество спеціально на постройку зданія для музея. Для той же цѣли А. Д. Бѣляевъ поставилъ любительскій спектакль, давшій 257 руб. Наконецъ Владивостокская Городская Дума пожертвовала на это дѣло 500 руб. и мелкими пожертвованіями было собрано 278 руб. Такимъ образомъ къ концу 1886 года капиталъ на постройку дома достигъ суммы въ 1557 руб. Въ томъ же 1886 году была снаряжена отъ Общества первая болѣе или менѣе обширная научная экспедиція въ Императорскую гавань для изученія быта орочей. Эту экспедицію совершилъ В. П. Маргаритовъ на пожертвованныя средства и при содѣйствіи барона А. Н. Корфа, М. Г. Шевелева, А. К. Вальденъ и др. Результатомъ этой экспедиціи была почти полная коллекція домашнихъ вещей орочей и 17 череповъ этой интересной отрасли тунгусскаго племени, а также подробныя записи ихъ быта, сказаній и промысловъ. Объ этой экспедиціи г. Маргаритовъ дѣлалъ три сообщенія, одно 17 декабря 1886 года и два въ январѣ 1887 года, и они составили отдѣльный выпускъ изданій Общества. Осенью того же года была произведена раскопка двухъ могильныхъ кургановъ въ Сучанской до-

линѣ О. О. Буссе и Г. Д. Марковымъ. Найденные тамъ предметы хранятся въ музеѣ, а отчетъ объ этой раскопкѣ доложенъ былъ Обществу Ѳ. Ѳ. Буссе только въ 1893 г., въ связи съ другими раскопками въ краѣ. Коллекціи музея въ 1886 году, кромѣ упомянутыхъ двухъ вкладовъ, обогатились предметами изъ быта инородцевъ сѣверныхъ округовъ, пожертвованныхъ офицерами клиперовъ «Джигитъ» и «Крейсеръ» и врачемъ Гижигинскаго округа г-мъ Успенскимъ. Число членовъ въ 1886 году было 136.

7-го іюня 1888 года было собрано общее собраніе членовъ, которое окончательно рѣшило приступить немедленно къ постройкѣ каменнаго зданія и выбрало строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ В. М. Лаврова. Для завѣдыванія хозяйственною частью впослѣдствіи былъ избранъ Н. В. Соллогубъ, а техническою военный инженеръ К. Г. Сергѣенко. Къ этому времени Общество располагало капиталомъ въ 3,793 руб., изъ коихъ спеціально на постройку было 1,900 руб. Общее собраніе рѣшило употребить на это дѣло и капиталъ запасный и часть расходнаго, что составило вмѣстѣ до 3000 руб. Съ этой незначительной суммой, но съ большими надеждами на сочувствіе администраціи и поддержку населенія всего Амурскаго края было приступлено къ постройкѣ. 30 іюня того же года Общество торжественно совершило закладку зданія. Въ день закладки капиталъ на постройку дома увеличился до 6000 р. Вскорѣ послѣ этого начались поступленія не только отъ жителей Амурскаго края, но даже изъ Забайкалья. Пожертвованія на постройку продолжались и въ слѣдующемъ году. Приамурскій Генералъ-Губернаторъ пожертвовалъ въ разное время до 1500 р., М. Г. Шевелевъ 1000 р., отъ золотопромышленныхъ компаній 4000 р. и т. д. Кромѣ того при заготовкѣ матеріаловъ и при производствѣ работъ подрядчиками и доставщиками были сдѣланы значительныя уступки. Всего въ 1888—1889 году поступило на постройку до 25,000 р. Къ осени 1888 года постройка закончилась обширнымъ фундаментомъ съ подвальнымъ помѣщеніемъ, и затрачено было 8,086 руб.

Въ 1888 году число членовъ Общества возрасло до 190, считая въ томъ числѣ лицъ, оставившихъ край и тѣхъ, которыя не внесли членскаго взноса въ теченіе болѣе 2-хъ лѣтъ.

1889 годъ можетъ быть названъ годомъ постройки зданія музея; всѣ заботы и старанія Общества были направлены исключительно на возможно скорѣйшее окончаніе этого дѣла. Къ осени этого года зданіе было окончено въ чернѣ и, благодаря не особенно суровой зимѣ на 1890 годъ, оштукатурено внутри.

По окончаніи постройки и размѣщеніи коллекцій въ новомъ домѣ, 30 сентября 1890 года музей въ присутствіи бывшаго Приамурскаго Генералъ-Губернатора, барона А. Н. Корфа и другихъ представителей администраціи и населенія былъ освященъ и открытъ для посѣщенія публики. Строительный комитетъ, закончивъ свое дѣло, 4 ноября того же года сдалъ отчетъ и прекратилъ свои дѣйствія.

Въ теченіе 1892 года были четыре доклада въ Обществѣ: 20 и 27 января Л. И. Бородовскій доложилъ о своей поѣздкѣ въ восточную Монголію,

а 8 апрѣля и 21 іюля были два сообщенія М. И. Дмитріева о Чукотской землѣ. Сообщенія г. Бородовскаго напечатаны въ III т. «Записокъ», а г. Дмитріевъ передалъ свою рукопись въ газ. «Владивостокъ». Въ этомъ же году Общество получило другое описаніе Анадырскаго края, составленное мѣстнымъ жителемъ с. Маркова, крещенымъ чуванцемъ Дьячковымъ. Рукопись приведена въ порядокъ Ѳ. Ѳ. Буссе и напечатана во II т. «Записокъ» Общества. Кромѣ того, свѣдѣнія объ Анадырскомъ краѣ пополнились еще полученной отъ Приморскаго Военнаго Губернатора П. Ф. Унтербергера полной этнографической коллекціей изъ быта чукчей, собранной покойнымъ Л. Ф. Гриневецкимъ.

Въ 1892 году Общество получило возможность напечатать годовые отчеты за послѣднія пять лѣтъ, выпустить въ свѣтъ II-й и III т. «Записокъ Общества» и приступить къ IV-му тому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ѳ. Ѳ. Буссе и В. И. Маргаритовъ совершили поѣздку для раскопокъ древностей, коимъ угрожало полное уничтоженіе отъ потребностей жизни населенія. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ были раскопаны курганы и старыя жилища въ долинѣ р. Мангугая, въ окрестностяхъ с. Никольскаго, въ долинѣ р. Лефу и по восточному побережью Уссурійскаго залива. Отчетъ объ этой поѣздкѣ, въ связи со всѣми предъидущими, Ф. Ф. Буссе доложилъ Обществу 10 и 17 декабря 1893 г.

Въ 1894 году Городская Дума сложила съ Общества долгъ въ количествѣ 1500 р., что весьма благопріятно отразилось на всемъ его финансовомъ положеніи.

Пользуясь въ началѣ скромнымъ помѣщеніемъ, такъ любезно уступленнымъ прогимназіей, Общество теперь владѣетъ своимъ зданіемъ, стоимостью въ 30 тысячъ, которое можетъ удовлетворить на ближайшее будущее всѣмъ потребностямъ музея и библіотеки. Собранныя въ музеѣ коллекціи, конечно, нельзя еще признать достаточно полными для характеристики природы и населенія края. Тѣмъ не менѣе, всегда и теперь можно указать на нѣкоторыя коллекціи, имѣющія уже научныя достоинства, особенно по этнографіи, какъ, напр., коллекціи предметовъ быта чукчей, орочей, коряковъ и друг., а также отдѣлъ по петрографіи, энтомологіи и пр.

Всѣ эти предпріятія могли осуществиться только при содѣйствіи и затратѣ личнаго труда многихъ лицъ, кромѣ денежныхъ средствъ, собранныхъ и затраченныхъ самимъ Обществомъ. Послѣднія, въ итогахъ, выражаются слѣдующими круглыми цифрами: всего было на приходѣ за 10-ть лѣтъ 47 тысячъ руб., изъ коихъ 2000 дарованы Августѣйшими Особами, 5,500 пособіе отъ Генералъ-Губернаторовъ, 29,800 пожертвовано населеніемъ и около 9000 доходовъ самого Общества.—Къ этой старѣйшей филіаціи скоро примкнули двѣ юныя. 12-го апрѣля въ общественной библіотекѣ состоялось собраніе учредителей Троицкосавскаго музея. На собраніи присутствовало 29 ч. и было постановлено просить по телеграфу Приамурскаго Генералъ-Губернатора разрѣшить открытіе въ Троицкосавскѣ подъотдѣленія Амурскаго отдѣла Географ. Общ. и при немъ музея. Отвѣтная телеграмма была получена въ утвердительномъ смыслѣ.

Вопросы о подъотдѣленіи Географическаго Общества и гдѣ онъ долженъ помѣщаться: въ Кяхтѣ или Троицкосавскѣ, вызвали оживленныя прѣнія; нѣкоторые изъ присутствующихъ на собраніи указывали, что отдѣленіе, за неимѣніемъ научныхъ силъ, явится мертворожденнымъ учрежденіемъ, что въ городѣ не имѣется спеціалистовъ по многимъ отраслямъ науки, что отдѣленіе будетъ только тормозить развитіе музея и отвлекать отъ него силы и т. п. Никто изъ членовъ собранія не возражалъ противъ того, что музей болѣе умѣстенъ въ Троицкосавскѣ, чѣмъ въ Кяхтѣ, уже потому, что тамъ главнымъ образомъ и сосредоточены тѣ силы, на которыя можетъ разсчитывать музей, что въ городѣ находится всѣ учебныя заведенія и живетъ большинство населенія. Но въ данный моментъ въ городѣ не имѣется помѣщенія для музея, почему онъ и былъ перенесенъ въ Кяхту. Въ Кяхтѣ же музей помѣщается въ собственномъ большомъ каменномъ домѣ, пожертвованномъ А. Л. Старцевымъ, и имѣется лицо, изъявившее за небольшое вознагражденіе согласіе слѣдить за помѣщеніемъ музея.

16-го сентября троицкосавско-кяхтинская филіація приамурскаго отдѣла Имп. Рус. Географ. Общ. открыла свою дѣятельность. Засѣданія будутъ происходить не въ зданіи музея, принадлежащемъ филіаціи, а въ залѣ реальнаго училища. Музей, помѣщается въ Кяхтѣ, гдѣ живетъ сравнительно незначительное число жителей, почему комитетъ и нашелъ болѣе удобнымъ устраивать общія собранія въ Троицкосавскѣ, чтобы дать возможность большему числу интересующихся докладами присутствовать на нихъ.

Того-же числа въ Читѣ открыта Забайкальская Областная Филіація Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества съ Музеемъ при ней.

Уже ко времени обзора Музея Генералъ-Губернаторомъ собралось до 8 тысячъ предметовъ, въ настоящее же время число вещей въ немъ достигаетъ цифры 10,000 номеровъ.

Размѣщеніе коллекцій въ Областномъ Музеѣ возложено на А. К. Кувпецова, завѣдывавшаго Нерчинскимъ музеемъ, продолженіемъ котораго и является Музей филіація.

Въ Музеѣ предположены три главныхъ отдѣленія: 1) образцы сырыхъ произведеній природы Забайкалья, т. е. представители минераловъ, фауны, флоры.

2) Населеніе Забайкалья—въ его прошломъ (археологія) и въ настоящемъ (антропологія, этнографія): обстановка жилищъ, одежды, пищи, быта и проч.

3) Результаты и способы обработки сырыхъ добываемыхъ матеріаловъ (промышленный отдѣлъ).

Музей будетъ служить живой иллюстраціей того, что въ области изучено, гдѣ и какъ эксплоатируются естественныя богатства края.

Въ то же время при филіаціи положено начало и спеціальной центральной для области библіотеки, гдѣ будутъ собраны всѣ литературныя пособія научнаго и описательнаго характера, касающіяся Забайкалья.

Музей беретъ на себя задачу облегчить пріобрѣтеніе знаній, увеличить общее благосостояніе, предотвративъ безплодную трату силъ и времени на поиски работы и выборъ лучшихъ способовъ производства.

Въ настоящее время Музею Генералъ-Губернаторомъ разрѣшено занять помѣщеніе въ старомъ домѣ Читинскаго Пансіона, принадлежащемъ гимназіи. Но какъ только соберутся достаточныя средства, будетъ немедленно приступлено къ постройкѣ собственнаго помѣщенія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Для этого требуется все же не менѣе 75,000 рублей.

Для будущаго зданія Музея уже намѣчена обширная площадь въ г. Читѣ предъ мужской гимназіей по р. Кайдаловкѣ.

Заканчивая обзоръ научныхъ завоеваній на далекой окраинѣ В. Россіи, можно отмѣтить обогащеніе только что возникшаго Хабаровскаго Музея и годовщину новаго органа печати, который увидѣлъ свѣтъ почти одновременно съ музеемъ и Приамурскимъ Отдѣломъ И. Геогр. Общества.

Капитанъ Леонтовичъ, который былъ командированъ вмѣстѣ съ охотничьею командою 6-го В. С. линейнаго баталіона для изслѣдованія р. Тумнинъ, вывезъ богатѣйшую коллекцію различныхъ вещей изъ домашняго обихода орочонъ. Всѣ эти предметы собраны въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ предназначается въ хабаровскій музей, а другой въ одинъ изъ музеевъ Европейской Россіи.

Коллекція эта поражаетъ своею полнотою. Особенно обращаетъ на себя вниманіе, какъ цѣнное пріобрѣтеніе въ научномъ отношеніи, 6 полныхъ скелетовъ орочонъ. Затѣмъ имѣются разныя модели хижинъ, юртъ, лодокъ, орудій, посуда, платье, шкурки и т. п. Не забыта даже блонь, сдираемая съ кожи, и которую орочены ѣдятъ, какъ большое лакомство. Имѣются также двѣ карты р. Тумнинъ, вычерченныя собственноручно однимъ орочономъ на память. Карты эти, по словамъ капитана Леонтовича, замѣчательно точны и обстоятельны.

2-го января, въ 2 часа дня, въ Атаманскій залъ генералъ-губернаторскаго дома были приглашены наличныя въ Хабаровскѣ лица (около 40 человѣкъ), принимавшія участіе въ изданіи Приамурскихъ Вѣдомостей въ теченіе года. Главный Начальникъ края обратился къ собравшимся приблизительно со слѣдующими словами: «Сегодня минулъ годъ со дня, когда въ Хабаровскѣ появился на свѣтъ первый номеръ Приамурскихъ Вѣдомостей, а номеромъ, вышедшимъ вчера, начался второй годъ. Еженедѣльное изданіе это начато по моему распоряженію съ цѣлью, кромѣ обычной роли офиціальныхъ вѣдомостей, быть сборникомъ матеріаловъ для ознакомленія съ малоизвѣстнымъ Приамурскимъ краемъ и текущими вопросами его жизни, при чемъ этой послѣдней роли сборника свѣдѣній придавалось первенствующее значеніе. Одинъ взглядъ на размѣры годового изданія и на оглавленіе статей показываетъ, что таковыхъ матеріаловъ издано значительное количество; изданное, конечно, весьма мало сравнительно съ потребностью, но можно надѣяться, что продолженіе того же въ теченіе послѣдующихъ годовъ будетъ восполнять недостающее. Объѣзжая край, не разъ приходилось убѣждаться, что Приамурскія Вѣдомости уже и нынѣ

дѣйствительно разносятъ по уединеннымъ угламъ обширнаго пространства то единеніе въ общемъ трудѣ на пользу нашего края, которое столь важно для успѣха. Вышеупомянутая программа выдержана строго весь годъ, не смотря на серьезныя трудности, собственно въ издательскомъ смыслѣ, на отдаленной окраинѣ, гдѣ каждую мелочь надо выписывать на цѣлый годъ впередъ и гдѣ на мѣстѣ еще во всемъ недостатокъ.

Надлежащій ходъ изданія, конечно, прежде всего, вызываетъ благодарность лицамъ, стоявшимъ непосредственно у работы: М. С. Веденскому, Г. А. Савримовичу и Б. В. Оверину. Но независимо труда ихъ, имѣетъ значеніе и то, какъ откликнулись на начатое полезное дѣло множество лицъ, принявшихъ активное участіе разработкою, составленіемъ и переводами разныхъ статей и замѣтокъ. Кромѣ содержательности—успѣхъ всякаго изданія зависитъ и отъ экономической стороны; между тѣмъ, изъ сдѣланнаго мнѣ на-дняхъ доклада, усматривается, что въ настоящемъ случаѣ и экономическая сторона дѣла успѣшна, благодаря тому же участію сотрудниковъ, ни одинъ изъ которыхъ въ теченіе года даже не касался вопроса о матеріальномъ вознагражденіи. Едва-ли имѣется много газетъ и журналовъ, гдѣ большее число сотрудниковъ безвозмездно и добросовѣстно работаютъ, побуждаемые, прежде всего, желаніемъ участвовать въ общеполезномъ для края дѣлѣ. Этотъ дружный добровольно являвшійся откликъ всѣхъ васъ, господа, и побудилъ меня сегодня пожелать видѣть васъ лично, чтобы выразить вамъ и всѣмъ отсутствующимъ сотрудникамъ вдѣшняго изданія, отъ имени Приамурскаго края, Высочайшею волею мнѣ ввѣреннаго, благодарность, съ выраженіемъ желанія, чтобы то же самое, по возможности, не оставлялось и далѣе и чтобы число сотрудниковъ увеличивалось и особенно среди пунктовъ внѣ Хабаровска. Нашъ юный лишь начинающій развиваться край нуждается въ томъ, чтобы лица, призванныя судьбою быть въ немъ дѣятелями, относились къ дѣлу не только формально, но и съ сердцемъ, а фактъ безкорыстнаго участія вашего въ трудѣ, о которомъ говорится, подтверждаетъ мою увѣренность, что у насъ есть много именно такихъ слугъ отечества, что укрѣпляетъ и мои силы работать. Гласное констатированіе этого, съ занесеніемъ на страницы Приамурскихъ Вѣдомостей, считаю лучшимъ способомъ отпраздновать первую годовщину изданія принадлежащаго не одной редакціи, а составляющаго общее достояніе всѣхъ васъ. Будущія поколѣнія найдутъ въ этомъ фактѣ указаніе на характеръ труда ихъ предшественниковъ и быть можетъ поощреніе, чтобы и ихъ дѣятельность была руководима безкорыстнымъ и сердечнымъ желаніемъ посильно служить дорогому отечеству и его отдаленнѣйшей окраинѣ. Благодарю васъ еще разъ и желаю дальнѣйшаго успѣха».

Въ жизни В. Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества 1894 г. является новымъ шагомъ къ разрѣшенію задачъ, поставленныхъ Отдѣлу страной.

10-го ноября на третьемъ собраніи членовъ Отдѣла, правитель дѣлъ Я. П. Прейнъ доложилъ о лѣтнихъ занятіяхъ членовъ отдѣла Геогр. Общества. Онъ указалъ на произведенныя нынѣшнимъ лѣтомъ археологическія

изслѣдованія окрестностей Иркутска членовъ Отдѣла А. С. Еленевымъ. Значительный матеріалъ, добытый г. Еленевымъ, служитъ дополненіемъ работы Б. И. Витковскаго «Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ рѣки Ангары». Особенно подробно изслѣдованы г. Еленевымъ двѣ стоянки людей каменнаго вѣка около Кузьмихи и Лисихи, вблизи Иркутска. Подробное описаніе этихъ раскопокъ составитъ цѣнный вкладъ въ археологію Сибири. Затѣмъ докладчикъ кратко ознакомилъ слушателей съ ходомъ Сибиряковской экспедиціи, имѣющей цѣлью изслѣдованіе инородцевъ Якутской области въ антропо-этногра|ическомъ и др. отношеніяхъ, остановился на работахъ г. Кроля и д-ра Маковецкаго. Первый уже два года работаетъ надъ изслѣдованіемъ быта бурятъ въ юридическомъ отношеніи. Эти работы представляютъ большой интересъ уже тѣмъ, что до настоящаго времени никто спеціально не занимался этимъ вопросомъ. Значительный матеріалъ, собранный г. Кролемъ во время его поѣздокъ по улусамъ и степнымъ думамъ, по обработкѣ будетъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ Геогр. Общества». Въ настоящемъ году имъ представлена и уже напечатана статья «Брачные обряды и обычаи у забайкальскихъ бурятъ». Поѣздка д-ра Н. Е. Маковецкаго къ карагасамъ интересна въ томъ отношеніи, что имъ впервые сдѣланы надъ карагасами изслѣдованія въ медико-антропологическомъ отношеніи. До настоящаго времени работъ по изслѣдованію физической природы этихъ инородцевъ не было и это было существеннымъ пробѣломъ въ познаніи ихъ съ антропологической стороны. Д-ръ Маковецкій произвелъ измѣренія болѣе, чѣмъ надъ ста карагасами, такимъ образомъ ему удалось обслѣдовать въ антропологическомъ отношеніи болѣе четверти всего племени, въ которомъ насчитывалось не болѣе четырехсотъ человѣкъ обоего пола.

Докладъ свой г. Прейнъ закончилъ указаніемъ на антропологическія работы д-ра Талько-Гринцевича, производимыя имъ надъ бурятами Забайкалья.

Музей В. С. Отдѣла Геогр. Общества съ половины сентября былъ открытъ для публики послѣ обычнаго вакаціоннаго перерыва, и одновременно съ этимъ начался рядъ объясненій коллекцій музея. Объясненія дѣлались консерваторомъ музея г. Поповымъ въ формѣ чтеній и касались главнымъ образомъ исторіи культуры первобытныхъ народовъ. Чтенія демонстрировались значительными коллекціями предметовъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, а также и этнографическими коллекціями инородцевъ Сибири. Изъ показанныхъ предметовъ особаго вниманія заслуживали каменныя орудія, найденныя въ могильникахъ устья р. Китоя покойнымъ членомъ отдѣла Н. И. Витковскимъ и два прибора для добыванія живого огня.

Изъ многочисленной публики, посѣщавшей музей, многіе интересовались чтеніями и слѣдили съ живымъ интересомъ за разсказомъ лектора, хотя надо сказать, что для слушателей изъ сѣрой публики кое-что оставалось неуясненнымъ. Сравнительно съ прежними годами число посѣтителей музея сильно возросло; такъ въ нѣкоторые дни въ музеѣ побывало до 600 и даже до 800 слишкомъ человѣкъ. Изъ этого числа не малое количество приходилось на долю учащихся. Наиболѣе вниманіе публики привлекаютъ зоологи-

ческій и этнографическій отдѣлы и отчасти палеонтологическій. Кости мамонта, допотопнаго носорога, чучела звѣрей и птицъ, манекены инородцевъ, буддійскія божества по-долгу приковывали вниманіе посѣтителей и служили предметами долгихъ разговоровъ, замѣчаній и догадокъ. Среди публики нерѣдко можно видѣть китайцевъ и бурятъ. Кстати сказать, что одинъ изъ послѣднихъ очень удивился, если не болѣе, увидавъ манекенъ своего забайкальскаго собрата, и при этомъ сдѣлалъ очень наивное замѣчаніе:—«вашѣмъ сюда тасхалъ пропаща братсха», т. е. зачѣмъ сюда притащили умершаго бурята, но затѣмъ, когда узналъ для чего здѣсь собраны предметы ихъ быта, обѣщалъ подарить въ музей образцы зимней одежды. Въ этнографическомъ отдѣлѣ богатая коллекція предметовъ буддійскаго культа составляетъ гордость музея и изъ года въ годъ пополняется; такъ, напримѣръ, нынѣшнимъ лѣтомъ Н. И. Гомбоевъ изъ Пекина пожертвовалъ полный костюмъ докшита и нѣсколько буддійскихъ образовъ. Въ этой коллекціи серія статуетокъ богини Кванъ-ин-пуса представляетъ большой интересъ тѣмъ болѣе, что въ этой коллекціи заключается рядъ статуетокъ Кванъ-ин-пусы японскаго происхожденія, пожертвованныхъ г. Буссе.

Въ вѣдѣніи В. С. Отдѣла въ истекшемъ году находилось крупнѣйшее научное предпріятіе въ В. Россіи—изслѣдованіе Якутской области на средства Сибирякова.

Вопросъ объ организаціи изслѣдованія быта якутовъ возникъ уже давно: еще въ 1888 г И. М. Сибиряковъ обращался въ Восточно-сибирскій отдѣлъ Императорскаго Русск. Географ. Общества съ предложеніемъ объ устройствѣ экспедиціи для изученія Якутской области, на каковой предметъ онъ ассигновалъ 10 т. руб., соглашаясь, въ случаѣ надобности, увеличить эту сумму, по мѣрѣ производства работъ.

Главными задачами изслѣдованія жертвователь ставитъ разрѣшеніе вопросовъ: увеличиваются ли якуты численно и развиваются ли вообще, или, наоборотъ, вымираютъ и вырождаются.

Вслѣдствіе предложенія г. Сибирякова, бывшій правитель дѣлъ В.-с. Отдѣла, Г. Н. Потанинъ, имѣлъ сношенія по поводу устройства проектируемой экспедиціи съ извѣстными, по своимъ трудамъ о Сибири, лицами: гг. Адріановымъ, Еленевымъ, Ивановскимъ и Кузнецовымъ; но они, по разнымъ причинамъ, отказались взять на себя это дѣло. Послѣ этого, оно было передано въ 1892 г. нынѣшнему правителю дѣлъ отдѣла, Д. А. Клеменцу. Послѣдній, принявъ дальнѣйшее веденіе предпріятія, указалъ на то, что, послѣ блестящихъ экспедицій прошлаго и первой половины нынѣшняго столѣтія, Якутскій край нуждается въ детальномъ изученіи и наблюденіяхъ надъ мелочами быта. Поэтому, г. Клеменцъ признавалъ возможнымъ удовлетворительное выполненіе поставленныхъ задачъ лишь при участіи въ работахъ экспедиціи мѣстныхъ силъ, уже извѣстныхъ своими этнографическими трудами.

Такая постановка дѣла была признана правильной какъ Отдѣломъ Общества, такъ и самимъ жертвователемъ, приведеніе же его въ исполненіе замедлилось, по причинѣ командировки г. Клеменца въ Монголію.

Возвратившись оттуда и получивъ одобреніе намѣченнаго плана этнографическихъ работъ по Якутской области, со стороны Отдѣла Географическаго Общества и Иркутскаго Генералъ-Губернатора,—г. Клеменцъ прибылъ въ январѣ 1894 г. въ Якутскъ и приступилъ къ организаціи экспедиціи. Въ Якутскѣ г. Клеменцъ встрѣтилъ живѣйшее сочувствіе къ цѣли своего пріѣзда, какъ со стороны Иркутскаго Губернатора В. Н. Скрипицына, такъ и вообще мѣстной интеллигенціи, обѣщавшей этому дѣлу свое содѣйствіе.

На совѣщаніяхъ по этому предмету, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ члена-секретаря мѣстнаго статистическаго комитета, г. Попова, при участіи совѣтника якутскаго областнаго правленія, г. Меликова, ветеринарныхъ врачей, гг. Дмитріева и Кондакова и лицъ, на коихъ, по указанію Иркутскаго Генералъ-Губернатора, возлагаются работы по изученію края,—были выработаны подробныя программы и планъ намѣченныхъ работъ. По всестороннемъ обсужденіи, съ участіемъ г. Клеменца и нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, приглашенныхъ на эти совѣщанія, работы по Якутскому округу, которыя будутъ производиться въ теченіе 3-хъ лѣтъ, распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Г. Меликовъ: разрѣшеніе вопроса о криминальной психологіи якутскаго населенія, на основаніи архивныхъ матеріаловъ мѣстныхъ судебно-административныхъ учрежденій и личныхъ наблюденій г. Меликова, занимавшаго здѣсь много лѣтъ судебныя должности.

Г. Виташевскій: изученіе юридическаго быта якутовъ по выработанной имъ для собиранія матеріаловъ программѣ, заключающей въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: а) землепользованіе, б) договорное право, в) система родства, г) семейное право, д) наслѣдственное право, е) уголовное право, ж) судоустройство, з) судебныя доказательства, и) судопроизводство и к) общественная организація. Главное вниманіе изслѣдователемъ будетъ обращено на формы землепользованія и договорное право.

Г. Левенталь: а) изслѣдованіе экономическихъ отношеній якутовъ въ ихъ историческомъ развитіи и современномъ положеніи (данныя для характеристики этихъ отношеній, приблизительное исчисленіе прироста, количества и густоты населенія, характеръ разселенія, главныя и побочныя занятія, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и подворная перепись по карточкѣ г. Попова) и б) собираніе, по архивнымъ источникамъ, данныхъ для исторіи края со временъ 1-й ясачной комиссіи.

Г. Майновъ: а) антропологическое изслѣдованіе мѣстнаго населенія, подраздѣляемаго, по выработанной г. Майновымъ программѣ, на 5 племенныхъ группъ: русскихъ, якутовъ, тунгусовъ и метисовъ: русско-якутскаго и якутско-тунгусскаго происхожденія и б) выясненіе причинъ и условій объякучиванія русскихъ; первичные признаки и дальнѣйшія стадіи самаго процесса объякучиванія, доходящаго до полной ассимиляціи русскихъ якутами.

Г. Пекарскій: выработка и выполненіе, при сотрудничествѣ приглашенныхъ имъ лицъ програмы изслѣдованія семейнаго и домашняго быта якутовъ, заключающей двѣ части: а) жилища и его принадлежности, одежда и наря-

ды, пища, питье и т. д. и б) вѣрованія, языкъ, народное творчество и другія проявленія духовной жизни изучаемаго народа.

Изслѣдованіемъ быта инородцевъ по Колымскому округу изъявилъ желаніе заняться г. Іохельсонъ, нѣсколько лѣтъ прожившій въ томъ краѣ и занимавшійся тамъ этнографическими работами, часть которыхъ была помѣщена имъ въ повременныхъ изданіяхъ. Г. Іохельсонъ разсчитываетъ на сотрудничество колымскаго окружного исправника г. Карзина и проживающаго временно въ г. Средне-Колымскѣ г. Богораза, заявившихъ уже себя своими этнографическими трудами по изученію края. Комиссія по организаціи экспедиціи для изслѣдованія Якутской области встрѣтила желаніе г. Іохельсона съ живѣйшимъ сочувствіемъ, такъ какъ колымскій край представляетъ особенный интересъ въ этнографическомъ отношеніи, какъ по разнообразію состава своего населенія (русскіе, якуты, ламуты, чуванцы, чукчи, юкагиры и др.) и быта инородцевъ, такъ и по малоизвѣстности края.

Программа, предложенная г. Іохельсономъ, заключая въ себѣ всѣ главныя рубрики обще-этнографическаго характера, обращаетъ особое вниманіе на вопросы, которые спеціально касаются Колымскаго округа и матеріалы по которымъ особенно будутъ цѣнны для спеціалистовъ. Таковы, напр., матеріалы по сравнительной антропологіи народовъ округа съ обращеніемъ особеннаго вниманія на метисовъ съ сложной генеалогіей; переживанія дометаллическаго вѣка (костяныя орудія); сохранившіяся каменныя орудія, гостепріимная проституція, татуировка, древніе способы добыванія огня и другіе обычаи первобытныхъ состояній; собаководство, оленеводство, скотоводство, вліяніе племенъ другъ на друга и т. д.

Работы по округу распредѣляются на 2 года, съ дѣленіемъ—для удобства изслѣдованія—края на 5 раіоновъ, въ зависимости отъ быта народонаселенія, ихъ занятій и прочихъ условій. Съ каждымъ изъ бродячихъ племенъ изслѣдователь находитъ нужнымъ дѣлать совмѣстныя кочевки въ теченіи 5—6 мѣсяцевъ, по соглашенію съ другими сотрудниками, для болѣе полнаго собиранія матеріаловъ по быту, языку и т. д.

Такимъ образомъ, программа г. Іохельсона состоитъ изъ слѣдующихъ рубрикъ: 1) Антропометрическія измѣренія и наблюденія, 2) историко-географическія свѣдѣнія, 3) жилища и орудія, 4) одежда, 5) пища и питье, 6) занятія и промыслы, 7) нравы, обычаи и другія племенныя черты, 8) языкъ (структура словъ и образованіе предложеній равныхъ нарѣчій, записываніе правильной транскрипціей), 9) Вѣрованія и народное творчество (поскольку возможно собираніе матеріаловъ по этимъ отдѣламъ при помощи толковыхъ переводчиковъ).

Вопросъ объ изслѣдованіи Олекминскаго округа Якутской области также получилъ удовлетворительное разрѣшеніе. Восточно-сибирскимъ Отдѣломъ И. Р. Г. О. въ Иркутскѣ уже пріискано вполнѣ компетентное лицо для выполненія этого, и послѣднимъ приступлено къ намѣченнымъ работамъ.

Можно надѣяться, что оживленіе, внесенное въ край этой экспедиціей, благотворно отразится на плачевной пока судьбѣ Якутскаго музея.

Музей находится въ вѣдѣніи мѣстнаго Статистическаго Комитета, но комитетъ не можетъ удѣлить никакихъ почти средствъ для музея. По ходатайству предсѣдателя комитета дума отвела подъ музей одну комнату. Одинъ изъ угловъ этой комнаты отгороженъ ширмами и составляетъ «квартиру» консерватора музея. Остальная часть комнаты занята коллекціями музея. Благодаря тѣснотѣ все разставлено крайне неудобно, и даже осмотрѣть всего нельзя, не только взяться за изученіе этихъ коллекцій. Витринъ очень мало и многіе предметы подвержены разрушительному дѣйствію пыли, которою покрыты всѣ предметы, такъ какъ съ потолка и стѣнъ падаетъ штукатурка. Консерваторъ музея не получаетъ никакого вознагражденія и надо удивляться его самоотверженности, съ которою онъ, не располагая никакими матеріальными средствами для музея, стремится поддержать въ порядкѣ то, что есть въ немъ; къ сожалѣнію, онъ одинъ, прислуги при музеѣ нѣтъ, и ему нѣтъ физической возможности управиться; и музей положительно приходитъ въ упадокъ. Расширять-же музей, увеличить его коллекціи и думать не приходится при этомъ положеніи вещей. Приходится довольствоваться случайными приношеніями. Большинство смотритъ, кажется, на музей какъ на праздную ни къ чему не нужную забаву. Чистая публика посѣщаетъ его очень мало. Большею частью приходятъ юноши, да изрѣдка заходитъ какой-нибудь инородецъ, или городской житель—мѣщанинъ.

Независимо отъ предположенныхъ работъ, В.-с. отдѣломъ Императорскаго Русск. Геогр. Общества будутъ изданы, на особо отпущенныя для того средства, слѣдующіе труды, уже готовые къ печати: «Матеріалы для составленія якутско-русскаго словаря», собранные г. Пекарскимъ, «Краткій очеркъ якутской грамматики», составленный г. Ястремскимъ, и «Лингвистическія замѣтки» по якутскому языку г. Іонова. Всѣ поименованныя работы будутъ печататься въ Якутской областной типографіи, при помощи спеціально для этого заказаннаго шрифта, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій лексикографіи и въ строгомъ соотвѣтствіи съ правописаніемъ якутскаго языка, установленнымъ академикомъ Бетлингомъ. Предназначенный къ печатанію словарь якутскаго языка г. Пекарскаго явится весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу тюркскихъ языковъ.

Подвигаясь далѣе на З., мы должны сказать нѣсколько словъ о музеяхъ Минусинскомъ, Красноярскомъ и Енисейскомъ и Обществѣ Изслѣдователей Алтая въ Барнаулѣ.

Минусинскій музей продолжалъ въ истекшемъ году обогащать свои коллекціи благодаря неустанной дѣятельности Н. М. Мартьянова. Становится прочно на ноги и Красноярскій музей.

Въ послѣднее время Красноярская городская дума сдѣлала постановленіе объ ежемѣсячной выдачѣ консерватору здѣшняго музея М. Е. Кибортъ жалованія въ размѣрѣ 25 руб.

В. А. Даниловъ прислалъ на постройку зданія для музея 2000 руб.

По отчету музея, въ немъ къ 1893 г. находилось: по естественно-историческому отдѣлу 4704 предмета; по отдѣлу археологическому—2640; по нумизматическому—928; по сельско-хозяйственному—512; по этнографическо-

му—477 и по промышленному—411; всего-же 9902 предмета; теперь значительно болѣе.

О музеѣ Енисейскомъ можно сказать лишь, что онъ продолжалъ существовать, но при условіяхъ, которыми обставлено его существованіе, и это выигрышъ для науки.

«Общество любителей изслѣдованія Алтая», возникло въ 1891 году. Далеко не всѣ одинаково встрѣтили это новое учрежденіе: отношенія къ нему представителей мѣстной интеллигенціи были самыя разнородныя. Учредителямъ приходилось слышать и самые пессимистическіе отзывы, и очень иронническія замѣчанія. Говорили, между прочимъ, что Общество это—мертворожденное, подшучивали надъ тѣмъ, что въ Барнаулѣ будетъ «ученое» общество. Но молодое учрежденіе не смущалось отзывами скептиковъ. Среди барнаульской интеллигенціи нашлось нѣсколько десятковъ лицъ, живо интересующихся и «общими вопросами», и своею родною областью—Алтаемъ. Изслѣдованіе ея представляетъ для нихъ болѣе или менѣе значительной интересъ и задачи Общества отнюдь не кажутся имъ несбыточными фантазіями, наоборотъ—осуществленіе ихъ представляется вполнѣ возможнымъ и далеко не праздным, не безполезнымъ дѣломъ. И дѣйствительно, Общество посильно работаетъ, а итоги его работы могутъ быть далеко не мизерны.

Въ настоящее время Общество выпустило первый «Сборникъ» своихъ трудовъ, среди которыхъ можно отмѣтить нѣсколько весьма интересныхъ работъ. Лѣтомъ текущаго года, по иниціативѣ Алтайскаго Общества и на его средства предпринято было статистическое изслѣдованіе значительнаго района Алтая со стороны землевладѣнія, способовъ веденія хозяйства, экономическаго быта населенія и проч. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ нѣсколько человѣкъ, командированныхъ Обществомъ въ качествѣ статистиковъ, объѣзжали намѣченные пункты и заносили на особо заготовленныя и отпечатанныя бланки тѣ данныя, которыя получались ими путемъ опроса крестьянъ. Въ итогѣ получилось до 20 тысячъ заполненныхъ карточекъ, представляющихъ богатый, хотя и сырой пока матеріалъ. Въ настоящее время будетъ произведенъ подсчетъ данныхъ этихъ карточекъ, а въ недалекомъ будущемъ полученные матеріалы подвергнутся обработкѣ. Не трудно понять важность и высокую степень интереса подобныхъ изслѣдованій. Достаточно сказать, что переселенческій вопросъ въ связи съ вопросомъ о положеніи кореннаго сибирскаго населенія вызываетъ въ печати цѣлый рядъ статей и детально обсуждается съ различныхъ точекъ зрѣнія; за нимъ уже всѣми признается значеніе первостепенной важности; но, при всемъ томъ, еще далеко недостаточно сдѣлано для всесторонняго уясненія его и правильной постановки, въ особенности на Алтаѣ, гдѣ интересы крестьянъ старожиловъ рѣзко сталкиваются съ интересами переселенцевъ.

Помимо указаннаго сыраго матеріала, лѣтніе разъѣзды статистиковъ вызвали съ ихъ стороны нѣсколько докладовъ, представляющихъ результаты ихъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній. Прочитанный напр. на засѣданіи совѣта Общества 11-го ноября, докладъ представляетъ впечатлѣнія и наблюденія одного изъ статистиковъ, г. О—на. Это весьма интересная и содержательная

статья, рисующая намъ цѣлый рядъ печальныхъ неурядицъ, съ которыми приходится считаться крестьянамъ Алтайскаго округа, а особенно недавно пришедшимъ переселенцамъ, не успѣвшимъ еще освоиться съ новыми условіями. Въ числѣ другихъ предположеній Общества, стоящихъ наканунѣ своего осуществленія, находится одно, имѣющее очень крупное значеніе для Барнаула. Это однодневная перепись, которая выполнится въ первой половинѣ марта слѣдующаго года.

Въ жизни Западно-Сибирскаго Географ. Общества Отдѣла крупнѣйшимъ событіемъ слѣдуетъ считать учрежденіе при немъ въ видѣ особой секціи, по иниціативѣ д.-ч. Селиванова, археологической комиссіи. Состоявшееся, 2 мая, общее собраніе членовъ было посвящено разсмотрѣнію, представленной распорядительнымъ комитетомъ, программы дѣятельности. Задачи комиссіи будутъ состоять въ разборкѣ архивныхъ дѣлъ и составленіи историческаго музея, въ охраненіи памятниковъ древности, въ археологическихъ раскопкахъ, въ составленіи археологическаго музея и т. д. и, наконецъ, въ изданіи трудовъ комиссіи. Веденіе дѣлъ комиссіи возлагается на избираемыхъ ею предсѣдателя и секретаря. Труды комиссіи будутъ печататься въ Запискахъ Отдѣла, на средства котораго производятся и всѣ расходы на ея работы.

Комиссія считаетъ своею задачею, между прочимъ, образованіе особаго при музеѣ Отдѣла археологическаго музея, завѣдываніе которымъ возлагается на особо избираемаго для этого хранителя музея, но подъ общимъ наблюденіемъ хранителя музея Отдѣла

Тобольскій музей продолжалъ въ истекшемъ году изданіе своего «Ежегодника», хотя не безъ затрудненій. Въ пополненіе его коллекцій въ истекшемъ году поступили слѣдующія пожертвованія:

1) По отдѣлу археологіи: черезъ Г. Я. Маляревскаго отъ ст. с. Чернавскаго, изъ Курганскаго окр., и А. Сѣдакова двѣ изъ лосинаго рога вещи, найденныя въ пескѣ близъ с. Глядянскаго. Отъ В. К. Имсена и С. В. Герциза коллекція вещей, найденныхъ на Искерѣ. Коллекція такихъ же вещей отъ Бутакова. Вмѣстѣ съ ранѣе поступившими въ музей вещами съ Искера эти коллекціи даютъ довольно полное представленіе о характерѣ находокъ на городищѣ Искеръ. Эти находки и составляютъ главное по количеству содержаніе археологич. коллекцій музея.

Отъ крестьянина С. С. Усова изъ Тарскаго округа въ даръ музею поступили мѣдная стрѣлка, кельтъ съ р. Ишима и обломокъ глиняной посуды изъ Кургана тоже съ р. Ишима. Отъ О. А. Еманакова изъ Ишима 2 серьги изъ кургана. Отъ С. М. Чуйко желѣзный ножъ и костяная стрѣлка изъ д. Кисслевки. Отъ Н. Л. Скалозубова обломокъ глиняной посуды изъ городища близъ д. Нефедовой, Бронниковской вол., и кости, носящія слѣды отдѣлки. Отъ Тобольской городской управы «скиѳскій» мѣдный котелъ, найденный въ тырковскомъ предмѣстьѣ города.

По отдѣлу этнографіи было лишь одно поступленіе отъ г-жи М. В. Тетютской изъ Сургутскаго округа—нитки изъ оленьихъ жилъ. Въ коллек-

ціяхъ музея болѣе или менѣе полно представленъ бытъ остяковъ и самоѣдовъ, но рѣшительно отсутствуютъ предметы быта татаръ, бухарцевъ и вогулъ.

Въ настоящее время коллекціи музея приводятся въ порядокъ и имъ составляются каталоги. Дѣятельными сотрудниками хранителя музея являются смотрительница музея О. М. Пальмина и Л. Н. Знаменская, работающая по отдѣлу нумизматики.

Изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ, поднятыхъ комитетомъ Отдѣла, отмѣтимъ слѣдующіе: о необходимости заблаговременно приготовиться къ предстоящей въ 1895 г. Сибирской выставкѣ; о неотложности однодневной переписи населенія з.-сибирскихъ городовъ; о расширеніи издательской дѣятельности Отдѣла. Кромѣ того комитетъ постановилъ приступить къ составленію систематическаго каталога библіотеки Отдѣла, напечатать и разослать составленную Г. Е. Катанаевымъ программу для собиранія свѣдѣній объ усыханіи озеръ и рѣкъ З.-Сибири.

Общихъ собраній членовъ Отдѣла было 7. На этихъ собраніяхъ были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) К. А. Вернеромъ—«Семирѣченская область въ сел.-хозяйственномъ отношеніи», 2) Ю. А. Шмидтомъ «Отроги Тянь-Шаня въ предѣлахъ Семирѣчья», 3) Г. Е. Катанаевымъ—«Историко-географическій обзоръ состоянія зап.-сибирскихъ степей въ началѣ XVII столѣтія», 4) П. Е. Маковецкимъ—«Юрта» и 5) «Метеорологическія наблюденія въ Обской губѣ»—П. Ѳ. Брейтигамомъ. Кромѣ того, Отдѣломъ изданы въ истекшемъ году три выпуска его «Записокъ».

По смѣтѣ на 1894 г. предположено къ поступленію 2,640 р., въ томъ числѣ пособія отъ Государственнаго Казначейства—2000 руб.

Къ израсходованію предположено 3209 руб., въ томъ числѣ на изданіе «Записокъ»—850 р. и на научныя предпріятія—350 р Къ началу 1894 г. всѣхъ членовъ Отдѣла Общества было 125.

Въ районѣ Урала наибольшее оживленіе въ истекшемъ году обнаружила Пермь.

Пермская ученая архивная комиссія и комиссія Уральскаго Общества Любителей Естествознанія устроили въ Перми выставку археологическихъ коллекцій. Кромѣ богатой по своему научному значенію коллекціи находокъ съ чудскихъ городищъ, принадлежащей г. Теплоухову, для выставки получены были коллекціи отъ Императорской Археологической Комиссіи, отъ Уральскаго Общества Любителей Естествознанія, отъ тагильскаго заводскаго музея и т. п., а также отъ частныхъ лицъ. Въ видѣ введенія къ этому объясненію значенія выставленныхъ коллекцій въ пятницу, 3-го іюля, въ залѣ реальнаго училища, Ѳ. А. Теплоуховъ предложилъ чтеніе «О культурной обстановкѣ Пермской чуди» съ демонстраціей предметовъ, найденныхъ при раскопкахъ въ такъ называемыхъ чудскихъ городищахъ въ западныхъ уѣздахъ Пермской губерніи, а также частію и въ Вятской и Вологодской губ.

Сообщеніе возбудило живѣйшее вниманіе присутствовавшей въ числѣ свыше 300 челов. публики. Обстановка лекцій была очень внушительная—громадный столъ передъ пюпитромъ лектора и для другихъ меньшаго размѣра стола, стоявшихъ по бокамъ, были буквально сплошь завалены карто-

нами коллекціи Ѳ. А., составленной изъ громаднаго количества предметовъ, иллюстрирующихъ бытъ чуди, которая была предметомъ лекціи.

Прежде всего, въ краткомъ вступленіи къ своему сообщенію, г. Теплоуховъ указалъ на важное значеніе палео-этнологическихъ изслѣдованій, оказавшихъ существенныя услуги развитію исторической науки.

Первый вопросъ, на которомъ останавливается г. Теплоуховъ, касался тѣхъ, очень распространенныхъ среди историковъ прошлаго столѣтія, мнѣній, которыя отождествляли Великую Пермь нашихъ лѣтописей, т. е. сѣверо-западную часть нынѣшней Пермской губерніи съ славною Біармією, о могуществѣ и богатствѣ которой мы узнаемъ изъ сказаній исландскихъ сагъ.

Опредѣливши географическіе предѣлы территоріи пермской чуди, сбнимавшей собою на сѣверѣ Пермской губерніи долину рѣки Колвы, нижнее теченіе р. Вишеры, лѣвый берегъ р. Камы въ предѣлахъ Чердынскаго, Соликамскаго и Пермскаго уѣздовъ, весь правый берегъ Камы до границъ Вятской губерніи, кромѣ того часть Вологодской и Вятской губерній, г. Теплоуховъ далъ затѣмъ краткое опредѣленіе различныхъ памятниковъ, какъ признаковъ, указывающихъ на существованіе доисторическаго человѣка: городищъ, селищъ, костищъ и могильниковъ.

Уральское Общество переживало въ 1894 г. тяжелый экономическій кризисъ, но кризисъ этотъ не лишилъ его способности мечтать о лучшихъ временахъ и главнымъ образомъ о расширеніи и упорядоченіи своей издательской дѣятельности.

«Въ послѣдніе годы, все чаще и чаще стали поступать заявленія иногородныхъ членовъ Общества объ измѣненіяхъ и улучшеніяхъ, какія они желали бы ввести въ издательскую дѣятельность Общества. Вотъ главныя изъ этихъ желаній: вновь сдѣлать «Записки» Общества самостоятельнымъ изданіемъ, въ болѣе удобномъ форматѣ, выпускать по 3—4 книжки въ годъ, содержащія кромѣ протоколовъ засѣданій и статей гг. членовъ, свѣдѣнія о коллекціяхъ и предметахъ, поступившихъ въ музей, книжкахъ, полученныхъ для библіотеки, своды метеорологическихъ и сельско-хозяйственныхъ наблюденій, и т. п. Всѣ при этомъ высказываются за безплатную высылку «Записокъ» всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ, представившимъ свой взносъ за текущій годъ, а также всѣмъ сотрудникамъ, постояннымъ или случайнымъ, наблюденія или сообщенія которыхъ послужили матеріаломъ для этихъ «Записокъ». Вопросъ объ удовлетвореніи по возможности этихъ заявленій неоднократно обсуждался комитетомъ, но рѣшеніе его въ смыслѣ расширенія издательской дѣятельности Общества такъ тѣсно связано съ вопросомъ объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ, что не удалось еще выработать детальный проектъ преобразованія «Записокъ»... Музей Общества въ истекшемъ году продолжалъ упорядочиваться. По отдѣлу этнографіи систематизированы предметы быта различныхъ народностей, списокъ которыхъ готовится уже къ печатанію. По археологіи въ отчетномъ году получено нѣсколько прекрасныхъ предметовъ доисторической археологіи. Вся же коллекція по археологіи въ настоящее время приводится въ порядокъ и также предполагается изданіе каталога съ рисунками.

Въ предѣлахъ Поволжья съ особеннымъ удовольствіемъ можно остановиться на явленіяхъ, совершавшихся въ Симбирскѣ. Какъ всегда на Руси, научное оживленіе обнаружилось въ Симбирскѣ разомъ и неожиданно: прежде всего «Губернскія Вѣдомости» въ своемъ неоффиціальномъ отдѣлѣ дали рядъ статей, посвященныхъ этнографіи и исторіи мѣстнаго края, затѣмъ по иниціативѣ В. Н. Поливанова поднятъ вопросъ объ учрежденіи въ городѣ такъ нужной для губерніи архивной коммиссіи. Не получивши еще законной санкціи, будущая коммиссія уже приступила къ археологическому изученію губерніи.

Членъ-корреспондентъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. Н. Поливановъ, 25 іюня составилъ археологическую экскурсію для раскопокъ одного древняго кладбища, намѣченнаго имъ, близъ горы, гдѣ нѣкогда стояло Симбирское городище. Въ одной верстѣ отъ берега Волги и въ двухъ верстахъ за с. Кайбулъ, на скатѣ этой горы, который, подвергаясь дѣйствію дождей и вѣтра, терялъ постепенно свой верхній слой, замѣтны стали въ послѣднее время черепа человѣческихъ скелетовъ, а нѣкоторые изъ нихъ потоками дождевой воды были вымыты и отнесены къ подошвѣ горы; это обстоятельство и заставило начать изслѣдованіе мѣста.

Раскопки 28 могилъ этого кладбища, показали одинъ общій характеръ погребенія и общую всѣмъ могиламъ давность. Скелеты, вполнѣ сохранившіе свою цѣльность (за исключеніемъ, конечно тѣхъ, кости которыхъ были унесены потоками воды), положены были при погребеніи на спину, въ горизонтальномъ положеніи, головой къ сѣверо-западу, при чемъ она повернута такъ, что правая щека обращена внизъ. Остатки бывшаго дерева (гробъ досчатый или колода?) можно было опредѣлить лишь по коричневому оттѣнку земли (гнилушки). Разрытые скелеты были на глубинѣ около 4—6 вершковъ подъ поверхностью земли, что, впрочемъ, не указываетъ на глубину самаго погребенія, такъ какъ верхніе слои этой мѣстности, довольно сильно покатой, значительно уничтожены временемъ. Возлѣ нѣкоторыхъ скелетовъ найдены черепки глиняныхъ горшковъ, не имѣвшихъ, однако, никакихъ орнаментовъ; черепки эти обложены кругомъ головы.

Въ Саратовѣ въ истекшемъ году задумано крупное предпріятіе.

Членъ Императорскаго Географическаго общества, саратовскій землевладѣлецъ, Александръ Николаевичъ Минхъ предпринялъ весьма почтенный и обширный трудъ—составить историко-географическій словарь края. Въ словарь этотъ должны войти описанія городовъ, селъ, деревень, рѣкъ, урочищъ и т. д. Имъ уже изготовлена программа для предстоящей работы, не мало собрано и данныхъ. Программу г. Минхъ намѣренъ представить на просмотръ Географическаго Общества, для чего онъ рѣшилъ съѣздить лично въ Петербургъ.

Сообщивъ редакціи «Губ. Вѣд.» о задуманномъ имъ трудѣ, А. Н. разсчитывалъ встрѣтить содѣйствіе его прекрасной задачѣ, всѣхъ, кто, любя родной край, пожелалъ бы принести посильную лепту своимъ трудомъ, свѣдѣніями, знаніемъ въ этотъ будущій, полный интереса сборникъ, посвященный описанію родныхъ мѣстъ.

Для ознакомленія съ характеромъ предпринимаемой работы, А. Н.— прислалъ нѣсколько отдѣльныхъ страницъ своего труда для напечатанія въ «Губер. Вѣдом.».

Астрахань, Оренбургъ, Ташкентъ, Пенза, Тамбовъ, Нижній и Казань шли въ теченіе истекшаго года уже по проложенному и болѣе или менѣе торному пути, не заявивши себя какими-нибудь крупными предпріятіями, но и не обнаруживши признаковъ регресса. Картину научнаго движенія на В Россіи можно было бы дополнить указаніемъ той доли, которую внесла въ него областная печать—въ видѣ научныхъ сообщеній и статей, возбуждающихъ интересъ къ научнымъ учрежденіямъ и предпріятіямъ, но нашъ обзоръ безъ того уже растянулся и мы заканчиваемъ его въ твердой надеждѣ на то, что читатель вынесетъ изъ просмотра его бодрое чувство увѣренности относительно будущаго: интересующія насъ отрасли знанія пускаютъ все болѣе и болѣе крѣпкіе корни на русскомъ Востокѣ.

М. Смирновъ.

Е. М. Лебедевъ.

СПАССКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ КАЗАНИ.

(ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1895.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *И. Катановъ.*

(Отдѣльный оттискъ изъ XII и XIII тома «Извѣстій Общества Арх., Ист. и Этногр.» за 1895 г.).

Въ теченіи 340-лѣтняго существованія своего Спасскій монастырь пережилъ весьма многое. Многія судьбы Россіи и Казани въ особенности отразились на немъ. Многое также и онъ внесъ въ судьбы и порядки жизни Казанской области. Особенно это нужно сказать о первомъ столѣтіи существованія монастыря—при св. Варсонофіи и ближайшихъ его преемникахъ, изъ коихъ до 1628 года вышли три архіепископа и одинъ патріархъ. И въ послѣдующее время, особенно со времени митрополита Веніамина Грегоровича, въ немъ начали служеніе свое не мало просвѣщенныхъ іерарховъ. Наконецъ, съ 1854 г. его настоятелями были десять епископовъ. Все это говоритъ такъ или иначе о просвѣтительномъ значеніи Спасскаго монастыря. А сколько сдѣлано монастыремъ для экономическаго развитія Казани и для колонизаціи и обрусенія Казанскаго края—этого и не изобразить. Достаточно сказать, что Спасскій монастырь былъ виновникомъ возникновенія въ Казанскомъ краѣ трехъ монастырей (изъ которыхъ, правда, два уже не существуютъ теперь, но въ прошломъ конечно сослужили свою службу), многихъ церквей и еще большаго количества селеній (изъ нихъ одно теперь превратилось въ городъ). Историческое описаніе всего этого, безъ сомнѣнія, не лишено интереса какъ само по себѣ, такъ и потому, что можетъ послужить къ уясненію нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ прошлаго Казани, которая, къ слову, собирается въ скоромъ времени праздновать свой 500-лѣтній юбилей.

4 октября 1895 года исполняется ровно 300 лѣтъ со времени обрѣтенія мощей св. Гурія, перваго Казанскаго Архіепископа, и св. Варсонофія, перваго настоятеля Спасскаго монастыря. Миссіонерская просвѣтительная дѣятельность этихъ святителей неразрывно связывается съ Спасскимъ монастыремъ, которому поэтому теперь именно всего естественнѣе оборотиться на свое прошлое.

Но прошлое его доселѣ было весьма мало извѣстно, такъ какъ монастырь не имѣлъ своей исторіи, кромѣ краткихъ и неполныхъ записокъ о немъ, составленныхъ еще въ прошломъ столѣтіи настоятелемъ его, архимандритомъ Платономъ Любарскимъ. Озабоченный этимъ, въ 1892 г., настоятель—преосвященный Никаноръ, нынѣ епископъ Архангельскій и Холмогорскій, представилъ въ совѣтъ Казанской Духовной Академіи, имѣвшей когда то пребываніе въ Спасскомъ монастырѣ, 100 руб. для преміи тому изъ студентовъ Академіи, который предметомъ своего курсоваго сочиненія изберетъ исторію Спасскаго монастыря. Въ то же время, чтобы облегчить, насколько возможно, трудъ составленія исторіи, онъ напечаталъ нѣкоторые древнія грамоты Спасскаго монастыря и привелъ въ порядокъ архивъ съ составленіемъ описи ему.

Откликомъ, хотя можетъ быть и слабымъ, на этотъ призывъ и является настоящій трудъ.

При составленіи его авторъ пользовался какъ данными исторіи Казанскаго края вообще (исторіи, весьма смутной, нужно замѣтить), такъ въ частности свѣдѣніями, относящимися спеціально до Спасскаго монастыря и заключающимися въ древнихъ актахъ и грамотахъ (напечатанныхъ и не напечатанныхъ), въ запискахъ о Спасскомъ монастырѣ преосвященнаго Платона Любарскаго и въ разныхъ описяхъ и архивныхъ бумагахъ, сохранившихся однако лишь съ конца прошлаго вѣка.

Е. Лебедевъ.

Февраля 7 дня 1895 г.

ОСНОВАНІЕ СПАССКАГО МОНАСТЫРЯ И ОСНОВАТЕЛЬ ЕГО СВ. ВАРСОНОФІЙ.

Возникновеніе Спасопреображенскаго мужскаго монастыря въ Казани относится къ самымъ первымъ годамъ русскаго здѣсь владычества. Какъ извѣстно, Казань пала предъ русской державой 2-го октября 1552 года; но недостаточно было побѣдить ее однимъ внѣшнимъ оружіемъ, нужно было одержать надъ нею побѣду духовную,—просвѣтить свѣтомъ христіанства ея темный мусульманско-языческій край, безъ чего побѣда внѣшняя, физическая была не крѣпка. Для этого приходилось вести новую борьбу съ Казанью, продолжительную и упорную, которая должна была заключаться въ нравственномъ и умственномъ воздѣйствіи на магометанъ и язычниковъ и побѣждать сердца ихъ силою духовныхъ подвиговъ. Однимъ изъ лучшихъ средствъ къ такой борьбѣ, по открытіи въ Казани епархіи, было учрежденіе здѣсь монастырей, въ которыхъ сосредоточивалось тогда и христіанское просвѣщеніе, и благочестіе, и даже нѣкоторыя знанія изъ практической области, — вообще вся тогдашняя русская культура. Впрочемъ, въ первые три года по взятіи Казани открыть духовную борьбу противъ нея оказалось еще несвоевременнымъ и невозможнымъ: какъ только царь Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Казани (11 окт. 1552 г.), такъ вскорѣ же начались здѣсь измѣны и мятежи, противъ которыхъ воеводы казанскіе вынуждены были употреблять

лишь мечъ и висѣлицу [1]). Только въ 1555 г. волненія нѣсколько притихли, и царь рѣшилъ приступить къ мѣрамъ духовной борьбы съ Казанью,—къ устроенію въ ней церковныхъ дѣлъ. Въ апрѣлѣ этого года созванъ былъ въ Москвѣ соборъ русскихъ святителей, на которомъ рѣшено было учредить въ Казани архіепископію съ избраніемъ на нее св. Гурія [2]). На этомъ же соборѣ предрѣшено было существованіе въ Казани Спасопреображенскаго монастыря, братія котораго во главѣ со своимъ настоятелемъ должны были быть ближайшими помощниками св. Гурія въ многотрудномъ дѣлѣ управленія и просвѣщенія казанской новой епархіи. На трудный постъ настоятеля еще только долженствовавшаго быть устроеннымъ Спасскаго монастыря и не менѣе трудный постъ ближайшаго помощника св. Гурію въ управленіи еще совсѣмъ не опредѣлившейся паствой избранъ былъ Пѣшношскій игуменъ св. Варсонофій.

Первымъ біографомъ св. Варсонофія былъ митрополитъ казанскій Гермогенъ, потомъ Всероссійскій патріархъ. Его рукописное „Житіе и жизнь иже во святыхъ отецъ нашихъ Гурія, перваго архіепископа новопросвѣщеннаго града Казани, и Варсонофія, епископа тферскаго, казанскихъ чудотворцевъ“, разошедшееся по Руси во множествѣ списковъ, послужило источникомъ свѣдѣній о св. Варсонофіи какъ для пролога и Четьихъ-Миней, такъ и для позднѣйшихъ его біографовъ—Елисеева, Филарета, митрополита Григорія. Только немногія позднѣйшія открытія и изслѣдованія пополняютъ эти свѣдѣнія. Но извѣстія объ обстоятельствахъ жизни св. Варсонофія, сообщаемыя Гермогеномъ, не могутъ быть признаны полными. Въ предисловіи къ своему труду Гермогенъ самъ сознается, что онъ не нашелъ людей, которые бы знали свв. Гурія и Варсонофія отъ младенчества, и, значитъ, не могъ сообщить подробностей изъ

---

[1]) Исторія Карамзина т. VIII, стр. 217.

[2]) Церков. Исторія Макарія т. VI, стр. 337.

до-казанской жизни св. Варсонофія [1]). Но и казанскую жизнь его Гермогенъ описываетъ, какъ оказывается, тоже въ общихъ чертахъ, не указывая никакихъ почти подробностей его дѣятельности здѣсь, хотя и не могъ не знать ея, какъ казанскій житель и почти современникъ св. Варсонофія. Произошло это конечно отъ того, что при написаніи „житія" Гермогенъ держался общихъ пріемовъ, какіе употреблялись тогда въ жизнеописаніяхъ святыхъ, именно восхваленія святого въ общихъ чертахъ, по общепринятому шаблону. Поэтому, при литературномъ искусствѣ и изяществѣ, повѣсть Гермогена о св. Варсонофіи, скудна фактами, которыхъ въ теченіи семнадцатилѣтняго пребыванія святителя въ Казани, конечно, было не мало [2]).

Св. Варсонофій родился въ г. Серпуховѣ, московской губерніи, отъ іерея Василія и при святомъ крещеніи названъ былъ Василіемъ же. Отъ природы онъ одаренъ былъ глубокимъ умомъ, мягкимъ и чувствительнымъ сердцемъ и кроткимъ нравомъ. Грамотѣ онъ научился отъ одного мудраго и благочестиваго мужа, имя котораго осталось неизвѣстнымъ [3]). Безъ сомнѣнія, еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ Василій почувствовалъ расположеніе къ монашеской жизни, каковое расположеніе могло быть навѣяно какъ общимъ духомъ того времени, такъ и чтеніемъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія. Дальнѣйшія обстоятельства его жизни укрѣпили въ немъ подобныя чувствованія. Не успѣлъ отрокъ Василій достигнуть совершеннолѣтія, какъ взятъ былъ въ плѣнъ крымскими татарами во время ихъ разбойническаго набѣга на московскую область въ 1512 году. Три года пришлось пробыть ему въ тяжкой неволѣ и не мало утереть поту и слезъ отъ непосильныхъ трудовъ, отъ обидъ и тоски по родинѣ. Но оторванный отъ

---

[1]) «Житіе» по сборнику Любарскаго, стр. 8.

[2]) Ключевскій, «Древне-русскія, житія, какъ историческій источникъ», стр. 305.

[3]) М. Григорій, «Житіе св. Святителей Христовыхъ Гурія, Варсонофія и Германа, стр. 55.

родныхъ, оставшись совершенно безъ всякаго руководства и нравственной поддержки, даровитый отрокъ не потерялся, а напротивъ, съумѣлъ извлечь пользу для себя и изъ самаго своего несчастія: во время плѣна онъ изучилъ бытъ и нравы татаръ, ихъ преданія и религіозныя вѣрованія и, что важнѣе всего, узналъ ихъ языкъ и грамоту—„извыкъ до конца бусорманскій языкъ и грамоту сарацинскую“, какъ выражается о немъ Гермогенъ. Кромѣ того, жизнь въ рабствѣ пріучила Василія къ труду, постоянному и неустанному, къ терпѣнію, къ безмолвному перенесенію обидъ и къ безпрекословному повиновенію старшимъ. Наконецъ, та же неволя и жизнь на чужбинѣ усилила его религіозное чувство, пріучила во всемъ обращаться за помощію къ Богу и побудила его произнести обѣтъ монашества.—Своимъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и незлобіемъ, а также своею религіозностью Василій препобѣдилъ грубость татаръ, смягчилъ сердца своихъ господъ, и жизнь его подъ конецъ плѣна во многомъ сдѣлалась сноснѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ отецъ его узналъ его мѣстопребываніе и выкупилъ его изъ неволи. Василій возвратился на родину, но не долго оставался у себя дома: его влекло къ нравственнымъ подвигамъ, къ выполненію даннаго имъ обѣта. Влекомый этимъ чувствомъ, онъ отправился въ Москву и здѣсь постригся въ Андрониковомъ монастырѣ съ именемъ Варсонофія [1]). Въ званіи инока св. Варсонофій оказался, какъ нельзя болѣе, на своемъ мѣстѣ: онъ, по свидѣтельству Гермогена, прекрасно читалъ и пѣлъ, выполнялъ всѣ требованія монашескаго устава и велъ самую благочестивую, подвижническую жизнь. Все это сдѣлало то, что онъ прослылъ въ Москвѣ за лучшаго и достойнѣйшаго инока; имя его сдѣлалось извѣстнымъ не только митрополиту, но и самому царю, и онъ поставленъ былъ въ

[1]) Въ «житіи» Гермогена упоминается вскользь о бытіи св. Варсонофія діакономъ при епископѣ Тверскомъ Акакіи (Люб. стр. 27); но нужно думать, что это было уже послѣ постриженія св. Варсонофія, и, значитъ, онъ былъ уже іеродіакономъ.

игумена Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря близъ Москвы. Но пока случилось это, прошло, нужно полагать, не мало уже времени: св. Варсонофію было уже около 50 лѣтъ и не менѣе 25 лѣтъ прошло со времени его постриженія.

Въ чинѣ настоятеля Пѣшношскаго монастыря св. Варсонофій сдѣлалъ много добраго сему монастырю какъ въ нравственномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи. Благоразумной строгостью и личными примѣрами въ продолженіи десятилѣтняго управленія монастыремъ онъ возвысилъ прежде всего нравственный уровень пѣшношской братіи, нѣкоторыхъ членовъ которой такъ полюбилъ, что взялъ ихъ потомъ съ собою въ Казань. Мы встрѣтимся еще съ этими пѣшношскими постриженниками. Фактъ послѣдованія ихъ за св. Варсонофіемъ служитъ, кажется, хорошимъ и наглядным доказательствомъ того, что и онъ, въ свою очередь, пользовался любовію своихъ подчиненныхъ, ибо въ противномъ случаѣ врядъ ли кто изъ нихъ согласился бы идти съ нимъ въ невѣдомую, только что завоеванную страну, которая въ это время раздираема была возстаніями и относительно которой до 1557 года самъ царь не былъ увѣренъ, что удержитъ ее за собой [1]). Такимъ образомъ, идти въ эту землю, гдѣ ежечасно можно было подвергнуться опасности, попасть въ плѣнъ къ татарамъ, и въ монастырь, который еще только нужно было устроять,—идти туда представлялось не малымъ подвигомъ. Только любовь способна на такіе подвиги и только она одна преодолѣваетъ такія трудности.—Въ матеріальномъ отношеніи св. Варсонофій оказалъ большую услугу Пѣшношскому монастырю тѣмъ, что пріобрѣлъ и укрѣпилъ законнымъ образомъ за монастыремъ многія владѣнія, обезпечившія существованіе монастыря. Въ 1553 году Пѣшношскій монастырь посѣтилъ самъ царь Иванъ Васильевичъ—частію во исполненіе обѣта, даннаго имъ во время болѣзни, частію же для того, чтобы получить благословеніе отъ

---

[1]) Истор. Карамзина, т. VIII, стр. 200—201, 217, по изд. 1817 г.

уважаемаго настоятеля. Въ знакъ особаго благоволенія своего къ св. Варсонофію царь пожаловалъ Пѣшношской обители къ ея прежнимъ владѣніямъ еще одно богатое дворцовое село Суходолъ съ угодьями [1]). Наконецъ, оставались долгое время и нѣкоторые другіе вещественные памятники въ монастырѣ, свидѣтельствовавшіе о славномъ игуменствѣ св. Варсонофія [2]).

Въ 1555 году учреждена была, какъ мы уже и упоминали, новая архіепископія—Казанская. Въ архіепископы избранъ былъ св. Гурій, достойнѣйшій изъ всѣхъ и способнѣйшій къ устроенію новой епархіи. Не менѣе достойные требовались и помощники ему въ его трудномъ дѣлѣ. Они были избраны по указанію царя и желанію св. Гурія. Въ числѣ ихъ оказался вмѣстѣ со Старицкимъ игуменомъ св. Германомъ Пѣшношскій игуменъ св. Варсонофій.

Въ актахъ, касающихся Пѣшношскаго монастыря, игуменъ Варсонофій упоминается въ послѣдній разъ въ 1554 году. Въ началѣ слѣдующаго года онъ, по всей вѣроятности, вызванъ былъ въ Москву на соборъ для избранія св. Гурія, и здѣсь послѣдовало его повое назначеніе и возведеніе въ санъ архимандрита [3]). Мы имѣли случай говорить—какая перспектива ожидала въ Казани иноковъ, вызвавшихся изъ благоустроеннаго Пѣшношскаго монастыря идти въ Казань. Тоже и даже еще больше нужно сказать и о св. Варсонофіи: если требовалась самоотверженная любовь къ дѣлу со стороны простыхъ иноковъ, то еще большею любовію долженъ былъ обладать настоятель, руководитель дѣла. Но св. Варсонофій не убоялся

---

[1]) См. Описаніе Пѣшношскаго монастыря Калайдовича—въ церк. ист. сборникѣ, кн. 9, стр. 36—39; Кудрявцева—исторію монашества въ сѣверо-вост. Руси, стр. 145; Карамзинъ, т. VIII, стр. 213.

[2]) Въ память игуменства св. Варсонофія на Пѣшноши Казанскимъ архіепископомъ Амвросіемъ II (1816—1826) послана была въ Пѣшношскій монаст. икона свв. Гурія, Варсонофія и Германа съ частицею мощей. Калайдовичъ, Описаніе Пѣшн. мон., стр. 101.

[3]) Житіе святыхъ Рос. церкви. Октябрь, стр. 33.

трудностей и опасностей предстоявшаго ему дѣла. Исходатайствовавъ лишь у царя несудимую грамоту, обезпечивавшую ему извѣстный просторъ дѣятельности въ Казани, онъ съ любовію согласился на новое свое назначеніе. Въ Казань отправился онъ вмѣстѣ со св. Гуріемъ; это видно изъ того, что на соборѣ 1555 г. постановлено было дать Казанскому архіепископу только двухъ архимандритовъ: одного въ Свіяжскъ, другого въ Казань [1]); при описаніи же проводовъ св. Гурія (26 мая 1555 г.) говорится, что св. Гурій отправлялся съ архимандритами и игуменами [2]). Подъ архимандритами здѣсь, конечно, разумѣются не кто иные, какъ св. Германъ и св. Варсонофій. Будучи такимъ образомъ въ свитѣ св. Гурія, св. Варсонофій имѣлъ при себѣ и свою собственную свиту, состоявшую изъ вышеупоминавшихся иноковъ, и подобно св. Гурію, отправлявшемуся, какъ сказано въ лѣтописяхъ, „съ образы“, несъ съ собою и нѣкоторыя принадлежности будущаго Спасскаго монастыря и прежде всего уставъ монастырскій, писанный его рукою (тогда еще не доконченный).

Съ прибытіемъ св. Варсонофія въ Казань начинается плодотворная дѣятельность его здѣсь въ должности ближайшаго помощника и сотрудника св. Гурія. Къ сожалѣнію, дѣятельность эта ближайшимъ біографомъ его—Гермогеномъ описывается лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, безъ всякихъ подробностей, такъ что о ней приходится дѣлать только общія замѣчанія и соображенія. Дѣятельность св. Варсонофія въ Казани состояла прежде всего въ миссіонерскихъ трудахъ. Въ первые два года по прибытіи, когда еще не было приступлено къ построенію Спасскаго монастыря, св. Варсонофій, по всей вѣроятности, исключительно посвятилъ себя этого рода дѣятельности. Подновивъ въ своей памяти знаніе татарскаго языка, онъ, безъ сомнѣнія, сразу сталъ лучшимъ и плодотвор-

---

[1]) Ник. Лѣт. т. 7, стр. 231.

[2]) Тамъ же т. 7, стр. 245.

нѣйшимъ миссіонеромъ. Гермогенъ свидѣтельствуетъ о немъ, что онъ „бѣ стязаяся съ невѣрными, и укоряя, и препирая, и ко крещенію приводя, уча и наказуя вѣровати во св. Троицу— Отца и Сына и Св. Духа“ [1]). Но извѣстно, что недостаточно бываетъ проповѣдывать только словомъ: безъ любви и преданности дѣлу, безъ готовности пострадать за него и безъ личныхъ добрыхъ качествъ никакая проповѣдь, будь она краснорѣчива, какъ рѣчь ангельская, не преклонитъ сердца и умы невѣрныхъ. Св. Варсонофій удовлетворялъ всѣмъ этимъ требованіямъ. Онъ былъ не просто миссіонеръ, но миссіонеръ-подвижникъ, герой духа, всегда первый исполнявшій то, чего требовалъ отъ другихъ. Онъ былъ во всемъ и для всѣхъ „образъ къ добродѣтели“, „постомъ и молитвою и слезами и бдѣніемъ и всенощнымъ стояніемъ тѣло свое удручая“ [2]). Наконецъ, не малымъ подспорьемъ въ этомъ дѣлѣ служило для св. Варсонофія нѣкоторое знаніе имъ врачебнаго искусства [3]); это знаніе позволяло ему вмѣстѣ съ духовными болѣзнями, не пріемля мзды, врачевать и тѣлесныя, что не могло не привлекать къ нему сердца людей. Миссіонерская дѣятельность св. Варсонофія была, безъ сомнѣнія, весьма плодотворна: онъ многихъ изъ татаръ обратилъ на путь истины, хотя мы, отдѣленные отъ его времени вѣками, и не знаемъ именъ этихъ обращенныхъ. Еще до прибытія свв. Гурія и Варсонофія существовалъ въ Казани особый разрядъ людей—„новокрещены“, т. е. вновь обратившіеся изъ татаръ [4]), съ прибытіемъ же ихъ эти новокрещенные должны были получить большее просвѣщеніе и наученіе вѣрѣ и умножиться въ своемъ числѣ.

Въ апрѣлѣ 1557 года пришло въ городъ Казань къ святителю Гурію отъ царя Ивана Васильевича письмо, которымъ

---

[1]) «Житіе» въ Сборникѣ П. Любарскаго, стр. 26.

[2]) Тамъ же.

[3]) Люб. стр. 27.

[4]) Ник. Лѣт., 7, стр. 227.

онъ позволялъ взять для церковныхъ нуждъ земельныхъ участковъ „изъ арскихъ, ногайскихъ и нагорныхъ волостей, пустыхъ да гожихъ, сколько пригоже“ [1]) и денегъ изъ казны 300 рублей. Въ это же время митрополитъ Макарій прислалъ нѣкоторыхъ нужныхъ св. Гурію людей, а царица Анастасія уговорила идти въ Казань, „икономазовъ“, давъ имъ отъ себя сто рублей [2]), Теперь только, когда обѣщано было обезпеченіе, получилась возможность приступить къ построенію давно проэктированнаго Спасскаго монастыря [3]). Мѣсто для него

---

[1]) Продолженіе древн. росс. Вивліоѳики, т. 5, стр. 243.

[2]) Тамъ же.

[3]) Значитъ, къ этому времени, т. е. къ половинѣ 1557 года и нужно относить основаніе Спасскаго монастыря, а не къ 1556 г., каковымъ помѣчается обыкновенно основаніе монастыря въ исторіяхъ (напр. Истор. Рос. іер. т. V, стр. 627; церков. ист. Макарія 7, кн. 2 стр. 25; сборникъ Любарскаго, стр. 43; Указатель историческихъ достопримѣчательностей г. Казани, Шпилевскаго—въ Извѣстіяхъ о занятіяхъ IV археолог. съѣзда въ Казани—стр. 58 и пр.). Что именно не ранѣе второй половины 1557 года приступлено было къ построенію Спасскаго монастыря, это видно изъ слѣдующаго: въ Мартѣ (по всей вѣроятности) 1557 г. св. Гурій въ письмѣ къ Ивану Грозному описывалъ дѣятельность свою въ Казани и просилъ у него матеріальныхъ средствъ на церковныя нужды. На эту просьбу Грозный отвѣчалъ извѣстнымъ письмомъ своимъ св. Гурію отъ 5-го апрѣля, въ которомъ между прочимъ говоритъ: «писалъ еси ты ко мнѣ: въ данной тебѣ отъ Бога и отъ насъ паствѣ, во градѣ Казани сострояешь монастырь, его же азъ начахъ и другіе хощеши строити» (Продолж. древн. рос. Вивліоѳики т. V стр. 241). Подъ монастыремъ, который началъ строить Грозный, разумѣется, конечно, Зилантовъ монастырь, заложенный царемъ еще въ 1552 году на мѣстѣ погребенія русскихъ воиновъ, убитыхъ при взятіи Казани, и впослѣдствіи перенесенный на Зилантову гору;—подъ другими же монастырями, которые намѣревался построить св. Гурій, разумѣется прежде всѣхъ Спасскій монастырь, самый старѣйшій въ Казани, послѣ Зилантова. Итакъ въ первые годы по прибытіи въ Казань, до половины 1557 года, св. Гурій занимался устроеніемъ лишь Зилантова монастыря, а къ построенію Спасскаго намѣренъ былъ только приступить. Съ другой стороны, если считать основаніе Спасскаго монастыря отъ начала образованія корпораціи его, т. е. настоятеля и братіи, то основаніе его нужно отнести къ началу 1555 г., которымъ помѣчена несудная грамота св. Варсонофію, именующая его уже «благолѣпнаго преображенія архимандритомъ», къ каковому году и относитъ основаніе монастыря

указано было царемъ въ той части города, которая съ 1555 года псковскими каменьщиками превращалась, по распоряженію царя, въ „каменный городъ"—кремль [1]). Такимъ образомъ мѣсто это было и безопасное и почетное. Прежде всего, конечно, былъ выстроенъ для монастыря храмъ во имя Преображенія Господня, деревянный на каменномъ фундаментѣ; а затѣмъ до 15-ти небольшихъ келлій для братіи. Въ построеніи и украшеніи храма, какъ и всего вообще монастыря, св. Варсонофій принималъ дѣятельное участіе: не довольствуясь суммой, отпущенной изъ казны, онъ прибавлялъ на это дѣло и свои средства, изыскивать которыя въ то время было не легко въ Казани, населенной большею частію случайными жильцами-стрѣльцами и годовальщиками. Жертвы св. Варсонофія и его братіи на храмы были, очевидно, весьма значительны. По крайней мѣрѣ это съ необходимостью вытекаетъ изъ того, что Писцовая книга по Казани за 1566—1568 гг. монастырь считаетъ строеніемъ не только Государя, но и

г. Строевъ (См. Списки іерарховъ и настоятелей... стр. 293; Несудная грамота св. Варсонофію напечатана въ Сбори. Любарскаго, стр. 55),

Происхожденіе ошибки въ опредѣленіи года основанія Спасскаго монастыря ведетъ начало свое, какъ кажется, отъ перваго историка Спасскаго монастыря Платона Любарскаго. Въ его сборникѣ основаніе Спасск. монастыря отнесено къ 7064, т. е. 1556 г.; выпискою изъ этого сборника, посланнаго въ Св. Синодъ еще въ 1781 г., пользовался составитель Исторіи рос. іерархіи и, увидѣвъ, что тамъ основаніе спасск. м. отнесено къ 1556 году, вышеупомянутое письмо Грознаго св. Гурію помѣтилъ 7063 годомъ, т. е. 1555 г., вмѣсто 7065 г., какъ напечатано было въ Продолженіи древней рос. Вивліоѳики (ч. V стр. 241) и какъ должно быть на самомъ дѣлѣ. Но такая его поправка (а не опечатка по всей вѣроятности) ведетъ къ прямой несообразности, такъ какъ предполагаетъ написаніе письма еще въ то время, когда св. Гурій былъ въ Москвѣ а Казани еще и не видалъ (письмо Грознаго помѣчено 5 апрѣля, а св. Гурій отбылъ изъ Москвы въ Казань 26-го мая. Письмо Грознаго въ Исторіи рос. іер. напечатано въ VI томѣ, стр. 528—531).

[1]) Дополненіе къ акт. истор., т. 1, № 82.

„Спасскаго архимандрита съ братіею“ и указывастъ затѣмъ образа и вещи „архимандричья поставленія“ [1]).

Съ построеніемъ храма и келлій монастырь вступилъ въ свое существованіе уже окончательно. Но во внѣшней жизни его скоро встрѣтились весьма важныя затрудненія, которыя архимандриту нужно было такъ или иначе устранить.

Дѣло въ томъ, что храмъ во имя Преображенія Господня былъ холодный, безъ печей, между тѣмъ какъ въ Казани такія суровыя и продолжительныя зимы. Выполнять монастырскій уставъ при богослуженіи въ зимнее время оказалось почти невозможнымъ. Приходилось позаботиться о другой церкви для монастыря—теплой и въ видахъ экономіи меньшихъ размѣровъ. Для построенія этой церкви св. Варсонофій воспользовался, нужно думать, пребываніемъ въ Казани казенныхъ каменщиковъ, которыми изъ того же матеріала, изъ котораго строился кремль, и сложенъ былъ въ монастырѣ небольшой храмъ во имя св. Николая Чудотворца Ратнаго съ трапезою. Съ этого времени получилась полная возможность къ выполненію общежительнаго устава. Но на ряду съ этимъ возникло новое затрудненіе: оказалось, что монастырю отведено слишкомъ мало мѣста. Прежде всего, не лано было двора для монастырскихъ служекъ и дѣтей ихъ. Архимандритъ прикупилъ для этой цѣли сосѣдній частный дворъ, но онъ былъ столь малъ, что былъ не дворъ, а „дворишко“. Далѣе, число братіи монастырской возрастало: нужно было строить келліи, а мѣста для нихъ не было. За разрѣшеніемъ этого недоразумѣнія, а также и нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, св. Варсонофій самъ въ 1562 году ѣздилъ въ Москву и привезъ отъ царя грамоту [2]), которой повелѣвалось прибавить монастырю мѣста „сколько пригоже“, заплативъ владѣльцамъ этого мѣста „чѣмъ цѣловальники оцѣнятъ“.

---

[1]) См. Списокъ съ Писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ за 1566—1568 гг., стр. 24—30. Изданіе Казанской Академіи. Казань. 1877 г.

[2]) Грамота напечатана въ Сборн. Любар., стр. 52—55.

Этою же грамотою удовлетворялись еще двѣ просьбы св. Варсонофія. Именно: вскорѣ по основаніи монастыря на содержаніе его отведены были, между прочимъ, села Клыкъ и Куюкъ; отъ этихъ селъ царскіе приставники оттягали къ дворцовымъ селамъ Салмачамъ и Дертюлямъ луга, не давъ монастырю ничего взамѣнъ ихъ. Св. Варсонофій билъ челомъ царю дать взамѣнъ луговъ этихъ луга противъ Казачьяго острова, каковая просьба и удовлетворялась царемъ. Другая просьба заключалась въ жалобѣ св. Варсонофія царю на нѣкоего Прошку Огарева, который взялъ рубль монастырскихъ денегъ на медъ и ни меду не везъ, ни денегъ не возвращалъ,— и на крестьянина села Царицына Ивана, взявшаго два рубля на лѣсъ и поступившаго, какъ и первый. Царь велѣлъ „доправить“ деньги съ этихъ крестьянъ и отдать архимандриту.

Столь близко къ сердцу принималъ св. Варсонофій матеріальные интересы своей обители. Но, безъ сомнѣнія, еще дороже для него была духовная, внутренняя жизнь монастыря. Строгая и справедливая въ силу духовной прозорливости и многолѣтняго опыта разборчивость при пріемѣ новыхъ братій, неуклонное выполненіе монастырскаго общежительнаго устава, наблюденіе за нравственнымъ состояніемъ подчиненныхъ и ихъ занятіями—все это составляло главный интересъ въ жизни св. Варсонофія. Св. Варсонофій училъ братію и управлялъ ею не столько словомъ и прещеніемъ, сколько личнымъ примѣромъ и неуклоннымъ выполненіемъ съ своей стороны всего того, чего требовалъ отъ другихъ. Его начальническая строгость умѣрялась любовію къ меньшей братіи и всегдашней готовностью самому служить на пользу ближнимъ и быть „всѣмъ вся.“ Такой родъ ученія и управленія—самый дѣйствительный. Оттого нравственный уровень его подчиненныхъ стоялъ высоко. Но объ этомъ мы скажемъ особо въ своемъ мѣстѣ. Теперь же для полноты мы должны разсмотрѣть еще отношенія св. Варсонофія къ его высшему начальнику св. Гурію. Эти отношенія Гермогенъ описываетъ такъ: „къ преподобному же святителю Гурію Варсонофій архимандритъ пияше во всемъ

послушаніе, и духовный союзъ, и любовь нелицемѣрну, и во всемъ повинуяся и совопрошаяся, и съ молитвою и со благословеніемъ его вся творяше". [1]) Между ними царила неразрывная дружба. Св. Варсонофію суждено было и приготовить друга своего къ смерти и погребсти его своими руками въ своемъ монастырѣ, возложивъ на него за два дня до смерти схиму. Въ гробъ его онъ положилъ въ доказательство своего расположенія къ нему тотъ клобукъ, который онъ вязалъ ему своими руками и не успѣлъ закончить за его смертію. Архіепископъ св. Гурій скончался 4 декабря 1563 года. Святителю Варсонофію пришлось послѣ его смерти управлять Спасскимъ монастыремъ еще три года, пока въ 1567 году не послѣдовало назначеніе его на каѳедру епископа Тверского.

Время назначенія св. Варсонофія на Тверскую каѳедру долго указывалось неправильно. Такъ, въ нѣкоторыхъ рукописныхъ житіяхъ, спискахъ съ житія, составленнаго Гермогеномъ, утверждается прежде всего, что св. Варсонофій былъ посвященъ во епископа митрополитомъ Аѳанасіемъ [2]); но это невѣрно; св. Варсонофій не могъ быть назначенъ епископомъ Тверскимъ при митрополитѣ Аѳанасіи (1564—1566), ибо при немъ епископомъ Тверскимъ былъ Акакій; онъ же былъ во время поставленія преемника Аѳанасію св. Филиппа. На соборѣ, по случаю избранія Филиппа, Акакій не былъ, и лѣтописецъ замѣтилъ о немъ: „а тверской Акакій бяше въ болѣзни и въ старости" [3]).

Далѣе годомъ избранія св. Варсонофія на Тверскую епископію въ нѣкоторыхъ рукописяхъ считается 7070, т. е. 1562-й, что прямо противорѣчитъ разсказу тѣхъ же житій, объ участіи св. Варсонофія въ погребеніи св. Гурія и о бытіи его тогда архимандритомъ Спасскаго монастыря. Въ иныхъ спискахъ [4])

[1]) «Житіе» въ Сбор. Люб., стр. 26.

[2]) Житіе по Люб., стр. 27.

[3]) Карамз. т. IX прим. 177.

[4]) Какъ, напр., и въ спискѣ «житія», хранящагося въ библіотекѣ Каз. духов. Академіи за № 1664.

житія при означеніи года (7070) послѣ написанія тысячъ и десятковъ (по слав. „ЗО") оставлено мѣсто для одной цифры; на этомъ основаніи предполагаютъ, что авторъ житія не зналъ точно года избранія св. Варсонофія въ епископы и въ своемъ автографѣ оставилъ для написанія его пробѣлъ. Только въ рукописи, хранящейся въ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ, и одной древней Петербургской рукописи годъ рукоположенія св. Варсонофія указанъ правильно, т. е. 1567-й; на основаніи чего дѣлаютъ предположеніе, что Гермогенъ, авторъ „житія", узналъ съ точностью годъ этотъ, уже будучи въ Москвѣ, и тутъ только означилъ его въ своей рукописи, а всѣ другіе списки съ неправильнымъ указаніемъ суть копіи „житія", списанныя еще въ бытность Гермогена въ Казани [1]). —Въ печатныхъ трудахъ годъ рукоположенія св. Варсонофія тоже указывался неодинаково. Въ исторіи Росс. іерархіи, напр., годъ этотъ почему то обозначенъ 1563 [2]), а казанскій археологъ прот. Заринскій думаетъ, что уже въ 1566 году св. Варсонофій былъ епископомъ въ Твери [3]). Къ такому мнѣнію привело его очевидно разсмотрѣніе писцовыхъ книгъ по г. Казани 1566—1568 гг.; въ нихъ архимандритомъ Спасскаго монастыря числится преемникъ св. Варсонофія Іеремія. Но онъ упоминается лишь при описаніи посада (48 стр.), составленномъ въ 1568 году, ибо въ немъ 7075 годъ, т. е. 1567, считается уже истекшимъ (стр. 48 и 56), и при описаніи „Казанскаго уѣзда селъ и деревень", составленномъ въ 1567 году, какъ это явствуетъ изъ заголовка. Изъ писцовыхъ книгъ только книга „казанскаго торгу" составлена въ 1566 году, но въ этой книгѣ архимандритъ Спасскаго монастыря не упоминается. Поэтому, на основаніи писцовыхъ книгъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ 1566 г. св. Варсонофій не былъ архимандритомъ въ

---

[1]) М. Григорій. Житія свв. Гурія, Варсонофія и Германа, стр. 84.

[2]) Т. V, стр. 635.

[3]) Очерки древней Казани, стр. 104.

Казани. Напротивъ, нужно предположить, что онъ оставался въ этомъ званіи въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ и слѣдующаго 1567 года, потому что предшественникъ св. Варсонофія по Тверской каѳедрѣ еп. Акакій умеръ только 14 января 1567 года и ни откуда не видно, чтобы въ должности своей онъ оставался не до самой своей кончины. Вышеупомянутое замѣчаніе лѣтописца о небытіи Акакія при поставленіи митрополита Филиппа, каковое поставленіе происходило 25 іюля 1566 года, говоритъ весьма ясно за то, что по крайней мѣрѣ во второй половинѣ 1566 г. Тверскимъ епископомъ былъ Акакій.

Такимъ образомъ, св. Варсонофій получилъ новое назначеніе не ранѣе начала 1567 года; но это назначеніе послѣдовало и не позже октября 1568 года, потому что 2-го ноября того года онъ освящалъ уже церковь въ Тверскомъ Оршинѣ монастырѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ антиминсъ съ его подписью, найденный въ 1845 году на престолѣ означенной церкви подъ срачицею [1]).

Пребываніе св. Варсонофія въ Твери, хотя и кратковременное, было, конечно, стольже благотворнымъ для окружающихъ, какъ и жизнь его въ Казани. Святой старецъ оказался, какъ нельзя болѣе, на своемъ мѣстѣ и вполнѣ на высотѣ своего призванія. Мудрый администраторъ—онъ, по выраженію Гермогена, „добрѣ пасъ словесное стадо Христовыхъ овецъ и, умножая талантъ Господина своего, пребывалъ попрежнему въ аскетическихъ подвигахъ“. Въ Твери онъ особенно прославился, какъ опытный безмездный врачъ тѣлесныхъ недуговъ и мудрый совѣтникъ въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ,— „пріятъ отъ Бога благодать разсужденія“, какъ выразился Гермогенъ. Кромѣ обычныхъ своихъ занятій по должности, св. Варсонофій продолжалъ заниматься здѣсь и личнымъ физическимъ трудомъ: онъ вязалъ греческіе клобуки и посылалъ ихъ братіи любимаго своего Спасскаго монастыря, прося молитвъ за себя предъ Богомъ [2]).

---

[1]) Біографіи твер. іерарховъ, стр. 62.

[2]) Житіе по Люб., стр. 28.

Святителю Варсонофію во время 3—4 лѣтняго пребыванія его на отвѣтственномъ постѣ епископа суждено было пережить слишкомъ много горькихъ впечатлѣній, которыя не могли не дѣйствовать удручающимъ образомъ на его старческую натуру. Царь православный, его бывшій благодѣтель и почитатель, за котораго и лично и по должности обязанъ былъ онъ ежечасно молиться предъ престоломъ Всевышняго,—этотъ царь теперь неистовствовалъ, давилъ бояръ, какъ мухъ, выгналъ избраннаго было на митрополію св. Германа, свергнулъ съ позоромъ съ митрополичьяго престола св. Филиппа... Поставлявшій св. Варсонофія во епископа митрополитъ Филиппъ—мученикъ, предъ которымъ не могъ не благоговѣть св. Варсонофій, присланъ былъ въ заточеніе именно въ Тверь—въ Отрочъ монастырь. Изъ оконъ своего дома св. Варсонофій долженъ былъ смотрѣть на этотъ монастырь—темницу св. мученика и снѣдаться душевною тугой. Но какова была его скорбь, когда во время проѣзда чрезъ Тверь царь велѣлъ умертвить св. Филиппа и похоронить его наскоро, не увѣдомляя о томъ св. Варсонофія?...

Подобныя огорченія, равно какъ преклонный возрастъ и старческая немощь побудили св. Варсонофія отказаться отъ епископіи, предоставивъ ее другимъ. Время оставленія св. Варсонофіемъ тверской каѳедры съ точностью неизвѣстно, но оно во всякомъ случаѣ послѣдовало не позже 1571 года, потому что въ этомъ году подъ клятвенной записью князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго въ числѣ поручителей вѣрности его царю подписался уже епископъ тверской Савва, преемникъ св. Варсонофія [1]). Можно даже думать, что св. Варсонофій отказался отъ каѳедры еще въ 1570 году, потому что его преемникъ Савва въ спискахъ іерарховъ значится посвященнымъ въ епископа тверскаго изъ игуменовъ Псково-Печерскаго монастыря въ 1570 году [2]).

---

[1]) См. Собр. Госуд. грам. и догов., т. I, стр. 562.

[2]) Біографіи Твер. іер., стр. 64. Строевъ—Списки іерарховъ и настоятелей... Стр. 442.

По оставленіи епископской каѳедры святитель Варсонофій возвратился на покой въ свой излюбленный Спасо-Преображенскій Казанскій монастырь [1]). Настоятельствовалъ здѣсь преемникъ его архимандритъ Іеремія, который, безъ сомнѣнія, съ величаюшею радостію сталъ обращаться теперь къ своему учителю за совѣтами. Съ полнѣйшею любовію относилась къ нему, конечно, и братія монастыря. Св. Варсонофій, свободный отъ занятій по должности, усугубилъ свои иноческіе подвиги и возложилъ на себя великій образъ—принялъ схиму. Ему было уже около 80 лѣтъ отъ роду, болѣзни удручали его, а онъ твердо держался своего подвижническаго образа жизни,— „правила своего не перемѣняше никогдаже", какъ говоритъ Гермогенъ. Подъ конецъ онъ не могъ уже ходить даже въ церковь, и ученики возили его въ храмъ на телѣжкѣ.

Подвижническая жизнь св. Варсонофія награждена была отъ Бога даромъ прозрѣнія. Гермогенъ повѣствуетъ о немъ въ житіи его, что онъ, живя на покоѣ, однажды „къ нѣкоему клирику, въ мірѣ живущу, рѣчь нѣкаку прозрительну посла съ духовникомъ своимъ, еже послѣди и сбыться по пророчеству святого" [2]). Фактъ этотъ, нужно думать, былъ не единственный; поэтому св. Варсонофій еще при жизни не могъ не почитаться за святого угодника.

Въ 1576 году св. Варсонофій разболѣлся окончательно и, приготовившись по христіански къ смерти, 11 апрѣля мирно отошолъ ко Господу. Погребенъ онъ былъ архіепископомъ Казанскимъ Тихономъ I предъ алтаремъ Спасо-Преображенскаго храма, рядомъ съ могилою св. Гурія—въ палаткѣ, которую бояринъ Іоаннъ Елеазаровичъ Застолбскій устроилъ надъ гробницею св. Гурія.

---

[1]) Памятникомъ пребыванія св. Варсонофія въ Твери осталось для Казани рукописное евангеліе, принесенное въ Казань изъ Твери св. Варсонофіемъ и хранящееся въ соборной ризницѣ подъ № 1.

[2]) Люб. стр. 8.

Чрезъ 20 лѣтъ послѣ кончины св. Варсонофія, — въ 1596 году, послѣдовало обрѣтеніе его нетлѣнныхъ мощей вмѣстѣ съ мощами св. Гурія. Въ этомъ году въ монастырѣ начата была постройка существующаго теперь Преображенскаго собора вмѣсто стараго деревяннаго. Восточная стѣна этого собора, долженствовавшаго быть обширнѣе прежняго, приходилась какъ разъ надъ могилою святителей. Поэтому каменную палатку, устроенную Застолбскимъ, пришлось сломать и гробы перенести на другое мѣсто. Блаженный Гермогенъ, бывшій тогда митрополитомъ Казанскимъ, рѣшилъ изъ благоговѣйнаго уваженія къ останкамъ почившихъ совершить это перенесеніе съ надгробнымъ пѣніемъ соборнѣ. Совершивъ литургію и пропѣвъ панихиду, съ духовенствомъ изъ Благовѣщенскаго собора прибылъ онъ въ монастырь и, увидѣвъ, что гробы святителей съ внѣшней стороны нисколько не поддались тлѣнію, рѣшилъ открыть ихъ. Открыли прежде гробъ св. Гурія и съ благоговѣйнымъ ужасомъ увидѣли, что онъ былъ полонъ благоуханнаго мура, а тѣло св. Гурія плавало въ немъ, не погружаясь, и было невредимо, за исключеніемъ верхней губы святителя, нѣсколько пострадавшей отъ тлѣнія. Одежды святителя, а также недовязанный клобукъ, положенный въ гробъ его св. Варсонофіемъ, тоже оказались не попорченными отъ тлѣнія и были „новыхъ крѣпчае“.

Затѣмъ открытъ былъ гробъ св. Варсонофія; оказалось, что и его тѣло почтено нетлѣніемъ, кромѣ ногъ, къ которымъ „тлѣніе коснулось“. Всѣ присутствовавшіе съ благоговѣніемъ поклонились нетлѣннымъ мощамъ святителей, мазались муромъ отъ мощей и тутъ же многіе изъ нихъ получали исцѣленія. Митрополитъ Гермогенъ и архимандритъ Спасскаго монастыря Арсеній переложили св. мощи въ особые ковчеги и поставили ихъ на открытомъ мѣстѣ, приставивъ четырехъ монаховъ читать надъ ними псалтирь и охранять ихъ [1]).

---

[1]) Житіе по Люб., стр. 29—32; Рукописное «житіе» библіотеки Каз. Дух. Акад., листъ 20 об.

Все вышеписанное случилось 4 октября 1596 года. Чрезъ полтора мѣсяца послѣ этого Гермогенъ послалъ архимандрита Арсенія въ Москву къ патріарху Іову и царю Ѳеодору съ донесеніемъ обо всемъ случившемся. По надлежащемъ разслѣдованіи дѣла царь повелѣлъ хранить мощи свв. Гурія и Варсонофія на поверхности земли и для помѣщенія ихъ построить съ южной стороны алтаря строющагося собора небольшую деревянную церковь [1]). Долго ли находились мощи свв. Гурія и Варсонофія въ этой деревянной церкви—неизвѣстно, но навѣрное лишь до окончанія постройки собора, послѣ чего они положены были въ этомъ соборѣ, въ придѣлѣ, посвященномъ св. Варсонофію. Въ 1630 году 20 іюня митрополитъ Казанскій Матѳей мощи св. Гурія перенесъ въ каѳедральный Благовѣщенскій соборъ и переложилъ ихъ въ серебряную раку.

Въ 1643 году и мощи св. Варсонофія положены были въ такую же серебряную, вызолоченную раку. Объ этомъ обстоятельствѣ въ синодикѣ Спасскаго монастыря записано слѣдующее: „151 года (т. е. 7151=1643 г.) Іюля въ 22 день далъ вкладу въ обитель всемилостиваго Спаса и великихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія Казанскихъ—чудотворцу Варсонофію серебряную раку позлащену Казанскій дворянинъ Сава Тимофеевъ Аристовъ; и пречистыя и многоцѣлебныя мощи великаго святителя чудотворца Варсонофія въ ту серебряну ризу преложены іюля въ 23-й день. А прелагалъ мощи преосвященный Матѳей, митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, и яже отъ него освященнымъ соборомъ. И за тотъ вкладъ о немъ Савѣ и о женѣ его и домочадцахъ молити Бога и родители его поминати навсегда, которые въ сихъ синодикахъ написаны, безпереводно, дондеже благоволитъ Богъ святой сей обители стояти“ [2]).

---

[1]) Люб., стр. 32.

[2]) Синодикъ, л. 103. За вышеприведенной подписью въ синодикѣ записанъ весь родъ Саввы Аристова—на 18-ти листахъ.

Въ 1694 году 13 мая надъ Спасскимъ монастыремъ разразилось величайшее несчастіе: въ этотъ злополучный день сгорѣлъ вмѣстѣ съ большею частію казанскихъ зданій не только весь монастырь, но и главная святыня его—рака съ мощами св. Варсонофія. Господь попустилъ совершиться этому, можетъ быть, въ наказаніе за небреженіе о святынѣ какъ братіи монастыря, такъ и всѣхъ казанскихъ жителей, которые, очевидно, во время пожара больше заботились о своемъ имуществѣ, чѣмъ о церковномъ достояніи [1]).

Послѣ пожара останки мощей св. Варсонофія съ благоговѣніемъ положены были во вновь сдѣланную деревянную раку [2]), а одна особая частица положена была архимандритомъ Георгіемъ Зубинымъ въ серебряный ковчежецъ, который поставленъ былъ на верху раки [3]).

Въ 1761 году при архимандритѣ Ѳеофилѣ Игнатовичѣ деревянная рака св. Варсонофія была обита съ лицевой стороны (она помѣщалась въ придѣлѣ св. Варсонофія, въ лѣвой стѣнѣ, въ нишѣ, отъ чего открытыми были только боковая правая доска раки и верхняя) красною мѣдью съ серебряными клеймами, на среднемъ клеймѣ „изображено изъ евангелія о блаженствахъ“, а на другихъ „о пріимшихъ таланты“; по нижнему карнизу раки была „лѣтопись“. Надъ ракою устроенъ былъ иконостасъ съ сѣнію столярной работы, вызолоченный краснымъ золотомъ съ живописными изображеніями: въ серединѣ—Спасителя, въ головахъ раки—Божіей Матери съ Казанскими чудотворцами, въ ногахъ—Преображенія Господня и вверху—отечества съ приникшими ангелами [4]).

---

[1]) Люб. стр. 81.

[2]) «Серебро отъ горѣлой раки чудотворца Варсонофія вѣсомъ 24 1/2 фунта» въ 20-хъ годахъ 18 стол. было продано архимандритомъ Іоною Сальникѣевымъ казанскому коменданту полковнику Вяземскому. См. Описаніе док. и дѣлъ архива Св. Синода т. 6„ стр. 288.

[3]) Люб., стр. 47.

[4]) Опись отъ 1761 г., л. 10-й.

Особенное попеченіе о благоукрашеніи раки съ мощами св. Варсонофія въ настоящемъ столѣтіи оказалъ Казанскій архіепископъ Филаретъ Амфитеатровъ (1828 — 1836). По его желанію въ главномъ храмѣ на южной сторонѣ, между двумя столбами устроенъ былъ новый балдахинъ столярной работы на 16 вызолоченныхъ колоннахъ; подъ нимъ сдѣланъ былъ дубовый амвонъ со ступенями съ обѣихъ сторонъ; на амвонѣ—катафалкъ. 6 августа 1834 года на этомъ катафалкѣ и поставлена была торжественно рака съ мощами. Рака къ этому времени обложена была чеканнымъ серебромъ вся, кромѣ правой стороны, обложенной мѣдью въ 1761 году. При этомъ въ верхнюю крышку ея, на которой вычеканенъ былъ образъ св. Варсонофія, вложена была частица мощей, находившаяся прежде въ особомъ ковчежцѣ. Серебра употреблено было на раку 1 п. 15 ф. Устройство балдахина и раки обошлось въ 9000 руб. ассигнаціями, каковая сумма пожертвована была большею частію частными лицами [1]). На ракѣ тогда же сдѣланы были надписи о св. Варсонофіи, но, къ сожалѣнію, съ невѣрнымъ указаніемъ годовъ. Наконецъ, при архимандритѣ Климентѣ и правая, мѣдная, сторона раки замѣнена была серебряною, а въ 1852 году вся рака вызолочена.

Въ спискахъ житія свв. Гурія и Варсонофія [2]) перечисляется подробно до 69 чудесныхъ явленій отъ мощей этихъ святителей. Они относятся главнымъ образомъ ко времени обрѣтенія мощей и къ началу XVII в. и только самое послѣднее—„чудо о свѣщѣ“ къ 1657 году. Но, конечно, и въ послѣдующее время чудесныхъ исцѣленій отъ мощей св. Варсонофія было не мало. Даже въ самое послѣднее время—въ 1887 г., въ настоятельство преосвящ. Кирилла, при мощахъ святителя совершилось поразительное явленіе—исцѣленіе мѣ-

---

[1]) Рапорты отъ 10 февраля, 1 и 2 авгус. 1834 г.

[2]) Напр., въ имѣвшемся у насъ подъ руками спискѣ библіотеки Каз. Дух. Академіи—№ 1664.

щанской дѣвицы Иконниковой, 20 лѣтъ страдавшей разслабленіемъ ногъ, ходившей на клюшкахъ и внезапно при ракѣ св. Варсонофія получившей полное исцѣленіе въ то время, какъ она послѣ вечерни прикладывалась къ св. мощамъ [1]).

ВНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ МОНАСТЫРЯ.

I) Мѣстоположеніе.

Спасскій монастырь расположенъ внутри Казанскаго кремля, при входѣ въ него чрезъ Спасскія ворота [2])—на лѣвой сторонѣ. Передняя, восточная сторона монастыря выходитъ на кремлевскую улицу; западной онъ примыкаетъ къ кремлевской стѣнѣ; съ сѣвера—къ зданіямъ юнкерскаго училища и, наконецъ, съ южной стороны граничитъ съ мѣстомъ, принадлежащимъ теперь военной Спасской церкви. По переднему фасаду въ настоящее время монастырь имѣетъ около 43 саженей протяженія, а по боковому—около 48 $^1/_2$; всего подъ монастыремъ находится до 3492 квад. саженей земли. Это пространство, занимаемое теперь монастыремъ, стало собственностью его не вдругъ и имѣетъ свою исторію. По Писцовой книгѣ въ 1567 г. подъ монастыремъ Спасскимъ было земли „въ длину сорокъ одна сажень, а поперегъ двадцать шесть сажень“ [3]) и, значитъ, гораздо меньше, чѣмъ теперь. Чтобы опредѣлить точнѣе самую первоначальную величину монастыр-

---

[1]) Докладъ преосв. Кирилла, еп. Чебоксарскаго, Высокопреосвященному Павлу, Архіепископу Казанскому—отъ 11 февр. 1888 г. за № 239.

[2]) Спасскія ворота прежде были тѣ, которыя вели подъ Спасскую башню; въ 1840 году они заложены и вмѣсто нихъ рядомъ съ башней пробиты новыя, теперь существующія.

[3]) Писц. кн., стр. 32—33. Каз. 1877 г.

ской усадьбы, приходится рѣшить вопросъ—какое протяженіе Писцовая книга принимаетъ за длину монастырской площади и какое за ширину или поперечникъ? Но, безъ сомнѣнія, площадь эта въ 1567 г. имѣла бо́льшее протяженіе по направленію отъ востока къ западу, чѣмъ по теперешнему переднему фасаду—отъ сѣвера къ югу. Если принять обратное и передній фасадъ монастыря признать за длину (41 с. Писц. кн.), то, омѣривая 26 саженъ отъ Никольской церкви монастыря, граничащей съ западной крѣпостной стѣной, мы получимъ пространство, которое болѣе, чѣмъ на половину, не захватитъ современнаго каменнаго Преображенскаго собора. Между тѣмъ извѣстно, что этотъ соборъ стоитъ приблизительно на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ во время написанія Писцовой книги деревянный храмъ Преображенія Господня, имѣвшій къ тому же предъ алтаремъ достаточное количество свободнаго пространства, на которомъ погребены были свв. Гурій и Варсонофій. Итакъ, 41 сажень, отсчитанныя отъ Никольской церкви (вмѣстѣ съ пространствомъ, занятымъ и ею [1]), и составляютъ длину монастырской площади въ 1567 г. Передній же фасадъ ея—ширина равнялась 26 саженямъ. Площадь монастыря конечно не представляла собою правильнаго квадрата; поэтому 41×26 дадутъ лишь приблизительное количество квадратныхъ саженей земли, занятой тогда монастыремъ.

Но и это пространство дано монастырю было не вдругъ. Писцовая книга, опредѣляя площадь земли подъ монастыремъ, замѣчаетъ, что въ ней же заключается и то, что „по государевѣ присыльной грамотѣ къ тому жь монастырю для пространства мѣста прибавлено“ [2]). Грамота эта—о прибавкѣ усадебной земли монастырю сохранилась. Изъ нея узнаемъ, что св. Варсонофій въ 1562 году билъ челомъ царю, что „у него монастырь тѣсенъ, новыхъ келій прибавить негдѣ, а старыя келіи стоятъ близь церкви, а подлѣ ихъ монастыря къ Никольской

[1]) Тамъ же.

[2]) Писц. кн., стр. 32.

скимъ воротамъ, къ Булаку съ ихъ монастырскаго угла къ улицѣ порожее мѣсто, что къ монастырю прибавить еще.... да и на служекъ и дѣтей ихъ дворъ имъ.... не даножь, а купили они на служекъ и дѣтей дворъ—дворишко, а то дворишко тѣсной, а подлѣ ихъ купленой дѣтинъ дворъ стоитъ дворишко пустой дѣтей боярскихъ.... и тотъ бы пустой дворъ... придати къ ихъ служню двору“ [1]). Царь удовлетворилъ просьбу св. Варсонофія и велѣлъ прибавить къ монастырю просимаго мѣста „сколько пригоже“, а хоромы дѣтей боярскихъ, стоявшія рядомъ съ монастырскимъ служнимъ дворомъ, велѣлъ оцѣнить цѣловальникамъ и деньги за нихъ взыскать съ монастыря. Что это были за мѣста, которыя велѣно было прибавить къ монастырской площади и гдѣ теперь искать ихъ? Что касается „порожаго“ пустаго мѣста, то положеніе его опредѣляется въ самой грамотѣ: въ ней говорится, что оно находилось около монастырскаго угла къ улицѣ, къ Никольскимъ воротамъ, къ Булаку. Какая здѣсь разумѣется, прежде всего, улица? Безъ сомнѣнія, не та, которая существуетъ теперь въ кремлѣ и имѣетъ направленія отъ Спасскихъ воротъ къ Тайницкимъ, ибо относительно этой улицы никакъ нельзя сказать, чтобы она отъ монастырскаго угла находилась по направленію къ Булаку. Но улица эта была тогда не единственная въ Кремлѣ, какъ теперь. По писцовой книгѣ, кромѣ большой улицы, въ то время въ кремлѣ была еще улица, параллельная западной стѣнѣ крѣпости и соединявшаяся съ большой улицей двумя переулками, изъ которыхъ одинъ шелъ рядомъ съ сѣверной монастырской стѣной, а другой—противъ Благовѣщенскаго собора. Эта улица и имѣется, очевидно, въ виду въ царской грамотѣ.

Дальнѣйшее опредѣленіе „къ Никольскимъ воротамъ“ не совсѣмъ ясное. Въ настоящее время трудно опредѣлить,—гдѣ находились Никольскія ворота. Это, конечно, не тѣ ворота, слѣды которыхъ видны теперь во дворѣ Спасскаго монастыря,

---

[1]) Грамота напечатана у Любарскаго, стр. 53.

потому что они назывались Преображенскими, Сергіевскими и Тюменскими и строго различаются въ Писцовой книгѣ отъ Никольскихъ [1]). Впрочемъ, Писцовая книга даетъ твердое указаніе,—гдѣ искать мѣсто этихъ воротъ. Описывая дворы частныхъ лицъ, расположенные около крѣпостныхъ стѣнъ, она начинаетъ перечислять ихъ отъ Дмитріевскихъ воротъ (современный проходъ противъ Пятницкой церкви): „отъ Дмитріевскихъ воротъ къ Воскресенскимъ воротамъ (Тайницкимъ) подлѣ городовыя стѣны дворы...., отъ Воскресенскихъ воротъ къ Никольскимъ дворы жъ..., отъ Никольскихъ воротъ къ Преображенскимъ воротамъ дворы [2])... Такимъ образомъ Никольскія ворота нужно искать къ сѣверу отъ монастыря, между Воскресенскими и Преображенскими воротами и ближе къ первымъ, чѣмъ къ послѣднимъ, какъ это можно видѣть изъ другихъ мѣстъ Писцовой книги, въ которыхъ Воскресенскія и Никольскія ворота ставятся въ одной линіи и едва не принимаются за одни ворота [3]). По всей вѣроятности, эти ворота находились въ сѣверозападной стѣнѣ кремля приблизительно противъ Благовѣщенскаго собора; къ нимъ съ большой улицы велъ упоминавшійся нами переулокъ, параллельный переулку, шедшему къ Преображенскимъ воротамъ. Названіе Никольскихъ воротъ можно объяснить близостью къ этому переулку Введенской церкви, имѣвшей придѣлъ во имя св. Николая Чудотворца [4]). Часть стѣны, въ которой были Никольскія ворота, во время составленія Писцовой книги была деревянная, при замѣнѣ ея каменной ворота въ ней, какъ излишнія; не были оставлены, послѣ чего названіе ихъ легко могло перейти на сосѣднія Воскресенскія ворота. Этимъ отчасти можно объяснить упоминаніе о Никольскихъ воротахъ геодезиста Пестрикова (въ нач. XVIII в., когда воротъ этихъ уже, навѣрное, не было),

---

[1]) Писц. кн., стр. 35.

[2]) Тамъ же.

[3]) Сравн. Писц. кн., стр. 6—10.

[4]) Писц. кн., стр. 22.

который говоритъ, что деревянная стѣна Казанскаго острога начиналась съ западной стороны отъ Никольскихъ воротъ и отъ рѣки Казанки [1]), а также то обстоятельство, что Тайницкія ворота еще и въ нынѣшнимъ столѣтіи назывались иногда Никольскими [2]).

Наконецъ, третье указаніе грамоты „къ Булаку“ опять вызываетъ на первый взглядъ большія недоумѣнія. Современный Булакъ протекаетъ въ западной сторонѣ отъ монастыря, и для указанія мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ монастыря, ссылаться на него неудобно. Но здѣсь разумѣется, очевидно, не столько самый Булакъ, сколько его устье. Что же касается устья Булака, то въ XVI в. онъ имѣлъ ихъ два, и одно изъ нихъ было какъ разъ въ сѣверной сторонѣ отъ монастыря. По писцовой книгѣ, тогдашній Булакъ, беря начало свое изъ Кабана и называясь въ верхней своей части Большимъ Булакомъ [3]), около современнаго Кузнечнаго переулка (приблизительно) раздѣлился на два рукава, изъ которыхъ правый, болѣе глубокій, шелъ подъ самую крѣпость и впадалъ въ Казанку тамъ, гдѣ теперь существуетъ мостъ; лѣвый же рукавъ, менѣе значительный, назывался гнилымъ [4]) и впадалъ, вѣроятно, на мѣстѣ современнаго устья Булака. Что Булакъ въ нижней своей части въ то время весьма близко подходитъ къ крѣпости,—на это есть указаніе и у одного изъ первыхъ историковъ казанскаго города—кн. Курбскаго, которой выразился о Булакѣ, что „онъ подъ самое мѣсто течетъ (мѣсто=городъ, т. е. крѣпость) и впадаетъ подъ угольную вежу (вежу=башню) въ Казань рѣку“. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и характеръ мѣстности подъ крѣпостью: почва въ этой мѣстности болотиста, и еще въ нынѣшнемъ столѣтіи на дворахъ, расположен-

---

[1]) Каз. губ. вѣдом. за 1844 г. № 49, стр. 598.

[2]), Казан. губ. вѣдом. 1856 г. № 40, стр. 313.

[3]) Писц. кн., стр. 49.

[4]) Писц. кн. стр. 49.

ныхъ здѣсь, можно было наблюдать цѣлый рядъ болотъ—остатковъ отъ существовавшей нѣкогда рѣки [1]).

Итакъ, изъ этихъ трехъ указаній царской грамоты видно, что мѣсто, приданное монастырю по челобитью св. Варсонофія, находилось съ сѣверной стороны монастыря. Обращаясь къ описанію Писцовой книги, мы находимъ дѣйствительно это мѣсто и именно въ сѣверной сторонѣ: по Писцовой книгѣ, между Спасскимъ монастыремъ и Кипріановской церковью шелъ въ тѣ времена къ Преображенскимъ кремлевскимъ воротамъ переулокъ, уже упоминавшійся нами; въ этотъ переулокъ изъ Спасскаго монастыря вели св. ворота, а противъ нихъ чрезъ переулокъ былъ монастырскій дворъ; къ этому то двору и прибавлено было „порожее пустое мѣсто“ [2]). О второй прибавкѣ, т. е. о томъ мѣстѣ, которое занято было „дворишками“ дѣтей боярскихъ и которое по той же царской грамотѣ велѣно было отдать монастырю,—Писцовая книга не говоритъ ничего. Но, по всей вѣроятности, это мѣсто находилось тоже въ сѣверной сторонѣ монастыря, такъ какъ къ югу отъ него вся мѣстность до крѣпостной стѣны занята была тогда вторымъ дворомъ царскимъ, предназначеннымъ для „государевыхъ посланниковъ“ [3]). Если теперь мы отнимемъ объ эти прибавки отъ того количества земли, которое указывается за монастыремъ по Писцовой книгѣ, то получимъ весьма ограниченную площадь монастырской усадьбы: каменная Никольская церковь, деревянный Спасо-Преображенскій соборъ, маленькая деревянная колокольня и 15—17 деревянныхъ небольшихъ келлій, плотно прилегавшихъ къ церквамъ съ сѣверной стороны—вотъ и весь тогдашній монастырь. Деревянная стѣна, ограждавшая монастырь отъ Большой улицы, проходила гораздо западнѣе, т. е. ближе къ Преображенскому собору, чѣмъ теперь; мѣсто,

---

[1]) Каз. губ. вѣд. 1856 г, №№ 41 и 43. «Старое Булакское устье» упоминается въ одной грамотѣ Спасскаго монастыря (по описи № 103-й).

[2]) Писц. кн., стр. 35.

[3]) Писц. кн., стр. 33

занятое теперь кладбищемъ монастырскимъ, монастырю не принадлежало; Кипріановская церковь тогда не причислялась къ монастырю и отдѣлялась отъ него даже цѣлымъ переулкомъ; въ монастырь вели лишь одни ворота и то не съ главной улицы, а съ переулка [2]). Такая ограниченность площади монастырской объясняется самымъ положеніемъ монастыря въ кремлѣ и значеніемъ кремля въ то время. Въ кремль, какъ мѣсто, болѣе безопасное, чѣмъ прилегавшій къ нему посадъ, устремлялись на жительство всѣ болѣе или менѣе привиллегированные жильцы казанскіе. Изъ Писцовой книги мы видимъ, что кремль, или каменный городъ, имѣлъ въ то время до 10 церквей, 4 тюрьмы, двѣ улицы и нѣсколько переулковъ и тупиковъ, буквально набитыхъ дворами лицъ духовныхъ, людей служилыхъ, дѣтей боярскихъ, монастырскими подворьями и т. д. Дворы эти подъ-часъ были настолько малы, что Писцовая книга называетъ ихъ дворишками, а дома на нихъ хоромишками, и оцѣниваетъ нѣкоторыя изъ нихъ въ гривну, другіе въ 5 денегъ, а цѣлую улицу въ 12 р. 18 алтынъ [1]); но для всѣхъ этихъ дворишковъ нужно было мѣсто, а отъ этого и происходила общая тѣснота. Съ теченіемъ времени, когда страхъ отъ непріятельскихъ нападеній прошелъ и жизнь въ Казани стала почитаться болѣе безопасною, кремль по немногу сталъ освобождаться отъ излишнихъ жильцовъ. Пожары, какъ извѣстно, весьма частые прежде въ Казани, облегчали дѣло очищенія Кремля. Постепенно исчезли граничившіе съ монастыремъ и тѣснившіе его частные дворы, дворъ царскихъ посланниковъ, тюрьмы, находившіяся около Кипріановской церкви, и, наконецъ, цѣлый Троицкій монастырь,—подворье Сергіевой Лавры. Сообразно съ этимъ получила возможность расшириться и монастырская усадьба. Въ концѣ XVII вѣка теперешній передній—восточный фасадъ монастыря былъ уже на настоящемъ его мѣстѣ, а въ началѣ слѣдующаго—XVIII в.

---

[1]) Тамъ же, стр. 35.

[2]) Тамъ же.

къ сѣверу отъ своихъ главныхъ зданій монастырь имѣлъ обширный конюшенный дворъ, которому завидовалъ самъ губернаторъ Волынскій [1]). Часть этого двора въ 1828 г. отошла подъ зданіе казанскихъ батальоновъ военныхъ кантонистовъ—арсенальнаго и литейнаго зданій [2]).

Въ южную сторону отъ Преображенскаго собора, съ уничтоженіемъ двора „государевыхъ посланниковъ", монастырь уже весьма рано примкнулъ къ крѣпостной—южной стѣнѣ съ ея амбразурами, весьма удобными для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей. До 1815 года здѣсь существовали у монастыря нѣкоторыя постройки и садикъ изъ неплодовыхъ деревьевъ. Въ пожаръ 1815 г. все это было уничтожено, и пустое мѣсто славалось впослѣдствіи иногда подъ складъ разныхъ товаровъ. Но такъ какъ въ 1840 году мѣсто это не было ничѣмъ занято и представлялось излишнимъ для монастыря, то и подверглось той же участи, какъ и сѣверная окраина монастырской площади. Въ это время возстановлена была издавна существовавшая надъ Спасскими кремлевскими воротами и считавшаяся съ 1815 г. приписною къ Спасскому монастырю церковь съ назначеніемъ быть военною-полковою. Для причта этой церкви отъ монастыря и взята была въ 1840 году часть его земли, прилегавшая къ южной крѣпостной стѣнѣ—въ ширину по переднему фасаду въ количествѣ 7 саженъ, а въ длину 20 саженъ. Часть эта была тогда же отгорожена деревянной стѣной. Отдача этого мѣста произведена была по распоряженію епархіальнаго начальства [3]). Но вскорѣ и остальное пространство къ западной кремлевской стѣнѣ (занятое теперь садикомъ) въ количествѣ 144 кв. саженей (6×24) перешло въ пользованіе причта военной церкви. По настоянію архим. Климента въ 1847 году поднято было разслѣдованіе этого дѣла—о захватѣ монастырской земли, по которому ока-

[1]) «Дѣло Сальникова». Чт. въ Импер. Общ. И. и Д. 1868. III, стр 93.

[2]) Опись бумагъ входящихъ за 1828 г. іюнь.

[3]) Указъ отъ 15 окт. 1840 г.

залось, что причтъ военной церкви пользуется этой землей дѣйствительно безъ всякаго разрѣшенія со стороны епархіальной власти. Но такъ какъ мѣсто это для монастыря было не нужно, то тогдашній архіепископъ Владиміръ распорядился оставить его въ пользованіи военнаго причта впредь до особаго распоряженія и до востребованія [1]).

2) Зданія Спасскаго монастыря.

а) ЦЕРКВИ.

1) Никольская церковь.

Церковь во имя св. Николая Чудотворца Ратнаго есть самое древнее зданіе въ Спасскомъ монастырѣ и одно изъ древнѣйшихъ въ Казани. Матеріалъ, изъ котораго она сложена и характеръ ея архитектуры доказываютъ, что она построена въ одно время съ древнѣйшею частію кремлевской стѣны—юго-восточной, а также съ Спасской башней и Тайницкими воротами, т. е. около 1558 г. Ко времени составленія первой по Казани Писцовой книги, т. е. къ 1567 году, церковь эта была уже освящена и украшена множествомъ иконъ. Писцовая книга описываетъ ее такъ: „церковь Николы Чудотворца съ трапезою каменна, а подъ церковію просворня, да мукосѣя, да подъ трапезою хлѣбня, а въ другую сторону подъ церковью жъ полатка“ [2]). Такимъ образомъ, въ XVI в. теперешній подвальный этажъ Никольской церкви былъ обитаемъ и, конечно, не сидѣлъ такъ низко въ землѣ, какъ теперь. Никольская церковь построена изъ крупныхъ известковыхъ тесанныхъ камней, которые по тогдашнему обычаю клали въ два ряда, оставляя большой промежутокъ внутри стѣны. Промежутокъ этотъ засыпался щебнемъ и заливался известью; стѣны связывались толстыми желѣзными полосами и выходили очень ши-

---

[1]) Указъ отъ 30 апр. 1847 г.

[2]) Писц. кн., стр. 24

рокими. Отъ времени плитнякъ въ стѣнахъ церкви, особенно по угламъ, выкрашивался и замѣнялся съ большими затрудненіями обычнымъ кирпичемъ. Архитектура Никольской церкви, при ея малыхъ размѣрахъ, самая простая и чисто русская. Церковь представляетъ изъ себя квадратное зданіе съ маленькимъ одноглавымъ куполомъ вверху, однимъ алтарнымъ выступомъ съ восточной стороны и съ длинной трапезой съ западной, въ которой въ XVI в. была братская столовая. Куполъ въ настоящее время деревянный, но прежде былъ каменный, и значитъ, внутренность церкви была со сводомъ. Окна въ прежнее время были маленькія и узкія. Въ церковь вели два входа: изъ трапезы и съ сѣверной стороны; послѣдній входъ потомъ былъ заложенъ. Когда число братіи въ монастырѣ увеличилось и общая трапеза за тѣснотою была перенесена въ другое мѣсто, въ капитальной стѣнѣ, отдѣлявшей Никольскую церковь отъ трапезы, пробиты были двѣ арки, послѣ чего церковь соединилась съ трапезою и стала имѣть протяженіе въ длину 10 саженей вмѣсто прежнихъ четырехъ. Затѣмъ со временемъ, для большаго простора вся лѣвая сторона какъ самой церкви, такъ и трапезы была отодвинута въ сѣверную сторону, послѣ чего въ ширину церковь стала имѣть пять саженей протяженія; послѣ этого же древній алтарный выступъ оказался уже не противъ центра зданія, а нѣсколько съ боку [1]).

Послѣ пожара 1815 г. въ Никольской церкви сдѣланы были слѣдующія измѣненія: 1) иконостасъ былъ отодвинутъ внутрь и въ древнемъ алтарномъ углубленіи устроенъ маленькій придѣлъ во имя св. Іоанна Лѣствичника; 2) каменный куполъ замѣненъ деревяннымъ, при чемъ вмѣсто сводовъ надъ храмомъ настланъ былъ потолокъ; 3) въ западной стѣнѣ

[1]) Впрочемъ, уклоненіе алтарнаго выступа Никольской церкви къ югу могло существовать и съ самой постройки зданія, какъ это наблюдается и въ другихъ древнихъ церквахъ; но только уклоненіе это съ расширеніемъ церкви въ сѣверную сторону стало болѣе замѣтнымъ и сильно обезображиваетъ зданіе.

устроено вмѣсто двухъ оконъ одно венеціанское окно, а въ южной одно заложено, а другое расширено; 4) вмѣсто двухъ арокъ, отдѣлявшихъ храмъ отъ трапезы, сдѣлана одна широкая, 5) стѣнка, отдѣляющая трапезу отъ настоятельскихъ келлій, была отставлена сѣвернѣе; 6) югозападный уголъ церкви разобранъ и сложенъ вновь и, наконецъ, 7) приподняты стѣны церкви и трапезы, такъ что въ первой высота достигла 7 аршинъ, а во второй—$5^1/_2$ [1]).

Въ 1838 г. при архимандритѣ Стефанѣ крыша на Никольской церкви была замѣнена желѣзною. Въ 1848 г. при архим. Климентѣ на пожертвованіе лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, въ ней устроенъ новый иконостасъ столярной работы, украшенный рѣзьбою и позолотою. Въ 1854 г. въ алтарѣ этой церкви произошелъ пожаръ, послѣ котораго внутри церкви сдѣлано было новое измѣненіе: придѣлъ св. Іоанна Лѣствичника за тѣснотою былъ упраздненъ, отчего бывшій главный алтарь сдѣлался просторнѣе. Тогда же и вся внутренность церкви была вновь отремонтирована. Наконецъ, самый послѣдній ремонтъ въ Никольской церкви произведенъ былъ въ настоятельство преосвященнаго Кирилла, въ концѣ 80-хъ годовъ.

Иконостасъ Никольской церкви столярной работы, вызолоченный, въ одинъ ярусъ, или рядъ иконъ. Царскія врата въ немъ деревянныя, рѣзныя, вызолоченныя, съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и 4-хъ евангелистовъ. По правую сторону царскихъ вратъ образа: 1) Спасителя, живописной работы, въ серебряной вызолоченной ризѣ съ такимъ же вѣнцомъ, украшеннымъ бѣлыми стразами и драгоцѣнными камнями; 2) образъ св. Николая Чудотворца Ратнаго, въ серебряной вызолоченной ризѣ; образъ этотъ весьма древній и, по всей вѣроятности, тотъ самый, который въ Писцовой книгѣ 1567 г. записанъ такъ: „да другая икона Николы Чудотворца Мажайскаго съ дѣяніемъ, мѣстной на золотѣ, вѣнецъ серебренъ

---

[1]) Дѣла за 1819 г.—отъ 31 мая, за № 2874.

басмяной, а въ немъ три вкладки, да три гривны серебрены витые“ [1]). Выраженіе „съ дѣяніемъ“ указываетъ на то, что на этой иконѣ, кромѣ лика св. Николая, изображены были и чудеса его, каковыя изображенія имѣются и на разсматриваемомъ нами образѣ. Размѣръ образа въ Писцовой книгѣ не указанъ, но можно думать, что образъ этотъ по величинѣ былъ равенъ описанному на той же страницѣ Писцовой книги образу св. Николая, который (образъ) былъ тоже „мѣстной“ и равнялся въ длину 7 пядямъ, а въ ширину $5^1/_2$; если такъ, то разсматриваемый нами образъ и по величинѣ сходствуетъ съ вышеупомянутымъ образомъ Писцовой книги, такъ какъ онъ тоже равняется семи пядямъ въ длину и $5^1/_2$ въ ширину; 3) изображеніе Архангела Гавріила на южной двери; 4) образъ Спасителя, въ серебряномъ окладѣ; 5) образъ св. Іоанна Лѣствичника. По лѣвую сторону царскихъ вратъ находятся: 1) образъ Богоматери, въ серебряной вызолоченной ризѣ, украшенный стразами и драгоцѣнными камнями; 2) образъ Преображенія Господня старинной работы. Преображеніе представлено здѣсь въ трехъ моментахъ: восхожденіе на гору, самое преображеніе и схожденіе съ горы. Образъ обложенъ серебянымъ вызолоченнымъ старинной работы окладомъ съ цатами, на которыхъ сдѣланы соотвѣтствующія надписи—вязью. По всей вѣроятности это та самая икона Преображенія, которая въ Писцовой книгѣ описана такъ: „икона мѣстна Преображеніе Господа нашего Іисуса Христа со *всходники* серебромъ обложена вѣнецъ сканной позолоченъ да три вкладки, да гривна басмяна позолочена [2])... 3) образъ Архистратига Михаила на сѣверной двери; 4) икона Богоматери и 5) икона св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго.

2) Преображенскій соборъ.

Соборная Церковь во имя Преображенія Господня построена была въ Спасскомъ монастырѣ первоначально деревян-

[1]) Писц. кн., стр. 24.

[2]) Писц. кн., стр. 26.

ная, съ каменнымъ лишь подвальнымъ этажемъ, и, конечно, очень незначительныхъ размѣровъ. Писцовая книга 1567 г. описываетъ ее такъ: „церковь деревяна Преображеніе Господа нашего І. Хр. на каменное дѣло на подклѣтѣхъ, а подъ церковію службы для монастырскаго обиходу“ [1]).

Существующая теперь на мѣстѣ этой церкви каменная начата была постройкою въ 1596 году, по благословенію митроп. Гермогена, на казенное иждивеніе и окончена около 1601 г. Такимъ образомъ она является однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковнаго зодчества въ Казани и уступаетъ по древности только Никольской въ монастырѣ церкви и Каѳедральному собору.

Преображенскій соборный храмъ представляетъ собою съ наружной стороны увѣнчанное пятью главами квадратное зданіе въ 7 саженей высоты и 10 длины и ширины, съ тремя алтарными выступами съ восточной стороны и съ галлереями—съ сѣверной и западной стороны. Стѣны его выкладены сплошною кладкой изъ кирпича, вѣсомъ болѣе 15 фунтовъ каждый, съ клеймомъ А. К.

Наружныя—фасадовыя украшенія стѣны состоятъ изъ обычнаго „пояса“ по срединѣ церкви, сдѣланнаго изъ кирпича „въ ребро“,—изъ карниза, который сдѣланъ въ видѣ наслоенія нѣсколькихъ поясковъ, изъ приставныхъ византійскихъ полуколонокъ съ капителями и, наконецъ, изъ углубленій, или высмокъ въ стѣнѣ, имѣющихъ видъ арокъ съ украшеніями по краямъ въ формѣ багета и т. д. Въ частности, украшеніемъ алтарныхъ выступовъ, кромѣ пояска, являются полуколонны между ними,—широкій карнизъ, состоящій изъ ряда поясковъ и зубчиковъ,—и кайма подъ карнизомъ, отъ которой спускаются внизъ кисти и шнуры—одни короткіе, другія—до самаго цоколя. Первопачальный наружный видъ стѣнъ сохранился только въ восточной и южной стѣнахъ; западная же и сѣверная заложены позднѣе пристроенными галлереями. Что ка-

[1]) Писц. кн., стр. 24.

сается верха собора, то хотя въ общемъ видъ его остался первоначальный, но настоящая форма крыши и отчасти главы позднѣйшаго происхожденія. Теперь крыша собора двухъ-скатная съ пятью маковицеобразными главами на высокихъ барабанахъ или фонаряхъ. Барабаны боковыхъ главъ круглые съ шеями, или перехватами подъ самой маковицей. Средній бо́льшій барабанъ восьмигранный съ окнами, украшенный греческими колонами съ капителями. Барабаны главъ, расположенныхъ на восточной сторонѣ, надъ алтаремъ, не гармонируютъ съ западными, такъ какъ они меньшихъ сравнительно съ послѣдними размѣровъ и безъ окопъ. Кресты на главахъ желѣзные, осмиконечные [1]).

Внутренность Преображенскаго собора имѣетъ форму высокой квадратной въ два свѣта палаты, вышиною около 7 саж., а длиною и шириною около 10 саж. (безъ алтаря) съ четырмя столбами, расположенными тоже квадратомъ. Своды храма покоятся собственно на шести, попарно расположенныхъ вдоль церкви, каменныхъ четырехъ-гранныхъ столбахъ, изъ коихъ четыре, какъ сейчасъ сказано, въ самомъ храмѣ, а два остальные отдѣляютъ алтарь и служатъ опорою для иконостаса, образуя собою три пролета—для царскихъ дверей и двухъ боковыхъ. Своды котлообразные, съ тремя просвѣтами для средняго и двухъ боковыхъ-западныхъ фонарей; восточныя же главы расположены надъ иконостасомъ, почему фонари ихъ и сдѣланы

---

[1]) Относительно внѣшняго вида Преображенскаго собора Гермогенъ въ своемъ «житіи» свв. Гурія и Варсонофія замѣтилъ, что онъ «величествомъ и красотою малымъ чинѣ недостаточествуетъ церкви Пр. Богородицы, честнаго и славнаго ея Одигитрія, иже въ Дѣвичѣ монастырѣ въ новомъ близь царствующаго града Москвы» (Любар. 32). Дѣйствительно при взглядѣ на рисунокъ (Русская Старина въ пам. церк. и гражд. зодчества — Мартынова, стр. 149) соборной церкви Ново-дѣвичьяго монастыря нельзя не видѣть полнаго сходства архитектуры этихъ храмовъ. Единственное, впрочемъ, крупное различіе ихъ состоитъ только въ формѣ крыши, которая у собора Новодѣвичьяго мон. «бочкообразная»; а такъ какъ эта крыша, по всей вѣроятности, первоначальная, то такая же, нужно думать, была въ древнее время крыша и на Преображенскомъ соборѣ Спасскаго монастыря.

глухими. Въ этихъ восточныхъ главахъ въ древнее время помѣщались монастырская казна и ризница и въ нихъ вели особыя лѣстницы изъ алтаря. Теперь ходы эти задѣланы.

Окна церкви въ южной стѣнѣ идутъ въ два ряда, по три—въ каждомъ рядѣ; а въ сѣверной стѣнѣ вверху три окна, а внизу одно; изъ нихъ верхній рядъ первопачальный, нижній же устроенъ впослѣдствіи. Верхнія окна, при первоначальной архитектурѣ длинныя и узкія, а впослѣдствіи расширенныя, сведены вверху мысомъ и расположены подъ самыми пятами сводовъ съ отливами внутрь. Окна нижняго яруса, подъ цоколемъ, обыкновенныя, съ прямыми перемычками. Они пробиты безъ соблюденія должной симметріи съ верхнимъ рядомъ оконъ, что не можетъ не портить общаго вида храма. Окна въ фонаряхъ, подъ среднею и западными главами, имѣютъ обычную форму длинныхъ параллелограммовъ.

Алтарь въ соборѣ троечастный сообразно съ тремя алтарными углубленіями въ восточной стѣнѣ. Въ среднемъ углубленіи помѣщается главный престолъ, въ боковомъ сѣверномъ—жертвенникъ, а въ боковомъ южномъ устроенъ придѣлъ во имя св. Варсонофія. Въ главномъ алтарѣ три окна, въ придѣльномъ и у жертвенника—по одному. Престолы обыкновенные—деревянные, безъ возвышенія отъ помоста. Горнее мѣсто въ главномъ алтарѣ возвышается на три ступени и представляетъ собою открытое сѣдалище; въ предѣлѣ же оно находится въ особомъ углубленіи въ стѣнѣ, въ нишѣ, подъ полукруглымъ сводомъ.

Полъ въ храмѣ и алтаряхъ изъ опоковаго камня.

Въ продолженіе своего почти 300-лѣтняго существованія Преображенскій соборъ съ наружной стороны подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ. Прежде всего къ нему пристроена была галлерея съ сѣверной стороны—сначала деревянная, а потомъ каменная,—не позже начала прошлаго столѣтія [1]). Въ

---

[1]) Кажется, что каменная сѣверная галлерея устроена вмѣсто деревянной, сгорѣвшей въ пожаръ 1694 года, при архим. Иларіонѣ (1709—1718), о

1729 году при келарѣ Варооломеѣ Володимерцовѣ деревянная крыша собора была приподнята, устроена круче, отчего не могъ не измѣниться внѣшній видъ соборнаго верха [1]). Вскорѣ послѣ этого архимандритъ Германъ Барутовичъ (1732—1737) приказалъ пробить нижній рядъ оконъ въ соборѣ для большаго свѣта и расширить старыя—верхнія [2]). Эта передѣлка исказила боковые фасады храма и уничтожила внутри церкви тотъ таинственный полусвѣтъ, который такъ располагалъ къ молитвѣ въ древнихъ храмахъ. Еще болѣе капитальный ремонтъ произведенъ былъ въ соборѣ при архимандритѣ Ѳеофилѣ Игнатовичѣ (1754—1765). Этотъ настоятель вмѣстѣ съ обѣлкою собора извнѣ и внутри занялся передѣлкою верха его. Старая деревянная крыша была сломана; стѣны приподняты или вѣрнѣе, можетъ быть, сглажены на нихъ тѣ выемки и выступы, на которыхъ покоились арки старой бочкообразной крыши; старинныя главы сломаны и вмѣсто нихъ устроены новыя „на желѣзныхъ дугахъ“; вся церковь, наконецъ, покрыта была впервые желѣзомъ. Съ этой передѣлкой, производившейся людьми, незнакомыми съ древней архитектурой, соборъ утратилъ значительную долю своего прежняго архитектурнаго стиля. Въ такомъ видѣ онъ существовалъ болѣе ста лѣтъ, пока въ 1867 году не подвергся послѣдней передѣлкѣ съ наружной стороны, еще болѣе затемнившей его древній образъ. Въ этомъ году верхъ собора былъ разобранъ; старыя тяжелыя „желѣзныя дуги“ сняты и замѣнены деревянными стропилами; надъ восточной стѣной возведенъ существующій теперь фронтонъ, а къ западной—во всю ея величину пристроена вновь каменная галлерея, которая окончательно заслонила собою западный

которомъ въ Синодикѣ монастырскомъ записана такая замѣтка, къ сожалѣнію, очень много обрѣзанная позднѣйшимъ переплетчикомъ: «....ванскаго еп-ка(?) Преобр. мон. архим. Иларіона вкладу ево въ церко....троеніе и папер.—56 рублевъ» (Синод., стр. 40). Подъ папертью здѣсь, навѣрное, и разумѣется сѣверная каменная галлерея.

[1]) См. копію съ контракта на передѣлку крыши отъ 1729 г.

[2]) Любар., стр. 48.

фасадъ храма. Наконецъ, въ 1886 году подвергся нѣкоторому измѣненію цоколь алтарнаго выступа, обложенный въ этомъ году новымъ кирпичемъ отъ фундамента до оконъ.

Съ внутренней стороны соборъ подвергался тоже, конечно, неоднократнымъ передѣлкамъ и поправкамъ, хотя отъ этихъ поправокъ общій внутренній видъ его и не пострадалъ, какъ внѣшній, такъ какъ всѣ поправки здѣсь состояли лишь въ продѣлкѣ новыхъ оконъ, въ перестилкѣ пола, въ украшеніи стѣнъ живописью, въ устройствѣ хоровъ и, наконецъ, въ передѣлкѣ иконостаса.

Самая первая извѣстная намъ передѣлка внутри храма произведена была при архимандритѣ Германѣ Барутовичѣ, который, продѣлавъ новыя и расширивъ старыя окна, произвелъ отштукатурку и обѣлку внутреннихъ стѣнъ. Послѣ пожара 1749 г. внутренность храма снова была отремонтирована и расписана при архимандритѣ Ѳеофилѣ и въ этомъ видѣ существовала безъ новыхъ поправокъ до 1831 года. Только въ 1825 г., по случаю ожиданія пріѣзда Императора, въ соборѣ настланъ былъ новый полъ, такъ какъ старый, состоявшій частію изъ чугунныхъ плитъ, частію изъ камня и досокъ, былъ, какъ сказано въ консисторскомъ указѣ, полнымъ безобразіемъ для церкви. Въ 1834 г. стараніями архимандрита Стефана произведено было внутри церкви слѣдующее: 1) стѣны окрашены подъ мраморъ палеваго цвѣта; 2) на четырехъ колоннахъ, съ четырехъ сторонъ каждой изъ нихъ, изображенія святыхъ, полинявшія отъ времени, поновлены и приведены въ первоначальный видъ; 3) въ большомъ куполѣ изображеніе Господа Саваоѳа написано вновь; 4) въ четырехъ меньшихъ куполахъ, гдѣ ничего дотолѣ не было написано, написаны херувимы и облака съ соблюденіемъ единообразія и гармоніи; 5) въ приличныхъ мѣстахъ на всѣхъ четырехъ стѣнахъ собора написаны пилястры отличною отъ стѣнъ краскою и 6) нижнія части стѣнъ, колоннъ и алтаря отштукатурены вновь и выкрашены подъ общій цвѣтъ стѣнъ.

Въ 60-хъ годахъ внутренность храма снова потребовала капитальнаго ремонта, такъ какъ стѣны къ этому времени успѣ-

ли не только полинять, но и растрескались, образовавъ сквозныя щели. На средства благотворителей въ теченіе 1867 и 1868 гг. ремонтъ внутреннихъ стѣнъ вмѣстѣ съ ремонтомъ наружныхъ стѣнъ и былъ произведенъ, и заключался въ слѣдующемъ: стѣны, колонны и своды были выкрашены масляною краской и украшены живописными изображеніями святыхъ, при чемъ, конечно, предварительно задѣланы были всѣ щели; надъ западнымъ входомъ устроены хоры, вставлены новыя оконныя рамы, двери и пр. Къ довершенію всего соборъ изъ холоднаго дотолѣ превращенъ въ теплый, для чего въ немъ устроено было пять печей, давшихъ возможность совершать въ немъ Богослуженіе круглый годъ [1]). Изъ этихъ печей, впрочемъ, въ 1873 г. четыре были сломаны и вмѣсто нихъ устроена была одна пневматическая, которою теперь и отопляется храмъ. Наконецъ, въ 1887 г. усердіемъ г-жи Прибытковой всѣ стѣны и полъ собора вновь были выкрашены масляною краской, а живопись возобновлена.

Что касается иконостаса, существующаго теперь въ Преображенскомъ соборѣ, то первоначальное устройство его относится, какъ кажется, ко временамъ архимандрита Германа Барутовича, о которомъ Платонъ Любарскій говоритъ, что онъ построилъ въ соборной церкви „лѣпоукрашенный иконостасъ“ [2]). Послѣ пожара 1749 г. архим. Ѳеофилъ Игнатовичъ передѣлалъ его въ 1755 г. и вызолотилъ вновь [3]). При архим. Платонѣ Любарскомъ къ нему сдѣланы прибавки, впрочемъ—весьма незначительныя, и въ такомъ видѣ иконостасъ существовалъ

---

[1]) Реставрація Преображенскаго собора какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, произведена была на средства слѣдующихъ благотворителей: П. А. Прибыткова, И. Я. Тихонова, М. П. Платонова, К. Л. Крупеникова, М. И. Попова, А. Л. Курманаева, С. А. Александрова, И. Т. Лихачева, П. А. Месетникова, Я. Д. Соколова, Плѣшанова, Кривошеина, Суслова, Музурова, Алафузова,—пожертвовавшихъ болѣе 10000 руб. Пожертвованія эти собраны были главнымъ образомъ стараніями преосв. Гурія, тогдашняго настоятеля монастыря.

[2]) Люб., стр. 48.

[3]) Тамъ же, стр. 50.

до 1845 г., когда на капиталъ въ 2000 руб., пожертвованный г-жей Саврасовой, онъ былъ вновь вызолоченъ „по полименту двойниковымъ золотомъ“. Съ возобновленіемъ живописи въ первоначальномъ ея видѣ и съ устройствомъ новыхъ серебряныхъ царскихъ вратъ и новыхъ серебряныхъ окладовъ на нѣкоторыя иконы. Въ 1848 г. такъ же поновленъ былъ на средства благотворителей и иконостасъ въ придѣлѣ св. Варсонофія. Въ послѣдній разъ живопись и позолота иконостаса возобновлены были въ 1887 году на пожертвованіе г-жи Прибытковой.

Главный иконостасъ въ Преображенскомъ соборѣ—столярной работы, весь вызолоченъ и состоитъ изъ четырехъ поясовъ или рядовъ иконъ.

Въ нижнемъ поясѣ находятся: царскія врата, серебряныя, чеканныя, съ прорѣзью, съ вызолоченными клеймами, на которыхъ изображено Благовѣщеніе Пр. Богородицы и Евангелисты; вѣсу въ этихъ вратахъ 39 фунтовъ. По правую сторону царскихъ вратъ—образа: 1) образъ Спасителя съ приникшими ангелами, живописной работы, въ серебряной ризѣ съ вызолоченнымъ вѣнцомъ; вѣсу въ ризѣ около 19 фунтовъ; 2) образъ Преображенія Господня, живописной работы, въ серебряной ризѣ, вѣсомъ около 18 ф; 3) образъ Рождества Христова, въ серебряной ризѣ съ вызолоченнымъ вѣнцомъ, вѣсомъ ок. 18 фун.; 4) образъ свв. Гурія и Варсонофія въ южной двери; 5) образъ Богоявленія Господня, въ апликовой ризѣ съ сребропозлащеннымъ вѣнцомъ. По лѣвую сторону царскихъ вратъ: 1) образъ Благовѣщенія Пр. Богородицы, живоп. работы, въ серебр. ризѣ, вѣсомъ ок. 18 ф.; 2) образъ Введенія во храмъ Пр. Богородицы, живоп. работы, въ сереб. ризѣ съ золоченымъ вѣнцомъ, украшеннымъ камнями,—вѣсу въ ризъ ок. 19 фун.; 3) образъ Рождества Пр. Богородицы, въ серебр. ризѣ съ вызолоченнымъ вѣнцомъ, вѣсомъ около 18 ф.; 4) образъ правед. Захаріи съ арханг. Гавріиломъ—на сѣверной двери; и 5) образъ Успенія Богоматери, въ апликовой ризѣ.

Во 2-мъ поясѣ—праздничномъ находятся изображенія: св. Троицы, Воскресенія І. Хр., Вознесенія, Воздвиженія Креста, Сошествія св. Духа, Срѣтенія Господня, Входа Господня во Іерусалимъ, Покровъ Пр. Богородицы; надъ царскими вратами находится рѣзное позолоченное изображеніе св. духа въ видѣ голубя—въ лучахъ, а подъ нимъ всевидящее Око.

Въ 3-мъ поясѣ — апостольскомъ находятся изображенія апостоловъ—по два на каждомъ образѣ, а затѣмъ лики: святителей и преподобныхъ—на южной сторонѣ царскихъ вратъ,— и св. мучениковъ и мученицъ—на сѣверной.

Въ 4-мъ поясѣ—праотческомъ находятся изображенія св. праотцевъ, а также изображеніе Тайной вечери, Распятія І. Хр., Вознесенія Господня, Положенія Спасителя во гробъ и въ самой срединѣ пояса—надъ царскими вратами образъ Преображенія Господня.

Предъ иконостасомъ на правой сторонѣ на аналогіи находится древній образъ трехъ Казанскихъ святителей, въ серебр. позолоч. ризѣ, съ частицею мощей св. Гурія,—а по лѣвую сторону на такомъ же аналогіи—образъ св. Великомученицы Варвары, съ частицею св. мощей ея, въ серебряной вызолоченой ризѣ.

Изъ иконъ въ прочихъ мѣстахъ храма достойны упоминанія: 1) образъ Архистратига Михаила, живоп. работы, въ рѣзномъ вызолоченномъ кіотѣ, помѣщающійся на первой южной колоннѣ; этотъ образъ пожертвованъ казанскими кантонистами въ память своего обращенія въ христіанство и крещенія въ Спасскомъ монастырѣ—въ 1847 г.; на серебряной дощечкѣ, прибитой къ образу, слѣдующая надпись: „Небесныхъ воиновъ архистратигу отъ земныхъ воиновъ царя русскаго благодареніе за дивныя дѣла Божіи, совершившіяся въ казанскихъ батальонахъ военныхъ кантонистовъ въ 1845, 46, 47 годахъ“.

2) Древній образъ Вседержителя, въ сребропозлащенной ризѣ и золоченомъ кіотѣ, находящійся на второй колоннѣ съ правой стороны. Вседержитель изображенъ сидящимъ на пре-

столѣ; въ верху образъ Живоначальной Троицы, въ срединѣ крестъ осмиконечный серебряный, по сторонамъ—изображенія Пресв. Богородицы, Іоанна Предтечи и Благовѣщенія; вокругъ въ клеймахъ изображено живописью содержаніе акаѳиста Сладчайшему Іисусу.

3) Старинный серебряный, позолоченный складень, изображающій Деисусъ, находящійся на задней сторонѣ правой колонны къ выходу; образъ вдѣланъ въ желѣзную коробку, окрашенную красной краской; Спаситель на этомъ образѣ представленъ въ простомъ хитонѣ съ иматіономъ.

4) Образъ Божіей Матери, именуемой „Умиленіе“, въ сребропозлащенной ризѣ, украшенной камнями, находящійся на первой колоннѣ за лѣвымъ клиросомъ; внизу иконы надпись: „точное изображеніе чудотворнаго образа Умиленія Пр. Богородицы Псково-Печерскаго монастыря—1761 г.“.

5) Образъ св. Николая Чудотворца, въ серебряной ризѣ, украшенной камнями, находящійся на лѣвой, крайней къ клиросу, колоннѣ, вѣсу въ ризѣ ок. 19 фунтовъ.

Среди церкви висятъ два бронзовыхъ вызолоченныхъ паникадила, въ три ряда свѣчъ каждое. Предъ мѣстными образами восемь лампадъ серебряныхъ, вѣсомъ отъ 2 до 6 фунтовъ каждая.

Въ правомъ алтарномъ углубленіи Преображенскаго собора находится небольшой придѣльный храмъ во имя св. Варсонофія. Въ алтарѣ этого придѣла по правую сторону горняго мѣста находится запрестольный древній крестъ въ серебр. чеканномъ вызолоченномъ окладѣ; въ возглавіи Распятаго изображены два херувима и четыре ангела и „отечество“; далѣе на томъ же крестѣ по краямъ образы: Неопалимой купины, двунадесятыхъ праздниковъ и св. угодниковъ. Крестъ по краямъ обложенъ серебромъ, которое по мѣстамъ обломалось, по окладу надпись „вязью“, которую прочесть почти невозможно, но изъ нея все же видно, что крестъ этотъ устроенъ въ 1656 году. Фигура креста напоминаетъ Новгородскій „чудный“ крестъ.

По лѣвую сторону горняго мѣста находится тоже очень древняя запрестольная икона Тихвинской Божіей Матери, по полю обложенная клѣтчатымъ серебрянымъ, золоченымъ басменомъ съ филигранным эмалированнымъ, подложеннымъ цвѣтною фольгой, вѣнцомъ. На другой сторонѣ иконы написанъ образъ свв. Гурія и Варсонофія, обложенный такимъ же басменомъ. На святителяхъ вѣнцы старинной чеканной работы, съ привѣшенными къ нимъ такими же оплечниками, украшенными бирюзой, лалами, или рубинами, и разными подвѣсками изъ жемчужинъ и изумрудцевъ. Надъ вѣнцами цаты съ вычеканенною вязью надписью—„св. Гурей“ и „св. Варсуноосй“. Изображенія святителей на этой иконѣ весьма характерны, отличаясь строгостью стариннаго иконописнаго стиля. Святители облечены въ длинныя древней формы фелони, съ бѣлыми узкими омофорами, въ низкихъ шапкахъ, или митрахъ, съ бѣлою опушкой. Ростомъ св. Гурій выше св. Варсонофія; взглядъ его отличается кротостью, глаза смотрятъ открыто и привѣтливо, у святителя окладистая борода, длинная и почти вся сѣдая, усы закрываютъ уста. У св. Варсонофія лице худое, изможденное, щеки глубоко впали; борода длинная, но рѣдкая и оканчивается остро у средины груди; брови у св. Варсонофія шире, усы тоньше, сѣдины въ волосахъ меньше, глаза смотрятъ открыто. Кажется, что это самыя древнія изображенія св. Гурія и Варсонофія и, можетъ быть, самыя вѣрныя. Видимо, художникъ, при строгомъ выполненіи правилъ византійскаго иконописанія, старался передать и отличительныя черты въ лицахъ святителей, которыя могли быть извѣстны тогда по преданію.

Иконостасъ въ придѣлѣ св. Варсонофія столярной работы, вызолоченный, въ пять поясовъ. Въ первомъ поясѣ—царскія врата, деревянныя, иконы Спасителя, Богоматери, св. Варсонофія и Димитрія Ростовскаго; во 2-мъ праздники, въ 3-мъ апостолы, въ 4-мъ святители, преподобные, пророки, мученики, и въ 5-мъ изображенія небесныхъ безплотныхъ силъ.

РИЗНИЦА.

Въ ризницѣ соборной монастырской нѣтъ ничего выдающагося по цѣнности или художественному выполненію. Но зато въ ней есть не мало древнихъ предметовъ, имѣющихъ значительный интересъ какъ съ археологической стороны, такъ, можетъ быть, и съ научной. Разсмотримъ кратко эти предметы [1]).

1) Типикъ св. Варсонофія.

Рукописный типикъ, или уставъ св. Варсонофія въ настоящее время, безъ сомнѣнія, есть самый цѣнный памятникъ прошлаго Спасскаго монастыря.

Типикъ представляетъ изъ себя очень хорошо сохранившуюся книгу въ 536 бумажныхъ листовъ in folio, въ кожаномъ переплетѣ; письмо его полууставное, въ первой половинѣ болѣе отчетливое, чѣмъ во второй. Уставъ писанъ двумя лицами, что кромѣ различія почерка,—различія, впрочемъ, незначительнаго, видно еще и изъ того, что въ первой половинѣ типика употребляются юсы, а во второй нѣтъ. Кромѣ немногихъ красныхъ строкъ: сдѣланныхъ вязью, иногда очень замысловатой, въ книгѣ нѣтъ никакихъ другихъ украшеній, столь обычныхъ тогдашнимъ рукописямъ.

Типикъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Уставъ церковной службѣ иже во Іерусалимѣ св. Лавры препод. и богоноснаго отца нашего Саввы“. Первый листъ книги занятъ молитвой „отъ всякія скверны“, попавшей сюда, какъ кажется, случайно. Потомъ идетъ „сказаніе главомъ въ настоящей книзѣ“,—оглавленіе первой собственно части, заключающей въ себѣ изложеніе на 110 листахъ общаго порядка службы и разныя предписанія „общаго монашескаго житія“. Съ 115 листа по 171 л. слѣдуютъ „главы Марка іеромонаха списаніе трудолюбезному (sic) о недо-

---

[1]) Предметы эти, за исключеніемъ типика и синодика, описывалъ въ свое время протоіереи Н. Заринскій. Пав. по Каз. епархіи 1877 г., стр. 397—410.

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

за 1894 годъ,

доложенный секретаремъ Общества Н. Ѳ. Катановымъ Общему Собранію 19 марта 1895 года.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

къ 19 марта 1895 года.

Казань.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1895 г.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. 19 марта 1895 г.

Секретарь Общества
Арх., Ист. и Этнографіи Н. Катановъ.

ОТЧЕТЪ

Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1894 годъ.

I. Составъ Общества. Къ 19 марта 1895 года Общество имѣло всего 178 членовъ: 15 почетныхъ членовъ (3 за границей и 12 въ Россіи), 4 члена-соревнователя, 93 дѣйствительныхъ члена (изъ нихъ 52 городскихъ и 41 иногороднихъ) и 65 членовъ-сотрудниковъ (изъ нихъ 22 городскихъ и 43 иногороднихъ). Въ этомъ числѣ съ 1 января 1894 года по 19 марта 1895 года вновь избрано: I. 10 дѣйств. членовъ: 1) Н. И. Андерсонъ, проф. Казан. унив., 2) 4) Е. Ѳ. Будде, проф. Казан. унив., 3) И. И. Ворченко, кандид. Кіевск., универ., 4) Н. Ѳ. Катановъ, проф. Казан. унив., 5) М. А. Машановъ, проф. Казан. духов. акад., 6) А. В. Смоленскій, препод. Казан. учит. семин., 7) Л. А. Стратонитскій, препод. 2 Казан. гимн., 8) О. Э. Энгель, казан. купецъ, 9) И. В. Аничковъ, мировой судья г. Ауліэ-ата, и 10) З. З. Тиле, земскій начальникъ въ г. Чебоксарахъ; II. 4 члена-сотрудника: 1) А. П. Павловъ, подполковникъ и ротный командиръ Казан. юнкер. училища. 2) Т. А. Иваницкій, учитель г. Кахи Закатал. округа, 3) С. К. Кузнецовъ, библіотек. Томскаго универ., и 4) А. І. Піотровскій, художникъ въ г. Казани. С. К. Кузнецовъ, согласно его желанію, перечисленъ Совѣтомъ 14 янв. 1895 года изъ дѣйствит. членовъ въ члены-сотрудники.

За отчетное время Общество понесло тяжелую утрату въ лицѣ умершаго 3 февраля 1895 года дѣйств. стат. сов. Андрея Николаевича Бекетова, который съ 5 сент. 1878 г., состоя дѣйств. членомъ Общества и принимая горячее участіе въ трудахъ его, много содѣйствовалъ успѣхамъ науки. Совѣтомъ Общества 27 января 1895 года на основаніи § 25 устава исключено изъ членовъ-сотрудниковъ 11 человѣкъ, которые болѣе 2 лѣтъ не доставляли о себѣ Обществу никакихъ свѣдѣній.

II. Составъ Совѣта. Совѣтъ Общества съ послѣдняго годичнаго Собранія, бывшаго 8 апрѣля 1884 года, составляли слѣдующія лица: Предсѣдатель Общества Н. А. Ѳирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены Совѣта: А. А. Штукенбергъ, И. Н. Смирновъ, Ѳ. Г. Мищенко, А. И. Александровъ и П. А. Пономаревъ; казначей Общества А. Т. Соловьевъ и секретарь Н. Ѳ. Катановъ. Ревизіонная коммиссія состояла изъ Н. А. Толмачева, А. К. Кулагина и П. В. Траубенберга. Членами редакціонной коммиссіи были: Н. Ѳ. Катановъ, И. Н. Смирновъ и Ѳ. Г. Мищенко. Музеемъ Общества завѣдывалъ А. А. Штукенбергъ, библіотекой И. Н. Смирновъ и отдѣломъ рукописей А. И. Александровъ.

III. Коммиссіонерами Общества по продажѣ его изданій въ Казани и другихъ городахъ (С.-Петербургѣ и Москвѣ) состояли: А. А. Дубровинъ и братья Башмаковы.

IV. Дѣятельность Общества. За время съ 8 апрѣля 1894 г. по 19 марта с. г. было 12 засѣданій Совѣта и 6 Общихъ Собраній. Съ 1 января 1894 года по 19 марта 1895 года Общество издало 6 выпусковъ своего журнала «Извѣстія»: 6 вып. XI и 1—5 вып. XII тома. Изъ крупныхъ статей въ этихъ выпускахъ помѣщены слѣдующія: 1) 6 вып. XI т: И. В. Нечаева, Игры деревенскихъ дѣтей Лаишевскаго уѣзда Каван. губ.: Н. О. Акаѣмова, Очеркъ исторіи гор. Курмыша Симбир. губ. въ XIV—XVIII в; Р. Г. Игнатьева, Башкиръ Салаватъ Юлаевъ, Пугачевскій бригадиръ, пѣвецъ и импровизаторъ; 2) 1 вып. XII т.: В. А. Мошкова, Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ; В. А. Богородицкаго, Къ вопросу о смѣшанныхъ языкахъ; И. Н. Смирнова, Дешифрація енисейско-орхонскихъ надписей; 3) 2 вып. XII т. Н. О. Катанова, О погребальныхъ обрядахъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней; С. С. Красовскаго, Русскіе въ Якутской области въ XVII в.; 4) 3 вып. XII т.: Я. И. Смирнова, О сасанидскихъ блюдахъ; Ф. В Духовницкова, Поѣздка въ село Квасниковку; И. В. Аничкова, Киргизскій батырь Джанходжа Нурмухаммедовъ; 5) 4 вып. XII т.: И. Н. Смирнова, Каракулинскій могильникъ; Н. И. Засѣдателева, Древній обрядъ коронованія у тюркскихъ народовъ; 6) 5 вып. XII т.: Н Н Пантусова, Орденъ хуфіе; Н. Ѳ. Катанова, О свадебныхъ обрядахъ татаръ Восточнаго Туркестана, Н. А. Износкова, О сѣнокосныхъ и другихъ земельныхъ угодьяхъ въ окрестностяхъ г. Казани въ концѣ XVIII вѣка; Н. Ѳ. Катанова, Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ; Д. А. Кочнева, О погребальныхъ обрядахъ якутовъ Вилюйскаго округа Якутской области; В. К. Магницкаго, Къ вопросу о тамбовскихъ и казанскихъ татарахъ; А. И. Соколова, Особенности языка и правописанія грамотъ XVII вѣка; Т. А. Иваницкаго, Адербейджанская сказка о трехъ братьяхъ-царевичахъ; Н. Ѳ. Катанова, Турецкая, Сагайская и Логученская сказки о 3 братьяхъ. Кромѣ того въ 1894 году напечатанъ сборникъ рѣчей (Н. А. Ѳирсова, В. Н. Витевскаго и Н. Н. Ѳирсова), произнесенныхъ 7 ноября 1893 г. въ торжественномъ Собраніи Обще-

ства и посвященныхъ двухсотлѣтней памяти И. И. Неплюева. Въ концѣ 1894 года вышелъ изъ печати «Черемисско-русскій словарь» В. И. Троицкаго, заключающій въ себѣ 87 стр. убористой печати. Въ началѣ 1895 года оконченъ печатаніемъ большой трудъ И. Н. Смирнова «Мордва», историко-этнографическое сочиненіе, печатаніе котораго Обществомъ было начато еще въ 1892 году. Помимо всего этого Общество слѣдило за успѣхами археологіи, исторіи и этнографіи какъ въ Россіи, такъ и за границей и напечатало по этому поводу въ отдѣлахъ «хроники», «матеріаловъ», «музеографіи» и «библіографіи» своихъ «Извѣстій» до 40 мелкихъ статей. Имѣя одной изъ основныхъ задачъ всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра, Общество имѣло корреспондентовъ для отчетовъ о новостяхъ финнской, венгерской и скандинавской литературъ въ Гельсингфорсѣ, Будапештѣ и Упсалѣ.

V. Музей Общества обогатился слѣдующими пріобрѣтеніями: 1) 14 мая 1894 г, 8 серебряными и 12 мѣдными монетами, временъ Нâсиръ-ли-д-дини-ллахи, Узбекъ-хана (1323 и 1331 г.), Джани-бека (1351 г.), Бирди-бека (1358 г.) и Хивръ-хана (1360 г.). Эти монеты вывезены Н. Ѳ. Катановымъ изъ с. Болгаръ-Успенскаго и куплены на деньги изъ бо̂лгарскаго фонда. 2) 10 ноября 1894 года куплено мѣдныхъ монетъ, найденныхъ въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казан. губ., 44 штуки на 1 р. 87 к.: 33 шт. по 5 и 11 по 2 коп. Эти монеты русскія, годовъ; 1756, 1757, 1760, 1772, 1775, 1776, 1778, 1779, 1782, 1783, 1785, 1786, 1789, 1790, 1794—1802, 1806 и 1807. 3) 21 ноября 1894 года куплено въ с. Болгарахъ-Успенскомъ 2 серебряныя монеты: 1 русская въ 5 коп. 1737 г., (Анны Іоанновны) и 1 татарская 1358 г., съ именемъ Кулна-хана. 4) 29 ноября 1894 года Казанская духовная консисторія прислала въ даръ Обществу большой фотограф. снимокъ ветхаго Христорождественскаго г. Чебоксаръ храма 5) 17 декабря 1894 года отъ И. Н. Смирнова поступило въ музей 9 фотограф. снимковъ съ болгарскихъ развалинъ, снимковъ, сдѣланныхъ во время раскопокъ въ іюнѣ 1893 года, 6) 23 декабря 1894 года дѣйств. членъ Общества В. А. Мошковъ принесъ въ даръ Обществу 2 фотограф. снимка: а) группы Минскихъ татаръ, живущихъ по русски, но исповѣдующихъ исламъ, и б) мечети Минскихъ татаръ. 7) 17 февраля 1895 года инспект. народ. училищъ Казан. губ. А. П. Карповъ пожертвовалъ Обществу 1 экз. мѣднаго набалдашника или кистеня. 8) 17 февраля 1895 года пожертвованъ Обществу Н. Ѳ. Катановымъ фотогр. снимокъ медресе̂ Ширда̂ръ въ г. Самарка̂ндѣ, сдѣланный Г. Н. Аршауловымъ.

VI. Отдѣлъ рукописей обогатился 2 января и 27 февраля 1895 года 2 цѣнными пожертвованіями: 1) Подлиннымъ письмомъ знаменитаго Н. И. Лобачевскаго, датированнымъ 11 апрѣля 1845 года и адресованнымъ на имя его родственницы Ѳеклы Ермолаевны. Это письмо характеризуетъ Н. И. Лобачевскаго, какъ добраго семьянина и родственника, всегда готоваго помочь своимъ даже дальнимъ родственникамъ. Это письмо принесено въ даръ Обществу дѣйствит. членомъ П. А. Пономаревымъ. 2) Рукописною лѣтописью», носящею заглавіе «Лѣтопись отъ Адама до новѣйшихъ временъ», составлен-

ною въ 1782 году и законченною 21 сент. 1782 года. Въ концѣ рукописи находится подпись просмотрѣвшаго ее какого-то учителя русскаго и нѣмецкаго языковъ Прохора Шюрдава, который говоритъ, что «er hat selbst geschrieben 1782 Iahr Herbst-monats 21 Tag.». Лѣтопись содержитъ 90 стран. in 2°. Въ ней помѣщены генеалогическія таблицы всѣхъ библейскихъ и историческихъ фамилій, которыя были извѣстны учителю Прохору Шюрдава Эта лѣтопись пожертвована Обществу архимандритомъ Веніаминомъ, настоятелемъ Свіяжскаго Успенскаго Богородицкаго Первокласснаго монастыря, получившимъ ее въ 1872 году въ подарокъ отъ бывшаго ректора Иркутской духовной семинаріи архимандрита Модеста.

VII. Библіотека Общества также увеличилась значительно благодаря пожертвованіямъ и благодаря обмѣну изданіями съ другими учрежденіями и редакціями разныхъ газетъ и журналовъ. I. Пожертвованія. Изъ наиболѣе крупныхъ пожертвованій на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить пожертвованіе, сдѣланное Переводческою Коммиссіею при Братствѣ Св. Гурія въ Казани. Коммиссія принесла въ даръ Обществу 143 названія въ 153 экз. своихъ изданій: 9 экз. русскихъ изданій, 34 чувашскихъ, 36 татарскихъ, 10 луговыхъ черемисъ, 6 восточныхъ черемисъ, 4 горныхъ черемисъ, 2 калмыцкихъ, 7 мордвы-эрзя, 4 мордвы-мокша, 10 вотскихъ, 4 якутскихъ, 3 алтайско-татарскихъ, 2 тунгузскихъ, 4 гольдскихъ, 3 остяцкихъ, 2 бурятскихъ, 1 экз. ороченскихъ, 3 шорскихъ и 9 киргизскихъ изданій. Изъ книгъ, пожертвованныхъ Коммиссіей, особеннаго вниманія заслуживаютъ тексты разныхъ нарѣчій и языковъ, также грамматики и словари. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить пожертвованіе 20 книгъ, сдѣланное дѣйств. членомъ А. А. Штукенбергомъ: 1) Записки Императорскаго Одесскаго Общ. Ист. и Древн. т. XII. Одесса, 1881; 2) Чинъ поставленія на великое княжество князя Димитрія Іоанновича. Спб. 1865; 3) Послѣдніе часы Императора Николая I. Спб. 1855; 4) По вопросу о Зырян. яз. и Зырянской грамотѣ, Г. Лыткина. Спб. 1884; 5) Отношенія верхней части Поволжья къ Нижегородской ярмаркѣ, Н. Овсянникова; 6) Опись городскихъ поселеній Казан. губ., А. Орлова. Вып. I Каз. 1885; 7) Естественное приращеніе сельскаго населенія Казан. губ., Н. Вечеслава. Томъ I. Казань. 1875; 8) Нѣкоторыя свѣдѣнія о распространеніи христіанства у Калмыковъ, П. Шестакова. Спб. 1869; 9) По поводу брошюры о Васильевской башнѣ, В. Лѣстницына. Ярославь, 1876; 10) Астраханскій Троицкій Соборъ, Пр. И. К. Казань. 1881; 11) Дневникъ засѣданій Коммиссіи для разбора предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеумѣ древностей. Вильна, 1865 г.; 12) Родственныя меря съ вогулами, П. Шестакова. Каз. 1873; 13) Поѣздка въ село Иваново и Городъ Шую, А. Ершова. Москва, 1849; 14) Разъясненія нѣкоторыхъ ошибокъ о г. Саратовѣ и Пугачевщинѣ, А. Леопольдова. Саратовъ, 1870; 15) Государственный канцлеръ Графъ Н. П. Румянцевъ. Спб. 1871; 16) В. А. Жуковскій въ своихъ письмахъ, очеркъ В. Витевскаго. Каз. 1883; 17) Обзоръ Казанской губ. за 1884 годъ. Казань. 1885; 18) Соединеніе нижней части Волги съ сѣтью рус. желѣз. дорогъ, съ прилож. карты Европ. Россіи. Спб.

1868; 19) Высочайше утвержденная магистральная линія Сибирской желѣз. дороги. Каз. 1883; 20) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Томъ X. Одесса, 1877. Съ 5 таблицами плановъ и рисунковъ. Далѣе слѣдуютъ пожертвованія: 1) А. В. Смоленскаго—его сочиненія «Чувашскія примѣты о погодѣ и ея вліяніи на хозяйство. Казань. 1894; 2) С. К. Кузнецова—его сочиненія «Къ вопросу объ охранѣ древностей отъ истребленія» (отд. оттискъ изъ № 114 «Сибир. Вѣстн.» за 1894 годъ); 3) А. В. Васильева—его сочиненій и ихъ переводовъ: а) Изъ исторіи и философіи понятія о цѣломъ положительномъ числѣ. Каз. 1891, б) Бронеръ и Лобачевскій, 2 эпизода изъ жизни первыхъ профессоровъ Казанскаго университета. Каз. 1893, в) Dr. George Bruce Halsted, Nicolái Iwánowich Lobachéwski, adress pronunced at the commemorative meeting of the imperial university of Kasán, october 22, 1893. By professor A. Vasilief. Austin, Texas, 1894. 4) П. Ѳ. Катанова—его сочиненій: а) Среди тюркскихъ племенъ. Спб. 1893, б) Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ. Казань. 1894, в) О погребальныхъ обрядахъ тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Каз. 1894, г) Пѣсня Худаяръ-хана и приходъ русскихъ (въ Ср. Азіи). Спб. 1894. 5) Г. И. Тимошевскаго—4 книгъ: а) Отчетъ о состояніи Маріупольской Александровской Гимназіи за 1893 г. Маріуполь, 1894, б) Отчетъ о состояніи Маріупольской Маріинской женской Гимназіи за 1893 г. Маріуполь, 1894, в) Отчетъ о состояніи Маріупольской Александровской Гимназіи за 1894 г. Маріуполь, 1895, г) Отчетъ о состояніи Маріупольской Маріинской женской Гимназіи за 1894 г. Маріуполь, 1895. 6) Архимандрита Свіяжскаго Успенскаго Богородицкаго Первокласнаго Монастыря Веніамина — Опись Свіяжскаго Богородицкаго мужскаго монастыря 1614 года. Каз. 1892. Кромѣ перечисленныхъ здѣсь книгъ поступили въ даръ Обществу отъ равныхъ лицъ слѣдующія сочиненія.

1) Каталогъ выставки археологическихъ коллекцій Пермскаго края. Пермь. 1894.
2) Древніе христіанскіе храмы въ Зеленчукскомъ ущельи Кавказскаго хребта. Москва. 1894.
3) Каталогъ Рязанскаго музея. Отдѣлъ Нумизматическій. Рязань. 1894.
4) Сочиненія Григорія Сковороды. Харьковъ. 1894.
5) С. Н. Мамѣевъ. Документы, относящіяся къ ссылкѣ Августа Коцебу въ Сибирь. Тоб. 1894.
6) — Рукописи библіотеки Тобольскаго музея. Тоб. 1894.
7) П. В. Владиміровъ. Францискъ Скорина.
8) — Новыя данныя для изученія С. Великорусскаго нарѣчія.
9) — Слово о полку Игоревѣ.
10) — Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзіи Лермонтова.
11) — Великое Зерцало.
12) Каталогъ военно-учебнаго Архива Главнаго Штаба. Вып. VI;
13) А. А. Дмитріевъ. Пермская Старина, Вып. V. Пермь. 1894.

14) Сибирскій сборникъ. Приложеніе къ «Восточному Обозрѣнію» за 1894.

15) Адресъ-календарь города Оренбурга на 1894 г.

16) И. А. Износковъ. О сѣнокосныхъ и др. земельныхъ угодіяхъ въ окрестностяхъ гор. Казани въ концѣ XVIII в. Казань. 1895.

За всѣ перечисленныя здѣсь болѣе или менѣе цѣнныя пожертвованія Общество приноситъ искреннюю благодарность жертвователямъ. II. Затѣмъ необходимо упомянуть и объ обмѣнѣ изданіями съ равными учрежденіями, учеными Обществами и редакціями газетъ и журналовъ, изданія которыхъ представляютъ крупную цѣнность для Общества. Обмѣнъ за 1894 годъ значительно усилился: такъ за границей Общество обмѣнивалось съ 13 мѣстами (въ Парижѣ. Берлинѣ, Брауншвейгѣ, Кёнигсбергѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Будапештѣ, Прагѣ, Христіаніи и Константинополѣ) и въ Россіи съ 100 мѣстами (въ Астрахани, Варшавѣ, Владивостокѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Гельсингфорсѣ. Екатеринбургѣ, Иркутскѣ, Казани, Кіевѣ, Костромѣ, Красноярскѣ, Минусинскѣ, Митавѣ, Москвѣ, Н. Новгородѣ, Одессѣ, Омскѣ, Оренбургѣ, Пензѣ, Перми, Ревелѣ, Ригѣ, Рязани, Самарѣ, С.-Петербургѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Тамбовѣ, Ташкентѣ, Тифлисѣ, Тобольскѣ, Томскѣ, Уральскѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Юрьевѣ, Якутскѣ и Ярославлѣ).

СПИСОКЪ

Ученыхъ Обществъ и Учрежденій, съ которыми Общество А. И. и Э. состояло въ обмѣнѣ изданіями.

А. ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Франція.

Парижъ. Société de linguistique.
«Bulletins de la Société de linguistique».

Германія.

Берлинъ. Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.
«Zeitschrift für Ethnologie».

Брауншвейгъ. «Globus».

Кёнигсбергъ. «Schriften der Phys.—Oekon. Gesellschaft».

Мюнхенъ. «Hochschul-Nachrichten».

Австро-Венгрія.

Вѣна. Wiener Anthropologische Gesellschaft.
«Mittheilungen der Wiener Anthropologischen Gesellschaft».
Будапештъ. «Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn».
— «Ethnographia».
Прага. Česky Lid.
— «Časopis Musea Kralewstva Českého».

Норвегія.

Христіанія. Королевскій университетъ.
Aarsberetning.

Турція.

Константинополь. Археологическій институтъ.

Б. ВЪ РОССІИ.

Астрахань. Петровское Общество изслѣдователей Астраханскаго края.
Отчеты и Труды.
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
Варшава. Императорскій Университетъ.
«Ученыя Записки».
— Редакція журнала «Wisla».
Владивостокъ. Общество изученія Амурскаго края.
Отчеты и Записки.
— Редакція газеты «Дальній Востокъ».
Воронежъ. Губернскій Статистическій Комитетъ.
«Памятная Книга».
Вятка. Губернскій Статистическій Комитетъ.
«Календарь Вятскаго края».
— Земское Статистическое Бюро при Губернской Земской Управѣ.
«Матеріалы для статистики Вятской губерніи».
«Матеріалы для описанія промысловъ Вятской губерніи».
Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
Гельсингфорсъ. «Финно-Угорское Общество».
«Journal de la Société Finno-Ougrienne».
«Mémoires de la Société Finno-Ougrienne».
— Финское Археологическое Общество.
«Tidscrift».
«Suomi Museo».
Екатеринбургъ. Редакція «Екатеринбургской Недѣли».
— Уральское Общество Любителей Естествознанія.
«Записки Урал. Общ. Люб. Естеств.»

Иркутскъ. Восточно-Сибирскій Отдѣлъ И. Р. Геогр. Общ.
«Извѣстія В. С. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ.».
— Редакція газеты «Восточное Обозрѣніе«.
Казань. Императорскій Университетъ.
«Ученыя Записки Имп. Каз. Унив.».
— Духовная Академія.
«Православный Собесѣдникъ».
— Губернскій Статистическій Комитетъ.
«Памятная книжка Казанской губ.».
— Редакція газеты «Волжскій Вѣстникъ».
— Редакція газеты «Казанскій Телеграфъ».
— Переводческая Коммиссія при Братствѣ Св. Гурія.
Кіевъ. Императорскій Университетъ.
«Кіевскія Университетскія Извѣстія».
— Историческое Общество Нестора Лѣтописца.
«Чтенія въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца».
— Редакція журнала «Кіевская Старина».
Кострома. Архивная Коммиссія.
Протоколы.
— Губернскій Статистическій Комитетъ.
Красноярскъ. Редакція газеты «Енисейскій Листокъ» («Енисей»).
Минусинскъ. Минусинскій Музей.
Отчетъ.
Митава. Курляндскій Губернскій Статистическій Комитетъ.
Москва. Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
«Извѣстія Имп. Общ. Л. Е. А. и Э.».
«Этнографическое Обозрѣніе».
«Землевѣдѣніе».
— Императорское Археологическое Общество.
«Древности И. М. Арх. Общества».
— Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ.
«Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.».
— Архивъ Министерства Юстиціи.
«Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ М. А. М. Ю.».
— Императорскій Историческій Музей.
— «Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія».
— Редакція журнала «Русское Обозрѣніе».
Н. Новгородъ. Губернская Ученая Архивная Коммисія.
«Дѣйствія Ниж. Арх. Коммиссіи».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
Одесса. Императорскій Новороссійскій Университетъ.
«Записки Имп. Новор. Унив.».
— Императорское Общество Ист. и Древ.

Одесса. «Труды Одесс. Общ. Ист. и Древн.».
Омскъ. Западно-Сибирскій Отд. Имп. Геогр. Общ.
«Записки З. С. Отд. И. Р. Геогр. Общ.».
Редакція «Киргизской газеты».
Оренбургъ. Оренбургскій Отдѣлъ Имп. Рус. Геогр. Общ.
«Извѣстія Оренб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.».
— Редакція газеты «Оренбургскій Край».
— Редакція газеты «Оренбургскій Листокъ».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
— Редакція «Тургайскихъ Областныхъ Вѣдомостей».
Пенза. Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
— Пензенскій Губернскій Статистическій Комитетъ
Пермь. Губернская Архивная Коммиссія.
«Труды Перм. Архив. Коммиссіи».
— Губернскій Статистическій Комитетъ.
«Памятная Книжка Пермской Губерніи».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
Ревель. Эстляндскій Статистическій Комитетъ».
Рига. Общество Исторіи и Древностей.
«Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands».
Рязань. Губернская Архивная Коммиссія.
«Извѣстія Рязанской Архивной Коммиссіи».
Самара. Редакція газеты «Самарскій Вѣстникъ».
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
С.-Петербургъ. Императорскій Университетъ.
«Записки Историко-Филолог. факультета».
— Императорская Академія Наукъ.
— Императорская Археологическая Коммиссія.
Отчеты.
«Матеріалы для Археологіи Россіи».
— Императорское Русское Археологическое Общество.
«Записки Имп. Р. Арх. Общ.».
«Записки Вост. Отдѣл. Имп. Р. Арх. Общ.».
— Археологическій Институтъ.
«Вѣстникъ Археологіи».
— Историческое Общество при Импер. Университетѣ.
«Историческое Обозрѣніе».
— Редакція журнала «Вѣстникъ Европы».
— Императорское Русское Географ. Общество.
«Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общества».
«Записки по Отд. Этнографіи И. Р. Г. Общ.».
«Живая Старина»
Отчетъ (за 1893 г).

С.-Петербургъ. Редакція журнала «Русская Старина».
— Редакція журнала «Сѣверный Вѣстникъ».
Саратовъ. Саратовская Архивная Коммиссія.
«Труды Сар. Арх. Комм.».
— Редакція «Сборника Сарат. Губ. Земства».
— Редакція газеты «Саратовскій Листокъ».
— Редакція газеты «Саратовскій Дневникъ».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
Симбирскъ. Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
Земство. «Вѣстникъ Симбир. Земства».
Симферополь. Таврическая Архивная Коммиссія.
«Труды Таврич. Арх. Коммиссіи.
Тамбовъ. Ученая Архивная Коммиссія.
«Извѣстія Тамб. Арх. Комм.».
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
Ташкентъ. Сыръ-Дарьинскій Областной Статистическій Комитетъ.
— Редакція «Туркестанскихъ Вѣдомостей».
Тифлисъ. Кавказскій Отдѣлъ И. Р. Геогр. Общ.
«Труды Кавказ. Отд. И. Р. Геогр. Общ.».
— Кавказскій Учебный Округъ.
«Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа».
Тобольскъ. Губернскій Музей.
«Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея».
— Редакція газеты «Сибирскій Листокъ».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
Томскъ. Редакція газеты «Сибирскій Вѣстникъ».
— Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
— Редакція «Епархіальныхъ Вѣдомостей».
Уральскъ. Редакція «Уральскихъ Войсковыхъ Вѣдомостей».
Уфа. Редакція «Губернскихъ Вѣдомостей».
Харьковъ. Императорскій Университетъ.
«Записки Имп. Харьк. Унив.».
— Историко-Филологическое Общество при Университетѣ.
«Записки».
Юрьевъ. Императорскій Университетъ.
«Ученыя Записки Имп. Юрьев. Универ.».
Якутскъ. Редакція «Областныхъ Вѣдомостей».
Ярославль. Архивная Коммиссія.
«Труды Архивной Коммиссіи».

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь мѣстъ, Общество разсылало свой журналъ **безплатно**: всѣмъ городскимъ и иногороднимъ почетнымъ членамъ и членамъ соревнователямъ, всѣмъ городскимъ дѣйствительнымъ членамъ, всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ иногороднимъ, уплачивавшимъ аккуратно членскій взносъ, и тѣмъ постороннимъ лицамъ, которыя сотрудничали въ журналѣ Общества.

Разсылка «Извѣстій» Общества за отчетное время распредѣлялась вообще такимъ образомъ:

I. Въ обмѣнъ:	а) за границу	13	113	экз.
	б) въ Россіи	100		
II. Членамъ:	а) въ Казани	54	61	»
	б) въ др. городахъ	7		
III. Сотрудникамъ:	а) въ Казани	1	9	»
	б) въ др. городахъ	8		
IV. Подписчикамъ:	а) въ Казани	1	25	»
	б) въ др. городахъ	24		
V. Коммиссіонерамъ:	а) А. А. Дубровину	35	70	»
	б) бр. Башмаковымъ	35		
VI. Безплатно:	а) въ Казани	1	6	»
	б) въ др. города	5		
VII. Оставалось въ складѣ Общества			16	»
		Всего	300	экз.

Безплатно (VI пунктъ) «Извѣстія» были высланы: въ Казанскую Городскую Публичную Библіотеку, Нижегородскую Безплатную Народную Читальню, Инспектору училищъ Сердобскаго уѣзда Саратовской губ., уряднику Трехозерской волости Спасскаго уѣзда Казанской губ. В. С. Иванову, въ Хабаровскую Публичную Библіотеку и въ Бѣлгарскую Библіотеку Общества Арх., Ист. и Этн.

Отъ всѣхъ изданій, полученныхъ Обществомъ въ послѣдніе года въ даръ, библіотека его настолько увеличилась, что въ настоящее время Общество возбудило ходатайство о новыхъ помѣщеніяхъ для удобнаго расположенія всѣхъ своихъ пріобрѣтеній.

VIII. Денежныя средства Общества.

Переходя къ обозрѣнію денежныхъ средствъ Общества, нужно замѣтить, что за отчетное время значительно усилилась продажа изданій Общества какъ въ Казани, такъ и въ другіе города (С.-Петербургъ, Харьковъ, Екатеринославъ, Москву, Пермь, Вятку, Гельсингфорсъ, Красноярскъ, Саратовъ, Ауліэ-ата, Ярцевъ, Чебоксары, Варшаву, Ставрополь, Карсунъ и Измаилъ). Изъ городскихъ коммиссіонеровъ продажа изданій Общества особенно

бойко шла у А. А. Дубровина, который далъ чистаго доходу Обществу 32 р. 76 к., тогда какъ другой коммиссіонеръ—братья Башмаковы—продалъ изданій Общества за все отчетное время только на 5 р. 60 к. Отмѣчая усиливающійся изъ году въ годъ обмѣнъ изданіями съ русскими и иностранными учрежденіями и учеными обществами и усиливающуюся все болѣе и болѣе продажу изданій Общества здѣсь и въ другіе города, какъ отрадное явленіе въ жизни Общества, нельзя не коснуться здѣсь и грустнаго факта, который особенно сталъ замѣтенъ за послѣдніе 2 года: это—возростающая неаккуратность въ уплатѣ членскихъ взносовъ. Хотя въ 1883 году Совѣтомъ Общества и 1885 году Общимъ Собраніемъ и установленъ членскій взносъ въ размѣрѣ 5 руб. въ годъ и единовременный въ размѣрѣ 50 руб. взамѣнъ положеннаго § 16 устава Общества 10 руб. ежегоднаго членскаго взноса и 100 руб. единовременнаго, но это нисколько не посодѣйствовало аккуратной уплатѣ членскихъ взносовъ; не помогло этому и то обстоятельство, что для уплаты взносовъ сдѣлана разсрочка въ 2 срока: 3 руб. и 2 руб. Взносы въ 1894 году сдѣланы только 19 членами: 12 городскими и 7 иногородними, такъ что вмѣсто предположенныхъ по числу дѣйств. членовъ 465 рублей Общество получило только 95.

Подробный отчетъ о денежныхъ средствахъ Общества представляется въ слѣдующемъ порядкѣ:

Къ 1 января 1894 года оставалось:

1) %-ными бумагами	700 р.	711 р. 13 к.
2) деньгами	11 — 13 к.	

Приходъ.

Къ 1 января 1895 года вновь поступило:

I. %-въ по бумагамъ		94 р. 87 к.
II. Членскихъ взносовъ:		
1) городскихъ	60 р.	95 — »
2) иногородныхъ	35 —	
III. На охрану и ремонтъ болгарскихъ развалинъ въ 1894 г.		300 — »
IV. Отъ продажи изданій:		
1) городскимъ покупателямъ . . .	95 р. 33 к.	185 р. 50 к.
2) иногороднимъ » . . .	90 р. 17 к.	
Итого за 1894 годъ съ остаткомъ предыдущаго года		1386 р. 50 к.

Расходъ.

До 1 января 1895 года израсходовано:

I. Выдано Обществомъ жалованья:		
1) писцу за 10 мѣсяцевъ	50 р.	98 р.
2) служителю за годъ	48 р.	

II. Израсходовано Обществомъ болгарскихъ суммъ:

1) за охрану развалинъ и на ревизію ея.	129 р. 15 к.	179 р. 15 к.
2) на экскурсію члена-сотр. г. Ахмарова.	50 р.	

III. Уплачено Обществомъ:

1) въ типографію за печатаніе		307 р. 50 к.
2) за монеты для музея:		
а) 12 серебряныхъ	2 р. 20 к.	4 р. 32 к.
б) 53 мѣдныхъ	2 р. 12 к.	
3) наложеннаго платежа:		
а) за журналъ «Globus» 1891, 1892 и 1893 годовъ	11 р. 10 к.	14 р. 60 к.
б) за 1 кн. 1893 г. «Чтеній Москов. Общ. Ист. и Древн.»	3 р. 50 к.	

IV. Выдано Обществомъ праздничныхъ наградъ:

1) аудиторскимъ служителямъ	6 р.	19 р.
2) служителю Общества	5 р.	
3) типогр. разсыл. и наборщикамъ . .	8 р.	

V. Израсходовано секретаремъ Общества:

1) на канцелярскія принадлеж.	10 р. 47 к.	55 р. 59 к.
2) на освѣщеніе	3 р. 22 к.	
3) на телеграммы	3 р. 15 к.	
4) на пересылку посылокъ и писемъ (И. П. Смирновымъ 15 р. и Н. Ѳ. Катановымъ 23 р. 75 к.)	38 р. 75 к.	

Итого за 1894 г. . . 678 р. 16 к.

Къ 1 января 1895 года осталось:

1) %-ными бумагами	700 р.	708 р. 34 к.
2) деньгами	8 р. 34 к.	

1386 р. 50 к.

7 марта 1895 года, когда была произведена тщательная ревизія приходо-расходной книги Общества, оправдательныхъ документовъ его кассы и провѣрка наличныхъ суммъ, оказалось, что за время съ 1 января 1894 года по 7 марта 1895 года было: на приходѣ 1740 руб. 7 коп. (съ %-ными бумагами) и въ расходѣ 965 руб. 98 коп., въ остаткѣ-же 74 руб. 9 коп. и %-ныхъ бумагъ 700 руб. (всего въ кассѣ осталось 774 руб. 9 коп.).

Изъ этого отчета можно видѣть, что расхода за 1894 годъ было больше прихода на 2 руб. 79 коп. и что наличныхъ денегъ въ кассѣ Общества 1 января 1895 года, кромѣ запаснаго капитала, было только 8 руб. 34 коп. Конечно, можно было-бы и этому радоваться, если-бы Общество никому не

было должно. По счету типографіи Казан. Унив. отъ 21 янв. с. г. за № 79 Общество остается должнымъ типографіи 666 р. 50 коп. за печатаніе ею «Извѣстій» Общества съ 1890 года по 21 янв. 1895 года. Можно думать, что аккуратный платежъ членскихъ взносовъ можетъ погасить этотъ долгъ и новые за печатаніе «Извѣстій» не болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$—2 года.

Затѣмъ нельзя не упомянуть о дѣятельности нѣкоторыхъ членовъ Общества, которые занимались исполненіемъ разныхъ порученій. Такъ членъ—сотрудникъ Общества Гайнъ-эд-динъ Ахмаровъ лѣтомъ 1894 года совершилъ поѣздку съ археологическою цѣлью въ Спасскій и Тетюшскій уѣзды Казанской губерніи, и посѣтилъ мѣстность древняго булгарскаго города Сувáръ въ Спасскомъ у. Казан. губ. Въ эту поѣздку Г. Ахмаровымъ собрана большая коллекція предметовъ древности.—Дѣйствительные члены И. А. Ивносковъ, П. А. Пономаревъ и Н. Ѳ. Катановъ совершили поѣздку въ с. Болгары—Успенское для осмотра охраны древностей этого села и вывезли оттуда коллекцію мусульманскихъ монетъ Болгарскаго царства и Золотой Орды, часть которыхъ находится уже въ музеѣ Общества.—Дѣйствительные члены И. А. Износковъ и Н. Ѳ. Катановъ кромѣ того исполнили порученіе г. Казанскаго Губернатора, осмотрѣвши и подробно описавши 11 сент. 1894 года 220 шт. мѣдныхъ русскихъ монетъ, чеканенныхъ съ $^1/_2$ XVIII по начало XIX в. и присланныхъ Чебоксарскимъ Исправникомъ на имя г. Казанскаго Губернатора.—Дѣйствительные члены А. А. Штукенбергъ и Н. Ѳ. Катановъ осмотрѣли и описали 220 шт. мѣдныхъ русскихъ монетъ второй $^1/_2$ XVIII в. и начала XIX, присланныхъ на имя г. Казанскаго Губернатора Тетюшскимъ Исправникомъ.—Дѣйствительный членъ Д. В. Айналовъ по просьбѣ Казанской Духовной Консисторіи и порученію Общества ѣздилъ весною 1894 года въ г. Свіяжскъ, Казан. губ., осмотрѣлъ и описалъ старинную стѣнную живопись мужскаго и женскаго монастырей. Членъ—сотрудникъ А. П. Павловъ подготовилъ для музея Общества коллекцію большихъ фотографическихъ снимковъ (11) съ древняго рукописнаго Евангелія 1478 г., хранящагося въ Казанскомъ Каоедр. Соборѣ.—Дѣйствительный членъ Общества В. Д. Корсакова занималась составленіемъ описанія свитковъ и бумагъ Нижегородской Архивной Коммиссіи, присланныхъ въ Общество въ 1879 и 1880 годахъ и отосланныхъ теперь обратно въ Коммиссію.—Членъ-сотрудникъ профессоръ Е. А. Маловъ по порученію редакціонной коммиссіи разсматривалъ историческое сочиненіе И. А. Полякова «Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ», исправилъ его и далъ объ немъ свой отзывъ.—Дѣйствительный членъ Н. А. Ѳирсовъ по порученію редакціонной коммиссіи разсматривалъ большое историческое описаніе Казанскаго Спасо-Преображенскаго Монастыря, сдѣланное Е. М. Лебедевымъ, и далъ одобрительный для печатанія сочиненія отзывъ.—Дѣйствительный членъ А. И. Александровъ также по порученію редакціонной коммиссіи разсматривалъ, исправлялъ и дополнялъ представленную въ Общество И. М. Петровскимъ статью покойнаго А. И.

Соколова объ языкѣ грамотъ XVII вѣка, принадлежащихъ Обществу, и далъ отзывъ объ этомъ сочиненіи.

X. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о томъ, что журналъ Общества изо дня въ день пріобрѣтаетъ все новыхъ и новыхъ сотрудниковъ. Въ настоящее время готовятся къ печати слѣдующія сочиненія: 1) П. А. Полякова—Исламъ среди тюрковъ, монголовъ, индусовъ и китайцевъ (переводъ съ француз. яз.); 2) И. А. Износкова—Матеріалы для историко-археологическаго обозрѣнія Спасскаго уѣзда Казанской губерніи. I. Бассейнъ р. Ахтая; 3) Н. Ѳ. Катанова—О наказаніи лѣнивыхъ богомольцевъ у татаръ Восточнаго Туркестана (текстъ и рус. переводъ); 4) Е. М. Лебедева—Спасскій монастырь г. Казани (историческое описаніе); 5) В. А. Мошкова—Мелодіи оренбургскихъ и ногайскихъ татаръ (ноты, тексты и рус. переводъ); 6) В. А. Мошкова—Гагаузскія сказки о ходжѣ Насръ-эд-динѣ (текстъ и рус. переводъ); 7) Абдулъ-каюма Насырова—О памятникахъ народной литературы казан. татаръ (текстъ и рус. перев.); 8) П. А. Пономарева—О началѣ «нѣмецкаго гулянія» въ Казани; 9) Учителя Матвѣева—черемисскія загадки, собранныя въ Чебоксар. у. Казан. губ. (текстъ и рус. переводъ); 10) М. Е. Евсевьева—Мордовско-русскій словарь; 11) П. А. Пономарева—Объ открытіи Казан. Город. Публичн. Библіотеки въ 1865 году; 12) М. Е. Евсевьева—Мокшанскія пѣсни (текстъ и рус. переводъ); 13) В. П. Троицкаго—Добавленія къ черемисско-русскому словарю; 14) А. В. Смоленскаго—Чувашскія примѣты о погодѣ (текстъ и рус. переводъ); 15) В. А. Мошкова—гагаузская сказка о бе-бородомъ хитрецѣ (текстъ и рус. переводъ); 16) В. А. Мошкова—о бытѣ черемисъ—язычниковъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи и 17) Е. А. Малова—текстъ и переводъ татарской книжки آخر زمان كتابى («книга о послѣднемъ времени»); 18) А. В. Васильева—«Къ исторіи землевладѣнія въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казан. губ.».

Предсѣдатель Общества
Арх., Ист. и Этногр. Н. Оирсовъ.

Секретарь Общества Н. Катановъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ЧЛЕНА РЕВИЗІОННОЙ КОММИССІИ.

[illegible] 1895 года марта 7 дня, освидѣтельствовавши приходо-расходную книгу, оправдательные документы, процентныя бумаги и наличныя деньги, нашелъ все въ должномъ порядкѣ. При ревизіи оказалось на приходѣ одна тысяча семьсотъ сорокъ руб. семь коп. (1740 руб. 7 коп.) съ процентными бумагами, въ расходѣ девятьсотъ шестьдесятъ пять руб. девяносто восемь коп. (965 руб. 98 коп.) и въ остаткѣ наличными оказалось—семьдесятъ четыре руб. девять коп. (74 руб. 9 коп.) и процентными бумагами семьсотъ руб. (700 руб.), а всего семьсотъ семьдесятъ четыре руб. девять коп. (774 руб. 9 коп.).

Членъ ревизіонной коммиссіи
П. В. Траубенбергъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

Археологіи, Исторіи и Этнографіи

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

къ 19 марта 1895 года

съ указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста жительства.

(Звѣздочкою* отмѣчены пожизненные члены Общества).

I. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1 Аспелинъ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*

Буслаевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, академикъ (4 нояб. 1888 г.). *Москва.*

Бычковъ, Аѳанасій Ѳедоровичъ, академикъ, директоръ Императ. Публичн. библіотеки (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Бюлеръ, Ѳедоръ Андреевичъ, почетн. членъ Имп. Академіи Наукъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ (14 февр. 1888 г.). *Москва.*

5 Васильевъ, Василій Павловичъ, академикъ, заслуж. ордин. проф. С.-Петерб. унив. (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Вирховъ, Рудольфъ, проф. универс. (30 окт. 1881 г.). *Берлинъ.*

Доннеръ, Оттонъ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*

Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ унив. (16 мая 1884 г.). *Москва.*

Мещериновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Казан. Воен. Округа (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

10 Островскій, Андрей Николаевичъ, кандидатъ естеств. наукъ (16 мая 1884 г.). *Чистополь* Казан. губ.

Полтарацкій, Петръ Алексѣевичъ, Казанскій губернаторъ (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

Леонъ де Рони, сенаторъ франц. республики, председатель Париж. Этнографическаго Общества (30 окт. 1881 г.). *Парижъ.*

Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ, членъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*

Тизенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, баронъ, членъ Импер. Археологической Коммиссіи (11 апр. 1891 г.). *С.-Петербургъ.*

Штида, Людвигъ Христіановичъ, проф. унив. (27 апр. 1890 г.). *Кёнигсбергъ.*

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, членъ Окружн. Суда. (16 апр. 1879 г.). *Казань.*

Кекина, Анна Авксентьевна, потомств. поч. гражд. (27 янв. 1882 г.). *Казань.*

Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, потомств. потомст. поч. гражд. (16 мая 1881 г.). *Казань.*

Шимановскій, Митрофанъ Васильевичъ, членъ Суд. Палаты (28 сент. 1879 г.). *Одесса.*

III. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе.

Аничаловъ, Дмитрій Власьевичъ, прив.-доц. унив. (11 апр. 1891 г.).

Александровъ, Александръ Ивановичъ, проф. унив. (20 апр. 1889 г.).

Андерсонъ, Николай Ивановичъ, проф. унив. (31 окт. 1894 г.).

Архангельскій, Александръ Семеновичъ, проф. универ. (3 нояб. 1885 г.).

Ахмеровъ, Шахбазъ-Гирей Исмаиловичъ, инспекторъ татарской учительской школы (23 нояб. 1889 г.).

Буддэ, Евгеній Ѳедоровичъ, проф. универс. (членомъ-сотруд. съ 28 окт. 1893 г., дѣйствит. членомъ съ 19 февр. 1895 г.).

Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, проф. унив. (16 мая 1884 г.).

Васильевъ, Александръ Васильевичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).

Витевскій, Владиміръ Николаевичъ, преподаватель Каз. Инородч. Учит. Семинаріи (11 апр. 1879 г.).

Воронцовъ, Константинъ Ивановичъ, препод. Имп. I гимн. (27 февр. 1892 г.).

Ворченко, Иванъ Ивановичъ, кандидатъ Кіевск. унив., начальн. хозяйств. отд. Каз. Округа Пут. Сооб. (12 февр. 1894 г.).

Галкинъ-Врасскій, Николай Николаевичъ, членъ Суд. Пал. (членъ-основ.).

Горталовъ, Николай Константиновичъ, препод. Импер. I гимназ. (27 февр. 1892 г.).

Готвальдъ, Осипъ Ѳедоровичъ, библіот. унив. (членъ-основ.).

Дормидонтовъ, Григорій Оедоровичъ, проф. универ. (29 дек. 1885 г.).

Загоскинъ, Николай Павловичъ, проф. унив. (членъ-основ.).

Зарубайловъ, Василій Ивановичъ, пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.).

Износковъ, Ніодоръ Александровичъ, директ. реальн. учил. (членъ-основ.).

Катановъ, Николай Оедоровичъ, проф. унив. (членомъ-сотруд. съ 8 дек. 1884 г., дѣйствит. членомъ съ 8 апр. 1894 г.).

Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.).

Корсакова, Варвара Дмитріевна (4 нояб. 1888 г.).

Кирилловъ, Николай Яковлевичъ, препод. Родіон. Институт. (11 апр. 1891 г.).

Кротовъ, Петръ Ивановичъ, проф. унив. (10 нояб. 1881 г.).

Кукурановъ, Николай Сергѣевичъ, препод. реальн. уч. (23 нояб. 1889 г.).

Машановъ, Михаилъ Александровичъ, проф. Духовной Академіи (29 янв. 1894 г.).

Михайловъ, Митрофанъ Дмитріевичъ, гражданскій инженеръ (12 дек. 1891 г.).

Мищенко, Ѳедоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.).

Молоствовъ, Владиміръ Вадимовичъ (10 нояб. 1891 г.).

Нагуевскій, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.).

Насыровъ, Абдул-каюмъ Насыровичъ, казан. куп. (3 нояб. 1885 г.).

Образцовъ, Дмитрій Иларіевичъ (14 февр. 1888 г.).

Осокинъ, Николай Алексѣевичъ, проф. унив. (членъ-основ.).

Нельцамъ, Эммануилъ Даниловичъ (10 нояб. 1878 г.).

Пинегинъ, Михаилъ Николаевичъ, надзир. татарск. учит. школы (19 дек. 1891 г.).

Пономаревъ, Петръ Алексѣевичъ, препод. Родіон. Института (членъ-основ.).

Розенъ, баронъ, Фридрихъ Фридриховичъ, проф. универс. (членъ-основ.).

Сиклеръ, Левъ Осиповичъ, препод. Импер. I гимн. (15 дек. 1893 г.).

Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).

Смирновъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).

Смоленскій, Александръ Васильевичъ, препод. Казан. Инор одч. учит. Семинар. (19 февр. 1895 г.).

Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казн. унив. (16 мая 1884 г.).

Сорокинъ, Николай Васильевичъ, проф. унив. (членъ-основ.).

Стратонитскій, Леонидъ Андреевичъ, препод. 2-й гимназ. (19 февр. 1895 г.).

Толмачевъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.)

Траубенбергъ, Петръ Викторовичъ, препод. татар. учит. школы. (27 февр. 1887 г.).

Хрщановичъ, Левъ Казимировичъ, губерн. инж. (29 дек. 1885 г.)

Штеръ, Георгій Карловичъ, проф. унив. (12 дек. 1891 г.).

Штукенбергъ, Александръ Антоновичъ, проф. унив. (членъ-основ.).

Энгель, Эдуардъ Эдуардовичъ, казан. купецъ (31 окт. 1894 г.).

50* Юшковъ, Николай Ѳирсовичъ, (членъ-основ.).

*Ярыгинъ, Иванъ Александровичъ, чиновн. отд. госуд. банка (19 марта 1881 года.).

Ѳирсовъ, Николай Алексѣевичъ, заслуж. орд. проф. университ. (членъ-основ.).

Ѳирсовъ, Николай Николаевичъ, прив-доц. унив. (8 марта 1891 г.).

б) Иногородніе.

Аничковъ, Иванъ Васильевичъ, мировой судья (31 окт. 1894 г.). Г. *Аулія-Ата* Сыръ-дарьин. обл.

55 Буличъ, Николай Никитичъ, тайн. сов. (членъ-основ.). *Спасскъ* Казанской губ.

Вахромѣевъ, Иванъ Александровичъ (14 февр. 1888 г.). *Ярославль.*

Владиміровъ, Петръ Владиміровичъ, проф. Кіевск. унив. (членъ-основ.). *Кіевъ.*

Гавенвинкель, Константинъ Борисовичъ, членъ Окруж. Суда (19 дек. 1891 г.). *Екатеринбургъ.*

Зайцевъ, Алексѣй Михайловичъ, проф. Томск. унив. (3 нояб. 1885 г.). *Томскъ.*

60 Измайловъ, Александръ Силовичъ, магистръ ветер. наукъ. (членъ-основ.). *С.-Петербургъ.*

Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. Нѣжин. института (17 дек. 1886 г.). *Нѣжинъ* Черниг. губ.

Кедровъ, Сергѣй Ивановичъ, препод. духов. семинаріи (13 ноября 1892 г.). *Саратовъ.*

Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, проф. Новорос. унив. (3 мая 1886 г.). *Одесса.*

Кремлевъ, Николай Александровичъ, заслуж. орд. проф. (17 дек. 1886 г.). *С.Петербургъ.*

65 Кузнецовъ, Евгеній Васильевичъ, редакторъ неоффиц. части Тоб. Губ. Вѣд. (21 дек. 1892 г.). *Тобольскъ.*

Кулагинъ, Александръ Корниловичъ, инспек. реальн. уч. (12 дек. 1891 г.). *Вольскъ* Саратов. губ.

Латышевъ, Василій Васильевичъ, академикъ (8 марта 1891 г.). *С.-Петербургъ.*

Магницкій, Василій Константиновичъ, отставной стат. сов. (3 нояб. 1885 г.). *С. Шуматово* Ядринск. у. Каз. губ.

Мавунинъ, Николай Михайловичъ, землемѣръ (29 сен. 1889 г.). *Глазовъ* Вятск. губ.

70 Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, академикъ (27 янв. 1879 г.). *С.-Петербургъ.*

Можаровскій, Александръ Оедоровичъ, инспекторъ народ. учил. (1 сент. 1878 г.). *Вольскъ* Саратов. губ.

Можаровскій, Аполлонъ Оедоровичъ, препод. духовн. семинаріи (4 сент. 1878 г.). *Нижній-Новгородъ.*

Мошковъ, Валентинъ Александровичъ, подполковникъ (22 дек. 1892 г.). *Варшава.*

Никаноръ, епископъ Архангельскій и Холмогорскій (13 апр. 1893 г.). *Архангельскъ.*

75 Овсянико-Куликовскій, Дмитрій Николаевичъ, проф. унив. (14 февр. 1888 г.). *Харьковъ.*

Пантусовъ, Николай Николаевичъ, правит. канцеляр. Семирѣч. воен. губернатора (3 мая 1886 г.). *Вѣрный* Семирѣч. обл.

Петровъ, Александръ Александровичъ, препод. промышленнаго училищ. (22 дек. 1889 г.). *Красноуфимскъ* Пермск. губ.

*Поливановъ, Владиміръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ двора Е. И. В. (членъ-основ.). *Ст. Водарацкая* Карсун. у. Симбирск. г.).

Путиловъ, Александръ Аристарховичъ, землевл. Самар. губ. (27 янв. 1879 г.). *Самара.*

80 Радловъ, Василій Васильевичъ, академикъ (членъ-основ.). *С.-Петербургъ.*

Рамбо, Альфредъ, докторъ русск. истор., проф. слов. факульт. въ Парижѣ (членъ-основ.). *Парижъ.*

Сверчковъ, Николай Дмитріевичъ, уѣздн. препод. дворян. (27 янв. 1879 г.). *Тетюши* Каз. губ.

Спасскій, Николай Александровичъ, секрет. губ. стат. комит. (22 дек. 1889 г.). *Вятка.*

Тиле З. З., земскій начальникъ (12 февр. 1894 г.). *Чебоксары* Каз. г.

85 *Тимаевъ, Евгеній Матвѣевичъ, драгоманъ Азіат. департ. Мин. Иностр. Дѣлъ (членъ-основ.). *С.-Петербургъ.*

Титовъ, Андрей Александровичъ, потомст. поч. гражд. (27 февр. 1887 г.). *Ростовъ* Ярослав. губ.

Толстой, Александръ Васильевичъ, землевл. Саратов. губ. (27 апр. 1890 г.). *Сызрань* Симб. губ.

Трубниковъ, Юрій Владиміровичъ, землевл. Казан. губ. (25 окт. 1885 г.). *Спасскъ* Каз. губ.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, членъ Моск. Арх. Общ. (17 дек. 1886 г.). *Москва.*

90 *Чекалинъ, Оедоръ Оедоровичъ, предсѣд. мироваго съѣзда (29 дек. 1882 г.). *Кузнецкъ* Саратов. губ.

Шишкинъ, Оедоръ Ростиславовичъ (29 дек. 1895 г.). *Тетюши* Каз. губ.

Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ. директоръ Демидовск. лицея (членъ-основ.). *Ярославль.*

Якоби, Павелъ Ивановичъ, директ. Моск. Земск. Лѣчебн. для душевно-больныхъ (13 нояб. 1893 г.). *Москва.*

IV. ЧЛЕНЫ СОТРУДНИКИ.

а) Городскіе.

Вагинъ, Петръ Константиновичъ, препод. 3-й гимн. (15 дек. 1879 г.).
Геркенъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).
Ивановъ, Александръ Павловичъ, препод. Ксеніин. гимн. (25 дек. 1878 г.).
Канонниковъ, Иннокентій Ивановичъ, проф. унив. (28 апр. 1881 г.).
Кобаевъ-Евсевьевъ, Макаръ Евсевьевичъ, учит. Каз. Инородч. учительской семинаріи (3 апр. 1889 г.).
Кунгурцевъ, Ипполитъ Семеновичъ, препод. реальн. уч. (31 янв. 1890 г.).
Любимовъ, Николай Александровичъ, священ. церкви при Александровск. больницѣ (8 марта 1880 г.).
Люстрицкій, Викторъ Ѳедоровичъ, инспекторъ народ. училищъ (16 окт. 1882 г.).
Маловъ, Ефимій Александровичъ, прот., проф. Духовн. Академіи (12 апр. 1884 г.).
Нелидова, Раиса Александровна, препод. Маріин. гимн. (16 марта 1890 г.).
Никитскій, Александръ Васильевичъ, фотографъ (19 мар. 1892 г.).
Павловъ, Алексѣй Павловичъ, подполковникъ и ротн. командъ. Каз. юнкер. учил. (25 сент. 1894 г.).
Пашковскій, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, преподав. реальн. уч. (22 нояб. 1880 г.).
Піотровскій, Александръ Іосифовичъ, художникъ (25 сент. 1894 г.).
Семеновъ, Тимофей Семеновичъ, свящ. (3 апр. 1889 г.).
Смирновъ, Сергѣй Михайловичъ, пом. библіот. университ. (2 мая 1890 г.).
Софоновъ, Константинъ Трифоновичъ, фотог. (2 мая 1890 г.).
Стефановичъ, Яковъ Аполлоновичъ, преподав. образц. училища при Учил. Институт. (3 окт. 1892 г.).
Суринъ, Ѳедоръ Осиповичъ, подполк. артиллеріи (18 дек. 1880 г.).
Щербаковъ, Арсеній Яковлевичъ, проф. унив. (28 апр. 1882 г.).
Эрахтинъ, Алексѣй Петровичъ, секрет. Окружн. Суда (29 дек. 1885 г.).
Яковлевъ, Трофимъ Степановичъ, служ. Контрольн. Пал. (19 марта 1885 г.).

б) Иногородніе.

Аптіевъ, Гавріилъ Андреевичъ, учит. (19 нояб. 1889 г.) *Дер. Варяшъ* Бирск. уѣзда Уфимской губ.
Аристовъ, Михаилъ Николаевичъ, мировой судья (22 марта 1879 г.). *Чистополь* Каз. губ.

Архангельскій, Иванъ Васильевичъ, штатн. смотр. Тетюшск. уѣзднаго учил. (17 декаб. 1886 г.). *Тетюши* Каз. губ.

Ахмаровъ, Гайнуд'динъ, учит. татар. училища (19 сент. 1893 г.). *Тетюши* Каз. губ.

Балабановъ, Иванъ Петровичъ, редакторъ «Саратов. губерн.Вѣд.». (4 окт. 1880 г.). *Саратовъ*.

Бетьковскій, Василій Ефимовичъ, священ. (1 янв 1880 г.). *С. Кую-ки* Лаишев. у. Казан. губ.

Вакуловскій, Николай Николаевичъ (27 янв. 1882 г.). *С.-Петербургъ*.

Васильевъ, Георгій Васильевичъ, учит. (10 мая 1887 г.). *С. Бичурино* Чебокс. у. Казан. губ.

Веселицкій, Владиміръ Ивановичъ, свящ. (8 сент. 1889 г.). *С. Бо-городское* Казан. губ.

Вихманъ, Георгъ, проф. Гельсинг. унив. (15 окт. 1891 г.). *Гельсингфорсъ*.

Гейкель, Аксель Олай, проф. унив. (30 сент. 1884 г.). *Гельсингфорсъ*.

Дмитріевъ, Александръ Алексѣевичъ, инспект. народ. учил. (3 нояб. 1885 г.). *Пермь*.

Дмитріевскій, Николай Ивановичъ, учит. (22 нояб. 1891 г.). *Чистополь* Казан. губ.

Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ (19 марта 1890 г.). *Тамбовъ*.

Дьяконовъ, Павелъ Ивановичъ, свящ. (22 сент. 1879 г.). *С. Можарово* Тетюш. у. Казан. губ.

Жизневскій, Августъ Казиміровичъ, предсѣд. архив. коммис. (19 марта 1890 г.). *Тверь*.

Зайцевъ, Иванъ Яковлевичъ, учит. (30 сентября 1884 г.). *С. Большая Тояба* Тетюш. у. Казан. губ.

Иваницкій, Тарасій Александровичъ, учитель (28 августа 1894 г.). *С. Кахи* Закатальскаго округа.

Извощиковъ, Михаилъ Ивановичъ, полиц. урядникъ (8 нояб. 1879 г.). *С. Новодѣвичье* Сенгилеев. у. Симб. губ.

Ильченко, Дмитрій Васильевичъ, директоръ народ. учил. (28 апр. 1882 г.). *Тамбовъ*.

Каратаевъ, Бахитъ-джанъ Джинеевичъ, помощ. миров. судьи (30 сент. 1885 г.) *С. Ново-Сенаки* Кутаисск. губ.

Кувшиновъ, Степанъ Кировичъ, библіот. унив. (дѣйств. чл. съ 25 окт. 1884 г., чл.-сотруд. съ 14 янв. 1895 г.). *Томскъ*.

Лихачевъ, Николай Петровичъ, проф. Археол. Институт. (22 апр. 1881 г.). *С.-Петербургъ*.

Логачевъ, учит. (1 нояб. 1890 г.). С. *Йогва* Соликам. у. Пермск. губ.

Маліевъ, Николай Михайловичъ, проф. унив. (8 нояб. 1879 г.). *Томскъ*.

Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, проф. унив. (27 окт. 1888 г.). *Юрьевъ*.

Мелетій, Епископъ Якутскій и Вилюйскій (20 іюля 1878 г.). *Якутскъ.*

Наливкинъ, Владиміръ Петровичъ, препод. учит. семинар. (5 февр. 1888 г.). *Ташкентъ* Сыръ-дар. обл.

Нохратскій, Василій Михайловичъ, учитель (22 нояб. 1880 г.). *Чистоп.* у. Казан. губ.

Остроумовъ, Николай Петровичъ, директ. гимназ. (8 мар. 1880 г.). *Ташкентъ* Сыръ-Дар. обл.

Пасынковъ, Павелъ Петровичъ, помощ. исправ. (28 сент. 1889 г.). *Вятка.*

Пироговъ. П. Г. правит. дѣлъ арх. комм. (19 марта 1892 г.). *Рязань.*

Потанинъ, Григорій Николаевичъ, (17 дек. 1880 г.). *С.-Петербургъ.*

Радаковъ Александръ Николаевичъ (28 сент. 1879 г.). *Вятка.*

Рейнгольмъ, художникъ (30 сент. 1881 г.). *Гельсингфорсъ.*

Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, инспект. город. учил. (19 окт. 1882 г.). *Козмодемьянскъ* Каз губ.

Сабуровъ, Василій Васильевичъ, землевл. Пензен. губ. (22 мар. 1879 г.). *Пенза.*

Семеновъ, Александръ Ѳедоровичъ, препод. реальн. учил. (3 февр. 1883 г.). *Владикавказъ.*

Спицынъ, Александръ Андреевичъ, членъ Имп. Арх. Комм. (4 нояб. 1881 г.). *С.-Петербургъ.*

Троицкая, Надежда Васильевна, учит. (1 нояб. 1890 г.). *С. Нурма* Царевококш. у. Казан. губ.

Хорошевъ, учит. (1 нояб. 1890 г.). *С. Ошиба* Соликам. у. Перм. г.

Шляковъ, И. А. членъ музея. (19 марта 1892 г.). *Ростовъ.*

Списокъ должностныхъ лицъ Общества.

Предсѣдатель Общества Николай Алексѣевичъ Ѳирсовъ (Ново-горшечная улица, домъ Флейштейна).

Товарищъ Предсѣдателя Иліодоръ Александровичъ Износковъ (Реальное Училище).

Секретарь Общества Николай Ѳедоровичъ Катановъ (2 Солдатская ул., д. 8).

Казначей Общества Александръ Титовичъ Соловьевъ (Типографія Университета).

Завѣдывающій музеемъ Общества Александръ Антоновичъ Штукенбергъ (Верхне-федоровская ул., д. Остовскаго).

Завѣдывающій библіотекой Общества Иванъ Николаевичъ Смирновъ (Малая Казанская, соб. домъ).

Завѣдывающій архивомъ Общества Александръ Ивановичъ Александровъ (Покровская ул., д. Адоратскаго).

Редакціонная коммиссія Общества: И. Н. Смирновъ (М. Казанская, соб. домъ), Ѳ. Г. Мищенко (Односторонка Красной ул., д. Болгарскаго) и П. Ѳ. Катановъ (2 Солдат. ул., д. 8).

Въ 1895 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ къ концу января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, Н. Н. Бакай (Красноярскъ), проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклундъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. И. Воронцевъ, К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), Д. А. Кочневъ, А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Е. Ф. Литинскій (Самаркандъ), Н. М. Мартьяновъ (Минусинскъ), П. Медоксъ, В. А. Мошковъ (Варшава), епископъ Никаноръ (Архангельскъ), Ц. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), Н. З. Тиховъ, В. М. Терехинъ (Пенза), Ц. В. Трауберсбергъ, П. О. Чупинъ (Барнаулъ), проф. А. А. Шахматовъ, проф. Н. А. Ѳирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Одной изъ основныхъ задачъ «Извѣстій» является всестороннее изученіе Урало-Алтайскаго міра. Для посильнаго осуществленія этой задачи редакція «Извѣстій» считаетъ необходимымъ держать своихъ читателей au courant всего, что является новаго въ этой области знанія, и пріобрѣла корреспондентовъ въ Гельсингфорсѣ, Буда-Пештѣ и Упсалѣ для отчетовъ о новостяхъ финнской, венгерской и скандинавской литературъ.

Въ видѣ приложеній къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься:

Матеріалы для этнографіи Поволжья. «Мордовско-русскій словарь» и «Мокшанскія пѣсни» М. Е. Евсевьева.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

2479

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts
1995